

Анастасия Трусс

Таня
На осколках
души

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Что делать, когда теряешь всё? Что делать, когда внезапно, в мгновение ока, вся твоя жизнь полностью разрушена? Когда ты остаёшься совсем одна... Выживать. Милена, потеряв всех своих друзей и своего возлюбленного, оказывается в чужом для неё мире. В мире, где жестокость, похоть и насилие возведены в совершеннейший абсолют. Где нет места жалости и состраданию. В мире, где нет места свету. Сможет ли полукровка с человеческой душой стать здесь своей? Сможет ли она стать такой же — жестокой, беспощадной? Забыть о человеческих принципах, морали и нравственности? Или же она так и останется просто игрушкой в руках властелинов этого мира?

Предупреждение: специфические эротические сцены, сцены группового секса и иногда сцены пыток.

Глава 1

Владыка Ада — Люцифер — находился в библиотеке своего дворца, изучая древние трактаты, надеясь найти в них ответ о том, как смогла Адалисса переродиться в чужом теле. Но, ответа он не находил. По всему выходило, что это — невозможно. Не было ни одного способа совершить подобное. По крайней мере, он не был известен ни демонам, ни ангелам, ни драконам.

«Что же ты сделала, Адалисса? Как ты смогла вернуться? И, самое главное, для чего?».

— Ты хотел встретиться со мной, Люцифер? — зашёл к повелителю Ада Ферокс.

— Да. Мне нужно с тобой кое-что обсудить, — сказал Люцифер, откладывая записи в сторону, приглашая дракона сесть.

— Я думал, что мы с тобой уже всё обсудили. Союз между нами заключён, Милена у меня и она станет правительницей Зиградена, — ответил Ферокс, садясь в предложенное кресло.

— Появились новые обстоятельства. Милена ждёт ребёнка.

— С чего ты взял? Да и... не слишком ли быстро? Я с ней переспал всего один раз.

— Отец ребёнка не ты, а Кайома Макфей — человек, которого ты убил.

— А, вот что, — Ферокс, сразу же, потерял интерес к этому разговору. — Тогда этот ребёнок мне без надобности. Я избавлюсь от него.

— Не советую тебе этого делать.

— Почему? — удивлённо спросил повелитель мира драконов. — Зачем мне ребёнок человека?

— Он нужен не тебе, а Милене. Ты, ведь, не знал, что после того, как ты с ней развлёкся, она пыталась покончить с собой?

— Что за бред?

— Мне об этом сказала сама Милена. Точнее, та сущность, что живёт внутри неё — Адалисса, — ответил Люцифер, рассказывая Фероксу, если и не всё об Адалиссе, то многое.

— То есть, ты утверждаешь, что в теле Милены живёт ещё одна сущность? — недоверчиво произнёс Ферокс. — И эта сущность — Адалисса?

— Я сам, в начале, не поверил. Но, она знала то, что могла знать, лишь, Адалисса. Она мне и сказала о том, что Милена пыталась совершить самоубийство и о том, чем может грозить убийство ребёнка этого... Кайомы Макфея.

— Интересно, и чем же это грозит?

— Думаю, Милена не оставит попыток уйти из жизни. Ты можешь сковать её по рукам и ногам, Ферокс, и тогда она не сможет этого сделать, но... Милена теперь правительница Зиградена и даже тебе нельзя полностью лишать её свободы.

— И что ты мне предлагаешь, Люцифер? — раздражённо спросил дракон. — Начнём с того, что я не собираюсь допускать ни Милену, ни её родственников, к управлению Зиграденом. Ты и сам понимаешь, что, вместе с Миленой, ты отдал мне и город. Но... постоянные попытки самоубийства мне тоже ни к чему.

— Тогда ты должен позволить Милене оставить этого ребёнка. Девять месяцев или даже много лет для тебя, всё равно, ничего не значат и Милена от тебя никуда не денется.

— Даже если я так и сделаю, этот слабый человеческий ребёнок долго не проживёт, — фыркнул Ферокс. — Что твой мир, что мой — не место для него. Рано или поздно, но кто-

нибудь его убьёт.

— Это уже не твои проблемы. После его рождения, пусть его защитой занимается его мать — Милена. И у меня к тебе ещё один разговор. Я хочу Милену себе, в качестве любовницы.

— А вот это уже наглость, Люцифер! — зарычал дракон. — Ты сам отдал её мне и получил за это всё, что хотел!

— Я же не собираюсь у тебя её забирать, Ферокс. И дети от неё мне, тем более, не нужны. Мне просто хочется, чтобы Милена, время от времени, согревала мою постель.

— С чего это, вдруг, у тебя появилось такое желание? Когда мы говорили ей о нашем договоре, мне показалось, что ты к ней ничего не испытываешь. Что поменялось?

— Ничего не поменялось. Мне не интересна сама Милена. Меня интересует Адалисса.

— Но, спать-то ты, всё равно, будешь с Миленой, а не с Адалиссой, — возразил повелитель мира драконов.

— И что? — равнодушно ответил Люцифер. — У Милены и Адалиссы одно лицо. Мне этого достаточно.

— Собираешься трахать Милену, представляя на её месте свою Адалиссу? — усмехнулся дракон, уже без злости в голосе. — Люди бы назвали это — маниакальный синдром. Но, я не человек и мне плевать на твои странности. Значит, ты предлагаешь, чтобы мы с тобой оба владели Миленой? Не думаю, что она будет этому рада.

— Как будто тебе есть дело до того, что она думает. Тем более что она, можно сказать, уже согласилась на это. Дело только за тобой. Конечно, я знаю, что просто так ты на это не пойдёшь. Чего ты хочешь, Ферокс?

— Заключим ещё одну сделку, да? Хорошо, согласен. Я хочу от тебя... Хм, дай-ка подумать. Как насчёт того, чтобы отдать мне демона Валериуса? — предложил Ферокс.

— Зачем он тебе? Несмотря на его колоссальный размер и силу, мозгов у него нет. Он простые предложения-то с трудом произносит.

— Его можно использовать, как сторожевую собаку. Приказы-то он понимает?

— Самые простые.

— Мне этого достаточно. И, кроме того, этот демон — сын Азазеля, верно?

— Так вот, в чём главная причина! — рассмеялся повелитель Ада. — Ты, до сих пор, зол на Азазеля?

— Я никогда и ничего не забываю, — сказал Ферокс. — И, по возможности, я мщу. И сегодня у меня такая возможность появилась. Я посажу его сына на цепь, у своего дворца и пусть папаша на него любитесь! Так что, отдашь мне его?

— Забирай, — кивнул Люцифер. — Хотя, я и не думал, что ты помнишь оскорбление, которое тебе нанесли больше тридцати тысяч лет назад, когда ты ещё и повелителем не был.

— Ха, кто бы говорил! — хохотнул мужчина. — Ты, в годы войны между Небесами и Адом, как я знаю, лично убил ангела, который когда-то, когда ты сам ещё был ангелом, просто не выказал тебе должного уважения, не поздоровавшись! Кстати, что будем делать, если Милена, всё-таки, даже с тем, что я позволю ей сохранить ребёнка, не оставит попыток уйти из жизни? Женщины — существа непредсказуемые.

— У меня уже есть решение этой проблемы. И оно тебе понравится.

Я проснулась рано. Небо в мире драконов только-только начинало светлеть. Я села на кровати и огляделась. Рейф ещё спал, развалившись рядом со мной. Ферокса не было.

«Странно, — подумала я. — Вроде он, когда уходил, говорил, что уйдёт только на пару часов».

После этой мысли, я, сразу же, вспомнила все события прошлого дня. Смерть Кая, Данте, Дэма... изнасилование, разговор с Адалиссой, ребёнок и решение согласиться стать любовницей Люцифера... Я хотела забыться. Даже не забыться, а стереть свою память, как когда-то. Но, я понимала, что это теперь невозможно.

— Проснулась? — произнёс Рейф, открывая глаза. — Больше не тянет, надеюсь, бежать к балкону и бросаться с него?

— Нет, не тянет. Хотя, вру. Тянет и ещё как. Но, я не имею на это право.

— Почему?

— Ребёнок, — коротко ответила я. — Ребёнок Кая.

— Откуда ты...

— Адалисса сказала и у меня нет причин её не верить. Блэк! — слабо улыбнулась я (надо же, я ещё могла улыбаться), увидев салера, прошедшего в комнату, сквозь стену.

Блэк забрался ко мне на колени и уютно там устроился.

— А где, кстати, Лекс? — спросила я Рейфа, поглаживая демона у себя на коленях.

— В мире людей.

— Как он туда попал? — удивилась я. — И как он попадёт назад — в мир драконов? Ведь, сюда нас провела Альма.

— Похоже, что он выпил столько демонической крови за свою жизнь, что порталы, ориентированные на демонов, принимают его за своего. Правда, почему с драконьими также — не знаю. Но, он мне сказал, что, отнюдь, не в первый раз шатается между мирами.

— А как его демоны-то, вообще, пускают? Он же ерат! Тот, кто пьёт их кровь!

— Чего не знаю, того не знаю. А в мир людей он пошёл, чтобы выяснить, что же случилось с твоими подружками.

— Подружками? Значит я уничтожил не всех твоих друзей, котёнок? — зашёл Ферокс.

— Если с ними всё в порядке... если с ними всё в порядке, пожалуйста, Ферокс, не трогай, хотя бы, их! — взмолилась я. — Если они живы я, ведь, всё равно, больше их никогда не увижу!

— И ты не будешь искать с ними встречи? — поинтересовался Ферокс.

— Не буду! Я забуду о них навсегда! Я сделаю всё, что ты захочешь, но пусть они будут живы!

— Интересно, я если бы я поставил тебя перед выбором — жизнь твоего, ещё не рождённого, ребёнка или жизнь двух твоих подруг? Кого бы ты выбрала? Не смотри на меня так испуганно! — мужчина рассмеялся. — Я не собираюсь заставлять тебя делать такой выбор. Я не трону твоих друзей, причём, без всяких условий.

— И в чём подвох? — спросила я.

— Ни в чём. Могу я, иногда, сделать что-то хорошее для своей жены? Ну, как ты понимаешь, Люцифер рассказал мне о ребёнке твоего ненаглядного Кая.

— И? Ты оставишь его в живых? — от ответа на этот вопрос зависела, без преувеличения, вся моя жизнь.

— Оставлю. И плату за это... небольшое неудобство, я у повелителя Ада уже получил. Кстати, он мне рассказал и об Адалиссе и о том, что она согласилась на то, чтобы ты стала любовницей Люцифера.

— Ты против?

— Нет. Я согласен делить тебя с ним (разумеется, с учётом того, что у тебя не будет от него детей), но... Об этом разговор будет позже. Через два часа я представлю тебя твоему народу, как свою жену. Сейчас придут слуги и приготовят тебя.

— А как это, вообще, будет проходить?

— На месте увидишь, — ответил Ферокс и вышел.

— Меня просто проигнорировали, да? — задумчиво произнёс Рейф.

— А ты бы хотел, чтобы было наоборот? Сомневаюсь. Скажи спасибо, что он на тебя внимания не обратил.

— Ну, он бы, всё равно, меня не убил. Ты же ему нужна.

— Я ему нужна просто, как инкубатор, — равнодушным тоном сказала я. — Только это меня и спасает.

Пришли слуги, которые должны были приготовить меня к этой второй, за мою жизнь, церемонии. Меня одели, привели в порядок мои волосы, надели на голову небольшую диадему...

— А на этой церемонии мне никакую корону одевать будут не должны? — поинтересовалась я, после последнего действия слуг.

— Мы не знаем, — переглянулись они. — Нам только приказано одеть вас, госпожа, и всё.

Больше никаких вопросов я задавать не стала. Я стала думать о том, что ожидает меня теперь. Я прекрасно понимала, что, скорее всего, мир людей для меня теперь закрыт навсегда. Даже если Николь и Лави живы, я никогда не смогу их увидеть. И для них это к лучшему. Кроме того, я не представляла, как смогу посмотреть им в глаза после того, как из-за меня была уничтожена «Шисуна» и, наверняка, погибло много их друзей. Если бы не мой ребёнок, я бы, вообще, не понимала, как существовать дальше. Но, ради него я готова была вынести всё. Но, когда-нибудь, при малейшей возможности, я знала, что отомщу тем, кто разрушил мою жизнь.

«Неважно — сколько сотен или тысяч лет пройдёт, прежде чем это случится, я отомщу. Всем! Демонам, драконам... А пока, я буду делать всё, чтобы никто и пальцем не смог тронуть моего ребёнка. Теперь, в нём вся моя жизнь».

— Госпожа, вам пора идти, — вырвал меня из моих мыслей голос одного из прислужников. — Мы проводим вас.

— Хорошо. Вы, двое, — обратилась я к Блэку и Рейфу. — Остаётесь здесь и никуда не выходите. Потом решим, что с вами делать.

— А если нас станут отсюда выгонять? — поинтересовался Рейф. — Это же спальня повелителя драконов.

— Скажете, что ваше присутствие здесь — мой прямой приказ. Со всеми вопросами пусть обращаются лично ко мне.

Я не знала, могу ли я отдавать какие-то приказы до церемонии и смогу ли, вообще, отдавать их после. Но, мне нужны были Рейф и Блэк. Да и двое слуг, вроде, ничего не сказали по поводу того, что я начала приказывать.

Меня проводили в тронный зал дворца, очень напоминающего тронный зал Люцифера. За исключением того, что здесь повсюду были изображения драконов и, большей частью, обстановка была в чёрных, кроваво-красных и золотых тонах.

«Как и моё платье, — подумала я. — Скорее всего, эти три цвета символизируют рода богов-драконов — чёрных, красных и золотых».

Вопреки моему ожиданию, народу было немного. Гораздо меньше, чем на церемонии в Зиградене. Всего, где-то человек (то есть, драконов) пятьдесят. В центре зала находилось возвышение, где находились четыре трона. Два — самые высокие и два, которые располагались более низко. На самом высоком сидел Ферокс. Место рядом с ним пустовало. А на двух других сидели двое мужчин. У одного была очень бледная кожа и серебристо-пепельный цвет волос. Золотые глаза. Выражение лица было холодно-отстраненное. Вторым был высоким, с красивым накаченным телом. Смуглая кожа. Длинные волосы цвета крови и такого же цвета глаза. Разглядывал он меня без всякого стеснения или отстранённости, как у первого. Смотрел как-то даже нагло и высокомерно.

— Это — главы родов богов-драконов, — услышала я у себя в голове голос Адалиссы. — Думаю, тебе не нужно объяснять — кто из них правит красными драконами, а кто золотыми. Но, насчёт этих двоих... Будь с ними осторожна и смотри — не поранься при них, когда будешь без Ферокса.

— Это ты к чему? — не поняла я.

— А ты забыла, как Ферокс отреагировал на вкус твоей крови? Он успокоился тогда только потому, что и так знал, что ты от него никуда не денешься. Запах крови женщины — потомка бога-дракона — сведёт драконов-мужчин с ума. Они не смогут сдержаться. Это просто инстинкт.

— И... и что тогда будет, когда они не сдержатся? — мысленно спросила я.

— Есть три варианта. Первый и самый, наверное, желанный для тебя — это они переубивают друг друга, как соперников. Вторым — один убьёт другого, а победитель овладеет тобой. Ну, а третий — они не будут сражаться между собой, и ты узнаешь всю прелесть ночи с двумя богами-драконами.

— А... словами на них никак нельзя будет воздействовать?

— Они не будут слышать слов, Милена. Как только они учуют твою кровь, им крышу снесёт. Поэтому, я и говорю, что рядом с тобой должен быть Ферокс. Мало ли, где ты умудришься хоть чуть-чуть поцарапаться. А страх перед повелителем пересилит желание овладеть тобой. Так как, своим, пусть и затуманенным, разумом они будут понимать, что ты принадлежишь тому, кто сильнее их. По крайней мере, это поможет на ранней стадии, пока всё не зашло слишком далеко. Если же Ферокса не будет в самом начале, а он объявится тогда, когда тебя уже, например, будут раздевать, то твоему муженьку придётся оттащить этих драконов от тебя силой и, либо запереть где-нибудь, чтобы они не смогли выбраться и добраться до тебя, либо убить. По-другому их будет уже не остановить.

— И что, моя кровь будет так действовать на любого бога-дракона?!

— Почему же? Нет. Твоя кровь так будет действовать, вообще, на любого дракона, неважно — бог он или нет. Хотя, у слабых драконов её запах, скорее всего, вызовет желание подчиниться, а не что-то другое.

— Милена Кавэлли, подойди ко мне, — услышала я Ферокса.

Ох, как же я его ненавидела! Ненавидела за то, что он отнял у меня всё, что было. За то, что он отнял у меня Кая. За то, что он никого не пожалел и безжалостно убил всех, кого нашёл. За то, что сегодня ночью он просто воспользовался моим телом. Я ненавидела Ферокса даже за то, что он называл меня «котёнком»! Но теперь, от того, кого я так люто ненавидела, зависела не только моя жизнь, но и жизнь моего ребёнка. И я вынуждена стать его женой, а потом, впоследствии, я должна буду родить ему наследника. Напоминает сюжет какой-то мыльной оперы, не так ли? Только есть одно отличие — в мыльных операх всех

всегда ждёт счастливый конец. А в моём случае? А в моём случае, надежда на счастливый конец скончалась, ещё даже не появившись.

Как бы там ни было, но я пошла к Фероксу.

— Сядь рядом со мной, Милена, на подходящее тебе место, — кивком головы указал повелитель мира драконов на трон рядом с ним.

Я села. Как только я это сделала, Ферокс обратился к собравшимся:

— Всем, собравшимся здесь, я представляю свою жену — Милену Кавэлли — вашу повелительницу и мать вашего следующего повелителя. С этого момента, её слова — мои слова. Её приказы — мои приказы. Её гнев — мой гнев. Её печаль — моя печаль. Склонитесь же перед ней, в знак вашего подчинения и уважения.

После его слов, все, как один, встали на колени. Двое же богов-драконов только встали со своих тронов и склонили головы.

«Моя печаль — твоя печаль? — тем временем, со злостью, подумала я. — Ох, насмешил, Ферокс! Тебя нисколько не волнует, что я чувствую! И уж, тем более, ты не обратишь никакого внимания, если я буду чем-то опечалена! Хотя, может, и обратишь. Ради того, чтобы поиздеваться!».

— А теперь, в знак того, что Милена Кавэлли принадлежит этому миру, будет проведён ритуал смешения крови, — продолжал Ферокс.

«Какой ещё ритуал смешения крови? — напряглась я. — Мне уже одно его название не нравится!».

Но, вслух спросить я не рискнула. Либо сами объяснят, либо сама всё пойму. Если же нет — это будет вина Ферокса, который не стал мне ничего рассказывать.

Тем временем, в центр зала поставили небольшой столик, на котором стоял золотой кубок, а рядом с ним лежал кинжал. Кубок был пуст. К нему подошли глава золотых богов-драконов и глава красных богов-драконов. Оба, по очереди, взяли кинжал, сделали надрез на запястье и их кровь потекла в этот самый кубок.

«Только не говорите мне, что я должна...» — неприятная догадка заставила меня шёпотом спросить Ферокса:

— Я что, должна буду это выпить?

— Да, — спокойно ответил, уже теперь, мой муж, в отличие от меня, не понижая голос. — Это и есть ритуал смешения крови. Кровь чёрных богов-драконов в тебе есть по рождению, а кровь двух других великих повелителей драконов — нет. Поэтому, чтобы тебя признали в моём мире, твоя кровь должна смешаться со всеми богами-драконами.

— И ты тоже это делал в тот день, когда стал повелителем? — поинтересовалась я, уже вслух.

— Нет. Я — чистокровный бог-дракон. Кроме того, мне с рождения было уготовано стать повелителем. Мне никакое признание не требовалось.

— Я не хочу этого делать, — сказала я, слегка дрогнувшим голосом.

Я уже привыкла к тому, что кто-то пьёт мою кровь. Для меня это становилось обыденным делом, но... Совсем другое дело — это самой пить чью-то кровь. Это — отвратительно! Я же не вампир какой-нибудь!

— Если ты этого не сделаешь, то ты не будешь признана моей женой. Соответственно, наш договор с Люцифером аннулируется и тогда я не стану защищать ребёнка того человека, которого я убил, — сказал Ферокс. — Более того, я сам убью это человеческое отродье, которое только начало расти внутри тебя. Ты этого хочешь?

— Нет, — вздохнула я, понимая, что отпираться от этого, так называемого, «ритуала» бесполезно и что если я этого не сделаю, Ферокс, без раздумий, воплотит свою угрозу в жизнь. — Мне самой надо подойти к этому кубку и выпить из него?

Мужчина кивнул. Я встала с трона, подошла к столику, от которого главы родов богов-драконов уже отошли и вернулись на свои места; взяла в руки кубок, который теперь был наполнен тёмной, ещё тёплой, драконьей кровью, поднесла его к губам...

«Давай, Милена, ты сможешь это сделать! Просто представь, что это — не кровь, а вино какое-нибудь! Стоп! Но, тогда это будет уход от реальности. Нет, я не дам им такого удовольствия! Я выпью это, полностью осознавая, что это и не буду пытаться скрыться от этого в фантазиях. Я не буду трусихой и я не покажу этим чешуйчатым ящерицам, в обликах людей, что мне что-то не нравится! Не дождутся!».

В несколько больших глотков я смогла полностью осушить кубок и, поборов рвотные позывы, повернулась к Фероксу и, прямо глядя ему в глаза, вытерла рукой губы и капельки крови, которые остались на ней, слизала языком.

— Такое ощущение, что ваша жена, повелитель, бросила вам вызов, — усмехнулся глава красных драконов, обращаясь к Фероксу. — Примите ли вы его?

— Приму, — осклабился в довольной улыбке Ферокс.

Его глаза так и говорили: «Хочешь показать мне, какая ты сильная и уверенная в себе? Это ненадолго». А собравшимся, как и главе красных драконов, похоже, понравилось, мной устроенной, представлением. Я даже смогла уловить фразу: «Истинная наследница крови Нуара Кавэлли! Её предок тоже постоянно бросал вызов повелителю. Правда, постоянно проигрывал, но его самоуверенности и гордости это не умаляло!».

— Вы нашли жену себе под стать, повелитель, — вставил слово, молчавший до этого, глава золотых драконов. — Как я вижу, кровь предка нашей повелительницы бушует в ней в полной мере.

«Это же каким был (и сейчас есть) мой предок, если его тут все знают?» — недоумённо подумала я.

— Ну, ты даёшь, Милена! — услышала я весёлый голос Адалиссы. — Ты смогла завоевать расположение драконов, сама на это не рассчитывая! Молодец!

— Я на это, действительно, не рассчитывала, — мрачно ответила я бывшей богине. — И причин радоваться я здесь не вижу. Знаешь, чего мне стоило сделать безразличное лицо при том, что меня чуть наизнанку не вывернуло от ощущения этой тёплой солоноватой жидкости во рту?!

— Но ты, ведь, смогла это сделать, — сказала Адалисса. — Должна гордиться собой.

— Нечем здесь гордиться, — отрезала я, снова садясь на трон, рядом с Фероксом.

То, что происходило потом, не стоит того, чтобы быть описанным в деталях. Снова, как и в Зиградене, были клятвы верности (правда, на которые не было необходимости отвечать). Мне были преподнесены подарки, в честь сегодняшнего дня и моего признания. Большинство из них это были драгоценности.

«Всех этих драгоценностей с лёгкостью бы хватило на то, чтобы восстановить «Шисуну» в том виде, в котором она была, — с тоской подумала я. — Но, я боюсь, даже случайно, упомянуть свою школу в разговоре с Фероксом!».

Потом было что-то вроде праздничного банкета, где ели, пили, танцевали... Как же я тогда мысленно благодарила Загира и Драйку за то, что они, чуть ли не каждый день, учили меня танцевать! А, ведь, тогда я на них только ругалась, говоря, что не понимаю — зачем

мне, вообще, эти танцы нужны. Теперь же, танцуя с Фероксом, я радовалась, что довольно уверенно чувствую себя в танце и не позволяю мужчине полностью контролировать все движения.

— Пытаешься уже здесь показать, насколько ты самостоятельна? — поинтересовался Ферокс, резко притягивая меня к себе, лишая возможности сделать какое-либо движение без его позволения. — Не выйдет, котёнок. У нас с тобой не будет никакого равноправия. Ты будешь во всём подчиняться мне.

— Если ты хотел себе в жёны бесхребетную девчонку, смотрящую тебе в рот, то ты сделал неверный выбор!

— Ну, выбора-то, как раз, и не было, — ответил мужчина, ослабляя хватку. — Но, думаю, с тобой будет интересно, котёнок. Это, всё равно, что укрощать дикого зверя. К тому же, у меня есть лёгкий рычаг воздействия — твой ребёнок. Стоит о нём упомянуть, и ты согласишься сделать всё, что угодно. Разве не так?

— Так, — не стала я возражать. — Но, это же просто шантаж. Это — не подчинение. Или повелитель мира драконов опустился до того, чтобы при каждом удобном случае пользоваться любовью матери к её ребёнку? От этого пострадает твоя гордость, Ферокс.

Во время моего обучения, Драйк рассказывал мне о расе драконов. И он рассказывал о том, что они очень гордые и высокомерные. Усомниться в том, что они могут сделать что-то, что ниже их достоинства — означает нанести им жесточайшее оскорбление. И, судя по сузившимся глазам Ферокса, Драйк был прав.

— Что, задела? — тем временем, продолжала я. — Если да, то ты не будешь пользоваться моим ребёнком, как угрозой.

— Похоже, ты умнее, чем я думал, — сквозь зубы, произнёс он. — Я тебя недооценил. Но, так даже интереснее. Хорошо, я не буду пользоваться шантажом, но не думай, что способы, которыми я, в таком случае, буду использовать, тебе понравятся, Милена.

— Прошу прощения, повелитель, но не позволите ли вы мне пригласить вашу жену и мою повелительницу на следующий танец?

Это был глава рода золотых богов-драконов.

— Позволяю, — отпусти меня Ферокс. — Но, только на один танец. А то мы с моей жёнушкой никак насытиться друг другом не можем. Верно, котёнок?

— О, да! Конечно, так и есть, — улыбнулась я, хотя улыбка была больше похожа на оскал.

Я подала руку золотому дракону, и он увёл меня от Ферокса, за что я была ему очень благодарна. А ещё мне понравилось в нём, что когда начался танец, дракон не пытался показать себя хозяином положения, в отличие от Ферокса.

— Могу я, для начала, узнать ваше имя? — спросила я, как только начался танец. — Я же не могу обращаться к вам только как «глава рода золотых богов-драконов». Это длинно и неудобно.

— Как пожелает моя повелительница. Моё имя Килгар Мильер Тиэ. Если хотите, можете называть меня Килгар. Мне показалось, у вас не очень хорошие отношения с повелителем, — заметил дракон.

— Не очень хорошие — это мягко сказано. Но... выбора особо нет. Но, не будем об этом. Я слышала, как вы упомянули моего предка. Он что, так знаменит?

— Знаменит? — рассмеялся Килгар. — Можно и так сказать. У вашего предка, повелительница, очень эксцентричный характер! До того, как он стал затворником, не было

и дня, чтобы он что-нибудь не выкинул. Хотя, наверное, его самой эксцентричной выходкой можно назвать союз с демонессой, к роду которой вы принадлежите.

— И он не ладил с моим мужем?

— Они не то, чтобы не ладили... Просто Нуару (это имя вашего предка) нравилось злить повелителя. Могу сказать только то, что они ровесники и в детстве они дружили, хотя, принадлежали к двум конкурирующим родам.

— Погоди-ка. Но, разве, чёрные боги-драконы — это не один род? — удивилась я, а про себя подумала: «Хотя, если бы это было так, то тогда мы бы с Фероксом были родственниками».

— Сейчас — да. Но, когда-то их было два. И они всегда оспаривали друг у друга право править миром драконов. Возможно, это и послужило, в дальнейшем, причиной разлада отношений между повелителем и Нуаром. А, впоследствии, когда Нуар не стал повелителем, а это место занял ваш муж, то тогда ваш предок ещё больше обозлился. В результате, он стал пользоваться любой возможностью, чтобы посоревноваться. Правда, он всегда проигрывал, но это его не останавливало.

— А где сейчас находится Нуар? Я знаю только, что он заперся в какой-то своей библиотеке и никого не хочет видеть.

— Вы хотите попытаться встретиться с ним? Вряд ли, у вас получится. С ним много кто пытался поговорить, но всё безрезультатно.

— Я, всё равно, хочу попробовать. Так, где он?

— Он в мире драконов. В своём замке, который когда-то принадлежал его роду. Я могу проводить вас туда, если таково ваше желание.

— Твой танец уже закончился, Килгар, — подошёл к нам Ферокс. — И я думаю, что моя жена на сегодня устала, и мы заканчиваем сегодняшний вечер.

— Как пожелаете, повелитель, — склонил голову золотой дракон.

Глава 2.

— Я понимаю, зачем тебе нужен этот Рейф, но зачем тебе Салер? — не понимал Ферокс, когда, через какое-то время после церемонии, мы шли к покоям повелителя.

— Блэк всегда был со мной, — ответила я. — Всё то время, что я находилась в Гарэне. Он — мой друг и я не хочу с ним расставаться.

— Друг? — с презрением хмыкнул дракон. — Котёнок, он, всего лишь, низший демон и никаким другом тебе быть не может. Разве что, домашней зверюшкой.

— Хорошо, пусть будет домашней зверюшкой, — не стала я спорить с его убеждением. — Но, я очень хочу, чтобы он остался со мной. Ты можешь разрешить мне, хотя бы, это? Блэк же не человек, в конце концов.

— Так уж и быть, — неожиданно согласился муж. — Пусть остаётся. Но, если он будет болтаться у меня под ногами или попадёт мне под горячую руку — не обессудь — я обращу его в кучку пепла.

«Вопрос с Рейфом и Блэком решён. Теперь мне надо встретиться со своим предком. Сама ещё не совсем понимаю, что мне это даст, но я хочу его увидеть. Но, отпустит ли меня мой, новоиспечённый, супруг? Хотя, почему он может не отпустить-то? Ну, разве что из-за их плохих отношений в прошлом».

— Вы, двое, вон отсюда! — приказал Ферокс Рейфу и Блэку, когда зашёл в комнату.

— А куда именно-то «вон»? — поинтересовался Рейф.

— Куда угодно. Слуг встретите, скажете, что вы — собственность повелительницы. Вам сразу комнату какую-нибудь выделят.

— Собственность? — переспросила я, когда Рейф и Блэк ушли.

— А как их ещё назвать? Не друзьями же.

— Ну, по поводу Рейфа я и не спорю. Он мне не друг и никогда им не станет. Но, Блэк...

— Всё, хватит об этих двоих! — прервал меня Ферокс. — Ты лучше побеспокойся о себе и о своём ребёнке.

— Ты же сказал, что не тронешь моего ребёнка, так как ты с Люцифером о чём-то договорился.

— Да, это так. Я получил от повелителя Ада то, что хотел за это. А тебе, в свою очередь, придётся стать его любовницей. И как ты (или твоя Адалисса) согласилась на такое? Этот человеческий ребёнок так важен тебе?

— Да. Я думала, что ты это уже понял, Ферокс.

— Он, в любом случае, долго не проживёт после своего рождения, — с равнодушием сказал дракон.

— Это мы ещё увидим!

— Надеешься, что сможешь защитить его? — насмешливо спросил мужчина. — Да что ты можешь сделать, когда тебе самой требуется защита?

Он подошёл ко мне и, неожиданно, впился в мои губы поцелуем. Я попыталась прервать поцелуй, но рука мужчины легла на мой затылок, а второй он обхватил меня за талию.

— Видишь, котёнок, ты не можешь защитить себя даже от такого пустяка, — произнёс

Ферокс, отрываясь от моих губ и облизывая свои. — И как же ты намереваешься уберечь своего ребёнка, а?

— Я найду способ! — твёрдо ответила я.

— Хочу на это посмотреть! — рассмеялся мужчина и сел в кресло. — А теперь, может, разденешься? Первая брачная ночь, как-никак.

В моей голове тут же вспыхнули картины вчерашнего кошмара. Я не хотела повторения этого! Я не хотела снова чувствовать прикосновения Ферокса, не хотела слышать его шёпот... От одних этих мыслей меня бросило в дрожь. Сердце бешено стучало от страха снова пережить весь вчерашний ужас.

— Нет! — непроизвольно вырвалось у меня.

— Нет? Значит, ты готова спать с Люцифером, но отказываешься от близости со мной?

— Дело не в этом! Я...

— Ты боишься, — за меня, сказал он. — Я так сильно напугал тебя вчера? Что ж, если вспомнить о том, что Люцифер говорил, что ты хотела покончить с собой... Но, я не жалею о том, что сделал. Да и ты получила удовольствие от этого — не отрицай. В общем, я могу раздеть тебя сам, но не хочу этого делать. Лучше не вынуждай меня действовать самому, котёнок. Тебе, всё равно, предстоит удовлетворять мои прихоти, раз уж я согласился не трогать твоего ребёнка. Я сейчас не угрожаю, а просто напоминаю о том, что легко могу передумать.

Я с ненавистью смотрела на него. Как мне хотелось увидеть его труп своими глазами! Но, такого чуда в ближайшее время случиться не могло, поэтому я, пересилив себя, стянула платье, оставшись в одном белье.

— Дальше, — сказал Ферокс. — Снимай с себя всё.

Я, отчаянно краснея от стыда и унижения, сделала то, что мне сказал дракон, оставшись перед ним полностью обнажённой.

— Прекрасно! — довольно улыбнулся мужчина. — А теперь, котёнок, раздень меня. В чём дело? — усмехнулся он, глядя в моё растерянное лицо. — Тебе никогда не приходилось самой раздевать мужчину?

Я молчала. Ну, да. Я никогда этого не делала! Кай всегда раздевался сам. Сделать это самой... Мне это казалось чем-то... слишком интимным! Если бы только на его месте был Кай... Но, это был его убийца. Тем не менее, я подошла к Фероксу, развалившемуся в кресле, и стала дрожащими пальцами расстёгивать застёжки на его рубашке. Из-за дрожи, получилось не сразу. К тому же, я старалась отвести глаза и, буквально, на ощупь делала это. Ферокс меня не торопил. Он просто, с садистским удовольствием наблюдал за моими попытками закончить эту унижительную процедуру, как можно скорее.

Наконец, я смогла расстегнуть эту чёртову рубашку и думала, что мои мучения закончились, но не тут-то было.

— Я же сказал — раздеть, а не просто расстегнуть, — сказал Ферокс.

— Мне неудобно будет её снимать, — попыталась отвертеться я, хотя, главная причина была не в этом — мне не хотелось касаться его обнажённой кожи.

— Если сядешь ко мне на колени, будет удобнее.

— Нет, я...

— Давай, — приглашающим жестом хлопнул дракон по своему колену.

«Сволочь похотливая! — припечатала я его в своих мыслях. — Когда же тебе надоест издеваться надо мной?!».

Я села к нему на колени и стала снимать с него рубашку. При этом мне приходилось так тесно прижиматься к нему, что я каждой клеточкой своего тела прикасалась к его коже. От него исходил такой жар, что мне казалось, что я скоро расплавлюсь. И я чувствовала, как Ферокс возбуждён! И самое омерзительное, что это возбуждало и меня! Это меня пугало и я мечтала только о том, чтобы всё закончилось.

Когда с рубашкой было покончено и она улетела куда-то на пол, Ферокс приказал:

— Теперь, я хочу, чтобы котёнок поласкал меня.

— Я не умею! — испуганно отшатнулась я от мужчины.

Это было полуправдой. Когда я была с Каем, я, конечно, прикасалась к нему, целовала, гладила, но... Всё-таки, чаще Кай брал инициативу в свои руки.

— Значит, я буду учить тебя, котёнок, — усмехнулся повелитель мира драконов. — Не волнуйся — это не сложно.

Он взял мою руку и стал ею поглаживать свою грудь. Я нервно сглотнула, не зная, куда от стыда себя деть! А дракон на этом не остановился. Под его «руководством» моя рука опустилась к его брюкам...

— Не надо! Пожалуйста! — по моему мнению, это было уже слишком.

— Знаешь, мне так нравится видеть твоё смущённое лицо, — произнёс Ферокс, прижимая мою руку к своему возбуждённому органу. — Чувствуешь? Это благодаря тебе я так возбуждён.

— Прекрати! Отпусти мою руку! — взмолилась я — чувствовать под своими пальцами его твёрдый орган было более чем... чёрт, я не могу даже описать это, но за рамки моих моральных устоев вся эта сцена вышла уже давно.

— Хорошо, я отпущу твою руку, — неожиданно легко согласился Ферокс. — Но... тогда тебе придётся взять инициативу в свои руки.

— Ты о чём?!

— О том, что если ты не позволяешь мне управлять процессом, то делай это сама, — он отпустил мою руку, откинулся в кресле и заложил свои руки за голову. — Вперёд, котёнок.

— И... и что я должна делать?

— Что хочешь. Я полностью в твоём распоряжении, — развёл руками дракон. — Ну, а если не хочешь, тогда мне придётся самому управлять твоими действиями. Что выбираешь?

— Я сама!

Кто бы знал — с каким трудом мне дались эти слова! Меня пугало и смущало то, что я буду сама ублажать Ферокса, но... Ещё больше я боялась того, что может прийти в голову моему мучителю, если инициатива будет у него.

Я неуверенно прикоснулась к груди мужчины, не совсем понимая, что же мне делать. Ферокс, похоже, никаких подсказок мне давать не собирался. Он просто ждал, что же я предприму. Я, несмело, сначала поцеловала его в губы, потом стала целовать его шею... Найдя у Ферокса на шее бьющуюся жилку, я лизнула её, затем слегка сжала зубами. Я почувствовала, как в этот момент напряглись мышцы дракона.

«Так, это означает, что я правильно делаю или, наоборот? — в полнейшей растерянности подумала я. — Чёрт, с Фероксом, такое ощущение, что я девственница! Я уже от стыда готова сквозь землю провалиться!».

Всё-таки, решив в пользу того, что я на верном пути, я, не отрываясь от шеи мужчины, стала поглаживать его широкую грудь, время от времени, прикасаясь к его соскам. Не знаю — нравятся ли мужчинам, когда прикасаются к этому участку тела? По порнографическим

фильмам, которые мы, втайне от воспитателей, смотрели в интернате — должно нравиться. Но, как это на деле... Чёрт, да не знаю я! Я делала то, что мне приходило в голову! Но, судя по реакции Ферокса на мои действия — блаженная улыбка, учащённое дыхание — у меня, вроде, всё получалось. В конце концов, спустившись ещё ниже, мои пальцы стали балансировать на грани пресса мужчины и застёжки от брюк. Я, то была совсем близко к тому, чтобы моя рука едва не залезла под ремень, то моя рука опять поднималась на уровень груди. Ферокс нетерпеливо зарычал, подхватил меня на руки и опрокинул на кровать, придавив меня своим весом.

— Подразнить меня решила?! — хриплым голосом спросил он. — Должен признать — у тебя это хорошо получилось! Да и всё остальное... Знаешь, эти твои неуверенные неловкие действия возбуждают ещё больше!

— А как же то, что я должна тебя раздеть? — поинтересовалась я, имея в виду брюки.

— В следующий раз. Ты слишком сильно меня возбудила и терпеть я больше не собираюсь!

Я посмотрела на Ферокса и... «Мать вашу! Неужели, это сделала я?!». Я со страхом и изумлением смотрела на тот участок на шее дракона, где я, как говорится, «присосалась». Засос! Я сама не поняла, как умудрилась его поставить! Никогда этого не делала и, вообще, не знала — как, а тут... как-то само собой вышло!

Поймав мой взгляд, мужчина взглянул на себя в большое зеркало.

— Оп-па! — увидел Ферокс мой засос.

Я, в ужасе, сжалась, ожидая его реакции. Ведь, по сути, засос — это метка собственника. А мне с самого начала разъяснили — кто и кому принадлежит и никак не наоборот.

— Я случайно! — тут же попыталась заверить я его.

— То, что ты случайно, я понял по твоей испуганной мордашке, котёнок. Ха, никогда мне ещё женщина засосы не ставила! — усмехнулся мужчина.

— Почему?

— Потому, что им этого просто не позволялось, — ответил Ферокс, вновь наваливаясь на меня. — Но, так уж и быть, для тебя я сделаю исключение. А теперь я хочу, чтобы ты кое-что сказала.

— Что?

— Скажи, что хочешь меня, котёнок! Скажи мне это!

— Нет! Совсем рехнулся?! — огрызнулась я. — Я не хочу тебя, Ферокс! Я просто делаю то, что хочешь ты!

— Да неужели? — хмыкнул Ферокс.

Его рука скользнула между моих ног, лаская меня там. Я, невольно, изогнулась, застонав. Его губы коснулись моего уха, продвинувшись по шее... Меня понравились те ощущения, которые рождали его прикосновения. Те ощущения, которые я испытывала, когда до меня дотрагивался Кай, не шёл ни в какое сравнение с теми чувствами, что овладели мной сейчас. С Фероксом.

Дракон сильно сжимал моё худое тело, царапал ногтями бёдра, вдавливал в кровать... Я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Мне было тяжело, жарко, невыносимо, но... Вместе с этим я возносилась на вершину удовольствия множество раз! И ни разу мне не пришло в голову его остановить! И это несмотря на то, как я ненавидела Ферокса! А дракон так двигался во мне и ласкал меня так, что я изгибалась в экстазе! Я стонала, переходя на крик,

не в состоянии сдерживаться. Я сама рвалась на встречу его движениям, сама целовала его... Мне было так хорошо, как не было ещё никогда!

— Скажи, что хочешь меня, Милена! — шептал дракон, с силой двигаясь во мне. — Скажи!

— Я... я хочу тебя, Ферокс!

— Попроси меня не останавливаться! Скажи, что хочешь, чтобы я продолжал!

— Н... нет! — всё-таки, какая-то гордость у меня ещё оставалась.

— Тогда... мне остановится?

Я посмотрела ему в глаза и поняла, что остановиться Ферокс не сможет, чтобы он не говорил. Я не знаю — какое бес в меня тогда вселился, но я взяла лицо дракона в ладони и, улыбнувшись, буквально прошептала ему в губы:

— Ты не остановишься, Ферокс. Ты не сможешь. Я, ведь, права?

Мужчина рассмеялся:

— А ты становишься смелее, котёнок! Да, ты абсолютно права. Но, я предлагаю немного сменить позу, — и он посадил меня на себя верхом. — Двигайся, как пожелаешь, котёнок. Ты же больше не будешь смущаться?

Я совершенно не понимала, что со мной происходит. Я вела себя как... распущенная девка! Я, конечно, понимала, что секс есть секс. Там никаким контролем над собой даже и не пахнет, но... не до такой же степени! Я двигалась на Фероксе, ласкала его... Я, как будто, сошла с ума! Меня сводили с ума эти ощущения, меня сводил с ума запах Ферокса, меня сводило с ума то, что Ферокс позволил мне делать с ним всё, что мне захочется!

Я лежала в чёрном кружевном нижнем белье на широкой кровати, застеленной красным шёлковым одеялом. Я даже не сразу сообразила, что нахожусь во сне, где рядом со мной сидела Адалисса.

— И почему я в таком виде? — поинтересовалась я у Адалиссы. — Тебе надоело наряжать меня в платья и ты переключилась на нижнее бельё?

— Нет, Милена, — покачала она головой. — Этот сон не только моё творение, но, также, и твоё. Это — отражение наших собственных желаний.

— То есть, ты хочешь сказать, что я сама себя так одела?! — окинула я взглядом тонкие чёрные кружева.

— Да. Похоже, секс с Фероксом сильно отразился на твоём душевном состоянии.

— Насчёт Ферокса... Адалисса, что со мной происходит?! — схватила я её за руку. — Во время секса с Фероксом... это, как будто, была не я! Я не могла себя так с ним вести! Мне это не могло так нравиться! Я, как будто, сошла с ума!

— Всё из-за того, что и в тебе и в Фероксе течёт одна кровь — кровь чёрных богов-драконов.

— И что с того?!

— Ты не понимаешь, Милена, — вздохнула Адалисса. — Помнишь, что я тебе говорила о том, как твоя кровь влияет на драконов? Так вот, у тебя с Фероксом — другая ситуация. Вы — драконы одного вида и крышу повелителю драконов, от запаха твоей крови, не снесёт (по крайней мере, полностью — контролировать он себя сможет в любом случае). Но, во всём остальном... Вас тянет друг к другу. Вы, как два магнита. Вы, подсознательно, хотите продолжить свой род и поэтому секс — это то, что вам двоим, в общем-то, и нужно друг от друга.

«А ты знаешь, как действует кровь драконов на её носителей? Что чувствуют драконы и те, в ком течёт их кровь, когда они вместе?» — вспомнила я слова Ферокса. Вот, что он имел в виду тогда!

— Но, я ненавижу Ферокса! — возразила я.

— Да, конечно, — согласилась Адалисса. — Но, это не мешает тебе его хотеть.

— Но, когда мы переспали в первый раз — такого не было! Да, реакция там была, но я не вела себя (извините за грубость), как шлюха!

— Ну, ты и сейчас себя так не вела — не будь столь самокритична. А в первый раз тебе просто инициативу не дали, только и всего.

— Такое ощущение, что речь идёт о животных в брачный период, которым всё равно — с кем трахаться! — выразилась я. — Лишь бы со своим сородичем!

— Между прочим, практически все самки любых видов выбирают того самца, который сильнее остальных и может дать наилучшие гены своему потомству.

— Сравнение с самкой мне не слишком льстит!

— А, разве, не ты первая сравнила себя и Ферокса с животными? — усмехнулась Адалисса. — Я просто сказала, что животным не всё равно — с кем.

— Я не хочу дальше развивать эту тему! — отрезала я. — Скажи мне только одно — мне теперь каждый раз будет крышу сносить, когда я буду с Фероксом?

— Да. Как и ему. Не нравится?

— Ещё бы! Я чувствую себя шлюхой!

— Опять же — неверное утверждение, — парировала бывшая богиня (хотя, меня уже давно интересовал вопрос: «А бывшая ли?»). — Вот, шлюхе, действительно, всё равно — с кем, лишь бы платили. И спит она далеко не с одним.

— Так, я тоже буду спать не с одним. Вспомни, что я согласилась стать любовницей Люцифера. И...

— Хватит! — усталым голосом прервала меня Адалисса. — Сколько бы мы с тобой не разводили здесь эту тему, от этого абсолютно ничего не изменится. И твоя тяга к Фероксу — тоже. Так что, прими это, как ещё одну часть своей новой жизни.

— Не могу!

— Придётся, Милена, придётся. У тебя нет другого выбора. А я, на сегодня, от тебя уже устала.

После этих слов я уже стала видеть обычные, ничего не значащие сны.

Глава 3.

На следующий день, когда Ферокс собирался уходить, я его остановила:

— Ферокс, подожди!

— В чём дело? — обернулся он.

— Я хочу навестить своего предка.

— Зачем? — удивился дракон. — Кроме того, это — бесполезно. Он ни с кем не хочет разговаривать.

— Я, всё равно, хочу попробовать с ним встретиться. Сама пока не знаю — зачем, но чувствую, что мне это нужно. Можно? Глава золотых драконов сказал, что может проводить меня.

— Когда ты успела с ним договориться?

— На церемонии, когда танцевала с ним. Так, я могу пойти.

— Иди, — разрешил муж. — Только я тебе ещё раз повторяю — это бесполезно. Он не будет говорить с тобой.

— А где найти главу золотых драконов?

— Я вызову его к тебе. Так что, жди.

Через пятнадцать минут ко мне пришёл Килгар и повёл меня к моему предку. Выйдя из дворца, он сказал:

— К дворцу Нуара нам придётся добираться по воздуху, повелительница. Надеюсь, вы не боитесь высоты?

— Нет, не боюсь, — солгала я.

Я поняла слова Килгара, как только осмотрелась. Мир драконов представлял собой сеть скалистых островов. Трудность здесь была не столько в том, чтобы добраться от одного острова к другому (расстояния между ними были небольшими), сколько в том, чтобы добраться до жилища того, кто жил на острове. Скалы на островах были слишком высокими и крутыми (практически неприступными), а дворцы, большей частью, как я видела, находились именно на вершинах скал. Неудивительно, что в этом мире могли жить лишь драконы.

— Тогда, садитесь на меня, повелительница.

Всего несколько секунд и, вместо мужчины, передо мной стоял настоящий золотой дракон. Большой, изящный дракон, с длинной шеей и заострённой мордой. Огромные, чешуйчатые крылья, способные поднять дракона в воздух. Золотые чешуйки вспыхивали на солнце, как настоящие драгоценности. Только глаза остались точь-в-точь такими же, какие были у Килгара в человеческом облике. Это превращение меня не удивило. Драйк мне рассказывал, что, вообще, драконов существуют три типа. Первый — это самые обыкновенные драконы. Они не умеют превращаться в людей и не владеют магией. Единственное их оружие — это разрушительная сила и огонь, который они сами же и изрыгают. Второй — это, так называемые, драконы-оборотни. Они могут принимать облик людей, но больше ничего. И третий — боги-драконы. Драконы-повелители. Боги стихий и ещё много-много названий. У этих и облик дракона, и облик человека является истинным. Ну, об их магии я и не говорю. С ними могут сравниться только Верховные демоны и,

возможно, кто-то из высших эльфов.

Я забралась на спину золотого дракона. Не найдя ничего, за что можно было ухватиться (дракон, всё-таки, не ездовая лошадь), я просто понадеялась на то, что Килгар будет лететь осторожно, чтобы я не свалилась с него.

Мы летели довольно медленно и так осторожно, что я даже ни разу не покачнулась. Но, смотреть вниз я, всё равно, не рискнула.

Несмотря на нашу неторопливость, через десять минут мы опустились у дворца моего предка.

— Дальше идите сами, — сказал Килгар. — Опасность здесь вам не грозит, а меня Нуар точно видеть не захочет. Я буду ждать вас здесь. Надеюсь, вам удастся встретиться со своим предком, повелительница.

— Я тоже на это надеюсь, — ответила я и зашла во дворец.

Не знаю — откуда слуги, работающие здесь, знали — кто я, но они все, при встрече, кланялись и говорили: «Приветствуем вас, повелительница». И они тут же показали мне, где находится та библиотека, в которой мой предок сидел уже несколько тысяч лет.

Я постучала в тяжёлую дубовую дверь и, в ответ, услышала:

— Кто бы там ни был — убирайтесь! Я никого не хочу видеть!

— Даже если с тобой хочет поговорить твоя праправнучка? — поинтересовалась я.

— У меня не может быть никакой правнучки! — отрезал голос из-за двери. — В моём роду рождаются одни мужчины!

— Значит, я первая, мать твою, женщина, которая родилась в твоём чёртовом роду! — с раздражением крикнула я. — Открывай, дедуля! Надо поговорить!

Дверь резко распахнулась. На пороге стоял мужчина, лет тридцати. Высокий рост, чёрные волосы и такие же драконьи глаза, как у Ферокса — цвета раскалённой лавы. Он растерянно-изумлённым взглядом посмотрел на меня, а потом сказал:

— Это — невозможно! Ты, правда, из рода Кавэлли? Только не смей мне лгать!

— Похоже, ты из своей библиотеки очень давно не выходил, раз ничего не знаешь. Я — Милена Кавэлли, дочь Савариса Кавэлли и новая глава семьи. И, кроме того, со вчерашнего дня, я — повелительница драконов и жена твоего бывшего друга — Ферокса. Не хочешь поздравить своего потомка со столь «счастливыми» событиями? — с сарказмом закончила я.

Вдруг, мужчина резко схватил меня за руку и... укусил за запястье! Зубы у него явно были не совсем человеческими, так как кожу они прокусили очень легко. Лизнув кровь, дракон отпустил мою руку и спокойно произнёс:

— Да, ты, действительно, мой потомок.

— А... а по-другому это определить никак нельзя было? — возмутилась я, отойдя от шока.

— Кровь лучше всего расскажет о том, кто ты и что из себя представляешь. Кроме того, минут через десять от укуса не останется и следа. Проходи, — пригласил он меня в свою библиотеку.

— Садись, — указал прародитель на одно из кресел, сам усаживаясь напротив. — Не пойми неправильно моё недоверие. Я думал, что женщина в семье Кавэлли никогда не родится. Это было невозможно даже чисто теоретически.

— Почему — невозможно?

— Потому, что я сделал для этого всё возможное, — ответил Нуар.

— Ты? При чём здесь ты, прадед? Ведь, то, какого пола будет ребёнок, заранее никто не

знает.

— Называй меня Нуаром. Я не настолько старо выгляжу, чтобы называться дедом и, тем более, прадедом, — сказал дракон.

— Хорошо, Нуар. Но, ты не ответил.

— Пол ребёнка, действительно, нельзя определить заранее, но... в одном случае это возможно. В том случае, если род проклят. Проклят на то, чтобы в семье рождались одни девочки или, как в случае с Кавэлли, одни мальчики.

— Так, семья Кавэлли проклята? — удивилась я. — Но, кому понадобилось проклинать её таким способом? В чём смысл?

— Ты спрашивала — при чём здесь я. Так вот, я при том, что это я проклял свой собственный род, — ошарашил меня дракон. — Я проклял его, чтобы никогда ни одной женщины не родилось в нём.

— Но, зачем?!

— Ты сказала, что стала женой Ферокса, верно? Чтобы не допустить такого, я это и сотворил. Но, похоже, что я где-то ошибся, раз ты родилась.

— Ну, уж простите меня за моё рождение! — со злостью ответила я.

— Я не виню тебя в твоём рождении, — покачал головой мужчина.

— Да, ты винишь себя в моём рождении. Но, почему ты так не хотел рождения женщины — Кавэлли и как это связано с тем, что я стала женой Ферокса?

— Я не хотел, чтобы у Ферокса появилась возможность продолжить свой род. Его род и мой — единственные чёрные боги-драконы. Соответственно, завести ребёнка Ферокс мог только с женщиной из моей семьи. Я хотел это предотвратить.

— Ты так сильно ненавидишь Ферокса?

— Он отнял у меня то, что по праву принадлежало мне — трон мира драконов!

— Но, мне говорили, что шансы и права у вас обоих были одинаковы, — возразила я. — К тому же, твоя ненависть — это не повод проклинать свою собственную семью.

— Не тебе читать мне морали, девочка! — рыкнул на меня дракон. — И не верь тем, кто говорит, что мы с Фероксом были в равном положении. Это было не так. Это наш род должен был править, но... Ферокс обманул меня!

— Как — обманул?

— Я, действительно, считал его своим другом... когда-то. Хотя, мы и были из двух разных семей, борющихся за власть. Но, всё изменилось, когда мы выросли. Нас стали настраивать друг против друга. Я пытался не слушать окружающих, а вот Ферокс... он решил, что я — его злейший враг, мешающий ему на пути к власти над миром драконов. И, в один день, он вызвал меня на поединок.

— Какой ещё поединок?

— Священный поединок между богами-драконами. Тот, кто победит в нём, станет следующим правителем. На это мы условились с Фероксом.

— Эти поединки... они до смерти?

— Как видишь — я жив и сижу перед тобой, — невесело усмехнулся Нуар. — Нет, поединок заканчивается двумя способами — либо, действительно, смертью одного из противников, либо, когда один сдаётся. Я сдался. Я понял, что мне не победить Ферокса. Что, если я не сдамся — он меня убьёт, несмотря на то, что мы дружили много лет. Тогда он показал своё истинное лицо. Показал, что ради своих целей пойдёт на всё.

— Ты сказал, что он обманул тебя. Так, в чём обман, если ты сам сдался?

— В то время, пока мы с Фероксом сражались, его родственники убили всю мою семью! Когда я вернулся домой после поражения, то, что ждало меня там — это тела моих родных! Так род Ферокса избавился от конкурентов... Ферокс прекрасно знал о готовящейся бойне! Позже, он заявил, что хотел, чтобы я выжил лишь для того, чтобы увидеть, как я сломаюсь, оставшись один! Правда, с последним он просчитался, — закончил мужчина.

— А что же случилось с собственной семьёй Ферокса? Ведь, как я знаю, у него сейчас родственников нет.

— Погибли по разным причинам. Чаще всего, на войне. Мы в те времена часто воевали с эльфами.

— А до того, как они все погибли, там же были женщины, так? Почему же Ферокс тогда не мог продлить свой род... ну... — замаялась я. — Со своей родственницей?

— Ты путаешь драконов с демонами, — очень недовольно произнёс Нуар. — Это для демонов инцест — в порядке вещей. Для драконов же сексуальная связь между родственниками — это омерзительно! Но, даже если бы это и произошло... от такого союза не было бы детей. Такой брак был бы бесплодным.

— Мне вот интересно стало. А чем думали родственники Ферокса, уничтожая твою семью? Они не думали, что им дети нужны от кого-то? — поинтересовалась я.

— Они считали, что не нужны. Они думали, что раз они бессмертны, то нет надобности продолжать свой род. А вот как оно всё вышло. Ферокс остался один и ему нужна гарантия, что если с ним что-то случится, то его потомки продолжат править. И желание Ферокса никогда бы не осуществилось, если бы...

— Если бы не появилась я?

— Да, если бы не появилась ты. Я, до сих пор, не могу понять, как вышло, что проклятье дало сбой.

— Может, потому, что моя мать была человеком? — предположила я.

— Что? Твоя мать — человек?! — с изумлением воскликнул он. — Но, демоны и драконы не могут иметь детей от человеческой расы!

— Да, мне это уже говорили. Однако же, я сижу перед тобой.

— Это, конечно, поразительно, но... — он встал с кресла и подошёл ко мне. — Но, если ты останешься жива, то у Ферокса появится наследник. А я этого допустить не могу.

— К чему ты клонишь? — похолодела я.

— Прости, Милена, но, несмотря на то, что ты — мой потомок... В семье Кавэлли не должна была рождаться ни одна женщина. Никогда! А раз это, всё-таки, произошло, я собственноручно исправлю эту ошибку!

На Нуара сейчас было страшно смотреть! Безумный, горящий цветом лавы, взгляд; выросшие за какую-то секунду когти на руках; чёрная блестящая чешуя, появившаяся на обнажённых участках кожи... «Когда боги-драконы себя не контролируют, в их облике проявляются признаки их второго обличия» — вспомнила я слова Драйка.

«Он меня убьёт, — с внезапной ясностью поняла я. — Он меня убьёт, без всякого сомнения и сожаления. Только для того, чтобы желание Ферокса не осуществилось!».

Когда эта мысль сформулировалась в моей голове, я, одновременно, также поняла, что мне не сбежать. Дверь выхода была слишком далеко, да и я прекрасно осознавала, что будь даже выход в паре миллиметров от меня — это меня бы не спасло.

«Что же делать? Чёрт, я не могу умереть здесь!».

— И что же ты это собираешься делать, Нуар? Прикончить свою собственную

правнучку?

— Ты?! — зарычал Нуар. — Убирайся! У тебя нет никаких прав не то, чтобы находиться в моём доме, а, вообще, в этом мире!

— Да что ты? А мне вот казалось, что если мне дал разрешение сам повелитель этого мира, то я имею полное право здесь быть, — ответил Аббадон (вот кого-кого, а демона бездны я ожидала увидеть меньше всего). — Кстати, насчёт повелителя драконов... Если Ферокс узнает о твоём желании расправиться с его супругой...

— Мне всё равно!

— Ха, наверное, когда Ферокс отпускал к тебе Милену, он не думал, что ты свихнёшься на мести до такой степени, что будешь готов убить своего собственного потомка. Так не думала даже эта золотая ящерка, ждущая у твоего дворца. М-да, а ещё золотых драконов называют драконами мудрости. Что-то незаметно. Ну, раз я здесь, то я заканчиваю эту встречу родных и близких, — заявил Верховный демон Преисподней.

— Нет! Я не позволю ей уйти! — закричал дракон и, похоже, он хотел что-то сделать, но... один удар Аббадона снёс его куда-то за стеллажи с книгами.

— Не думай о себе невесть что, ящерица, — с презрением бросил Аббадон. — Возможно, много тысяч лет назад у тебя и был бы шанс против меня, но не сейчас. Бог-дракон, который не использует свою силу долгое время, лишается её, верно? То же случилось и с тобой.

— Откуда ты здесь взялся, Аббадон? — не слишком дружелюбно спросила я.

— А где «спасибо» за спасение? — поинтересовался тот.

— Обойдётся! — огрызнулась я. — За всё то, что ты сделал в моей жизни, я никогда и ни за что не скажу тебе и слова благодарности!

— Какая жалость, — притворно вздохнул демон. — А, знаешь, мне нравится твоё новое крыло. Только вот... эти несколько белых перьев портят весь вид. Как думаешь, если я его снова оторву, то, может быть, в следующий раз оно восстановится полностью чёрным, а?

— Тебе тогда придётся отвечать перед двумя повелителями. Оно тебе так сильно нужно? — подошёл ко мне сзади Рейф, приобняв меня плечи.

— А ты... — начала я.

— Почувствовал, что ты в опасности и оказался здесь. Но, моя помощь тебе не понадобилась, — объяснил гипнотизёр. — Ты была ранена? — взял он мою руку, которую прокусил Нуар и рана, на которой ещё не совсем затянулась.

— Нет, это...это было что-то типа теста ДНК. А теперь, Аббадон, — продолжила я. — Объясни мне — откуда ты здесь взялся и зачем?

— А я здесь с дипломатической миссией, — ответил тот. — Так сказать, явился выказать дань уважения новой повелительнице мира драконов.

— Ты и дипломатия? — с сомнением произнесла я. — Верится с трудом. Да и о какой дани уважения ты говоришь, если ты ведёшь себя со мной так же, как обычно?!

— Ну, я же не отрицаю того, что ты стала повелительницей, — пожал плечами Аббадон. — Это уже означает, что я признаю тебя. Хотя... повелительницей драконов ты, всё равно, являешься лишь формально. То же самое и с твоим правлением в Зиградене. Никаких решений ты, Милена, принимать не будешь. Ты прямо как зверёк, запертый в клетке! — рассмеялся мужчина.

— Я об этом и без тебя знаю, Аббадон! Не надо мне об этом напоминать!

— А ты бы не хотела изменить это положение, хотя бы, в отношении Зиградена? —

вдруг, спросил демон бездны.

— В смысле? — не поняла я.

— В прямом. В принципе, всё достаточно просто. Тебе надо только заключить со своим муженьком пари, которое он, обязательно, проиграет.

— Какое ещё пари?

— Ну, об этом уже думай сама. Но, что-нибудь связанное с Зиграденом. Пусть повелитель драконов поклянется тебе в том, что если он проиграет пари, то управление Зиграденом полностью переходит к тебе. Ты, знаешь, что драконы (как, в общем-то, и демоны) очень трепетно относятся к клятвам. Они их не нарушают, а если нарушат, то заклеят себя позором на всю оставшуюся вечность. Так что, если ты сможешь заставить Ферокса поклясться, то он обязан будет исполнить клятву. Только представь: ты станешь истинной правительницей Зиградена. Всё же, согласишься, что это лучше, чем быть просто куклой, которая нужна только для рождения ребёнка.

— Почему ты мне это говоришь? Почему ты мне... помогаешь?

— С чего ты взяла, что это помощь? — усмехнулся Аббадон. — Кто знает — чем обернется для тебя абсолютная власть над демоническим городом (если ты, конечно, ещё сможешь её получить)? А вообще, меня просто бесит, что кто-то будет владеть тобой полностью, когда это не получилось у меня.

— То есть, тобой просто движет эгоизм и раненое самолюбие, — сделала я вывод.

— Совершенно верно. Следовать моему совету или нет — решать тебе. Кстати, я же здесь ещё и по поручению Люцифера. В его же подчинение, по договору с Фероксом, переходит несколько драконов и наоборот. Я здесь за тем, чтобы сопроводить ящериц в мир демонов и, чтобы передать под власть твоего муженька нескольких демонов. И ещё, одного демона Люцифер прислал лично для тебя.

— Зачем?

— Считай это свадебным подарком от повелителя демонов. Демон будет служить только тебе. Только вот на счёт его послушания... я не уверен. Точнее, может эта хитрая сволочь и будет исполнять твои приказы, но только он, всё равно, в первую очередь, будет искать выгоду для себя.

— И на кой чёрт повелитель Люцифер прислал мне такого... своевольного демона? — поинтересовалась я.

— Ох, Милена, я же знаю, чем ты занималась последние два месяца. Ты училась и, наверняка, изучала законы и обычаи демонов. Должна же, хоть что-то, оттуда помнить. Прислать покорного слугу, который будет беспрекословно подчиняться? Это было бы оскорблением для тебя. Это бы означало, что тебя считают неспособной подчинить кого-то своей воле. Что ты сама не способна поставить на место своих подчинённых.

Я вспомнила, что, действительно, читала что-то подобное. Там было написано, что чем своенравней демон, которого тебе отдадут в подчинение, тем больше уважение к тебе. Ведь, это означает, что дарящий считает тебя достаточно сильной, чтобы сломать волю «подарка».

— В общем, Люцифер хочет проверить — смогу ли я подчинить? — произнесла я.

— Да, — кивнул Аббадон. — Хотя, даже, по моему мнению, повелитель несколько... переборщил с «проверкой». Если ты и сможешь подчинить себе этого демона (а это ещё какое «если»), то ломать ты его будешь долго. Он — высший демон, который до этого подчинялся только нашему повелителю. И для него — подчиниться получеловеку (пусть даже и с таким происхождением, как у тебя) — кажется нереальным. Но, приказ Люцифера

есть приказ Люцифера.

— Я поняла. Ты мне, Аббадон, притащил ещё одну головную боль, — вздохнула я.

— Не спорю. А теперь, многоуважаемая повелительница драконов, не соизволите ли отправиться со мной к вашему мужу? — театрально поклонился Аббадон, подавая мне руку. — Не бойся, Милена, сегодня я тебе ничего не сделаю, — сказал Верховный демон, когда я посмотрела на его руку, как на гремучую змею.

Когда я, поколебавшись, всё-таки, взяла его руку, он продолжил:

— Хотя, видит дьявол, я бы хотел многое с тобой сделать, Милена. Может, когда-нибудь мне и представиться такой шанс?

— Мечтать не вредно! — буркнула я. — Кстати, а где... мой предок? — заметила я то, что после удара Аббадона, от Нуара ничего не было слышно.

— Похоже, ушёл, пока вы разговаривали, — ответил Рейф. — Так как, в библиотеке его, явно, не наблюдается.

— И чёрт с ним, — сказал Аббадон, поведя меня к выходу. — По-хорошему, Нуару сейчас лучше покинуть мир драконов, пока Ферокс ещё не узнал о неудавшемся покушении на его жену. Потому, что когда он узнает, твоего предка, Милена, могут запросто казнить. Если такое случится, будешь его защищать? — спросил он.

— Нет, — покачала я головой.

Похоже, такого ответа демон бездны не ожидал, так как он даже остановился и посмотрел на меня:

— Почему? А где же твоя доброта и желание защищать всех и каждого?

— Нет доброты. Кончилась.

Рассуждала я таким образом. Если Нуар скроется, а через какое-то время, вновь, решит попытаться меня убить, мне может и не повезти так, как сегодня. И тогда смерть ждёт не только меня, но и (и это главное) моего ребёнка. А я этого никак допустить не могла. То, что Нуар не передумает меня убивать — я была уверена. Стоит только вспомнить, каким безумием горели его глаза. Поэтому, опасность, которая угрожает моему ребёнку, должна исчезнуть. И неважно — каким образом. Я, с ужасом, поймала себя на мысли, что мне, действительно, было бы спокойнее, если бы Нуара казнили. Я не испытывала к своему предку никаких родственных чувств. А после произошедшего — тем более.

«Он хотел убить меня и теперь должен ответить за это, — подумала я. — По-другому не получится. М-да, а когда меня пытался убить Данте, я так мучилась, не зная, что мне с ним делать... Как бы то ни было, в этой ситуации буду жить либо я, либо Нуар. И, если потребуется, я сделаю всё, чтобы это был он!».

— А ты изменилась, Милена, — после нескольких секунд молчания, заметил Аббадон. — В лучшую сторону. На тебя так повлияла смерть твоих друзей?

— Откуда ты знаешь про это?

— Я же интересуюсь твоей жизнью, — просто ответил Аббадон.

На это я ничего не сказала

Глава 4.

Когда мы вышли из дворца Нуара, нас ждал Килгар. Точнее, он ждал только меня, так как на появление Рейфа и Аббадона он отреагировал удивлением:

— Что здесь делают эти двое?

— Спасают жизнь твоей повелительницы, пока ты здесь прохлаждаешься, — ответил золотому дракону демон бездны.

— Что это значит, повелительница? — вопросительно посмотрел на меня Килгар.

— Мой предок хотел меня убить. Кстати, почему ты мне не рассказал о том, как погибла драконья семья Нуара? О том, что их убили родственники Ферокса?

— Нуар пытался вас убить?! — поразился дракон. — Но... почему?! Вы же его прямой потомок!

— Да в этом, в общем-то, и была главная причина, — тихо произнесла я и продолжила. — Ты мне не ответил на мой вопрос, Килгар. Почему ты мне не сказал? Ты же знал об этом, да?

— Знал, но... Я не думал, что это имеет какое-то значение.

— Да ладно! — фыркнула я. — Ты думаешь, что я в это поверю? В то, что ты посчитал ненужным сообщить мне о том, что мой муж и его семья убили родню Нуара и, получается, что и мою тоже? Килгар, если ты, на самом деле, считаешь меня своей повелительницей, то назови мне истинную причину. Я знаю, что золотых драконов называют драконами мудрости, и ты не мог просто так умолчать о чём-то.

— Хорошо, я отвечу, — сдался мужчина. — В то время, когда была убита семья Нуара и тогда, когда повелитель стал править, его первый приказ был — никогда не упоминать о том, как и кем была истреблена родня вашего предка. И этот приказ ещё никто не отменял.

— Значит, Ферокс не хочет вспоминать то, что сам же и совершил, — задумчиво протянула я. — Ну, что ж. Его дело.

— Так, почему Нуар напал на вас?

— Потому, что я стала женой Ферокса, — назвала я одну из причин. — Аббадон меня спас, а вот мой предок исчез.

— Мне нет прощения, повелительница, — упал передо мной на колени золотой дракон. — Я и подумать не мог, что ненависть Нуара к вашему супругу настолько сильна, что он захочет убить свою родственницу. Я был легкомысленным и из-за этого вас чуть не убили, если бы не этот демон. Я понесу любое наказание за произошедшее.

— Для начала, встань, — когда Килгар поднялся, я сказала. — Никого наказывать я не собираюсь. Стоп! — остановила я дракона, собиравшегося что-то сказать. — Я этого не делаю не по доброте душевной. Если бы ты, действительно, был бы виноват, тогда это было бы другое дело, но... У самого Ферокса не возникло даже мысли о том, что мне у Нуара может угрожать какая-то опасность. Если бы он увидел хоть малейшую возможность этого, то он бы меня, вообще, не отпустил. Так что, то, что произошло — это неожиданность, а за неожиданности отвечать никто не должен. Но, в любом случае, ты же всё время был здесь? Нуар не покидал свой дворец?

— Нет. По крайней мере, я его не видел.

— Тогда, если Нуар всё ещё в своём дворце, я хочу, чтобы его схватили. И пусть его судьбу определит Ферокс, — решила я.

Я не сомневалась в том, какое решение примет Ферокс. Я знала, что Нуара ждёт смерть. Было ли мне его жаль? Да, наверное. Мой предок последние несколько тысяч лет жил с уверенностью, что род его злейшего врага никогда не продлится и ради этого он даже проклял свою собственную семью. А тут явилась я. Есть от чего обезуметь. Но... Жалость — плохое чувство. Я не могу позволить себе из-за неё поступить неправильно. Не могу, но я не полностью уверена в себе. Если я дрогну на вынесении приговора и помилую Нуара... Кто знает — к каким последствиям это может привести. Поэтому, я хочу, чтобы решение принял Ферокс. У него точно ничего не дрогнет.

— Слушаюсь, повелительница. Я вызову сюда своих драконов. А теперь, позвольте, я доставлю вас в ваш дворец.

— А как ты со своими свяжешься? — спросила я Килгара.

— С любим, из своего рода, я могу общаться мысленно, на каком бы расстоянии друг от друга мы не находились.

— А со своим повелителем ты не можешь связаться также? — поинтересовался у золотого дракона демон бездны.

— Могу, но не буду. О покушении на повелительницу лучше доложить лично повелителю.

— А, ведь, золотой ящерице сильно влетит от Ферокса, — как бы, невзначай, произнёс Аббадон. — Всё-таки, подверг жизнь повелительницы опасности...

— Аббадон, тебя послали сюда с дипломатической миссией, да? Вот, и занимайся только ей! — резко осадила я Верховного демона.

— Как прикажет повелительница этого мира, — откликнулся мужчина. — Похоже, ты, Милена, осмелела, с того момента, как оказалась здесь. Но... — он слегка коснулся моей щеки, от чего я, невольно, отшатнулась. — Ты, всё равно, меня боишься. Я чувствую твой страх передо мной. Это... опьяняет.

— Да, я тебя боюсь, Аббадон, — не стала я отрицать очевидное. — Но, теперь это другой страх. Я боялась тебя, так как ты мог сделать со мной всё, что угодно, ни перед кем за это не отвечая. Более того, был велик шанс того, что вступит в силу договор, который ты заключил с моей матерью. Сейчас ситуация кардинально изменилась. Убить меня ты не можешь. Сделать со мной что-то, не отвечая перед Фероксом и Люцифером — тоже. Но, безобиднее ты от этого не стал. Бояться тебя — это, по-моему, совершенно естественно.

— А ты не боишься того, что когда ты родишь Фероксу наследника, ты перестанешь быть ему нужной? — спросил Аббадон. — Ведь, тогда ты, вполне, можешь оказаться в моей власти.

— Даже если я перестану быть нужной Фероксу, то от этого я не перестану быть правительницей Зиградена. И это не отменяет того, что я останусь главой Кавэлли. Кроме того, к тому времени, я могу ещё быть любовницей Люцифера. Против него-то ты не пойдёшь?

— Любовницей Люцифера? Ты о чём? — с удивлением посмотрел на меня демон бездны.

— Ах да, ты же не в курсе, — вспомнила я. — В общем, кое-что произошло и мне пришлось согласиться стать любовницей повелителя Преисподней. Ферокс знает об этом и не возражает.

— Это что же должно было произойти, Милена, чтобы ты, со своими моральными человеческими принципами, согласилась спать с кем-то, к кому ничего не испытываешь?

— Если тебе это так интересно, то спроси самого Люцифера. Или Ферокса.

Я ни за что не могла сказать Аббадону о том, что жду ребёнка Кая. Конечно, Люцифер и Ферокс уже обо всём друг с другом договорились и, по крайней мере, до рождения, моему ребёнку ничего не грозит, но... Аббадон — это Аббадон. Ему я никогда и ничего не стану рассказывать. Особенно, об этом. Демону бездны нравится причинять мне боль. Страшно представить, что ему может прийти в голову, если он узнает, что у меня будет ребёнок Кая.

— Кстати, Милена, твой Кай, ведь, тоже был убит, вместе с остальными своими друзьями? — внезапно, спросил Аббадон.

— Тебе-то какое дело?! — резко ответила я.

— Да никакого. Только, жаль, что это не я убил этого нахального пацана.

— Лучше заткнись сейчас! — с яростью прошипела я. — Заткнись, пока я держу себя в руках!

— Неужели, задел за живое? — с насмешкой сказал демон. — Ах, какая это драма — потерять своего любимого от рук своего же мужа.

— Что, раз моя душа и я сама тебе не достались, ты решил меня морально раздавить?! Не выйдет!

— Да? Ты так думаешь? Ты можешь посчитать, сколько людей умерло только из-за того, что имели к тебе какое-то отношение? Твоя мать, дети из лаборатории, жители Гиперона; мальчик Мишель, которого убила Адалисса... А теперь ещё и вся «Шисуна» разрушена. Столько людей... И всё это произошло по твоей вине, Милена. Потому, что ты родилась в этом мире, оказавшись рядом с этими людьми. Тебя, без преувеличения, можно назвать проклятой!

— Хватит! Замолчи! Я не хочу это слушать!

— Почему? Не любишь слышать правду о себе?

— Я...

— Не надо, Милена, — взял мою руку Рейф. — Ты не видишь, что он специально выводит тебя из себя? Не поддавайся на его провокации.

— Я понимаю! — вырвала я свою руку из хватки рыжего гипнотизёра. — Понимаю, но...

— Вспомни, что решила для себя вчера, Милена, — услышала я в этот момент голос Адалиссы. — Ты решила, что научишься ничего не чувствовать. Похоже, что пока у тебя это плохо получается, да?

Эти слова подействовали на меня, как холодный душ. Я, ведь, правда, всё для себя вчера решила. А раз так, то я должна эти решения воплотить в жизнь. И Аббадон мне в этом не помешает.

— Повелительница, — обратился ко мне Килгар. — Я не знаю о вас всего и я не могу понять, о чём вы ведёте разговор с этим демоном. Но, если вам этот разговор не нравится, то только скажите и я заставлю его замолчать.

— Ты? Заставишь меня замолчать? — раздался смешок со стороны Аббадона.

— Я не так силён, как глава красных богов-драконов, — продолжил золотой дракон, не обратив внимания на слова Верховного демона. — Но, я и не такой, как Нуар, который отказался почти от всей своей силы. У меня есть большой шанс убить Верховного демона.

— Он прав, — произнесла Адалисса. — Эти двое, по силе, примерно равны. Если они

всерьёз будут сражаться, то я не могу сказать точно — кто победит.

— Нет, Килгар. Ничего не надо делать, — покачала я головой.

«Мне только дипломатического скандала не хватало в первый же день моего становления повелительницей (пусть и только формальной), — подумала я. — Если бы драконы или демоны выпускали газеты, то заголовки были бы примерно такими: «Посланник Ада подрался с представителем мира драконов, из-за повелительницы!». Газет у нас, конечно, нет, но хорошего тоже будет мало!».

— Почему вы против, повелительница? Ведь, этот демон вас разозлил? — поинтересовался Килгар.

Только, почему-то, в голосе главы золотых богов-драконов не было недовольства. Был интерес.

«Ему интересно услышать ответ? — удивилась я про себя. — Почему? Почему его это заинтересовало?».

Но, я ответила:

— Потому, что если вы, двое, сцепитесь друг с другом, то это может отразиться на отношениях между миром драконов и миром демонов. А эти отношения и так только-только начали налаживаться (без лишнего хвастовства — благодаря мне). Даже если Аббадон меня бесит, злит, пугает — это не повод для того, чтобы ставить под угрозу благосклонность повелителей друг к другу. Договор они, конечно, не разорвут, но, думаю, приятного будет мало.

— Значит, интересы мира драконов вы ставите выше своих эмоций, повелительница? — почему-то, довольно улыбнулся Килгар.

— Так, это же естественно, — пожалала я плечами. — А в чём дело-то?

— Просто, он решил тебя испытать, Милена, — за дракона, ответил Аббадон.

— Испытать? Зачем? — не поняла я. — Испытывать меня, как повелительницу, смысла нет. Думаю, всем известно, что я, всего лишь, символично ношу этот титул.

— Это так, — кивнул дракон. — Но, что вам может помешать стать реальной королевой мира драконов?

— Ферокс, — не задумываясь, ответила я. — Он, явно, будет против. Да и я сама не горю желанием обладать реальной властью.

— Мне кажется, главная причина, как раз, в последнем, — сказал Килгар. — В том, что вы сами этого не хотите, повелительница.

После последних слов, он обратился в настоящего дракона, больше ничего не сказав. Я тоже промолчала и залезла на его спину.

— Я пока останусь здесь, — сказал Рейф. — Может, смогу пообщаться с твоим дедулей.

— Поступай, как знаешь, — не стала я его отговаривать. — Только дождись драконов и не помри где-нибудь.

— Постараюсь, — усмехнулся Рейф и направился назад — ко дворцу Нуара.

— Почему ты его не остановила? — спросил Аббадон. — Этот тип не станет никого дожидаться. Вдруг, Нуар его убьёт?

— Рейф давно не ребёнок, чтобы я контролировала каждый его шаг. Кроме того, в этом мире мало тех, кого он сможет убить. А по поводу Нуара... Рейф — гипнотизёр, а на моего предка гипноз действует.

— С чего ты взяла?

— Драйк мне говорил, что на тех драконов, которые лишились части своих сил

(неважно из-за чего), действуют пси-силы, вроде гипноза и телепатии, — объяснила я. — Правда, когда мне Драйк об этом рассказывал, я не думала, что это относится и к моему предку.

— А Драйк, оказывается, много полезного тебе рассказал, — произнёс демон бездны, подойдя к золотому дракону, на котором я уже сидела.

Но, как только Верховный демон приблизился, Килгар дыхнул на него огнём. Аббадону это не повредило, но на пару шагов он отошёл и вопросительно посмотрел на дракона.

— Я не стану возить на своей спине демона! — сказал дракон. — У него есть собственные крылья!

Точнее, не совсем «сказал». Килгар не открывал свою пасть. Просто его слова раздались у нас в голове. Похоже, что в драконьем облике, он мог общаться телепатически.

— Крылья у меня есть, — согласился Аббадон. — Но, ведь, у Милены тоже.

— Я не умею летать, — сказала я. — Точнее, не пробовала. И я не уверена, можно ли это делать с помощью двух разных крыльях.

— Она — моя повелительница, — привёл свой аргумент Килгар.

— Милена, а ты же можешь приказать ему.

— Нет. Не буду. Маши крылышками, Аббадон.

— Мстишь за прошлые обиды?

— Для мести — это слишком мелко. Я издеваюсь, — честно сказала я.

— А дракоша, только что, буквально, похвалил тебя, сказав, что ты интересы мира драконов ставишь выше своих эмоций, — заметил демон. — А сейчас ты уже забыла, что я — дипломат, Милена?

— Нет, не забыла. Будь на твоём месте другой Верховный демон, Аббадон, я бы, наверное, приказала Килгару это сделать, но... Люцифер знает о наших с тобой взаимоотношениях и, вряд ли, он ждёт того, что я буду к тебе хорошо относиться.

— Ладно, я не стану спорить, — сказал Верховный демон, расправляя свои чёрные крылья. — Но, скажу тебе прямо — политик из тебя, пока, никакой.

«Я сама прекрасно знаю, что я и политика — несовместимые вещи, — подумала я, когда мы взлетели. — Хорошо, что, хоть, Аббадон сказал «пока». Это вселяет оптимизм. Несмотря на то, что Драйк мне два месяца вдабливал политологию и тому подобные предметы... Одно дело знать это теоретически и совсем другое — применять эти знания на практике. Вот, как я должна была правильно поступить в данной ситуации, с Аббадоном? Не знаю. По идее, Верховный демон — посланник Люцифера и обращаться с ним непочтительно нельзя. Значит, я должна была заставить Килгара посадить демона себе на спину? Но, тогда бы пострадала гордость золотого бога-дракона. Ну, ладно. Что сделано, то сделано. Назад уже ничего не вернуть. Но, я так и не поняла — в чём был смысл вопроса Килгара? Обладала бы я реальной властью, я бы ещё поняла, но...».

— Может, золотой бог-дракон видит то, чего не видит даже Ферокс? — предположил голос Адалиссы.

— Что он может видеть такого, чего Ферокс не видит? — также, мысленно, спросила я Адалиссу.

— Ты знаешь, чем отличается каждый род богов-драконов? — вместо ответа, поинтересовалась бывшая богиня.

— Нет. Драйк мне такого не рассказывал.

— Тогда, расскажу я. Красные боги-драконы отличаются воинственностью. Они —

сильнейшие войны во всём мире драконов. Для них нет ничего лучше, чем сразиться с достойным противником. Хотя, про них нельзя сказать: «Сила есть — ума не надо». Они умны. Красные боги-драконы лучшие военные стратеги. Они могут выиграть битву, шансы победить в которой, были равны нулю. Правда, в дипломатии эти драконы не очень разбираются. Они слишком прямолинейны (в этом ты на них похожа). Золотых богов-драконов называют драконами мудрости. Дипломаты они прекрасные и они никогда не скажут ничего лишнего. Говорят, ещё они обладают даром предвиденья. Это, действительно, так, но, в отличие от человеческих ясновидцев, которые видят какие-то картины из будущего, драконы просто, при встрече с кем-то, чувствуют, что этот «кто-то» в будущем будет играть важную роль. Возможно, Килгар это в тебе и почувствовал.

— Вряд ли. Я не вижу для себя в будущем возможности того, что я и мои слова будут иметь какое-то значение.

— Ты, может, и не видишь, зато, видит он.

— А что с чёрными богами-драконами? — не стала я акцентировать внимание на словах своего второго «я».

— Чёрные боги-драконы отличаются коварством, жестокостью и жадной властью. Они не остановятся ни перед чем, чтобы добиться своей цели. Неважно — кем или чем им придётся для этого пожертвовать. Они не такие благородные войны, как красные боги-драконы. Чёрные, в любом случае, добьются поверженного противника. Они не обладают такими обширными знаниями, как золотые. Но...

— Но, вместе с тем, именно чёрные боги-драконы правят этим миром, — закончила я за неё. — Я не понимаю — почему? Ведь, для правителя, мудрость — одно из главных качеств. Тогда, почему повелителями не являются золотые боги-драконы?

— Этому есть много причин. Например, одна из них — это то, что золотые боги-драконы обладают качеством, которое может помешать им стать отличными повелителями, несмотря на всю их мудрость. Это — сострадание. Несмотря на то, что ведут они себя при общении довольно холодно, из всех драконов, золотые — самые мягкосердечные. И этот один их недостаток перечёркивает всё остальное. Они сами это понимают, поэтому род Килгара никогда не претендовал на трон этого мира. Правя такими созданиями, как драконы или демоны, ты не можешь позволить себе ни одной слабости. Стоит твоим подчинённым заметить в тебе, хоть, одну слабинку и тебя даже могут убить, как топят породистого щенка с неправильным окрасом. Теперь, кстати, понимаешь, почему Аббадон сказал, что из тебя неважный политик, Милена? Твоя слабость в том, что ты слишком зависима от своих симпатий и антипатий. Как бы ты не ненавидела демона бездны, как повелительница и представительница своего народа, ты не должна была этого показывать. Даже если, как ты и сказала, Люцифер не ждал от тебя хорошего к нему отношения.

— В общем, как я поняла, я должна всем вежливо улыбаться? — не слишком обрадовала меня подобная перспектива.

— Именно. А ты как хотела, Милена? Ну, а почему красные боги-драконы не являются повелителями — тут и так ясно. Они войны, а не политики. Будь они у власти, мир постоянно бы находился в состоянии войны. Так что, чёрные боги-драконы единственные, кто может править. Они не станут ввязываться в бессмысленную войну, но они без всякой жалости уничтожат всех своих врагов. Они — тираны, но только такие и могут держать здесь власть. Они умные жёсткие политики, которые рассматривают окружающих, зачастую, только с той стороны — принесут ли они пользу им и их миру. А когда пользы от кого-то

нет, то его можно просто уничтожить. Вот, какой ты должна стать, чтобы смочь защитить своего ребёнка, после его рождения, Милена. Ты должна стать истинным чёрным богом-драконом, а не быть им только по происхождению.

— Я сомневаюсь — смогу ли, — вздохнула я про себя.

— Если хочешь выжить и защитить, то сможешь. У тебя просто другого выбора нет. Твой слуга, Драйк, ведь, не зря потратил на тебя два месяца? Я, кстати, хочу, чтобы ты воспользовалась советом Аббадона, по поводу Зиградена, — сказала Адалисса.

— Заключение пари с Фероксом и, выиграв его, получить независимость в Зиградене?

— Да. Пока, это твоя единственная возможность, чтобы показать Фероксу, что ты — не просто красивая кукла для вынашивания и рождения его наследника. И, разумеется, это возможность заниматься своими делами, независимо от своего мужа.

— Но, я не имею ни малейшего представления о том, о чём можно заключить пари с Фероксом и выиграть его!

— Решай сама, — отрезала Адалисса. — В конце концов, Ферокс не знает, что Драйк занимался твоим обучением два месяца. Повелитель драконов (да и твои родственники) думает, что ты, вообще, ничего не умеешь и ни на что не способна. Воспользуйся этим.

В этот момент мы, наконец, прибыли на место своего назначения.

— Повелительница, разрешите мне, для начала, поговорить самому с повелителем? — попросил Килгар, приняв облик человека.

— Хорошо, — кивнула я.

— Мне хватит того времени, пока вы, с посланником Преисподней, будете идти в тронный зал, — сказал золотой бог-дракон, исчезая, видимо, телепортировав к моему мужу.

— Пока мы идём, может, расскажешь мне, кого именно прислал мне повелитель Ада? — поинтересовалась я у Аббадона, направляясь в сторону зала.

— Я тебе уже сказал, что он — высший демон, — ответил Аббадон. — Есть в нём одна особенность — он не подчиняется никому, кроме самого Люцифера.

— А как же Верховные демоны? Или он был личным слугой Люцифера? — вспомнила я то, что Драйк подчиняется только мне и никому другому.

— В том-то и дело, что нет. Обычный высший демон, правда, являющийся главой своего рода. Он как-то сказал, что подчинится только тому, кто заслужит его уважение. Похоже, что, кроме повелителя Преисподней, никто его уважения не заслужил. Многие Верховные демоны пытались его подчинить, но... даже находясь на краю смерти, он ни перед кем голову не склонил.

— Почему же его тогда кто-нибудь не убил?

— Потому, что его род один из немногих, кто может создавать магическое оружие. В общем, кузнецы, хотя, это не мешает им быть опасными противниками в бою. Если убьёшь главу этого рода, то тебе же потом этот род и отомстит. Подсунет тебе, например, какой-нибудь меч, который в бою обернётся против тебя. Поэтому, этот демон всё ещё жив.

— Если его не смог подчинить ни один Верховный демон, то как, Люцифер думает, это сделаю я?

— Не знаю. Твой «подарочек» — ты и думай, что с ним делать.

— Считай это своим испытанием, — произнесла в моей голове Адалисса. — Сможешь справиться с этим демоном, значит, сможешь править.

— А если я не смогу с ним справиться? — забывшись, сказала я вслух.

— Если не сможешь с ним справиться, можешь его вернуть в Преисподнюю, — решил демон бездны, что я спросила его. — Но, в таком случае, забудь о всяком уважении к себе.

— Если не сможешь с ним справиться, просто останешься игрушкой для спальни Ферокса и декоративным украшением трона, — ответила Адалисса.

— В общем, в любом случае, я должна подчинить его себе, — сделала я вывод из этих двух ответов, открывая дверь в тронный зал.

Открыв дверь, я так и замерла на пороге. Такой картины я никак не ожидала увидеть. Сильно раненый Килгар и сидящий на троне, со скучающим видом, Ферокс. У золотого дракона хлестала кровь из раны на груди, но он, всё равно, стоял перед повелителем с самым непоколебимым выражением лица.

— Что здесь происходит?! — с изумлением воскликнула я.

— Ничего, — спокойно ответил Ферокс. — Просто наказываю своего подчинённого за то, что не предотвратил нападение на тебя.

— Ты, ведь, прекрасно знаешь, Ферокс, что в этом не было вины Килгара!

— Защищаешь его, Милена? — повелитель драконов, явно, был недоволен тем, что я вмешиваюсь.

— Да, защищаю! Если бы Килгар, действительно, был виновен, я бы не стала этого делать. Никто не мог знать о том, что Нуар может напасть на меня. Ты и сам этого не знал. Отпуская меня к Нуару, ты был уверен, что он меня не тронет, разве нет?

— Повелительница, прошу вас, не вмешивайтесь, — это уже сказал сам раненый Килгар. — Я несу законное наказание за то, что не защитил вас.

— Да какого... — начала я, но, в этот раз, меня остановил, неожиданно резкий, окрик Адалиссы:

— Не лезь, Милена! Ты не в том положении, чтобы это делать! Вспомни, что может сделать с тобой (да и не только с тобой) Ферокс, если ты будешь ему перечить! Вспомни и замолчи!

— Но Килгара же наказывают из-за меня! — мысленно огрызнулась я на Адалиссу.

— Не становись, снова, той, кто стремится всех защитить! — осадил меня бывшая богиня. — Хватит! Думай только о себе и о своих детях! Всё! Больше тебя не должна волновать ничья судьба! А золотой дракон... чтобы ты не говорила, он виноват. Даже если он был уверен в Нуаре, он не должен был оставлять тебя с ним наедине. Ему, как дракону мудрости, такая оплошность непростительна.

— Всё равно, это — неправильно, — в мысленном разговоре с Адалиссой, я продолжала стоять на своём, но уже понимала, что дальше мыслей это не уйдёт. — Но, всё-таки, почему и Ферокс и Килгар были так уверены в моей безопасности с Нуаром, если они знали, как мой предок ненавидит Ферокса?

— У драконов очень сильна кровная связь, — ответила Адалисса. — Они никогда не причинят вреда ни одному своему кровному родственнику — будь он близкий или дальний. Они очень к ним привязаны. Драконы могут напасть на своего родственника только в одном случае — если их охватило безумие. А так как Нуар последние несколько десятков тысяч лет жил затворником, никто и не мог знать о том, что его рассудок помутился.

— Что-то я по своим кровным родственникам — Кавэлли — не заметила, что они сильно ко мне привязаны, — заметила я.

— В твоих родственниках слишком много от демонов. Они, вообще, являются демонами, всего лишь, с примесью драконьей крови. Так что, ничего удивительного в их

поведении нет.

— Так, что? Будешь дальше защищать Килгара? — вмешался в мои мысли Ферокс, которому, по всей видимости, надоело, что я просто молча стою.

Даже если бы Килгар и Адалисса ничего мне до этого не сказали, после этих слов Ферокса, я сама бы отказалась от идеи дальше с ним спорить. Что-то было в голосе повелителя драконов, от чего мой инстинкт самосохранения, буквально, завопил: «Стоп! Куда ты лезешь?! Жить надоело?!». Я знаю, что, до этого момента, я к этому инстинкту слабо прислушивалась, но... в этот раз я решила, всё-таки, его послушать:

— Нет, Ферокс, я не буду его защищать. Если ты посчитал нужным наказать его, то так тому и быть.

Довольное лицо Ферокса, после моего ответа, захотелось разодрать ногтями. Но я, лишь, глубоко вздохнула и села на трон, рядом с ним.

— Убирайся с глаз моих Килгар, — вновь, вернулся Ферокс к золотому дракону. — И не смей являться ко мне, до тех пор, пока я тебя не позову.

— Слушаюсь, повелитель, — и Килгар, истекая кровью, покинул зал.

Следующие полчаса — час — были потрачены на разговор с Аббадоном; решались какие-то вопросы, касательно отношений между демонами и драконами; представлялись демоны, поступающие в распоряжение Ферокса и моё... Под конец, я уже слушала это всё в пол-уха, уйдя в свои невесёлые мысли. Я даже пропустила момент, когда Аббадон представил мне моего демона. Нет, как он выглядел, я запомнила, а вот, что касается имени... Даже под страхом смерти я бы его сейчас не вспомнила. Слишком я тогда была погружена в себя. Лишь, после всей этой формальной части, когда Аббадон в разговоре с Фероксом упомянул меня, я решила обратить внимание на происходящее.

— Повелитель Люцифер приглашает Вашу супругу на сегодняшний бал в Пандемониум, — сказал Аббадон.

— Какой ещё бал? — не поняла я.

— Самый обыкновенный. С танцами и весельем, — ответил мне демон бездны, а затем, вновь, обратился к моему супругу. — Конечно, если вы желаете, то тоже можете посетить это мероприятие.

— Благодарю, но я воздержусь от этого. Ваши балы слишком специфичны и слишком на любителя. Не могу сказать, что они мне совсем не нравятся, но... А вот моей жене, думаю, будет интересно. Для неё это станет незабываемым событием.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Аббадон.

Что-то мне в их словах очень не понравилось. Да и не было у меня никакого желания идти ни на какой бал. Но, как только я собралась вежливо отказаться, Ферокс мне сказал:

— Если откажешься идти, то можешь оскорбить этим Люцифера. Так что, никакого отказа с твоей стороны не будет.

— Хорошо, — не стала я спорить. — Когда идти?

— Прямо сейчас, — голос демона бездны был насмешливым и злорадным, что наводило на мысль о том, что бал, явно, будет не в моём вкусе.

— Вы сами меня отведёте в Пандемониум, господин Аббадон? — с долей яда, спросила я.

— Увы, госпожа Милена, у меня ещё сегодня много дел. Я и на сам бал не смогу попасть. Жаль, что пропущу такое зрелище.

— Тебя отведёт твой слуга — Драйк, — сказал Ферокс.

На этом, встреча с, так называемом, послем Преисподней, закончилась. А меня вынудили отправиться на бал демонов.

Глава 5.

«И зачем меня только сюда принудительно пригласили? — с раздражением думала я, стоя у дверей входа в зал, рядом с Драйком. — Не люблю я все эти светские вечера. И то, что я научилась, всё-таки, танцевать — этого не изменило».

— Драйк, — позвала я своего слугу. — Скажи-ка мне — сколько, вообще, будет длиться это мероприятие? Надеюсь, не долго?

— Не знаю, — пожал плечами мужчина. — Нет никакого определённого времени.

— То есть, скучать мне здесь, чёрт знает — сколько, — пришла я к печальному выводу.

— А кто сказал, что вы будете здесь скучать, госпожа Милена? — усмехнувшись, спросил Драйк. — Вы, ведь, никогда не были на демоническом бале? Будьте готовы к тому, что здесь вы, в полной мере, увидите истинную сущность демонов. Это будет, вовсе, не такое мероприятие, которое вы ожидаете.

— В смысле — не такое? — напряглась я от его слов. — Не такое — в лучшую сторону или наоборот?

— Для вас, скорее, в худшую, — «обнадёжил» демон. — А теперь, прошу меня простить, госпожа, но я должен вас покинуть.

— Зачем? — перспектива остаться здесь одной мне не понравилась.

— Мне необходимо подготовить для вас кое-какие документы и договориться о вашей встрече с несколькими главами родов высших демонов Зиградена. — ответил он.

— А отложить это никак нельзя? На завтра, например?

— Нет, госпожа, нельзя. О чём вы беспокоитесь? Вы являетесь гарантом союза между драконами и демонами. Вас, в любом случае, не убьют.

— Какое-то слабое утешение! — буркнула я. — Ладно, иди.

Когда Драйк ушёл, я зашла в зал и огляделась по сторонам. Вроде, ничего особенного — выпивка, музыка, веселье. Верховные и Высшие демоны, Люцифер, со скучающим видом, на троне...

«Кажется, Драйк, всё-таки, ошибся, — решила я. — Это обычный скучный бал!».

И, как раз тогда, когда я об этом подумала, рядом со мной один мужчина, случайно, толкнул другого. Толкнувший рассыпался в извинениях и поклонах. Было видно, что он очень напуган. А мужчина, которого толкнули, смерил его презрительным взглядом и, материализовав из воздуха меч, просто снёс ему голову! Я, в шоке, смотрела на обезглавленное тело, голова которого закатилась куда-то под столики с алкоголем. Кровавое пятно начало разливаться по полу тронного зала. А самое жуткое — это то, что, кроме меня, на это происшествие никто внимания не обратил. На раздавленного таракана и то внимания бы больше обратили!

«Я не понимаю... Не понимаю! Я знаю, что это — демоны и всё такое, но... Они же, хоть как-то, должны были отреагировать на смерть своего собрата? Разве, нет?».

А через какое-то время тело демона обратилось в пыль. Единственным напоминанием о нём осталась лужа крови, которую даже и вытирать никто не стал.

Совсем рядом раздался чей-то стон. Я обернулась и чуть не упала от увиденного. Стоны издавала какая-то демонесса, лежащая на столе, раздвинув ноги, под каким-то, опять же

незнакомым, демоном. Осознав, чем они занимаются, я поспешно отвернулась, покраснев. И, опять же, ноль внимания окружающих. Хотя, нет. Не совсем. Кто-то кинул пару комментариев, что-то вроде: «Эй, Агварес! Уступишь потом место?», «Не перетрудишься с ним, детка! На тебя ещё есть много желающих!», «А третьим не возьмёте?» и всё в том же духе.

«Мама дорогая! Куда я попала?! — поражённо думала я. — Что здесь творится?!».

Но, как выяснилось, это ещё были цветочки, по сравнению с тем, что ждало дальше. Я видела обнажённых людей, ползающих на четвереньках у ног какого-то Верховного демона, который держал их, как собак, на поводке. Я видела, как трое демонов насильовали женщину (судя по вертикальным зрачкам, человеком она не была, но она могла и не быть демонессой). То, что это — насилие, было видно по дорожкам слёз на её щеках и по тихому жалобному мычанию. Кричать она не могла, так как, извините за откровенность, рот её был занят. Я слышала, как тот демон, который, как раз, и занимался ртом насильюемой, сказал ей: «Попробуешь укусить — буду вырывать каждый твой зуб по одному, до тех пор, пока не останется — чем кусать. Так что, будь послушной девочкой». Отведя взгляд от этой мерзкой сцены, я наткнулась на другую. Похоже, что ещё какой-то несчастный не угодил более сильному демону, так как один схватил другого за ворот и, удерживая, свистнул. На этот свист пришло шпук десять огромных чёрных собак, с горящими жёлтыми глазами. Тот, кто держал, сказал только одно короткое слово — «еда» и толкнул свою «жертву» прямо в середину своры. Псины не заставили себя долго ждать. Они стали рвать мужчину на части! Собаки отрывали по куску мяса и тут же глотали его! Я не знаю, почему демон не защищался. Он только кричал, махал руками, захлёбываясь в собственной крови!.. А за этим, с нескрываемым интересом, наблюдало несколько демонов и демонесс. А меня чуть наизнанку не вывернуло, когда собаки добрались до внутренностей мужчины! В общем, секс, насилие, убийства, жестокость!.. Вот, что такое — бал демонов!

«Я не могу смотреть на это! — я направилась к выходу из зала (мои нервы не выдержали). — Я хочу уйти отсюда! Я не хочу здесь находиться! Я хочу закрыть глаза, уши и стереть этот вечер из памяти навсегда и полностью!».

Я уже почти добралась до выхода, когда дверь в тронный зал распахнулась, заставив меня отшатнуться назад и сделать вид, что я никуда не собиралась. В зал зашёл мужчина. Он мне чем-то напомнил главу красных богов-драконов. И дело не только в таком же цвете волос — цвета крови, а в чём-то ещё... неуловимом. А так, он был высоким, с плотным спортивным накаченным телосложением. Довольно смуглым. За этим мужчиной шла девушка. Точнее, не шла, а незнакомец тащил её, намотав её длинные светлые волосы на свою руку. Девушка была тоненькой и хрупкой, как тростинка. Её большие ярко-зелёные глаза были заполнены страхом и обречённостью, но, вместе с тем, гордостью и решимостью — она уже приняла свою судьбу, какой бы она не была. Судя по её заострённым ушкам, она была эльфийкой. Причём, светлой эльфийкой. А это означало одно — ей точно не жить. Светлые эльфы, как и ангелы, были старейшими врагами демонов и тёмных эльфов. Если драконы сохраняли нейтралитет, то эльфы разделились и сражались — кто на стороне демонов, а кто, как светлые, на стороне ангелов. Они воевали сотни тысяч лет, и никогда между ними никакого мира не было. И если светлый эльф попадёт в руки к тёмным или, что ещё хуже, в руки демонам — это конец.

«Как она здесь оказалась? — с изумлением подумала я. — Эльфы крайне осторожные создания. Поймать их — шанс один на миллион даже для демона!».

— Как тебе удалось поймать эту красавицу, Абигор?! — весело крикнул кто-то.

«Абигор? Демон войны? Он же был тем, кто управлял Зиграденом, пока меня не короновали» — вспомнила я, где слышала это имя.

— Эта наивная светлая овечка сама ко мне пришла, — ответил демон войны. — Выскочила из своего любимого леса, решив, что может помешать мне прикончить нескольких мелких лесных феечек, попавшихся мне.

— Она, действительно, думала, что может помешать тебе?! — хохотнул один из присутствующих мужчин. — Да она, на самом деле, наивная овечка!

— Если Абигор решил кого-то убить, то помешать ему никто и ничто не может, — вставила слово демонесса. — Разве что, приказ повелителя.

— Теперь, возникает вопрос: «Что будем с ней делать?» — произнёс Абигор, толкнув свою «добычу» на середину зала.

— Не имеет значения, что вы со мной сделаете! — решительным голосом, сказала эльфийка. — Вы — исчадья зла! Рано или поздно, свет вас одолеет, и вы все сгорите в своём же Аду!

«Она, явно, почти, подросток, — подумала я. — Взрослый эльф не стал бы говорить никаких речей. Просто молча принял бы свою судьбу».

— Надо же! Сколько смелости и пафоса! — усмехнулся демон войны. — А надолго ли тебе хватит этого запала? Кстати, я слышал, что если съест глаза эльфа, то ты увеличишь свою магическую силу. Давно хотел проверить — правда ли это?

— А мне, вот, более интересно проверить другое, — сказал тот, кто говорил, что девушка, действительно, наивная овечка. — Судя по виду, эта девочка ещё не замужем. Говорят, что эльфийки хранят свою девственность до свадьбы. Эй, Абигор, я надеюсь, ты не успел насладиться этой малышкой ещё в лесу?

— К твоему удовольствию, Асмодей, не успел.

«Значит, это — Асмодей? — более внимательно взглянула я на мужчину. — Верховный демон. Демон похоти и разврата. Я читала о нём, но, к счастью, лично не встречала. До этого дня».

Выглядел он как... Ну, как обычно представляют демона-соблазнителя? Вот именно так он и выглядел. На вид молодой, изящный, высокий. Каштановые волосы, тёмные глаза.

— Нет, не надо! Просто попробуйте меня или убейте! — впервые, голос эльфийки дрогнул.

Когда я изучала эльфийский язык, я изучала и некоторые обычаи этой расы. Конечно, обычаи тёмных и светлых эльфов различаются, но есть в них и общее. Что светлые, что тёмные эльфийки хранят свою невинность до самой свадьбы. Потерять её до этого момента... это хуже любой пытки. Для них лучше смерть, чем обесчестить. А уж, тем более, для светлой эльфийки потерять девственность с демоном — это худшее, что может произойти в её жизни.

— Так, ты не возражаешь, Абигор, если я трахну её первым? — поинтересовался Асмодей, не обратив внимания на слова девушки.

— Да пожалуйста. Мне нужны её глаза, а девственница она или нет — мне плевать.

Эльфийка затравленно огляделась, как будто ещё надеясь на какое-то чудо. Но, о каком чуде может идти речь, если ты попала в лапы к демонам? Девушка сейчас выглядела, как лань, окружённая стаей голодных волков. Только «волки» не собирались сразу убивать свою «добычу». Им хотелось ещё поиграть с ней.

Абигор подошёл к эльфийке, ударил её. Та упала на пол, на спину и, видимо, удар был

сильным, так как девушка подняться сразу не смогла. А потом уже стало поздно. Демон войны сел перед ней на корточки, притянув её головы, за волосы, к себе. Асмодей устроился на ней сверху, задрал её платье. Эльфийка завопила, стала вырываться. Но, куда ей против двух сильных мужчин, тем более, Верховных демонов?

«Нет, я должна немедленно и незаметно отсюда уйти! — в панике думала я, у которой чуть ноги не подкашивались от этого зверства, что творилось сейчас на моих глазах. — Я не смогу просто стоять и смотреть на это! Не смогу! Это — невозможно! Но, если вмешаюсь, всё равно, ничем не помогу! Поэтому, я просто должна уйти!».

Я начала медленно продвигаться к выходу, стараясь не смотреть в центр зала, где и творилось сейчас всё действие и, стараясь перебороть своё желание побежать и закрыть уши и глаза. А желание сделать это было огромным.

— Милена, подойди ко мне, — в эту секунду услышала я голос Люцифера.

Я остановилась, как вкопанная, не ожидав такого поворота. Теперь мне было не уйти. Не подчиниться прямому приказу повелителя — это, всё равно, что бросить ему вызов! Поэтому, мне пришлось, сжав зубы, направиться к трону Люцифера. Пока я шла, я слышала звук рвущейся одежды. Не удержавшись, я замерла и посмотрела на происходящее. Эльфийку уже раздели полностью. Точнее, одежду на ней просто разорвали. Абигор же достал откуда-то тонкий кинжал и, похоже, собирался использовать его для глаз девушки.

— Милена, — холодный голос, от которого мороз прошёлся по коже. — Я не собираюсь повторять дважды.

Я остановилась у трона Люцифера.

— Кажется, тебе не очень нравится происходящее, Милена? — поинтересовался повелитель Преисподней.

— Да, — не стала я отрицать. — Вы, ведь, знаете, повелитель, что я всю свою жизнь жила, как человек. Меня растили, как человека и я просто не могу спокойно относиться к такому! Пожалуйста, повелитель! Вы же можете это остановить! Я прошу вас — прикажите прекратить это издевательство над девушкой! Пусть её просто убьют!

— Нет, я не стану этого делать, — спокойно ответил Люцифер. — Эльфийка сама виновата, что попала к Абигору. А за свою глупость и неосторожность надо отвечать.

— Но, не таким же образом!

— Милена, если ты хочешь вмешаться, то останавливать не буду. Но, в таком случае, девчонку ты не спасёшь и сама же займёшь место рядом с ней. За исключением, конечно, того, что непоправимых ран тебе не нанесут, но во всё остальном... Ты хочешь этого?

— Нет! — замотала я головой.

— Если нет, тогда подойди ко мне, — приказал повелитель демонов.

— Зачем? — напряглась я.

— Я уже говорил, что не собираюсь повторять дважды? В следующий раз, не подчинишься сразу, сильно пожалеешь. Подойди!

Выбора не было, поэтому я выполнила приказ. Когда я это сделала, Люцифер притянул меня к себе и, подняв моё платье до самых бёдер, посадил к себе на колени. Я такого не ожидала и, рефлекторно, попыталась воспротивиться такому положению вещей. В результате, мои бёдра сжали с силой, до боли, до синяков и сказали:

— Не сопротивляйся мне, Милена. Это, всё равно, бесполезно. В этот вечер я тебя от себя не отпущу.

— Но, повелитель, вы же не собираетесь ничего со мной делать здесь?! — со страхом

спросила я.

— Почему — не собираюсь? — искренне удивился демон, задирая платье ещё выше и касаясь моей груди. — Я многое собираюсь с тобой здесь сделать.

— Нет, вы не можете!

— Интересно, из-за чего?

— Из-за того, что... здесь много народа! Я не хочу делать что-то... интимное публично! И... эта эльфийка... Пожалуйста, повелитель, не заставляйте меня переступить через всё это!

За моей спиной раздался истошный вопль светлой эльфийки. Я, не выдержав, обернулась. У меня у самой крик застрял в горле от того, что я увидела! Из пустой глазницы девушки, как кровавые слёзы, текла кровь. Само же глазное яблоко было в руках Абигора. Демон войны поднёс его к губам, лизнул, а, затем, ярко-зелёный глаз эльфийки отправился в рот Абигора! После, кинжал Верховного демона потянулся ко второму, пока ещё целому, глазу «жертвы». По бёдрам девушки, также, стекала кровь. Асмодей, который двигался на ней, произнёс:

— А, ведь, действительно, оказалась девственницей. Не думал, что светлые эльфы, всё-таки, так блюдут целомудрие!

В ответ на эти слова, раздался громкий издевательский хохот остальных демонов. Как смех гиен, добывающих свою добычу!

«Почему она ещё в сознании? — пришёл мне в голову вопрос. — Она сейчас испытывает такую боль, что должна либо потерять сознание, либо умереть от болевого шока! Почему этого не происходит?!».

Моё сердце бешено отстукивало ритм страха, кровь стучала в ушах... Я не могла смотреть на это, но, одновременно, не имела сил отвернуться. Хотелось кричать, но горло, как будто, пересохло! Хотелось броситься на помощь девушке и своими же руками прикончить её мучителей! Но, одновременно, приходило осознание того, что я абсолютно беспомощна и, кроме того, сильные руки на моих бёдрах не давали мне пошевелиться!

Люцифер взял меня за подбородок и резко повернул моё лицо к себе:

— Не смей отвлекаться на что-то, когда ты со мной!

— Почему она не теряет сознание, повелитель?! — дрожащим, срывающимся голосом спросила я. — Почему?! Это давно уже должно было произойти!

— Заклинание Асмодея. Оно не даёт ей ни умереть, ни впасть в спасительное забытие. Она будет всё чувствовать и будет жить до тех пор, пока этим двоим не надоест с ней развлекаться.

— Остановите их! Умоляю! Она уже и так достаточно страдала!

— Ты понимаешь, чтобы с тобой было, если бы ты сейчас не находилась со мной? — вдруг, поинтересовался повелитель Преисподней.

— Вы... о чём?

— Если бы не я, на этом вечере ты бы была секс-игрушкой для каждого, кто тебя захочет, — ответил мужчина. — Можно сказать, что это традиция — развлекаться с той демонессой, которая пришла на бал впервые. И было бы неважно ни твоё происхождение, ни статус. Если не можешь защитить себя — тебя будут использовать. Так что, будь благодарна за то, что с тобой такого не случилось.

«Моей жене, думаю, будет интересно. Для неё это станет незабываемым событием». «Жаль, что пропущу такое зрелище». «Это будет, вовсе, не такое мероприятие, которое вы ожидаете»...

«Так, они всё знали! — поняла я. — Знали, что со мной здесь может произойти! С самого начала... с самого начала знали! И они спокойно оставили меня здесь одну?!».

— Если ты всё поняла, то будь хорошей девочкой, Милена, и делай то, что тебе говорят, — сказал Люцифер, после чего разорвал ткань платья на груди.

Он прижался к моей груди губами, одна его рука сжала мою ягодицу, а второй стал ласкать внутреннюю сторону бёдер, забравшись под ткань трусиков. Только удовольствия от этого не было никакого! Для меня всё сливалось в какофонию звуков — криков боли, отчаянья, воплей, стонов удовольствия, смеха и хохота... Всё это сводило с ума! Прикосновения Люцифера... Понимание того, сколько демонов здесь находится... Мне хотелось самой взвыть от безысходности!

— Пожалуйста, остановитесь! — всё ещё пыталась я достучаться до Люцифера. — Умоляю!

— Приподнимись, — вместо исполнения моей просьбы, приказал демон.

— За... — начала я, но осеклась, наткнувшись на предупреждающий взгляд Люцифера.

Я сделала то, что он сказал. Ухватившись за его плечи, я чуть приподнялась. Люцифер потянул за завязки, на которых держалось моё нижнее бельё. Лишившись его, я оказалась, практически, полностью раздетой, если не считать пару лоскутов платья, которые ничего не прикрывали и лифчика, лямки которого были спущены и который, также, ничего не скрывал. Мне хотелось разреветься от унижения. Но, всё, что я могла себе позволить — это пара слезинок на щеках. Мне хотелось оглохнуть, чтобы не слышать криков светлой эльфийки. Мне хотелось ослепнуть, чтобы не видеть творящееся вокруг. Мне хотелось перестать чувствовать, чтобы не ощущать пальцы Люцифера внутри себя, его губ на моей груди, его рук на моём теле и чтобы не ощущать, как моё тело начинает отвечать на его прикосновения!

— Зачем?! Зачем вам всё это?! За что?! Вы же могли просто переспать со мной! Но, не здесь! Я не хочу... не хочу этого! Не хочу!

— Не хочешь? Не лги себе, Милена, — усмехнулся Люцифер, проникая пальцами ещё глубже, от чего я вздрогнула всем телом. — Ты возбуждена и твоё тело скрыть этого не может. А я хочу... я хочу услышать резонанс ваших, со светлой эльфийкой, голосов. Резонанс ваших криков. Крик боли и крик удовольствия, звучащие вместе, хором.

— Нет! Нет, этого не будет! — с отчаяньем крикнула я. — Этого вы не заставите меня сделать!

— А зачем мне тебя заставлять? Мне не придётся этого делать. Ты сама закричишь, Милена.

Он расстегнул свои брюки и вошёл в меня, посадив сверху. Он держал мои ягодицы, заставляя двигаться на нём, заставляя, буквально, насаживаться на него... При этом, Люцифер не забывал целовать меня, ласкать, гладить... А за всеми этими слоями похоти и секса, слышался беспомощный крик насилуемой девушки и жестокий смех демонов.

Моё тело начало предательски поддаваться ласкам повелителя Преисподней, жаждало их! А я прилагала все усилия, чтобы не закричать; чтобы не доставить Люциферу такого удовольствия; чтобы не получить экстаз тогда, когда в двух шагах от меня кого-то истязают!

Когда я уже больше не могла себя сдерживать, я закрыла свой рот обеими руками. Но, Люцифер схватил меня за запястья, не давая мне помешать неизбежному и прошептал:

— Кричи, Милена. Кричи от удовольствия, чтобы тебя слышала эта эльфийка. Дай и мне, и ей, и всем присутствующим услышать твой сладкий голос!

Последние усилия не сделать этого рухнуло! Кажется, меня было слышно по всему залу! Я закричала и на мой крик, с ещё большей болью, откликнулась эльфийка! Боль и экстаз, слившиеся в одно. Две девушки в одном зале, но в разном положении. Одна из них умрёт, другая будет жить с воспоминаниями об этом вечере.

— Какое красивое сочетание голосов! — сказал кто-то совсем близко.

Подняв затуманенные глаза, я увидела рядом с тронном Люцифера Абигора. Его губы были измазаны кровью, а в одной руке он держал глазное яблоко, с радужкой ярко-зелёного цвета!

Лицо Абигора приблизилось к моему и я, с ужасом поняла, что, похоже, демон войны хочет меня поцеловать!

«Он хочет поцеловать меня теми же окровавленными губами, тем же ртом, которым он пожрал глаз светлой эльфийки! Нет!».

Я отшатнулась. Точнее, попыталась. Чья-то рука легла мне на затылок, не давая отстраниться от Абигора. Это был Люцифер! Мои руки тоже были перехвачены им же.

— Нет, умоляю, повелитель! Не позволяйте Абигору целовать меня! Пожалуйста, не надо!

Только Люцифер на мои мольбы не ответил. Когда губы Верховного демона коснулись моих, а его язык проник в мой рот, я поняла, что мешать ему никто не собирается. Только много позже, я подумала о том, что тогда могла и укусить мужчину. Но, тогда, почему-то, мне это даже не пришло в голову. Я чувствовала, как эльфийская кровь с губ Абигора измазывает мои; как капли этой же крови попадают в мой рот, текут по моему горлу... Чувствовала, как Люцифер всё ещё движется внутри меня, целует мою грудь, шею...

«Когда Абигор остановится?! — в отчаянии думала я. — Когда он насытится?! Когда они оба насытятся?!».

В моём рту уже не осталось ни одного места, которое бы демон войны не обследовал своим языком. На моём теле не осталось ни одного места, которое бы не ласкал повелитель Ада. А в моей душе не осталось, кажется, ни одного целого куска. Знаете, когда зеркало трескается, но при этом ещё не распадается? Вот, примерно, так я себя чувствовала. Разум всё ещё пытался сохранить ясность рассудка, но рассудок уже был весь в этих самых «трещинах».

Я, с облегчением, выдохнула, когда Абигор оторвался от моих губ. Но, как оказалось, обрадовалась я рано.

— Повелитель, как вы думаете? — начал демон войны. — Если эльфийские глаза увеличивают магическую силу у тех, у кого она есть, то, что они делают с тем, кто магической силой не владеет?

— Хочешь это проверить?

— Да. Ведь, как я знаю, Милена Кавэлли — на половину человек и никаких способностей у неё нет. А один эльфийский глаз у нас есть. Так, почему не попробовать?

Осознав, что они хотят сделать, я, глотая застрявшие в горле рыданья, замотала головой:

— Нет! Нет! Нет! Всё, что угодно, только не это! Прошу! Умоляю! Не делайте этого! Пожалуйста! Я не знаю, за что вы со мной так поступаете, но... Прошу!

— Знаешь, Милена, когда ты так умоляешь — это возбуждает ещё больше и ещё больше хочется сделать то, чего ты так не хочешь, — чуть ли не ласково мурлыкнув, произнёс Абигор. — А теперь, будь хорошей девочкой и открой рот.

Я с силой сжала зубы и губы, готовясь к тому, что пусть они меня, хоть, режут, хоть,

избивают, но я этого не сделаю!

— Какой непослушный ребёнок, — вздохнув, сказал демон войны. — А когда ребёнок непослушен, его проходимся заставлять, — после этих слов, он с силой нажал большим пальцем на мой подбородок, заставляя открыть рот.

Больше я никак не могла помешать Абигору. Мои руки держал Люцифер. Его же рука на затылке не давала вертеть головой.

Мои глаза расширились от ужаса, когда к моему рту поднесли глазное яблоко светлой эльфийки.

«Нет! Нет! Нет! Нет! — билось в моей голове единственное слово. — Нет! Нет! Нет Нет!».

Когда глаз коснулся моих губ... только тогда я, наконец-то, потеряла сознание. Только, перед этим, я слышала яростный крик Адалиссы:

— Люцифер, ублюдок! Ты, всё-таки, решил мстить мне, используя Милену!

Но, эти слова слышала, лишь, я одна.

Глава 6.

Я пришла в себя в чьей-то спальне, на широкой кровати, обнажённая, на чёрных шёлковых простынях. Я не сразу вспомнила, как я могла здесь оказаться. А когда вспомнила... мне захотелось, вновь, потерять сознание. Я чувствовала себя так, как будто меня окунули в бочку с грязью. И сколько бы я теперь не отмывалась, смыть её не получится. Разве что, если полностью содрать кожу и нарастить новую.

— Пришла в себя? — спросил знакомый голос.

Люцифер! Он сидел рядом с кроватью, в кресле, листая какую-то книгу. Он был абсолютно спокоен, как будто ничего и не было. Хотя, может, повелитель Ада, действительно, думал, что ничего такого и не произошло?

— А где... — начала я.

— Абигор? Ушёл. Хочешь его увидеть?

— Нет! И я не про него хотела спросить. Та светлая эльфийка...

— Мертва, — ответил Люцифер, вставая с кресла и подходя ко мне, от чего я испуганно шарахнулась от него. — Не бойся. Я не собираюсь сегодня ещё что-то делать с тобой. Ферокс требует твоего скорого возвращения в мир драконов. Кстати говоря, ты не чувствуешь ничего необычного?

— Необычного? — переспросила я. — Да нет... вроде. А что?

— Демон войны же скормил тебе этот эльфийский глаз, — объяснил Люцифер. — Должны же из-за этого были произойти какие-то изменения.

— Что?! — внутри меня всё похолодело. — Нет — это неправда! Вы лжёте! Я же потеряла сознание в тот момент! Я не могла!..

— Глотательные рефлексы работают даже тогда, когда ты без сознания. Так что, заставить тебя проглотить глаз можно было без проблем.

— Зачем? Зачем вам всё это?! Я имею в виду не только этот треклятый глаз, но... всё, что происходило на этом проклятом балу! Я же... я же вам ничего не сделала! Это вы вырвали меня из моего человеческого мира и запихнули в этот, ради союза с Фероксом! Так, за что вы ко мне так отнеслись?!

— Я не вижу в произошедшем ничего такого. Это был самый обыкновенный демонический бал.

— Самый обыкновенный?! Вы меня трахнули (другого слова не подобрать) на глазах у всех! Вы заставили меня вынести весь этот ужас и унижение, фоном которых были издевательства и пытки незащитной эльфийки! Вы позволили Абигору целовать меня этими... кровавыми губами и позволили ему скормить мне... чужую часть тела! Самый обыкновенный демонический бал, да? Вероятно, так оно и есть, но вы прекрасно знаете, что я — демон, лишь, на половину! И моя человеческая часть просто в ужасе от этого мира, где я теперь живу! Вы всё это знаете! Знаете и, всё равно... Я просто не могу понять — за что? Я согласилась спать с вами... Что вам ещё нужно?! Это всё из-за мести Адалиссе, я права?

— Ты знаешь о существовании Адалиссы? — соизволил изобразить удивление Люцифер.

— Разумеется! У нас же одно тело! Я разговариваю с ней во снах и слышу её голос

наяву. Я помню, что она что-то кричала о том, что вы мстите ей через меня. Это так, верно? Я не знаю, что вам сделала Адалисса, но мучая меня, ей вы не отомстите!

— Одевайся и возвращайся в мир драконов, — кажется, отвечать повелитель Ада мне не собирався. — Ферокс ждёт тебя.

— Подождите! — остановила я его, и... забыла, что хотела сказать.

Когда я привстала с кровати, я почувствовала что-то у себя на шее. Прикоснувшись, я нащупала что-то вроде... ошейника? Да нет — это было не «что-то вроде». Это и был ошейник, крепко обхватывающий мою шею! Я попыталась нащупать застёжку, но её не было — ремешок был целым и было непонятно, как на меня его смогли одеть.

— Ты не сможешь его снять, Милена, — произнёс Люцифер. — Можешь не стараться.

— Что это такое?

— Такие ошейники называют «оковами неволи». Раньше их использовали для укрощения излишне строптивых рабов, не желающих признавать ничью власть. Их и сейчас, в общем-то, для этого же используют. Эти «оковы» подчиняют волю. Слыша приказ того, кто надел на тебя этот ошейник, ты не сможешь не подчиниться, как бы сильно ты этого не хотела. Можешь сравнить это с нитями кукловода ваших человеческих экстрасенсов. А снять «оковы» может лишь тот, кто надел их. Или тот, кто сильнее того, кто их надел.

— Зачем вы это сделали?! — крикнула я и попыталась порвать эту «удавку» на своей шее.

Сделала я это зря, так как стоило мне потянуть за кожаный ремень, в мою шею, как будто, впились тысячи иголок. Было такое ощущение, что мою шею пронзили сотни осиных жал разом! Я почувствовала, как по шее потекла кровь... Значит, ошейник, действительно, жалил?

— Я тебя предупреждал, чтобы ты не пыталась его снять. А теперь, собирайся. Ферокс ждёт, — и он ушёл, так ничего и не сказав мне по поводу ошейника.

«Ферокс ждёт? — с горечью подумала я про себя. — Ферокс никогда и ничего не ждёт. Он только требует и берёт то, что ему нужно. А в кого я-то теперь превратилась? Меня, в самом прямом смысле, поимели на троне! У меня в ушах, до сих пор, звучат крики эльфийки! А теперь ещё и этот ошейник! И после этого я должна спокойно вернуться к Фероксу и попытаться сделать всё, чтобы защитить то, что мне дорого?!».

Я тихо начала смеяться. Почему? Почему я стала смеяться теперь, когда этот «бал» уже закончился? Наверное, это была истерика. Тихая, больше ни для кого не слышимая, но истерика. А может я, вообще, просто-напросто сходила с ума?

«Нет! — резко остановила я сама себя. — Я не могу. Не могу сейчас опустить руки. Не могу для своего же собственного удобства свихнуться и ни о чём не думать! Я должна... должна пережить это. Это же так просто. Просто представить, что произошедшее — сушая ерунда. Люцифер же так считает. Значит, я тоже должна считать также».

Эти мысли были разумными, но наши мысли слишком часто разнятся с нашими действиями. Когда я немного пришла в себя и полностью осознала, что находится в моём желудке, я попыталась избавиться от этого, но... организм, ничего не пивший и не евший больше десяти часов — этого делать не желал. Поэтому, за неимением другого выбора действий, я нашла новое платье, видимо, оставленное Люцифером, оделась и вышла из спальни.

Когда я вышла из спальни Люцифера, я наткнулась на Абигора, который, похоже, ждал меня!

— А ты что здесь делаешь?! — злобно, с агрессией, спросила я демона войны.

— Тебя жду, — подтвердил мои опасения мужчина. — Приказ повелителя: «Доставить Милену Кавэлли, в целости и сохранности, к её супругу».

— Но, почему именно ты?

— А ты мне не рада? — усмехнулся Абигор.

— У тебя ещё хватает наглости задавать мне этот вопрос?! — чуть не задохнулась я от возмущения.

— Ну, у тебя же хватает наглости называть Верховного демона на «ты», — заметил Абигор. — А я что сделал? Всего лишь, поцеловал тебя и, кроме того, дал тебе шанс обрести хоть какую-то магическую силу.

— То есть, ты считаешь, что, можно сказать, сделал доброе дело?! Когда ты целовал меня, твои губы были в крови! Как и твои руки! Замучить и изнасиловать беззащитную эльфийку — не велика доблесть!

— Так, тебе жаль эту светлую дуру?! — рассмеялся Верховный демон. — Да уж! Демон, который жалеет врага — это удивительное зрелище!

— Я — не демон! — огрызнулась я. — Я, вообще, непонятно — кто, но демоном я себя назвать не могу!

— Это точно. У тебя есть то, Милена, чего нет ни у одного демона. Человеческая душа. И это ставит тебя в опасное положение.

— Почему?

— Душа для демона — это, всё равно, что валерьянка для кота. Она манит к себе. Душа — это то, что досталось людям от того, кто сотворил ангелов. Светлая частица, которую демонам так и хочется разорвать, уничтожить, — он приблизился ко мне совсем близко. — Человеческую душу хочется заставить страдать, рыдать от безысходности и втапывать в грязь. Тебя нельзя убить, Милена, так как ты — залог союза между демонами и драконами. Но, лучше ли это для тебя? Человеческая слабая душа, запертая в теле полу-демона и вынужденная жить среди тех, кому так и хочется её замучить!

— Я живу среди драконов, а не демонов, — парировала я. — А им на человеческую душу наплевать. Всё, хватит разговоров. Просто выполни приказ Люцифера — верни меня в мой мир.

— Твой мир, да? Не смейся! Из-за твоего происхождения тебя никогда полностью не примут ни демоны, ни драконы, ни, даже, люди. Ты всегда будешь чужой, где бы ни оказалась.

— Так и подмывает спросить: «Ты и Аббадон, случайно, не родственники?». А то, что ему, что тебе нравится меня мучить. Но, с Аббадоном, по крайней мере, понятно — из-за чего он ко мне так относится. А ты? Я с тобой только недавно познакомилась (если это можно назвать знакомством).

— И я и Аббадон — демоны, — ответил Абигор. — И этим всё сказано. А ты — жертва, Милена. И по ощущениям, и по поведению, и по поступкам, ты — испуганная, загнанная добыча. Для демонов издеваться над такой, как ты — просто инстинкт.

— Просто инстинкт?!

— Да. Ничего личного здесь нет.

— Если мы не поторопимся, то мой муж будет недоволен, — ушло от меня всякое желание дальше разговаривать с демоном войны.

«Но, как ни грустно это признавать, Абигор прав во всём, — подумала я, когда мы

выходили из дворца Люцифера. — Из-за моего, мягко говоря, сомнительного происхождения, я не могу быть «своей» ни для кого. Но, ничего. И драконам и демонам как-нибудь придётся это пережить. Если это нужно, чтобы защитить тебя, — дотронулась я до своего живота. — Я стану такой же жестокой и бездушной, как все они. Я уничтожу себя прежнюю и запру своё сердце ото всех».

В мире драконов нас встретил Лекс, на чём Абигор оставил меня и вернулся в Преисподнюю.

— Лави и Николь живы?! — тут же набросилась я на киллера с одним единственным вопросом, даже не поздоровавшись.

— Живы, — ответил Лекс. — Когда твой муженёк наведалься в «Шисуну», этих двоих там не было. Обе были дома: одна — с родителями, другая — с братом. С ними же до сих пор и находятся. В школу, разумеется, возвращаться некуда. На месте «Шисуны» одни развалины, хотя, её уже и восстанавливают. Кстати, не хочешь навестить подруг?

— Хочу. Но, не могу. Я обещала Фероксу, что больше с ними не увижусь, если они живы. А ты не выяснял, что стало с директором и учителями?

— Директор «Шисуны» — Фабиан Штайн — жив. Не выжили завуч школы — Доминик Вейн и его марионетка — преподаватель по рукопашному бою — Шейн Келлер. Остальным повезло больше.

— Вот как. Значит, Доминик и Шейн погибли, — с тоской произнесла я. — Ещё две смерти на моей совести. А, ведь, именно они привели меня в «Шисуну». И именно благодаря Шейну я узнала о своей поддельной памяти.

— Да забудь ты о них! — резко сказал Мейснер. — У тебя нет времени думать об этом! Кстати, что ты делала в мире демонов?

— На балу была.

— И как? — заинтересовался Лекс. — Понравилось?

— Не хочу об этом говорить, — покачала я головой. — К тому же, мне нужно увидеть Ферокса.

Поймав какого-то слугу, я, заставила его проводить меня до тронного зала, где, как он мне сказал, находился Ферокс. Зайдя туда я, действительно, нашла своего благоверного там.

— Скажи мне только одно, Ферокс, — начала я. — Ты, когда отпускал меня к Люциферу, знал, что там может со мной случиться?

— Знал, — спокойно ответил бог-дракон. — Но, Люцифер обещал мне, что, кроме него, к тебе никто не прикаснётся.

— Если так, то обещание своё он не выполнил!

— Что ты имеешь в виду? — с удивлением приподнял бровь мужчина.

— Меня целовал Абигор — демон войны! И Люцифер этому, отнюдь, не препятствовал!

— Только целовал и всё? — насмешливо спросил Ферокс.

— Ладно! Если на это тебе плевать, то, что делать с этим?! — указала я на ошейник на своей шее. — Знаешь, что это?!

— «Оковы неволи», — с полнейшим равнодушием сказал бог-дракон.

— И ты в курсе, что эти «оковы» делают?!

— Да.

— И ты так спокойно к этому относишься?! С помощью этого ошейника Люцифер, буквально, сделал из меня свою рабыню! Свою рабыню, а не твою!

— Так, тебя бесит то, что ты не полностью принадлежишь мне? — с усмешкой,

поинтересовался Ферокс. — Хочешь, чтобы тобой владел только я?

— Издеваешься?! Нет, конечно! Я имела ввиду другое!

— В любом случае, я знал о том, что хочет сделать Люцифер, — сказал мужчина, подходя ко мне. — Мы говорили с ним об этом. Повернись, — внезапно, приказал он.

Наученная горьким опытом с повелителем Ада, что вопрос — «зачем?» — лучше не произносить, я безропотно повернулась. И когда это я успела стать такой покорной?

Сначала, я почувствовала, как мою шею обхватывает второй кожаный ремень. Я дёрнулась, но железная хватка Ферокса удержала меня на месте. Потом, было лёгкое покалывание на коже и, в конце концов, кожаный ремень, как будто слился в одно целое, безо всяких застёжек. Мне даже не понадобилось прикасаться к этому ошейнику, чтобы понять — он точно такой же, как тот, который надел на меня Люцифер.

— Для чего? — единственное, что я спросила.

— Для того чтобы была полная уверенность, что ты не наделаешь глупостей и будешь подчиняться и в этом мире и в мире Люцифера, — с этими словами Ферокс вышел из зала.

— И это моя госпожа? Та, которой я должен служить? Ха, это даже не смешно — прислуживать «собаке»! — услышала я недовольный мужской голос.

Это был тот демон, который должен был стать моим слугой. Правда, с поправкой на то, что я смогу его подчинить. Его имени я не помнила. Когда мне его представлял Аббадон, мои мысли были заняты другим. Но, то, что этот демон был очень красив, я запомнила ещё тогда. Высокий мужчина, атлетического телосложения, с рельефной мускулатурой. Несмотря на довольно резкие, жёсткие черты, лицо в целом на первый взгляд не лишено своеобразной привлекательности, но я сильно подозревала, что это — просто красивая оболочка, внутри которой притаилась зловещая и порочная тварь, какими я считала, в общем-то, всех демонов. В меру длинные волосы черного цвета и глаза цвета янтаря, с вертикальными зрачками.

— Если тебе что-то не нравится, то говори это прямо! — резко сказала я — на мирную беседу настроя у меня не было.

— А я прямо и говорю. Ты не подходишь на роль моей госпожи. Слабый получеловечишка, которого ни во что не ставят. Да теперь ещё и воли лишили полностью! Выполнять приказы такого ничтожества, как ты... Для этого мне предстоит очень низко пасть.

— Так, во-первых, я не позволяла тебе называть меня на «ты»! — начала я.

Я сразу поняла — если его прямо сейчас не поставить на место, то он так и будет пререкаться со мной и считать меня пустым местом. Такого я не могла допустить в своём положении.

— Ты меня услышал? — продолжила я.

— Да, я услышал те... вас, — скрипнув зубами, поправился мужчина.

— А, во-вторых, назови мне своё имя, — приказала я.

— Господин Аббадон его называл вам. Разве, нет?

— Называл. Но, я хочу услышать его от тебя, — не могла же я признаться, что я его прослушала.

— Киеран Дельгадо.

— Отлично, Киеран Дельгадо. А теперь, убирайся с глаз моих! Если ты мне будешь нужен, я тебя позову.

Он молча поклонился и вышел, напоследок одарив меня, отнюдь, не дружелюбным

взглядом. Но, он ничего не сказал, а это уже было прогрессом. По крайней мере, я так считала.

— Похоже, ты неплохо устроилась здесь, Милена. Или я пытаюсь так себя утешить?

Это был мой отец.

— Папа! — радостно воскликнула я, бросаясь ему на шею — в данный момент, он был единственным, кого я, действительно, была счастлива видеть. — Как ты здесь?! Откуда?! Ты же...

— Я изгой только в мире демонов, Милена. По остальным мирам я могу свободно перемещаться, — улыбнувшись, обнял меня отец. — Ну, как ты?

— Честно говоря, ничего хорошего сказать не могу, — призналась я, отстраняясь. — То, что Люцифер, буквально, продал меня Фероксу — это ещё не самое страшное. Ты знаешь про смерть Кая и остальных моих знакомых?

— Знаю. Об этом я и хотел с тобой поговорить. Точнее, не поговорить, а признаться.

— Признаться? В чём? — с удивлением, посмотрела я на него.

— В том, что это я виноват в смерти твоих друзей.

— Как? Что ты имеешь в виду?

— В тот день, когда я узнал о том, что Люцифер использовал тебя, чтобы заключить союз с драконами, я... я был просто вне себя от ярости. Я плохо понимал, что делаю. Я тогда пошёл к Фероксу, так как знал, что Люцифер, точно, слушать меня не будет. Я, правда, не думал, чем может закончиться этот визит. Я сказал повелителю драконов, что я категорически против вашего союза и когда он спросил: «Почему?», я ответил: «Милена слишком долго жила в человеческом мире. Ни мир драконов, ни мир демонов никогда не станет для неё родным. А с миром людей её очень много связывает!». «Значит, очень много связывает, да? — произнёс тогда Ферокс. — Значит, всё, что мне остаётся — это просто уничтожить все эти «связи»? Думаю, этими... связями являются те люди, которых она знает. В том числе и парень твоей дочери. Скажи мне его имя, демон».

— И ты сказал ему?

— Да.

— Зачем? Зачем ты это сделал?!

— Сам не знаю — зачем, — пряча от меня глаза, ответил демон. — Возможно, подсознательно, я, всё-таки, хотел, чтобы ты была оторвана от человеческого мира, который так чужд для меня. Возможно, я инстинктивно ненавижу в тебе человеческую душу и хочу причинить ей боль. А, может, из-за Адалиссы... Чтобы она была рядом...

— Адалисса?! Так... всё дело в ней?! — поразила я. — Папа... скажи... скажи мне честно — кого ты во мне видишь? Меня — свою дочь Милену или Адалиссу — ту, которую ты любил?

— Ты знаешь о моих отношениях с Адалиссой?

— Знаю. Адалисса рассказала. Папа, ответ на мой вопрос — кто я для тебя?

Отец молчал. Он не знал, что мне ответить. Но, ясно было одно — твёрдого и однозначного ответа у него не было. Он не мог с полной уверенностью сказать, что я — его дочь и всё.

— Уходи, — тихо сказала я, а потом, сорвавшись, крикнула. — Пожалуйста, уйди! Я не хочу тебя сейчас видеть!

Демон молча пошёл к выходу, но остановился и произнёс:

— Вряд ли тебя это утешит, Милена, но я убил твоего отчима — Виктора Деланье. Он

ответил за всё, что с тобой сделал.

— Правда? А меня пытался убить наш с тобой предок и я побывала на демоническом балу, — я взглянула на исказившееся ужасом лицо Савариса Кавэлли (он прекрасно знал, что это за мероприятие — демонический бал) и продолжила. — Этот бал... он многому учит, знаешь? Учит ненависти, боли, похоти... Так что, если твоя цель того, что ты сказал Фероксу имя Кая была в том, чтобы причинить боль моей человеческой душе, то у тебя это прекрасно получилось. А теперь, уйди!

Отец ушёл. А я... Меня не порадовала новость о смерти Виктора Деланье. И грусти, я тоже не чувствовала. Я, вообще, ничего не чувствовала по этому поводу. Произойди это несколькими днями раньше, я бы была счастлива от того, что человек, который лишил меня детства, отправился на тот свет. Но, не теперь. Виктор Деланье теперь не имел никакого значения для моей жизни. А отец...

«Как он мог так поступить? Да, Ферокс, рано или поздно, и сам бы узнал имя Кая, но... Если бы он (отец) не пришёл к Фероксу, то, возможно, повелителю мира драконов и в голову бы не пришло кого-то убивать! И он так и не смог ответить на такой простой вопрос! Мне теперь нельзя верить даже ему? А кому мне тогда верить?!».

Ответ был прост. Никому. Я никому не могла доверять. Хотя, нет. Как это ни смешно, я могла доверять Фероксу и Люциферу. Они, по крайней мере, не скрывали своих намерений. Если они хотят с тобой переспать — они это и делают. Если хотят убить — то же самое.

Я вышла из зала и окликнула Лекса, который ждал меня у него:

— Лекс, отведи меня в мою спальню. Ты помнишь, где она находится?

— Да. А ты нет? Просыпается твой родной топографический кретинизм?

— Именно. Идём, — не стала я дальше развивать эту тему. — Я просто хочу сейчас запереться у себя и всё. Чтобы никого не видеть, не слышать и ничего не чувствовать. Хочу просто отдохнуть.

— Как скажешь, — слегка поклонился Лекс и, почему-то, в этом поклоне я не почувствовала обычной театральности Лекса.

Это мне не понравилось. Я не хотела, чтобы Лекс всерьёз мне кланялся. Это могло бы означать, что моя прежняя жизнь окончательно закончилась. Но, тем не менее, Лексу я ничего не сказала по этому поводу. Вместо этого, пока мы шли, я спросила его:

— Сколько времени ты собираешься со мной оставаться, Лекс?

— А ты против моего присутствия?

— Нет. Просто это странно, что ты, до сих пор, не вернулся в мир людей.

— Пока мне это интересно, я буду оставаться с тобой, — ответил Лекс.

— И тебе не страшно находиться среди драконов и демонов? Они, ведь, тебя не сильно жалуют, — заметила я. — Тебя могут убить в любой момент.

— Меня это не пугает. И ещё, я обещал Адалиссе, в случае чего, отдать за тебя жизнь. И я обещал остановить Адалиссу, если она снова захочет уничтожить какой-нибудь город. А как я всё это буду делать вдали от тебя?

— Поступай, как знаешь.

Когда я зашла в спальню и Лекс меня оставил, меня встретил Блэк. Вот о ком я совершенно забыла в последнее время!

— Блэк! Как же я могла забыть об ещё одном своём друге, которому могу верить?! — схватила я зверька в охапку. — Прости меня! Прости!

— Милена, — зашёл в комнату Ферокс.

— Если ты не против, я хотела побыть одна, — мрачно посмотрела я на своего мужа, выпуская из рук салера.

— Твоего предка — Нуара — схватили, — сказал Ферокс. — Кстати, не без помощи твоего слуги — Рейфа, к моему удивлению. И ещё, как выяснилось, у него обширный опыт в допросах и пытках.

— Да, этого у Рейфа, конечно, не отнять.

— Судьбу Нуара я намереваюсь решить сейчас. Присутствовать при этом или нет — думай сама.

— С чего это, вдруг, ты позволяешь мне самой принимать решение? — с подозрением спросила я.

— Нуар — твой предок. К тому же, убить он хотел тебя, а не меня. Хотя, убить меня у него тоже повод есть. Так, будешь присутствовать?

— Да, — кивнула я. — Только переоденусь.

Я отвернулась от него и подошла к шкафу. А потом, руки Ферокса обняли меня за плечи.

— Я не прочь помочь тебе переодеться, — шепнул он мне.

— Разве, ты не хотел прямо сейчас разобраться с Нуаром? — попыталась я вывернуться из его объятий.

— Сейчас не означает сию минуту. Чуть задержимся — какая разница?

— Я... я не хочу!

— Лжёшь — хочешь. Но, не хочешь в этом признаваться.

— Если эта драконья кровь заставляет меня желать тебя, то это вовсе не означает, что я должна поддаваться этому желанию! — сквозь зубы, прошипела я.

— Я заставлю тебя это сделать, — сказал повелитель драконов, опуская лямки моего платья и задирая его на бёдрах — я не сопротивлялась — не видела в этом смысла.

— Как заставишь? Прикажешь с помощью этой штуки? — дотронулась я до ошейника.

— Ну, зачем же? — усмехнулся мужчина. — Этого делать не понадобится. Сама сдашься.

Я и сама чувствовала, что так и будет. Жгучее желание, хотя бы, прикоснуться к Фероксу было таким сильным! Но, я осознавала, что если я это сделаю, то, вообще, потеряю над собой контроль. А мне этого, ох, как не хотелось. Ну, никак я не могла смириться с такой зависимостью от этой сволочи!

— Милена, прекрати уже упрямиться! — раздался голос Адалиссы. — Всё равно, сопротивляться зову крови богов-драконов бесполезно! Смирись с тем, что Ферокс тот, кого ты желаешь!

— Ни за что! — мысленным криком ответила я Адалиссе и, в этот момент, мужчина меня поцеловал.

И всё. И мои остатки самоконтроля канули в Лету. Я совершенно потеряла голову, ощутив вкус его губ! Адалисса была права — я не могла этому сопротивляться, как бы не старалась. Это было сильнее меня. Это было, как сильнейшая наркотическая зависимость! Я не помнила, чтобы в прошлый раз я настолько сходила с ума от прикосновений дракона! Сейчас... сейчас я была готова на всё, лишь бы Ферокс не останавливался. Хотя, мог ли он, действительно, остановиться в данный момент? Адалисса говорила, что наша сексуальная зависимость взаимна и если Ферокс чувствует хоть половину того же, что и я, то остановиться он не сможет. Как и в прошлый раз.

— Повелитель, вас ждут в тронном зале.

Это был один из слуг, которых во дворце было великое множество.

— А с каких это, интересно, пор, слуги имеют право меня торопить? — произнёс Ферокс и его голос, ещё хриплый от возбуждения, не предвещал незваному «зрителю» ничего хорошего.

— Я... я совсем не то имел в виду!.. Повелитель! — испуганно залепетал слуга.

Я подняла голову, посмотрела на Ферокса и... и мне стало страшно. Его глаза, цвета раскалённой лавы, были направлены на слугу за моей спиной и они были страшными! Злоба, холодное презрение и жестокость слились в одно! Никогда в жизни я бы не хотела, чтобы этот взгляд был направлен на меня. В этот момент ко мне пришло понимание того, что если на меня кто так и посмотрит — Ферокс, Люцифер или ещё кто-то — это будет означать только одно — моя жизнь подошла к концу.

— Повелитель!.. — это было последнее, что дракон-слуга произнёс в этой жизни.

Ферокс только поднял руку, сжал ладонь и незнакомый мне мужчина схватился за сердце. А ещё через несколько секунд он закатил глаза и замертво упал на пол.

— Как?! — только и смогла я произнести.

— Повелитель мира драконов — это не просто титул, — ответил Ферокс. — Жизни всех драконов этого мира находятся в моих руках. Как видишь, даже в прямом смысле этого слова. А теперь забудь о нём.

«О нём-то я, скорее всего, и забуду, Ферокс, — подумала я. — Но, твой взгляд, которым ты смотрел на него... Нет, этот взгляд я никогда не смогу забыть!».

— Ферокс, пожалуйста, исполни одну мою просьбу! — попросила я в этот момент.

— Какую ещё просьбу?! — с раздражением прорычал дракон — сдерживаться он уже не мог и я его, прекрасно понимала, но...

— Прошу, убери это тело отсюда!

Я понимала, что даже если Ферокс этого не сделает, я, всё равно, буду испытывать наслаждение и не буду думать ни о чём. Но, потом... меня будет это мучить! Мне, вполне, хватило того, что было на балу Люцифера, когда я видела светлую эльфийку! Мне только трупа для большего счастья не хватало! А Ферокс, как ни странно, сделал то, что я просила — под его взглядом тело слуги рассыпалось в прах.

Ферокс развернул меня к себе лицом, подхватил под ягодицы. Придерживая меня одной рукой, мужчина смахнул со стола, стоящего в комнате, почти всё, что на нём не было (судя по звону разбивающихся вещей — на нём было то ли что-то стеклянное, то ли что-то хрустальное), а на стол, в результате, была уложена я.

— Вообще-то, кровать есть! — заметила я.

— Стол ближе, — отрезал Ферокс, срывая с меня одежду (хотя, по сути, там и срывать-то было уже нечего).

«А, ведь, он прав, — промелькнула первая и последняя мысль. — Стол ближе, а до кровати ещё добраться надо».

После этого мой взгляд наткнулся на Ферокса, обнажающего свой торс и мои мысли ушли очень и очень далеко...

Глава 7.

— Я тебя ненавижу, Ферокс, — произнесла я, всё ещё лёжа на столе.

— Это ты себя так утешаешь сейчас, Милена? — с усмешкой поинтересовался Ферокс, одеваясь. — Стой, — остановил он меня, когда я собиралась слезть со стола. — На полу осколки от стеклянных вещей, которые я сбросил, — ответил он на мой удивлённый взгляд. — Если поцарапаешься... У тебя раны заживают медленно, а тебе сейчас идти в зал, в котором находится много драконов (в том числе, и богов драконов). Не очень хорошая ситуация выйдет, согласишься? При мне, скорее всего, они не будут делать попыток приблизиться, но тебе охота ловить на себе всё время их плотоядные взгляды?

— Нет!

— Тогда, иди сюда.

Ферокс взял меня на руки и отнёс на кровать.

— Одевайся и выходи в тронный зал, — сказал он и вышел.

Я вздохнула. Несколько дней назад я бы рвала на себе волосы и ненавидела бы себя за то, что с такой радостью отдалась Фероксу. Но, теперь... Я просто устала. Устала винить себя во всём происходящем и устала ненавидеть себя за то, что получаю удовольствие от секса с Фероксом.

Я встала с кровати, подошла к шкафу, выбрала себе одежду... В этот момент, в спальню зашли две девушки, которые сказали, что они здесь для того, чтобы помочь мне одеться. Я не возражала.

Как только я зашла в тронный зал, все переговоры сразу смолкли. И, стоило мне перешагнуть порог, все склонились передо мной.

«Я, наверное, никогда к этому не привыкну, — безрадостно подумала я, идя к своему трону, рядом с Фероксом. — Все эти поклоны, балы, приказы, этикет... Это — не моя жизнь!».

Драконы подняли головы, лишь, тогда, когда я села.

— Приведите Нуара, — произнёс Ферокс.

— Почему ты не назвал имя его рода — Кавэлли? — едва слышно спросила я своего мужа, зная, что он меня услышит.

— Если кто-то совершает преступление против главы рода, то он, автоматически, лишается его (рода) защиты и поддержки, а также лишается права причислять себя к этому роду (даже несмотря на то, что Нуар является его основателем). Проще говоря, Нуар больше не считается Кавэлли. Он просто безродный изгнанник.

Тем временем, в зал ввели моего предка. Его руки были скованы цепями, а за его спиной шли двое мужчин-драконов. Судя по волосам — цвета крови — они принадлежали к роду красных богов-драконов. А в шаге от этих двоих стражей шёл Рейф. Несмотря на то, что его окружали одни драконы, рыжий гипнотизёр был абсолютно спокоен, а когда я встретилась с ним глазами, я поняла, что он находится в прекрасном настроении. А что могло доставить ему радость? Я вспомнила, что Ферокс говорил о том, что Рейф участвовал в допросе моего предка. Кровь и муки жертвы — вот единственное, что доставляло радость Рейфу. То, от чего меня просто воротило.

— Нуар, — заговорил Ферокс, отрывая меня от мыслей о Рейфе. — Ты обвиняешься в том, что совершил попытку убить мою супругу и свою повелительницу. У тебя есть, что сказать по этому поводу?

— Я могу сказать лишь то, что я жалею о том, что потерпел неудачу, — прямо глядя в глаза Фероксу, заявил Нуар. — Жалею, что мне не удалось убить Милену Кавэлли и, тем самым, навсегда прервать твой род, Ферокс!

Присутствующие злобно загалдели. Кажется, что они были готовы порвать Нуара за его слова прямо сейчас. Не из-за меня, конечно, а за своего повелителя — Ферокса.

— Тихо! — рыкнул Ферокс — мгновенно наступила тишина и мужчина обратился к Нуару. — Ты понимаешь, что тебя ждёт за то, что ты сделал?

— Ты убьёшь меня, Ферокс, — спокойно ответил мой прародитель. — А если ты, вдруг, этого не сделаешь, я, вновь, попытаюсь убить твою жену.

«Нуар не воспринимает меня, как своего потомка, — поняла я. — Он видит во мне только жену Ферокса, которая продолжит его род. Для него я — враг. И он, действительно, не оставит меня в покое, если оставить его в живых».

— Повелитель, я могу высказаться? — встал со своего трона Килгар (на нём не было и следа ранения, которое нанёс ему Ферокс).

— Говори, — кивнул Ферокс.

— Я думаю, что не обязательно лишать Нуара жизни, — начал глава золотых богов-драконов. — Я предлагаю лишить его силы, которой у него и так, к слову, осталось немного. Тогда Нуар станет не опасен.

— Это, действительно, возможно? — с удивлением спросила я Килгара. — Лишить бога-дракона его силы?

— Да, — вместо золотого дракона, ответил Ферокс. — Это возможно. Но, сделать это — означает уничтожить саму сущность дракона. Сила дракона, пусть и почти угасшая... его огонь... Это неотъемлемая часть любого дракона и он без неё — калека. Он не сможет менять свой облик, лишиться своей драконьей части. Это, всё равно, что отрубить ему руки и ноги сразу.

— Но, зато, Нуар будет жить, — возразил Килгар.

— Нет! Мне не нужна такая жизнь! — с отчаянием крикнул Нуар.

Впервые за всё время своего нахождения в тронном зале, Нуар потерял свою хладнокровность. Он был готов к смерти, но не был готов к лишению силы. Килгар хотел спасти его жизнь, но моему предку и моему же несостоявшемуся убийце, такая жизнь, действительно, была не нужна.

— Лишение силы для дракона — это позор! — вскочил со своего места глава красных богов-драконов, чьего имени я пока не знала. — Невозможно так поступить с Нуаром! Да, он совершил тяжкое преступление, но даже он такого не заслужил! Нуар всегда был благородным воином, и он заслужил благородную смерть, а не жизнь инвалида!

— То есть, ты считаешь, что лучше умереть, чем остаться жить? — фыркнул Килгар. — Категорически не согласен!

Я переводила взгляд с золотого дракона на красного и пыталась определить — кто из них прав. С одной стороны, по человеческой логике — любая жизнь лучше смерти, но меня окружают не люди, а драконы. У них логика была другой. Мне было, конечно, не понять, как это — лишиться своей сущности. Но, судя по словам Ферокса и главы красных богов-драконов и по реакции Нуара — это худшее, что может произойти. К тому же, мне казалось,

что если Нуара лишит силы, он ожесточится и озлобится ещё сильнее, чем сейчас (хотя, куда уж сильнее). И что тогда? Даже лишённый силы, Нуар будет искать способы отправить меня на тот свет, причём, с ещё большим рвением. Даже если моего предка заточат где-нибудь... Пока он жив, я никогда не смогу чувствовать себя в безопасности. Килгар... Правильно говорила Адалисса, что золотые драконы не могут править из-за того, что в них присутствует эта черта — сострадание. Пока был жив Кай и остальные; когда я жила в человеческом мире, я могла себе позволить быть такой же. Но, не теперь. Оставить Нуара жить — это будет большой ошибкой.

— Мой повелитель, — обратилась я к Фероксу. — Если позволите, я выскажу своё мнение, — судя по изумлённому взгляду мужа, он не ожидал, что я вмешаюсь в это дело, но, тем не менее, кивнул и я продолжила. — Лично я согласна с главой красных богов-драконов.

— Но, повелительница!.. — взволнованно воскликнул Килгар.

— Килгар, а с каких это пор у тебя появились полномочия прерывать свою повелительницу? — холодно посмотрела я на бога-дракона.

Мужчина осёкся, долю секунды смотрел на меня, а затем, смирившись, сел. А я знала, что права. Я знала, что по законам мира драконов (спасибо Драйку, который вдалбливал мне эти законы в голову два месяца), если говорят повелители, то останавливать их речь (по любым основаниям) категорически запрещено. Из этого правила было одно единственное исключение и исключение это касалось супругов-повелителей. Проще говоря, прервать меня мог только Ферокс, если бы ему что-то не понравилось. Но, он молчал, а глава красных богов-драконов, лишь, довольно усмехнулся. Я же продолжила:

— Я не знаю, что для бога-дракона лучше — жить без своих сил или умереть. И разбираться в этом я сейчас не собираюсь. Но, мне нужна смерть Нуара. Пока он жив, пусть даже и лишённый сил, я не смогу спать спокойно. Я всё сказала, мой повелитель, — сказала я Фероксу. — Решать судьбу этого бога-дракона предстоит только вам.

Я посмотрела на Нуара — основателя моего рода, моей семьи. Он встретился со мной взглядом и его взгляд был... благодарным? Видимо, он, на самом деле, не хотел жить в этом мире без своей магии. Или он сам устал от жизни в этой ненависти? Не знаю. Но, в любом случае, теперь всё зависело от моего, так называемого, мужа. Хотя, я с самого начала не сомневалась в том, какое решение он примет. И была права:

— Нуар — чёрный бог-дракон. За совершение преступления против рода повелителей, ты приговариваешься к смерти.

— А я смогу в этом поучаствовать? — вклинился Рейф.

— В чём поучаствовать? — нахмурившись, посмотрел на него Ферокс.

— В казни.

— Зачем тебе это? — удивилась я.

— Интересно, — просто ответил Рейф. — Никогда не убивал бессмертных. Тем более, богов-драконов.

— И не убьёшь, — сказал, как отрезал, повелитель драконов. — Нуар, хоть и преступник, но даже он не заслуживает того, чтобы его жизнь прервало такое ничтожество, как человек.

Рейф спорить не стал. Хоть, он и был психом, но дураком, отнюдь, не был.

На этом, так называемое, судебное заседание завершилось. Нуара увели, слушатели разошлись. В зале остались только пятеро — оба главы богов-драконов, Рейф и я с Фероксом.

— Повелитель, вы уверены, что нельзя было обойтись без казни? — спросил Килгар, с самым мрачным выражением лица смотря на Ферокса.

— Не согласен с моим решением, Килгар?

— Нет, согласен, но...

Одно быстрое смазанное движение и Ферокс рядом с Килгаром. Ещё секунда и золотой дракон был схвачен за горло и поднят от пола одной рукой.

— Кажется, ты забыл, Килгар, что приказы повелителя никогда не обсуждаются? — поинтересовался Ферокс с плохо скрываемой яростью в голосе. — В последнее время ты что-то совершаешь слишком много ошибок, дракон мудрости. Не находишь? Ты совершил ошибку с Нуаром; ты решил, что можешь говорить мне о том, как мне следует обращаться со своей женой...

«А последнее-то Килгар когда успел сделать?» — с удивлением подумала я.

— Ты подумал, что можешь высказывать что-то моей супруге, когда она говорила. А теперь, тебе не нравится моё решение? Может, золотой дракон потерял свою пресловутую мудрость и твоему роду нужен новый глава, Килгар?

— Милена, ты не можешь потерять этого дракона! — раздался голос Адалиссы. — Несмотря на то, что ему не понравились твои слова по поводу Нуара, в данный момент он — твой единственный союзник. Ты должна что-нибудь сделать!

— Интересно знать — что?! — с раздражением ответила я Адалиссе, лихорадочно пытаюсь придумать, как действовать, ведь, как ни крути, а бывшая богиня была права.

Помощь пришла оттуда, откуда не ждали. В тронный зал зашёл один из моих старших братьев — Лэйрат Кавэлли. С изумлением окинув взглядом сцену, представшую перед его глазами, он произнёс:

— Кажется, я не совсем вовремя?

Несколько секунд Ферокс словно раздумывал — продолжить экзекуцию дальше, не обращая внимания на зрителей или продолжить её потом? Затем, бог-дракон, похоже, решил в пользу второго и отпусти Килгара, сказав:

— Все вон отсюда!

Никто не стал ждать, пока Ферокс повторит дважды, так как знали, что второго раза может и не быть, а сразу последует убийство нерасторопного вассала. Двое богов-драконов — Килгар и красный дракон покинули зал. За ними последовал и Рейф.

— Что привело в мир драконов высшего демона? — спросил Ферокс, садясь на трон и устало откинувшись на спинку (кажется, даже боги-драконы могут утомиться). — Неужели, суд над вашим предком?

— Отнюдь нет, — покачал головой Лэйрат. — За то преступление, которое Нуар совершил, он лишён своего рода, и его судьба нас больше не интересует. Я здесь, всего лишь, для того, чтобы узнать, как дела у моей сестры и главы моего рода.

— Значит, семейный разговор, для которого я не нужен, — встал Ферокс. — Я, пожалуй, отдохну, а вы здесь общайтесь.

Когда мой супруг пошёл к выходу, внезапно, в моей голове раздался его голос (до этого момента я не знала, что Ферокс владеет телепатией):

— Твои два ошейника никто не может видеть, Милена, если не присутствовал при их надевании. Так что, это твоё дело — говорить своим родственникам о них или нет, — и он ушёл.

А я уже решила, что не стану об этом рассказывать. Я знала, что моё положение главы и

повелительницы мира драконов и так очень символическое и формальное. Если мои родственники ещё узнают о том, что я нахожусь, буквально, в рабстве у двух повелителей... Моя репутация, вообще, упадёт ниже плинтуса. Сочувствия я от родственников, явно, не дожусь. Кроме того, несмотря на то, что при первой встрече с Лэйратом, он мне показался, довольно-таки, нормальным и благожелательным... сейчас я прекрасно чувствовала фальш во всём, что делал мой старший брат — в его улыбке, жестах, движениях. Лэйрат этого ещё не знал, но я была в курсе того, что пока я находилась в мире людей, обучаясь у Драйка, мой братик несколько раз пытался меня убить. Мне об этом сказал Драйк, благодаря которому попытки отправить меня на тот свет так попытками и остались. Правда, сам Лэйрат думал, что ему просто не везло, так как мой слуга всегда действовал незаметно и тихо. Действия Лэйрата Драйк объяснял мне просто: «Ваш брат не желает видеть в вас главу рода из-за вашей человеческой матери».

«Хоть, и не желает, а придётся» — подумала я теперь и заговорила первой:

— Что же привело тебя, Лэйрат? Извини, но я не верю, что ты здесь для того, чтобы спросить, как я поживаю.

— Почему же? Меня очень беспокоит, как приживается моя любимая сестрёнка в чужом для неё мире.

— Беспокоит? Не смей меня! Тебя может беспокоить только то, что я ещё жива!

— О чём ты? — с деланным удивлением спросил брат.

— А ты думал, что я не знаю о том, что в последние два месяца ты пытался меня убить... сколько раз? Дай-ка подумать... Кажется, раз десять? Или я ошибаюсь? В цифрах, имею в виду?

— Откуда ты...

— Откуда надо! — прервала я парня. — И вот, что я тебе скажу, Лэйрат. Мне абсолютно всё равно, как ты ко мне относишься и что ты обо мне думаешь. Но! Я являюсь главой Кавэлли. Я, а не ты! И ты обязан мне подчиняться, как бы тебе это не нравилось. Тем более что теперь я ещё являюсь гарантом договора между драконами и демонами, и убить меня ты не можешь.

— Насчёт последнего — соглашусь. Но по поводу того, что я должен тебе подчиняться... — губы Лэйрата искривились в презрительной усмешке. — Да никогда! Ты — жалкое человеческое отродье! Ты не достойна называться ни Кавэлли, ни, тем более, главой рода и правительницей Зиградена!

— Даже если я не буду ни Кавэлли, ни правительницей Зиградена, я останусь женой повелителя драконов, — холодно посмотрела я на демона. — И, зная это, ты уверен, что имеешь право так со мной разговаривать?

— Молодец, Милена, — похвалила меня Адалисса. — Учишься правильно разговаривать с теми, кто думает о себе слишком много.

— В первую очередь, я демон, а потом уже потомок бога-дракона. Я подчиняюсь лишь повелителю Ада и правителю Зиградена, если он будет достоин этого. Поэтому, повелители драконов мне не указ. А ты уже решила, что раз стала женой Ферокса, так я ниц перед тобой упаду? — язвительно спросил Лэйрат. — Ты слишком много о себе возомнила, ошибка природы!

Вот после этого я разозлилась окончательно.

«Я не напрашивалась ни на какую из этих ролей: главы Кавэлли, правительницы Зиградена, жены повелителя драконов... Я этого не хотела! Меня просто вынудили! Меня

заставили пожертвовать всем, что у меня было до этого! Так, какое право имеет мой, так называемый, брат так говорить обо мне?!».

Пелена ярости застелила мне глаза, я почти потеряла самоконтроль, но...

— Успокойся, Милена, — жёстко произнесла Адалисса. — Не допускай того, чтобы тебя было так легко вывести из себя.

— Кстати, я слышал, что недавно ты была на балу, в мире демонов, — продолжил брат. — Слышал, что там было довольно весело. Ну, и каково это? Каково это, человеческое отродье, когда тебя, несмотря на твои жалкие моральные человеческие принципы, трахают на глазах у целой толпы?

— Он хочет взбесить тебя, — произнесла Адалисса.

— У него это отлично получается! — мысленно огрызнулась я.

— Не поддавайся на провокации. На балу тебя, действительно, извини за грубость, поимели. Но, вспомни, кто это сделал. Тебя не отдали на развлечение всем собравшимся. Тобой владел только один — повелитель Преисподней. Будь на твоём месте любая другая демонесса (да и не обязательно демонесса) она бы гордилась произошедшим весь остаток вечности. И твой брат это прекрасно понимает. Он просто хочет сыграть на твоих человеческих принципах и унижить тебя. И ты позволишь ему это?

— Лэйрат, — начала я, после недолгого молчания, прямо смотря в его злые глаза. — По поводу того, что произошло на балу... Ты, правда, считаешь, что твои слова должны меня унижить?

— А разве нет? — криво усмехнулся демон, а потом удивлённо уставился на меня, заметив, что я улыбаюсь. — Тебе это кажется смешным?

— Ещё как! — зло рассмеялась я. — Что, по-твоему, должно меня унижить, братик? То, что Люцифер не позволил больше никому прикоснуться ко мне? Меня должно было унижить то, что я досталась только повелителю Преисподней? Да, сексом мы занимались публично — что из этого? Меня должны были унижить похотливые взгляды демонов и завистливые — демонесс? Ответь мне, братик!

— Ты же не хочешь сказать, что тебе это понравилось?!

— А почему бы и нет? — поинтересовалась я, в душе надеясь на то, что моя ложь выглядит убедительной. — Понравилось и ещё как! От повторения я бы не отказалась, если тебе это интересно. Кстати, Лэйрат, если ты считаешь, что это должно было быть унижительным для меня, то, получается, что для Люцифера — тоже? Считаешь, что секс со мной унижил повелителя Преисподней?

— Нет! У меня такого и в мыслях не было! — впервые, за весь разговор, в голосе высшего демона прозвучали неуверенность и страх.

— Тогда, я не вижу смысла дальше развивать эту тему, — заключила я. — А если ты ещё раз её поднимешь, то твои умозаключения, по поводу унижений, дойдут до повелителя Преисподней. Интересно, Люцифер разделит твоё мнение?

— Ты смеешь мне угрожать?! — с яростью прошипел Лэйрат, но с нотками паники в голосе.

— Смею, — спокойно ответила я. — Смею и буду. Я не позволю говорить тебе всё, что вздумается. Если ты этого не уяснишь, дорогой брат, то я найду способ вдолбить тебе это в голову. Пусть даже и через Люцифера или Ферокса.

— Хочешь сказать, что сама по себе сделать со мной ничего не можешь? — всё ещё продолжал пытаться задеть меня Лэйрат. — Неудивительно — с таким жалким родством!

Его последние слова стали последней каплей. Самообладание я потеряла полностью и никакие увещания Адалиссы уже не помогали. Если бы у меня только была возможность, я бы, не задумываясь, разорвала своего родственника на части. То, что он оскорблял меня — плевать, а вот то, что этот ублюдок, через меня, оскорблял мою мать... Такого я стерпеть не могла.

Я, до сих пор, не совсем понимаю, что же тогда произошло. Просто, в одно мгновение, я увидела всю кровеносную систему Лэйрата Кавэлли. Я видела каждую вену, каждый сосуд, каждую артерию... Я всё это видела так ясно! И, вместе с этим, пришло понимание того, что я могу сделать с этим кровавым потоком всё, что угодно. Откуда-то я знала, что я могу ускорить бег крови, замедлить или, вообще, остановить. Мне это казалось совершенно естественным. Как будто я всегда могла это делать. Поэтому, я даже не стала задумываться над тем, как у меня это получилось. Я просто остановила ток к крови к сердцу Лэйрата.

Лэйрат рухнул на колени. Судя по его судорожным попыткам вдохнуть воздух, его лёгкие отказывались работать. Я видела, как из-за нехватки доступа к крови стали отказывать и другие органы. Я чувствовала, как организм моего брата — Высшего демона — находится на грани гибели. А переступит он эту грань или нет — зависело, полностью, от меня. И это ощущение власти над чьей-то жизнью мне ужасно понравилось. Пока Адалисса не привела меня в чувство.

— Знаешь, Милена, если ты его ещё минуту продержишь в данном состоянии, он, действительно, умрёт, — как-то излишне задумчиво произнесла она. — Я, конечно, понимаю, что у тебя сейчас жуткое желание убить его, но, когда ты остынешь, ты будешь жалеть об этом.

Слова Адалиссы подействовали на меня. Я пришла в себя и непонимающе уставилась на Лэйрата, который скорчился на полу, но дыхание которого уже стало выравниваться. И я больше не видела ничего подобного — ни сосудов, ни вен...

«Что только что произошло?» — растерянно подумала я. А Лэйрат, похоже, знал об этом больше, чем я.

Как только он окончательно пришёл в себя и встал на ноги, он опустился передо мной на одно колено, склонив голову, и произнёс:

— Прошу простить меня за те слова, что я произнёс сегодня. Я... я не думал... Ты — истинная Кавэлли, истинная глава рода и правительница Зиградена. Я подчиняюсь тебе.

Вот такого резкого поворота я никак не ожидала. У меня никак не вязались в голове эти два образа: Лэйрат, который пришёл ко мне и оскорблял меня, и Лэйрат, который покорно склонился передо мной. Я попыталась увидеть в этом какой-то подвох, но не получилось. И, всё равно, эта резкая смена настроения моего старшего брата меня больше напугала, чем обрадовала.

— Если позволишь, я вернусь в мир демонов, — тем временем, сказал Лэйрат, всё ещё не вставая и не поднимая на меня глаз.

— А... эм... конечно, можешь идти, — кивнула я, растерянно наблюдая, как Лэйрат поднимается и молча покидает тронный зал. — Адалисса, — мысленно позвала я. — Скажи мне, что сейчас было, и почему Лэйрат стал так себя вести? Ты же знаешь, да?

— Ты использовала на своём брате способность «контроль крови». Способность, которой владели очень немногие Кавэлли, — ответила Адалисса почему-то не слишком радостно.

— Что это за способность?

— Думаю, ты и сама это уже поняла, Милена. Эта способность позволяет полностью контролировать кровь в организме и, как следствие, позволяет контролировать функции всех внутренних органов.

— Но, откуда она у меня?

— Не знаю, — нехотя сказала Адалисса. — Возможно, она проснулась в тебе из-за воздействия на тебя эльфийского глаза. А может... Может, из-за чего-нибудь другого! — неожиданно резко закончила бывшая богиня (почему-то, ей этот разговор не нравился).

— Но почему эта способность произвела на Лэйрата такое впечатление? — несмотря на то, что я чувствовала нежелание Адалиссы говорить о произошедшем, я хотела услышать ответы на свои вопросы. — Ведь, как я помню, у экстрасенсов есть похожая способность, и ничего особенного в ней нет. За исключением того, что она нечасто встречается.

— К экстрасенсорным способностям «контроль крови» не относится. Это — другое. Она сродни, скорее, магии и владеют ей лишь некоторые главы родов высших демонов и несколько богов-драконов. И одним из богов-драконов, который владел ею, был твой предок — Нуар. Считается, что «контроль крови» передаётся по наследству, но передаётся лишь тем, кто этого достоин. За всю историю твоей семьи, только трое Кавэлли обладали ею. Кстати, твой отец не один из них.

— Но, что в ней такого особенного? — не могла понять я.

— Ты же знаешь, что демоны, практически, бессмертны и убить их очень сложно. Даже если пробить им сердце, они только посмеются. Конечно, это ещё зависит от того, кто и чем пробивает сердце, но всё же. В общем, «контроль крови» позволяет убить высшего демона за считанные секунды. Вот, чем она особенна. И вот почему Лэйрат мгновенно изменил своё отношение к тебе.

— Значит, я могу убить любого демона, если захочу?

— Нет. У этой способности есть одна специфика — она действует в рамках только одного рода. Проще говоря, ты в любой момент можешь прикончить любого своего родственника. Но, на других демонов эта способность не распространяется.

— Адалисса, мне кажется или тебе что-то не нравится? — решила спросить я. — Почему? Ведь теперь, если остальная моя семейка отнесётся ко мне так же, как и Лэйрат только что, то контролировать их действия не составит труда. Это же хорошо. Нет?

— Хорошо-то хорошо, но... Мы не знаем причины, почему, внезапно, у тебя пробудилась эта способность.

— И всё? Тебя только это беспокоит? — в это я не верила ни на йоту.

— Да, и хватит об этом спрашивать, — сказано было таким категоричным тоном, что было ясно — больше Адалисса об этом говорить не будет. — Лучше подумай над тем, что теперь у тебя есть реальная возможность править в Зиградене, не оглядываясь на своих родственников и не выполняя их приказы. Осталось, чтобы Ферокс уступил тебе власть над городом.

— Ты, правда, думаешь, что это можно сделать? — скептически поинтересовалась я.

— Воспользуйся советом Аббадона — заключи со своим супругом пари, которое он проиграет. И не откладывай это дело — чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше, — Адалисса замолчала и я, откуда-то, поняла, что она «ушла».

Глава 8.

«Заклучить пари с Фероксом? Проще сказать, чем сделать. О чём с ним можно поспорить, да ещё и выиграть спор? Не представляю. К тому же, проблема ещё в том, чтобы Ферокс согласился на пари. И не просто согласился, а дал клятву, что в случае проигрыша, откажется от Зиградена и отдаст его мне. М-да, такая ситуация представляется абсолютно нереальной. И эту нереальную ситуацию я должна обязательно воплотить в жизнь. Если я теперь, действительно, могу не бояться своих родственников, то Зиграден станет для меня самым безопасным местом. Но, каким образом мне этого добиться?»

Продолжая ломать голову над данной проблемой, я вышла из зала и пошла в спальню, где надеялась застать Ферокса. Хотя, что я буду делать при встрече с ним — мыслей не было никаких.

«Может, его просто соблазнить и попытаться заставить его поклясться во время секса? — уже отчаялась я что-либо придумать. — Да уж — это самая дурацкая идея, которая только могла мне прийти в голову. Из этого точно ничего не выйдет. Во-первых, моё поведение покажется Фероксу странным: такого просто быть не может, чтобы я сама стала его соблазнять. А во-вторых... во время секса с ним я слишком плохо соображаю. Вряд ли в этот момент я, вообще, вспомню о каком-то там пари».

— Не думал, что ты будешь так категорична в отношении своего предка, — первое, что сказал Ферокс, когда я появилась в спальне.

— А что ты думал? Что я буду настаивать на его помиловании?

— Честно говоря, да, — признал дракон.

— Но, если бы я так и поступила, Нуар не стал бы меньше меня ненавидеть. Разве, нет?

— Да, но... ты мне казалась более жалостливой. Думал, что ты не сможешь взять и сказать, что хочешь казни Нуара.

— Сюрприз, — мрачно ответила я. — Хотя, по идее, для тебя в этом не должно быть никакого сюрприза. Ведь, это твоя вина и Люцифера в том, что я изменилась. Неделю назад я и подумать не могла, что могу кого-то приговорить к смерти.

— Ну, Нуара приговорила не ты, а я. Ты просто высказала своё мнение — не более.

— И в дальнейшем мне тоже не приходится рассчитывать на что-то большее, чем просто высказываться? — поинтересовалась я.

— О чём ты, котёнок? Это было ясно с самого начала. Или ты ещё на что-то надеялась?

— Значит, Зиграден ты приберёшь к своим рукам? — спросила я, стараясь не обращать внимания на это прозвище — «котёнок», хотя, мне очень хотелось закричать, чтобы Ферокс никогда не смел меня так называть.

— Разумеется.

— А ты не думаешь, что тебя там так легко не примут? Ведь, законной правительницей города являюсь именно я, — осмелилась заметить я.

— Не легче, чем тебя, котёнок, с твоим человеческим происхождением и отсутствием какой-либо силы. В конце концов, этот город был основан Нуаром — богом-драконом и его первыми детьми. Так что, можно сказать, что Зиграден просто вернётся к своим законным владельцам — драконам. А с чего у тебя, вдруг, проснулся интерес к власти и к Зиградену?

Как я помню, ты изначально была против всего этого.

— Я была против, но ни тебя, ни Люцифера это не остановило, — пожалала я плечами. — Как и моих родственников не волновало моё мнение — хочу я быть главой или нет. Но, раз уж так вышло, то я хочу получить от своего положения всё, что мне причитается.

— Забудь об этом, — жёстко сказал Ферокс. — Ты ни на что не вправе претендовать.

— Почему — объясни мне!

Чего я пыталась достичь этим разговором? Я пыталась вывести Ферокса из себя, чтобы он, разозлившись, дал клятву и заключил пари. Я не знала, получится ли у меня довести разговор именно до этого, но... мне нужен был Зиграден. Кровь из носа, но он был мне нужен! Не ради власти, но ради того, чтобы у моего ребёнка было место, где он будет в относительной безопасности. И ради этого я была готова пойти на всё. А в данный момент я должна была заставить Ферокса сделать то, что мне было нужно.

— Тебе объяснить — почему? — недобро сощурился бог-дракон. — Подойди ко мне.

— И не подумаю, пока не ответишь! — огрызнулась я.

После того, как я произнесла последнее слово, меня скрутило волной боли. Мне казалось, что меня разрывают на части, режут, бьют... Всё вместе разом! А больше всего боли исходило от одного из двух моих ошейников — он раскалился до предела, и я ещё удивилась, что не пахнет жжёной кожей моей шеи! Я очень хотела потерять сознание, чтобы не чувствовать боли, но этого не происходило. Вместо этого, мои ноги сами двинулись к Фероксу, исполняя его приказ. И только тогда, когда я подошла к своему мужу, боль утихла.

«Чёртовы «оковы неволи»! — со злостью подумала я. — Люцифер говорил, что они сродни «нитям кукловода», но... Это не так! «Нити кукловода», действительно, нити! Они не причиняли боль! «Оковы» же... это не оковы — это цепи!».

— Теперь понимаешь — почему ты ни на что не имеешь права? — поинтересовался Ферокс. — Ты — рабыня, которая принадлежит мне. А рабыня, управляющая чем-то, это — нонсенс.

— Может, я и рабыня. Пусть так, но я подчиняюсь только тебе и Люциферу. В Зиградене, где я хочу править, я не подчиняюсь никому!

— Да? А как же твой дядя и старшие братья? Думаешь, хоть ты официально и являешься их главой, Кавэлли склонятся перед тобой?

«Уже склонились, — подумала я про себя. — По крайней мере, один из Кавэлли — точно. Но, Ферокс об этом знать не должен».

— А если я смогу сделать так, чтобы мои родственники — высшие демоны — подчинились мне? — вместо того, чтобы рассказать о «контроле крови», спросила я.

— Ты?! — рассмеялся Ферокс. — Подчинишь Кавэлли?! Не смей меня!

— Если ты так «веришь» в мои способности, то, может, заключим пари? — предложила я.

— Пари? Какое ещё пари?

— Самое обыкновенное. Ты не веришь, что я смогу справиться со своей семейкой, да? Поклянись, что если я смогу это сделать, то ты отдашь мне Зиграден и не будешь вмешиваться в моё управление им.

— Интересно предложение, — усмехнулся мужчина. — И почему я чувствую здесь какой-то подвох?

— Не знаю. Может, у тебя паранойя? — сделала я предположение. — Но, в любом случае, если ты отказываешься, значит, ты сомневаешься в том, что у меня не получится?

— А я, разве, сказал, что отказываюсь? Ладно, если ты этого так хочешь, то я готов поклясться отдать тебе Зиграден, но... с ещё одним условием, кроме того, что ты должна справиться с Кавэлли.

— С каким ещё условием? — недовольно спросила я (никакие дополнительные условия в мои планы не входили).

— Даже если Кавэлли тебе подчинятся — этого будет недостаточно для того, чтобы пользоваться авторитетом у Совета Преисподней, который, как ты, наверное, знаешь, собирается раз в месяц. Совет состоит, в большинстве, из Верховных демонов и нескольких Высших и для того, чтобы эти демоны с тобой считались, надо быть либо сильной, либо пользоваться чьим-нибудь покровительством. Силы у тебя никакой нет, значит, тебе остаётся только второй вариант. Так что, вот моё условие: заручись поддержкой, хотя бы, трёх Верховных демонов, подчини своих родственников и тогда, я клянусь, что отдам тебе всю власть в Зиградене. Но, если ты проиграешь данный спор, то, я клянусь, что, во-первых, ты навсегда потеряешь право не то, чтобы что-то решать — ты потеряешь право даже высказывать своё мнение по любому поводу. А во-вторых, если ты проиграешь спор, то я клянусь, что убью твоего ребёнка от твоей связи с человеком, как только он (ребёнок) появится на свет. Да станет Мать драконов свидетельницей моих слов, — закончил Ферокс.

— Это нечестно! Ты обещал не трогать моего ребёнка, по договору с Люцифером!

— Я обещал не трогать его только до его рождения. О том, что я могу сделать после — речи не было.

— Ну, ты и сволочь! — в ярости выплюнула я.

— Называй, как хочешь, котёнок, но это не отменит того, что ты принадлежишь мне и вся твоя жизнь, полностью, зависит от меня. То, что я согласился дать тебе этот призрачный шанс на относительную свободу — это уже очень много. Но, соглашаться тебе на эти условия или нет — решай сама (видишь — я тебе здесь даже свободу воли даю).

Я, со жгучей ненавистью, смотрела на повелителя мира драконов: «Соглашаться или нет? Если бы Ферокс согласился заключить пари только на одном условии, то всё было бы прекрасно! Ведь, у меня теперь есть возможность заставить мою семью делать то, что мне нужно. Но, что мне делать с условием, которое выставил Ферокс? Каким это чудесным образом я смогу уговорить трёх Верховных демонов мне покровительствовать? Это — нереально! А если я не смогу этого сделать, то Ферокс убьёт моего ребёнка, как только тот родится. Я могу отказаться от этого пари, но тогда я навсегда потеряю возможность, хоть как-то, влиять на события. И, в таком случае, мой ребёнок, всё равно, постоянно будет находиться в опасности. Так, что? Рискнуть и поставить на кон жизнь ребёнка?».

После долгого молчания я, наконец, произнесла:

— Я согласна на твои условия. Но, могу я задать один вопрос?

— Задавай, — кивнул Ферокс.

— Чтобы получить покровительство Верховных демонов, я могу использовать абсолютно любые способы?

— Да, абсолютно любые. И ещё, я даю тебе ровно один месяц на попытку выиграть пари. Одного месяца более чем достаточно.

— Хорошо. Я принимаю твою клятву и клянусь, что если проиграю, не буду препятствовать исполнению клятвы с твоей стороны. Да станет Мать драконов свидетельницей моих слов,

«Насчёт последнего, я сильно сомневаюсь, — между тем, посетила меня мысль. — Вряд

ли я смогу спокойно смотреть, как Ферокс убивает моего ребёнка. Ну, что ж — стану клятвоотступницей — ничего с этим не поделаешь».

— Повелитель, вас хотят видеть на казни преступника — чёрного бога-дракона Нуара, — зашёл один из слуг, склонившись перед Фероксом.

— Сейчас буду. Можешь идти, — потом он обратился ко мне. — Не хочешь поприсутствовать на казни своего предка?

— Нет уж, спасибо, — покачала я головой. — Я воздержусь. Тем более, не думаю, что Нуар так уж будет рад меня видеть перед смертью.

— Как хочешь, — и муж ушёл.

«И на что я только что подписалась? — с тоской подумала я. — Этим самым спором я рискую всем, что у меня есть! И я совершенно не представляю, как мне выполнить эти условия. С Кавэлли всё понятно — я, думаю, моя новая способность позволит мне справиться с ними. А вот что мне делать с этим покровительством, будь оно трижды неладно?!».

— Ну, ты же не зря спросила у Ферокса — можешь ли ты использовать любые способы, — произнесла Адалисса.

— И что? Я спросила об этом, но я ничего не имела в виду. У меня нет никакого плана. Я не знаю, что мне делать. И почему он не согласился только на одно условие?!

— Сейчас не время думать, почему Ферокс поставил второе условие. Надо думать о том, как эти условия исполнить, иначе... Сама понимаешь.

— Тогда, может у тебя есть предложения, как это повернуть?

— Сначала тебе надо окончательно разобраться с Кавэлли. Ты должна полностью утвердить свою власть над ними. С учётом твоей новой способности, это будет несложно.

— А что потом?

— Потом будем думать, как заручиться поддержкой трёх Верховных демонов.

— Значит, сейчас, в любом случае, мне нужно в Зиграден — к своей, так называемой, семье, — заключила я, вышла из комнаты, позвала слуг, приказала сообщить моему мужу, что направилась в Зиграден (он же сам дал мне, всего, месяц и, по моему мнению, этот месяц начался с этой самой минуты), а сама пошла к порталу, ведущему в мир демонов.

По пути ко мне присоединились Рейф и Лекс.

— Я думала, что тебе будет интересно посмотреть на казнь Нуара, — заметила я, обращаясь к Рейфу.

— Если я сам в этом не участвую, то интерес совершенно пропадает, — ответил тот. — Просто смотреть... В этом нет никакого смысла.

— А раз смысла для тебя нет, будешь ходить за мной? — недовольно спросила я.

— А что мне ещё делать? Только не говори, что, до сих пор, не смирилась с моим присутствием в моей жизни.

— Я никогда с этим не смирюсь, — спокойно ответила я. — Я просто тебя терплю, так как избавиться от тебя невозможно. Причём, если бы не кое-кто из здесь присутствующих, то такой «связи» можно было бы избежать.

— На меня намекаешь? — усмехнувшись, поинтересовался Лекс.

— На кого же ещё? Но, раз уж ты здесь, Лекс, то у меня будет к тебе просьба.

— Просьба?

— Да. Я хочу, чтобы ты отправился в мир людей и узнал, как сложились дела у Лави и Николь, после разрушения «Шисуны».

— Ты серьёзно, Милена?! — рассмеялся Мейснер.

— Да, серьёзно. А что в этом смешного?

— Одно дело — узнать, живы ли, вообще, эти двое, чтобы ты не дёргалась по этому поводу. И совсем другое — просто узнавать, как у них дела. Я не собираюсь заниматься этой ерундой, Милена. Даже если ты просишь. Почему бы тебе не попросить об этом Рейфа?

— С ума сошёл?! — с раздражением сказала я. — Послать к Лави и Николь Рейфа — это, всё равно, что пускать бешеную собаку к детям! Особенно, к Лави. Как ты себе представляешь, что к Лави приходит её насильник и интересуется, как у неё дела?!

— Как я это представляю — неважно, — ответил Лекс. — Но, я уже сказал, что не собираюсь исполнять твою просьбу.

— Ладно, я найду другой способ узнать о делах своих подруг, — буркнула я, осознав, что Лекс, в отличие от Рейфа, не станет делать всё то, что я прошу.

Хотя, это и не удивительно. У них был разный статус. Лекс, кроме как договором с моим отцом, никак со мной связан не был. Я даже не совсем понимала, почему киллер ещё не разорвал этот самый договор с Саварисом Кавэлли, ведь, из-за его исполнения Мейснеру теперь приходилось находиться среди драконов и демонов, что, вряд ли, должно его радовать. История с Рейфом была совсем другой. Как бы я этого не хотела и как бы я к этому не относилась — мы с ним были неразрывно связаны. И сейчас даже неважно — чья это была вина — Лекса или ещё кого-то. И я, действительно, могла не то, что просить, а приказывать ему, так как он жил за счёт моей крови. Но, не в этот раз. Я не могла использовать Рейфа для того, чтобы узнать о судьбе своих единственных подруг. Я, просто-напросто, боялась, что Рейф может им что-то сделать. Тем более, Лави. В случае последней, даже если Рейф ничего и не сделает, то для девушки большим стрессом станет уже то, что она его увидит. Поэтому, мне надо было придумать что-то другое.

— Ты сейчас не о том думаешь, Милена, — Адалисса, явно, была очень недовольна тем, вокруг чего крутились мои мысли. — Сейчас твоя задача — выиграть спор с Фероксом. Сосредоточься на этом. Ты, ведь, пока так и не придумала, что будешь делать со второй частью спора.

— А не ты ли, Адалисса, сказала мне, что сначала разбираемся с моими родственниками, а потом мы уже будем думать об этом дурацком условии Ферокса? — в тон ей, спросила я. — Что? Сама себе противоречишь?

— Нет, не противоречу, — ледяным тоном ответила Адалисса. — Я, вовсе, не имела в виду, что до этого момента у тебя есть время и возможность думать о какой-то ерунде.

— Ерунде?! — разозлилась я (кажется, по моему лицу злость тоже была заметна, так как двое моих спутников посмотрели на меня с удивлением). — Ты называешь ерундой моё беспокойство о лучших подругах?!

— А ты реши, кто для тебя важнее — твои подруги или твой ребёнок? Решила? А теперь, в связи со своим решением, определи свои приоритеты — что надо сделать в первую очередь? Обезопасить своего ребёнка или узнать, как там дела у твоих подруг?

— Ты говоришь жестокие слова!

— Зато, правдивые, — сказала, как отрезала, Адалисса и больше не сказала ни слова.

— Милена, — окликнул меня Лекс.

— Что?

— Молчишь долго.

— Во-первых, у меня нет настроения болтать, а во-вторых, я разговаривала с Адалиссой.

Думаю, и ты и Рейф знаете эту особу.

— Ты можешь с ней разговаривать? — слегка удивился Лекс.

— Могу с некоторых пор, — коротко сказала я, давая понять, что у меня нет желания дальше развивать эту тему.

— Кстати, а зачем нам в Зиграден? — вклинился Рейф.

— Нам? — переспросила я. — Я вас, вроде, с собой не звала.

— Ну, тебе, — поправился гипнотизёр.

— С родственниками встретиться хочу. Надо им кое-что объяснить из нынешнего положения вещей. Да и Драйк что-то говорил о том, что мне надо встретиться с Высшими демонами Зиградена, — сказала я и остановилась у портала, ведущего в мир демонов.

— И о чём же моя госпожа будет разговаривать со знатью Зиградена? — раздался насмешливый голос Киерана — моего личного слуги.

— Лекс, Рейф — идите первыми в портал, — произнесла я.

— Уверена? — спросил Лекс.

— Да, — с Киераном я должна была разобраться сама, без посторонней помощи. — Киеран, а я, разве, обязана тебе сообщать тему своих разговоров со своими подданными? — поинтересовалась я у Дельгадо, когда Мейснер и Рейф исчезли в портале.

— Ха, «подданные»! Они будут подданными повелителя мира драконов, а не вашими!

— Это мы ещё увидим. У тебя всё?

— Нет, не всё. Я, до сих пор, не могу понять, почему повелитель Люцифер решил, что вы можете быть моей хозяйкой.

— Если тебе это так не даёт покоя, то у Люцифера и спрашивай, — устало ответила я и уже собралась шагнуть в мир демонов.

Одно неумовимое движение и я оказалась прижата к стене, спиной к Киерану и с заломанными за спину руками. Шёпот мужчины, больше похожий на змеиное шипение, обжигая горячим дыханием моё ухо, произнёс:

— Собака дракона не имеет права называть повелителя Люцифера просто по имени!

— Я не собака! — яростно огрызнулась я. — Ни дракона, ни чья-либо ещё!

— Неужели? А мне казалось, что только псины носят ошейники, — дотронулся демон, до «оков неволи». — К тому же, у собаки не один хозяин, не так ли?

— Немедленно отпусти меня, Киеран! Ты должен мне подчиняться!

— Я ничего не должен безвольной рабыне! Я не собираюсь подчиняться жалкой собачонке! Я не хочу и не буду унижаться тем, что буду исполнять приказы простой игрушки для спальни! — после этих слов, его рука скользнула по моему бедру, стала задирать платье...

— Ты что творишь?! — я попыталась, хотя бы, повернуться к мужчине лицом.

— Не дёргайся! — злобно прошипел он, переходя на «ты» и выкручивая руки так, что я взвыла от боли. — Разве, ты не знаешь, что собачьих сук всегда имеют сзади?

Как назло, рядом никого не было. Странно, да? Как я успела заметить за столь короткое время нахождения здесь, слуги повсюду сновали постоянно. А сейчас все, как сквозь землю провалились. У меня даже закрались подозрения, что слуги всё видят и слышат, но не хотят вмешиваться.

— Зачем тебе это?! — поняла я, что хочет сделать со мной демон. — Я же тебе совсем не нравлюсь!

— Верно, не нравишься, — согласно кивнул Киеран. — Именно поэтому я хочу просто

трахнуть тебя, как последнюю шлюху! После этого, не смей даже думать о том, чтобы мне приказывать!

Я сжалась в страхе. Меня уже насильовали, и я не хотела повторения этого. Тем более, что Дельгадо не испытывал ни сексуального желания, ни похоти. Здесь была только злоба и желание унижить, растоптать! Секс, в данном случае, лишь способ показать своё превосходство и власть. И удовольствия от этого никто из нас двоих не получит.

— Милена, ты не должна допустить, чтобы тебя поимели прямо в коридоре и в такой позе! Если это произойдёт...

— Может, просто скажешь, что мне делать, Адалисса?! — мысленно заорала я. — Как мне заставить его остановиться?!

— Главное, не кричи. Будешь кричать — только усугубишь ситуацию. Это его больше разозлит. Ты должна говорить спокойно, ровно...

— Довольно трудно так говорить, когда ты прижата к стене, с задранной платьем! — смогла, в данной ситуации, съехидничать я.

— В общем, либо ты сейчас как-то сможешь остановить Киерана словами, либо ты будешь изнасилована. Выбирай.

— Чисто словами не получится. Так что, будем ещё что-то делать.

Мне пришла в голову одна мысль. Мысль рискованная и было мало шансов, что у меня получится повернуть то, о чём я подумала. Но, ничего другого у меня не было и мне оставалось только рискнуть.

— Киеран, — как можно более спокойно, произнесла я. — Я вызываю тебя на бой, до первой крови. Пусть Тьма будет моей свидетельницей — если я проиграю, я склонюсь перед тобой. И да будет Тьма моей свидетельницей — если проиграешь ты, ты склонишься передо мной.

Всё это было произнесено на языке демонов, знание которого мне, с пробуждением крови отца, далось автоматически. Это была древняя форма вызова на поединок, отказаться от которого считалось трусостью и позором. Я читала о нём в одной из книг, что давал мне Драйк. Там говорилось, что если ты зовёшь Тьму свидетельницей — это, априори, означало, что ты клянёшься перед самым повелителем Ада, что исполнишь условия, о которых сказал. Самому отступить от этой клятвы означало смерть. Условия боя могли быть абсолютно любыми — начиная с простой царапины и заканчивая боем на смерть. В смертельном бою мне бы, точно, ничего не светило — Киеран убил бы меня в первую же секунду. Я здесь-то очень рисковала — я должна была ранить демона до крови, неважно — как. Если я не смогу этого сделать... Даже думать не хотелось о последствиях. Но, это был единственный шанс для меня заставить этого высшего демона подчиниться. Возможно, были и другие способы, но, в тот момент, я больше ничего не могла придумать. У меня было только два варианта развития событий: либо я рискну навсегда потерять возможность справиться с Киераном, либо буду изнасилована прямо здесь и тогда, точно, Дельгадо навсегда будет считать меня безвольной «собачкой».

После произнесения слов вызова на бой, Киеран отпрянул, с изумлением уставившись на меня:

— Откуда получеловеческой девчонке известны слова священного вызова?!

— Я много училась, — пожав плечами, ответила я, мысленно, в сто первый раз, поблагодарив Драйка за его учёбу. — Так, ты принимаешь вызов или отказываешься? Если отказываешься...

— Отказываюсь? Ещё чего! Думаешь, у тебя есть какой-то шанс ранить меня? Как наивно! Я принимаю вызов! Пусть Тьма будет моей свидетельницей — если я проиграю, я склонюсь перед тобой. И да будет Тьма моей свидетельницей — если проиграешь ты, ты склонишься передо мной. Выбор оружия за тобой.

— Шпаги, — недолго думая, выбрала я.

С этим колющем оружием, как вы помните, Драйк заставлял меня заниматься по многу часов в день. Я не могу похвастаться, что стала таким уж профессионалом, но с другими видами холодного оружия дела у меня обстояли куда хуже. А использование огнестрельного человеческого оружия считалось недостойным.

— Как пожелаешь, — тем временем, сказал мужчина и в его руках появились две шпаги, одну из которых он передал мне. — Это обычные шпаги, без каких-либо магических свойств. Если сомневаешься, могу поклясться в этом.

— Нет необходимости. Я верю, — взяла я в руки оружие. — Ещё раз повторяю — бой до первой крови. Первый, кто пустит другому кровь, побеждает. Начнём же!

Глава 9.

Я первая налетела на демона, и мой первый выпад был, с лёгкостью, отбит, а я сама еле успела увернуться от шпаги Киерана.

«Идиотское длинное платье! — со злостью подумала я, вынужденная подхватить подол платья, чтобы не споткнуться и отступая на несколько шагов. — Если бы не оно, я могла бы двигаться быстрее! А, чёрт с ним!».

Я схватила со стены меч, видимо, висевший здесь для интерьера и, одним махом, обрезала юбку платья до колен. Поймав на себе изумлённый взгляд Киерана, я невозмутимо пояснила:

— Длинная юбка мешала. В ней не слишком удобно сражаться.

Не дожидаясь его реакции на эти слова, я, вновь, попыталась его достать. И, вновь, неудача и поспешное бегство на безопасное расстояние.

«Надо срочно что-то придумать, — лихорадочно пыталась сообразить я, не отрывая взгляд от противника. — Долго мне так везти не будет. Да и, будем честными с самими собой, мне и сейчас не везёт — Киеран, просто-напросто, играет со мной, как кошка с мышью! Он уже давно мог меня ранить, но ему хочется поиздеваться надо мной! Что ж, его самоуверенность должна сыграть мне на руку. Осталось только придумать — как?».

— А ты лучше, чем я думал, — сказал демон, в очередной раз, чуть не задев меня. — По крайней мере, с какой стороны держать шпагу, ты знаешь.

— О, я ещё много чего знаю. Я, вообще, полна сюрпризов и далеко не все эти сюрпризы будут для тебя приятными!

— Что ты задумала, Милена? — с явным беспокойством, спросила меня Адалисса.

— Я задумала выиграть бой, полагаясь на эффект неожиданности. Ведь, выиграть в честном бою у меня нет ни единого шанса.

— Так, что ты будешь делать?

— Сейчас увидишь, — пообещала я своей второй личности и, казалось бы, хотела сделать очередную бесполезную попытку уколоть Киерана шпагой.

Высший демон, со скучающим видом, отбил атаку, но, после этого, я, вместо того, чтобы отступить, остановилась и... бросила шпагу на пол. Хотела бы я подольше полюбоваться на шокированного Киерана, но, к сожалению, времени на это не было. Я рывком приблизилась к демону, схватила его за свободную руку, прикоснулась губами к запястью... Демон был так удивлён моим поведением, что даже не стал мне мешать. Этим я и воспользовалась, недолго думая. Я зубами вцепилась в его руку!

— Какого?!.. — с изумлением воскликнул мужчина.

А я, пока демон был в замешательстве, как можно сильнее, сжала зубы, стараясь прокусить кожу. Как ни странно, у меня это получилось — через пару секунд я почувствовала вкус крови высшего демона.

«Чёрт, кажется, я попала на вену!» — с отвращением подумала я, когда поняла, что кровь слишком уж сильно заливает мой рот, пачкая губы и вытекающая тонкими струйками с уголков рта.

— Отпусти меня, жалкая тварь! — в жуткой ярости заорал высший демон.

Я не стала ожидать, пока Киеран сам решит отцепить меня от своего запястья. Я отпустила его руку, напоследок постаравшись рвануть кожу зубами, как можно сильнее.

— Разве, ты сам не назвал меня собакой, Киеран? — сглатывая кровь, чуть ли не смеясь, произнесла я. — А собаки, знаешь ли, имеют свойство кусаться!

— Я прикончу тебя!

Если бы я не была настолько опьянена своим собственным безумным поступком, я бы испугалась того, как выглядел Киеран. Он, буквально, источал злобу и ненависть. Его янтарные глаза полыхали, как будто кто-то разжёл в них костёр (не знала, до этого момента, что глаза демона такое могут). Лицо выражало, лишь, одно желание — убить меня в страшных мучениях. И я прекрасно понимала, почему он так разозлился. Если делиться своей кровью у демонов считалось знаком глубокого доверия, то брать у кого-то кровь без согласия «донора» считалось оскорблением. Причём, сильнейшим.

— Хочешь меня убить? — переспросила я. — Давай, но тогда ты станешь клятвоотступником.

— С чего бы?!

— Я выиграла поединок, Киеран. Да будет Тьма моей свидетельницей — твоя кровь пролилась. А это значит, что ты склонишься передо мной.

— Хочешь сказать, что победила меня таким способом?! Да ты даже не использовала оружие!

— А в условиях боя и не говорилось, что рану нужно нанести именно оружием. Так что, все условия исполнены. А теперь, решай, Киеран — станешь ли ты мне подчиняться или станешь клятвоотступником?

— Ты знаешь, что значит стать клятвоотступником?

— Знаю, — спокойно ответила я.

— Для девчонки, которая всю свою жизнь прожила среди людей, ты слишком много знаешь о демонах, — уже без такой ярости в голосе, сказал демон, смотря на меня более внимательно. — Кто учил тебя?

— Не имеет значения, — всё с тем же спокойствием, произнесла я. — Сейчас значение имеет то, что ты намереваешься делать.

Прошло несколько мучительных для меня секунд. А затем, Киеран сделал ко мне несколько шагов. Подавив инстинктивное желание отступить, я терпеливо ожидала его дальнейших действий, которых могло быть только два: на меня сейчас либо нападут, либо поклонятся.

— Вы смогли сильно меня удивить своими поступками, — неожиданно переходя на «вы», обратился демон ко мне. — Хотя я, всё равно, считаю, что вы — жалкое подобие демона. Но, несмотря на это, клятва есть клятва. И да будет Тьма моей свидетельницей, я её исполню, — он опустил передо мной на одно колено и склонил голову. — Я подчиняюсь вам, госпожа Милена. Приказывайте мне, что пожелаете.

— Ты отправишься со мной Зиграден, Киеран, — немного подумав, сказала я. — Я хочу встретиться со своей семьёй, и ты будешь сопровождать меня при этой встрече.

— Как пожелаете, госпожа.

«Наконец-то я разобралась, хотя бы, с одной проблемой, — с облегчением, вздохнула я про себя. — Теперь, даже если я не нравлюсь Киерану, из-за клятвы, он вынужден выполнять мои приказы».

— Как тебе пришло в голову укусить этого демона?! — в голосе Адалиссы, кажется,

промелькнуло... восхищение?

— Сама не знаю. Но когда я поняла, что с помощью оружия мне выиграть не светит — эта мысль пришла как-то сама собой.

— Ты, хоть, понимаешь, как ты рисковала? Киеран мог и не растеряться и тогда ты бы, точно, проиграла.

— Да, я знаю, что рисковала, но, ведь, в конце концов, всё закончилось хорошо. Кроме того, Киерана подвела его же самоуверенность. Если бы ему не пришло в голову поиграть со мной в начале, а сразу настроиться на победу, то у меня бы не было ни единого шанса. А так... я победила и неважно — каким способом.

— Значит, тебя остаётся только поздравить? Кстати, Милена, ты как-то неважно выглядишь, — заметила Адалисса.

— Меня тошнит, — нехотя, призналась я. — И дело здесь не в беременности, а в том, что я сделала. Если бы не обязанность — сохранять невозмутимый вид — я бы давно лишила свой желудок всего того, что сегодня ела! Я хочу, хотя бы, потратить час на то, чтобы отчистить зубы и час на то, чтобы прополоскать рот до тех пор, пока и намёка не останется на то, что я кого-то кусала!

— Но, к тому, что ты пила кровь богов-драконов на церемонии, ты отнеслась более спокойно.

— Это — другое. Во-первых, то была церемония, на которой, хочешь не хочешь, а ритуал провести надо. А во-вторых, на церемонии всё было чисто — кубок с кровью, кинжалы... А здесь... Я ему собственными зубами руку прокусила! А когда горячая кровь залила мне рот... Омерзительное чувство! Я думала, что не выдержу, и меня вывернет прямо там!

— Привыкай, Милена, — ответила на это бывшая богиня. — В этих мирах — демонов и драконов — тебя ждёт ещё много, как ты выразилась, омерзительного.

— Спасибо, Адалисса! — фыркнула я про себя. — Ты умеешь подбодрить и дать надежду на лучшее!

— Если бы я внушала тебе ложную надежду — это было бы хуже. Кстати говоря, зачем тебе Киеран в Зиградене?

— Для показухи, — честно призналась я. — Согласись, что если показать Кавэлли, что мне подчиняется высший демон, который не подчинялся даже Верховным — это должно произвести на них впечатление.

— Согласна. Показывать своё превосходство над другими — довольно неплохой ход.

— Я пытаюсь приспособиться к своей новой жизни, — ответила я и уже вслух сказала. — Отправляемся в Зиграден, Киеран.

Тот, лишь кивнул. Кстати, кровь из раны у него уже не текла. Видимо, регенеративные способности демона позволяли ему за минуту вылечить даже прокушенную вену.

Из портала я вышла первой. Рейф и Лекс, ожидающие меня у него, уставились на меня с одинаковым ошарашенным выражением лица. Ещё бы! Видок у меня был ещё тот: оторванная до колен юбка платья, измазанный кровью рот и заляпанная этой же кровью одежда...

— Милена, — оправившись от шока, начал Лекс. — Мы тебя оставили одну, всего лишь, минут на десять. Куда ты уже успела вляпаться?

— Да никуда. Это — не моя кровь.

— То, что она не твоя, я и так чувствую, — сказал Рейф, шагнул ко мне и слизнул пару

капелек крови с моей шеи, на которую тоже попала кровь. — Точно, не твоя. Но, какого-то демона.

— И я даже знаю — какого, — произнёс Мейснер, смотря на появившегося из портала, сразу после меня, Киерана. — Так, что случилось?

— Мы просто решили некоторые разногласия, возникшие между нами, — ответила я. — Теперь, всё нормально.

Киеран же смерил двух людей высокомерным взглядом и ничего не сказал. Видимо, он считал общение с людьми ниже своего достоинства.

— И куда мы теперь? — не стал настаивать на более подробном ответе Лекс.

— Смешно сказать, но я не знаю. Я в Зиградене была, всего лишь, один раз, когда меня короновали на правление. Киеран, а ты здесь бывал?

— Нет, госпожа, — покачал головой высший демон.

— Что ж, тогда...

— Позвольте мне проводить вас туда, куда вам нужно, — это был Драйк.

— Как ты узнал, что я здесь? — удивлённо спросила я своего слугу. — Или ты здесь случайно?

— Случайно? Что вы, госпожа. Так как я демон, связанный, исключительно, лишь с главами семьи, я всегда знаю — где вы, — слегка улыбнулся демон.

— Вот как, — не слишком я была этим довольна — мне, вполне, хватало того, что Рейф всегда может меня найти из-за нашей «кровной» связи. — Слушай, Драйк, а ты ничего мне не хочешь сказать по поводу моего внешнего вида? — поинтересовалась я, заметив, что мужчина не обратил никакого внимания на то, что выгляжу я так, как будто побывала под небольшим кровавым дождиком.

— А что не так с вашим внешним видом? — удивился моему вопросу Драйк.

— Ну, кровь и всё такое...

— Ни в мире драконов, ни в мире демонов вы никого этим не удивите, госпожа. Вы можете прийти, хоть, с оторванными конечностями или с чужими внутренностями в руках — мало, кто обратит на это внимание. Ведь, в этих двух мирах случается всякое.

— То есть, это будет нормально, если я заявлюсь к своим родственникам в таком виде? — недоверчиво посмотрела я на демона.

— Вполне. Смею посоветовать вам так и поступить. Ваши родственники должны видеть, что вы не так просто и беззащитна, какой кажетесь на первый взгляд.

— Возможно, ты прав. Но, зубы и рот я бы, всё-таки, прополоскала, — пробормотала я последнюю фразу. — Драйк, покажи мне, как пройти к тронному залу Зиградена и пойдди, позови мою семью на тёплую семейную встречу.

— Слушаюсь, госпожа Милена, — поклонился Драйк.

Он быстро объяснил, как пройти в тронный зал и хотел уйти, как я его остановила:

— Подожди. У меня к тебе один вопрос. Когда ты оставил меня одну на балу Люцифера, ты знал, что там со мной произойдёт?

— Знал, — совершенно спокойно ответил мужчина. — Не в деталях, конечно, но знал.

— Почему не сказал об этом?

— Если бы вы знали, что вас ждёт, вы могли отказаться идти туда, а это было бы очень нежелательно. Вас бы наказали за пренебрежение к приглашению повелителя Люцифера.

— А ты не думаешь, что для меня наказание было бы предпочтительнее, чем... то, что произошло?

— Нет, не думаю. Вы не знаете, госпожа Милена, как могут наказывать в мире демонов, — как-то недобро усмехнулся слуга. — По сравнению с наказанием, бал бы вам показался детским утренником.

— Хочешь сказать, что спас меня от чего-то похуже, чем публичное изнасилование? — скептически посмотрела я на него.

— Именно. Госпожа Милена, у вас двойное положение. С одной стороны, вы повелительница другого мира, но с другой, вы — владычица Зиградена и подданная повелителя Люцифера. В этом положении есть и свои плюсы и свои минусы. Один из минусов — это то, что вы подвержены власти повелителя Люцифера и он имеет право подвергнуть вас каре за неподчинение.

— Ладно, убедил, — со вздохом, признала я. — Но, впредь, говори мне всё, как есть, чтобы это ни было. Я хочу сама решать — надо мне это или нет.

— Как прикажете, — и Драйк ушёл созывать всех из рода Кавэлли.

— Вы были на балу демонов? — тем временем произнёс, молчавший до этого, Киеран. — Надеюсь, вам там понравилось? Вы, наверняка, со многими там познакомились?

«Вот гад! — со злостью подумала я. — Хотя, ему и пришлось подчиниться мне из-за клятвы, он, всё равно, пытается меня задеть».

Не надо было долго думать, чтобы понять, на что намекал Киеран во фразе: «Вы, наверняка, со многими там познакомились?». Перевод был, примерно, таким: «Ты, наверняка, там со многими перетрахалась, верно?».

«Ничего, сейчас я тебя обломаю, скотина!» — мстительно подумала я и ответила ему:

— К сожалению, мне не довелось с кем-нибудь познакомиться на балу. Повелитель Люцифер не отпускал меня от себя всё это время.

— Что за бред?! — исказилось злобой лицо Киерана. — Разве вы не должны были... — запнулся он.

— Стать секс-развлечением для всех присутствующих? — закончила я за него. — Да, наверное, должна была. Но, видимо, у повелителя было другое мнение на этот счёт. Кроме того, на том балу мной никто не овладевал и никто ко мне не прикасался. А, нет. В конце ещё Верховному демону Абигору было дозволено ко мне прикоснуться и то, только к моим губам.

Я постаралась придать своей речи нотки гордости. Хотя, по моему собственному мнению, гордиться здесь было нечем. Радовало только то, что меня, действительно, не трахнули все присутствующие на балу.

— Не верю! — с рычанием, произнёс Киеран. — Это — невозможно, чтобы повелитель так поступил с обычным получеловеком!

— Мне всё равно — веришь ты мне или нет. Если тебе так уж неймётся, можешь спросить у любого демона, кто там присутствовал. Кроме того, именно тогда повелитель Люцифер надел на меня эти «оковы неволи», — прикоснулась я к одному из своих ошейников.

— Погодите-ка! Вы хотите сказать, что одно из Ваших «оков» принадлежит повелителю Люциферу?! — поразился демон.

Теперь настала моя очередь удивляться. Мне, до этого момента, почему-то казалось, что Киеран знает — кто является моими хозяевами. Но, потом я вспомнила, что в разговоре с ним об этом ни разу не упоминалось. Скорее всего, он знал, что одним из двоих был Ферокс, так как во время разговора с богом-драконом об ошейниках, Киеран и появился передо мной

второй раз в жизни. А вот про второго он ничего не знал, и знать не мог. И почему я была уверена, что он знает?

— Да, одним из хозяев этих ошейников является повелитель Преисподней, — сказала я, спокойно глядя в глаза Киерана. — А тебе что-то не нравится, Киеран?

Видимо, эта новость повергла высшего демона в такой шок, что он в ответ просто замотал головой.

— Что ж, если ни у кого больше нет вопросов, то идёмте на встречу с моей семьёй, — закончила я этот разговор.

«Так, из моего окружения никого удалять не надо, — размышляла я по пути к своему тронному залу. — Лекс, хоть и человек, личность, довольно-таки, устрашающая даже для демонов. Ерат — пьющий кровь демонов двухсотлетний киллер, которого, за это время, никто не убил. Человек, за которого в мире демонов назначена награда. Его присутствие рядом со мной мою репутацию, явно, хуже не сделает. Киеран. Про него и говорить нечего. Высший демон, подчиняющийся, до сегодняшнего дня, одному Люциферу и который теперь подчиняется мне. Действительно, не плохо для той, кто в мире демонов и драконов не провёл и недели. Рейф. Тот, с которым я связана своей же кровью. С точки зрения демонов ничего примечательного — ну псих, ну садист, ну гипнотизёр... Но, его я просто не хочу упускать из виду — мало ли, что ему в голову может прийти».

Когда мы зашли в зал, там уже собрались мои родственники. Все, как на подбор, черноволосые, высокие... Я, со своими русыми вьющимися волосами и небольшим ростом, выглядела среди них белой вороной.

«А, ведь, когда я вошла, они все должны были встать, — заметила я, проходя к своему трону, мимо сидящих демонов. — Ну, ладно. Разберёмся».

— Зачем ты собрала нас здесь, Милена? — первым задал, интересующий всех, вопрос мой дядя — Верде.

— Дядя, а тебе не кажется, что, прежде чем что-то сказать, ты должен встать? — ядовито поинтересовалась я. — Как я помню, это правила поведения с главой рода.

— Не думай о себе слишком много, Милена! — резко ответил Верде. — Ты, всего лишь, формально занимаешь место главы рода и правительницы Зиградена.

— Да, это так. Ты, дорогой дядя, захотел сделать меня главой Кавэлли, чтобы завладеть этим городом. Только о планах повелителя Люцифера насчёт меня, ты ничего не знал, верно? И, оказалось, что мы с тобой теперь в одинаковом положении.

— На что ты намекаешь? — злобно посмотрел на меня брат моего отца.

— Я не намекаю, а говорю прямо. Ни ты, ни я Зиграденом не владеем. На данный момент, хозяином здесь является Ферокс, и ты прекрасно это понимаешь. И это положение меня никоим образом не устраивает, думаю, как и тебя.

— К чему весь этот разговор? — поинтересовался Верде. — Ты собрала нас, чтобы сказать это? Да что ты можешь сделать? Ты — получеловек, не владеющий никакой силой!

— Так уж и никакой? — усмехнулась я. — А, разве, мой брат — Лэйрат — вам ничего не говорил?

— О том, что ты владеешь «контролем крови»? — презрительно фыркнул дядя. — Я не знаю, с чего Лэйрат это взял, но я в эту чепуху не верю!

— Почему? Потому, что во мне течёт кровь «жалких людишек»?

— Именно. Если я не прав, может, продемонстрируешь свою способность на мне?

«Я бы с радостью! — со злостью подумала я про себя. — Да только как? В прошлый раз

всё случилось на эмоциях, и я так и не поняла, как я смогла это сделать. Чёрт, почему я об этом не подумала, когда шла сюда?! С дальновидностью, точно, надо поработать...».

— Как я и думал, — тем временем, произнёс Верде. — Ты — абсолютно бесполезна. Я ухожу — не вижу смысла дальше продолжать этот разговор.

Верде Кавэлли встал, развернулся и пошёл на выход. Смотри на него, все остальные тоже встали и собрались уходить. Только Лэйрат замешкался. Видимо, он слишком хорошо помнил нашу прошлую встречу и просто не понимал, почему я ничего не делаю.

— Если они сейчас уйдут, то это будет означать конец твоим попыткам подчинить себе Кавэлли, — взволнованно сказала Адалисса. — Эй, Милена! Ты меня слышишь?!

А я её уже не слышала. Всё моё сознание затопила злость. Злость на то, что эти высокомерные высшие демоны относились ко мне с таким презрением и пренебрежением из-за того, что моя мать была человеком!

«Да чем они лучше людей?! Ничем! У них нет никакого права обращаться со мной, как с пустым местом!».

Как и тогда, в случае с Лэйратом, ярость стала единственным чувством, что я ощущала в этот момент. И, как и тогда, я почувствовала, что могу сделать со всеми присутствующими здесь мужчинами, всё, что угодно! Но, я направила весь свой негатив на своего дядю. Я просто взяла и представила, как ток крови к сердцу Верде Кавэлли останавливается. И, через долю секунды, демон упал на пол, хрипя.

— Никогда больше не смей поворачиваться ко мне спиной, без моего разрешения, дядя, — холодно произнесла я, хотя, в душе ещё бушевал пожар злобы. — Иначе, я убью тебя, не задумываясь. Поверь — я смогу это сделать. Хотя, я думаю, ты это уже понял, верно? — я сделала глубокий вдох, успокаиваясь и «отпуская» Верде. — А теперь, попрошу всех вернуться на свои места.

Перечить никто не стал. Демоны, испуганно переглядываясь, расселись по своим местам и стали молча ждать, пока я заговорю. В их глазах больше не было ни презрения, ни чего-либо подобного. Был страх, неуверенность и, похоже, неверие в то, что я только что сделала. Больше всех, конечно, был выбит из колеи мой дядя. Он, пошатываясь, поднялся с пола, оглядел себя, как будто не веря, что он ещё жив, и после этого посмотрел на меня. Я совру, если скажу, что мне не понравился его взгляд — растерянный, напуганный... Правда, надо отдать ему должное, взял он себя руки быстро. Лицо, вновь стало спокойным, хотя, уже и без того высокомерия, с которым мужчина смотрел на меня вначале. Наоборот, он приблизился ко мне и склонился так же, как и Лэйрат совсем недавно:

— Прошу меня простить за моё неверие. Я тебя недооценил.

— Госпожа Милена, — внезапно, подошёл ко мне Киеран. — Если хотите, я могу наказать его за неподчинение вам.

«Ты сам-то, до недавнего времени, был не лучше, Киеран!» — подумала я про себя, а вслух сказала:

— Не стоит, Киеран. Думаю, дядя уже и так уяснил, что не стоит мне перечить. Да дядя? — приторно-ласковым голосом спросила я.

— Да, конечно. И... могу я задать вопрос?

— Задавай, — разрешила я.

— Этот демон рядом с тобой... Это — Киеран Дельгадо? — в голосе сквозило сомнение и... уважение?

«А я не ошиблась, приведя с собой Киерана, — осталась я довольной реакцией своего

ближайшего родственника. — Это произведёт хорошее впечатление».

— Да, это так, — кивнула я в ответ на вопрос Верде. — А в чём дело?

— Ходили слухи, что повелитель Люцифер отдал тебе своего слугу в качестве подарка.

— И что?

— Кое-кто в них не верил, а кто-то делал ставки: сколько времени пройдёт прежде, чем Дельгадо вернётся к повелителю, — нехотя пояснил Верде.

— Вот как. Значит, никто не верил, что я смогу с ним справиться? — усмехнулась я. — Ну, как видите, все ошибались. А теперь, я хочу поговорить о нынешнем положении Зиградена и моём положении в нём.

— А, разве, не твой супруг будет всем здесь заправлять? — подал голос один из моих братьев — Элендар. — Если — да, то я не вижу смысла говорить об этом.

— Положение вещей несколько изменилось, — ответила я. — Есть шанс, что я смогу отстранить Ферокса от дел Зиградена.

— Но, как?! — изумлённо воскликнул Верде Кавэлли.

— Как — это только моё дело. Речь сейчас не об этом. Речь сейчас о том, что в случае, если Ферокс не будет претендовать на Зиграден, я становлюсь его истинной правительницей. Истинной правительницей, а не вашей марионеткой. Если у кого-то есть возражения по этому поводу, то пусть сейчас мне их выскажет.

— Невозможно! — поднялся с колен дядя. — Я не отрицаю, что ты владеешь «контролем крови». Я не отрицаю, что теперь ты можешь, в любой момент, убить любого, в ком течёт кровь Кавэлли. Но, этого мало, чтобы быть правительницей! Ты не знаешь мира демонов! Ты не знаешь его законов! Как ты собираешься править?!

— Ошибаешься, дядя. Я знаю законы мира демонов (и не только его). Я знаю гораздо больше, чем ты думаешь. И я смогу править здесь. Разумеется, это не означает, что я отказываюсь от ваших советов, мнений... Но! Окончательное решение буду принимать только я! И я прикончу любого, кто посмеет это оспаривать!

— Зачем тебе это? Зачем тебе реальная власть? — искренне недоумевал дядя. — Почему ты не хочешь просто сидеть на троне и ничего не делать? Ты же не хотела становиться ни главой Кавэлли, ни правительницей Зиградена!

— Верно, не хотела, — кивнула я. — Я также не хотела становиться женой Ферокса. И я также не хотела покидать мир людей. Однако моего мнения так никто ни разу и не спросил. И поэтому, я решила, что из своего нынешнего положения я получу всю возможную для себя выгоду. Если я не могу ничего изменить, то я буду пользоваться всем, что у меня есть. И неважно, чего мне это будет стоить: души, эмоций, принципов, морали, нравственности, совести... Если будет нужно, я пожертвую всем этим! — «Только ради него! — про себя говорила я. — Только ради моего ребёнка! Я пожертвую всем!».

— А теперь скажите мне, дорогие родственники, — вслух продолжила я. — Вы согласны с тем, что я обрисовала? Предупреждаю сразу — возможны только два варианта развития событий. Либо вы мне подчиняетесь, либо... либо вы мне не нужны.

— Да ты просто не оставляешь нам выбора! — рыча, сказал Элендар.

— У меня есть, у кого учиться! — огрызнулась я. — Так, что? Я жду.

Демоны переглянулись, встали со своих мест... все, как один, склонили головы, опускаясь на одно колено.

«Отлично! Одно условие Ферокса выполнено! Осталось второе. Вот его будет куда сложнее выполнить».

— Раз вы сделали свой выбор, я вас больше не задерживаю, — отпустила я свою семью. — Я вас вызову, если вы будете мне нужны.

Все вышли, кроме дяди. Брат моего отца задержался на выходе и сказал:

— Я не знаю, как ты собираешься отвести своего супруга от Зиградена, но если ты сделаешь это, Милена, то тогда я, действительно, признаю тебя, без страха перед «контролем крови», — с этими словами он ушёл.

Глава 10.

— Мы сегодня останемся в Зиградене? — спросил Рейф, когда за моим дядей закрылась дверь.

— Да. И, возможно, здесь я проведу, по крайней мере, две недели, если не месяц.

Я позвала слуг, которые показали мне мою комнату и комнаты моих спутников. Этих самых спутников я разогнала от себя подальше. Даже Рейфу приказала ближайшее время ко мне не приближаться. Очень хотелось побыть одной. Тем более, когда это желание у меня появилось в мире драконов, его не дал осуществить Ферокс. Теперь же это было вполне возможно. Я никого не хотела ни видеть, ни слышать. После разговора с родственниками, я почувствовала себя уставшей. Поэтому, после того, как я отмылась от крови Киерана, я легла в постель, перед этим проверив — закрыта ли дверь. Хотя, я знала, что если меня захочет видеть кто-то из моего нынешнего окружения, замок ему будет не помеха.

Стоило мне закрыть глаза, как заговорила Адалисса:

— Поздравляю, Милена. Ты смогла подчинить свою семью и одна часть пари с Фероксом тобой выиграна.

— Если можно, то я эти поздравления хотела бы услышать попозже, — недовольно поморщилась я — Я устала и у меня нет настроения разговаривать.

— А если я скажу, что смогу сделать так, чтобы ты смогла увидеть своих подруг — Николь и Лави?

— Что?! — мою усталость и сонливость, как рукой сняло. — Ты шутишь?!

— Не замечала за собой чувства юмора вообще, — фыркнула Адалисса. — Так, ты хочешь их увидеть?

— Конечно, да! — забыв о том, что могу говорить со своим вторым «я» мысленно, вслух закричала я. — Но, подожди, — я опомнилась, вновь, переходя на мысленный разговор. — Я же... я обещала Фероксу, что больше с ними не увижусь. Если он узнает, что я нарушила обещание...

— А ты его и не нарушишь, — ответила Адалисса. — Ты не встретишься со своими подругами в обычном смысле этого слова.

— А в каком же смысле я с ними встречу? — недоумённо спросила я.

— Ты покинешь своё тело и сможешь увидаться со своими друзьями в виде духа (или призрака — называй, как хочешь). Обещание, данное Фероксу ты, таким образом, не нарушишь, ведь, твоё физическое тело останется здесь.

— И ты, правда, сможешь это сделать?

— Да.

— Почему не сказала об этом раньше?

— Во-первых, я, всё равно, не могу делать это, когда захочу — не чаще одного раза в месяц и то, не долго. А во-вторых, до этого не было необходимости — Лекс же сообщил тебе, что с Николь и Лави всё в порядке. К тому же, возможность встретиться с этими девушками ты можешь считать наградой за то, что смогла взять себя в руки и поставить на место и Киерана Дельгадо и свою семейку. Хочешь встретиться со своими подругами сейчас?

— Да, — кивнула я. — Что мне для этого надо сделать?

— Закрой глаза. Но, перед этим, я хочу дать тебе один совет. Не говори Николь и Лави, что ты, действительно, пришла к ним. Пусть думают, что ты им только снишься.

— Но, почему?

— Потому, что пусть ты, формально, и не нарушишь слово, данное богу-дракону, но... Если Николь и Лави будут уверены в том, что виделись с тобой, Ферокс может посчитать это нарушением.

— А как он узнает-то?

— Ну, ему может прийти в голову проверить память твоих подруг. Если они будут уверены, что ты им только снилась, Ферокс ничего не найдёт, но, если — нет... Ты будешь рисковать их жизнями?

— Нет. Но, разве, Ферокс — телепат, чтобы просматривать память? То, что он может мысленно разговаривать, я знаю, но...

— Он может читать мысли, если захочет, а смотреть память — нет. Но, среди его подчинённых есть пара таких телепатов, рядом с которыми твой бывший учитель — Шейн Келлер и рядом не стоял. В общем, я тебя предупредила, а как тебе поступать — решай сама. А теперь, скажи — с кем, сначала, хочешь увидеться?

— С Николь.

— Тогда, закрывай глаза. Сразу, после Николь, я отправлю тебя к Лавинии Лейк. И последнее — на разговор с каждой у тебя, всего, пять минут. Больше я дать не могу.

Я кивнула и закрыла глаза. Сразу, после этого, я почувствовала, как будто, становлюсь такой лёгкой, что меня мог бы унести малейший порыв ветра. Затем, было потрясающее ощущение полёта (правда, недолго). Потом, когда полёт закончился, Адалисса сказала: «Ты на месте. Помни о времени — всего пять минут».

Я открыла глаза и обнаружила, что нахожусь в незнакомой большой комнате. И в этой комнате, на широкой кровати, спала Николь. Спящее лицо девушки было измождённым, уставшим... под глазами были тёмные круги. Видимо, в последнее время она плохо спала.

Я хотела дотронуться до Николь, чтобы разбудить. Но, не смогла. Я поняла, что я не могу этого сделать — я, на самом деле, выглядела, как призрак. Мои руки прошли сквозь подругу, а сама я, оглядев себя, увидела, что моё тело полупрозрачное, как у какого-то приведения.

«Надеюсь, голос-то у меня, хоть, есть?» — мрачно подумала я и позвала подругу:

— Николь. Николь, проснись!

Николь пошевелилась и медленно открыла глаза. Глаза девушки были красными, опухшими.

«Видимо, она не только плохо спала, но и часто плакала, — с тоской подумала я. — И всё это — моя вина».

— Милена? Это, правда, ты?! — глаза девушки вспыхнули надеждой, но... эта надежда, мгновенно, угасла. — Ты... такая прозрачная... Как призрак... Ты же мне снишься, верно?

— Верно, — с грустью улыбнулась я. — Я тебе просто снюсь.

— Даже так, я рада, что увидела тебя, хотя бы, во сне, — слабо улыбнулась в ответ Николь, затем, встала с кровати, подошла ко мне и попыталась обнять меня (из этого ничего не вышло). — Действительно — сон. Я даже обнять тебя не могу. А я так скучаю по тебе. Я так хочу обнять тебя и понять, что ты жива! Я... я хочу снова учиться в «Шисуне», вместе со всеми!

Девушка разрыдалась, закрыв лицо руками. А я стояла и ничего не могла сделать, чтобы её утешить. Я не могла даже коснуться её.

«Зря я пришла сюда, — подумала я. — Своим «приходом» я только расстроила её. Я даже не могу сказать, что это — не сон!».

Немного успокоившись, Николь подняла на меня глаза и произнесла:

— А я, ведь, даже не знаю, почему ты ушла из «Шисуны» чуть больше двух месяцев назад, Милена. Я не знаю, почему ты ничего мне не сказала перед тем, как уйти. Наверное, только я считала нас подругами, раз ты не сочла нужным ничего мне сообщать и не давать о себе знать два месяца.

— Это не так! — с отчаянием крикнула я. — Я просто не могла... не могла ничего сказать!

— Да что об этом может знать моё собственное воображение, которое породило тебя? — со вздохом, сказала девушка. — К тому же, теперь это не имеет никакого значения. Ведь... ведь, тебя, официально, признали мёртвой! Сказали, что дом, где ты жила с Кайомой Макфеем, тоже был разрушен, как и «Шисуна»! Тел не нашли, но признали, что нет никаких шансов, что кто-то мог выжить при том взрыве! Понимаешь, Милена?! Тебя нет! Ты можешь являться ко мне только во сне!

Я, в полном оцепенении, смотрела на Николь. У меня никогда даже мысли не возникало, что меня признают погибшей. Хотя, по сути, это было совершенно естественно. И как же мне теперь хотелось сказать, что всё не так! Что я жива! Что со мной всё в порядке (пусть, и в относительном порядке)! Но... я не могла. Я не могла сказать подруге, что жива, чтобы не подвергать её опасности.

— Ты же вернёшься в «Шисуну», когда её восстановят? — решила я отвлечь Николь. — Думаю, это поможет тебе забыть о произошедшем и, вновь, начать жить сначала.

— Забыть?! Что — забыть?! То, что погибли многие из тех, кого я знала?! Забыть, что жизнь больше никогда не станет такой, как прежде?! Забыть то, что я видела, когда вернулась в «Шисуну»?! Все эти развалины, дым, тела, которые ещё не успели убрать к моему приезду!.. Как я могу туда вернуться после всего?! Скажи мне — как?!

— Я... — начала я.

— Уходи! — резко прервала меня Николь. — Я не хочу видеть призрак умершего человека, про которого, оказалось, я мало что знала! Уходи! — девушка отвернулась от меня, снова легла в кровать, укрылась с головой под одеяло, и тихо-тихо, снова заплакала.

— Теперь — к Лави? — спросила меня Адалисса.

— Да. Хотя, я уже не уверена, что это — хорошая идея.

Лави я нашла сидящей в кресле и уставившись в одну точку. Когда я появилась, она даже не повернула головы. Просто покосилась на меня и сказала:

— Если я во сне вижу мёртвого человека, то, что это значит? Что я тоже скоро умру?

— С ума сошла?! — резко ответила я. — С чего это у тебя такое желание?!

— Агрессивное сновидение? — всё-таки, повернулась ко мне Лави. — Странно. Но, наверное, настоящая Милена именно так бы и отреагировала. Знаешь, я рада тебя видеть, хотя бы, так.

— Как ты себя чувствуешь, Лави? — решила спросить я Лави.

— Хреново, — лаконично ответила та. — Без тебя, без своих друзей, без «Шисуны»... Вся жизнь превратилась в кошмар, от которого невозможно проснуться! Ещё и... — на этих словах девушка осеклась.

— Чего «ещё и...»? — насторожилась я.

— Милена, пусть ты мне и снишься, но можно я сделаю вид, что ты, на самом деле, здесь? — тихо спросила Лави. — Ведь, только тебе я могла бы рассказать об этом.

— Конечно, — кивнула я. — Хотя, у своего сновидения ты могла бы и не спрашивать, — я подошла к её креслу и села на пол, рядом с ним. — Что ты хотела мне сказать?

— Я... я беременна, — сказала подруга, всхлипывая и начиная дрожать. — Я... я же ни с кем не была, Милена! Я не была ни с кем добровольно! Меня только один раз изнасиловала группа мужчин! Я забеременела от кого-то из тех ублюдков! Я ношу под сердцем ребёнка бандита, даже не зная — кого именно из них!

Я потрясённо молчала. Я лучше всех знала, что случилось с Лави в доме наркодиллера Филиппа, около трёх месяцев назад. Ведь, именно я тогда вытащила её оттуда. Девушку тогда насиловали в подвале дома три дня подряд. После того кошмара, я очень надеялась, что у неё получится если и не забыть произошедшее, то, хотя бы, вспоминать о нём, как можно реже. Но, теперь? Трудно даже представить, что испытывает сейчас Лави, узнав, что ждёт ребёнка от одного из тех, кто насиловал и мучил её.

— Я помню тот день, когда узнала о произошедшем в «Шисуне», — глотая слёзы, продолжала Лавиния. — Я помню, как попросила брата отвезти меня туда, помню, что там увидела... Окончательно меня добила новость о том, что у тебя не было шансов выжить там, где ты тогда находилась. Но... но, всё равно... втайне, я надеялась на то, что... — её слова прервали рыдания, но, затем, она говорила дальше. — Мне стыдно признаваться в этом! Стыдно признаваться в этом тебе, хотя, ты мне только снишься! Стыдно признаваться в этом самой себе, но... но... Я, втайне, надеялась, что из-за всех этих переживаний у меня случится выкидыш! Я... я хотела, чтобы это случилось! Хотела, чтобы этого ребёнка не стало!

— А аборт? — шёпотом, не доверяя своему собственному голосу, спросила я.

— Когда я узнала о беременности, аборт уже поздно было делать. А вызвать выкидыш искусственно мне не позволил брат. Я не знаю, что мне теперь делать! Я, ведь, не смогу полюбить этого ребёнка! Не смогу!

Я не знала, что сказать. Не знала, чем можно утешить в такой ситуации. Да, мы с Лави обе были в положении, но... Для меня мой будущий малыш стал причиной, чтобы жить дальше. Он дал мне силы, чтобы противостоять ударом судьбы, которые на меня обрушились. А для Лави? Узнать о том, что ты забеременела после группового изнасилования — это... Да я даже представить не могу — каково это! Я боюсь, что беременность, наоборот, может подтолкнуть девушку к краю!

— Милена, у тебя осталась одна минута, — предупредила меня Адалисса.

— Лави, пожалуйста, посмотри на меня! — попросила я подругу и, когда она это сделала, сказала. — Пусть я и, всего лишь, сон, но ты сама сказала, что хочешь сделать вид, что я, на самом деле, здесь. Так вот, Лави, прошу, пообещай мне, что ничего с собой не сделаешь! Просто пообещай! Считаю, что тебя просит дух твоей подруги!

— Я... постараюсь, но... Нет, не знаю! Не могу обещать!

— Пожалуйста, Лави! У меня, всего, одна просьба: пообещай, что не будешь пытаться навредить себе! Я не прошу тебя попытаться полюбить твоего ребёнка! Я и сама не знаю — возможно ли это, как бы жестоко это не звучало, но...

— Время вышло, Милена, — произнесла бывшая богиня.

Но, прежде чем я покинула комнату девушки, я услышала её тихое:

— Я обещаю.

Я открыла глаза в своей спальне, в Зиградене. Мне хотелось плакать, кричать, выть... от безысходности, от бессилия!.. То, что произошло с Лави, то, как чувствовала себя Николь... А я даже не могла их утешить словами: «Эй, да я же жива, девчонки! Со мной всё в порядке!».

— Кажется, встреча с подругами тебя не слишком порадовала, — сказала Адалисса.

— Не порадовала — это мягко сказано. Я не думала, что всё будет настолько плохо! Не думала, что меня будут считать погибшей! Не думала, что Лави может забеременеть после... после того случая!

— А, ведь, отцом будущего ребёнка твоей подруги может быть и наш рыжеволосый друг, — задумчиво протянула Адалисса.

— Да какая разница?! Даже если это и так, для Рейфа это не будет значить ничего! Сейчас гораздо важнее, что будет делать Лави. Хоть, она и пообещала мне, но я, всё равно, беспокоюсь.

— Твоё беспокойство ей ничем не поможет, Милена. Ты, вообще, ничем не можешь помочь ни Николь, ни Лавинии.

— «Спасибо», Адалисса! — зло усмехнулась я. — Ты умеешь утешить!

— Я не вижу смысла дёргаться из-за того, что от тебя несколько не зависит. Тебе своих проблем мало? Не забывай, что пари с Фероксом ты ещё не выиграла.

— Да помню я об этом! Но, как я могу просто взять и выкинуть из головы то, что случилось с Лави и то, что происходит с Николь?!

— Ты должна расставить свои приоритеты, — жёстко сказала Адалисса. — Ты должна решить, что для тебя важнее — защищать своего ребёнка или беспокоиться о своих подругах, которым ничем, всё равно, помочь не можешь.

— А тебе не кажется, что это жестоко — ставить меня перед таким выбором?!

— Жизнь, вообще, жестока. А твоя так тем более, — девушка немного помолчала, а затем продолжила. — Я бы сейчас посоветовала тебе поспать. Ты очень устала.

— Да как я могу спать после такого?!

— Легко.

И, действительно, не прошло и пяти минут, как я начала засыпать. То ли это была очередная магия Адалиссы, то ли я, правда, настолько устала.

Я бегу по зелёному полю, освещённому солнцем. Я бегу, пытаюсь догнать человека, идущего вдалеке. Несмотря на то, что человек идёт медленным шагом, я не могу приблизиться к нему ни на миллиметр. Я бегу, бегу, бегу и, наконец, начинаю кричать:

— Кай! Кай, пожалуйста, подожди меня! Не уходи! Кай!

Но, он не оборачивается и не останавливается. Он продолжает идти, отдаляясь от меня всё дальше и дальше. Мои ноги тяжелеют, подкашиваются... Внезапно, пейзаж меняется. Зелёное поле и солнце исчезают, а вместо этого я оказываюсь на какой-то выжженной земле, без единой травинки. Но, спина Кая, всё равно, виднеется впереди. Я снова хочу побежать за ним, но... что-то обхватывает мою шею! Это не ошейник — это тяжёлая металлическая цепь! Как только я делаю шаг вперёд, что-то дёргает меня назад! Оказывается, к цепи на шее прикреплены ещё две цепи, как поводки! И держат их в руках Люцифер и Ферокс.

— Куда это котёнок собрался без разрешения, а? — интересуется Ферокс, дёргая цепь на себя, от чего я упала.

— Отпустите меня! — я кричу, пытаюсь сорвать цепь с шеи. — Отпустите, иначе, я не смогу его догнать!

— Тебе не нужно его догонять, — говорит Люцифер, в этот раз дёргая меня на себя, от чего я хриплю от давки на шее. — Ты — наша собственность, Милена! И ты навсегда ею останешься!

— Нет! Я смогу вырваться! Смогу! — я поднимаюсь на ноги и... чуть не поскользываюсь на чём-то.

Посмотрев себе под ноги, я обнаруживаю, что земля под моими ногами покрыта кровью! Всё выглядит так, как будто кто-то устроил здесь резню, но убрал трупы, оставив, лишь, кровавые разводы повсюду! Затем, из этих кровавых разводов, как будто из глубины, стали подниматься чьи-то руки... много рук! Они все тянутся ко мне, хватают... Раздаются крики:

— Почему по твоей вине мы должны были умереть?! Почему мы были приговорены, просто оказавшись рядом с тобой?! Это твоя вина! Наша смерть на твоей совести!

— Хватит! Прекратите! Пожалуйста! — я кричу и пытаюсь убежать.

— Котёнок хочет убежать? У него ничего не выйдет! — издевательски смеётся Ферокс, притягивая меня к себе с помощью цепи и целуя меня.

— Нет, не трогай меня! — я хочу отвернуться от него, но пальцы дракона берут меня за подбородок и не дают этого сделать.

— Ты же сама хочешь этого, Милена, признайся, — говорит мне мужчина, начиная ласкать моё тело.

— Нет! Я не хочу этого! Отпусти!

— Снова лжёшь, как и на моём балу? — сзади подходит Люцифер, прижимается ко мне; его руки тоже начинают блуждать по мне, ласкать, раздевать.

Я оказываюсь между двумя мужчинами, как в капкане, без возможности освободиться. Горло сдавливают цепь, я вырываюсь, кричу... Внезапно, до меня дотрагивается ещё одна рука — холодная, как лёд и, судя по ощущениям, женская. Я поворачиваю голову, боясь увидеть, что это — одна из тех окровавленных рук, хватая меня. Но, всё оказывается хуже. Я вижу рядом с собой Лави. Её кожа белая, как мел; под глазами залегли чёрные круги... Одета она в просторную белую рубашку до колен, а в руках у неё... я сначала даже не поняла, что это. А присмотревшись... Если бы у меня ещё были силы кричать, мой вопль оглушил бы всю местность, а так из моего горла вырвался только надсадный хрип. В руках девушки был окровавленный маленький эмбрион ребёнка!

— Видишь, Милена, я смогла избавиться от него! — счастливо смеётся девушка.

Она смеётся, смеётся, смеётся!.. Смех превращается в истерический, затем, в безумный! Лави исчезает, но смех всё ещё звучит у меня в ушах!

— Не смей ни на что отвлекаться, когда ты со мной! — слышу я резкий голос Люцифера.

Он, с силой, дёргает меня за волосы, заставляя повернуться к нему. Я смотрю в его глаза — жестокие, холодные и мне так хочется закрыть свои, но я не могу. Я чувствую, как Ферокс, тем временем, раздвигает мне ноги, входит в меня...

— Милена, тебе же понравился этот «деликатес» в прошлый раз. Разве, нет? Хочешь ещё?

Рядом со мной материализуется Абигор. В руках демона войны глаз с ярко-зелёной радужкой!

— Хватит, умоляю! Хватит! Хватит! Хватит меня мучить! Кто-нибудь... кто-нибудь, пожалуйста!.. Спасите меня!

— Это — твой мир, Милена, — шепчет мне Ферокс, резко двигаясь во мне. — И ты навсегда, в нём останешься. Даже и не мечтай, что кто-нибудь тебя спасёт.

Глава 11.

Я проснулась в холодном поту, с мокрыми, от слёз, щеками. Несколько секунд после пробуждения, я даже не могла унять дрожь после пережитого ночного кошмара. Меня буквально колотило от страха.

«Спокойно, Милена! — приказала я самой себе. — Успокойся! Это был, всего лишь, сон!».

Но, чёрт возьми, как же точно этот сон показывал реальность моей жизни! Ведь, на самом деле, всё таким и являлось. Я была виновна в смерти многих людей, я являлась собственностью Люцифера и Ферокса и... мне, на самом деле, не стоит и мечтать о том, что кто-нибудь меня спасёт. Единственный, кто мог бы меня спасти, был Кай, но... он мёртв, несмотря на то, что я никак не могла свыкнуться с этой мыслью.

— Кошмар приснился? — спросил кто-то.

Я резко повернулась и наткнулась на внимательный взгляд бирюзовых глаз.

— Что ты здесь делаешь, Рейф? — недовольно спросила я. — Я тебе, по-моему, говорила не приближаться ко мне, хотя бы, какое-то время. Я даже дверь закрыла.

— Да, но я почувствовал твой страх и пришёл посмотреть, что могло тебя напугать. Как вижу — это был, всего лишь, сон.

— Раз ты посмотрел, что хотел, тогда вали. Хотя, нет, постой! — вспомнила я про Лави. — Скажи мне честно, Рейф. Если бы ты узнал, что стал отцом, то что бы ты сделал?

— Ничего.

— Совсем ничего? — недоверчиво посмотрела я на него (хотя, чего я ещё ожидала от Рейфа?). — Но, ведь, это — твой ребёнок. Твоя кровь. Ты бы даже ничего не почувствовал при этом?

— Нет, Милена, я бы ничего не почувствовал. Мне плевать, если какая-то девчонка забеременеет от меня. Это её проблемы, а не мои. Ребёнок... Ты сама-то можешь представить меня заботливым папочкой?

— Нет, не могу, — покачала я головой.

— Тогда, зачем спрашиваешь? Только если... — в глаза Рейфа пришло понимание. — Ха, только не говори мне, что твоя подружка — Лави — беременна!

— С чего ты взял?! — резко ответила я.

— По твоему эмоциональному состоянию это легко понять, да и этот злобный взгляд, которым ты меня сейчас одариваешь, говорит сам за себя. Хотя, я и не знаю — как ты об этом узнала.

— И тебе, до сих пор, всё равно?

— Да, всё равно. К тому же, ещё и неизвестно — кто отец. Это могу быть и не я, а кто-нибудь из тех многочисленных мужчин, которые, в течение трёх дней, насильовали твою подружку вместе со мной и Филиппом. Да это может быть и сам Филипп, которого ты сама же и застрелила. Но, даже если отцом окажусь я, то, что с того? Что ты мне предложишь делать? Платить алименты? А может, предложишь мне создать с твоей подружкой счастливую семью?! — издевательски рассмеялся мужчина. — О, это было бы, крайне, забавно! Может, мне сейчас сходить в мир людей и поздравить будущую мать?

— Не смей к ней приближаться, Рейф! Даже думать об этом не смей!

— Ну, тогда и смысла нет в этом разговоре, верно? — нагло улыбнувшись, сказал Рейф.

«А, ведь, он прав, — с досадой подумала я. — К чему я, вообще, начала этот разговор? Я же никогда не собираюсь позволять Рейфу напоминать Лави о своём существовании. Ох, какая же я дура!».

— Кстати, что же такое страшное тебе приснилось, Милена? — поинтересовался Рейф, после недолгого молчания.

— Ничего такого. Просто моя сегодняшняя жизнь мне приснилась. Только и всего. А теперь, уйди от меня, Рейф.

— Может, перед этим, дашь мне своей крови, Милена? — спросил мужчина, облизнув свои губы.

— А ты не обнаглел случайно?! — возмущённо воскликнула я.

— Во-первых, я живу за счёт твоей крови, а во-вторых, ты слишком давно давала мне её в последний раз.

— Хорошо, только быстро, — сдалась я (у меня не было абсолютно никакого желания спорить).

Долго себя заставлять ждать Рейф не стал. Он схватил меня за запястье и вцепился в него зубами. Я охнула от боли, но от крика удержалась — привыкла уже.

«Мне кажется или у него зубы стали как-то острее? — с изумлением, заметила я. — Надеюсь, моя кровь не превращает его в вампира! И почему он использует именно зубы? Почему Рейф не может просто аккуратно порезать кожу ножом и слизать кровь? Зачем именно кусать?».

Хотя, долго тут не надо было думать — зачем. Рейф был садистом и этим одним словом было сказано всё. Ему нравилось причинять боль. И я исключением, отнюдь, не являлась. Но, как бы странно это не звучало, я не была против. Физическая боль отвлекала меня от другой — душевной. Болезненные ощущения заставляли сосредоточиться только на них, забывая обо всём другом. Именно так я поступала в лаборатории Виктора Деланье — раздирала в кровь своё плечо только для того, чтобы не сойти с ума. Сейчас я не причиняла себе боль сама, но чувствовала себя также, как и тогда — принимала физическую боль, как спасение, как доказательство того, что я ещё жива. Возможно, эти ощущения обострились ещё сильнее из-за того, что я ещё окончательно не отошла от своего страшного сна. Мазохизм? Да, наверное, так оно и есть — мазохизм в чистом виде, но тогда я просто не видела другого способа забыться, хоть, на время. Согласитесь, что в данный момент мы с Рейфом были идеальной парой. Что может быть лучше, чем садист и мазохистка, которые нашли друг друга?

— Сильнее! — попросила я. — Сильнее кусай, Рейф!

Он бросил на меня изумлённый взгляд, видимо, не замечая, до этого, во мне никаких мазохистских наклонностей, но уговаривать себя не заставил. Он с такой силой стал вгрызаться в моё запястье, что оставалось совсем чуть-чуть до того, как он сможет это самое запястье, просто-напросто, прокусить насквозь. И вену Рейф, всё-таки, задел. Я знала, что она у меня, всё равно, заживёт и потеря такого количества крови меня не убьёт. Представив себя и Рейфа сейчас со стороны, я, лишь, усмехнулась. Думаю, многих бы такое зрелище напугало, многие бы посчитали его омерзительным... Сидящая на кровати, в одной ночной сорочке, девушка и нависший над ней мужчина, как зверь, грызущий её руку. А добавьте ещё к этому приличное количество крови, капающее и текущее с руки, слизываемое Рейфом и

попадающее на меня, на постель, на пол... Зрелище незабываемое! А мне было больно. Мне было очень больно! Но, вместе с тем, это было самое успокаивающее меня чувство за последние дни. Наверное, с ума я, всё-таки, сошла.

Я почувствовала, как Рейф, видимо, решивший не ограничиваться одним запястьем, царапает мне шею ногтями, оставляя на ней красные борозды; как он, оторвавшись от запястья, кусает мои губы до крови; как он заламывает мне вторую руку, чуть ли не ломая её; как он заставляет меня лечь и как наваливается сверху. Я чувствую, как сильно всё происходящее возбудило Рейфа... Я чувствую, как зудят кровоточащие царапины, чувствую, как тяжёлые капли каплют с укусов на губах... Я слышу хруст собственных костей и слышу свой собственный болезненный стон! Боль стала центром моих ощущений. Больше я ни на что не обращала внимания и больше я ничего не чувствовала. В отличие от Рейфа. А Рейфу теперь была нужна не только кровь. Мужчина придавил меня к кровати всем своим весом, разорвал то единственное, в чём я была; впился ногтями в мои бёдра, царапая их, расстегнул ремень на своих брюках... Я не сопротивлялась. Единственное, на чём я сейчас была сконцентрирована — это на том, чтобы было, как можно, больнее! И Рейф, с огромным удовольствием, исполнял это моё желание. Секс, начавшийся без ласк и прелюдий, был болезненным, жёстким!.. Ни с моей стороны, ни со стороны Рейфа не было никаких попыток нежности или чего-то подобного. Я закрыла глаза и вся отдалась этим ощущениям — ощущениям зубов, рвущих мою кожу; ощущениям ногтей, раздирающих спину, бёдра, живот; ощущениям грубых толчков в моё тело и ощущениям сильных рук, оставляющих синяки, ссадины... «Больно! — единственная мысль, бившаяся тогда в моей голове. — Чёрт возьми, как же больно!». И, вместе с этим, я всё продолжала просить Рейфа: «Сильнее! Сильнее! Сильнее!». Через своё затуманенное болью сознание, я слышала сумасшедший смех мужчины, его стоны... Даже его рычание в какие-то моменты. Я видела его бирюзовые глаза в те моменты, когда его действия доводили меня до душераздирающих воплей. Сколько экстаза было в этих безумных глазах! Сколько в них было удовольствия! Рейф уже был весь измазан в моей крови, но и мне и ему этого казалось мало! Укусы становились болезненнее, царапины глубже, движения грубее...

Неизвестно — сколько бы это ещё продолжалось, если бы нас не прервали. В спальню зашёл Драйк и, буквально, отшвырнул от меня Рейфа.

— Извините, что помешал вам, госпожа, — сказал он. — Но, если вы продолжите, то это может стать опасным для вас.

— Да какого!.. — начала я, но не договорила.

Всё тело пронзила просто адская боль. Конечно, я ощущала её и до этого, но в каком-то тумане, приглушённую. А сейчас...

— У вас сломано запястье и два ребра, — спокойно перечислил Драйк. — Остальные мелкие повреждения можно не пытаться считать, так как их слишком много. Похоже, вам обоим крышу снесло. Остановиться сами вы бы не смогли, и это могло закончиться тем, что он бы, случайно, вас убил. Вы, хоть, и на половину демон, но не забывайте о своей человеческой части. Некоторые раны могут оказаться для вас смертельными. Кстати, вы знаете, что вы тут весь дворец взбудоражили, госпожа?

— Чем? — спросила я, тут же застонав, при этом, от боли.

— Своей кровью. Её запах взволновал всех, кто в данный момент здесь находится. Некоторых простых демонов даже пришлось убить — уж очень сильно они захотели вашей крови. Мне залечить ваши раны, госпожа? — заметил Драйк, что я его почти не слушаю из-

за болевых ощущений, которые обрушились на меня.

— Переломы залечи, — невозможная боль, прошипела я сквозь зубы. — Остальное само заживёт.

После того, как Драйк излечил самые серьёзные повреждения, я сказала:

— Теперь, можешь идти.

— Мне его забрать, госпожа? — кивнул Драйк на Рейфа, который сверлил последнего злобным взглядом (видимо, не понравилось ему, что нам помешали).

— Нет, — ответила я.

— Дело ваше, — ответил слуга и вышел.

Я мельком взглянула на себя в зеркало, заметив, что выгляжу так, как будто провела ночь со зверем. Леопардом, например. А Рейф, как только Драйк ушёл, мгновенно оказался рядом со мной, на кровати, смотря на меня взглядом, полным обожания.

«Кажется, я умудрилась покорить этого садиста, — без всякой радости поняла я. — Что же со мной творится? В кого я превращаюсь? Получать успокоение от боли? Это безумие! Заниматься сексом с Рейфом, чтобы получить ещё больше боли? Это ещё большее безумие!».

— Но, тебе же понравилось, разве нет? — произнесла Адалисса.

— Не то, чтобы понравилось, а просто... Меня это как-то успокоило. По крайней мере, хоть, ненадолго, но я забыла о своих проблемах. Правда, теперь я корю себя за это и пытаюсь понять, как мне это, вообще, пришло в голову.

— Каждый ищет свой путь выхода из депрессии. У тебя он такой. И что в этом такого? — кажется, Адалисса искренне меня не понимала.

— Забудь, — мысленно вздохнула я. — Я, всё равно, не смогу тебе это объяснить.

И тут меня озарила ужасающая мысль: «У меня были сломаны рёбра... Возможно, были повреждены внутренние органы... Это же... это не для меня самой опасно!».

— Адалисса... — меня стало окутывать чувство паники. — Адалисса, я!..

— О своём ребёнке можешь не волноваться, — поняла меня Адалисса. — Кровь высшего демона защищает его, практически, от любого воздействия. Шанс того, что у тебя может произойти выкидыш, при любых обстоятельствах, равен нулю. Конечно, если кто-то не попытается прервать твою беременность магическим способом.

— Почему ты не сказала мне этого раньше?

— Ты не спрашивала, — лаконично ответила девушка.

— Но... даже если и так... Я же этого не знала! Я не знала, что это никак не сможет повлиять! И всё равно... я не думала об опасности! Какая же я... мать после этого?!

— Молодая и неопытная. А это — дело проходящее.

— Но, если бы не кровь демона, которая защищает моего ребёнка... Что бы было?!

— Ты жалеешь о том, что могло бы произойти... А это, по моему мнению, полная глупость.

В этот момент, я почувствовала, как язык Рейфа прошёлся по ещё не зажившим ранам на запястье, которое, ещё совсем недавно, было сломано.

— Без укусов, Рейф, — предупредила я. — Мне уже хватило этой «болевогой терапии».

— Как скажешь, Милена. Но... мы же ещё повторим? — спросил он, заглядывая мне в глаза, как кот, просящий сметаны.

— Сомневаюсь. Во всяком случае, если это и повторится, но нескоро.

Как же меня воротило в этот момент от самой себя. Позволить Рейфу делать со мной такие вещи... не думать о последствиях... просить ещё... и, в конце концов, переспать с

ним! Мерзость!

— Ты, ведь, и сама понимаешь, Милена, — заговорила, вновь, Адалисса. — Это не последний раз. Ты снова захочешь испытать это чувство — полное забытие от своих проблем. Пусть ненадолго. Пусть и таким извращённым, как тебе кажется, способом. Но, ты этого захочешь, Милена.

— Не хочу об этом говорить, — мысленно послала я свои недовольные слова своему второму «я».

— Может, тогда подумаешь о трёх Верховных демонов, чьё покровительство ты должна получить?

— Я совершенно не представляю, как это сделать, — призналась я.

— Думаю, тебе следует попытаться договориться именно с Верховными демонами-мужчинами, — ответила Адалисса.

— Почему?

— А сама, как думаешь? Милена, ты же женщина! Вот и рассуждай, как женщина и пользуйся тем, что ты женщина!

— Мне не нравится то, к чему ты клонишь, Адалисса. Такое ощущение, что ты намекаешь на то, чтобы я соблазняла этих Верховных демонов.

— А почему нет? — я, буквально, почувствовала, как бывшая богиня пожала плечами. — Конечно, если у тебя есть что-то другое, что им предложить, то я возражать не буду.

Я глубоко задумалась, уже не обращая внимания на то, что Рейф слизывает каждую капельку моей крови с ещё незаживших ран.

«А, действительно, что я могу предложить Верховным демонам за их поддержку? Ничего. Чёртов Ферокс знал, на что давать клятву! Это пари невыполнимо! Но, если я не выиграю, мой ребёнок... ребёнок Кая... Нет, не хочу даже представлять такой исход! А значит, надо думать, думать, думать... Что может привлечь Верховного демона? Деньги, власть? Явно, нет. Секс? Сомневаюсь, что те, кто могут завладеть любой красоткой, польстятся на меня».

— Ты себя очень недооцениваешь, Милена. Впрочем, как и всегда, — сказала Адалисса. — Ну, если так сильно сомневаешься, то почему бы тебе просто не прийти к какому-нибудь Верховному демону и прямо не спросить — что ему нужно?

— Просто так заявиться к какому-нибудь Верховному демону и спросить его? Ты шутишь? Как это будет выглядеть?

— А тебе не всё ли равно, как это будет выглядеть, если от этого будет зависеть жизнь твоего ребёнка? — поинтересовалась Адалисса.

— Да, всё равно, но... Заявиться к какому-нибудь незнакомцу — это...

— А зачем, именно, к незнакомцу? Начни с тех, кого ты знаешь — Абигора или Аббадона.

— Только не эти двое! — категорически заявила я.

— А ты думаешь, что другие Верховные демоны как-то от них отличаются? Не будь наивной, Милена.

Я только вздохнула. Адалисса, конечно, была права, но лучше уж встретиться с незнакомой сволочью, чем с той, что уже порядком попортила тебе жизнь. Или это я неправильно рассуждаю?

— Как бы то ни было, ещё ночь и тебе нужно выспаться перед завтрашним днём. Не

дело в первый же день твоего, можно сказать, правления пугать своих подданных своим, не выпавшимся, видом.

— Я не хочу спать, — ответила я. — Точнее, я не хочу засыпать. Если я засну, то снова буду видеть кошмары.

— Милена, я не могу превратить твои кошмары в чудесные светлые сны. Это не в моих силах. Но, я могу сделать так, чтобы ты уснула, вообще, без всяких сновидений.

— Хорошо, пусть будет так, — согласилась я на предложение Адалиссы.

И, в этот раз, я провалилась в сон без каких-либо сновидений. В эту ночь я больше не видела ничего.

Глубоко под дворцом Люцифера, в самом подземелье, находится комната, где живёт одна женщина. Она выглядит молодо, но длинные волосы её седы. Взгляд её светло-серых (почти белых) глаз устремлён всегда куда-то вдаль, как будто она видит что-то, недоступное другим. Впрочем, так и было на самом деле. Эта высокая, стройная, до худобы, женщина седыми волосами, видела будущее. Но, не отдельных каких-то лиц или даже городов и стран. Она видела будущее миров. Всех миров, существующих в этой вселенной. И, в обмен на эту силу она, навечно, была заперта в этой комнате. Никто не знал, сколько времени она здесь находится или сколько ей лет. Никто не знал, кем является эта женщина — демонов, драконом, ангелом или человеком. Никто не приходил к ней и никто с ней не разговаривал, так как это было под строжайшим запретом. У провидицы был лишь один нечастый гость. Люцифер. Только он мог приходить сюда и говорить с женщиной. Так было и в этот день. Повелитель мира демонов пришёл один и задал свой вопрос:

— Ты знаешь, зачем я пришёл к тебе?

— Да, — кивнула незнакомка. — Тебя беспокоит появление Адалиссы.

— Да, беспокоит. Хочу знать — напрасно или нет? Грозит ли чем-то пробуждение Адалиссы?

— Мир демонов принадлежит ей. Мир драконов, частично, является её владениями. То, что она сейчас находится в этих двух мирах, возвращает ей силы. Когда силы к ней полностью вернуться — это обернётся гибелью не только для человеческого мира, который она так ненавидит, но и большими переменами в мире демонов и драконов.

— Когда сила полностью вернётся к Адалиссе? — спросил Люцифер.

— Месяц. Не больше. Но, дело не только в самой богине. Так как, силы Адалиссы уже начали возвращаться — это стало причиной пробуждения тех, кто очень долго спал.

— Ты хочешь сказать, что они просыпаются?! — в глазах всегда спокойного повелителя, мелькнул неподдельный страх.

— Да. Просыпаются те, кто правил этой вселенной задолго до ангелов, демонов, и драконов. Первые дети богинь-матерей всех миров. Те, чьими именами вы клянётесь и кого зовёте свидетелями в своих речах. И те, чьими именами вы проклинаете. Благодаря Адалиссе, они вернутся, и ваше господство на этом закончится.

— Это можно как-нибудь остановить?

— Милена Кавэлли. Эта девушка ключ ко всему. Она — связь богини с миром.

— Если убить Милену, то Адалисса исчезнет вместе с ней?

— Нет. Но, личность Милены Кавэлли исчезнет, если богиня, вновь, станет могущественной.

— Тогда, как предотвратить то будущее, которое ты видишь? — к Люциферу вернулось

его спокойствие.

— Нужно разорвать связь между Миленой Кавэлли и Адалиссой. Для этого девушка должна полностью и навсегда забыть о богине, живущей внутри неё. Ты должен запереть богиню так глубоко в сознании Милены Кавэлли, насколько это возможно. Без эмоциональной связи с Миленой, Адалисса не сможет вернуть свою силу и те, кто начал просыпаться, заснуть опять. Но... Адалисса будет обречена на существование в мире без движения, слуха, зрения... Она будет заключена в цепи, без возможности освободиться, до скончания вечности. Ты сможешь пойти на это, Люцифер?

— Адалисса была первой и единственной женщиной, которую я любил. Это так, но на первом месте для меня стоит благополучие моего мира. Никакие чувства не должны стоять выше этого. К тому же, Милена Кавэлли — женщина с лицом Адалиссы — всё равно останется рядом со мной. Мне этого, вполне, достаточно.

Глава 12.

Следующий день не принёс каких-либо важных событий. Я присутствовала на Совете Высших демонов Зиградена, встречалась с несколькими демонами из самого Пандемониума, встречалась с посланцем от тёмных эльфов... При всех этих встречах меня везде преследовало только одно чувство — страх. Я боялась. Боялась до панического состояния. Боялась самих демонов и тёмных эльфов, боялась их реакции, ведь, от этого всего зависела вся моя последующая жизнь. Но, за неимением возможности избежать этих встреч, я, сжав зубы, заставляла себя идти на них, ведя себя абсолютно спокойно, холодно... не показывая, что, на самом деле, творится у меня внутри. Я старалась не замечать изучающих внимательных взглядов; старалась не замечать презрения в этих глазах. Подавляла порывы сбежать, запереться, спрятаться!.. Делала всё это, так как прекрасно понимала — этот мир (как и мир драконов) теперь является моим домом. И в этом «доме» я должна была жить, а не просто существовать, боясь всех и каждого.

Стыдно сказать, но за весь день я так ни разу и не вспомнила о двух моих подругах, оставшихся в мире людей — Николь и Лави. Ни разу. Я была слишком занята своими собственными проблемами. Наверное, это эгоизм с моей стороны, ведь, в конце концов, я являлась одной из причин бед своих подруг. Хотя, как правильно сказала Адалисса, я должна решить, что для меня важнее — мои подруги или жизнь моего ребёнка и моя собственная. И, похоже, что в тот день я свои приоритеты расставила. Я выбрала жизнь ещё не рождённого дитя и свою, выкинув из головы всё остальное, в том числе и беспокойство о Лави и Николь. Жестко звучит? Да, так и есть, но... Я, всё равно, ничем не могла помочь тем, кто был для меня так важен в моей, можно сказать, прошлой, жизни.

Адалисса продолжала твердить о том, что я должна встретиться с Верховными демонами. Я знала, что это придётся сделать, рано или поздно, но сегодня у меня просто не было на это времени. Кстати, Адалисса, в последнее время, очень часто со мной разговаривала. Я не знала — от чего? Ведь, до этого, в мире людей, Адалисса, чаще всего, разговаривала со мной только посредством снов. Это удивление мимолётно мелькнуло в моих мыслях, но голову я этим забивать себе не стала.

Уже поздно вечером, в своей спальне, я, наконец, смогла расслабиться. Со мной остались только Рейф и Блэк, который объявился в мире демонов сегодня утром.

— Милена, — в очередной раз заговорила Адалисса. — Завтра ты должна обязательно встретиться с кем-нибудь из Верховных. Ты больше не можешь откладывать это.

— Я и не откладываю, — устало ответила я. — Ты и сама знаешь, что у меня сегодня не было на это времени.

— Ты уже решила — с кем будешь разговаривать?

— Да. Я решила, всё-таки, встретиться с тем, кого я знаю. С Абигором. Если выбирать между ним и Аббадоном, то я выберу меньшее зло.

— Ты, правда, думаешь, что Абигор — меньшее зло? — насмешливо фыркнула Адалисса.

— Нет, — призналась я. — Но, во всяком случае, демон войны не пытался завладеть моей душой, и не пытался меня изнасиловать.

— Милена, подойди-ка к зеркалу, — внезапно, попросила бывшая богиня.

— Зачем? — удивилась я.

— Просто подойди.

Слепо выполнять просьбу той, про кого я мало, что знала, пусть и делила с ней одно тело, мне не хотелось. Но, я встала с кресла и взглянула на тёмное стекло зеркала. Сначала ничего необычного я не увидела. Зеркало как зеркало. Но, затем, моё отражение и отражение комнаты в нём, исчезло. Вместо этого, в зеркале отразилось какое-то тёмное помещение, в котором не было окон и дверей. Из мебели там был только чёрное кресло, с высокой спинкой, в котором сидела женщина, закутанная в чёрную шаль. Её лицо было закрыто чёрным кружевом вуали, оставляя на обозрение только ярко-алые губы. Женщина, как будто, спала, положив голову на подлокотник своего кресла. Но, как только я стала внимательно изучать её, она, видимо, что-то почувствовав, подняла голову и посмотрела на меня. Хотя, я не могла быть уверена — действительно ли незнакомка меня видит, ведь, её глаза от меня были скрыты.

— Что за чертовщина?! — с изумлением воскликнул Рейф, давая понять, что вижу всё это не только я.

Блэк рассерженно зашипел на зеркало, изогнув спину.

Тем временем, женщина встала и подошла вплотную к зеркалу с той стороны. Она положила руку на стекло, затем, ударила по нему... Стекло даже не задребезжало. А мне казалось, что она смотрит прямо мне в глаза, не отрываясь. Даже не казалось, а я была в этом уверена. Откуда была эта уверенность? Я не знала. Но, несмотря на то, что, собственно, глаз женщины я не видела, уверенность только укреплялась.

А потом я услышала голос. Голос, который звал меня. Голос не обращался ко мне по имени, но я знала, что он зовёт именно меня. Зовёт подойти к зеркалу. Мягкий женский голос окутывал меня, как невесомое тёплое одеяло. Он давал ощущение безопасности. Он ласкал, маня к своей обладательнице.

Я сделала шаг в сторону зеркала. Потом ещё один и ещё... пока, чуть ли, не побежала к нему. Голова была, как в тумане. Я плохо соображала, что делаю. Я положила ладони на зеркало и женщина сделала то же самое, с той стороны, положив свои ладони на мои. Как только мы это сделали, стекло стало покрываться сеткой трещин, грозясь осыпаться целым градом мелких осколков. Но, этого не произошло. Вместо этого, стекло — преграда между нами — просто исчезло. Наши пальцы переплелись. Я почувствовала тепло рук незнакомки, её дыхание... Она притянула меня к себе и... поцеловала! Поцеловала страстно, сильно! У меня не возникло ни одной мысли о сопротивлении, хотя, любительницей девушек я никогда не была. Просто... это казалось чем-то совершенно естественным. А ещё... ещё я снова слышала её голос в своей голове. Но, в этот раз, он был адресован не мне. «Услышь меня, мать! Услышь своё дитя!» — звал голос. «Она зовёт Адалиссу? — мелькнула первая осознанная мысль. — Адалисса её мать?».

Вдруг, кто-то резко одёрнул меня от женщины и от самого зеркала (точнее, от его рамы). Как только наши пальцы расцепились, стекло появилось вновь, целое и невредимое, снова заперев женщину в чёрном с той стороны — в её тёмной комнате. Раздался дикий злобный крик, от которого захотелось зажать уши:

— Как ты смеешь вмешиваться, Люцифер?! Как ты смеешь?!

— Смею, — раздался за моей спиной холодный голос повелителя мира демонов. — Смею потому, что Милена Кавэлли принадлежит мне.

— Принадлежит тебе?! — раздался издевательский смех с той стороны зеркала. — Не будь таким самоуверенным, мальчишка! Она — не твоя! Она наша! Наша! Наша!

— Ваша? Я так не думаю.

— Думай, с кем говоришь, мальчик! — яростно прошипела женщина. — Я не первая и не последняя, кто пришёл к Милене Кавэлли! Ты не сможешь оградить её от всех нас!

— Вы, всего лишь, пережитки древних времён, — произнёс Люцифер. — Может, я и не смогу отвадить вас всех, но я могу убрать причину, по которой вы, древние божества, стали просыпаться.

— Ты не сможешь этого сделать! — закричала гостья из зазеркалья и, в этот момент, она и её комната по ту сторону, начали блекнуть.

— Твоё время вышло, — сказал повелитель Ада и провёл рукой по стеклу. — Навсегда.

В этот раз стекло покрылось настоящими трещинами, рассыпавшись на осколки.

Я резко вздрогнула, приходя в себя. Я растерянно оглядела спальню, разбитое зеркало, ковёр, усыпанный сверкающими осколками и повелителя Люцифера, всё ещё державшего меня, обхватив одной рукой за талию.

— Повелитель Люцифер? Что вы здесь делаете? И... что, только что, произошло? — с удивлением смотрела я, снизу вверх, на повелителя.

— Тебя навестила древняя богиня, Милена. — ответил Люцифер.

— Древняя богиня? — недоумённо переспросила я. — Какая древняя богиня? Да и зачем?

— Уже не имеет значения. Ты, всё равно, скоро забудешь об этом случае.

— Что вы имеете в виду? — не поняла я.

Вместо ответа, Люцифер закрыл мои глаза ладонью, а когда убрал её, мы находились уже не в моей спальне.

— Где мы? — испуганно спросила я.

— В моей спальне, — сказал Люцифер, убирая от меня руки.

— Зачем?

— А сама как думаешь? — усмехнулся повелитель Ада.

— Я поняла, — вздохнула я и направилась к широкой кровати, находившейся здесь, на ходу расстёгивая пуговицы на платье. — Мне лечь и раздвинуть ноги? — повернулась я к Люциферу, посмотрев на него пустыми безразличными глазами.

Честно говоря, таким способом я хотел отбить на сегодня желание у повелителя демонов. Кому захочется заниматься сексом с равнодушным «бревном»?

«А, может, если я буду вести себя так каждый раз, то он, вообще, откажется спать со мной?» — посетила меня радостная мысль. Вот только обрадовалась я рано.

— Я хочу видеть те эмоции, которые ты, действительно, испытываешь, а не те, которые ты сейчас пытаешься передо мной изобразить, — произнёс Люцифер спокойным тоном.

Я хотела сказать ему, что он ошибается и то, что я показываю — мои настоящие чувства, но... Я почувствовала, как один из ошейников, обхватывающих мою шею, начал нагреваться. И я поняла, что слова Люцифера не были просто словами — они были приказом. И не исполнить его я, просто-напросто, не могла. Я знала, каковы мои эмоции на самом деле и равнодушием от них и не пахло. Я помнила свой первый опыт с повелителем (если это можно назвать «опытом»). Я помнила эту ужасную сцену со светлой эльфийкой. Конечно, сейчас здесь были только мы двое, но те воспоминания о бале демонов давили на меня, душили липким страхом... Но, самым омерзительным было то, что ещё я помнила то

пошлое удовольствие, которое получила от секса с Люцифером. И я, под влиянием «оков неволи», не могла этого скрыть.

— Вот это твоё выражение лица мне нравится, — подошёл ко мне мужчина, приподняв моё лицо за подбородок. — Страх и желание одновременно.

— Страх гораздо больше, — тихо ответила я.

— Это поправимо, Милена.

— Милена, — неожиданно позвала меня Адалисса. — Спроси Люцифера, где именно находится эта комната, в которой мы сейчас, — мне показалось, что в голосе богини был... страх?

— Повелитель, — начала я. — Где... именно находится эта комната, в которой мы сейчас?

— Почему тебя это интересует? — с некоторым удивлением спросил Люцифер, а затем, приказным тоном, добавил. — Отвечай!

— Адалисса, — произнесла я. — Её это интересует.

— Вот как. Думаю, Адалисса уже и сама поняла — где мы. Не так ли, Адалисса?

— Не смей этого делать, Люцифер! — закричала Адалисса, хотя, слышала её только я.

— Да что происходит?! — я сделала шаг от Люцифера — страх Адалиссы передавался и мне, тем более что я и представить не могла, что могло напугать бывшую богиню.

— Адалисса знает, что происходит, — ответил повелитель мира демонов. — Не волнуйся, Милена. Тебе это никак не повредит.

— Да. Мы постараемся быть очень нежными, — раздался насмешливый голос, который я, сразу же, узнала.

— Ферокс? — с изумлением смотрела я на своего мужа, расположившегося на кровати. — Что ты здесь делаешь?

— Милена! — в голосе Адалиссы я уже слышала самую настоящую панику. — Милена, делай, что хочешь! Что угодно! Но, не позволяй этим двоим прикасаться к тебе в этой комнате!

— Издеваешься?! — мысленно огрызнулась я. — Каким чудом я это сделаю?!

— Не знаю! Не знаю, но сделай что-нибудь!

— Может, для начала, объяснишь мне, что происходит?!

— На это нет времени! Беги отсюда!

Я совершенно не понимала, что происходит. Но, это состояние Адалиссы меня жутко напугало. Адалисса, боящаяся чего-то, и впадающая в панику... Это никак не укладывалось в голове. И ещё, появление Ферокса здесь... Ему-то что могло здесь понадобиться? И что значит то, что они постараются быть нежными? Но, в любом случае, желание убраться отсюда у нас с Адалиссой совпадало. Я медленно попятилась к двери, всё-таки, надеясь на то, что мне удастся сбежать. Наивно, правда? Но, как бы то ни было, я попыталась отвлечь Ферокса и Люцифера своими вопросами. Тем более что они и так меня волновали.

— Зачем здесь Ферокс? — обратилась я к Люциферу. — Я не понимаю...

Спрашивая это, я продолжала медленно продвигаться к выходу. Мужчины то ли этого не замечали, то ли они были уверены, что я никуда не денусь. Но, они не делали попыток меня остановить.

— Зачем я здесь? — за повелителя Преисподней произнёс Ферокс. — Котёнок никогда не слышал о сексе втрём?

От этих слов я просто впала в состояние шока. Уж чего-чего, а такого ответа я никак не

ожидала.

— Вы... вы же шутите, да? — с неподдельной надеждой в голосе, спросила я.

— Шутим? — усмехнулся Ферокс. — О нет, котёнок. Какие уж тут шутки?

— Беги, Милена! Быстро! — крик Адалиссы меня, буквально, оглушил.

Два раза повторять мне не пришлось. Я бросилась к выходу, слыша за своей спиной звон разбивающихся зеркал, окон и, вообще, всего того, что могло разбиться. Видимо, это Адалисса пыталась, хоть-как-то, отвлечь мужчин. Только это не помогло.

Не знаю — как это получилось, но Ферокс, внезапно, оказался прямо передо мной, когда я уже была почти у двери.

— Ты, правда, решила, что можешь сбежать от нас? — с усмешкой, поинтересовался дракон.

Я сделал шаг назад, от своего мужа и спиной наткнулась на Люцифера. Сразу возникло отвратительное ощущение, что я — затравленный зверь, которого загнали в ловушку. И из этой «ловушки» выхода я не видела.

— Люцифер, тварь! Не смей! — это, вновь, была Адалисса. — Не смей, иначе сильно пожалеешь! И ты и Ферокс!

— Адалисса говорит, что вы оба пожалеете, если вы посмеете это сделать, — дрогнувшим голосом произнесла я, хотя, и не понимала — о чём речь.

— Пожалеем?! — рассмеялся Ферокс. — Я так не думаю!

— Да что происходит, в конце концов?!

— Тебе незачем это знать, Милена, — ответил Люцифер. — Ты, всё равно, всё забудешь.

— Ну, не совсем — всё, — возразил повелитель мира драконов, притягивая меня к себе. — То, что произойдёт сейчас, ты запомнишь очень хорошо.

— Нет, пожалуйста, не надо! — я не понимала, о чём говорит Адалисса, но слова Ферокса о сексе я поняла хорошо и мне этого совершенно не хотелось. — Это же... это...

— Извращение? — подсказал владыка демонов, расстёгивая мой лифчик и снимая его. — Для человека, возможно, что и извращение (да и то, не для всех). Но, ты давно должна была понять, Милена, что ты человеком не являешься. И все свои человеческие принципы, и человеческую мораль ты должна оставить в прошлом.

— А если я не хочу? — упрямо произнесла я. — Не хочу оставлять свои человеческие принципы и мораль?

— А тебя никто и не спрашивает, котёнок, — сказал Ферокс, спуская мои трусики. — Будешь сопротивляться? — поинтересовался он.

— А в этом есть смысл? — горько усмехнулась я, уже смирившись с неизбежным.

— Нет, смысла в этом нет, — за Ферокса, сказал Люцифер. — Ты ничему не сможешь помешать, Милена.

— Тогда, я и не стану этого делать, — я пыталась придать своему голосу уверенности, хотя, думаю, вышло у меня это плохо.

— Умное решение.

«Как будто у меня был какой-то другой выбор! — с горечью подумала я про себя. — Даже если бы я и попыталась воспротивиться... что бы это дало? Особенно, с учётом «оков неволи» на моей шее?».

— Прощай, Милена, — неожиданно тихо, как будто издалека, раздался голос Адалиссы. — Если ты когда-нибудь и услышишь меня, то очень нескоро.

— Адалисса, о чём ты?! — мысленно, сотчаянием, спросила, но... Адалисса мне не ответила.

А в следующую секунду я о ней уже забыла. Ферокс коснулся моих губ своими и драконья кровь во мне откликнулась на это прикосновение. Я потянулась к мужчине, пытаюсь сама его поцеловать. Но, не смогла. Сильный рывок за волосы заставил меня обратить внимание на второго мужчину в этой комнате — Люцифера.

— Ферокс, мне никак не нужно, чтобы всё её внимание было, исключительно, на тебе, — с раздражением в голосе, сказал повелитель Преисподней.

— Ничего не поделаешь, — с тенью насмешки проговорил Ферокс. — Я не виноват, что из-за драконьей крови ей крышу сносит. Впрочем, как и мне.

— Да, но ты можешь сдерживать в себе зов крови, Ферокс!

— Я — да. Но с ней-то, что прикажешь делать?

Я поморщилась от боли, когда Люцифер сильнее стянул мои волосы на затылке. Затуманенный разум отказывался понимать, почему меня не подпускают к столь желанному мужчине. Очень хотелось вырваться, но всё ещё функционирующий инстинкт самосохранения упорно твердил, что этого делать не стоит. А Люцифер развернул меня к себе, сказав:

— Раз ты на неё так влияешь, то тогда, позволь, я начну. Ты ещё успеешь ею насытиться, а мне нужно провести ритуал.

— Как скажешь, Люцифер, — не стал спорить Ферокс.

Губы Люцифера заскользили по моей шее, его руки начали ласкать меня. Понимая, что выбора у меня нет и сопротивление бесполезно, я решила полностью отдаться этим ощущениям.

«Попытаемся насилие и извращение превратить в удовольствие, — невесело подумала я (драконья кровь во мне успокоилась и мой разум прояснился). — А нежности-то в ласках Люцифера нет и в помине! А я ожидала чего-то другого?».

Да, прикосновения повелителя Ада доставляли удовольствие, но... в них не было никаких чувств. Это была просто физиологическая потребность возбудить моё тело. И, будь я проклята, но у Люцифера это прекрасно получалось. Он прикасался ко мне везде: к груди, рукам, шее, животу, ласкал меня между ног... Он целовал меня, заставляя мой язык сплетаться со своим. Я чувствовала, как желание, чтобы он овладел мной, загорелось во мне, жидким огнём потекло по венам!..

«Какая же я шлюха! — с ненавистью к самой себе думала я. — Прости, Кай, но та, которую ты любил и та, кто носит твоего ребёнка, оказалась обыкновенной шлюхой, испытывающей похотливое желание от прикосновений чужого ей мужчины!».

А мои руки, тем временем, обхватили Люцифера за шею; мне хотелось прижаться к нему, как можно ближе. Мне хотелось чувствовать его прикосновения, как можно, сильнее.

Люцифер разделся, я сама сняла с него брюки. Он отнёс меня на кровать, навис надо мной...

— Хватит медлить, Люцифер! — услышала я недовольный голос Ферокса. — Мне начинает надоедать смотреть на вас двоих! Я согласился на этот ритуал, но с условием своего участия.

Люцифер бросил на повелителя драконов яростный взгляд, но промолчал. А в следующее мгновение он овладел мной. Я, лишь, застонала от наслаждения. Люцифер двигался во мне резко, не давая подстроиться под него и не давая мне самой проявлять

инициативу. Он перехватил мои руки, крепко сжав их, словно, показывая мне мою беспомощность. Но, меня это мало волновало. Единственное, чего я хотела, чтобы он не останавливался.

Повелитель Преисподней, сев на кровати, посадил меня на себя, заставив ногами обхватить его за талию. К нам подошёл Ферокс, уже без одежды, почти с нежностью провёл рукой по моей спине, ягодицам...

— Сейчас будет немного больно, Милена, — прошептал бог-дракон мне на ухо. — Но, не волнуйся — я буду очень аккуратен.

Пальцы Ферокса скользнули между моими ягодицами, лаская меня там. Его пальцы были чем-то смазаны. Тем, что позволяло мышцам расслабиться. Осознав, что именно Ферокс хочет сделать, я попыталась вырваться:

— Нет, Ферокс! Это — невозможно!

— Не недооценивай себя, Милена, — усмехнувшись, сказал Люцифер, выкручивая, да боли, мои соски и, вновь, начиная двигаться во мне, после недолгого перерыва. — Ты сможешь это сделать.

Я не была в этом столь уверена, но меня никто не спрашивал. Ферокс резко, одним рывком, вошёл в меня! Я закричала от адской боли, задёргалась, пытаюсь, хоть немного, отстраниться от дракона. Мне не дали этого сделать. А когда мужчина начал двигаться... эту боль не смогла заглушить даже магическая привлекательность драконьей крови!

Ферокс начал медленно двигаться во мне. Помогло мало, так как Люцифер из-за этого замедляться не собирался. А через какое-то время и Ферокс перестал сдерживаться. Прикусив губу до крови, я застонала — то ли от боли, то ли от удовольствия. Я уже сама не понимала, чего же, всё-таки, больше.

— Кровь моя в тебе и твоя во мне! — сквозь пелену всех этих противоречивых ощущений, услышала я голос Люцифера. — Кровь, как жизнь! Соитие, как олицетворение жизни! Пусть жизнь четырёх рас станет печатью для божества!

То же самое, в тот момент, сказал и Ферокс. А потом, они оба вонзили свои зубы в мою шею. Я задохнулась от крика, уже полностью основанного на боли. А они погружали свои зубы так глубоко, как будто хотели выдрать из меня кусок! Затем, когда Ферокс и Люцифер отцепились от моей шеи, я, на секунду, закрыла глаза, а когда открыла, повелитель демонов прислонил к моим губам своё запястье, с коротким приказом:

— Пей!

Я не сразу сообразила, что запястье Люцифера порезано и что его кровь течёт по моим губам. А когда поняла, было уже поздно.

— Милена! Не глотай, пожалуйста! — услышала я тоскливый обречённый голос Адалиссы — такой тихий, как будто он доносился из подвала.

Но, как бы я не хотела, я не могла выполнить просьбу Адалиссы. Кровь Люцифера жгла горло и, предупреждая, потеплел ошейник, предупреждая о наказании в случае неповиновения. И я глотала эту горячую кровь, проклиная и себя и Люцифера и Ферокса! И я несколько не удивилась, когда Ферокс заставил меня также выпить и свою кровь. И опять я, безропотно, это сделала!

Когда я проглотила последнюю каплю крови бога-дракона, раздался крик Адалиссы. Громкий, отчаянный!.. В комнате появились какие-то знаки, руны!.. Они светились и от их света начали болеть глаза. Хотя, долго мне смотреть на этот свет не позволили. Движения, прерванные на какое-то время, вновь возобновились с новой силой. Мне оставалось только

задышаться от боли, удовольствия и ненависти. Ненависти к себе и ко всему окружающему меня миру.

Глава 13.

«Что за жуткий сон мне приснился? — была моя первая мысль, когда я проснулась. — Секс (практически изнасилование) с Люцифером и Фероксом... Приснится же такое».

Я пошевелилась и... чуть не охнула от боли ниже поясицы. «Нет... Нет! Это же был просто сон!» — в панике, подумала я. «Если ты думаешь, что это был сон, то тогда почему не решаешься открыть глаза?» — предательски шепнул внутренний голос. «Потому... потому что... Да открою я сейчас глаза!» — решительно ответила я своему внутреннему голосу.

Я открыла глаза. Первое, что я увидела — это обнажённый мужской торс. Подняв глаза чуть выше, я обнаружила, что это — Ферокс. У меня появилось большое желание сбежать от него подальше, пока мужчина спит. Я приподнялась, но, в этот момент, чья-то сильная рука легла мне на талию, удерживая на кровати. Обернувшись, я увидела Люцифера.

«Так, всё-таки, это был не сон, — мои последние надежды рухнули. — Меня, на самом деле, поймали и Люцифер и Ферокс!».

— Отпустите меня, повелитель, — тихо, чтобы не разбудить Ферокса, попросила я. — Мне... мне нужно идти.

— Куда? — спросил Люцифер, нисколько не понижая голос и не делая ни малейшей попытки меня отпустить.

— В Зиграден, — ответила я. — У меня там много дел.

— Интересно, какие у тебя там дела, котёнок? Неужели, до сих пор, не забросила эту бредовую идею — получить власть? — раздался голос Ферокса.

— Нет, не забросила, — повернула я голову к проснувшемуся мужу. — Месяц, отведённый мне, ещё не прошёл.

— И ты думаешь, что у тебя что-то получится, котёнок?

— Получится! — упрямо сказала я.

— А Адалисса считает так же, как ты? — поинтересовался Люцифер.

— Какая Адалисса? — непонимающе посмотрела я на мужчину.

— Никакая. Забудь, — чему-то довольно усмехнувшись, ответил повелитель Ада.

— Так, я пойду? — вновь, сделала я попытку покинуть эту спальню.

— Не сейчас, — Люцифер, за талию, притянул меня к себе.

— Что вам нужно? — спросила я, хотя, и догадывалась но, всё-таки, верить не хотелось.

— Знаешь, котёнок, утренний секс очень бодрит, — усмехнувшись, сообщил Ферокс, правда, не пытаясь ко мне прикоснуться, полностью отдавая меня во власть Люцифера.

«Кобели озабоченные! — со злостью, мысленно, обозвала я этих двоих. — Чтоб вы импотентами стали!».

— Милена, а ты знаешь, что на демонов и драконов не действуют сверх способности людей, в том числе, и блокировка? — тихо, с угрозой, произнёс повелитель Преисподней, до боли и хрипа сжимая мою шею. — Твои мысли очень хорошо слышно.

— Простите, повелитель! — выдавила я из себя, стараясь сохранить остатки кислорода. — Я не знала! Буду со своими мыслями... аккуратнее.

Люцифер отпустил моё горло, а затем задумчиво посмотрел на Ферокса:

— Может, наказать её как-нибудь за такие мысли?

Я испуганно сжалась, зажмурившись, готовясь к худшему. Мне ещё, почему-то, казалось, что если Люцифер сейчас уберёт свою руку с моей талии, то это будет означать, что со мной сделают что-то ужасное. Поэтому я, рефлекторно, прижалась к мужчине, как можно плотнее.

— Да ты посмотри на испуганную мордашку котёнка! — со смехом, произнёс Ферокс. — Куда ей ещё какое-то наказание? К тому же, она с самого начала говорила, что ненавидит меня. Да и к тебе, я думаю, относится не лучше.

— Да, ты прав, — согласился владыка демонов, двумя пальцами приподнимая моё лицо за подбородок. — Открой глаза, — когда я послушалась, он продолжил. — На этот раз ты прощена, но, впредь, будь осторожна со своими мыслями. А теперь... — мужчина лёг на спину и посадил меня сверху. — Мне интересно попробовать тебя в этом положении.

— Я не... — начала я, но меня прервал Ферокс.

— Со мной у тебя это прекрасно получилось, котёнок, — сказал он, вставая с кровати и одеваясь. — Так что, развлекайтесь.

— А ты? — с некоторым удивлением спросил Люцифер. — Неужели, проклятье твоей супруги, всё-таки, сработало?

— Нет, — фыркнул дракон. — У меня, в моём мире, официальная встреча с послами тёмных эльфов. К тому же, я сомневаюсь, что котёнок сейчас сможет принять меня.

— А формальное присутствие повелительницы для тёмных эльфов не требуется? — поинтересовался Люцифер.

— Не требуется, — ответил Ферокс. — Ах да. Котёнок, вечером я навещу тебя в «твоём» городе, — слова «в твоём» были сказаны с такой издёвкой, что было ясно — ни черта он не считает Зиграден моим городом.

Ферокс ушёл, а я осталась с Люцифером.

— Скажи-ка мне, Милена, — заговорил демон. — Это о каком месяце, отведённом тебе, ты говорила с Фероксом?

— Это... это касается только меня и его, повелитель.

— Да? — с деланным изумлением, приподнял бровь мужчина. — А мне казалось, что вы говорили что-то о власти в Зиградене. Так?

— Так, — кивнула я.

— И ты говоришь, что это меня не касается? — голос Люцифера оставался спокойным, но что-то в нём напугало меня до чёртиков. — А ты не забыла, Милена, что Зиграден находится в мире демонов и, так или иначе, находится в моей власти? И то, что там происходит — это, как раз-таки, моё дело?

— Я...

— Не подумала об этом? — за меня закончил Люцифер, коснулся ошейника на моей шее и меня, как будто, ткнули раскалённым железом (от боли у меня аж слёзы из глаз брызнули).

— Да, не подумала! — торопливо ответила я, стараясь удержать крик и сглатывая непрошенные слёзы. — Простите, повелитель! Это больше не повторится!

— Хорошая девочка, — на этих словах я вздрогнула, вспомнив Филиппа. — Запомни, Милена. Всё, что я тебя спрашиваю, меня касается. И ты должна отвечать на любой мой вопрос. Это ясно?

— Да, — я, с облегчением, перевела дух, когда боль угасла.

— Если — да, то тогда рассказывай, — приказал Люцифер.

И мне пришлось рассказать о пари, которое я заключила с Фероксом. О том, что месяц мне дан на то, чтобы я смогла подчинить свою семью и получить покровительство трёх Верховных демонов.

— И зачем тебе это? — после моего короткого рассказа, спросил Люцифер. — Зачем тебе власть?

— Я не хочу быть просто куклой напоказ, — честно (а как по-другому?) ответила я. — Я не хочу быть просто секс-игрушкой для вас. И я хочу сама защищать своего ребёнка, ни от кого не завися.

— Даже если у тебя получится выиграть этот спор, то ты, всё равно, останешься нашей секс-игрушкой, — заметил повелитель Преисподней и, словно доказывая это, совершенно меня не подготовив, вошёл в меня (я вскрикнула от боли и неприятных ощущений внутри себя, но ни помешать, ни что-то сделать против, не могла). — Двигайся, — последовал очередной приказ.

Я, сцепив зубы и стараясь забыть обо всём, начала двигаться. Да, через какое-то время возбуждение пришло и неприятные ощущения сменились, в очередной раз, удовольствием, но... Я хорошо запомнила, что это может быть и очень неприятно и, более того, может быть сделано специально.

— Даже если ты сможешь выиграть спор, — продолжил Люцифер через какое-то время, когда я уже лежала рядом с ним. — Даже если ты это сможешь, твоё положение не изменится, Милена. Создастся, лишь, видимость некой свободы.

— Я знаю. Но, мне нужна, хотя бы, такая видимость, повелитель.

— Глупо, — произнёс Люцифер. — Ради этой видимости ты рискуешь жизнью своего ребёнка, которым так дорожишь.

— Ради него я и рискую, — начала я вставать с кровати. — Чтобы у меня было место, где не будет Ферокса.

— Ферокс, всё равно, будет приходить к тебе, когда захочет.

— Да, но, по крайней мере, не так уж и часто.

— Но, в Зиградене ты будешь более зависима от меня, как повелителя демонов.

— Я это понимаю, повелитель.

— Понимаешь и, всё равно, рискуешь столь многим?

— Считайте это дурацкой человеческой природой, повелитель, — устало ответила я. — Теперь, я могу идти?

— Можешь. Только подожди, пока тебя оденут.

— Да я и сама... — мой взгляд наткнулся на моё платье, которое так легко снялось — с пуговицами, какими-то завязками, нитями, крючками. — Хотя, нет. Сама не смогу, — вынужденно призналась я.

Я застонала от боли, когда мне пришлось сесть в кресло, в то время, когда мне укладывали волосы.

«Это сколько времени я не смогу сидеть нормально?! — злилась я про себя. — Чёртов Ферокс! Необычного секса ему захотелось! И как ему только крылья мои не мешали? И, ведь, Драйка не попросишь вылечить. Не могу же я попросить его вылечить мою... пятую точку».

— Свободны, — отпустил Люцифер двух демонесс, когда они со мной закончили.

Девушки, поклонившись, ушли. Люцифер, до этого лениво наблюдавший за процессом моего одевания, лёжа на кровати, встал и подошёл ко мне. То, что он сделал потом, я совсем

не ожидала. Он резко взмахнул одной рукой и, внезапно отросшими когтями, порезал себе ладонь другой руки.

— Пей, — сказал он мне.

— Зачем?! — испуганно шарахнулась я от него.

— Ты же хочешь, чтобы у тебя ничего не болело? — усмехнулся Люцифер.

— Но...

— Пей!

Я ничего не понимала. Я знала, что кровь демонов обладает целительскими свойствами, но дело было вовсе не в этом. Кровь повелителя — величайшая драгоценность. Пить её — огромная честь, которые достаивались за всю историю Преисподней очень и очень немногие. Почему её давали мне только из-за того, что у меня что-то болело? Не знаю. Но, отказаться возможности не было. Поэтому, я начала осторожно слизывать кровь с руки Люцифера. По крайней мере, я чувствовала, что это продлится недолго, так как у повелителя Ада быстро затягивались раны.

— Слизывай старательнее, пока порез не зажил, — словно угадав (или прочитав) мои мысли, сказал Люцифер.

Я послушно стала слизывать капли крови быстрее — с самой ладони, с пальцев... Представив это со стороны, я поняла насколько пошло это выглядело. Или мне уже просто так казалось, в связи с произошедшим ночью и утром? Но, как бы то ни было, боль ушла. Никакие неприятные ощущения (физические, по крайней мере) меня больше не беспокоили.

— Умница, — потрепал меня по голове Люцифер, когда его рана зажила.

В этот момент я окончательно уверилась в том, что ко мне относятся, как к какому-то домашнему питомцу. К питомцу, с которым можно делать, что угодно, так как бессловесная скотинка, всё равно, пожаловаться никому не сможет. Питомца можно ласкать, гладить, но, в случае непослушания, легко пнуть ногой. А ещё, на питомцев одевают ошейники, чтобы было понятно, что они уже кому-то принадлежат.

«Да уж. Сходство с собачкой стопроцентное, — дотронулась я до своих ошейников. — С одной лишь небольшой разницей, что даже комнатная собачка может укусить своего хозяина, если ей что-то не нравится. Я же не могу и этого».

— Повелитель, я вам ещё... понадобится сегодня? — спросила я, когда собралась шагнуть в портал, ведущий в Зиграден, сотворённый для меня Люцифером.

— Нет. Скорее всего, ты мне не понадобишься ближайшие дни. Так что, можешь заниматься попытками выиграть свой спор с Фероксом.

— Благодарю, повелитель, — поклонилась я, про себя подумав: «Как будто, я спрашиваю твоего разрешения по поводу пари с Фероксом, сволочь! И... Ой, мама!» — вспомнила я о том, что мои мысли, как на ладони. — Простите, повелитель! Я не хотела!

— Чего не хотела? Думать эту мысль? — недобро сощурился демон.

— Нет, я... Ну, я же не могу контролировать свои мысли! — воскликнула я. — Это — невозможно!

— Значит, тебе придётся учиться невозможному, — жёстко сказал Люцифер. — Я не собираюсь выслушивать нелицеприятные мысли в свой адрес, пусть ты меня и ненавидишь. А пока не научишься этого делать, — ошейник на моей шее потеплел. — Будет очень больно.

В следующую секунду в моё горло вонзились сотни невидимых игл! Мало того, ошейник сжался так, что я даже закричать не смогла — настолько ремень перетянул шею! Не

выдержав боли, я скорчилась на полу, издавая, лишь, какие-то сипы и мечтая потерять сознание!

— Сознание ты не потеряешь — можешь на это не надеяться, — сказал повелитель Преисподней, спокойно наблюдая, как я, чуть ли не умираю от боли, терзающей меня по его желанию. — Твоё наказание продлится ещё две минуты. Думаю, этого для тебя будет, вполне, достаточно для усвоения урока, — на этих словах мужчина, просто перешагнув через меня, ушёл.

«Будь ты проклят, Люцифер! Будь ты проклят, даже если ты меня ещё слышишь!» — думала я, хотя, в этот момент было трудно, вообще, о чём-то думать. Боль была такой, что хотелось просто перегрызть себе вены, чтобы боль ушла. Воздуха совсем перестало хватать — лёгкие, буквально, горели. А самое страшное это то, что, как и сказал Люцифер, какой бы сильной не была боль, потерять сознание я не могла.

Пережив, наверное, одни из самых болезненных минут в своей жизни, я, после того, как всё закончилось, даже встать сразу не смогла. Я просто лежала на полу, пустыми глазами уставившись в потолок. Не знаю, сколько продолжалось моё оцепенение, но когда я пришла в себя, я поняла одно — я теперь, действительно, смогу научиться невозможному. Чёрт, да я готова была научиться чему угодно, лишь бы эта боль больше не возвращалась!

«Так, Милена, соберись! — приказала я самой себе, поднимаясь с пола. — Всё, ведь, уже закончилось. Сейчас надо думать о другом: «Как заставить сразу трёх Верховных демонов оказать тебе поддержку». Ладно, будем честными с самими собой — не «заставить», а упросить. Каким образом я могу это сделать? Что я могу им предложить? Да ни черта я не могу им предложить!» — пессимистично подумала я, шагнув в портал и оказавшись в Зиградене, в своей спальне.

— Милена вернулась! — радостно бросился ко мне Блэк.

Прижавшись ко мне и потеревшись об меня, словно кот, Блэк, вдруг, замер, принюхиваясь. Ткнувшись носом мне в шею, он поднял на меня лицо и с благоговением произнёс:

— Я чую запах крови повелителя.

Я, машинально, облизнув губы, почувствовала подсохшие пятна чужой крови. Мысленно отметив про себя, что как-то слишком спокойно к этому отнеслась, сказала:

— Так вышло. Просто мне предложили кровь, чтобы у меня всё зажило.

— «Просто» повелитель свою кровь не предлагает, — замотал головой салер, смотря на меня с каким-то священным страхом.

— Ну, не знаю, чем Люцифер руководствовался, но так оно и было, — ответила я, отцепляя от себя Блэка. — Ладно, с одной лишь небольшой поправкой — мне не предложили, а приказали её выпить, — поправила я.

— Что же тебе надо было излечить, что даже чужую кровь пить пришлось? — с интересом, спросил Рейф, валяющийся на моей кровати.

— То, что надо! — буркнула я, не желая отвечать на этот, щекотливый для меня, вопрос.

Говорить о прошедшей ночи мне не хотелось, тем более, с Рейфом. Хотя, сама я помнила её в деталях. Почти...

«Странно... А как я, вообще, оказалась в спальне Люцифера? Что-то не припоминаю, — обнаружила я у себя довольно внушительный провал в памяти. — Я сама к нему пришла? Или он меня сам забрал? А как там оказался Ферокс? Хм... Бред какой-то. Почему я этого не помню?». В конце концов, я решила оставить проблему со своей амнезией на потом. Сейчас

было совсем не до этого.

Я села в кресло и предалась размышлениям о том, что мне делать дальше. Конечно, и так понятно, что мне надо выигрывать пари с Фероксом, иначе... Даже думать об этом не хотелось!

«Так, для начала надо решить — к кому именно мне обращаться. Кого я, вообще, знаю? Аббадон, Абигор... и всё. Но, с Аббадоном я связываться не буду. А если и буду, то это должен быть самый крайний случай. Абигор... Тоже далеко не лицеприятная личность, но, по крайней мере, мою душу он получить не пытался. Ещё я знаю Асмодея, но его я знаю только в лицо, да и после того, как он, на моих глазах, издевался над эльфийкой, связываться с ним желания нет совершенно. И, как бы то ни было, мне нужно три Верховных демона. Но, к кому бы из них я не обратилась, в воздухе висит вопрос: «Что я смогу им дать». Не представляю!».

— Драйк, — позвала я своего личного слугу, уверенная в том, что он меня услышит.

И оказалась права — демон тут же зашёл в комнату:

— Звали, госпожа?

— Да. У меня есть сегодня какие-либо мероприятия? Встречи или ещё что?

— Нет, госпожа. На сегодня у вас ничего не запланировано.

— Отлично. Тогда, скажи мне, как попасть к Верховному демону Абигору?

— Прийти в его дворец, — с некоторым удивлением, пожал плечами Драйк. — Разумеется, если Великий герцог находится в Преисподней.

— И ты не спросишь: «Зачем он вам нужен?», — поинтересовалась я.

— Зачем? Я — ваш слуга, госпожа. И не более того. Если вам нужно с кем-то встретиться, значит, так тому и быть.

— Тогда, отведи меня сейчас к Абигору.

— Как прикажете, госпожа.

Драйк провёл меня через портал, в Пандемониум, прямо ко дворцу Абигора.

«Всё-таки, удобная вещь — портал, — подумала я, разглядывая огромный дворец демона войны. — Секунда и ты уже в нужном месте».

— Можешь идти, Драйк. Дальше — я сама, — произнесла я, открывая массивную входную дверь.

Драйк, поклонившись, исчез.

«Так, и куда теперь? — растерянно оглядывала я холл, где никого не было. — Где хозяин может находиться? Не могу же я обыскивать весь дворец — мне и дня не хватит, чтобы это сделать. Спросить бы кого, но... Где, хоть, кто-нибудь? Даже стражи нет. Хотя... следуя логике — на кой чёрт демону войны стража? Кто на него нападать будет?».

— Госпожа Милены, вы пришли к хозяину Абигору?

Передо мной, в поклоне, склонился демон-старик. То есть, он, действительно, выглядел стариком. Небольшого роста, худой, с седыми пышными усами, такими же седыми волосами и полностью чёрными глазами (даже белков не было). По человечески, он выглядел лет на семьдесят-восемьдесят.

«Странно. Разве, демоны стареют до такой степени? — с изумлением смотрела я на старика. — Я не видела никого, кто бы выглядел старше тридцати пяти. Может, это какое-нибудь проклятье?».

Как бы то ни было, я ответила:

— Да, мне нужен господин Абигор. Он здесь?

— Да, — кивнул старик. — Хозяин и послал меня к вам, когда узнал о вашем присутствии в его дворце.

— Он знает, что я здесь?

— Разумеется. Хозяин сразу узнаёт, если кто-то заходит в его дворец.

— Ясно. Ты здесь, чтобы отвести меня к господину Абигору?

— Да. Прошу следовать за мной.

Слуга отвёл меня во что-то, вроде, рабочего кабинета. Стол, кожаное кресло, в котором сидел Абигор, ворох каких-то бумажек...

«М-да, похоже, бумажная бюрократия есть даже у демонов, — рассматривая кипы бумаг, подумала я. — И её не избежал даже демон войны».

— Кого я вижу! — с усмешкой, посмотрел на меня Абигор. — Какими судьбами, Милена?

— Я пришла поговорить, — ответила я.

— О чём? — с неподдельным любопытством спросил демон войны.

Я глубоко вздохнула и на одном дыхании выпалила:

— Мне нужно покровительство Верховного демона на Совете Преисподней.

— Вот как? И ты решила, что твоим покровителем могу стать я?

В голосе Абигора была насмешка и издёвка. Такое сочетание выводило меня из себя. Но, мне нужно было согласие Абигора, поэтому я сказала только одно слово:

— Да.

— Как интересно. А скажи мне — зачем тебе, вообще, чьё-то покровительство?

— Я — полу человек, не владеющий никакой силой. И не важно, при этом, какой у меня статус. Без сильных мира сего, на Совете и, вообще, в жизни мне ничего не светит. И я это очень хорошо осознаю. Поэтому, мне нужна поддержка кого-то из Верховных демонов. Ты согласен?

— А что я за это получу?

— Всё, что хочешь.

— Действительно, всё? — вкрадчиво поинтересовался Верховный демон. — Ты сделаешь всё, Милена, чего бы я не захотел?

— Да, — я знала, что Абигор не знает о моём ребёнке и, соответственно, ничего, касающегося ребёнка, просить не будет, а всё остальное... я, как-нибудь, переживу. — Если хочешь... я могу отдать тебе свою душу.

Я, действительно, была готова пойти на это. Душа — это, наверное, было то единственное, что я могла предложить. Правда, в таком случае, оставалось под вопросом — что у меня потребуют другие демоны, если душу заберёт Абигор.

— Готова отдать свою душу? Заманчивое предложение, но, пожалуй, откажусь, — сказал Абигор то, что я совсем не ожидала услышать.

— Почему? Ты же сам говорил, что душа для демона — это, всё равно, что валерьянка для кота. Она манит к себе. Человеческую душу хочется заставить страдать, рыдать от безысходности и втаптывать в грязь. Вот, и втаптывал, сколько влезет.

— Душа, отдельно от тела, меня не интересует. А если я присвою себе и то и другое, думаю, твой муж будет, явно, против.

— Тогда, чего ты хочешь?

— Тогда... — демон войны сделал паузу, словно раздумывая. — Я соглашусь стать твоим покровителем, если ты... сделаешь мне минет.

— Что?! — я ошарашенно смотрела на Абигора, совсем не ожидая такого желания.

— В чём дело, Милена? Ты же сказала, что сделаешь всё, что я захочу, — Верховный демон, явно, издевался. — Неужели, уже передумала? Была согласна отдать свою душу, но не способна на такой пустяк?

— Нет, но... я... — я не смогла скрыть своего смущения — щёки предательски заалели. — Я... я этого никогда не делала! И вообще... Это же несерьёзно! Ты же не можешь... раскидываться своим покровительством, требуя такую ерунду!

— Кто это сказал? Я требую то, что я, в данный момент, желаю. Не меньше. И ты должна быть мне благодарна за то, что в этот момент у меня именно такое настроение. В другой день я мог бы у тебя потребовать гораздо больше. А так... покровительство за такую ерунду. А по поводу твоей неопытности... Как говорит человеческая пословица: «Учиться никогда не поздно», — усмехнулся Абигор. — Не согласна?

— Согласна, — тихо сказала я, отводя от мужчины взгляд. — Когда ты хочешь, чтобы я это сделала?

— Сейчас, — спокойно ответил демон.

— Сейчас?! Но...

— Либо сейчас, либо никогда. Что выбираешь?

Мне хотелось убежать с криком, чтобы демон войны шёл куда подальше. Но, я прекрасно понимала, что если уйду сейчас, то у меня больше не будет шанса договориться с Абигором. А мне нужен был Абигор. Нужен был любой ценой. Да и... прав он был. То, что он просил — сущий пустяк. Пусть и унижительный, в моём понимании.

— Хорошо, я это сделаю, — с трудом выговорила я.

— Тогда, приступай к делу.

— А... — я с недоумением смотрела на демона войны, не зная, что делать.

— Подойди, — приказал Абигор.

Я подчинилась.

— А теперь, опустишься на колени и расстегни брюки. Думаю, что делать дальше, тебе объяснять не надо?

Я смерила мужчину ненавистным взглядом. Жаль, что взглядом не убить, иначе Абигор давно был бы трупом (или пеплом — уж не знаю, что там от Верховных демонов остаётся).

Я опустилась перед Абигором на колени... Я чувствовала себя униженной... Чувствовала себя шлюхой... Кажется, это чувство становится более, чем привычным.

Я расстегнула брюки демона войны... замешкалась, не решаясь продолжить... Через несколько секунд я, всё-таки, это сделала — освободила, уже напряжённую, плоть мужчины. На этом я снова остановилась. Я знала, что должна делать, но... всё моё естество сопротивлялось этому.

— Если передумала, Милена, то уходи.

— Не передумала. Просто...

— Просто представь, что это — конфета, — со смехом, предложил Абигор. — Кажется, именно такими словами учат в мире людей новоиспечённых шлюх?

— Наверное. Только, насколько я знаю, у демонов — это не считается чем-то из ряда вон выходящим и, как шлюху, это меня не характеризует. Или ты думаешь, что можешь унижить меня таким образом, раз я, возможно, рассуждаю, как человек?

— А, разве, это не так? В любом случае, слишком много разговоров. Ты либо делаешь, либо нет.

Я глубоко вздохнула, понимая, что сейчас, в очередной раз, что-то разрушаю в себе, но... сделать это было необходимо.

— Господин Абигор, — в кабинет зашёл демон, который и привёл меня сюда. — К вам господин Вельзевул.

— Надо же, какая досада, — с сильным недовольством в голосе, сказал Абигор. — Но, что поделаешь, раз пришёл сам Вельзевул. До следующего раза, Милена.

— Когда мне прийти, чтобы сделать... чтобы сделать то, что ты хочешь?

— А кто сказал, что при нашей следующей встрече, я захочу того, что и сегодня?

— Но, ты же...

— Что — «я же»? Раз нас сегодня прервали, значит, это желание остаётся без выполнения. Но я, так уж и быть, дам тебе ещё один шанс. Приходи в любое время, Милена, и я придумаю, что с тобой делать.

«Тварь! Какая же ты тварь, Абигор! Впрочем, как и все демоны! Что же ты потребуешь в следующий раз?».

Глава 14.

Когда я выходила из дворца Абигора, я столкнулась с незнакомым мужчиной, которого, кажется, видела на балу в Преисподней. Высокий, черноволосый, с ледяным взглядом серых глаз с вертикальными зрачками. Сделав вывод, что это и есть Вельзевул — второе лицо в Аду, после Люцифера и его непосредственный заместитель — я склонилась в поклоне, встав на одно колено, произнося церемониальные слова:

— Приветствую вас, господин Вельзевул. Да падёт Тьма на ваших врагов и да будут ангелы ползать у ваших ног.

— Да услышит тьма твои слова, — ответил Вельзевул. — Ты же Милена Кавэлли — правительница Зиградена и повелительница драконов?

— Да, господин Вельзевул, — не поднимая головы и не вставая с колена, сказала я.

— Встань, — позволил Верховный демон и, когда я встала, спросил. — Что ты делаешь здесь, Милена?

— Кое-какие дела были с господином Абигором, — уклончиво ответила я. — Так что, прошу меня простить, господин Вельзевул, но мне нужно идти.

И я поспешила уйти.

Уже находясь в своём дворце, я пыталась решить — сначала полностью определиться с Абигором или уже обращаться к другим Верховным демонам? Но, с кем из них мне тогда разговаривать? И что предложить? Снова рисковать своей душой? Хотя, чего стоит моя душа по сравнению с жизнью ребёнка Кая? Только, проблема в том, что, как и Абигор, другие могут потребовать что-то иное. Что?

— Драйк, — позвала я.

Появившийся слуга, почтительно склонился в поклоне:

— Звали, госпожа?

— Да. Ответь мне на один вопрос, Драйк. Если бы ты был Верховным демоном, то чтобы ты просил за своё покровительство?

— Конкретно у вас? — уточнил Драйк.

— Не обязательно. Я имею в виду — вообще.

— Госпожа Милена, мой ответ будет сильно различаться в зависимости от того, кого вы имеете в виду — себя или нет.

— Почему?

— Потому, что если покровительства Верховного демона попросит простой человек, то у него, без сомнения, потребуют душу. В вашем же случае, требования будут другими. Не забывайте, что вы являетесь залогом союза между демонами и драконами. Если забрать у вас душу — неизвестно, как на это отреагирует ваш муж. Ни один Верховный демон не будет рисковать только что налаженными отношениями с драконами, — объяснил демон.

— Тогда, какие у них могут быть требования?

— Это, в большей степени, зависит от того, к кому именно вы обратитесь.

— Например, к Асмодею.

— Великий герцог Асмодей является демоном похоти, сексуальных извращений, роскоши и азартных игр.

— И что ты хочешь этим сказать? — нахмурилась я.

— Все его желания, наверняка, будут связаны с тем, чем он управляет. Только мне кажется, вряд ли, он попросит вас сыграть с ним в карты.

Представив, что со мной может сделать демон сексуальных извращений, меня передёрнуло.

— А если взять, например... Велиара — демона лжи и коварства? — предложила я.

— Если вы не являетесь закоренелой мазохисткой, то не советую к нему идти.

— Почему?

— Верховный демон Велиар любит изобретать новые пыточные устройства. А эти устройства надо на ком-то испытывать. Сами понимаете — добровольцев мало. Конечно, он и так подопытных находит, но... Думаю, он не откажет себе в удовольствии испытать пытки на ком-то, кто добровольно пойдёт на это.

— А если брать, в целом, Верховных демонов? Что, с большей вероятностью, они могут потребовать именно у меня?

— Выдержать какие-либо пытки, спать с ними, сделать что-то, что является для вас аморально или безнравственно... — перечислил Драйк.

— Да почему именно это-то?!

— Вам нельзя наносить непоправимый вред или убить, но... Госпожа Милена, вы — демон с душой. Вам же не надо объяснять, чем является человеческая душа для демона?

— Нет, не надо, — ответила я, вспомнив слова Абигора, после моего первого бала в мире демонов.

— Но, вы можете изменить ситуацию, — вдруг, сказал мужчина.

— Как?

— Демонам нравится смотреть, как человеческая душа терзается, мучается... В вас слишком много от человека, госпожа Милена и это даёт лишний повод поизмываться над вами.

— И что делать?

— Истребить в себе этого человека, которого мучают сексуальные отношения с тем, кто ему не нравится. Того человека, которого мучает совесть. Того человека, который, не смутившись, не может совершить какое-то интимное действие.

— То есть, стать стервой и шлюхой?!

— Если хотите, то можете называть это такими словами, госпожа. Но, смысл вы, примерно, поняли. Вам же от этого будет проще жить в мире демонов. Будете получать удовольствие от всего происходящего, и вы дадите Верховным демонам то, что они просят, но не дадите того, чего они хотят — ваших мучений.

— На словах-то это легко, — со вздохом откинулась я на спинку кресла. — Но, на деле... Драйк, ты многому меня учил. Сможешь научить этому?

— Простите, госпожа, но — нет, — покачал головой Драйк. — С этим вам лучше обратиться к Лилит.

— Лилит? Демонесса разврата и проституции? Ты предлагаешь мне... учиться у неё?

— Если вам это, действительно, нужно, то — да. Вряд ли она согласится быть вашим покровителем, а вот учить тому, чему она и покровительствует — это запросто.

— Мне нужно подумать над этим, — произнесла я. — Я позову, когда ты будешь нужен.

— Слушаюсь, госпожа.

Оставшись только с Блэком и Рейфом, который, к счастью, не стал комментировать мой

разговор с Драйком, я серьёзно задумалась. Я и сама хорошо понимала, что мои мораль и принципы могут мне основательно помешать в будущем. А когда ты живёшь среди таких существ, как драконы и демоны — это становится слишком серьёзной проблемой, которую нельзя проигнорировать. Да, умом-то я это понимала, но... Конечно, и среди людей полно женщин, которым плевать — с кем спать, где и в какой позе. Загвоздка только в том, что я к ним не относилась.

«Эй, душа моя, ты там ещё жива? — позвала я свою сущность, забившуюся в самую глубь сознания и испуганно сжавшуюся там. — Ты как относишься к тому, чтобы стать более... хм... распутной? Можешь не отвечать. Сама чувствую, что хреново ты к этому относишься. Но, ничего не поделаешь. Другого выхода я не вижу. Это будет не сложно. Правда. Просто надо выжечь остатки чувств в себе и всё». В груди защемило. Видимо, душа была очень против такого решения.

Взгляд упал на Блэка, который, в своём истинном облике, играл, совершенно по-кошачьи, с чем-то чёрным и блестящим. Я встала с кресла, подошла к салеру и отобрала у него «игрушку».

— Откуда это у тебя? — с удивлением спросила я.

В руках у меня была чёрная карнавальная маска, украшенная серебряными блёстками.

— А, ведь, мне пойдёт, да? — я приложила маску к лицу, посмотрела в зеркало и криво усмехнулась своему отражению. — Действительно, идёт. Что может быть лучше маски на лице? За маской можно скрыть все свои эмоции. Никто и не догадается, о чём ты думаешь на самом деле, — я отдала маску салеру и позвала Драйка.

— Вы хотите встретиться с Лилит? — спросил демон, появившись.

— Да. Отведёшь меня к ней.

— В этом нет необходимости, госпожа Милена. Я знал, что вы захотите с ней встретиться и уже с ней связался. Она просит вашего позволения прийти сюда, к вам.

— Зачем ей моё позволение? — не поняла я.

— Госпожа, — с некоторой досадой заговорил Драйк. — Вы, всё-таки, являетесь правительницей Зиградена, в котором сейчас находитесь. Здесь только повелитель Люцифер обладает полной властью и может приходить, когда захочет. Остальные же Верховные демоны должны спрашивать вашего дозволения на визит сюда.

— Прости. Забыла, — виновато посмотрела я на того, кто столько времени убил на то, чтобы, хоть, чему-нибудь меня обучить. — Да, конечно. Пусть Лилит приходит.

— Благодарю за приглашение, — в спальне засветился проход портала из которого вышла Лилит.

Очень красивая женщина. Рыжеволосая, яркая... Таковую, без преувеличения, можно назвать роковой. Моя полная противоположность...

— Госпожа Лилит, — склонилась я. — Рада приветствовать вас в Зиградене. Да падёт Тьма на ваших врагов и да будут ангелы ползать у ваших ног.

— Да услышит тьма твои слова, — ответила Лилит. — И давай сразу договоримся, Милена. Обойдёмся без формальностей. Мне его хватает на Советах. Просто Лилит.

— Не возражаю, Лилит.

— Думаю, я вам больше не нужен, — сказал Драйк. — Этих забирать? — кивнул он на Рейфа с Блэком.

— Да.

Когда мы с Лилит остались вдвоём, я начала:

— Вы... То есть, ты знаешь, зачем я хотела с тобой встретиться? Драйк рассказал тебе?

— В общих чертах. Как я поняла, из тебя надо сделать такую женщину, чтобы при взгляде на неё можно было сразу сказать — стесняться она никого и ничего не будет.

— Ну, не до такой степени, конечно! — поспешила сказать я. — Я... мне нужно научиться вести себя, как... как демон, а не как человек, — попыталась я поприличнее выразиться. — Поможешь?

— Значит, хочешь стать истинным демоном, да? — усмехнулась Лилит. — Ты, хоть, понимаешь, что это означает?

— Если я захотела встретиться именно с тобой, думаю, это может означать, что я всё прекрасно понимаю?

— Да, наверное, — согласилась демонесса. — Хорошо, если ты этого так хочешь, то я тебе помогу, но...

— Но, за это надо будет что-то сделать, — закончила я за неё. — По-другому с демонами не бывает.

— Вообще-то, у меня просто одно условие. Условие состоит в том, чтобы во всём меня слушаться. Если тебе что-то не понравится в методах моего обучения и ты не захочешь что-то делать... Тогда, мы расстаёмся.

— Я согласна, — это меня, вполне, устроило, тем более что ожидала я совсем другого.

— Прекрасно. Ты не против начать прямо сейчас?

— Нет. Чем быстрее, тем лучше.

— Тогда, начнём с банального введения в тему. Первым делом, ты должна уяснить, Милена, что секс — это просто физиологическое удовольствие и никакого отношения к чувствам и любви он не имеет, — слово «любовь» Лилит произнесла так, словно проглотила лимон. — Можно сказать, что секс в мире демонов (да и не только в мире демонов) является одной из форм подчинения.

— Это я и так знаю, — фыркнула я. — Сильные мужчины трахают слабых женщин. Что здесь, что в мире людей — ситуация одна.

— Вот, если ты так будешь рассуждать, то так оно всегда и будет, — недовольно сказала Верховная демонесса. — Да, тебе могут предложить переспать. Да, ты можешь согласиться. Но! Где говорится, что всё должно быть по правилам твоего партнёра? Почему не играть по своим правилам?

— Потому, что мне этого не позволено! — резко ответила я.

— А ты пыталась? — с интересом, спросила Лилит. — Мне, почему-то, кажется, что — нет. В моём представлении, ты просто позволяешь делать, что угодно, либо точно действуешь по данным тебе инструкциям. Я не права?

— Права, — вынуждена была признать я. — Но, что я могу сделать? Если я что-то сделаю, чего они не хотят... Наказание последует незамедлительно.

— Почему ты в этом так уверена?

— Не знаю. Я, просто-напросто, боюсь. Боюсь, что если сделаю что-то не так, мне будет плохо и больно, — честно ответила я.

— В этом-то и есть твоя проблема, Милена. Страх. И от него тебе надо избавляться.

— Знаешь, Лилит, у меня сейчас складывается впечатление, что я с психологом разговариваю, — вздохнула я. — А это не совсем то, что мне нужно.

— Да нет, Милена, это, как раз, то, что тебе нужно, — возразила Лилит. — Не сможешь избавиться от страха — не сможешь ничего. Это одна из причин, которая тебе мешает стать,

как ты выразилась, демоном. Страх, стыд, смущение, мораль... Ничего из этих чувств у демона быть не должно.

Не хотела я избавляться от того, что перечислила Лилит. Эти чувства и составляли, большей частью, мой характер. Но, выбора у меня не оставалось.

— Я понимаю, — сказала я. — Я готова избавиться от всех этих чувств.

— Если так, то можно уже переходить в практике.

Лилит, неожиданно для меня, встала и подошла ко мне. Я не успела ничего спросить, когда демонесса наклонилась ко мне, взяла моё лицо в ладони и поцеловала. Причём, поцеловала, отнюдь, не легко. И, в тот раз я узнала, что физически Верховные демоны-женщины, видимо, никак не слабее мужчин, так как пока Лилит сама меня не отпустила, я ничего не могла сделать.

— С ума сошла?! — в шоке, воскликнула я. — Ты что творишь?! Я — не поклонница нетрадиционной ориентации!

— Ты же сказала, что будешь делать всё, что я скажу, — облизнув свои губы, ответила Лилит.

— Но, это же не относится к тому, что ты сделала!

— Почему же? Очень даже относится. Или, как ты думала, я буду тебя учить? Разумеется, практике я буду учить тебя сама. Конечно, если ты хочешь, я могу притащить тебе какого-нибудь демона, и ты будешь учиться сразу на нём.

— А нельзя как-нибудь по-другому меня обучать?

— А как ты хочешь по-другому, Милена? По книжкам? Не получится.

«Мама дорогая! На что же я подписалась?! — с ужасом, подумала я. — То есть, у меня два варианта — либо сама Лилит, либо незнакомый мужик? Но... я никак не могу представить, чтобы я с женщиной занималась чем-нибудь... интимным! Но, с другой стороны, спать с незнакомым мужчиной... эта перспектива радует меня ещё меньше. Уж лучше — Лилит».

— Хорошо, я согласна учиться с... тобой, — решила я.

— Тогда, раздевайся. И помни, — сказала она, видя моё растерянное лицо. — Ты согласилась во всём меня слушаться. Да?

Я, лишь, обречённо вздохнула и стала раздеваться. Раздевшись до нижнего белья, я остановилась.

— Не стесняйся, раздевайся полностью. Не перед мужчиной же раздеваешься, — усмехнулась Лилит.

— По-моему, если на тебя смотрят, как на сексуальный объект, то неважно, кто это делает — мужчина или женщина, — ответила я, тем не менее, снимая с себя оставшееся. — И что дальше? — посмотрела я на девушку, уже обнажённая.

— Для начала, скажи, что ты сейчас чувствуешь, стоя, вот так, передо мной?

— Смущение, — не стала я ничего скрывать. — Стыд. А ещё, я чувствую себя, как породистая кобыла, которую рассматривают, думая, что с ней делать — отправить пахать в поле или использовать для выхода в свет.

— Занимательное сравнение! — смешок демонессы разнёсся по спальне. — Но, могу тебя заверить, пахать тебе, точно, не придётся.

— Хоть что-то радует.

Лилит, вновь, стала подходить ко мне, на ходу раздеваясь. Я, машинально, попятилась от неё, натолкнулась на кровать и, на неё же, в результате, и свалилась.

— Не бойся, я тебя не обижу, Милена, — сказала демонесса на мои действия.

— Я не боюсь. Меня напрягает то, что ты будешь делать. Я никогда ничего не испытывала к женщине, в плане сексуального влечения. И сейчас не испытываю. Но, всё равно, происходящее меня смущает.

— Запомни-ка кое-что важное, Милена, — произнесла Лилит, забираясь на кровать и нависая надо мной. — Смущение для тебя — это порок, от которого надо избавиться. Ты — демон, а демону это чувство чуждо.

— И что же я должна испытывать в данный момент?

— Интерес. Равнодушие. Скука... Желание. Что-нибудь из этого, — Лилит провела рукой по моим волосам, кончиками своих ноготков коснулась шеи, щекоча её. — Расскажи мне, Милена, где находится то место, от прикосновения к которому, ты получаешь больше всего удовольствия? От прикосновения к которому ты забываешь обо всём?

— В случае с Фероксом — везде. А так... — я задумалась. — Шея, наверное.

— И всё?

— Не знаю. Я как-то об этом не думала.

— Тогда, ты должна это выяснить. Изучить своё тело. Предоставь это мне.

— Что-то не нравится мне эта идея, — полу испуганно полу раздражённо сказала я.

— Ты уж определись — нравится тебе это или нет. Ты же сама сказала, что тебе это нужно.

— То, что мне это нужно — это не означает, что мне должно это нравиться.

— Неправильно, — покачала головой Верховная демонесса. — Если ты будешь просто заставлять себя, то ничего не получится. Ты так и останешься испуганным жалким полу человечком, который пытается изобразить из себя то, чем он не является. И, поверь мне, со стороны это будет, ох, как заметно.

— То есть, я...

— То есть, ты должна научиться получать удовольствие от того, что ты будешь делать. Пойми, Милена, у тебя нет никакой силы. А что это значит? Это значит, что ты должна влиять на события и поступки окружающих иным способом. В твоём случае, обольщением.

— Обольщением? Лилит, посмотри на меня! У меня не та внешность, чтобы обольщать кого-то!

— Ха, ты бы видела, какие страшили становились любовницами многих влиятельных людей! Чтобы обольщать мужчин, не обязательно быть красавицей. И, кстати, у тебя просто низкая самооценка, Милена.

— Не низкая, а реальная. К тому же, мы говорим о мужчинах-демонах, а не о людях, которым только грудь покажи и они уже готовы на всё.

— Ты какого-то слишком высокого мнения о демонах, — усмехнулась Лилит. — Поверь мне, демонессе разврата, что мужчины-демоны мало чем отличаются от мужчин человеческой расы. Конечно, за показ груди, они не будут готовы на всё, но... Они не так разборчивы, как ты думаешь.

— Это как-то утешает, — вздохнула я. — Делаем вывод — раз магии у меня нет, то будем пользоваться... телом. Я... я постараюсь получить удовольствие, Лилит, но, не думаю, что это получится так сразу.

— Я тебя об этом и не прошу. Но, постарайся сейчас, хотя бы, расслабиться и прислушаться к своему телу.

Я зажмурилась, в ожидании.

— Такое ощущение, что я тебя бить собираюсь, — рассмеялась девушка. — Я вижу перед собой испуганного зверька, которого убивают, — а затем, последовало жёстко. — Открой глаза, Милена.

Хочешь не хочешь, а подчиниться пришлось.

Пальцы Лилит заскользили по моему телу, касаясь меня везде, где только можно. Скажу честно — неприятно или противно мне не было. Прикосновения Лилит были даже... приятными. После, довольно-таки, жёстких и даже грубых прикосновений Ферокса, нежные пальцы Лилит мне нравились куда больше.

— Нравится? — тихо спросила Лилит, не останавливаясь.

— Да, — не стала отрицать я очевидное.

— А где больше всего?

Я прислушалась к себе, пытаюсь это определить. И, в этот момент, демонесса поцеловала меня в шею, а потом провела по ней языком. От этих действий я чуть не замурлыкала.

— Да, шея — это однозначно, — заключила демонесса разврата.

Таким же способом, мы выяснили, что я просто балдею, когда прикасаются к моим запястьям. Когда Лилит их коснулась, у меня табун мурашек по коже пробежал. «Странно. Никогда, до этого, не замечала за собой такой эрогенной зоны, как запястья» — с удивлением подумала я. Ещё одной неожиданностью стало то, что эрогенной зоной у меня оказались мои крылья. Вот уж от какой части своего тела я не ожидала такого подвоха! Все мужчины, с которыми я была — Кай, Ферокс, Люцифер (про Рейфа молчу, так как я тогда была не совсем в адекватном состоянии) — все они на крылья внимания не обращали. Для них крылья были больше мешающим элементом, чем чем-то ещё. А тут... Стоило демонессе разврата ласково пробежать пальцами по перьям одного крыла и чешуйкам второго... Меня, как будто, разрядом тока ударило. Я, не сдержавшись, застонала от наслаждения. Тело, предательски, возбуждилось. Лилит, заметив это (да и как тут было не заметить?), всё своё внимание на крылья и перенесла. Ноготками, кончиками пальцев... Она доставляла мне такое удовольствие! А когда она, слегка, прикусила крыло, некогда бывшее белым, своими зубками... Никакой боли или неприятия. Я была близка к состоянию, называемому оргазмом!

— Лилит, прекрати! — со стоном и всхлипами запростила я.

— Зачем? Тебе же так это нравится.

— Но... — в эту секунду мой рот заткнули страстным развратным поцелуем.

И мне, совершенно, расхотелось её останавливать. Захотелось, просто, расслабиться и отдать себя во власть таких нежных и развратных рук и губ!. И пусть меня проклянут все, кто хочет это сделать, но я так и поступила — полностью отдалась на волю демонессы разврата. И, признаюсь, нисколько об этом не пожалела.

Лилит разделась сама. И, как красиво у неё это получилось — медленно, эротично... Как будто ты смотришь не просто на то, как раздевается девушка, а как будто смотришь на театральное представление. Представление, которое не хочется прерывать, но которое, иногда, очень хочется ускорить.

Лилит, вновь, меня поцеловала, прижимаясь ко мне уже всем своим обнажённым горячим телом. Я громко застонала, когда пальцы демонессы проникли внутрь меня, а её губы начали целовать мою грудь, ласкать её... Мне казалось, что я схожу с ума, ловя экстаз от интимной связи с женщиной! А Лилит, как будто, знала моё тело лучше меня, лаская

именно так, что волна наслаждения накрывала меня одна за другой. Я уже не сдерживалась и громко кричала, не беспокоясь о том, что кто может меня услышать. Моё тело дрожало от нетерпения, ожидая ласки Лилит, жаждало её!.. «Что же я делаю?!» — мелькнула единственная связанная мысль, которая, ту же, меня покинула, стоило только Лилит, снова, найти мои губы. А когда моё тело, практически, достигло оргазма, ни о каких осознанных мыслей не было и речи.

— Знаешь, в чём твой недостаток, Милена? — спросила Лилит через какое-то время, когда мы лежали рядом на постели.

— Нет. В чём? — голосом, полным удовлетворения, поинтересовалась я, повернувшись на бок, в сторону Лилит.

— У тебя очень чувствительное тело, — ответила она. — Тебя очень легко возбудить.

— Это — недостаток? — с удивлением посмотрела я на демонессу разврата.

— Ну, конечно, твоим партнёрам это очень понравится. Ты легко поддаёшься ласкам, но... для тебя самой — это плохо. Ты быстро теряешь контроль над собой и, соответственно, теряешь контроль над ситуацией. А тебе же не это нужно? Ведь, если ты будешь продолжать в том же духе, всегда будешь управляемой, а не управляющей. Если хочешь обольщать, то научись контролировать себя.

— Это проще сказать, чем сделать.

— Думаешь? — Лилит встала с кровати. — Одевайся, Милена. Я хочу кое-что тебе показать.

— Что именно?

— Увидишь, — девушка окинула взглядом моё платье, которое я должна была одеть. — М-да, сама ты его, точно, не оденешь. Иди-ка ко мне.

Я подошла к Лилит и она помогла мне одеться. Только... Я не знаю, как демонесса смогла таким образом одевать платье, чтобы коснуться всего, чего только можно.

— Хочешь соблазнить меня во второй раз?! — возмутилась я, тем не менее, не отталкивая её (помнила её физическую силу).

— Зачем же? Я просто помогаю тебе с одеждой, — ответила Лилит, но в глазах её бегали такие бесенята, что сразу было видно — развлекается.

— А... нижнее бельё? — вдруг, сообразила я, уже одетая в платье.

— Не нужно, — хитрой лисьей улыбкой улыбнулась демонесса.

— Как — не нужно? Ведь, — я выразительно посмотрела на верх платья, в котором отчётливо была видна моя грудь и все её детали. — Видно же всё!

— И что? Пусть будет видно. Пусть облизываются те, кого мы встретим, ведь, ты для них недоступна. Почувствуй их взгляды, желание обладать тобой... Такое сильное желание, но которое им не осуществить. Почувствуй всё это и получи удовольствие от того, что тебя желают, в бессилии.

— Я не понимаю, о чём ты. Но куда мы идём? — спросила я, расставшись с надеждой, всё-таки, одеть бельё.

— В Пандемониум.

— В Пандемониум? Но, зачем?

— В Зиградене, конечно, тоже есть места, куда я хочу тебя отвести, но... В твоём городе тебя все подданные в лицо знают. Устанешь от того, что тебе постоянно кланяются. Кстати, Милена, я тут кое-что нашла, — она показала мне на джинсы и кроссовки, которые были на мне в тот день, когда меня привели сюда. — Тебе же не нужны эти тряпки?

«Тряпки? — про себя, грустно усмехнулась я. — Эти «тряпки» то единственное, что осталось у меня от человеческого мира».

— Нет, не нужны, — тем не менее, ответила я.

— Правильный ответ, — одобрила Лилит. — Тебе надо уничтожить всё, что связывает тебя с людьми. И одежда тоже к этому относится.

Лилит щёлкнула пальцами и одежда загорелась. Несколько секунд я смотрела, как догорает то, что осталось у меня от прошлой жизни. А когда одежда догорела, от неё не осталось ничего — даже пепла.

— Идём, Милена, — Лилит шагнула в сотворённый ею портал, и я последовала за ней.

Глава 15.

В Пандемониуме мы оказались на одной из улиц столицы мира демонов.

— А Пандемониум весь такой... готический? — спросила я, оглядывая дома, которые, как будто, вышли из мечты какого-либо чёрного мага.

— Большею частью. Но, вообще, Пандемониум — это город, собравший в себе всю возможную архитектуру. Так что, не удивляйся, если мы наткнёмся на небоскрёб.

Мы шли по довольно оживлённой улице. Если бы я не знала, где я нахожусь, и кто меня окружает, я бы решила, что нахожусь в центре Гарэна, а не в мире демонов.

— Посмотри вокруг, — произнесла Лилит. — Ничего не замечаешь?

Я посмотрела.

— Да, вроде, ничего та... — я осеклась, наткнувшись на заинтересованный внимательный взгляд незнакомого мужчины.

Встретившись со мной взглядом, незнакомец и не подумал о том, чтобы отвернуться. Наоборот, он медленно провёл языком по своим губам, а затем, откровенно перевёл взгляд на мою грудь. Я поспешила отвернуться, покраснев.

— В чём дело, Милена? — спросила Лилит. — Не понравился?

— Да при чём здесь это?! — воскликнула я, всё ещё в смущении. — Какого чёрта он на меня смотрит?!

— Ну, не он один, вообще-то, — усмехнулась демонесса.

И я обратила внимание, что — да, действительно. Многие проходящие мимо демоны — и женщины и мужчины — бросали на меня не двусмысленные взгляды. Их похотливые развратные взгляды меня, как будто, раздевали. От стыда, мне хотелось сквозь землю провалиться.

— У меня жгучее желание прикрыться, — сообщила я Лилит. — Может... вернёмся в Зиграден, а?

— Отбрось свой стыд и смущение, Милена, — сказала моя спутница в ответ. — Здесь они тебе ни к чему.

— Но, почему они обращают на меня такое внимание? По местным меркам, я вижу, что, вообще, одета, как монахиня!

— А ты не забывай — кто ты, Милена. Ты — Высший демон. А Верховные и Высшие демоны всегда есть и будут объектом желания для всех остальных. Наша власть, наше тело, наша кровь... Они жаждут всего этого. Чтобы оказаться в твоей постели, они готовы исполнить любую твою прихоть. Они готовы тебе ноги лизать, если это поможет тебе обратить на них внимание. А уж за твою кровь, они готовы глотки друг другу перегрызть.

— Так, ты это имела в виду, когда говорила, что я должна получить удовольствие от того, что меня желают?

— Верно. А теперь, давай-ка покажем им небольшое шоу.

Лилит подошла ко мне сзади, одной рукой обхватила меня за талию, второй взяла меня за подбородок, поворачивая мою голову к себе. Когда Лилит начала меня целовать, её рука, с талии, переместилась на верх платья и, резким рывком, оголила мою грудь полностью. Я, тут же, попыталась вырваться, но рука Лилит, переместившаяся с подбородка на затылок и

её рука на моём теле, не оставили мне шансов этого сделать. Я почувствовала, как от поцелуев Лилит и от того, что она начала ласкать мою грудь, дыхание, непроизвольно, участилось. Хотя, сама я была в ужасе, осознавая, где я нахожусь и в каком виде. Затем, я почувствовала, как меня коснулся кто-то ещё. Скосив глаза, я увидела того самого мужчину, на взгляд которого и наткнулась в самом начале. Его, затуманенные похотью, глаза смотрели на меня, а его рука, сначала, коснулась моего бедра, а потом... А потом, Лилит отвлеклась от моих губ, взглянула на наглеца и... демона снесло от меня на несколько метров! А затем, он загорелся также, как и моя одежда в Зиградене, не оставив от себя и следа. Зрители, которых уже собралось довольно прилично, тут же сделали шаг назад.

— Хочу предупредить, — начала демонесса разврата. — Смотреть — можно. Приближаться или, ещё хуже, трогать руками — нельзя. На месте того, кто меня не послушается, будет такой вот весёлый костерок, который вы видели только что. На сегодня эта девушка — моя. Так что, прошу облизываться издалека. Надеюсь, все расслышали? Всё, шоу закончилось. Идём, — Лилит потянула меня за собой, предварительно, сделав моё платье таким, как было.

— Это что сейчас было?! — «накинулась» я, чуть погодя, на девушку.

— Шоу, — улыбаясь, ответила Лилит.

— Шоу?! Для кого?!

— Для них и для тебя, в частности. Зрителям оно, точно, понравилось. А тебе? Только честно.

— Не знаю, — отвернулась я от неё. — Да, ты доставила мне удовольствие — признаю, но... То, что это происходило на глазах такого количества народа, а потом ещё и этот мужчина... Я не могу спокойно к этому относиться!

— К чему именно? К публике или к тому, что в мире демонов убивают с такой лёгкостью?

— Ко всему. Но, я знаю, что должна ко всему этому привыкнуть.

— Совершенно верно.

— Лилит, ты говорила, что обычные демоны жаждут и Верховных и Высших. А почему они тогда не обратили внимания на тебя? Ты же Верховная демонесса.

— Да, но никто этого не видит. В настоящий момент, мою настоящую внешность можешь видеть только ты, Милена. Все остальные видят обычную демонессу, — объяснила Лилит.

— Но, зачем?

— А тебе было мало внимания, которое было?

— Нет!

— Вот, и я также подумала. А мы, наконец, пришли в то место, которое я хотела тебе показать.

Мы стояли у большого особняка из чёрного мрамора.

— Куда мы пришли? — спросила я.

— В бордель, — просто ответила Лилит.

— Куда?! — мне показалось, что я ослышалась.

— В бордель, — повторила демонесса. — Не забывай, что я ещё являюсь демоном проституции.

— Это я знаю, но... что мы здесь делаем? И зачем бордель, вообще, в мире демонов, если... если...

— Если все и так трахаются друг с другом? — закончила за меня Лилит. — В принципе, бордели, изначально, появились в мире демонов, а потом уже в мире людей. А зачем? Проституция — это профессия, существующая и в Аду. Ею занимаются либо те, кто очень любит это дело, либо те, кто больше, практически, ни на что не способен. Чаще всего, второй вариант.

— На меня намекаешь? — помрачнела я.

— Нет. Ты — повелительница мира драконов, правительница Зиградена и Высший демон. К тебе это, никаким боком, не относится. Ты спишь, лишь, с теми, с кем хочешь.

— Либо с теми, кто сильнее, — вспомнила я своего мужа Ферокса да и, вообще, всех, с кем мне приходилось иметь дело.

— Либо так. Но, разница, согласишься, есть. Не равняй себя с теми, кто работает в борделях.

— Тогда, что мы здесь делаем?

— Мы здесь для того, чтобы посмотреть, как контролировать своё тело, не позволяя себе лишнего. Ты говорила, что это сложно, да?

— Да, — кивнула я. — Но, ты думаешь, проститутка мне в этом поможет?

— Больше, чем ты думаешь.

Мы с Лилит прошли в здание. Идя по длинному коридору, из-за каждой закрытой двери слышались стоны, крики... плач?

— Почему... — хотела я спросить Лилит, но она, угадав мой вопрос, ответила сама.

— Почему кто-то плачет? Ну, у клиентов разные предпочтения. Кто-то просто любит видеть слёзы и девушка (или мужчина) просто притворяется. А кто-то из клиентов доводит до настоящей истерики — пытками или ещё чем-то. Кстати, из-за пыток тут и умереть можно. Или можно наткнуться на демона, который просто убивает своих партнёров после секса.

— Ужас! И здесь работают одни демоны?

— Нет. Иногда, тёмные эльфы. Светлые эльфы, которые попали в плен. Люди бывают, но этих чаще похищают из человеческого мира, заставляя здесь этим заниматься. Правда, люди здесь долго не живут — регенеративных способностей у них никаких нет, поэтому их быстро убивают — случайно или нарочно.

Я промолчала. Не хотелось развивать эту тему. Ясно было одно — везде к людям относились, как к низшим созданиям.

Лилит привела меня в комнату, с зеркальной стеной, открывая всё, что происходило в соседнем помещении.

— С той стороны нас никто не увидит и не услышит, — сказала Лилит, усаживаясь в кресло и жестом приглашая меня сесть в соседнее. — Зато, мы будем видеть всё.

— И что же мы должны будем увидеть? — спросила я, садясь в предложенной кресло.

— Увидеть, как работает профессиональная обольстительница и, заодно, проститутка, — ответила Лилит и, в этот момент, в соседнюю комнату, на которую у нас и открывался весь вид, зашли двое — мужчин и женщина.

Женщина выглядела лет на двадцать пять, небольшого роста, с черными волосами и глазами цвета весенней зелени, со змеиными зрачками. Мужчина, лет тридцати, был выше женщины на две головы. Рослый, крепкого телосложения, с тёмно-русыми волосами и карими глазами.

Демонесса стала медленно раздеваться, а мужчина сел на кровать, наблюдая. И только

тогда до меня дошло, на что я буду смотреть.

— Лилит, только не говори мне, что хочешь, чтобы я смотрела, как проститутка обслуживает клиента! — с тревогой посмотрела я на Верховную демонессу.

— Именно, — подтвердила она мои догадки.

— Нет, я не буду! — я, тут же, вскочила с кресла.

— Будешь, — жёстко сказала Лилит, дёргая меня за руку, вновь, усаживая в кресло. — Если хочешь стать той, кем желаешь стать, то будешь. И смотреть будешь и участвовать будешь, если потребуется. Если не согласна с этим, то вставай и уходи.

Я бросила на Лилит злой взгляд, но осталась сидеть.

— Молодец, — похвалила демонесса. — Теперь, смотри внимательно.

— На что? На то, как они трахаются? — раздражённо сказала я, тем не менее, заставляя себя смотреть на это.

— Нет, Милена. Ты должна смотреть не на это.

— А на что тогда? — с досадой, произнесла я, наблюдая, как женщина, уже раздевшись, подходит к мужчине.

— Смотри на то, как она себя ведёт. Проститутки (что люди, что демоны) никогда не позволяют себе ничего лишнего. Они делают ровно столько, за что им заплатили. По крайней мере, так делают профессиональные проститутки. И ты сейчас смотришь на одну из них.

— С чего ты это взяла?

— Я знакома с этой демонессой, кажется, уже около тысячи лет. Сама с ней развлекалась. Поэтому, я точно знаю, что она идеально контролирует своё тело. Она получает удовольствие — да. Но, она никогда не позволяет этому удовольствию взять над собой верх. По крайней мере, когда она с клиентом.

Демонесса подошла к мужчине, начала его раздевать... Рубашка, брюки... Затем, демонесса села на мужчину сверху, лёгким толчком заставила его лечь. Почему-то, в этот момент, у меня возникла неприятная ассоциация с моим первым балом в мире демонов. Тот момент, когда я сама сидела на Люцифере. Вся эта похоть, грязь, насилие... Вспомнив это, мне совершенно расхотелось смотреть на происходящее (хотя, и до этого-то никакого желания не было). Я отвернулась.

— Не отворачивайся, — услышала я недовольный голос Лилит. — Смотри.

— Не могу!

— Можешь, Милена.

— Не могу! — замотала я головой.

— Посмотри на меня! — приказала Верховная демонесса, встав со своего кресла, подойдя ко мне и, двумя пальцами, приподняв мой подбородок. — О чём ты сейчас думаешь, Милена? О том, что то, что происходит — это пошло, мерзко, грязно? Да, так и есть. Но, тебе-то придётся заниматься тем же самым. Ты же это понимаешь?

— А как же твои слова о том, чтобы я не ровняла себя с теми, кто работает в борделе?

— А я тебя с ними и не ровняю, — возразила Лилит. — Но, тебе тоже придётся добиваться своих целей своим телом. И для этого тебе надо научиться пользоваться им.

— То есть, я стану элитной шлюхой, — заключила я, смотря в глаза демонессы разврата.

— Да, ты станешь элитной шлюхой, — подтвердила Лилит. — Это же и является тем, что ты хочешь от меня. Не так ли?

Несколько секунд мы ещё смотрели друг на друга, пока я не сказала:

— Отойди. Ты загораживаешь мне обзор.

Верховная демонесса отошла от меня, явно, довольная моим решением. А была ли я им довольна? Совсем нет. Но, раз уж решила, надо было смотреть до конца. И я смотрела. Смотрела, как демонесса двигается на своём партнёре, смотрела, как она управляет своими действиями. Она мягко, но, одновременно, и жёстко пресекала все попытки мужчины сделать что-то самому.

— Этот мужчина, в принципе, не любит, когда женщина берёт инициативу в свои руки, — сообщила мне Лилит. — Но, ей он это позволяет.

— Почему?

— Потому, что его всё устраивает. Она не пытается взять над ним верх. Но, она делает так, что у него нет никакого желания мешать ей. Она знает, как и где к нему прикоснуться, как ей двигаться... Запомни, Милена, если мужчине нравится то, что ты делаешь, он никогда не будет чинить тебе препятствия в этом. Есть, конечно, мужчины, с которыми этот номер не пройдёт, но... к каждому можно найти свой подход.

А сцена за стеклянной стеной, тем временем, завершилась.

— Так быстро? — удивилась я.

— За какое количество времени он заплатил, столько это и будет длиться — не больше, но и не меньше. Эта женщина знает, когда нужно остановиться. Даже если ей до оргазма остаётся совсем чуть-чуть... она возьмёт себя в руки и остановится, так как время вышло. Это можно контролировать, поэтому я и решила показать тебе это, когда ты мне сказал, что это — сложно.

— И чем же мне, вообще, поможет то, что я в любой момент смогу остановиться? — всё никак не могла я понять.

— Тебе это поможет в том, что ты не будешь зависеть от своих чувств. Согласись, что это — не мало.

— Госпожа Милена, — прямо передо мной материализовался Драйк.

Вздрагнув от неожиданности, но, тем не менее, быстро взяв себя в руки, я вопросительно посмотрела на слугу, ожидая, пока он скажет, зачем пришёл.

— Госпожа Милена, к вам, в Зиграден пришёл ваш супруг. Желает встречи, — по голосу Драйка было ясно, что не «желает», а требует.

— Он же говорил, что придёт сегодня, — вспомнила я слова Ферокса, когда он уходил от Люцифера. — Совсем про это забыла.

— Тогда, иди к своему муженьку, — встала с кресла Лилит. — Может, сегодня испробуешь на нём мои уроки?

— Ага, так он и позволит мне остановиться тогда, когда я захочу, — с сарказмом, произнесла я.

— Я про то, что тебе надо попытаться избавиться от своего страха перед ним. Проявить инициативу, а не просто лежать бревном или делать только то, что ему хочется.

— Мою ситуацию ещё осложняет кровь драконов, — сказала я, добавив про себя: «И «оковы неволи», о которых ты не знаешь, Лилит». — Ты представить не можешь, насколько эта кровь разрушает самоконтроль.

— Да, я не могу этого представить, — согласилась Лилит. — Но, по крайней мере, до того, как ты впадёшь в неадекватное состояние, постарайся, всё-таки, что-нибудь сделать. Удиви своего супруга.

— О да! Я его так удивлю, что Ферокс потом будет, долго и упорно, отучивать меня от попытки его удивить!

— Не будь пессимисткой, Милена. В любом случае, он же тебя не убьёт. Встретимся завтра, — и Лилит покинула комнату.

— Убить-то он меня не убьёт, но хорошего будет мало, — пробормотала я самой себе под нос.

Драйк отвёл меня в Зиграден. Там, в моей спальне, меня ждал мой ненавистный супруг — Ферокс.

— Интересно, где котёнок гулял без своего хозяина? — лениво, расслабленно, но с еле слышимой угрозой в голосе, от которой меня бросило в дрожь, спросил Ферокс.

— В Пандемониуме была, — тем не менее, как можно спокойнее, ответила я. — С Лилит.

— С Лилит? — удивлённо переспросил бог-дракон. — С Верховной демонессой разврата и проституции? Что у тебя с ней общего?

— Ничего. Но, мне же нужно покровительство Верховного демона. Вот, я и выбрала её.

— И каким же, интересно, образом котёнок хочет получить её покровительство? — с неподдельным интересом в голосе, произнёс мужчина.

— А какая разница? — пожала я плечами. — Ты же мне позволил использовать абсолютно любые способы.

— Позволил. Но, это не значит, что я не хочу знать о том, что именно ты ей предлагаешь.

— Может, я переспать ей предложила.

— Кому? — не понял Ферокс.

— Лилит.

— В смысле?

— В прямом. Сексом я согласилась с ней заняться.

— И... Лилит согласилась?

— На секс — да. На покровительство — нет.

— Не думал, что тебя привлекают женщины, котёнок.

— Вообще-то, они меня не привлекают, — ответила я. — Просто, я больше ничего не придумала, что могу предложить. А так... никогда не замечала за собой бисексуальных наклонностей. Но тебе-то откуда это знать, Ферокс? Тебе же плевать, что творится у меня в душе, что я чувствую, чем живу. Я тебя интересую только в качестве матери твоего наследника. Ну, ещё, может быть, как объект удовлетворения сексуальных желаний.

— А тебя это злит, котёнок? Ты бы хотела, чтобы я интересовался тобой, как личностью? — с издёвкой спросил Ферокс.

— Может быть и не совсем, но... у тебя ко мне слишком потребительское отношение, — заявила я.

«И что же я делаю? — растерянно подумала я про себя. — Это я таким «чудесным» способом пытаюсь избавиться от страха? Это — способ самоубийцы! Тем более что мне, ну совершенно, не хочется, чтобы Ферокс как-то интересовался моей личностью».

— Говоришь, у меня к тебе слишком потребительское отношение, котёнок? А на что ещё ты рассчитывала?

— Да, в общем-то, ни на что, — вздохнула я, стала снимать с себя одежду и посмотрела на Ферокса. — Ты же за этим сюда пришёл?

— Подойди.

Я подошла к Фероксу. Он, сидя на кровати, притянул меня к себе.

— Ты пахнешь Лилит, — сказал он.

— Ну, я же сказала, что от секса она не отказалась.

— Но, если она не оказывает тебе покровительства, зачем ты согласилась спать с ней, если тебя не привлекают женщины?

В голосе Ферокса мне послышалось сильное недовольство.

— А что? Ты ревнуешь? — поинтересовалась я, нарочито, с насмешкой.

— Ревную? Не смейся! — фыркнул Ферокс. — Я просто не понимаю мотив твоего поступка.

— Мне захотелось попробовать чего-нибудь необычного. Такой мотив тебя устроит?

— А тебе не кажется, котёнок, что у тебя слишком наглый тон?

Почувствовав в голосе мужа неприкрытую злость, я поняла, что уже перехожу грань дозволенного.

«Ладно, по крайней мере, понятно — до какой степени его можно доводить. Пора идти на попятную» — решила я.

— Прости, Ферокс, — произнесла я, чуть виновато. — Я забылась.

Ферокс, мягко говоря, несколько удивился моей покладистости. Так удивился, что даже злиться перестал.

— Как-то ты слишком быстро успокоилась, — сказал мужчина, внимательно смотря на меня, видимо, ища какой-то подвох.

— Может я, наконец-то, решила стать хорошей и покладистой? — предположила я, потянувшись к его плечам.

Мои руки перехватили и посмотрели на меня очень недоверчиво:

— Что ты делаешь?

— Дотронуться до тебя хочу, — ответила я, глядя ему в глаза. — Можно?

— Лилит странно на тебя повлияла, — сказал Ферокс, отпуская мои руки.

Я восприняла получение свободы, как разрешение. Я прикоснулась к его плечам, рукам...

«А, ведь, у Ферокса тоже должны быть эрогенные зоны, — вдруг, пришла мне в голову мысль. — Интересно, где? И смогу ли я это выяснить до того, как кровь драконов мне крышу снесёт?».

Я начала расстёгивать рубашку Ферокса. Он мне не мешал — просто наблюдал, с большим интересом. А я, сняв с него рубашку, опустилась перед ним на колени и стала расстёгивать ремень его брюк. Отогнав от себя неприятное воспоминание о том, что очень похожая сцена имела место быть с демонов-войны — Абигором, я продолжила. Но, когда я уже расстегнула его брюки, Ферокс подхватил меня под руки, усаживая меня на себя.

— Не могу сказать, что столь резкие перемены мне не интересны, — сказал он. — Но, увы, мой дорогой котёнок, времени у меня немного, так что свои порывы в моём исследовании осуществишь в следующий раз.

«Да чтоб тебя!» — с досадой подумала я, ощутив, как от горячего дыхания Ферокса на моей шее, сознание застилает туман похоти и дикого желания.

Глава 16.

«По крайней мере, я могу сделать несколько выводов, — лежала я одна, под шёлковым чёрным покрывалом, на кровати. — Во-первых, наглеть с Фероксом можно, но до определённого момента. Во всяком случае, до тех пор, пока моя наглость вызывает у него, лишь, интерес, а не злость. Во-вторых, инициативу я, всё-таки, проявлять могу. Правда, из-за того, что он не дал мне продолжить, я не знаю — до какой степени я могу эту самую инициативу проявлять».

Я встала с постели, подошла к окну. «Какое же жуткое небо в мире демонов, — посмотрела я на чёрное небо, без солнца; небо, из которого если и пойдёт дождь, то, разве что, из пепла. — В мире драконов, хотя бы, есть солнце и звёзды. А здесь... вообще, ничего. Одна чернота. И как жить-то под таким небом? И как под ним будет жить мой ребёнок?».

— Муженёк уже ушёл восвояси? — услышала я голос за своей спиной.

— Да, Ферокс ушёл, — сказала я Лексу, оборачиваясь. — А ты-то где был всё это время?

— Дела, дела, дела, — ответил он. — Сплошные дела.

— И как ты ещё умудряешься живым-то быть, оставаясь в мире демонов? — этот вопрос меня, действительно, волновал. — И, главное, зачем ты здесь остаёшься, подвергая себя опасности?

— Я тебе говорил, Милена, что договор между мной и твоим отцом — действующий.

— И это... единственная причина?

— Ещё — мне интересно. Такой ответ устроит?

Не знаю — почему, но мне казалось, что он должен сказать что-то ещё. Назвать ещё одну причину своего нахождения рядом со мной. Логического объяснения этому не было, но... я была, почти, уверена в этом.

— Действительно, забыла... — сказал Лекс себе под нос, но я его услышала.

— О чём забыла?

— Ни о чём. Не бери в голову. Кстати, Милена, а ты ничего не замечаешь?

— А что я должна заметить? — с недоумением спросила я, оглядывая комнату и, также, находя в ней Блэка и Рейфа.

— Ну, я-то, в принципе, не против, что ты передо мной голая стоишь, — произнёс Мейснер, оглядывая меня с ног до головы. — Но... как-то это на тебя не похоже.

— Да я, вообще, не похожа уже на саму себя прежнюю, — вздохнула я, вновь, поворачиваясь к окну, не делая попыток прикрыться (я не училась терять стыд, как говорила мне Лилит — мне просто было всё равно). — Если что-то не нравится, то не смотри.

— Я не сказал, что мне это не нравится, — усмехнулся Лекс. — Я очень даже рад обозревать такой вид.

— Вот и обозревай молча, — отрезала я, пресекая какие-либо попытки развить разговор.

Мне не хотелось разговаривать. Ни с кем. Мне и видеть-то сейчас никого не хотелось. Поэтому я, выяснив у слуг, где здесь ванна, отправилась туда, запретив кому-либо следовать за мной, за исключением, разве что, Блэка (его присутствие меня не раздражало).

Ванная оказалась целым бассейном. Всякие баночки (видимо, с шампунями и тому подобным) стояли здесь же. Не знаю, чем регулировалась температура воды в, так называемой, ванне, но она была горячей. Поэтому я, недолго думая, погрузилась в неё. Блэк, в своём истинном облике, нырнул рядом, довольно фыркая.

«Странно, — думала я, наблюдая за резвящимся Блэком. — Салеры, вроде как, ведут себя, практически, по-кошачьи. А кошки боятся воды. А Блэк сейчас такой довольный. Не то, что когда я мыла его в ванне, в «Шисуне». Или в мире демонов какая-то вода особая?». Но, я не стала заморачиваться по этому поводу. Нравится ему плавать — пусть плавает. А я, расслабившись в горячей воде, перешла к своим насущным проблемам.

«Стоит ли продолжать уроки с Лилит? — размышляла я. — Ответ, конечно, очевиден — стоит. Я сама этого хотела и, примерно, представляла, на что иду. Но, у меня стойкое осознание того, что меня засасывает в болото. Вязкое, грязное, чёрное болото. И это болото засасывает меня всё глубже и глубже. Ещё чуть-чуть и я никогда не смогу из него выбраться. Но, при помощи Лилит (и не только её), я сама ныряю в это «болото» — с головой и с удовольствием. Ладно, вру — не с удовольствием, но по своему желанию».

— Милена грустит, — прижался ко мне Блэк, в облике подростка.

— В последнее время, это моё обычное состояние. Не обращай внимания.

— Я не могу не обращать внимания на грусть Милены, — возразил салер, уткнувшись носом мне в плечо и обняв меня.

«Мне вот только разреветься сейчас не хватало для полного счастья!» — недовольно подумала я, почувствовав, как от объятий Блэка у меня, предательски, защипало глаза. Причём, никаких интимных мыслей голый Блэк не вызывал. Он чётко ассоциировался со звериным обликом салера. А вот приступ жалости к самой себе, Блэк мог вызвать легко. Особенно сейчас, когда я сама была, как один большой стресс и когда салер ко мне прижимался... хотелось разреветься навзрыд от жестокости этого мира к моей скромной персоне.

«Так, Милена, тебе нельзя сейчас расклеиваться! Уж лучше способом Рейфа в себя приходиться!».

Я торопливо вылезла из ванны, вытерлась и, ничего не говоря Блэку, ушла в спальню, так как прекрасно знала, что если он мне ещё что-нибудь жалостливое скажет, то я, точно, расплачусь.

Распахнув дверь в спальню, я, с порога, спросила:

— Рейф, хочешь моей крови?

Лекс посмотрел на меня, как на больную. Рейф же взглянул на меня голодным взглядом, сказав:

— Ты же знаешь, Милена, что я всегда её хочу.

— Тогда, бери, — я подошла к нему, протянув запястье. — Но, с одним условием. Использовать только зубы — никаких ножей, лезвий и так далее. И... я хочу, чтобы это было, как можно, больнее.

— Об этом могла и не просить, Милена, — ответил Рейф, хватая мою руку и вцепляясь в запястье зубами.

— Милена, с каких это пор, ты увлеклась мазохизмом?! — с изумлением смотрел на меня и гипнотизёра Лекс.

— С недавних, — ответила я, наблюдая, как капли моей крови уже падают на пол.

— И в чём смысл этого мазохизма?

— А я таким образом ощущаю себя живой, — не стала я ничего скрывать от киллера. — И это помогает отвлечься от всех мыслей.

— Если хочешь, я тоже могу помочь тебе в этом, — предложил Мейснер, приближаясь к нам. — Мне тоже нравится твоя кровь.

— Может, она тебе и нравится, но ты от неё не зависим, Лекс, — возразила я. — Ты зависим от крови демонов в целом, но не от моей.

— А тебе, не всё ли равно, кто делает то, что ты хочешь — тот, кто зависит от твоей крови или нет? — он взял меня за вторую руку, погладив пальцами запястье.

По спине пробежали мурашки, несмотря на то, что вторую мою руку, практически, грызть Рейф.

«Нет уж! Пусть лучше будет больно, чем я сейчас получу удовольствие от поглаживания моих запястий» — решила я и сказала Лексу:

— Ладно, чёрт с тобой. Ты тоже можешь.

Повторять Мейснеру не пришлось. Только, в отличие от Рейфа, Лекс кожу, всё-таки, разрезал лезвием. Но, разрезал так, что боль пришла сразу и она никуда не ушла, а стала только нарастать. А со стороны это, наверное, была более чем странная картина — обнажённая девушка и двое мужчин, слизывающие кровь с её запястий. А я в это время могла забыть и ни о чём не думать. Перенося все свои ощущения и чувства на физическую боль, я просто отдавалась ей полностью. Видимо, действительно, я стала какой-то мазохисткой.

«А раны-то стали заживать очень быстро, — с удивлением подумала я, заметив, что и Лексу и Рейфу пришлось повреждать кожу второй раз, так как раны очень быстро затянулись. — Может, это из-за крови Люцифера? Если так, то этот эффект останется навсегда или потом пройдёт?».

Но, долго мне думать про это не дали. Рейф, как вампир, вцепился в мою шею. Думать о чём-то в этот момент стало невозможно. Лекс продолжал истязать мои руки.

Минут через пять после начала всего этого кровавого действия, Лекс, видимо, уже напившись моей крови (он не сидел на ней, как наркоман, в отличие от Рейфа, которого надо, в конце концов, просто останавливать, так как сам гипнотизёр остановиться не мог), отпустил мои руки. Но, от меня наёмный убийца не отошёл. Наоборот, я начала ощущать, как его руки ласкают меня. Рейф, на секунду отвлекшийся от моей шеи, посмотрел на действия Мейснера, довольно ухмыльнулся и толкнул меня на кровать, которая находилась от нас в шаговой доступности.

Осознав, что болевая терапия может закончиться так же, как в прошлый раз, но уже не с одним Рейфом, а ещё и с Лексом, я поняла, что надо это предотвратить. Тем более что в этот раз я соображала куда лучше, чем тогда и секс с двумя мужчинами меня несколько не прельщал.

— Рейф, Лекс! Быстро успокойтесь и отошли от меня! — приказным тоном сказала я.

Рейф, обладающий способностью отлично чувствовать моё настроение, понял, что мне, действительно, не нравится происходящее и настаивать не стал. Он быстро слизнул последние капли крови с, уже заживающей, рваной раны на шее и, с видом полного удовлетворения и, всё-таки, некоторым недовольством от того, что «банкет» не продолжился, развалился в кресле. А вот Лекс... Лекс даже на миллиметр от меня не отодвинулся. Он смотрел на меня каким-то странным взглядом, очень похожим на тот, которым он одарил меня тогда, когда впервые попробовал мою кровь, на встрече со

Стефаном Краусом. Без эмоциональные глаза змеи превратились в глаза волка, видящего перед собой свою добычу. Мейснер, лишь, сказал:

— Я не обязан выполнять твои приказы, Милена. Я — не Рейф.

— А, разве, тебя не нанял мой отец для моей защиты? — поинтересовалась я.

— Так, я же не собираюсь лишать тебя жизни, — возразил Лекс.

— Да, ты собираешься меня изнасиловать. Помнится, ты говорил когда-то, что изнасилование — это тоже, своего рода, убийство, так как человек становится другим.

— Во-первых, я не думаю, что если ты получишь удовольствие — это будет изнасилованием. А во-вторых... В мире демонов и в мире драконов ты уже провела достаточно времени. Не может быть, чтобы тебя не взяли за это время, хоть раз, против воли. Во всяком случае, твой муж — точно. Да ещё и этот бал демонов, на котором ты была... Только не говори мне, что там с тобой ничего не произошло. Так что, в принципе, к насилию ты должна была уже привыкнуть и ещё одно не повлияет на твоё психическое здоровье.

— Ты, правда, так считаешь?! — со злостью посмотрела я на мужчину, который уже, буквально, навис надо мной. — Хочешь трахнуть меня с мыслью, что мне это понравится и я буду потом вести себя, как обычно?!

— А почему нет? — с усмешкой ответил Лекс. — Кстати, — он провёл рукой по моей талии, бёдрам. — Ты же сама виновата в том, что сейчас происходит.

— Интересно, это каким же образом я стала виноватой?! — странно, но страха я не испытывала — только злость и раздражение.

— Обнажённая девушка, позволяющая прикасаться к ней, пусть и таким специфическим способом... Как считаешь — это может оставить мужчину равнодушным?

— Да ты за всё время нашего знакомства никакого сексуального интереса ко мне проявлял! — возмущённо воскликнула я.

— И тебя это расстраивает?

— Нет! Я имею в виду, что откуда я могла знать, что ты, вдруг, захочешь со мной переспать!

— Ну, Милена... Я, конечно, знал, что ты наивна в какой-то степени, но чтобы до такого! — рассмеялся Лекс. — Даже если я тебя никогда не хотел, вид голой красивой девушки возбудит любого!

— В общем, Лекс, быстро отойди от меня или...

— Или что? — с интересом спросил Мейснер. — Что ты сделаешь?

— Драйка позову, — ответила я. — Вот и всё.

— А почему не Рейфа? — кинул Лекс взгляд на спокойно сидящего рыжего садиста. — Он ближе.

— Я знаю, что Рейф слабее тебя, Лекс. Хотя, ты его, всё равно, не убьёшь, так как тогда убьёшь и меня, но... при видимом перевесе силы в одну сторону, ты легко сможешь с ним справиться и не убивая, — объяснила я.

— Возможно. Но, это дало бы тебе время сбежать.

— Бежать из своей собственной спальни? — фыркнула я. — Ну, уж нет! До такого ты меня не доведёшь, Лекс! И с чего ты взял, что Рейф ближе, чем Драйк? Драйк, где бы он ни был, если я его позову, тут же явится. Ну, так что? Драйка звать?

— Ладно, убедила. Сражаться с твоим слугой, из-за секса, у меня желания мало, — Лекс прекратил нависать надо мной и от кровати отошёл, хотя и с явной неохотой. — Но, мой

тебе совет на будущее, Милена. Может, не стоит так легко ходить голой перед кем-то?

— Не тебе учить меня правилам приличия, Лекс! — огрызнулась я. — Как захочу, так и буду ходить!

— Лично меня такой внешний вид Милены полностью устраивает, — заявила, вошедшая в спальню, Лилит. — А если кого-то что-то не устраивает... то он может засунуть своё мнение себе в задницу.

— Да меня-то всё устраивает, — поспешил сказать Лекс, видимо, почувствовав — кто перед ним. — Меня только расстраивает, что Милена не понимает, как она может повлиять на окружающих её мужчин.

— Последнее я постараюсь исправить, — пообещала Лилит. — А теперь, мальчики, оставьте нас. Девочкам надо поболтать на женские темы.

Лекс, сразу же, «просьбу» демонессы исполнил — вышел за дверь. Рейф же внимательно посмотрел на меня, не вставая с кресла. Лишь тогда, когда я кивнула, он встал и ушёл.

— Поразительная преданность, — произнесла Лилит. — Подчиняется только одному хозяину.

— У нас с Рейфом особые отношения, — ответила я. — А ты зачем здесь, Лилит? Я думала, что ты придёшь только завтра.

— Я решила, что если хочу тебя чему-нибудь научить, то обучение должно быть, практически, непрерывным. Ты не согласна?

— Согласна, но... я, вообще-то, скоро спать собиралась.

— Ну, и? Я у тебя останусь.

— Зачем?

— Чтобы скрасить твою одинокую ночь.

— Не такая уж она и одинокая, — возразила я, имея в виду Блэка (и, скорее всего, Рейфа). — Скрашивать мне её не надо.

— Надо, Милена, надо. Тем более, я же сказала, что нам надо поболтать на женские темы. И никакое мужское общество нам здесь не нужно. Во всяком случае, пока. А теперь, расскажи мне, как прошла встреча мужем?

— Нормально. Заинтересовался. Правда, инициативу мне проявить, почти, не дал. Видимо, куда-то спешил Ферокс.

— Будешь пытаться проявить инициативу в дальнейшем?

— Не знаю. Честно, не знаю. Меня пугает то, как может отреагировать Ферокс. И... меня, до сих пор, сковывает смущение.

— Терпеть не могу это слово — смущение! — надула губы, как ребёнок, Лилит. — Это чувство портит всё и не позволяет получать удовольствие в полной мере. И кто его, вообще, придумал?

— Наверное, люди? — предположила я.

— Именно. Люди придумали это чувство, чтобы загнать себя в какие-то рамки. А я — демонесса разврата — избавляю людей от этих рамок. И я обещаю, что и тебя от них избавлю, Милена.

— Многообещающе звучит.

— К тому же, от смущения ты уже избавляешься, — продолжила Верховная демонесса, оглядывая меня. — Своего обнажённого вида ты уже не стесняешься.

— Да дело не в этом, — вздохнула я. — У меня просто такое настроение, что мне всё

равно — кто и в каком виде меня видит. Хотя, и вышло мне это безразличие, немного, боком.

— Ты об этом мужчине, который хотел тебя? — спросила Лилит.

— Да.

— Но, он был прав в том, что ты не понимаешь, как можешь повлиять на мужчин.

— А ты пообещала постараться это исправить, — напомнила я ей.

— Верно. И, первым делом, что я хочу сказать... Это — большая ошибка, чувствовать безразличие, когда ты обнажена. В особенности, когда с тобой находятся мужчины.

— И что же я должна при этом чувствовать? — поинтересовалась я, уже смирившись с тем, что Лилит от меня сегодня не уйдёт.

— Наслаждение. Наслаждение от того, какими похотливыми взглядами тебя оглядывают.

— Во-первых, я не понимаю, как можно получать наслаждение от таких взглядов. А во-вторых, меня такими взглядами, до недавнего времени, никто не оглядывал. Внешность у меня не та.

— Ох, Милена, только давай без твоих детских комплексов по поводу внешности!

— Они не детские, а реальные.

— Так, от комплексов мы твоих избавимся, так что, на время о них забудем. Но, скажу, что женщине не обязательно быть красавицей, чтобы вызывать желание у мужчины. Кстати, я тебе об этом уже говорила.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Лилит опустила рядом со мной на постель. Я попыталась отодвинуться, но меня схватили за руку.

— Ну, что опять такое, Милена? — ласковым голосом произнесла Лилит. — Страх или смущение? Ты меня боишься или стесняешься?

— И то и другое. Я не знаю, что от тебя ждать, Лилит. Я понимаю, что сама попросила тебя о помощи, но... я ничего не могу с собой поделать. Прости, со мной очень сложно.

— Твоя реакция несколько не расстраивает меня, Милена, — демонесса нежно погладила меня по щеке. — Наоборот, ты даже представить не можешь — какое для меня удовольствие превращать такую, как ты — пугливую, стеснительную девочку — в порочную развратную похотливую женщину.

— Для тебя, может быть, и удовольствие, а вот для меня — нет.

— Знаю. Но, ты просто должна научиться получать удовольствие от всего происходящего, — Лилит отпустила мою руку, а, затем, сказала. — Может, разденешь меня?

— Это ещё зачем?! — в шоке, уставилась я на неё.

— Я же не буду спать в одежде, — пожала плечами Верховная демонесса. — Тем более что одежды на мне не так уж и много.

— А может ты, как-нибудь, сама, а? — попыталась я отвертеться от столь бессмысленного, как я думала, действия.

— Давай-давай, Милена. Тебе нужно ко мне привыкнуть, иначе так и будешь шарахаться от меня постоянно. А как я тебя тогда учить буду?

Одарив Лилит не самым дружелюбным взглядом я, тем не менее, послушалась. Первым делом, сняв с Лилит её высокие чёрные сапоги на тонкой шпильке, я замешкалась. На Лилит оставался только красный топ на тонких лямках и кожаные чёрные шортики с разрезами на бёдрах. Мысль что об одном, что о другом предмете гардероба вгоняла меня в краску. Хотя, я

никогда не замечала за собой смущения перед женщиной. Но, видимо, Лилит была отдельной темой. А Лилит, заметив моё замешательство, решила мне помочь. Она положила мои ладони на свою грудь и сказала:

— Начни с этого.

Я искренне прокляла тот день, когда попросила Лилит помочь мне. Но, на попятный идти уже было поздно. Поэтому, я сняла с девушки топ, потом расстегнула ремень и молнию на шортах... Спустила шорты вниз. Всё это было сделано мной с каменным лицом (я пыталась изобразить спокойствие) и с красными щеками. Ещё, я пыталась не смотреть на саму Лилит, усердно всматриваясь куда-то в район её шеи.

— Милена, ты совсем не уделяешь мне внимания! — заметила мой «манёвр» Лилит.

— Почему же? Я, ведь, делаю то, что ты просила, — возразила я.

Демонесса разврата и проституции ничего не ответила. Она, просто-напросто, меня страстно поцеловала. После этого, когда я смотрела на неё ошалевшим взглядом, она удовлетворённо сказала:

— Вот теперь ты на меня смотришь. Объясни-ка мне, почему ты не смотрела на меня до этого?

— Меня это смущает. Раздевать кого-то... Для меня это слишком интимный момент. Единственный, с кем я это делала, это Ферокс. И то, потому, что он меня заставил это сделать.

— А если кто-то, от кого тебе будет что-то нужно, попросит тебя раздеть его? Будешь также вести себя? Раздевать с холодным лицом и бегающим взглядом? Так не пойдёт, Милена. Снятие одежды — это, своего рода, прелюдия. Она не должна быть бесчувственной.

— Прелюдия к чему? К сексу? Так мы и не собирались им заниматься. Я, во всяком случае.

— Даже если и не собирались... Милена, ты учишься на моём примере. И любое действие со мной воспринимай, как задание, цель которого — разбудить твою сексуальность и распущенность, — она положила мои руки на свои бёдра — на те места, где были завязки, которые держали её трусики-стринги, в которых она и была. — Развяжи их, Милена. Но, в этот раз, не отводи от меня свой взгляд.

Я потянула за чёрные шнурки, смотря в глаза Лилит. И, глядя на неё, у меня уже не получалось сохранить, хотя бы, видимость спокойствия. Её горящий, непонятным для меня желанием, взгляд; её пухлые, слегка приоткрытые губы; быстрый язык, скользнувший по тем же губам... Всё это вызывало у меня дрожь и не могу сказать, что неприятную.

— Вот это твоё выражение лица мне нравится куда больше, — довольно улыбнулась Лилит.

Затем, она легла на кровать, заставив меня сесть на себя сверху.

— Я хочу, чтобы ты нашла мои эрогенные зоны, Милена, — произнесла Верховная демонесса. — Также, как я нашла твои.

— Но, зачем?

— Если научишься находить эти точки, то сможешь использовать их в своих интересах. Использовать, чтобы заставлять своих партнёров терять голову — своим телом, своими прикосновениями, своими губами, своим языком... чем угодно. Ты же не будешь отрицать, что тебе это нужно?

Я не ответила, так как мой ответ понятен был и без слов.

Я дотронулась до Лилит, погладила её по животу, по груди...

— О-о, Милена, — разочарованным голосом протянула Лилит. — Так дело не пойдёт. Так ты ничего не сможешь достичь. Забудь, наконец, о целомудренной и стеснительной Милене Бэлоу! Милена Бэлоу не сможет выжить в этом мире! И мне она тоже не нужна. Я хочу видеть здесь не её, а похотливую и развратную Милену Кавэлли! А может, тебе будет проще раскрепоститься, если я позову того мужчину, который хотел переспать с тобой? Или того рыженького?

— Нет, не надо их звать! — замотала я головой. — Я и без них справлюсь!

— Тогда, действуй и больше не разочаровывай меня, Милена.

Я, в первые, за всё время, слышала в голосе Лилит угрозу. Меня это, несколько, напугало, хотя, я и не знала, что она сделает, если я не справлюсь. Просто уйдёт и не вернётся? Или сделает что-то ещё? Проверять мне этого не хотелось.

Я наклонилась к Лилит и сама её поцеловала, надеясь, таким образом, отвлечь демонессу от негативных эмоций, вызванных моим неумением. Видимо, у меня это получилось, так как Лилит, тут же, откликнулась на поцелуй. Не прерываясь, я, одной рукой, сжала сосок на её груди, второй погладила участок, ниже живота. При этом я пыталась понять, где же Лилит получает удовольствие больше всего. Оторвавшись от её губ, я раздвинула её ноги, вклинилась коленями между ними. Опустившись ниже, наклонила голову к её животу, провела по нему языком, оставляя влажную полосу от пупка Верховной демонессы до низа живота.

— Вот, теперь ты мне нравишься, Милена, — сказала Лилит. — Ты делаешь успехи. На этом, это задание можно закончить.

— Закончить?! — с изумлением подняла я голову. — Но, я же ещё не...

— Не нашла мои эрогенные зоны? Ты их и не найдёшь, если я этого не захочу! — засмеялась девушка.

— То есть?

— Я — демонесса разврата и одна из моих способностей — это выбирать свои чувствительные точки. Я контролирую их и могу изменять. В один день эрогенной зоной может быть всё моё тело, а в другой день, лишь, маленький участок за ушком.

— Но, тогда зачем ты хотела, чтобы я это сделала?

— Я тебе уже говорила, что я учу тебя. И у тебя что-то начинает получаться. Кстати, вопрос на засыпку, так сказать. Как ты думаешь, кто доминирует при сексе — тот, кто сверху или тот, кто снизу? — спросила меня Лилит.

— Конечно, тот, кто сверху, — не задумываясь, ответила я.

— Ответ неверный. Сядь на меня, как раньше, — приказала демонесса.

Я села. Лилит сжала мои бёдра, положила свою руку мне на затылок, заставляя наклониться. Её язык мягко провёл по моим губам, по шее... Её пальцы сильнее сжали бёдра, она начала медленно двигаться.

— Ну, чувствуешь себя доминирующей? — чуть хрипло, произнесла Лилит.

— Нет.

— Как же так? Ты же находишься сверху, — с наигранным удивлением поинтересовалась Верховная демонесса. — Разве, нет?

— Да.

— Тогда, ответь, почему ты не правишь сейчас положением?

— Ты сильнее меня? — предположила я.

— Не только, — покачала головой демонесса. — Как видишь, сейчас я не использую

никакую силу, в которой я тебя превосхожу — ни магическую, ни физическую. Однако, я, всё равно, в данный момент, занимаю главенствующую позицию. Почему? Всё очень просто. Я себя так ставлю и не более того. Снизу я или сверху — неважно. Я сама выбираю, каким будет следующее действие. Я так хочу.

— Но, я не могу себе такого позволить, — запротестовала я. — Я не могу делать то, что я хочу. Даже в сексе.

— Это ты так думаешь, Милена. Ты сама себя так поставила.

— Нет! Это не так! Я не ставила себя таким образом! Это всё из-за этого! — я коснулась «оков неволи», которые, я знала, никто не увидит, без моего желания, а я сейчас хотела, чтобы Лилит их увидела. — Ты же знаешь, что это, Лилит?

— «Оковы неволи».

— Если ты знаешь, что это, то ты знаешь, что они делают, верно? Теперь, ты понимаешь, почему я ничего не могу себе позволить?

— И кто же является хозяевами этих «оков»? — не стала отвечать Лилит на мой вопрос.

— Ферокс и Люцифер. Как видишь, у меня никогда не будет возможности избавиться от этих ошейников. Ведь, снять их может, лишь, тот, кто их надел или тот, кто сильнее того, кто их надел. А я не могу себе представить никого, сильнее Люцифера или Ферокса. А сами они, уж точно, никогда их не снимут.

— С последним соглашусь. Но, ведь «оковы неволи» используют только тогда, когда их хозяевам что-то не нравится. А если им понравится, то почему нет? Помнишь ту демонессу, которую мы видели сегодня в борделе и что я тебе о ней сегодня говорила? И последнее. Ты сама сказала, что Ферокс заинтересовался тем, что ты делала.

— Это — да, но... Ты не представляешь, как давят эти ошейники на шею. Ты не знаешь, какую боль они причиняют только за то, что я о чём-то не о том подумала. Мне страшно даже подумать о том, что этим двоим что-то придёт не по вкусу. Потому, что если им что-то не понравится, они могут навредить не только мне, но и моему... — я осеклась. — Впрочем, неважно. В общем, то, чему я учусь у тебя, Лилит, я хочу использовать на других, но, ни в коем случае, не на Фероксе или Люцифере.

— Используй моё обучение, как хочешь и на ком хочешь, Милена. Но, я могу сказать тебе, что, в конце концов, ты захочешь поэкспериментировать с Люцифером и Фероксом и я считаю, что результат тебя приятно удивит.

— Сильно в этом сомневаюсь.

Я тяжело вздохнула и села рядом с Лилит. Почему-то, сейчас я вспомнила все те несчастья, что свалились на меня. Нет, я и до этого о них не забывала, но... у меня просто не было возможности заострять на этом внимание. А сейчас, когда я просто сидела на кровати, когда я никуда не должна была идти, когда меня никто не хотел... Настроение стало ещё более паршивым, чем, если бы тогда, когда меня кто-нибудь имел. Сейчас мне не на что было отвлечься. Меня просто поглощали мои же собственные мысли — мысли о смерти Кая, о гибели «Шисуны», о Фероксе и Люцифере... обо всём том, что случилось за столь короткое время. От мыслей обо всём этом хотелось удавиться.

Внезапно, я почувствовала, как Лилит зашевелилась на кровати. Судя по звуку, она села.

— Я знаю, что эмоциям людей требуется выход и, отнюдь, не такой, какой используют демоны. Когда демону требуется выплеснуть свои эмоции, он использует насилие — убивает кого-то, калечит, насилует, пытается... У людей с этим сложнее, а ты считала себя человеком слишком долго. Думаю, скоро ты научишься вести себя, как демон, а пока... — Лилит,

неожиданно, приобняла меня, притянула к себе. — А пока, избавляйся от стресса, как тебе будет угодно.

Я, сначала, растерялась от такого неожиданного поведения Лилит, а потом... потом я сделала то, что не позволила себе с Блэком — разревелась навзрыд! Жуть, как странно, правда? Дать себе волю с демонессой разврата и проституции, которую я и знала-то всего ничего? Может, это и так, но это ощущение кого-то рядом, кто не собирается применять к тебе насилие; того, кто просто обнимает тебя и прижимает к себе... всё это дало трещину в моём самообладании и я не смогла удержать себя в руках. Я плакала и не могла остановиться. А Лилит молча прижимала меня к своей груди. И тогда и сейчас, я понимаю, что Верховной демонессе, вовсе, не было меня жаль. Ей просто было нужно, чтобы стресс, копившийся во мне всё это время, вышел наружу и, в дальнейшем, не мешал ни мне, ни ей. Но, даже осознавая это, я была благодарна ей за то, что она тогда позволила мне просто порыдать.

Глава 17.

— Милена, просыпайся, — меня разбудил женский голос и сочный поцелуй в губы.

Открыв глаза, я увидела перед собой лицо Лилит.

— А? Что? Уже утро? — сонно пробормотала я, вглядываясь в черноту окна (по небу в мире демонов невозможно было понять — день или ночь).

— Почти день, — ответила Лилит.

«Интересно, во сколько мы вчера заснули?» — подумала я, но вспомнить так и не смогла.

Я помнила только, что после того, как я наплакалась вволю и немного успокоилась, Лилит потребовала у моих слуг, чтобы нам в спальню принесли ужин и несколько бутылок вина. По поводу последнего я постаралась возразить, но Лилит и внимания не обратила на это. Потом, после ужина, она заставила меня выпить бокал вина, потом второй, третий... После полностью выпитой бутылки и начатой второй, меня потянуло на разговоры. Я рассказала Лилит почти всю свою жизнь, все свои проблемы, все свои несчастья... Демонесса слушала меня, не перебивая, время от времени, вставляя свои комментарии. Пару раз меня снова тянуло на «поплакать», но быстро успокаиваясь, я продолжала.

Немного протрезвев на какое-то время и поняв, что я делаю, я произнесла:

— Женской дружбы, ведь, не бывает.

— Не бывает, — согласилась Лилит.

— Тогда, почему ты выслушиваешь всё то, что я говорю?

— А кто говорит о дружбе между нами? — с удивлением спросила демонесса, подливая себе и мне вина. — Ты — моя ученица и та, кто привлекает меня в сексуальном плане. Вот и всё. Ни о какой дружбе здесь речи нет.

— И этого достаточно, чтобы терпеть мои слёзы и тот бред, что я несу?

— Вполне.

Больше я в эту ночь ни о чём её не спрашивала. А вот то, что было потом, я помню плохо — как в тумане. Помню только какие-то кадры и ощущения. Ощущение прикосновений, поцелуев, ласк... Помню свои стоны и стоны Лилит... Потом мы с Лилит, вроде, пили что-то ещё, покрепче вина. Потом, в воспоминаниях, откуда-то, взялись Лекс с Рейфом... И снова, тоже самое, что было до этого с Лилит — прикосновения, ласки и...

Я потрясла головой, отгоняя от себя эти сцены.

— Лилит, скажи только честно, — начала я, надеясь, что если и не всё, то, хотя бы, часть мне, просто-напросто, приснилась. — Сегодня ночью... у нас же не были Рейф и Лекс?

— Почему же — не были? — усмехнулась Лилит. — Были.

— И... и что было?

— Ничего особенного, — пожала плечами демонесса. — Просто секс.

— Просто секс?! — в панике, воскликнула я. — Просто секс с двумя мужчинами, да ещё и с тобой?! Это же оргия какая-то получается!

— Да что же ты так расстраиваешься-то? У тебя же был опыт с двумя — с Люцифером и Фероксом.

— Да, но тогда никого не интересовало моё согласие!

— Тогда, тем более, почему переживаешь? Твоё мнение мы спросили — ты была очень даже «за».

— Я была пьяна! — возразила я. — И, между прочим, по твоей вине! Кстати, а откуда, вообще, взялись Рейф с Лексом? Ты же их прогнала.

— Я их прогнала, и я же позвала их, — просто ответила Лилит.

— То есть?

— Я их позвала и предложила им секс с тобой. Конечно, если ты не будешь против. А ты против не была.

— Но, зачем? — потрясённо спросила я.

— Затем, что в трезвом виде ты бы долго не могла решиться на такое. А сделать это тебе бы, всё равно, пришлось.

— Так, ты нарочно меня напоила, — поняла я. — Но, ведь, в этом не было никакого смысла. Я же плохо помню эту ночь.

— Ты — может и плохо. Но, твоё тело её запомнило очень хорошо. И, поверь мне, ему это понравилось.

— А... почему я не чувствую никаких последствий этой ночи? Уж не знаю, как Лекс, но Рейф не может без того, чтобы, по крайней мере, меня не укусить.

— Это я заметила! — рассмеялась девушка. — Всё это было — и укусы и засосы и царапины... но, всё это зажило.

— Зажило? Но, как?

— Наверное, кровь твоего отца, окончательно, проснулась и теперь позволяет тебе залечивать повреждения тела почти с такой же быстротой, как это делают демоны или драконы. Ах да, Милена, я забыла тебе сказать кое-что вчера. Тебя сегодня пригласили на бал Люцифера, в Пандемониум. Отказ, разумеется, не принимается.

— И ты забыла сказать мне вчера об этом? — возмутилась я.

— Ну, с кем не бывает? Кстати, бал начнётся через час, так что тебе осталось время только на то, чтобы одеться.

— Ещё лучше, — буркнула я, про себя представляя одну картину хуже другой — того, что может, в этот раз, произойти со мной в Пандемониуме.

— Милена, ты мне вчера говорила о том, что твоя подруга забеременела после изнасилования, — оторвала меня Лилит от моих «чудесных» фантазий. — А откуда ты об этом узнала? Ты же не могла встретиться с ней в человеческом мире.

Я задумалась. А, действительно, как я узнала о беременности Лави? Я не могла этого вспомнить. Я только, отчётливо, знала, что об этом мне сказала сама Лави. Но, как и когда?

— Я не помню, — сказала я Лилит. — Возможно, она мне сказала об этом до того, как я оказалась в мире демонов?

— Ты меня или себя спрашиваешь? Ладно, забудь пока о своих провалах в памяти, — Верховная демонесса подошла к моему шкафу с одеждой. — Сейчас надо решить, что тебе одеть.

— Да какая разница? — легкомысленно махнула я рукой.

— Не скажи — разница есть, — ответила Лилит, осматривая содержимое гардероба. — Например, длинное платье я бы посоветовала тебе, ни в коем случае, не надевать.

— Почему?

— В твоём случае — это будет, как показатель скромности и, соответственно,

отрицание того, кем ты теперь являешься. Ведь, демоны чувством скромности обделены, как ты должна была уже заметить. А тебе же нужно, вовсе, не это, согласишься.

Вспомнив, в какой одежде были демонессы на моём первом балу (то есть, практически, без неё), я занервничала и, тут же, попросила Лилит:

— Может, не стоит одевать меня слишком откровенно, а? По крайней мере, для этого раза? Я согласна на что-нибудь короткое, но... не совсем, какое-нибудь, нижнее бельё.

— Не нижнее бельё, говоришь? — задумчиво протянула девушка. — Хорошо, бельё будет в следующий раз. А сегодня... Вот, — Лилит вытащила из шкафа какое-то платье и кинуло его мне. — Это, вполне, подойдёт.

В моих руках было очень необычное платье (во всяком случае, для меня оно было необычным). Оно было чисто чёрного цвета, без каких-либо добавлений других цветов. Глубокий вырез на груди, на спине. А необычность состояла в том, что оно было коротким спереди и длинным сзади. Спереди оно, наверно, закроет меня... Чёрт, да я, вообще, не была уверена, что передняя юбка что-нибудь закроет! Задняя же была, как длинный шлейф, по верху украшенный сеткой, с узорами из цветов.

— Надевай, — велела Лилит. — Я посмотрю на тебя в нём.

Решив, что перечить смысла нет (тем более что для Лилит это было очень скромное платье), я его надела. Ну, что сказать? По размеру-то оно село идеально (впрочем, как и все вещи из моего гардероба, которые, вообще, неизвестно — откуда взялись), но... как я и боялась, спереди было видно всё. Точнее, оно едва-едва прикрывало, но и то только в том случае, если я просто стою, не хожу и не сижу. Я уж не говорю о вырезе на груди, который эту самую грудь открывал полностью, скрывая только соски. Вырез на спине... доходил чуть ли не до ягодиц.

— А тебе не кажется, Лилит, что это и нижнее бельё, в принципе, одно и то же? — мрачно посмотрела я на демонессу разврата.

— Милена, это самое скромное, что ты можешь себе позволить одеть на бал демонов. К тому же, оно очень практично — твоим крыльям в нём удобно, не надо никаких прорезей в одежде.

— Это — да, но...

— Никаких «но», Милена! — резко прервала меня Лилит. — Ничего скромнее я тебе не предложу. Ты не на школьную дискотеку идёшь.

— Я понимаю, куда я иду, — ответила я, смотря на своё отражение в зеркале. — Но, такой наряд... для меня это, всё равно, сложно.

— Знаю, что сложно. Но, ты привыкнешь. И научишься получать от этого удовольствие. Ведь, это — твоя цель. А сейчас, подойди ко мне — я тебя накрашу и приведу твои волосы в порядок.

Когда Лилит, закончила, из зеркала на меня смотрела девушка, довольно, лёгкого поведения и с жутко-стервозным характером. Удивительно, как можно изменить человека только при помощи одежды, макияжа и причёски.

— И последний штрих, — Лилит, вновь, подошла к шкафу, открыла один из его ящичков и вытащила оттуда чулки сеткой, с кружевной резинкой.

Тут я уже не стала отпираться, так как поняла, что спорить с Лилит бесполезно. И, закрепив чулки на чёрном поясе и надев чёрные туфли на шпильках, я была готова (по крайней мере, внешне).

— Милена, а почему ты не думаешь о том, что произошло между тобой и Лексом с

Рейфом сегодня ночью? — задала демонесса неожиданный вопрос.

— А почему я должна об этом думать? — с некоторым удивлением спросила я.

— Судя по тому, что ты мне рассказывала и как реагируешь на мои занятия, ты не та девушка, которая примет это — секс с двумя мужчинами, да ещё и с одной женщиной... Или ты пользуешься принципом: «Чего не помню, того не было»?

— Нет, я не пользуюсь этим принципом. И, кое-что, я, всё-таки, помню. Пусть и как в тумане. Просто... просто, наверное, мне надоело заморачиваться этим. Ведь, для демона это так просто, да? В будущем мне, наверняка, придётся делать вещи и похуже. Я не смогу остро реагировать на каждый такой случай. Я тогда просто сойду с ума.

— Правильная позиция, Милена, — похвалила меня Лилит. — Кстати, я слышала, что ты смогла подчинить себе демона, которого тебе, в дар, прислал Люцифер. Это так?

— Да. А что?

— Не хочешь взять его с собой на бал?

— Зачем? — не поняла я.

— Как думаешь, сколько демонов верило, что ты, реально, сможешь его подчинить? — вместо ответа, поинтересовалась Верховная демонесса.

— Нисколько, — не задумываясь, ответила я. — До этого он подчинялся только Люциферу.

— Вот именно, Милена. Вот именно. Ты сейчас должна не только получить покровительство Верховных демонов, которое тебе так нужно. Ты сейчас должна зарабатывать себе репутацию. А из чего у нас строится репутация? Из внешнего вида, поведения, слухов, поступков и личностей, с которыми ты общаешься, спишь, подчиняешься или, наоборот, которых подчиняешь себе. Ты должна показать, что не так слаба и проста, как кажешься на первый взгляд. Должна показать, что пусть твоя мать и была человеком, но тебя саму с человеческой расой и её правилами поведения ничего не связывает.

— То есть, я должна показать, что я такая же, как они? Я должна стать своей среди демонов?

— Верно. Если бы ты владела какой-либо магией — это было бы сделать проще. Но, и без неё, у тебя это получится.

— Так, Киеран на балу мне нужен для того, чтобы демоны поняли, что я смогла совладать с ним?

— Да. Это поднимет твой рейтинг в их глазах. А как у тебя это вышло, пусть думают сами. И ещё, я бы хотела, чтобы ты и Рейфа своего с собой взяла.

— А он зачем мне нужен? Он же человек.

— Человек, — кивнула Лилит. — Вот на его примере и покажешь, как ты относишься к людям. В этом мире к ним относятся, как к домашним питомцам, игрушкам. Возьмёшь своего Рейфа на ошейник с поводком — зрелище будет, что надо.

Я представила эту картину. Я, в этом платье, с Рейфом на поводке и Киераном за спиной...

— Это напоминает дешёвую ролевою игру в садо-мазо, — озвучила я то, что представила. — Мне это не нравится. И я не думаю, что Рейф согласится на такое. Он мне подчиняется, но не до такой же степени.

— Почему же? Это будет, довольно, интересный опыт, — заявил зашедший Рейф. — И на балах демонов я никогда не был. Я согласен походить на поводке и побыть твоей собачкой, Милена.

— Больной извращенец, — вслух, сделала я для себя неутешительный вывод. — Хорошо, Лилит. Если это мне поможет, то я согласна.

Через какое-то время мы нашли Киерана с помощью Драйка и поставили его перед фактом. Его недовольство было видно невооружённым глазом. Ещё бы. Одно дело, когда по Преисподней просто ходит слух, что ты подчинился получеловеческой пигалице и совсем другое — увидеть это в реальности. Хотя мне, честно говоря, было плевать на чувства Киерана по этому поводу. По крайней мере, он, в чём был, в том и пошёл. А вот Рейфа Лилит тоже передела. Теперь бирюзовоглазый садист красовался в футболке-сетке на голое тело и в чёрных кожаных брюках, которые были все в ремнях, заклёпках... Обувь Лилит ему не дала, заявив, что собаки обувь не носят. Зато, шею Рейфа украсил шипастый ошейник, с прикреплённой к нему цепью, которую я должна была держать в своих руках.

— Ему, хотя бы, на четвереньки становиться не надо? — с опаской спросила я, беря цепь.

— Вообще, нет. Но, если ты хочешь... — начала Лилит.

— Нет, не хочу. Мне хватает и того, что мы выглядим, как персонажи порнографического фильма с садомазохистским уклоном.

— Какая добрая у меня хозяйка! — с весельем в глазах произнёс Рейф, наклонился ко мне и лизнул меня в щёку.

— Отвали, придурок! — огрызнулась я, вытирая щёку.

— Ну, я же собака, — пожал плечами мужчина. — Я так выражаю свою любовь к хозяйке.

— Лилит, может лучше было бы взять Лекса, а? Он поспокойнее будет, — предложила я.

— Он на это не согласится, — ответила Лилит. — Гордый слишком. Этому же, — кивнула демонесса на Рейфа. — На гордость плевать совершенно. Для него всё развлечение. Всё, Милена, нам пора. Иначе, опоздаем.

«Как же я не хочу туда идти, — в отчаянии думала я, тем не менее, следуя за Лилит в открывшийся портал, с Рейфом на цепи и Киераном рядом. — Не хочу снова видеть весь тот ужас, не хочу видеть мерзкие хохочущие лица демонов. Я не хочу снова увидеть Люцифера и не хочу снова заниматься с ним сексом. Хотя, кто меня там спрашивать-то будет? Правильно — никто. И идти, всё равно, надо. С этим ничего не поделаешь».

— Милена, послушай меня, пока мы ещё не в зале, — заговорила Лилит, когда мы вышли из портала, оказавшись у массивных дверей, ведущих в зал. — Когда мы туда зайдём, ты останешься один на один с тем, что там будет. Я, конечно, буду рядом, но... никакой помощи от меня не жди. Решай сама, что делать и как себя вести. Но, запомни одно. Ты не Милена Бэлоу — человеческая девчонка из интерната. Ты Милена Кавэлли — высший демон и правительница Зиградена, — на этих словах Лилит распахнула дверь, и мы зашли в зал.

На меня обрушилась какофония уже знакомых мне звуков — крики, стоны, вопли, смех, хохот... Первым моим порывом было попытаться к выходу и сбежать. Но я, усилием воли, сдержалась. Вместо этого я, попытавшись изобразить на своём лице видимость спокойствия, потянув за собой Рейфа, пошла к тому месту, где возвышался трон Люцифера. По поводу Киерана я не волновалась. Я знала, что он идёт за мной — клятва крепко его связала, и он не мог меня послушаться, даже если это задевало его гордость демона.

— Повелитель, — я склонилась перед Люцифером, встав на одно колено и дёргая цепь Рейфа вниз, вынуждая склонить голову и его. — Да падёт Тьма на ваших врагов и да будут

ангелы ползать у ваших ног. Благодарю вас за приглашение на этот бал. Для меня — это честь.

«Ну что, повелитель? Оставьте меня у себя, как в прошлый раз или позвольте, всё-таки, погулять?» — мысленно спросила я, зная, что Люцифер меня услышит.

— Жду тебя после бала у себя, — вслух, ответил повелитель. — А пока — веселись. Ведь, балы и проводятся для веселья.

«Так-то оно так, — всё-таки, про себя, подумала я. — Да только вы прекрасно знаете, повелитель, что то, что для демона — веселье, для меня — мука».

Я встала с колен и пошла прочь от трона Люцифера.

Мне не хотелось смотреть по сторонам. Я не хотела видеть никого из здесь присутствующих. Но, я должна была смотреть. Смотреть, чтобы знать реакцию на саму себя. Чтобы знать, какими глазами они на меня смотрят. И я видела. Я видела интерес, любопытство и даже какую-то толику уважения, когда демоны видели Киерана. Презрения не было и это было для меня уже очень большим шагом вперёд. А ещё я натыкалась на злые завистливые взгляды демонесс. Долго не могла понять — почему, пока Киеран меня не просветил:

— Повелитель Люцифер, госпожа Милена, при всех пригласил вас в свою постель. Кроме Верховных демонесс — Лилит и Наамы — такого не было ни у кого. Неудивительно, что вы стали предметом зависти.

— А ничего, что меня не «пригласили в постель», а приказали? — раздражённо произнесла я. — И вообще... До этого-то повелитель как любовниц к себе звал? Не телепатически же.

— А он их и не звал, госпожа Милена, — хмыкнул Киеран. — Того, кого он хотел, он просто брал как и где угодно, но не у себя в спальне и без всяких слов.

— Всё равно, большой разницы я не вижу.

— Вы-то может, и не видите, но видят другие.

Я, лишь, вздохнула. Но, не признать правоту слов Киерана я не могла. Окружающие не знали об «оковах неволи» и поэтому могли решить, что у меня с повелителем какие-то особые отношения. Хорошо это было или плохо — это уже другой вопрос. Будем надеяться, что ревнивые женщины мне не устроят какую-нибудь подлянку. Ведь я, всё-таки, ещё являюсь и повелительницей мира драконов (пусть и формально).

Я нашла себе кресло и села. Киеран встал за моей спиной, Рейф устроился у моих ног. Я знала, что мне нужно что-то делать, но я не представляла — что. Одно я знала точно — участвовать в забавах демонов я не смогу. Во всяком случае, в кровавых забавах. Поэтому, не обладая каким-либо планом действия, я решила просто, в стороне, понаблюдать за происходящим и, хотя бы, привыкнуть к этой картине.

Через несколько минут Рейф который, до этого, спокойно сидел на полу, облокотившись спиной на мои ноги, повернулся ко мне лицом и, положив руки на мои ноги, слегка раздвинул их.

— Рейф, ты что задумал? — злобно прошипела я.

— Просто собака хочет доставить удовольствие своей хозяйке. Ведь, вести себя здесь скромно, как я вижу, не принято. А ты же хочешь стать таким же демоном, как они, верно? — с усмешкой, спросил Рейф.

— Да, хочу, но...

— А раз хочешь, то надо это делать уже сейчас. Где, как не на демоническом балу, ты

должна показать свою сущность?

Раздвинув ноги ещё чуть шире, он устроился между ними. Затем, он задрал и так короткий перед платья, оголяя даже мой живот. Я ему не мешала — я понимала, что он прав. К тому же, вести себя на балу демонов, как скромница — это, всё равно, что махать красной тряпкой перед стадом некастрированных быков. А Рейф стал покрывать мой живот поцелуями, спускаясь всё ниже и ниже...

— Рейф! — предостерегающе произнесла я.

— Что? — он поднял на меня свои бирюзовые глаза и потёрся щекой, как кот, о моё бедро. — По меркам демонов, я ещё и делать ничего не начал. К тому же, у хозяйки же в руках цепь и если ей совсем уж не понравится поведение собаки, она может просто её дернуть.

На это мне ответить было нечего. Да и, на самом деле, как Рейф и сказал, по меркам демонов он не сделал ничего. Но, всё равно... его действия меня напрягали. Но, Рейфу до этого дела не было. Точнее, думаю, моя реакция ему даже нравилась. Он сжал руками мои бёдра и стал стаскивать с меня трусики, схватив их зубами. Когда он это сделал, я вздрогнула, увидев то, что до этого только чувствовала. Клыки Рейфа. Человеческими они явно не были — гораздо острее и длиннее, чем надо. Клыки волка или собаки. «Всё-таки, это моя кровь с ним что-то сделала?» — изумлённо смотрела я на зубы мужчины, совершенно пропустив момент, когда Рейф смог стянуть ненужную, по его мнению, деталь гардероба, почти до колен. Ну, а потом было уже поздно. Не могла же я, с криками и возмущением, надеть трусы обратно. Выглядело бы это, до нельзя, глупо. А я этого позволить себе не могла.

Я, невольно, вздрогнула и прерывисто часто задышала, когда язык Рейфа проник внутрь меня, лаская. Я закрыла глаза и откинула голову назад. Я старалась не думать — где я нахожусь и среди кого. Я старалась сосредоточиться только на ощущениях и, как ни противно признаваться самой себе, но эти ощущения мне нравились.

— Как я погляжу, у вас очень ласковый питомец.

Я открыла глаза и подняла голову. Передо мной стояла незнакомая демонесса. С длинными чёрными волосами и кошачьими зелёными глазами. Очень красивая женщина.

— Вообще-то, он у меня не ласковый, — ответила я, дёргая Рейфа за цепь, заставляя его остановиться. — Он у меня бешеный. Кусаться очень любит.

— Обожаю бешеных собак. Они такие непредсказуемые, — улыбнулась демонесса. — Позвольте представиться, я — Астарта, — женщина взяла меня за руку и поцеловала её, легонько лизнув кончиком языка (я не дёргалась — зная обычаи приветствия демонов, я обрадовалась, что меня не поцеловали всасос).

«Всё-таки, мне конкретно везёт на Верховных демонов» — подумала я, попутно вспоминая, что я знала о Верховной демонессе — Астарте. А знала я то, что она является женой другого Верховного демона — великого герцога Астарота. Но, это совершенно не главное. Главным было то, что Астарта являлась владычицей всех мёртвых душ. Она распоряжалась всеми, кто попадал в Преисподнею после смерти. Именно от неё зависело — какое наказание ждёт грешника.

— Милена Кавэлли, — представилась я. — Хотя, вы моё имя и так знаете, госпожа Астарта.

— Верно, знаю, — кивнула демонесса. — Но, приличия есть приличия. А я у вас хотела бы одолжить вашего пёсика на этот вечер. Не возражаете?

— Зачем он вам? — удивилась я.

— Приглянулся он мне. Развлечься с ним хочу.

Я посмотрела на Рейфа. Он, с интересом, разглядывал фигуру Астарты и, несомненно, осмотром был доволен. Возражений с его стороны, явно, не будет. Я перевела взгляд на Астарту:

— Я отдам его вам на этот вечер, госпожа Астарта, но с условием равноценного обмена.

Условие равноценного обмена — одно из обычаев демонов. Оно заключалось в том, что если кто-то просит у тебя услугу или ещё что-то, ты можешь требовать что-то, равной ценности. Я понимала, что просить покровительства за Рейфа — глупо. Но, вот небольшую услугу от владычицы мёртвых душ, вполне, можно просить.

— И чего же вы хотите за своего бешеного пёсика? — спросила Астарта.

— Сейчас — ничего, но в будущем, если мне будет нужна от вас небольшая услуга, я вам напомню об этом условии. Согласны?

— Договорились. Надо же, — задумчиво произнесла демонессе. — А говорили, что раз вы получеловек, то и законов наших не знаете. Но, вижу, что это совсем не так.

— Я много чего знаю, — пожалала я плечами. — И ещё, я хочу, чтобы вы поклялись, госпожа Астарта, что не убьёте моего пёсика — ни нарочно, ни случайно, ни через других лиц.

— Вы так любите своего питомца?

— Несомненно.

— Ладно. Я клянусь, что не убью имущество Милены Кавэлли — ни нарочно, ни случайно, ни через других лиц. И да будет Тьма свидетельницей моей клятвы.

— Была рада с вами познакомиться, госпожа Астарта, — я передала Верховной демонессе цепь Рейфа. — Но, не забудьте, что он ваш только до конца бала.

Я проводила взглядом Астарту, ведущую за собой довольного Рейфа и подумала: «А я, ведь, действительно, теряю прежнюю себя. Спокойно разговариваю с незнакомкой, в таком виде — с задранными платьем, со спущенными трусиками и мужчиной между своих ног... Ещё и соображаю что-то про обычаи и законы в это же время. Если бы об этом рассказали Милене Бэлоу... то, что она будет так себя вести... Она бы покрутила пальцем у виска и обозвала рассказчика конченным психом. Но, Милены Бэлоу больше нет, а для Милены Кавэлли это должно стать обычным делом».

— Вы хорошо знаете законы мира демонов, госпожа Милена, — произнёс, молчавший до этого, Киеран, всё также стоящий за моей спиной.

— Да, я их знаю, — кивнула я, не оборачиваясь. — Ты, Киеран, должен был это понять ещё тогда, когда я вызвала тебя на поединок. Разве, нет?

— Воспользоваться одним — это не означает знать всё остальное, — заметил Киеран.

— Логично, — согласилась я. — Но, как видишь, ко мне это не относится.

— Как же давно мы не виделись, Милена!

Я вздрогнула, узнав, так ненавидимый мной, голос демона бездны — Аббадона.

Глава 18.

— Не так уж и давно — всего пару дней, — окинула я неприязненным взглядом нарушителя своего спокойствия. — И я бы, с огромным удовольствием, вообще, тебя больше никогда не видела, Аббадон.

— Недружелюбна, как всегда. Впрочем, — мужчина окинул меня похотливым взглядом. — Не совсем, как всегда. Ай-яй-яй, Милена. Что же стало с хорошей скромной девочкой?

— Сдохла, — мрачно ответила я. — Надеюсь, у тебя всё? — я встала с кресла, привела себя в боле менее приличный вид. — Если да, то я пойду.

— Не спеши, Милена, — Аббадон преградил мне дорогу. — Не хочешь потанцевать? Бал, всё-таки.

Первым порывом было послать Аббадона куда подальше. Но, я передумала. Почему? Очень просто — меня посетила безумная идея — попытаться получить покровительство Аббадона. Да, я ненавидела эту мразь так, как мало кого в своей жизни ненавидела, но... если быть честной с собой, то с ним у меня был болеевысокий шанс договориться, чем с каким-нибудь другим незнакомым Верховным демоном. И я решила, что мне помогут уроки Лилит. Что я смогу использовать их на Аббадоне. Что мне этого будет достаточно, чтобы у меня получилось. Излишняя самоуверенность... Во что она может обернуться?

— Хорошо, давай потанцуем, — согласилась я, подавая руку, несколько ошарашенному, Аббадону (видимо, не ожидал он, что я соглашусь).

— Не ожидал, что ты согласишься, Милена, — подтвердил мои догадки демон бездны, беря меня за руку.

— А почему я должна была отказываться? Я устала сидеть и ты прав — это, всё-таки, бал.

— Тут ты права, только... — мужчина притянул меня к себе за талию. — Я так отчётливо чувствую твою ненависть и страх. Ты готова оказаться, где угодно, лишь бы, подальше от меня. Однако же, ты согласилась быть ко мне, как нельзя, ближе. Почему? Не думаю, что у тебя проснулась потребность к психологическому мазохизму.

— Да, Аббадон, я тебя ненавижу и боюсь. И ты прав — никакой потребности в мазохизме у меня нет. Я хочу с тобой поговорить.

— Хорошо, поговорим, — легко согласился Аббадон. — Вот, во время танца и поговорим.

Зазвучала музыка. Музыка не похожая ни на что, что я слышала до этого. Какая-то дикая смесь танго, вальса и чего-то... жёсткого. Я даже примерно не представляла, как буду под неё танцевать. Но, как оказалось, мне и не придётся этого делать. Как только Аббадон положил мои руки себе на плечи... я почувствовала, как моё тело перестаёт мне подчиняться. Совсем как тогда, когда в «Шисуне» демон хотел меня изнасиловать. Но, только тогда мой разум был, как в тумане, а сейчас... разум был ясным, и я могла говорить. И только моё тело было, как у безвольной тряпичной куклы.

— Аббадон, ублюдок, что ты со мной сделал? — со злостью, крикнула я.

Точнее, попыталась крикнуть, так как выяснилось, что говорить я, хоть, и могу, но не

очень громко.

— Ты же, всё равно, не знаешь, Милена, как танцевать под эту музыку, — с ухмылкой произнёс Аббадон. — А вообще... мне просто нравится видеть тебя такой беспомощной... полностью находящейся в моей власти.

Аббадон закружил меня в танце. Этот танец, действительно, чем-то напоминал танго и, возможно, он бы мог мне даже понравиться, если бы не моё положение. Я чувствовала себя марионеткой на ниточках, где мужчина управляет каждым моим движением. Это, словно, был танец охотника и пойманной добычи, и охотником была не я. Меня кружили, отпускали на мгновение, ловили... Я вспомнила сцену, видимую мной в интернате — как кот играл с, пойманной им, мышью. Мышь отпускали, ловили снова, хватили когтями... Я помнила, как мне было тогда жаль маленького зверька. И вот сегодня я сама выступала в роли этой самой мыши. Мной играли. Играли, зная, что я никуда не убегу.

— Так, о чём ты хотела со мной поговорить, Милена? — поинтересовался Аббадон, в очередной раз, «поймав» меня.

— Мне нужно твоё покровительство на Совете Преисподней, — ответила я, постаравшись абстрагироваться от мыслей о своей «марионеточности».

— Тебе нужно моё покровительство? — переспросил мужчина, так закружив меня, что если бы он меня, в последний момент, меня не придержал, я бы упала. — Я, конечно, могу понять — зачем тебе могло понадобиться покровительство Верховного демона, но... почему ты просишь именно меня? Ты ко мне никакой симпатии не испытываешь.

— Я ни к одному демону не испытываю симпатии. Хотя, скорее, именно тебя я ненавижу больше всех.

— Тогда мне, тем более, интересно — почему?

— Я знаю тебя, Аббадон.

— И? Это единственная причина?

— Нет. Просто, возможно, я смогу дать тебе то, что ты хочешь, взамен своей поддержки на Совете.

— А ты знаешь, чего я хочу? — тихо, интимно, шепнул мне на ухо Аббадон.

— Нет. Но, догадываюсь.

— Какая самоуверенная девочка! — рассмеялся Верховный демон, а затем... я, вдруг, оказалась на полу. — А если я скажу, что согласен покровительствовать тебе, но за это хочу трахнуть тебя прямо сейчас, на этом полу? — спросил Аббадон, нависая надо мной.

«Нет, к такому я, точно, не готова! — с ужасом подумала я, всё ещё чувствуя, что тело мне не подчиняется. — В прошлый раз секс на балу, конечно, тоже был, но... там была другая ситуация и... Нет, я не могу! А если... а если я не смогу найти ещё троих Верховных демонов? Что тогда? Получится, что я сейчас упускаю шанс? Получается, что так. А я не могу... не могу этого допустить».

— Если это то, чего ты хочешь, Аббадон, — начала я, дрогнувшим голосом. — То, я согласна. Только тогда верни мне возможность управлять своим телом. Или ты боишься, что я убегу?

— Нет, не боюсь, — ответил мужчина и воля, управлять своим телом, ко мне вернулась. — Если тебе так нужно моё покровительство, то ты не убежишь. Но, за это, будь готова к тому, Милена, что я сейчас вдоволь отыграюсь на тебе за то, что ты отменила договор своей матери со мной.

Во мне стала зарождаться паника. Я увидела глаза Аббадона — в них не было ничего,

кроме похоти и ещё какого-то тёмного чувства, значение которого я предпочла бы не знать. Я знала только то, что если и переживу этот день, то он точно, окончательно и бесповоротно, убьёт вот мне всё, что было прежде.

Аббадон разорвал верх моего платья, снял с меня трусики... Я всеми силами старалась не думать о том, где я нахожусь, представляя себя в своей спальне и сосредоточившись на том, что смотрела, как демон бездны раздевается сам, как расстёгивает брюки...

— Не разрешишь присоединиться, Аббадон? — спросил смутно знакомый голос.

Повернув голову, я увидела Асмодея — демона похоти и сексуальных извращений. Того, кто в прошлый раз здесь насильно светлую эльфийку. Я не хотела, чтобы он прикасался ко мне! Не хотела, чтобы он находился рядом!

— Тебе так не хочется, чтобы Асмодей прикасался к тебе? — правильно истолковал мой взгляд Аббадон. — Тебе это так не нравится? Что ж, тогда решено. Асмодей, — обратился он к демону. — Я не против твоего участия.

— Мразь! — выплонула я Аббадону в лицо.

— А ты думала, что всё будет очень просто, Милена? — с усмешкой, спросил демон бездны. — Думала, что просто переспиишь со мной и получишь то, что хочешь?

— Нет, но я не думала, что ты захочешь делить меня с кем-то!

— Это, действительно, не в моих правилах, — ответил мужчина. — Но, мне так понравились страх и отвращение на твоём лице, когда ты подумала о том, что Асмодей тоже будет трахать тебя сейчас. Мука в твоих глазах... это так прекрасно! И, чтобы видеть её, я легко поступлюсь своими принципами и буду делить тебя с кем-то ещё.

— Как же я тебя ненавижу, Аббадон! — со всей ненавистью, на которую только была способна, произнесла я.

— Интересная женщина, — произнёс Асмодей, наклоняясь ко мне. — Говорит, что ненавидит и, одновременно, просит покровительства.

— Слушал наш разговор, Асмодей? — поинтересовался демон бездны у демона похоти.

— Да, случайно. Кстати говоря, Милена. Не хочешь заключить со мной такую же сделку?

— Что?

— Разумеется, не на сегодняшний секс. Ведь, им ты расплачиваешься с Аббадоном, а не со мной.

«Заключить сделку с демоном сексуальных извращений? Теоретически, можно, но... практически? Не нравится мне эта идея. Хотя... по сути, я ни с кем не хочу ни о чём договариваться. Однако же, приходится».

— Сделки вы будете заключать после, Асмодей, — вмешался Аббадон. — Или, если хотите, можете заниматься этим во время процесса. Хотя, я сомневаюсь, что Милена будет в состоянии разговаривать.

— Ты настолько хорош, Аббадон? — решила спросить я Верховного демона, тем самым стараясь показать, что происходящее для меня не является таким уж большим стрессом.

— Он настолько жесток, Милена, — за демона бездны, ответил Асмодей. — Конечно, удовольствие он тоже доставить может. Если захочет.

«Судя по тому, что Аббадон сказал, что он на мне сегодня отыграется за то, что я отменила его договор... Удовольствие он мне доставлять не собирается. А это значит... Я, вообще, переживу это или нет?!».

— Асмодей, — обратился Аббадон к демону похоти. — Если хочешь участвовать, то я

бы хотел, чтобы Милена была сверху, на тебе. Не против?

— Не против.

Меня посадили сверху уже на полностью раздетого Асмодея (хотя, что там было снимать, если Верховный демон присутствовал на балу в одном халате на голое тело).

— Придержи её руки и её саму, чтобы не дёргалась, — напугал меня своими словами демон бездны.

Прежде, чем сделать то, что нужно Аббадону, Асмодей заставил меня принять в себя свой, уже возбуждённый орган, входя в меня до предела. Я этого не хотела — невозбуждённое тело с трудом поддавалось движениям со стороны Асмодея. Болевые и неприятные ощущения никак не хотели переходить в удовольствие. Хотя, кого это волновало? А демон сексуальных извращений, тем временем, исполнил «просьбу» Аббадона — меня схватили за руки, крепко, до боли и синяков, сжав их. Потом, одной рукой Асмодей нагнул меня так, что моё лицо оказалось напротив его. И, в тот момент, когда Аббадон вошёл в меня сзади, Асмодей впился в мои губы, помешав мне сорвать голос в крике! Та боль, которую причинил мне Ферокс, взяв меня в той же позе, не шла ни в какое сравнение. Можно сказать, что повелитель драконов просто гладил меня тогда!

Аббадон нисколько не собирался давать мне привыкнуть к себе или замедлить свои движения. Его резкие сильные рывки заставляли меня желать, просто-напросто, умереть! Единственное что, можно сказать, помогало моему телу приспособиться к Аббадону внутри меня — это кровь. Кровь, которая, как я чувствовала, стекала по ногам.

— Кровь — наилучшая смазка. Тебе так не кажется, Милена? — хрипло сказал мне на ухо демон бездны.

Ответить ему я не могла, так как мой рот был занят Асмодеем. Демон похоти терзал мои губы, покусывая их, обследуя своим языком мой рот... При этом он не забывал двигаться во мне, не попадая в ритм Аббадона, из-за чего боли было только больше. Да, я знала, что ласкать меня здесь, вряд ли, будут. Я знала, что будет больно, но... не настолько же!

«Я не смогу этого выдержать! — как ни странно, смогла я подумать. — Не смогу! Никак! Никак не смогу!».

Когда Асмодей оставил мои губы в покое, при этом насквозь прокусив нижнюю так, что струйки крови потекли по подбородку, я была близка к истерике. Тело дёргалось, стонало от боли. Кровь продолжала течь по ногам, по подбородку; глаза застилала предательские слёзы; болезненные жестокие движения не прекращались... В тот момент, я смогла только произнести своими окровавленными губами:

— Прошу вас, остановитесь! Пожалуйста, хватит! Я не хочу никакого покровительства! Только остановитесь!

— Ты сама отдала себя в мои руки, Милена! — не останавливаясь, сказал Аббадон. — И ты думаешь, что я буду выслушивать какие-то твои просьбы? Нет! Я буду терзать тебя и твоё тело до тех пор, пока не получу полное удовлетворение! И за это, так уж и быть, я поддержу тебя на Совете!

— Нет, пожалуйста!..

— Остановитесь сейчас? — раздался приторно-ласковый голос Асмодея. — О чём ты? Мы только начали!

Наверное, после слов Асмодея, мне следовало бы начинать молиться, так как если это было только начало... Я не могла даже представить, что ожидает меня дальше! Но, что бы

это ни было, истинный кошмар только начинался.

«А если и молиться, то кому? — пришла мне в голову, совершенно, неуместная мысль. — Я не верю в Бога. А даже если бы и верила... не думаю, что он бы мне чем-нибудь помог в мире демонов. Молиться дьяволу? Дьявол сейчас сидит на троне и смотрит на всё происходящее! И, думаю, получает от этого истинное удовольствие!».

Чтобы удостовериться в своих мыслях, я повернула голову, посмотрев на Люцифера. Он, действительно, смотрел на эту омерзительную и жестокую сцену, с моим участием. Лицо повелителя Преисподней не выражало абсолютно ничего — он выглядел, как и всегда, холодным и спокойным и было непонятно — нравится ли ему то, что он видит или нет. Зато, я видела тех, кто получал от созерцания происходящего удовольствие. Я видела глаза демонов, смотрящих на меня и Аббадона с Асмодеем, выражающих неприкрытое извращённое наслаждение. Кто-то ласкал себя, смотря на нас, кто-то порывался приблизиться, но... видимо, страх перед двумя Верховными демонами был слишком силён и смельчаки сразу же отходили назад. Я видела Лилит, чьи глаза выражали что-то, наподобие, сочувствия и недоумения, наверное, касающегося того, почему я оказалась с Аббадоном. Да я теперь и сама этого не понимала. Я, ведь, знала, кем является Аббадон. Знала, на что он способен. Всё знала и всё равно! О чём я думала?! На что я только надеялась?! На то, что демон бездны будет со мной помягче?! Нельзя же быть такой наивной!

Я выдохнула с облегчением, когда Аббадон кончил, надеясь, что на этом всё и закончится. Мне сейчас даже было плевать на то, что Асмодей, всё ещё, во мне. Главными для меня сейчас были действия Аббадона. Когда демон бездны вышел из меня с отвратительным хлопаяющим звуком и когда тоже самое, наконец, сделал демон похоти, я хотела просто отползти от них, так как ноги меня не держали. Но, не тут-то было. Аббадон удержал меня на месте, не дав, хотя бы, слезть с Асмодея. Да и последний руки мои не отпустил.

— Далеко собралась? — издевательски поинтересовался демон бездны, явно, давая понять, что это ещё далеко не конец.

— Нет, прошу, не надо больше ничего делать! — я уже, по настоящему, рыдала. — Ты же уже получил, что хотел, Аббадон! Отпусти меня... умоляю!

— Ошибаешься, Милена. Я ещё не всё получил, что хотел. И отпускать тебя я, в ближайшее время, не собираюсь.

— Мне так нравится, как она умоляет! — услышала я голос Асмодея. — Сколько муки и страдания в этом нежном голоске! От одного этого хочется сделать с ней ещё что-то ужасное!

Мои глаза расширились от ужаса. Я забила в руках этих двух мужчин, как птица, которую, внезапно, заперли в клетке и она, безрезультатно, бьётся о прутья решётки, понимая, что это — бесполезно, но остановиться не может.

— Ну-ну, сладкая моя, — театрально-успокаивающе проговорил демон похоти, поглаживая меня по голове и ухмыляясь. — Не надо так бояться. Ты, в любом случае, останешься жива.

— Помнится, в «Шисуне» существовали такие отношения, как кукловод-марионетка, — непонятно — почему — вспомнил Аббадон. — Но, твой кукловод умер, Милена. Не так ли? Наверное, ты соскучилась по этим «нитям», управляющими марионеткой? Давай тогда развеем эту тоску?

Асмодей отпустил мои руки, а Аббадон перестал удерживать меня на нём. Но, я недолго

радовалась, хотя бы, такой полученной свободе. Горло, запястья, лодыжки ног — всё это, за доли секунды, было опутано тонкими нитями, появившимися неизвестно — откуда. Я дёрнулась и тут же об этом пожалела. Тонкие и мягкие на вид, нити врезались в кожу, как стальные лески, разрезая всё до мяса и костей. Затем, нити на запястьях потянулись вверх, к потолку, подвешивая меня над полом.

— Зачем? — смогла выговорить я.

— Зачем? — переспросил Аббадон. — Всё очень просто, Милена. Мне нравится причинять тебе боль. Любыми способами. Кстати, я бы не советовал тебе сильно дёргаться. Эти нити тебя не убьют, но больно будет.

— Может, теперь поменяемся местами, Аббадон? — предложил Асмодей, с садистским удовольствием оглядывая меня.

Не надо было долго думать, чтобы понять, что он имел в виду.

«Неужели, им всё ещё мало?! Когда им надоест меня мучить?! Когда?! И почему я не могу потерять сознание?! Неужели, со мной поступают так же, как с той светлой эльфийкой, которой просто не давали потерять сознание?!».

— Не возражаю, — тем временем, ответил Аббадон Асмодею.

Что было дальше? Дальше был ад, и я имею в виду, вовсе, не название мира демонов. Несмотря на то, что Асмодею было куда проще, чем Аббадону, овладеть мной сзади, приятней от этого не стало. Боль накатывала волна за волной и, казалось, раздирала меня на части! Грубые сильные болезненные движения с обеих сторон; острые когти мужчин, раздирающих кожу на бёдрах, животе, груди, плечах; нити, впивающиеся в горло, руки и ноги из-за малейшего движения... Я не могла потерять сознание. Я чувствовала происходящее каждой клеточкой тела и не могла провалиться в счастливое забытие. Я рыдала, всхлипывала, кричала, молила!.. До того дня я даже и не подозревала, как во мне много крови! Порезы, царапины, укусы... Если бы я была человеком, то умерла бы уже давно! Я чувствовала, как Аббадон, сначала, как будто ласкает мою грудь, как он языком касается моего соска... и потом, как он кусает его, прокусывая и слизывая кровь! Я чувствовала жестокие движения Асмодея, я чувствовала, как он, своими когтями, оставляет глубокие борозды на моих бёдрах. Чувствовала, как демон бездны тянет меня на себя, как он сдавливает мою грудную клетку... Я слышала хруст ломающегося ребра (или рёбер?). Сил кричать уже не было, поэтому я, лишь, всхлипывала от жуткой боли.

Ненадолго меня оставили в покое. Но, даже вздохнуть с облегчением сил нет. Я безвольно повисла на нитях, молясь, чтобы это закончилось. Я уже не молила о том, чтобы происходящее закончилось быстрее. Я хотела, чтобы всё просто закончилось! Из-за сломанного ребра было больно дышать, голос я уже давно сорвала в крике... Я видела, сколько крови стекло с меня на пол. Таким количеством можно было бы обеспечить Рейфа на год! Я видела, как какой-то демон подползает ближе к этому кровавому озерцу (о луже речи здесь уже не было), как он начинает лакать кровь... Я вижу, что это замечает Аббадон и его лицо искажается злобой и яростью. Одним молниеносным движением он хватает демона за горло и шипит:

— Кто тебе позволил, ничтожество?!

Демон говорит что-то умоляюще. Но, я по себе знаю, что демону бездны на мольбы плевать. Демон, посягнувший на мою кровь, просто сгорает в руках Аббадона, оставив после себя, лишь, пепел. Что я об этом думала? Ничего. Мне была безразлична судьба этого демона. Единственное, о чём я тогда думала — это о том, чтобы всё прекратилось.

Нити на руках слегка ослабились, отчего я, буквально, рухнула на колени. И, стоя в луже собственной крови, я чувствовала, как в очередной раз, за последнее время, вновь схожу с ума. Хотя, сегодня я мечтала об этом. Тогда, по крайней мере, сумасшедшей было бы куда проще пережить этот день.

— Как думаешь, Аббадон, а у нашей девочки есть опыт работы её красивым ротиком? — спросил Асмодей, подходя ко мне спереди, нажимая на нижнюю прокушенную губу, заставляя открыть рот.

— Сомневаюсь, — услышала я голос демона бездны позади себя. — Разве что, её муженёк не постарался. А что? Хочешь подарить её этот опыт, Асмодей?

— А почему нет? — демон похоти схватил меня за волосы и потянул мою голову вниз. — Давай, Милена, будь хорошей девочкой и открой рот, — я сжала зубы и замотала головой. — Ну же!

Неожиданно, его руки перестали держать меня и, рядом с демоном сексуальных извращений, материализовался демон войны — Абигор.

— Извини, Асмодей, но я уже решил, что её оральная девственность будет принадлежать мне.

— Тебя не интересовала светлая эльфийка, а тут, вдруг, загорелся желанием? — злость в голосе Асмодее ощущалась почти физически.

— Если у тебя есть возражения, Асмодей, то я, с удовольствием, сражусь с тобой, — любезно предложил демон войны.

— Да нет, воздержусь, — куда более спокойным голосом, чем секунду назад, ответил Асмодей. — Я, всё-таки, реалист и я не хочу заканчивать этот чудесный день поражением в бою.

Асмодей отошёл от меня, уступая место Абигору.

— Ну, что, Милена? Закончим то, что не закончили в прошлую нашу встречу? — наклонился ко мне демон войны.

— Рискнёшь — откушу, — сиплым, сорванным голосом, сплёвывая кровь, наполнившую рот, предупредила я.

— Даже так? А силы-то ещё остались на это? — голосом, полным фальшивого сочувствия, спросил Абигор.

— Для тебя всегда останутся, ублюдок! — через силу, чуть ли уже не шёпотом, произнесла я, хотя, сама в свои слова и не верила.

— Но, ты же была готова сделать это за покровительство, — напомнил мне мужчина. — Что если я скажу, что если ты не будешь кусаться, я окажу тебе поддержку на Совете?

Вот так. Эта тварь знала, на что надо давить. Абигор прекрасно понимал, как мне это нужно. И ещё, он также понимал, что даже если я и откажусь, он, всё равно, сделает то, что хочет и помешать я ему не смогу. Это был выбор без выбора. Соглашусь я или нет — это роли никакой не играло. Это имело значение только для меня. Для моего морального выбора. Соглашусь ли я, добровольно, сделать что-то... настолько грязное в моём понимании?

«А почему нет? — посетила меня безумная, как я считала, мысль. — Со мной, наверное, уже сделали всё, что только можно было сделать. Стесняться или бояться ещё чего-то? Даже звучит смешно!».

— Я, только, не смогу снять с тебя брюки. Как видишь, Абигор, руки у меня связаны, — в тот момент я сама испугалась своего собственного голоса — обречённый, полный

ненависти, но... вместе со всеми этими эмоциями, какой-то пустой и (как ни странно это звучит) мёртвый.

— Это — не проблема, — усмехнулся Абигор.

Не думаю, что есть смысл описывать то, что было дальше, в подробностях. Тем более что для меня самой всё это слилось в один большой ком боли, ненависти, омерзения... Аббадон, Абигор, Асмодей... эти трое мужчин сломали меня полностью! Они уничтожили во мне всё — гордость, чувства, мораль... Всё то, что хотела убрать Лилит, пусть и другим способом. Кроме ощущения боли и ненависти не осталось ничего!

— Люцифер, не стоит! — услышала я, неожиданно, голос демонессы разврата.

— Я не спрашивал твоего мнения, Лилит.

Я услышала звук шагов, направляющихся в мою сторону. Я почувствовала, как трое Верховных демонов отошли от меня. Нити — связывающие, ранящие и удерживающие меня — исчезли. Но, упасть мне не дали — чьи-то мужские руки успели меня поймать. Я открыла глаза, которые были закрыты до этого момента, чтобы, хотя бы, не видеть происходящее. Моё обессиленное, окровавленное, измученное и изнасилованное тело держал на руках Люцифер.

— Бал на сегодня завершён, — сказал он. — Девушку я забираю себе.

— Как скажете, повелитель, — склонились перед ним Верховные демоны.

«Это, ведь, конец? — с надеждой, подумала я. — Сегодня больше ничего не будет? Меня, наконец, оставят в покое? Люциферу же я, вряд ли, нужна в таком виде в плане секса?».

Но, в своей спальне, когда повелитель Преисподней положил меня на кровать, он начал раздеваться.

— Повелитель... — мой голос задрожал от страха. — Повелитель, вы же... вы же не собираетесь ничего со мной сейчас делать?

— Собираюсь, — спокойно ответил Люцифер. — Иначе, зачем ты бы мне здесь была нужна?

— Нет... Нет! — у меня не было сил даже на то, чтобы соскочить с кровати или, хотя бы, отшатнуться от Люцифера — я просто, плача, сжалась в комочек, практически, в позе зародыша, закрыв лицо руками. — Нет, пожалуйста! Молю, не надо! Сжальтесь надо мной, повелитель! Пожалуйста, не надо! Нет!

Но, повелитель Преисподней остался глухим к моим мольбам. Не обращая ни малейшего внимания на мои крики, слёзы, раны, он жестоко пресёк все мои попытки к сопротивлению, вдобавок, пригвоздив мои ладони кинжалом к спинке кровати! При всём при этом, взгляд его так и оставался абсолютно спокойным. Чего не скажешь обо мне. У меня ещё откуда-то взялись силы на крик. Хотя, с сорванными связками у меня выходили, лишь, хрипы. А потом... потом, неисчислимое число раз... жестоко, грубо... Люцифер овладевал моим телом. Я хотела закрыть глаза — мужчина не позволил, а «оковы неволи» подтвердили его приказ. Я так хотела потерять сознание — мне не позволили и этого. И ещё очень долго, раз за разом, мои, и так истерзанные, тело и душа подвергались мучениям и боли.

Лишь тогда, когда Люцифер был полностью удовлетворён, он, наконец, разрешил мне провалиться в спасительное беспамятство, перед этим шепнув мне на ухо:

— В этом мире тьмы и жестокости... ты навсегда останешься. Ты будешь моей вечно... Адалисса...

Глава 19.

Я пришла в себя одна, в спальне. Сколько с тех пор прошла времени, как я потеряла сознание, я не знала, да и мне было всё равно. Шевелиться не хотелось, всё тело вопило от боли. Я сама себе напоминала поломанную куклу, которой поиграли вдоволь, сломали и бросили. Хотя, по поводу последнего, надежды было мало. Меня не бросят — я это знала. Но, сейчас я об этом не думала. Я, вообще, ни о чём не думала, пустыми глазами уставившись в одну точку, на потолке. Всего за один вечер я стала калекой. Калекой души. Моя душа стала инвалидом — безруким безногим бескрылым уродом. Я чувствовала дыру там, где должно было быть сердце. Я-то, наивная, думала, что оно исчезло ещё в день смерти Кая. Но, как оказалось, реально оно исчезло, лишь, сегодня, оставив после себя сосущую пустоту. Пустоту, в которой жили только ненависть, страх, боль и желание отомстить. Больше там никаких чувств не было.

Несмотря на то, что я лежала неподвижно, я чувствовала все свои раны и сломанные кости. Я ощущала, что у меня сломаны одно или несколько рёбер; что у меня сломаны оба запястья. Я чувствовал свои сломанные крылья, хотя, и не могла вспомнить, кто именно их сломал. Да и какая разница? Я чувствовала, что буквально вся покрыта коркой высохшей крови. Но, ведь, всё заживёт. Разве, не так?

Неожиданно, на потолке, куда был устремлён мой взгляд, возникла яркая сине-зелёная тока. Она подлетела ко мне и села прямо на моё лицо. Это была бабочка.

«Как она здесь очутилась? И что она делает здесь — в этом страшном мире?».

— Ребёнок даже не знает своей собственной сущности? — поинтересовался незнакомый и, как мне показалось, женский голос.

Я, с трудом, огляделась, но никого не увидела. Только бабочка продолжала порхать у моего лица.

«Галлюцинации? — подумала я. — Я уже не удивлюсь. Я не удивлюсь, даже если эта бабочка окажется плодом моего больного воображения!».

— Эта бабочка — часть тебя, а вовсе не твоё воображение, — сказал всё тот же голос.

— Часть меня? — искусанными губами, еле слышно, спросила я. — Я не понимаю, что это значит.

— Разумеется, не понимаешь. Ты же ничего не помнишь, — с жалостью произнёс мой невидимый собеседник.

— Что я должна помнить? И кто ты?

— То, что ты должна помнить, ты вспомнишь в своё время. А я... Когда я смогу показаться тебе, хотя бы, в иллюзии тела, тогда и скажу. Пока же, считай, что я — твой воображаемый друг.

— Друг? У меня нет никаких друзей. Ни воображаемых, ни настоящих. Никаких.

— С кем ты разговариваешь, Милена? — в спальню зашёл Люцифер.

— Видимо, со своей галлюцинацией, — ответила я, отметив про себя, что бабочка исчезла, как будто её и не было. — А вы пришли полюбоваться на результат своих действий?

— А не слишком ли грубо разговариваешь, Милена?

— Не знаю. Может быть, — я отвернулась от Люцифера. — Хотите меня наказать за это? Пожалуйста. Не думаю, что эта боль будет сильнее той, что я получила на вашем балу, а потом, лично, от вас.

— А, разве, ты не сама согласилась отдаться Аббадону, Абигору и Асмодею? По своей воле?

— Да, сама. Но я... я не думала, что... что...

— Что всё будет так?

— Да.

— А чего же ты ожидала, Милена? Тем более, от Аббадона? Нежности? Ласки? Ты не в мире людей и, даже, не в мире драконов. Ты в мире демонов. А ожидать от демонов человеческого или, хотя бы, драконьего поведения, по меньшей мере, наивно.

— Но, хотя бы, вы могли не трогать меня в этот день. Не так ли?

— Мог бы, — согласился Люцифер. — Но, почему я должен лишать себя удовольствия?

— Удовольствия?! — хрипло рассмеялась я, тут же, чуть не задохнувшись от боли из-за сломанных рёбер. — Вам доставило удовольствие насилловать, истекающую кровью, девушку?!

— А что может доставить удовольствие демону, Милена? — я услышала, как мужчина подходит ко мне. — Доброта? Любовь? Нет. Нам доставляет удовольствие причинять боль, мучения, страдания... Или ты этого не знала? — он схватил меня за руку, за сломанное запястье и, с силой, его сжал — я закричала. — Слышать твои крики... Видеть муку на твоём лице... Это, поистине, доставляет наслаждение. И в этом нет никакой разницы между мной и Аббадоном или каким-нибудь другим демоном.

— Лилит другая, — возразила я, когда Люцифер отпустил мою руку и боль, слегка, поутихла.

— Лилит? Не обольщайся на её счёт. Она — демонесса разврата. Она любит развратное похотливое удовольствие. И она тебе его доставит. Но это, вовсе, не означает, что она не получит такое же удовольствие от раздиранья твоей кожи или от того вида, как тебя насилуют целой толпой.

— Но она, по крайней мере, хотела вас остановить. Разве, не так? — вспомнила я, что слышала тогда голос Лилит.

— Видимо, она решила, что с тебя достаточно за один день. Я же думал по-другому. А во всём остальном... Ты думаешь, что она не наслаждалась тем, что с тобой творили трое Верховных демонов? Поверь мне, Лилит была в полном восторге от этого зрелища. Хотя, сама она с Аббадоном связываться никогда не будет.

Я промолчала. Я понимала, что Люцифер прав — всё так, как он говорит. Но, несмотря на это, к Лилит я относилась куда лучше, чем к остальным демонам. Наверное, это было связано с той ночью, когда мы с демонессой выпивали, я ей жаловалась на жизнь, а она меня слушала (даже несмотря на то, что, затем, она поспособствовала тому, что я занялась сексом с Рейфом и Лексом).

— Тебе нужна моя кровь, Милена, — вновь заговорил Люцифер, после недолгого молчания. — Раны, нанесённые Верховными демонами, будут у тебя заживать, без моей помощи, как у простого человека. Даже если бы ты была чистокровным демоном — это было бы так.

— А я могу отказаться?

— Нет. Да и в чём смысл?

— Может, я не хочу лечиться с помощью того, кто нанёс мне раны?

— Это глупо, Милена. Ты из-за такой глупой причины собираешься, как минимум, месяц лежать в постели, зализывая раны? Ты забыла о своём споре с Фероксом?

— Нет, не забыла.

В результате мне, всё равно, пришлось пить кровь Люцифера. Как Рейф получал удовольствие, когда пил мою кровь — не знаю. Я, кроме тошноты, не чувствовала ничего. Но, по крайней мере, после этого кости стали срастаться, раны заживать... Тело ещё продолжало болеть, но и это скоро должно было пройти. Жаль только, что эта кровь залечивала, лишь, физические раны.

Когда Люцифер ушёл, ко мне зашла Лилит.

— Как самочувствие, Милена? — спросила она, войдя.

— Если говорить о физическом состоянии, то терпимо. А если о душевном... то об этом лучше не задумываться, — ответила я. — А ты здесь зачем, Лилит?

— Пришла посмотреть — не сломалась ли ты.

— И?

— Может, ты и надломлена, но, до конца, не сломлена.

— Почему-то, мне так не кажется, — вздохнула я, попытавшись встать — с трудом, но получилось. — Наверное, мой внешний вид достаточно достоверно отражает то, что у меня внутри.

Я разглядывала себя в зеркале. На меня смотрело бледное, как снег, существо, с опухшими, от слёз, глазами, с тёмными тенями под ними. Искусанные обескровленные губы, практически, сливались с цветом кожи лица, выделяясь, лишь, светло-розовыми следами от укусов. Ещё не исчезнувшие шрамы на шее, запястьях и лодыжках аллели бледно-красным цветом, напоминая о страшном хозяине нитей — Аббадоне. Глубокие царапины на бёдрах, груди и руках дополняли общую жуткую картину. В чёрном перьевом крыле, явно, не хватало приличного количества перьев.

— Я никак не ожидала, что ты свяжешься именно с Аббадоном, Милена, — произнесла демонесса разврата, тоже рассматривая меня.

— Я сама не ожидала, — ответила я, отвернувшись от своего страшного отражения и посмотрев на Лилит. — Просто... Я сама не знаю, как мне пришло это в голову. Я была... слишком самоуверенна. К тому же, я и подумать не могла, что кто-то ещё может... присоединиться.

— А чего же ты ожидала на балу демонов? Видеть такое и не присоединиться?

— Я ожидала, что у Аббадона собственнический характер, — призналась я. — Не ожидала, что он захочет с кем-то делиться.

— Да, Аббадон собственник, но... Тебе не надо было показывать свои неприятие и страх, когда подошёл Асмодей. Страх для демона — это, всё равно, что запах крови для хищника.

— Тебе же тоже понравилось, Лилит, то, что ты видела? Да?

— Понравилось, — не стала отрицать Лилит. — Это, действительно, было очень возбуждающее зрелище. И если бы там не было Аббадона, я бы в этом, возможно, и поучаствовала.

— Я хочу вернуться в Зиграден, — сказала я. — Ты можешь поспособствовать мне в этом?

— Естественное. Я сделаю тебе портал. Кстати говоря, твой Рейф уже там — Астарта

вернула его. Сказала, что была в полном восторге от него.

— Рада за неё.

— У меня к тебе ещё один вопрос, — продолжила Лилит, сотворив портал. — Мы же продолжим наше обучение?

— Не знаю, — покачала я головой. — Сейчас я не могу ответить на этот вопрос. Просто не в состоянии. Спроси у меня об этом недели через две.

— М-да, вид у тебя такой, Милена, как будто тебя окунули в бассейн с пираньями, — вместо приветствия, сказал Лекс, когда я, буквально, вывалилась из портала.

— Лучше заткнись сейчас, Лекс! Заткнись и не подходи ко мне ближайший год! Вообще, убирайтесь все отсюда! — зарычала я на представителей мужского пола, находящихся в спальне — Лекса, Рейфа и, даже, Блэка. — Я никого не хочу видеть!

Я осталась одна. Чего мне сейчас хотелось, так это того, чтобы меня все оставили в покое. Чтобы меня никто не трогал. Мне хотелось забиться в какой-нибудь самый тёмный угол и, вдоволь, наплакаться. Но, вместо этого, когда я осталась наедине со своими мыслями, я не смогла сделать ничего лучше, чем начать разбивать все зеркала в спальне. Зачем? Когда я посмотрела на своё отражение... я поняла, насколько грязной я кажусь сама себе. Я не могла видеть саму себя. Я казалась себе... настолько отвратительной! Хотя, в глубине души и понимала, что моей вины в этом нет.

Я исколотила в спальне все зеркала и всё, что только могло отражать. Я изранила руки в кровь, но не замечала этого. Да и что могла значить эта боль, по сравнению с той, что причинили мне демоны? Закончив с зеркалами, я перешла, вообще, на всё, что может разбиться. Хрусталь, стекло... Всё это, осколками, рассыпалось по полу, изрезая мои босые ноги. В конце концов, устроив в спальне полную разруху, я направилась в ванную комнату, где провела, наверное, часа три. Я тёрла себя мочалкой с таким остервенением, как будто мне это могло помочь избавиться от ощущения, что меня изваляли в грязи! Но, сколько бы я не отмывалась, сколько бы не тёрла... это не помогало. Но, я всё продолжала и продолжала и продолжала... Продолжала до тех пор, пока кожа не приобрела багрово-красный оттенок. Лишь тогда я остановилась.

Выйдя из ванны, я просто впала в какую-то прострацию или оцепенение. Я сидела на кровати, с остекленевшими глазами, в полной тишине, среди разбитых зеркал и молча, обхватив себя руками, раскачивалась из стороны в стороны. Чуть погодя я, кажется, начала что-то напевать.

— Милена, приди в себя! — громко прозвучал тот самый голос, который назвался моим воображаемым другом. — Ты что, уже забыла, ради чего... а точнее, ради кого ты пошла на это?!

Нет, я об этом не забыла, но... в тот момент мне это казалось таким незначительным обстоятельством. Для меня всё потеряло какой бы то ни было смысл. Мне всё стало безразлично.

— Дура! — рассерженно воскликнул голос. — Лучше бы ты истерила и разбивала всё вокруг! Очнись уже! Ты не имеешь права впасть в апатию! От тебя зависит не только судьба твоего ребёнка! Ты — правительница Зиградена и повелительница драконов! У тебя нет другого выбора, кроме как взять себя в руки и идти вперёд, сжав зубы!

Я её слышала, но не понимала — о чём она говорит? Идти вперёд? Зачем? От меня зависит чья-то судьба? Мне всё равно. Меня это не интересует.

— Ладно, — вздохнул невидимый собеседник. — Не хочешь приходить в себя по-хорошему, значит, придётся по-плохому.

— Привет, Милена! Скучаешь без меня? — спросил кто-то.

Я перестала раскачиваться и огляделась в поиске того, кто нарушил моё одиночество (бестелесный голос не в счёт). Передо мной, ухмыляясь, стоял Аббадон. Несколько секунд я не могла понять, кто это и что происходит. Но, когда демон подошёл к кровати и протянул ко мне свою руку... В моём мозгу вспышкой вспыхнули воспоминания о том, что произошло на балу Люцифера и кто в этом участвовал. Я отшатнулась от мужчины, закричала. Я пришла в состояние неконтрольной истерики и страха. Я была готова на всё, лишь бы, демон бездны ко мне не прикасался. Да, готова я была на всё, но... единственное, что я могла сделать — это забиться в самый угол кровати и, зажмурившись и дрожа, умолять Верховного демона оставить меня.

Я почувствовала, как меня кто-то обнял. Чьи-то нежные тонкие руки, явно не принадлежащие Аббадону, коснулись моего лица, провели по волосам.

— Тише, Милена, тише, — сказал, успокаивающе, женский голос. — Аббадона здесь нет — это была, всего лишь, иллюзия. Прости, но ты не оставила мне другого выбора. Ты не хотела приходить в себя, поэтому мне пришлось использовать столь жестокий способ, чтобы ты очнулась.

Я открыла глаза и никого не увидела. Ни Аббадона, ни успокаивающих и обнимающих меня рук.

— Аббадон... его, правда, здесь нет? — всё ещё дрожащим, от страха, голосом спросила я.

— Правда. Его здесь нет и не было.

— А кто ты?

— Я же тебе говорила, что ты можешь считать меня своим воображаемым другом.

— Друзья (пусть и воображаемые) так не поступают! Они не пугают!

— Да нет, Милена. Как раз так они и поступают, если не находят другой возможности помочь. Тебе же это помогло? Или тебе, до сих пор, всё безразлично? Если это так, то давай я избавлю тебя от твоей ноши? — невидимая рука дотронулась до моего живота.

— Нет, не смей! — крикнула я, отталкивая невидимые руки.

— Ну, вот. Теперь вижу, что, точно, пришла в себя, — сказали удовлетворённо. — Я уже испугалась, что мне тебя уже не вернуть. Может, гибкая психика тебе досталась от отца-демона? Ведь, была бы чистокровным человеком, тебя бы уже везли в дом, с мягкими стенами.

— Если бы я была чистокровным человеком, меня бы уже везли на кладбище, — заметила я.

— Печально, но верно. Человек бы такую потерю крови не пережил.

— Замечательно! Значит, меня можно мучить сколько угодно, ведь я, всё равно, не сдохну! — с горьким сарказмом произнесла я. — Так, кто ты? Меня не устраивает ответ — воображаемый друг. Конечно, только если я, окончательно, не сошла с ума и ты, не на самом деле, плод моего больного воображения.

— Хорошо. Тогда, закрой глаза.

Я закрыла глаза, а когда открыла... я была на солнечном летнем лугу. Пели птицы, светило солнце... Полная противоположность тому, что творилось в мире демонов. А прямо передо мной сидел белый дракон. Не уступая золотому дракону — Килгару — в размерах,

белый был... изящнее, что ли. Тоньше. Более узкая, почти лисья, морда; длинная гибкая шея; сверкающие расплавленным серебром глаза с кошачьими зрачками... Если бы я была в нормальном состоянии, я бы замерла от восхищения, лицезря такую красоту. Сейчас же... Сил хватило только на то, чтобы окинуть дракона равнодушным взглядом и спросить:

— И что это значит?

— Ты бы, хоть, удивилась для приличия, — со вздохом, сказал дракон... точнее, дракониха.

— Я уже ничему не удивляюсь в своей жизни. Устала удивляться. Говори, что тебе нужно от меня?

— Я только хочу, чтобы ты вспомнила, Милена. Я хочу, чтобы ты вспомнила мою сестру — Адалиссу.

— Кого я должна вспомнить? — не поняла я. — Адалиссу? Я не знаю никого с таким именем. И с чего, вдруг, я должна знать твою сестру?

— Вы с ней были единым целым. Да и сейчас им являетесь. Но, если ты не сможешь её вспомнить, я никогда не смогу с ней встретиться. Милена, пожалуйста... Я знаю, что вспомнить будет трудно. Но, я тебя прошу, хотя бы, попытаться.

— Я ничего не понимаю и понимать не хочу, — покачала я головой. — Имя — Адалисса — мне неизвестно и вспоминать мне нечего.

— Милена...

— Да кто ты, вообще, такая?! — в одну секунду спокойствие, как рукой, сняло. — Заявляешься в мою жизнь, говоришь странные слова и просишь меня кого-то там вспомнить! Скажи-ка мне — почему?! Почему я, вообще, должна выслушивать просьбы какой-то белой драконихи?!

— Я — не дракон.

— А кто же ты тогда?! Ящерица-переросток?! Ты себя в зеркало видела?!

— Я — не дракон, — повторило чешуйчатое. — В таком облике перед тобой проще появиться, так как с драконами ты связана кровью. А свой настоящий вид я принять не могу — у меня на это нет ни сил, ни возможности. Меня зовут Дайона.

— Мне совершенно наплевать, как тебя зовут! — резко ответила я. — Я не хочу иметь с какой-то иллюзорной сущностью, которая даже в саму себя превратиться не может, ничего общего!

— А что если я могу рассказать тебе правду?

— Какую ещё правду?!

— Например, о том, почему Самаэль — ангел смерти — так по особенному к тебе относится.

— Даже если ты что-то и знаешь об этом... Думаешь, меня это сейчас интересует? После всего того, что произошло? После того, как почти все, кто был мне дорог, погибли? После того, как меня, буквально, сделали рабыней двух повелителей? После того, как меня пытали и насиловали трое Верховных демонов? В конце концов, думать о каком-то там Самаэле, пока жизнь моего ребёнка — единственного, дорого для меня, существа — находится в постоянной опасности? Да не пошла бы ты к чёрту, вместе с ангелом смерти!

— Милена, прошу, выслушай!..

— Я не хочу ничего слушать! Единственное, чего я хочу — это того, чтобы ты убралась! Убралась и выгатила меня из этой иллюзии! — окинула я взглядом лесную поляну.

— Как хочешь, Милена. Я уйду. Но, извини, я ещё вернусь к тебе, так как ты — моя

единственная надежда увидеть сестру.

Когда Дайона договорилась, я, вновь, оказалась в своей спальне, среди, разбитых мной, зеркал.

«И что теперь, Милена? — спросила я сама себя. — Запрёмся в комнате на часы, дни, месяцы? А как же тогда спор с Фероксом? Если его срок выйдет, то Фероксу будет всё равно, почему я его пропустила и моего ребёнка он убьёт сразу же. Допустить это, я не могу ни под каким предлогом!».

Одолеваемая мрачной решимостью, что я должна, хоть, сломать себя и сойти с ума, но сделать всё, что в моих силах, я позвала Драйка и приказал ему найти Лилит и привести ко мне. Буквально через пять минут демонесса разврата была у меня.

— Ты сотворила здесь бардак? — поинтересовалась она, кивнув на осколки.

— Да.

— Ясно, — по этому поводу Лилит больше ничего не сказала — только пальцами щёлкнула и все зеркала стали целыми. — Теперь говори — зачем хотела со мной встретиться?

— Я хочу, чтобы ты снова начала меня учить.

— Ты же говорила, чтобы я спросила у тебя об этом только через две недели, — напомнила мне Лилит.

— Я передумала. Чем быстрее мы начнём, тем лучше.

— А ты уверена, Милена, что сможешь сейчас подпустить кого-либо к себе? — с сомнением, посмотрела на меня Верховная демонесса.

— Смогу, — не слишком уверенно, ответила я. — Во всяком случае, я сильно постараюсь.

— Этого мало — стараться. Будешь трястись от ужаса при малейшем прикосновении к себе — тебе это ничем не поможет. Не скрою — для меня будет забавно наблюдать за твоим страхом, а вот тебе пользы от этого не будет.

— Я не стану ничего бояться!

— Да неужели? Тогда, давай проверим. Я позову твоих, так называемых, телохранителей и ты займёшься с ними сексом. Прямо сейчас, у меня на глазах.

— С ума сошла? — уставилась я на неё.

— Значит, не можешь? — театрально-расстроено вздохнула Лилит. — Тогда и смысла нет чему-то тебя учить.

— Подожди! — остановила я демонессу, когда она повернулась ко мне спиной. — А если я... если я подпущу их к себе, разрешу прикасаться, но... без секса? Я не смогу... во всяком случае, сегодня не смогу спать с кем-то.

— Ну, хоть, призналась, что не сможешь. Ладно, тогда начнём с малого.

К моему удивлению, Лилит сначала приказала слугам принести еду, заявив, что мне, пора бы и поесть, так как у меня слабый человеческий организм. Я сама, честно говоря, уже и забыла про питание и когда я, вообще, ела в последний раз. После этого, Лилит позвала Рейфа и Лекса. Когда им объяснили, что от них требуется, лица обоих посетила плотоядная ухмылка, от которой у меня мороз прошёлся по коже. Но, вовсе, не от возбуждения. Из-за страха. Предательского противного липкого страха. Меня бросило в дрожь от одной мысли, что мужчины ко мне прикоснутся. Невольно, вспомнилась Лави и то, как она вела себя после того, как её изнасиловали. Она тоже начала бояться мужчин. Она шарахалась от них, как от огня. Но, для меня такой страх был просто непозволителен. Тут, хочешь, не хочешь, а

мне его надо было, каким-то образом, перебороть. Слишком уж много в моей жизни зависело от этих самых мужчин, как ни печально это признавать.

Когда Рейф и Лекс ко мне приблизились, я думала, что потеряю сознание от ужаса. Я сама не ожидала такой сильной реакции, но стоило мне представить руки этих двоих на своём теле... Я готова была кричать от страха.

— Помни одно, Милена, — тем временем, заговорила Лилит. — Помни, что ты можешь остановить их в любой момент. Одно твоё слово и они прекратят. Просто держи это в своём сознании.

Я понимала, что имеет в виду Лилит: «Держи это в голове, но не смей этого делать». Если я их остановлю, Лилит от меня откажется. Но, как же это было сложно! Сложно не просить их, не остаться одной и громко не заплакать. Вместо этого, мне приходилось молча стоять и ждать.

Всё дальнейшее стало самой настоящей пыткой. Я просто терпела ласки мужчин, думая лишь о том, чтобы это закончилось. Никак не получалось забыть в ощущениях и, уж тем более, получить от них удовольствие. Хорошо уже было то, что я могла это терпеть.

— Пошли вон, — приказала демонесса мужчинам — они подчинились, а Лилит продолжила. — Два дня. Я даю тебе два дня, чтобы ты смогла перебороть свой страх перед мужчинами. Не справишься — твои проблемы. Но, я не буду иметь никаких дел с женщиной, которая, при виде мужчин, только трясётся от ужаса и на их прикосновения никак не реагирует. Так что, я вернусь через два дня и посмотрю, что с тобой делать, — и Верховная демонесса оставила меня одну.

Глава 20.

«Два дня? — с какой-то отрешённостью подумала я. — Два дня на то, чтобы перестать бояться? Это невозможно. Невозможно избавиться от страха за столь короткий срок».

Моё собственное положение казалось мне безысходным. Я знала, что мне нужна Лилит, но условие, которое она мне поставила, казалось невыполнимым.

«А тебя, ведь, сроки поджимают не только с Лилит, — заговорил, давно молчавший, внутренний голос. — Ты не забыла, случайно, о том, что Ферокс убьёт твоего ребёнка, если ты не получишь покровительства Верховных демонов? Предположим, двух ты уже получила — Аббадона и Абигора. Но, что делать с третьим?».

Я взглянула на своё мрачное бледное отражение: «М-да, с таким лицом ты, точно, ничего покровительства не добьёшься».

Я встала, решительным шагом подошла к двери, открыла её и позвала Лекса с Рейфом:

— Значит так, мне нужно от вас, двоих, чтобы вы были, два дня, всё время, рядом со мной.

— Везде? — уточнил Рейф.

— Везде. В спальне, ванной... где угодно. Да, хоть, в туалете! Единственное условие — при любой возможности ко мне прикасаться и не обращать внимания на мой страх. Лекс, — обратилась я к киллеру. — Ты же хочешь со мной переспать? — напрямую спросила я.

— При возможности, не откажусь, — усмехнулся тот.

— Отлично. Тогда, если ты сможешь меня возбудить, я дам тебе эту возможность.

— А я такую возможность не получу? — вкрадчиво спросил Рейф, буквально выдохнув эти слова мне в ухо, от чего я шарахнулась от него — губы Рейфа изогнулись в какое-то подобие довольного оскала — мой страх ему, явно, нравился.

— Сможешь доставить мне удовольствие быстрее, чем это сделает Лекс — получишь, — ответила я, еле выровняв сбитое испугом дыхание. — Считайте это соревнованием. Приз — моё тело. Приз, конечно, не ахти какой, но, раз вы его так хотите... — я выразительно развела руками. — То, всё в ваших руках.

Я не была уверена, что эта идея сработает. Но другой у меня не было. Я посчитала, что если хочу избавиться от страха, мне нужно, как можно чаще, общаться с мужчинами. А положила руку на сердце, единственные мужчины, которым я, более или менее, могла доверять — это были Лекс и Рейф. По крайней мере, в отношении них, я была уверена, что смогу остановить их в любой момент и что насильно они ничего делать не будут (хотя, по поводу Лекса у меня и были кое-какие сомнения).

— Драйк! — громко позвала я, а когда слуга явился, сказала. — Я хочу, чтобы ты продолжил моё обучение. Двух месяцев мало. Я должна знать и уметь гораздо больше. Неважно — сколько времени это займёт. Я хочу уничтожить в себе любые слабости, которые только смогу.

— Как прикажете, госпожа.

— И ещё. Хотя бы, на ближайшую неделю отмени все встречи, которые у меня могли намечаться, как у правительницы Зиградена.

— Сделаю, — кивнул Драйк.

— И последнее, Драйк. Приведи ко мне Киерана.

Минуты через три, Киеран был у меня. С нескрываемым интересом посмотрев на Лекса и Рейфа по бокам от меня, он вопросительно взглянул на меня.

— Киеран, я знаю, что твоя семья известна тем, что создаёт магическое оружие, — начала я. — Так вот, я хочу, чтобы ты (или твои родственники) сделали его для меня.

— Зачем вам это, госпожа? — с удивлением, посмотрел на меня Киеран.

— А для чего нужно оружие? — вопросом на вопрос ответила я. — Сражаться, защищаться... Или для тебя сложно сделать его для меня?

— Сделать — не сложно, но... Любое оружие, сделанное моей семьёй, обладает своей уникальностью и своим характером. Слабаку оно не подчинится.

— Считаешь меня слабой?

— Я только хочу предупредить, что если вы проявите слабость, ваше оружие легко обернётся против вас.

— Считай, что предупредил. Так, сделаешь?

— Сделаю, если вы этого хотите. Тогда, мне нужно к вам прикоснуться.

— Зачем? — мгновенно напряглась я.

— Мы — семья Дельгадо — известны тем, что каждое оружие мы делаем под определённого хозяина. Коснувшись вас, я увижу образ вашего оружия, который мне останется только воспроизвести.

— Ну-у... хорошо, — согласилась я, мысленно приготовившись к ещё одному мини-стрессу.

Когда пальцы Киерана коснулись моего лица, я вздрогнула и зажмурилась.

— Вы боитесь меня, госпожа? — поинтересовался демон, но без какой-либо насмешки в голосе.

— Боюсь, — признала я. — Но, не тебя. Вообще, мужчин. Прошлый бал демонов бесследно не прошёл. Лечусь, как видишь, — покосилась я на Лекса по правую сторону от меня.

Киеран расспрашивать дальше, к счастью, не стал. Он ещё секунд пять-десять держал свои руки на моём лице. А когда он убрал руки, вид у него был, весьма, озадаченный.

— В чём дело? — спросила я. — Только не говори мне, что я такая слабая, по меркам демонов, что мне и оружие никакое не подходит.

— Нет, дело не в этом. Оружие у вас есть и я вам его сделаю. Просто, это странно.

— Что именно?

— Ваше оружие, госпожа — это коса.

— Коса? Какое же это оружие? Это сельскохозяйственное орудие труда! — недоверчиво посмотрела я на Киерана.

— Не скажите, госпожа. Коса — это оружие, одним взмахом уничтожающее всё и всех на своём пути. Хотя, научиться им управлять довольно сложно. Все косы обладают очень своенравным характером. Управлять ими — это то же самое, что объезжать дикую лошадь. Правда, сравнивать особо и не с чем. Такое оружие моя семья делала только один раз, и это было ещё до того, как я стал главой.

— И для кого оно было сделано? — с интересом, спросила я.

— Для ангела смерти — Самаэля.

— Могла бы и сама догадаться, — пробормотала я и продолжила. — Через какое время всё будет готово?

— Если этим займусь я сам, то неделя, — ответил Киеран. — Но, для этого мне придётся покинуть Зиграден, чтобы...

— Делай всё, что считаешь нужным, — мне были неинтересны его объяснения. — Езжай куда хочешь и с кем хочешь. Но, чтобы через неделю моя «дикая лошадь» была у меня. Всё понятно?

— Да, госпожа.

Оставшись втроём, Лекс спросил у меня:

— Зачем тебе оружие, Милена? Думаешь, на тебя кто-то решит напасть? Сильно в этом сомневаюсь — во всех мирах мало желающих связываться с твоим супругом.

— Нет, я не думала, что на меня кто-то будет нападать. Просто... просто мне надоело чувствовать себя абсолютно беспомощной. А так, будет, по крайней мере, ощущение того, что, в случае чего, я могу, хоть что-то, сделать. Пусть это и будет, всего лишь, иллюзия. Ай! Рейф, твою мать! — в этот момент Рейф куснул меня за мочку уха, слизнув выступившую кровь.

— Решил, что раз тело не достанется, то, хоть, крови напиться? — поинтересовался Мейснер.

— А ты не слишком самоуверен? — прищурился Рейф, посмотрев на Лекса насмешливым взглядом — тот ответил ему своим — змеиным, без эмоциональным.

— Вы, оба, сейчас у меня ничего, кроме неудобства и страха, не вызываете, — остановила я, возможно, назревающий конфликт. — Кстати... Возможно, задам глупый вопрос, но... Вы никогда не слышали имени Адалисса?

Двое мужчин как-то странно на меня посмотрели — я так и не смогла понять значение этих взглядов. Но, оба, синхронно, покачали головами:

— Никогда не слышали. А что?

— Да нет. Ничего.

«Да зачем забивать себе голову какой-то Адалиссой и белой драконихой? — решила я про себя. — У меня что, других дел нет?».

Весь остаток дня я провела в обучении Драйком и в попытках перебороть свой страх, хотя бы, перед Рейфом и Лексом. Последнее получалось плохо. Я, буквально, сходила с ума только от нахождения киллера и гипнотизёра рядом со мной. Иногда, мне казалось, что я, едва, не дохожу до нервного срыва. Да, это странно с учётом того, что при Киеране я вела себя, более или менее, спокойно. Но, так и было — после относительного спокойствия, меня опять бросило в пучину ужаса. Единственный момент, который меня успокаивал — это момент, когда я тренировалась с Драйком сражаться на шпагах. Сражение увлекало меня, отвлекало... Сам факт того, что я сама нападаю на кого-то, давал ощущение того, что я не так уж и беспомощна. Но, тренировка заканчивалась, а я, опять, оставалась один на один со своими страхами. Я, опять, оказывалась в обществе Рейфа и Лекса. Если бы не понимание того, что я сама этого хотела и того, что я должна перебороть свою паранойю — я бы их прогнала от себя уже давным-давно. Но, сжав зубы, я терпела. Терпела их прикосновения, терпела свой собственный ужас и дрожь... Терпела то, что видела, как мой страх нравится Рейфу. Возможно, Лексу он нравился также, но он этого, почти, не показывал. Рейф же... Я чувствовала, что он прикасается ко мне не из-за этого дурацкого соревнования, которое я сама же и объявила, а из-за моей реакции на его действия. Он, буквально, ловил кайф от того, как я дрожу и пытаюсь держать себя в руках. Это было сродни азарту хищника, почуявшему кровь жертвы. Всё это было понятно не только по лицу Рейфа (хотя, и это тоже

— своё удовольствие он не скрывал и не собирался этого делать). Я чувствовала его. Видимо, когда я лишилась кукловода, наша связь стала острее, хотя, я этого, до сегодняшнего дня, и не замечала. Или не хотела замечать.

Блэк, всё это время, тоже был со мной. Он был, так сказать, единственным представителем мужского рода, к которому я страха не испытывала.

Поздно вечером, почти ночью, я легла в кровать, вымотанная тренировками и обучением; измученная страхом... Кажется, я заснула, практически, мгновенно. И никаких кошмаров, да и, вообще, снов, к счастью, я не видела.

Я проснулась ближе к утру от осознания того, что что-то происходит. Первые минуты, после пробуждения, я ничего не могла понять. А потом, я сообразила — в чём дело. Я лежала абсолютно обнажённая. Хотя, это обстоятельство я никому не могла поставить в вину, так как уставшая и психологически вымотанная, я, кажется, не заморачивалась и сама легла так — точно я не могла вспомнить. Но, проснулась я, разумеется, не от этого. А от того, что кто-то, очень настойчиво, меня лапал! Первым желанием было заорать и врезать тому, кто посмел на меня посягнуть. Но, моя недолгая жизнь вне мира людей научила меня многому. Например, тому, что нужно сначала думать, а потом уже делать. Иначе, можно попасть на крупные неприятности. Конечно, в мире людей мне моя импульсивность тоже выходила боком, но здесь — в мирах демонов и драконов — это могло закончиться, значительно, хуже. Поэтому, я взяла себя в руки и открыла глаза, чтобы разобраться.

Как выяснилось, я лежала на кровати, между Лексом и Рейфом, которые и разбудили меня своими прикосновениями. Желание — заорать и врезать — вернулось. Но, видимо, поняв это по моим бешеным глазам, Лекс закрыл меня рот рукой.

— Тише, Милена. Ты же сама позволила прикасаться к тебе когда и где угодно. Тем более что пока ты спала, твоё тело очень даже хорошо на нас реагировало. Не чувствуешь? — спросил он, убирая руку от моего рта.

Я прислушалась к своим ощущениям. Первым делом отметила, что негатива, ни в каком смысле, не испытываю. Наоборот, ощущать на себе мужские руки было... приятно. Что, само по себе, уже было странно. Да и не только это. Тяжесть внизу живота, собственное учащённое дыхание, затвердевшие соски... всё это давало понять, что эти двое развлекались со мной уже, довольно, долго. И почему я не проснулась до этого момента, так и осталось для меня загадкой. Но, что самое удивительное — это то, что страшно мне не было. Во всяком случае, пока. Видимо, психологический барьер, который заставлял меня бояться, и не давал получать удовольствие, во сне исчезал и, соответственно, тело реагировало, как надо. Но... в эту секунду я вспомнила все вчерашние события и вспомнила трёх Верховных демонов. Страх, вновь, стал подниматься из глубин сознания. Я осознала, что ещё чуть-чуть и со мной, опять, может случиться истерика — слишком близко находились Рейф с Лексом. Я рванулась, намереваясь оказаться, как можно дальше, от мужчин. Но, у меня не получилось. Меня удержали на месте, сразу, в четыре руки. Я стала вырываться:

— Отпустите немедленно! Уберите от меня свои руки!

— Спокойно, Милена. Ты так никогда не сможешь избавиться от своей паранойи, — сказал Лекс, держа меня.

— Я смогу, но не сейчас! Сейчас не могу! Отпустите!

— Не сможешь сейчас — не сможешь никогда, Милена. К тому же, вспомни, что ты обещала: тот, кто доставит тебе удовольствие, тот тебя получит, — напомнил Мейснер. — И,

как я понимаю, — его пальцы провели по затвердевшим соскам. — Удовольствие ты получила. И? Не собираешься выполнять свои обещания?

— Даже если это и так, я не могу знать — кто из вас это сделал! — дёрнулась я ещё раз, всё ещё надеясь получить свободу.

— Не вопрос — в этот раз я согласен поделить победу, — «обрадовал» меня Лекс, кажется, не прилагая ни малейшего усилия для того, чтобы я оставалась в постели.

— Нет, я не могу! Лекс, я... я боюсь!

— Рано или поздно, но тебе придётся это сделать, — стоял на своём киллер. — Если не с нами, то с кем-нибудь другим, кто придёт к тебе первым. Подумай над тем, Милена, что к тебе, в любой момент, может заявиться либо повелитель демонов, либо повелитель драконов. Им ты отказать не сможешь и слова: «Я боюсь!» на них не подействуют. И нежнее они не станут. Так что, подумай, Милена, подумай.

Страх сковал моё тело. Я бы теперь, наверное, и трепыхаться бы не смогла. Но, вместе с тем, я ясно представила, что будет, если придёт Люцифер. Что тогда со мной будет? Даже зная обо всём, Люцифер жалеть меня не станет. Он сам говорил, что ему доставляет удовольствие видеть мои страдания. А что будет после этого... я даже не знаю и не могу представить. От Ферокса тоже не стоит ожидать жалости или, хоть, малейшего намёка на сочувствие. Он просто сделает то, за чем придёт. Правда, я не уверена, как отреагирует на моего супруга драконья кровь, когда я в таком состоянии. Подействует ли она вообще? Это тоже было под сомнением. Ясно было одно — ни с Люцифером, ни с Фероксом я не хотела столкнуться до тех пор, пока меня бросает в ужас от одной мысли о них. Точнее, от мыслей о сексуальной близости с ними.

— Ну? И что же ты решила? — спросил Рейф.

— Я боюсь, — повторила я. — Но... но, я попробую.

Лекс был прав. Если это будут не они, то будут другие. И не факт, что после этих самых «других» я вернусь в нормальное состояние. Так что, пусть это будут Рейф и Лекс.

— Но, только с одним условием. Если я скажу остановиться — вы остановитесь, — сказала я.

— Как скажешь.

На самом деле, я уже решила, что останавливать их, до последней возможности, не стану. Я собиралась сама себя переломить, а для этого никаких «стоп» быть не должно. Но, мне просто нужны были гарантии, что, при любых обстоятельствах, я смогу всё закончить в любой момент.

— И, всё-таки, будет немного жаль, если ты перестанешь бояться, — заявил Рейф. — Это так очаровательно!

— Если я не перестану бояться, то кровь ты будешь получать, не чаще, раза в месяц и то, сцеженную мной же в баночку, так как твои прикосновения будут меня пугать. Как тебе такое, Рейф? — поинтересовалась я.

— Убедительно, — согласился Рейф. — Что ж, Милена, тогда позволь сделать то, что ты хочешь.

— Я этого совсем не хочу. Но, мне это нужно.

Я закрыла глаза. Я постаралась представить себя в месте, далеко-далеко отсюда. Там, где нет ни демонов, ни драконов. Где нет страха. Где нет, вообще, никого и ничего. Эти, так сказать, несбыточные мечты помогли мне унять дрожь и, даже, немного успокоиться. Хотя, и не надолго. Как только я ощутила чьё-то прикосновение, меня, как током, ударило.

«Далёкое место» исчезло, а я оказалась во власти, ненавистных мне, мужчин! Я закрыла лицо руками, закричала!.. Я не пыталась вырваться — в таком полу безумном состоянии я, инстинктивно, чувствовала, что это — бесполезно. Они сильнее меня. В голове билась только одна разумная мысль: «Если этим мужчинам что-то надо, то пусть это быстрее закончится!».

— Милена! — кто-то, с силой, убрал мои руки от лица. — Милена, посмотри на меня! — этим «кем-то» был Лекс.

Сделав над собой усилие, я открыла глаза.

— И теперь не закрывай, — продолжил Лекс. — Смотри на меня и постарайся, всё время, помнишь, что я — не они. Я не Аббадон, не Абигор и не Асмодей. И уж, тем более, я не Люцифер. Скажи мне остановиться и я остановлюсь, если ты этого захочешь.

Я хотела этого. Я очень хотела, чтобы он остановился. Но... не могла этого сказать. Я должна была переступить через это, чтобы смочь продолжать бороться дальше за жизнь ребёнка и свою собственную. Хотя, стоять мне это будет очень дорого. Моё тело оцепенело от ужаса и ощущения мужского тела под собой (так как сейчас я, почти, лежала на Рейфе) и на себе. Мне было страшно. Страшно, как никогда в жизни! Чёрт, да я бы, наверное, пыток не так боялась, как предстоящего секса!

— Расслабься, Милена, — шепнул мне на ухо Рейф. — Ты очень напряжена. Так ты не получишь никакого удовольствия. А ты же этого не хочешь?

— Зато ты, Рейф, был бы доволен чистым насилием, верно? — спросила я, стараясь, чтобы мои зубы не отстукивали чечётку от охватившего меня страха.

— Да, не спорю, но... Проблема в том, что ты тогда больше непустишь меня в свою постель, если тебе не будет это нравиться. Не так ли? Честно говоря, мне больше нравилось, когда ты получала наслаждение от того, что я причинял тебе боль. А вот такой вот голый страх... он мне, всё равно, быстро надоест. И...

— Достаточно разговоров, — прервал гипнотизёра Лекс. — Лично я, хочу перейти к действиям. Если, конечно, ты, Милена, не собираешься сейчас всё закончить.

— Нет, не собираюсь. Я же обещала, верно? Что если сможете меня возбудить, то получите меня?

Если бы кто-нибудь, хотя бы, месяц назад сказал мне, что я, вот так, буду, по собственной воле, отдаваться двум мужчинам, этот «кто-нибудь» получил бы удар по лицу. Но, сейчас... сейчас меня это совсем не волновало. Меня волновало, лишь, то, что я не смогу избавиться от своей паранойи. А я должна была не только сексом заниматься, но и смочь наслаждаться им. Но, как это сделать, когда я от одних касаний кричу (причём, отнюдь, не от удовольствия) и едва не теряю сознание?

— Лекс, можешь ответить мне на один вопрос? Если демон и человек связаны кровью, они могут чувствовать эмоции друг друга, как кукловод и марионетка? — спросила я.

— Не знаю, — ответил Лекс, с удивлением посмотрев на меня. — Никогда этим не интересовался, ведь, у меня такой связи нет. А почему ты спрашиваешь?

— Если бы я могла чувствовать эмоции Рейфа, смешивать их со своими... я бы могла почувствовать его желание и наслаждение, — объяснила я свою безумную мысль. — Я бы смогла наслаждаться этим вместе с ним. К тому же, когда мне приснился кошмар в Зиградене, Рейф почувствовал мой страх. Значит... это возможно? Рейф, — повернула я голову к мужчине. — Расскажи мне, как ты тогда смог почувствовать, что я чем-то напугана?

— Просто почувствовал и всё, — пожал плечами рыжеволосый.

— Это — не ответ! Ты же хочешь меня, Рейф, так? А раз так, то придумай, как объяснить так, чтобы я поняла!

— Я не могу это объяснить — это просто есть. Но, разве, не ты сама сегодня днём жаловалась на то, что чувствуешь, как мне нравится то, что ты меня боишься? — напомнил мне Рейф.

— Верно, но... — задумалась я, вспоминая. — Это чувствовалось как-то само собой. Без моего желания.

— Думаю, ты сможешь это контролировать, если захочешь, — сказал Мейснер. — Скорее всего, проблема в том, что ты не можешь принять того, от чего кайфует Рейф. Тебя это бесит, злит и пугает. Но, если сможешь принять, то, возможно, откроешь для себя способ управлять этим.

— Всё-то ты знаешь! — недовольно произнесла я, хотя, это объяснение казалось слишком правдоподобным — я, действительно, злилась и пугалась от того, что могло радовать этого ненормального психа, с садистскими наклонностями.

Но, если всё так, как говорит Лекс, тогда, получается, что мне просто нужно смириться с тем, что Рейф получает удовольствие от чужой боли? Да я, вроде, и так уже с этим смирилась давным-давно. М-да, смириться-то я смирилась, но... не приняла этого. Всё дело в этом? Но, принять это также сложно, как и перебороть свой страх перед мужчинами. Или... или, всё-таки, легче и проще? Легче просто позволить эмоциям и чувствам Рейфа войти в меня, чем пытаться ломать себя. Наверное, это так, но...

— Лекс, слезь с меня, — попросила я. — Ненадолго. Мне сейчас нужен Рейф.

Лекс не стал спорить, а я вздохнула и повернулась к Рейфу. Я уняла свою дрожь, усилием воли заставила страх, ненадолго, отступить, взяла лицо Рейфа в свои ладони и посмотрела ему в глаза:

— Если, когда-нибудь, я узнаю о способе разорвать нашу с тобой связь, Рейф, то я, без раздумий и с огромной радостью, это сделаю. Ну, а пока, я смирюсь с твоим присутствием в моей жизни. Я приму то, что ты получаешь удовольствие от чужой боли только по одной причине — потому, что мне это нужно. Я хочу ощутить то, что ты так сильно жаждешь — секс, кровь... Я хочу жаждать этого вместе с тобой.

— Ты же уже жаждала этого, Милена, вспомни, — также, смотря мне в глаза, ответил мужчина. — Вспомни тот раз, когда ты сама хотела, чтобы я причинял тебе боль и как это, впоследствии, вылилось в секс (хотя, для тебя он просто стал продолжением истязаний, которые ты так хотела). Что ты тогда ощущала?

Я горько усмехнулась, вспомнив, что чувствовала тогда. Я просто хотела ощутить себя живой. Боль была доказательством того, что я ещё жива. И в той боли я могла легко забыться. Но, это, ведь, не то, что мне нужно сейчас, верно? А вот, что в тот раз ощущал Рейф?

— Рейф, а может, ты тоже вспомнишь, что чувствовал тогда? — предложила я.

— Что я тогда чувствовал? — переспросил Рейф. — Я наслаждался, — гипнотизёр резко сдёрнул меня с себя, отказавшись сверху — я, испуганно, вскрикнула. — Я наслаждался твоей кровью, — он провёл ногтями в области, под ключицами, оставив царапину. — Я наслаждался твоей болью, — ещё одно движение и мои руки схвачены над головой и заведены назад. — Я наслаждался этим болезненным, для тебя, сексом. Я наслаждался твоими криками. Наслаждался тем, как твои кости легко ломаются. И я наслаждался тем, что ты сама этого хотела. И сегодня я хочу того же (разумеется, можно и

без ломания костей).

Я смотрела в эти бирюзовые глаза, полные желания и безумия и не испытывала никакого страха. Почему? Мало твердить самой себе: «Он мне ничего плохого не сделает». Это надо чувствовать. А я сейчас именно чувствовала, что Рейф мне ничего плохого не сделает. Только если я сама этого не захочу. Хотя, можно ли назвать «плохим» то, что ты сама хочешь? Наверное, нет. Я знала, чего хотел Рейф и хотела хотеть того же. Это не было похоже на связь марионетки и кукловода. Это была не та связь, что была у меня с Каем. Но, всё-таки, это была связь. И её можно было использовать. Оставалось только понять — как. Как сделать так, чтобы эмоции Рейфа стали моими? Рейф сказал, что это — просто есть, да и когда я чувствовала эмоции Кая, будучи марионеткой, я их просто чувствовала потому, что они были. Я никогда об этом не задумывалась потому, что это происходило бесконтрольно. Но, я знала, что это можно контролировать (хотя бы, относительно). То, чего я хотела — взять эмоции Рейфа, слиться с ними... хотела, чтобы меня захватил его экстаз, его безумие. Это то единственное, что я сейчас хотела. И... я это получила. Это оказалось куда проще, чем я думала. Стоило только подумать об этом, пожелать, вспомнить... Меня захлестнули чужие эмоции, как будто, до этого, была какая-то преграда, сдерживающая их и исчезнувшая в один миг. Это было, как смешение двух красок. Моей — тусклой, непонятной, болезненной. И Рейфа — безумной, сумасшедшей и, от этого, непередаваемо яркой. Он желал меня, моего тела, моей крови. Я это чувствовала. И я желала того же. Я желала Рейфа и... я хотела видеть и слизывать его кровь. Видимо, тогда я слишком много желаний Рейфа впустила в себя. Плохо это или нет — об этом я не думала. Мне нравилось то, что я чувствовала, а на всё остальное мне было наплевать.

— Рейф, отпусти мои руки, — сказала я, когда поняла, что самой мне от хватки мужчины не избавиться.

— И что же ты будешь делать, если я их отпущу? — с интересом, спросил Рейф.

— Увидишь. Но, обещаю, жалеть не будешь.

Получив свободу, я вцепилась ногтями в плечо Рейфа, потянув его на себя. Добившись того, чтобы Рейф почти лёг на меня и, с каким-то безумным восторгом, обнаружив кровь под своими ногтями и начавшие кровоточить царапины на плечах гипнотизёра, я его поцеловала! Только поцелуй этот был уж очень похож на то, как меня, на балу Люцифера, целовал Асмодей. Ласка и нежность? Как бы ни так! В ход шли зубы, клыки Рейфа... Очень скоро, с покусанных губ, что у меня, что у него капала кровь, а нас обоих это только ещё больше распаяло и возбуждало. Оторвавшись от губ Рейфа, я перешла на его шею, оставляя на ней отпечатки своих зубов (за неимением клыков, на большее меня не хватило). Затем, с радостью увидев, что царапины на плечах мужчины кровоточат до сих пор, я постаралась разодрать их сильнее. Я получала от этого такое удовольствие! Потом я, чуть ли не с нежностью, зализывала раны Рейфа, ощущая на языке вкус его крови. А после этого я, вновь, расцарапывала его плечи. Рейф в долгу не оставался. Мои собственные плечи, шея, живот и бёдра... всё это не осталось без внимания клыков и ногтей Рейфа. Мы оба были измазаны в собственнo крови и крови друг друга и наслаждались этим! Единственное, что нам оставалось — это овладеть друг другом. Что мы и сделали. Грубо, жёстко, неистово, страстно!.. Если смотреть на нас со стороны, то это было похоже на соитие двух каких-то зверей! Рычание, укусы, царапины... всё это не прекращалось ни на секунду! Если наши губы и встречались, то это приводило, лишь, к новым ранкам на них. И, вместе с этим, так хорошо мне давно не было (секс с Фероксом, приправленный кровью драконов, не в счёт). Я совсем

забыла о своём страхе. Меня полностью охватило безумие Рейфа.

Через некоторое время, когда мы с Рейфом, тяжело дыша, валялись на кровати, полностью удовлетворённые и довольные друг другом, меня сгрёб в свои объятия Лекс:

— Я рад, Милена, что тебе больше не страшно. И теперь, я хочу получить свой «кусок». Ты же не против?

Вместо ответа, я впилась в его губы. Но, когда мне пришло в голову его укусить, Лекс резко дёрнул меня за волосы, заставляя меня отстраниться.

— А вот этого я тебе делать не позволю, Милена, — сказал он, всё ещё удерживая меня за волосы. — Не люблю, когда меня кусают. Люблю сам кусать.

Лекс отпустил меня, а затем положил на спину, устроившись сверху. В отличие от Рейфа, киллер моим рукам свободы не дал, жёстко зафиксировав их над головой. Он не дал мне и шанса поцарапать его или ещё что-нибудь сделать. Хотя, сам делал это в полной мере. Злило это меня? Расстраивало? Вовсе, нет. Мне нравилось чувствовать себя полностью во власти Лекса. Правда, до этого момента, я не замечала за собой особой тяги к подчинению. Неужели, это чувства Рейфа? Ему нравится подчиняться тому, кто сильнее его? Не знала о таком. Впрочем, мне было всё равно. Мне нравилось происходящее, и это было главным.

Глава 21.

— Значит, эмоциональный вампиризм, да? — Лилит, с любопытством, переводила взгляд с меня на Рейфа.

— Какой вампиризм? — не сразу поняла я.

— Эмоциональный, — повторила демонесса. — Ты, можно сказать, питаешься эмоциями своей «собаки», превращая их в свои. Впрочем, если тебе так проще жить, мне всё равно. В конце концов, кому, как не демону, использовать других для своей выгоды. Пусть и такой.

— Так, ты теперь согласна работать со мной? — спросила я.

— Не так быстро, Милена, — покачала головой Лилит. — Я хочу убедиться, что даже если твоего Рейфа не будет рядом, ты либо сможешь обойтись без его чувств, либо сможешь пользоваться ими на расстоянии. Какой именно из этих двух вариантов будет — меня не волнует. Для меня главное, чтобы ты не начала снова бояться.

— Хочешь мне проверку устроить? — я не слишком была довольна таким поворотом событий.

— Очень хочу.

— У меня не так много времени, Лилит, — предупредила я её, помня про спор. — Я не могу его зря терять.

— Не волнуйся, не потеряешь, — заверила девушка. — Во-первых, эта проверка может быть частью обучения (во всяком случае, тебе хуже от этого не будет). А во-вторых, много времени это не займёт.

Я с сомнением посмотрела на Лилит. Я не представляла что, в понимании её слов, означает «проверка». Наверняка, что-то пошрое и развратное. А почему «наверняка»? Точно!

— Думаешь, не справишься? — спросил, подошедший ко мне, Лекс.

— Откуда мне знать? Я сама не имею понятия, как я среагирую. К тому же, я не совсем уверена, смогу ли, в любое время, по своему желанию, «подключаться» к чувствам Рейфа.

— Ну, вот это мы, как раз, и проверим, — с оптимизмом, заявила Лилит. — А сейчас, одевайся, Милена и идём.

— Куда?

— Узнаешь, когда придёшь.

— Как одеваться-то? — поинтересовалась я, смирившись с неизбежным. — Как на панель или, всё-таки, попримечнее?

— Не имеет значения. Хоть, с головы до ног укутывайся.

Слова Лилит показались мне странными. В её понятии, как я успела понять, чем меньше одежды, тем лучше. Или, по крайней мере, чтобы одежда не скрывала абсолютно ничего. А если она говорит, что это не имеет значения... Становится как-то страшно.

— Сойдёт? — одела я первое, что пришло в голову — синее платье чуть выше колен, без рукавов.

— Вполне, — одобрила Лилит, открывая дверь портала. — Идём.

Как и в прошлый раз, Лилит привела меня в Пандемониум — столицу мира демонов.

— Мы же сейчас не пойдём в бордель? — с надеждой, спросила я.

— Нет. Нас ждёт место поинтереснее, — заверила меня Верховная демонесса.

От её «заверений» я занервничала. Паника, которая, как я думала, убралась из моего сознания, начала возвращаться. Связаться с эмоциями Рейфа, который, как казалось, никогда ничего не боится, было невозможно. Я просто не знала — каким образом это сделать. Одно дело, когда он был близко и прикасался ко мне. И совсем другое, когда он далеко, и я его перед собой не вижу.

— Начинаешь нервничать, Милена? — спросила Лилит, заметив моё беспокойство.

— Есть немного, — призналась я. — Если я не вижу Рейфа, я не знаю, как с ним связаться.

— Если у тебя не получится совладать со своим страхом... — начала демонесса.

— Я знаю! — с досадой, перебила я её. — Если не смогу, то ты на меня не будешь тратить своё время. Я это знаю! Знаю, но ничего с собой поделать не могу! Мне, снова, становится страшно!

— Твои проблемы, — с безразличием, пожала плечами Лилит. — Если не сможешь — на меня можешь больше не рассчитывать. Мне неинтересно работать с тем, для кого секс является пыткой, а не удовольствием.

Мне нечего было на это возразить. Хотя, по сути, сейчас меня пугал не возможный секс, а неизвестность. Не зная — куда я иду, зачем и что меня ждёт... Меня это нервировало и выбивало из колеи. Да и интимная близость с каким-нибудь незнакомцем тоже не могла меня радовать. А то, что меня заставят с кем-то переспать — я не сомневалась. Иначе, как проверить, что я перестала шархаться от мужчин?

Мы подошли к большому, довольно мрачному на вид, готическому замку, на пороге двери которого Лилит мне сказала:

— Раздевайся.

— Не поняла! — в шоке, посмотрела я на неё. — В каком это смысле?!

— В прямом. Полностью. Или для тебя это сложно?

— Да нет. Не особо, — пожала я плечами, когда шок прошёл.

Было ли это сложно на самом деле? Как ни странно, но совсем нет. И дело было, вовсе, не в чувствах Рейфа — к ним, я так и не придумала, как «подключиться». Просто это, действительно, было не сложно. Это было просто. Раздеваясь, я ничего не чувствовала — ни стыда, ни смущения. Глупо чувствовать это в мире демонов — так я теперь думала.

— Знаешь, Милена, — произнесла Лилит, окинув меня взглядом, когда я полностью разделась. — Когда ты раздеваешься, тебе должно это нравиться. Тебе надо научиться получать удовольствие от этого процесса, любоваться своим телом... А не делать это с лицом каменной статуи. Ладно, над этим поработаем потом.

Лилит открыла тяжёлую входную дверь и зашла внутрь. Я последовала за ней.

То, что я увидела внутри... Такого я никак не ожидала увидеть! В большом зале, обставленном по всем законам роскоши, находилось человек тридцать. Точнее, не человек, а демонов. И то, чем они занимались, повергло меня в состояние оцепенения. Это была самая настоящая оргия! А я-то, наивная, думала, что меня уже ничего не удивит. Я никак не могла подумать, что Лилит приведёт меня на... подобное мероприятие.

Количество мужчин и женщин в зале было, примерно, равным. И то, что они творили друг с другом... Такого, наверное, не увидеть ни в одной Камасутре мира! Различные позы, различные способы получения удовольствия... Мужчина с женщиной, мужчина с мужчиной, женщина с женщиной или целые группы... Наручники, цепи, плети, ошейники, кляпы...

какие-то приспособления, названия которых я не знала. Демоны, одетые в кожу, латекс (хотя, конечно, большинство были полностью обнажены)...С кем-то обращались нежно, кого-то пытали... В общем, не буду описывать всё, что я там увидела. Но, могу заверить, что все известные сексуальные извращения (за исключением, всяких «филий») там присутствовали!

— Лилит, только не говори мне, что хочешь, чтобы я к ним присоединилась! — я сделала шаг к выходу.

— Именно, — кивнула демонесса.

— А тебе не кажется, что это слишком для какой-то там проверки?!

— Нет, не кажется. Поучаствуешь в этом, и я поверю, что смогу чему-нибудь научить тебя. Разумеется, твоё внимание должно будет направленно на мужчин. Женщины тебя, в любом случае, не испугают. Ну, а если убежишь сейчас, то забудь обо всём, что касается меня. А я, ведь, нужна тебе, верно?

Я, вновь, обречённым взглядом, обвела представшее мне зрелище. Участвовать в подобном... для меня это было за гранью стыда и морали. Как бы мне хотелось, в этот момент, воспользоваться Рейфом (как бы грубо это не звучало по отношению к последнему). Ему бы, явно, понравилось то, что здесь происходит.

— Очень просто воспользоваться чужими эмоциями для подавления своих, — словно прочитав мои мысли, сказала Лилит. — Возможно, потом ты сможешь научиться пользоваться этим постоянно. Но, сейчас ты этого не можешь. А это значит, что ты должна чувствовать сама. Ты должна сама всем наслаждаться.

— Наслаждаться этим? Ты шутишь?!

— Я абсолютно серьёзна. Так что, удачи, Милена, — Лилит, буквально, толкнула меня в зал.

Оказавшись, практически, в центре зала и поймав на себе заинтересованные взгляды демонов, я почувствовала себя мышью в мышеловке. Паника нарастала, и ощущение себя в ловушке чуть не заставило меня начать метаться по помещению, что придало бы мне стопроцентное сходство с серым маленьким зверьком. Но, осознание того, чем мне грозит провал, позволило мне, более или менее, взять себя в руки. По крайней мере, я не бросилась бежать из зала, что уже было большим достижением.

Я сделала глубокий вздох, чтобы собраться с мыслями и понять, что мне делать дальше и как себя вести.

«Для начала, надо выбрать того, кто и станет моим сексуальным объектом» — решила я.

Глянув на выбор, который у меня был, я остановилась на одном молодом демоне, с тёмно-каштановыми волосами чуть ниже плеч, золотистыми глазами и худощавой фигурой. Никого с мощной фигурой я выбирать не хотела (хотя, такие и были). Слишком чёткая у меня была бы ассоциация с Аббадоном, Абигором и Фероксом.

«Но, с другой стороны, этот парень сильно смахивает на Асмодея, — усмехнулась я про себя. — Ну, ладно. Выбирать-то, всё равно, надо. Этот, хотя бы, сильным и опасным не выглядит. М-да, только проблема-то в том, что он, скорее всего, только выглядит так».

И я, через всю эту толпу, направилась к тому, кого я выбрала. Но, чем ближе я к нему подходила, тем сильнее ощущала, как у меня подгибаются колени и как сердце готово выскочить из груди. И происходило это, вовсе, не от вспыхнувшей страсти или ещё от чего-то подобного, а из-за банального страха. Я бросила взгляд на свои собственные руки и, с

омерзением к самой себе, увидела, что они дрожат. Я остановилась — в таком состоянии подходить к кому-то я не могла. Если демон почувствует мой страх, я стану, не более чем жертвой. А мне это так надоело! Мне осточертело быть жертвой и чувствовать, что хозяин положения кто-то другой, а не я. Мне такого положения хватало и с Люцифером, на пару с Фероксом. Но, для того, чтобы изменить свою жертвенную роль, я должна, хотя бы, перестать бояться.

«Эх, как бы мне сейчас пригодился Рейф, — подумала я. — С ним было бы куда проще. Его эмоции здорово бы мне помогли».

А самым обидным было то, что я была, практически, уверена, что если бы я знала — как, то мне неважно было бы — рядом со мной Рейф или нет. Если бы я только подумала об этом раньше и научилась этому! Но, сожалеть об этом было поздно, а сейчас надо было что-то делать.

«Какой я должна быть, чтобы не являться жертвой? — стала размышлять я. — Как я должна себя вести? Во-первых, мне надо понять, что, похоже, среди этих демонов нет ни Высших, ни, тем более, Верховных. А что это значит? Это значит, что все они ниже меня по положению. Они — ничто по сравнению со мной! Они — просто средства для выполнения моих прихотей! В том числе, и сексуальных. Во-вторых, надо внушить себе, что никаких чувств или, хотя бы, симпатии, для секса может и не быть. По крайней мере, они не обязательны. Это — просто наслаждение тела. Вот и всё. Если тело наслаждается, то остальное не имеет значения. Я же наслаждалась близостью с Лилит, верно? — вспомнила я. — Хотя, особой симпатии я к ней тогда не испытывала. А тот случай с Фероксом и с Люцифером? Чтобы там ни было ещё, я тогда, действительно, получила удовольствие. Пусть мне и сложно в этом признаться даже самой себе. Значит, я смогу его (удовольствие) получить и здесь. Тем более что всё будет зависеть от меня».

Я, вновь, посмотрела на свои руки — они больше не дрожали. Кажется, самовнушение помогло. А потом... То ли я, бессознательно, смогла «подключиться» к Рейфу, то ли успокоилась сама, но паника прошла и, даже, страх, почти, уступил место спокойствию. Даже не спокойствию, а предвкушению того, что будет дальше (наверное, всё-таки, дело было в Рейфе). Мне, вдруг, стало интересно — чем закончится для меня это «мероприятие». И я, размеренным шагом, целенаправленно, пошла к, заинтересовавшему меня, демону.

Мужчина, когда понял, что я иду к нему, оценивающе на меня посмотрел. А затем, видимо поняв, что перед ним стоит не обычная демонесса, а Высшая (уж не знаю, как они это определяют), его глаза наполнились чистым восторгом.

«Я, наверное, никогда не привыкну к такой реакции на себя, — мысленно вздохнула я. — Странно, когда на тебя смотрят, как на какое-то божество, которым ты, вовсе, не являешься».

Тем не менее, я одарила демона подбадривающей улыбкой, давая, как бы, разрешение на действия с его стороны. Сама я не знала, как это начать. Спонтанный секс с любимым человеком, например, с Каем или секс, где всё решает твой партнёр (Ферокс или Люцифер) — это одно. Здесь же надо было действовать по-другому. Только, у меня на этот счёт не было никаких мыслей. Поэтому, я решила первую инициативу отдать в руки своему партнёру.

«Самовнушение, всё-таки, хорошая вещь, — думала я, с интересом наблюдая, как мужчина идёт ко мне. — Стоит внушить себе, что этот демон не мужчина, а просто... просто... ну, например, собака, которая хочет ласки хозяина (то есть, моей) и всё — страх

уходит. А может, у меня просто раздутое самомнение и я использую эмоции Рейфа, приписывая всё на свой счёт? Хотя, какая, в сущности, разница, даже если это и так?».

Когда демон подошёл ко мне вплотную, он встал передо мной на колени и, смотря на меня своими золотистыми глазами, произнёс:

— Что госпожа хочет, чтобы я сделал?

Я не успела ничего ответить, так как остальные присутствующие, наконец, осознав, что происходит, подняли шум: «Госпожа, выберете меня, а не его! Я доставлю вам куда большее удовольствие!», «Это ты-то доставишь удовольствие?! Не слушайте его, госпожа! Он даже человеческую девственницу возбудить не сможет!», «Госпожа, уж я-то — женщина — смогу понять, где у вас самые чувствительные точки. Доверьтесь мне!», «Женщина и Женщина? Увольте! Госпожа, не думаю, что без мужской ласки вы получите то, что хотите!» и всё, в таком же духе.

«М-да, что нужно сделать, чтобы стать популярной у демонов? Просто прийти на оргию, где все ниже тебя по статусу. И всё, ты — звезда!». Вслух же, я ответила:

— Извините, мальчики и девочки, но госпожа уже выбрала. Вот, если он меня не устроит, тогда, хоть, в очередь ко мне становитесь.

Демоны, разочарованно, вернулись к тому, на чём остановились, бросив, при этом, на моего избранника, завистливые и злобные взгляды. Я же, вернувшись к своему золотоглазому, сказала:

— А ты, можешь делать со мной всё, что угодно. Если меня что-то не устроит, я скажу.

Мужчина, получив моё разрешение на всё, довольно оскалился и, увидев этот оскал, я даже засомневалась — а можно ли было ему давать полную свободу действий? Но, пути назад уже не было — что сказано, то сказано. Да и свою неуверенность и сомнение я показывать присутствующим не хотела — знала, во что моя слабость может выльется. А мужчина, пока я размышляла по поводу своих сомнений, времени зря не терял. С колен он так и не поднялся. Он сжал руками моя ягодицы и, слегка притянул к себе так, что я ощутила на коже его дыхание. Воспользовавшись тем, что его голова была на уровне моего живота, демон прижался к нему губами, начав целовать. Его губы спускались всё ниже и ниже, ниже и ниже... Хотя, сюрпризом это для меня не стало, та как я тогда, сразу, вспомнила Рейфа на балу, в таком же положении и знала, чем это закончится. Но, несмотря на это я, всё равно, не смогла подавить стон, когда язык демона проник внутрь меня.

«Приятно, — подумала я про себя. — Но, — я, неожиданно, для самой себя, усмехнулась. — У Рейфа получалось лучше».

Сделав последний вывод, я схватила мужчину за волосы, заставив его прервать данное занятие, наклонилась к нему и шепнула на ухо:

— Госпоже очень нравится то, что ты делаешь. Но, госпожа хочет перейти к самому приятному. Очень хочет, — сделала я ударение на последнюю фразу.

На самом деле, когда я поняла, что приятнее, чем с Рейфом, с этим демоном не будет, я потеряла к нему всякий интерес. А раз интереса нет, я решила побыстрее с этим закончить. Просто заняться сексом с мужчиной, чтобы Лилит осталась довольна и всё. А демон, с переходе сразу к делу, не возражал. Он поднялся на ноги (оказавшись, при этом, выше меня на голову), протянул ко мне свои руки... а затем, неожиданно, резко, он, словно увидев что-то страшное за моей спиной, вновь, рухнул на колени, опустив голову. Я, с полнейшим непониманием, смотрела на демона, ожидая объяснений. Он же, подняв на меня глаза и увидев, что я, как стояла, так и стою, схватил меня за руку и заставил встать, так же, как и

он, на колени и опустил мою голову вниз так, что мои глаза упёрлись в пол. При этом он шептал:

— Простите меня за такую грубость, госпожа. Но вы, как и я, должны сейчас склониться.

Я уже хотела возмутиться, но, в этот момент, я услышала чьи-то шаги, а потом услышала смутно знакомый голос:

— И что же здесь происходит?

— Господин, для нас огромная честь — ваше присутствие среди нас, — залепетал демон, всё также удерживая мою голову за шею так, что я не могла её (голову) поднять. — А здесь, извольте ли видеть, рядовая оргия.

— То, что это — оргия, я и без тебя прекрасно вижу, — в голосе, который я всё не могла узнать, зазвучал металл. — Я спрашивал о другом, — чьи-то руки, рывком, подняли меня с пола и я оказалась прижата носом к мужской груди, одетой во что-то кожаное, и схвачена за талию. — Я спрашивал о том, что, с каких это пор, такие ничтожества, как вы все, смеют говорить Высшему демону — кому ему кланяться и ещё, при этом, заставляя его это делать? Совсем страх потеряли?

Я, наконец, узнала этот голос, который, несмотря на всю ярость в нём, продолжал говорить, не повышая голоса (кстати, от этого было только страшнее). Это был Вельзевул — заместитель самого Люцифера и второе лицо в Преисподней, после повелителя.

Глава 22.

— Что вы, господин Вельзевул! И в мыслях не было! — в голосе демона был неподдельный ужас. — Как бы я посмел?!

— В том-то и дело, что ты посмел это сделать, — продолжил Вельзевул. — Но злит меня, большей частью, не это.

— Господин Вельзевул, назовите мне причину вашего недовольства, и я сделаю всё, чтобы её устранить.

— Ты уже не сможешь исправить то, что вывело меня из себя, — ответил Верховный демон. — Так что... — мужчина поднял руку, которая была у него свободной, в направлении демона — на пальцах вспыхнула красноватая молния, не предвещавшая моему, несостоявшемуся, партнёру ничего хорошего.

— Господин Вельзевул, подождите! — вмешалась я, не горев желанием стать свидетельницей убийства, совершенного без всякой причины. — За что вы хотите с ним расправиться?

На меня, наконец, соизволили посмотреть. Правда, посмотрели с таким удивлением, как будто Вельзевул считал, до этого момента, что я, вообще, немая. Но, тем не менее, он мне ответил:

— Я хочу его убить просто потому, что этого хочу. А должна быть ещё какая-то причина?

— Но, он же вас чем-то разозлил, верно? Значит, причина, всё-таки, есть.

Несмотря на то, что я уже могла смириться с очень многим... Совсем уж бессмысленное убийство для меня было неприемлемым. Хотя, разговаривать с Вельзевулом, вися у него на шее... было, мягко говоря, некомфортно. Но, что поделать?

— Этот демон посягнул на то, что я выбрал для себя, — произнёс Вельзевул, смотря на меня так, как будто то, что я сказала, было для него чем-то необычным. — Такой причины для тебя достаточно, Милена?

— На что именно он посягнул? — растерянно спросила я — мне, лично, ничего в голову не приходило.

Губы Верховного демона тронула усмешка:

— Неужели, не догадалась? Этот низший демон посягнул на тебя, Милена. А я не люблю, когда кто-то осмеливается прикоснуться к чему-то, что является моим.

«Когда это я успела стать тем, что принадлежит Вельзевулу? — в панике, стала думать я. — Когда он успел мной заинтересоваться? Я же видела его только один единственный раз, когда была во дворце Абигора. Нет... Нет! Я не хочу, чтобы со мной что-то делал Вельзевул! Его, в отличие от этих простых демонов, собакой не представишь. Он не тот мужчина, с которым я смогу чувствовать себя спокойно. Я не хочу... не хочу снова начать бояться! А с Вельзевулом это обеспечено!».

В это время, молния, вновь, заискрилась, готовая прикончить ползющего по полу демона, который, всё ещё, пытался о чём-то молить. На время, вынырнув из мыслей, касающихся, исключительно, меня, я вспомнила о своём неудачливом секс-партнёре:

— Господин Вельзевул, но я же сама подошла к нему. Это была моя инициатива! Ни я,

ни он не могли знать о том, что вы... что вы меня уже выбрали! С таким же успехом это мог быть любой демон из здесь присутствующих! — на этом мои аргументы иссякли — сказать мне больше было нечего, но я надеялась, что этого достаточно, чтобы демон избежал участи быть спалённым заживо.

Но, как оказалось, я ошиблась.

— Меня не волнует — кто знал, а кто нет, — сказал заместитель Люцифера. — И чья это была инициатива — тем более.

— Но... — попыталась заикнуться я.

Но, в этот момент, демон уже начал полыхать. Его жуткий предсмертный крик разнёсся, казалось, по всему замку, набирая силу, отталкиваясь от стен зала и раскатываясь повсюду эхом. Через какое-то время, когда демон превратился в груды пепла (он выгорел полностью, буквально, за секунды), Вельзевул сказал:

— Такая участь будет ждать каждого, кто ещё посмеет дотронуться до Милены Кавэлли. Неважно — по её желанию или нет, — после этих слов, мужчина взял меня на руки и пошёл.

Но, к моему изумлению, пошёл он не из замка, а, наоборот, вглубь него. Это дало повод задуматься о том, что Вельзевул здесь делает. Не из-за меня же он сюда явился. Я, час назад, сама не знала, что буду здесь.

— Господин Вельзевул, а куда мы идём? — осмелилась я задать, терзающий меня, вопрос.

— К хозяину этого замка и организатору этого мероприятия.

Я, совершенно, перестала, хоть что-то, понимать. Это, конечно, логично, что у замка есть хозяин и, по идее, без его позволения, здесь бы ничего не устроили, но... Нам-то к нему зачем? А, может, Вельзевулу от меня надо что-то другое, а не то, о чём я подумала? И для этого он меня тащит к этому хозяину? Но, тогда, тем более, возникает вопрос — зачем всё это?

Перед Вельзевулом, как будто, сама собой, открылась дверь. За ней находилась роскошно обставленная спальня. Повсюду шёлк, подушки, позолота (или, действительно, золото?)... Там было не просто роскошно — там был переизбыток этой самой роскоши. На широкой кровати, под красным балдахином, на которой, с лёгкостью, уместились бы пятнадцать человек, лежал и курил тонкую трубку один из тех, кого я, меньше всего на свете, хотела видеть. Асмодей.

— Ну что, Вельзевул? Надеюсь, ты успел забрать нашу красавицу до того, как ею кто-нибудь овладел? — самым ненавистным, приторно-ласковым голосом, произнёс демон похоти.

— Разумеется. А ты в этом сомневался, Асмодей?

— Что ты. Как я могу сомневаться в самом сопратителе Люцифера? — с усмешкой, сказал Асмодей.

— Ты... Что ты здесь делаешь?! — моему изумлению и, одновременно, испугу не было предела.

— Вообще-то, это мой замок. Точнее, один из них, — ответил Верховный демон. — И, если я устраиваю где-нибудь оргию, то, обязательно, нахожусь там же. Иначе, какой бы смысл был всё это устраивать? Только не говори, Милена, что ты не знала — к кому в гости ты пришла.

— Не знала, — прикусив губу, произнесла я, в мыслях сделав очень неутешительный вывод: «Я и не могла знать. А вот Лилит... Она не могла не знать, кому принадлежит этот

замок и, соответственно, кто устроил здесь оргию. Но, если она знала, то, получается, нарочно отправила меня сюда? Зачем?». — Что вам от меня нужно? — решила оставить я размышления о мотивах Лилит на потом и заняться своими насущными проблемами.

— Начнём с того, что мы выполняли приказ повелителя Люцифера, — ещё больше ошарашил меня Асмодей.

— Какой ещё приказ?

— При любой возможности, пресечь сексуальную связь Милены Кавэллы с простыми и низшими демонами, — вместо Асмодей, ответил Вельзевул. — Проще говоря, тебе запрещено спать с ними.

— Но... почему?

— Не знаю — у повелителя свои причины.

— Но, в любом случае, — продолжил уже демон сексуальных извращений. — На Высших и уж, тем более, на Верховных демонов этот запрет не распространяется. Поэтому, ты здесь. Довольно удачно, что ты пришла именно сюда, верно?

— Очень удачно, — пробормотала я, сделав себе заметку, что по поводу «удачи» надо будет пообщаться с Лилит. — И об этом запрете знают все Верховные демоны?

— Естественно.

— То есть, меня, можно сказать, сделали элитной шлюхой, исключительно, для знати и Верховных демонов, — заключила я, обречённо понимая, что эти двое теперь меня точно просто так не отпустят.

— Если говорить грубо, то — да. Даже не грубо, а честно. И мне это определение очень даже нравится — элитная шлюха для Верховных демонов, — видимо, нарочно убрав «Высших», произнёс Асмодей. — Звучит возбуждающе. Только интересно, откуда такое особое отношение у повелителя к тебе, Милена? Есть какие-нибудь догадки?

Я промолчала. Я догадывалась, в чём было дело. Скорее всего, дело было в «оковах неволи» на моей шее. Возможно, в Люцифере могло разыграться чувство собственности — кто знает. Но, признаваться Вельзевулу и Асмодею в том, что я, можно сказать, являюсь «комнатной собачкой» Люцифера и Ферокса, я не хотела. Меня больше волновало другое — сам приказ Люцифера. Беда была в том, что до этого я, в принципе, никак не могла интересоваться высокопоставленных демонов (с несколькими из них я связалась, лишь, по воле случая). Но, теперь... теперь им может стать интересно, почему повелитель Преисподней отдал такой приказ. Соответственно, они будут искать встречи со мной, а чем эти встречи будут заканчиваться — одному чёрту известно.

Пока я размышляла над своей незавидной участью, меня положили на кровать, рядом с Асмодеем. Я, наконец, полностью осознала, что сейчас начнётся, если я это не пресеку. А пресечь это нужно было обязательно, так как я боялась. Ужасно боялась. То, что здесь находился один из тех, благодаря кому этот ужас внутри меня и зародился, да ещё и так близко, делало ситуацию только хуже. С теми демонами, которые остались в зале, всё было бы куда проще. Они занимали подчинительную позицию. Я могла их не бояться. В конце концов, именно с ними я могла избавиться от страха. С этими же двумя... это было невозможно. Они могли сотворить со мной всё, что угодно и я ничем помешать им не могла. А это значит, что именно сейчас я должна была остановить назревающее «развлечение» для Верховных демонов, в виде меня самой.

— Я отказываюсь, — сказала я, сделав попытку встать с кровати, но была удержана Асмодеем.

— От чего это ты отказываешься, Милена? — с неподдельным интересом, спросил он.

Я посмотрела на руку Асмодея, державшую меня, как на ядовитую змею, но, тем не менее, ответила:

— Я отказываюсь спать с вами. Господин Вельзевул, к вам у меня нет ничего личного (в отличии от Асмодея), но я... я просто не хочу.

— А ты думаешь, что имеешь на это право — отказаться?! — рассмеялся демон похоти, так и не отпустив меня.

— А почему нет? — я резко высвободила свою руку от Асмодея (так как силой он меня не удерживал, это получилось легко). — Я правительница Зиградена, где имеет полную власть только Люцифер. И я, к тому же, повелительница драконов. Это же что-нибудь да значит, верно?

— Значит, — легко согласился Асмодей. — Но, есть одно небольшое замечание в том, где именно это «что-нибудь да значит». Милена, скажи мне такую очевидную вещь, как, где ты сейчас?

— В Пандемониуме, — ответила я, не понимая — к чему он клонит.

— Совершенно верно. В Пандемониуме. Не в Зиградене, не в мире драконов, а в Пандемониуме. Здесь ты, всего лишь, Высший демон, который, как и все, должен подчиняться Верховным.

Я, с надеждой, взглянула на Вельзевула, надеясь увидеть опровержение словам Асмодея. Но, Вельзевул сказал:

— Он прав, Милена. Находясь в Пандемониуме, ты находишься под нашей властью. Так что, даже не думай о том, чтобы уйти отсюда по собственному желанию.

Я почувствовала себя зверем, пойманным в хитроумную ловушку. Физически сбежать я не могла и политическая неприкосновенность меня, как выяснилось, не защищала.

«Что же мне делать? Что? Мне страшно! Страшно! Я не смогу получить удовольствие от этого! Я сойду с ума!».

— Вы не получите ничего, кроме, вопящего от ужаса, тела, — сделала я ещё одну попытку отговорить Верховных демонов. — Неужели, вам это нужно?

— От такого я бы не отказался, но... — начал Асмодей. — У меня есть идея поинтереснее.

Асмодей только щёлкнул пальцами, и мои руки оказались охвачены железными цепями. Сами же цепи прикрепились к спинке кровати, буквально, распяв меня на ней.

— Зачем это? Боишься, что я могу сбежать, Асмодей? — с презрением, спросила я, хотя, у самой внутри всё переворачивалось от ужаса происходящего.

— Сбежать? О, нет, сладкая моя, этого я не боюсь. Это для того, чтобы ты, своими ручками, не смогла поласкать себя.

— Да как тебе в голову могла прийти подобная чушь?! — вспыхнула я. — Я такого в жизни не сделаю!

— О, нет, сладкая. У тебя появится желание сделать это, — Асмодей склонился надо мной, его руки прошлись по моим плечам, груди, талии, бёдрам и я... я, вдруг, почувствовала себя, как-то, странно.

— Что ты делаешь? — испуганно спросила я.

— Видишь ли, я являюсь демонов похоти и я могу вызвать безудержное похотливое сексуальное желание в любом (за исключением, своих собратьев — Верховных демонов). Причём, неважно от того — хочешь ты этого или нет. Ты будешь хотеть, чтобы мы овладели

тобой, Милена. Ты будешь страстно этого желать. Ты будешь просить нас... умолять об этом.

— Нет! Ты не дождёшься того, чтобы я просила! — с возмущением, воскликнула я, абсолютно, пока ещё, не веря ни одному слову Верховного демона.

— Отлично. Если ты так в себе уверена, то... Мы не будем трахать тебя до тех пор, пока ты сама нас об этом не попросишь. Вельзевул, — мужчина обратился ко второму Верховному демону в этой спальне. — Ты же не против этой небольшой игры?

— Если она не затянется надолго, то — нет.

— Будь уверен, Вельзевул, долго она не продержится, — усмехнулся Асмодей, убирая от меня свои руки и садясь рядом со мной.

Как только демон похоти прекратил касаться меня... Я почувствовала, как желание, словно огонь по венам, загорелось во мне! Оно разгоралось всё сильнее и сильнее! Как лесной пожар! Я часто задышала, изогнулась, едва не застонала!.. Я опомнилась и прикусила себе губу до крови, чтобы не сделать последнего. Я дёрнула руками — теперь я понимала смысл этих цепей. Я, действительно, хотела, хотя бы, дотронуться до себя самой, лаская, чтобы желание утихло! Осознав это, я впилась ногтями в свои ладони, чтобы вызвать боль и удержать себя от того, чтобы не начать просить. Я, с силой, свела свои ноги вместе, хотя, мне хотелось сделать совершенно противоположное.

«Лучше бы я боялась! Лучше тряслась бы от ужаса! Лучше страх, чем это! Одно дело просто получать удовольствие от секса и совсем другое, когда ты просто жаждешь того, чтобы тебя трахнули, как последнюю шлюху! И неважно — кто это сделает!».

Это было правдой — мне уже, действительно, было неважно — кто со мной переспит. Мне просто был нужен секс. Грубый, жёсткий... неважно! Желание — похотливое, развратное — буквально съедало меня изнутри! Я сдерживалась из последних сил!

— Тебе помочь, Милена? — это, снова, был Асмодей.

Его руки коснулись моих ног, раздвинули их... Стоило мне только ощутить, что меня касается мужчина... Я была готова на всё, лишь бы, он не прекращал касаться меня и чтобы он овладел мной. Я хотела его! Хотела так, как не хотела никогда в жизни! Плохо соображая, что делаю, я задёргалась в цепях, пытаюсь дотронуться до мужчины... чтобы показать ему, как я желаю его... чтобы показать, что он может делать со мной, что хочет! Но, цепи держали крепко и я, лишь, с досадой застонала, когда Асмодей отпустил мои ноги.

— Какая бесстыжая девочка, — с весельем, произнёс Асмодей, затем, коснувшись меня между ног, от чего я чуть с ума не сошла. — И какая возбуждённая.

Он наклонился к моему лицу, приподнял его за подбородок... Его язык скользнул в мой рот и я, с готовностью, сделала то же самое. Я целовала Асмодеея страстно, с отчаянием... Хотя, это уже сложно было назвать поцелуем. Скорее, это больше напоминало сам секс, с использованием рта и языков. Было горячо, жарко, влажно... Я была просто в каком-то экстазе от этого, пусть этого и казалось, катастрофически, мало!

Когда Асмодей закончил то, что начал, я потянулась за его губами, при этом издавая жалобный стон. Но, Верховный демон, лишь, рассмеялся и, с долей издёвки в голосе, сказал:

— Ты больше ничего не получишь до тех пор, пока хорошо не попросишь, Милена. А ты хочешь... хочешь, чтобы тебя хорошенько поимели. Так ведь? И если ты так сильно этого хочешь, то просто попроси.

Остатки разума вопили о том, что я не должна этого делать. Что это — унижительно, грязно!.. Но, этих самых «остатков» было слишком мало. Кусание губ и царапанье ногтями

ладоней нисколько не помогало. Похоть сейчас правила всем балом. Она завладела всем — телом, разумом, мыслями! Она заставляла меня хотеть того, от чего, в адекватном состоянии, меня бы стошнило! Она заставляла меня хотеть любого и возбуждаться ещё сильнее от представления любой позы! Если бы здесь присутствовал Аббадон, то я бы, без сомнения, отдалась бы ему. А самое худшее — это то, что единственное, что останавливало меня от того, чтобы самой не наброситься на Вельзевула и Асмодея — это цепи. Больше меня не держало ничего. И от мысли, что эти двое мужчин не притронутся ко мне, хотелось выть!

— Прошу... — самое унижительное для меня слово, в отношении Верховных демонов, вырвалось из моего горла. — Прошу... пожалуйста!

— Что «пожалуйста», Милена? — Асмодей не собирался дать мне то, что я хочу, так легко. — Скажи, о чём именно ты просишь? Я, ведь, не пойму, если ты не скажешь. Так что, скажи это вслух, Милена.

— Я хочу... я хочу вас!

— И что же именно ты от нас хочешь? — продолжал издеваться демон похоти.

— Я хочу, чтобы вы... чтобы вы... — под вопящий крик здравого смысла: «Не смей этого говорить, Милена!», я сказала. — Чтобы вы овладели мной! Прямо сейчас! Прошу!

— Ну, вот, Вельзевул. Я же говорил, что долго она не продержится, — с довольным, до жути, лицом сказал Асмодей. — Теперь, можно делать с ней всё, что угодно. Ведь, она согласна, абсолютно, на всё.

Что я могла сказать против этих слов? Ничего. Асмодей был прав. Я была согласна на любую позу, на любое извращение!.. Я готова была сделать всё, что мне скажут. Лишь бы меня не оставляли одну, на растерзание этому желанию, закованную в цепи!

Когда Вельзевул, наконец, сделал то, что я так хотела, я была близка к тому, чтобы начать молить о том, чтобы он это сделал. Я чувствовала себя просто каким-то животным в брачный период, которому срочно требуется самец! Когда же этот «самец» пришёл, я была готова слушаться его во всём. Но, пока он ничего не говорил, я просто наслаждалась. Да что там — наслаждалась? Я кричала и стонала от удовольствия! Я чувствовала себя на вершине блаженства, когда Вельзевул, с силой, врывался в моё тело, оставляя синяки и ссадины своими руками и ногтями. Я, буквально, ловила экстаз от ощущения его силы и своей беспомощности.

— А, ведь, кто-то с такой категоричностью отказывался, — сквозь пелену наслаждения, слышала я насмешливый голос Асмодея, который, как оказалось, лежал рядом с нами, на кровати, наблюдая. — А что же мы видим теперь? Развратную, похотливую и готовую на всё демонессу. Ты же, правда, готова на всё, Милена, а?

Асмодей коснулся моего лица своими пальцами, провёл по щеке, по губам... Не думая о том, что делаю, я взяла эти пальцы в рот, начав посасывать их, в то время, как Вельзевул продолжал двигаться во мне.

— Ты с таким энтузиазмом это делаешь, Милена, — голос демона похоти раздался прямо над ухом. — Что, вместо пальцев, хочется использовать что-то другое — побольше и потолще. Ты же не будешь возражать?

Я не возражала. Правда, чтобы сделать то, что хотел Асмодей, позу пришлось сменить. Меня поставили на колени. Руки, при этом, вновь, связали цепями, которые теперь уходили куда-то к потолку. Последнее несколько расстраивало, но пока мужчины делали то, что мне было нужно, я не протестовала.

Секс был долгим. Очень долгим. А мне всё было мало! Я хотела ещё и ещё... глубже... жёстче... развратнее... Любые пожелания Вельзевула и Асмодея... любые их слова... всё это выполнялось мной с точностью. Я не стану перечислять всё то, что делала тогда. Могу сказать, лишь, то, что такое я видела только в каком-нибудь порнографическом фильме! И от всего этого я получала колоссальное наслаждение! Я забыла обо всём! Я полностью отдалась этой похоти!

Когда всё закончилось, я была в полном изнеможении. Двигаться совершенно не хотелось. Но, когда желание ушло, я, в полной мере, осознала, что я творила, а главное — с кем. Только вот... как ни странно, стыдно не было. Скорее, это была досада за то, что я так легко потеряла над собой контроль. И видеть тех, кто был виновен в этом моём состоянии, мне совершенно не хотелось. Поэтому, когда я почувствовала, что меня никто не держит, я стала вставать с кровати (хотя, ноги держали плохо), чтобы уйти. Тем более что одевшийся Вельзевул ясно дал понять, что он сам уже уходит. Но, едва мои ноги коснулись пола, я была схвачена Асмодеем, который сгрёб меня, как какую-то мягкую игрушку, и сказал:

— А ты куда собралась, Милена? Я тебя ещё не отпускаю.

— Что тебе ещё-то от меня нужно? — спросила я, всё-таки, не пытаюсь дёргаться.

— Мне? На сколько я помню, нужно было, как раз, тебе, — напомнил Асмодей. — Разве, не ты, чуть ли, не умоляла, чтобы тобой овладели?

— Это всё твоё заклинание! Если бы не ты...

— Если бы не я, — перебил меня демон похоти. — То ты бы скулила от страха, умоляя оставить тебя в покое. А так... тебе было очень даже хорошо. И не смей этого отрицать.

Я открыла рот и... снова его закрыла. Я не знала, что мне сказать на это. В данный момент, я ненавидела Асмодея за то, что он был кругом прав. Если бы не он, я сошла бы с ума от страха. Вельзевул и Асмодей, в любом случае, сделали бы то, зачем забрали меня из зала. И то, как при этом бы себя чувствовала я, их бы, несколько, не волновало. Хотя, это понятно, что Асмодей это сделал не ради меня, не из-за моего страха, не из-за вины передо мной за то, что он сделал на балу Люцифера. Ничего из перечисленного, я уверена, Верховному демону и в голову не приходило. Он сделал это, лишь, для того, чтобы показать мне, как низко я могу пасть из-за желания. Насколько похотливой и развратной я могу быть.

— В любом случае, вы же уже сделали, что хотели. Так что, отпусти меня. Пожалуйста.

— Не хочу, — спокойно ответил Верховный демон. — У меня ещё остались на тебя планы. И ещё... Я помню, что на балу Люцифера ты искала покровительства. Да, сладкая моя?

— Да, — осторожно сказала я, чувствуя подвох.

— Какое ещё покровительство? — с интересом, спросил, собирающийся уходить, Вельзевул.

— Обыкновенное. Обыкновенное покровительство, обеспечиваемое Верховными демонами. Правда, я не знаю — зачем моей сладкой это понадобилось, но... Я знаю только то, что она, ради этого, готова сделать всё.

— Неужели? Действительно, всё? — кажется, заместитель Люцифера, пока, передумал уходить — его глаза выражали слишком уж большую заинтересованность, что мне очень не понравилось.

— А ты вспомни, что было на последнем балу, Вельзевул. Наша красавица согласилась на это ради покровительства Аббадона. Ещё ей повезло тогда получить согласие Абигора.

— Повезло? — с сарказмом, переспросила я. — Хорошо «везение»! Я не знала, чем всё

обернётся, когда соглашалась.

— А если бы знала, то отказалась бы? — поинтересовался Асмодей. — Отказалась бы, зная, что упускаешь возможность получить покровительство сразу двух Верховных демонов и заинтересовать третьего, то есть, меня?

— Не знаю, — признала я. — Но, какая теперь разница?

— А как насчёт того, что если ты останешься добровольно, то я соглашусь тебе покровительствовать? — предложил демон похоти. — Только учти, что даже если ты откажешься, я тебя, всё равно, не отпущу.

«Как же я ненавижу этот выбор без выбора, — с отчаянием, подумала я. — То же самое, что с Абигором на балу. Чтобы я не решила — результат будет один. Но, я не хочу оставаться с Асмодеем наедине! Я боюсь того, что он может заставить меня сделать! Точнее, я боюсь того, что он может заставить меня захотеть сделать. Общество Вельзевула тоже, конечно, не очень прельщает, но... уж лучше он, чем Асмодей».

— Хорошо, я согласна, — совершенно нелогично, после всех этих мыслей, сказала я. — Я, добровольно, останусь с тобой, Асмодей, а ты, взамен, станешь моим покровителем.

— Ну, вот и договорились, — довольную ухмылку Асмодея очень хотелось стереть с лица в тот момент. — А ты, Вельзевул, собирался уходить.

— Собирался, — кивнул Вельзевул. — И, к сожалению, по делам мира демонов, я должен это сделать. А так... я бы не отказался посмотреть на то, что ты задумал с ней сделать.

— Ты-то сам не хочешь сыграть в эту игру? — спросил демон сексуальных извращений.

— В какую игру? — не понял заместитель Люцифера.

— В игру с нашей красавицей, естественно. Ты оказываешь ей покровительство, а взамен она соглашается, абсолютно, на всё. Разве, не чудесная игра? Или ты уже решил оказать ей эту небольшую услугу за сегодняшний вечер?

— За сегодняшний вечер? Даже если бы меня и посетила мысль сделать это, то, явно, не за один обычный трах.

— А за что ты бы согласился на это, Вельзевул?

— Это уже тебя не касается. Если я и буду об этом говорить, то только с той, кому это нужно.

— Значит, ты, всё-таки, не исключаешь такой возможности? Как интересно. Эй, сладкая моя, кажется, у тебя, в будущем, появился шанс заключить сделку с самим Вельзевулом. Он, кстати, редко кем-то заинтересовывается, так что можешь собой гордиться.

Гордиться мне этим не хотелось. К тому же, если Асмодей выполнит своё обещание, то никакой Верховный демон мне больше не понадобится. По крайней мере, я на это надеялась. Но то, что в случае чего, я могу пообщаться с Вельзевулом, я запомнила. А он сам уже направился к двери, собираясь уходить, когда Асмодей сказал:

— Эй, Вельзевул! Ещё одна вещь. Ты же сейчас, всё равно, к повелителю направляешься? Может, попросишь его немного подкорректировать приказ по поводу Милены? В той части, где указано — на кого запрет не распространяется. Пусть уберёт оттуда слово «Высшие». Лично я не хочу делить эту сладкую девочку с кем-то, кроме своих, так называемых, братьев.

— Ты, действительно, собрался сделать из неё элитную шлюху, исключительно, для Верховных демонов, Асмодей? — в голосе Вельзевула не было ни кали осуждения или ещё

чего-то подобного — только, уже осточертевший мне, интерес.

— А почему нет? По-моему, неплохая мысль.

— Тогда, реализуй эту мысль сам. Если тебе нужна корректировка приказа повелителя, то сам к нему и иди. Или сам отвадь от неё всех Высших демонов, — на этом, Вельзевул покинул спальню.

— Как грубо! — поморщился Асмодей. — Не может он повежливей говорить?

— Чего ты от меня сейчас хочешь, Асмодей? — решила я перейти сразу к делу, понимая, что, чем скорее всё начнётся, тем скорее всё закончится.

— Сейчас мы будем спать, сладкая моя. Просто спать.

— Спать? Но, я не хочу спать, — «А точнее, я не хочу спать с тобой!» — подумала я про себя.

— Хочешь, сладкая, хочешь. После такого изматывающего занятия, ты просто не можешь не хотеть.

В общем-то, это было правдой. Все мои мышцы налились усталостью, а глаза слипались. Но... от одной мысли, что я буду видеть сны, чуть ли, не спя в обнимку с Асмодеем, меня передёргивало от неприязни.

— Я буду спать, только если подальше от тебя, — заявила я, после недолгого молчания.

— Я тебе так сильно не нравлюсь?

— Зачем спрашиваешь очевидное, Асмодей? Мне никто из вас не нравится и это очень мягко говоря. Я вас всех просто ненавижу. И ты — не исключение.

— Какая прямолинейность, — усмехнулся Асмодей. — И не боишься, что за такую прямолинейность ты можешь поплатиться?

— Наверное, боюсь, — пожалала я плечами. — Но, ненависть пересиливает страх.

— Или не ненависть, а безрассудность, — предположил Асмодей.

— Или безрассудность, — согласилась я. — Только, я знаю, что чтобы я не сделала и чтобы не сказала, смерть мне не грозит.

— Есть вещи и похуже смерти.

— Я это знаю. А благодаря вам, я в этом ещё и убедилась.

— Имеешь в виду последний бал? Меня, Аббадона и Абигора?

— Не только. Вообще, всех, кто убедил меня в том, что смерть явилась бы для меня благом. Ферокс, Люцифер, Аббадон, ты... все остальные.

— И даже понимая всё это, ты, всё равно, продолжаешь так смело разговаривать?

— Это — не смелый разговор, — возразила я. — Это просто озвучивание факта и не более того. Ведь, всё равно, эти слова не помогут мне ни уйти от тебя, ни помешать тебе. Как Верховному демону, я, в любом случае, вынуждена тебе подчиняться.

— Прямолинейная, но разумная, — подвёл итог демон похоти. — В таком случае, если ты вынуждена мне подчиняться, то подчиняйся. Сейчас я хочу, чтобы ты, моя сладкая, просто закрыла глаза и уснула в моих руках. Это так сложно?

«Ты даже не представляешь — на сколько!» — подумала я про себя, но подчинилась. Я закрыла глаза, попыталась расслабиться... Честно говоря, я не думала, что, вообще, смогу уснуть. Но, вопреки ожиданиям, сон сморил меня очень быстро.

Глава 23.

Я стояла на зелёном летнем лугу, освещённому солнцем. Прямо передо мной лежал белый дракон, который, несмотря на лежачее положение, всё равно, казался огромным.

— Ну, и как оно? Каково сторгать от желания, благодаря силе демона похоти? — с интересом, спросила она.

— Если тебе это так интересно, то переспи с ним сама и узнаешь, — ответила я не слишком дружелюбно.

— Тебя совсем не удивляет наша новая встреча? — несколько удивлённо, спросила Дайона.

— Нет, не удивляет. Я же сейчас сплю, верно? И ты опять явилась ко мне, просить вспомнить Адалиссу?

— Да, я снова пришла просить об этом.

— Я не стану вспоминать того, кого не знаю. Меня это не интересует. Меня сейчас интересует только то, что я сейчас нахожусь с Асмодеем, которому от меня что-то нужно.

В этот момент, перед моим носом пролетела бабочка. Та самая — сине-зелёная, которую я видела, когда пришла в себя после бала демонов.

Я попыталась поймать бабочку. Это оказалось легко, но... как только насекомое оказалось в моей ладони, оно, бесследно, исчезло. Но, перед тем как это произошло, в моей голове возник странный образ... Я видела девушку, лет шестнадцати, невысокую, стройную. У неё были белоснежно-белые волосы и... глаза совсем, как исчезнувшая бабочка — яркие, сине-зелёные. «Кэтэрина» — пришло мне на ум имя.

Я помотала головой, отгоняя от себя навязчивое ведение. А Дайона, тем временем, продолжала, словно, не заметив моего временного замешательства.

— Ты, действительно, не хочешь ничего знать о Самаэле и о твоей связи с ним? Я, ведь, могу рассказать тебе...

— Не хочу, — немного подумав, я, всё же, сказала. — По крайней мере, сейчас не хочу. Не до этого. А по поводу этой Адалиссы... Даже если она и является человеком, которого я знала и о котором, каким-то чудом, забыла... Какой смысл мне её вспоминать? Кем она мне была? Если её нет рядом со мной, значит, она либо умерла, либо осталась в человеческом мире. Неважно — какой из этих вариантов верный, но травить себе душу ненужными воспоминаниями я не хочу.

— Она не умерла и не осталась в мире людей. Она живёт в тебе, Милена.

— Чушь! — резко ответила я. — А теперь, верни меня в нормальный сон.

— Если ты не собираешься вспоминать Адалиссу добровольно, Милена, то у меня нет выбора, — вздохнула дракониха. — Я сама буду будить Адалиссу, но, в таком случае, ваши с ней сознания начнут сливаться. Точнее, твоё сознание с её. Ты начнёшь вспоминать то, что происходило с ней. Ты будешь воспринимать её воспоминания, как свои. Медленно, постепенно... ты забудешь всё, что происходило с тобой, забудешь всех своих знакомых и друзей. Перестанешь узнавать любого, кого не знает Адалисса. Твой характер изменится. И, в конце концов, от тебя ничего не останется, Милена. Ты исчезнешь. Останется только Адалисса. Этот процесс может начаться через годы, века, тысячелетия... Но, у меня есть это

время. А теперь скажи — ты хочешь такого развития событий?

— Я не верю в то, что ты говоришь. Я не верю ни единому твоему слову. А если я не верю, то какой смысл бояться, воспринимать твои угрозы всерьёз и делать то, что ты говоришь? В конце концов, я даже не уверена до конца, что ты не плод моего больного воображения.

— Значит, ты не будешь пытаться вспомнить мою сестру? — Дайона спрашивала спокойно, но за этим спокойствием чувствовались гнев и ярость.

— Нет.

— Что ж... Тогда, не обвиняй меня, когда твоё самосознание полностью растворится в Адалиссе.

Когда Дайона договорила, поляна, солнце и она сама — исчезли. А я попала в, уже ставший обыденным, простой ночной кошмар.

— Просыпайся, сладкая моя, — разбудил меня голос Асмодея.

Я открыла глаза и обнаружила себя лежащей на коленях демона похоти. Его рука перебирала мои волосы, и этот жест можно было бы назвать нежным и интимным, если бы я не видела в этом отношения к себе, как к домашнему питомцу. Это раздражало и злило, но... В этом мире (да и теперь, наверное, в любом другом) я ничего не решала. Я всё больше и больше убеждалась в том, что сила — это единственное, что правит всем. А тем, у кого силы нет, могут только подчиняться, угождать и, иногда, пытаться как-то повлиять на события через постель, связи или ещё как-то.

— Асмодей, ты не мог бы... перестать трогать мои волосы? Мне это не нравится.

— Ничего, потерпишь, сладкая моя, — ответил Асмодей, не собираясь выполнять мою просьбу. — А теперь, нужно начать день с хорошего, верно? — я промолчала, так как посчитала, что этот вопрос не требовал ответа, но болезненный рывок за волосы заставил меня пересмотреть свою позицию. — Я спрашиваю: верно, сладкая моя?

— Верно, — поспешила сказать я — испытывать боль мне, совершенно, не хотелось.

— А раз ты с этим согласна, то я хочу, чтобы ты сделала мне приятное. Я хочу, чтобы ты сделала всё возможное, чтобы удовлетворить меня. Ты же хочешь, чтобы я оказал тебе свою поддержку, не так ли?

— Ты говорил, что окажешь мне покровительство за то, что я соглашусь, добровольно, остаться с тобой, — напомнила я. — Такое ощущение, что ты сейчас переделываешь свои собственные слова, Асмодей.

— Я их не переделываю, сладкая моя, и я от них не отказываюсь, но... Я же не говорил, что — согласиться добровольно — это только то, что ты остаёшься.

— Ложь! Говорил! Ты именно это и имел в виду!

— Ничего подобного, — мужчина улыбнулся так, как улыбнулась бы змея, при поимке добычи, если бы она это умела. — Я не делал никаких уточнений. И ты же не думала, что я оставил тебя здесь, лишь, для того, чтобы ты поспала?

— Нет, не думала.

— Тогда, в чём проблема, сладкая моя?

Я и сама не знала. Я знала, с самого начала, что Асмодей оставляет меня не просто так. Я понимала, что желания демона похоти и сексуальных извращений будут ему под стать. И я, также, понимала, что мне придётся исполнять эти желания. Но, видимо, я себя переоценила, думая, что смогу просто это сделать. Оказалось, что нет — не смогу я сделать

это просто. Да, я не шарахалась от Асмодея так, как от Рейфа и Лекса в последнее время. Возможно, даже, что секс с Вельзевулом и Асмодеем полностью излечил меня, но... Так запросто исполнять желания Асмодея... мне казалось это нереальным, однако...

— Проблемы нет, Асмодей. Но, в таком случае, я хочу точно знать, что именно за это я получу твоё покровительство. Я хочу, чтобы ты дал клятву Тьмой, что за то, что я исполню твои прихоти, твоя поддержка на Совете мне будет обеспечена.

— Хочешь, чтобы я дал клятву? А так не веришь?

— Разумеется, нет.

— Интересно, а что ты будешь делать, если я откажусь? Я же, всё равно, смогу тебя заставить делать то, что я хочу. Так, в чём смысл в этом для меня?

Такого поворота событий я не ожидала никак. Мне и в голову не приходило, что Асмодей может просто взять и передумать. А если Асмодей мне откажет, то мне придётся обращаться к кому-нибудь другому. И не факт, что у меня что-нибудь получится. А чем я могу повлиять на решение Асмодея? Ничем. Если он не захочет, заставить его будет невозможно.

— Как же мне нравится страх на твоём лице! — засмеялся демон похоти. — Любовался бы и любовался! Хотя, похотливое желание мне нравится больше — такое, какое было у тебя недавно.

— Это было, всего лишь, твоё заклинание.

— Уверена? — смех демона резко прервался. — Ты уверена, сладкая моя, что всё то время, что мы с Вельзевулом развлекались с тобой, ты была под моим заклинанием?

— А как же иначе?

— А иначе могло бы быть так, что я снял своё заклинание задолго до того, как ты достигла последнего оргазма.

— Ложь! Это не может быть правдой! Я не могла сама, по собственному желанию, хотеть всего этого!

— А какой смысл мне лгать, сладкая? — поинтересовался Верховный демон.

— Например, для того, чтобы унижить меня.

— Унижить? О, сладкая моя, существует очень много способов сделать это и, такой банальный и скучный, я бы использовать не стал. Так что, в этом случае, я не лгу. А ты так боишься признаться самой себе в том, что ты, без всякого заклинания, хотела этого? Признаться в том, что эта похоть была твоим собственным желанием? Признай уже, сладкая, что ты самая обыкновенная похотливая демонесса, ловящая истинный кайф от траха с двумя Верховными демонами.

Мне не хотелось верить Асмодею. Не хотелось верить в то, что я сама наслаждалась сексом с ним и Вельзевулом. Я хотела верить, лишь, в то, что всё, что я делала, я делала под заклинанием.

«Неужели, демон похоти прав, и я боюсь признаться в своих собственных пороках? Боюсь признаться в том, что мне нравилось? Но, тогда получается, что я сама же бегу от того, чего хочет добиться от меня Лилит — наслаждения. Демонесса разврата хочет, чтобы я научилась получать удовольствие и если Асмодей говорит правду, то у меня это получилось. Но, смириться с тем, что я сама хотела Асмодея и Вельзевула? Что я сама исполняла то, что они хотели? Как я могу?».

— Даже если я это признаю, — чуть помолчав, произнесла я. — То, что это поменяет?

— Ничего. Абсолютно ничего. Но, ту похоть, которую я видел в твоих глазах вчера, я

хочу видеть и сегодня, сладкая моя.

— И что мне за это будет? — спросила я, помня о том, чего именно я хочу от Асмодея.

— Если я захочу, то не будет ничего, — усмехнулся Асмодей. — Ты просто будешь вынуждена подчиниться.

— Асмодей, пожалуйста... Я соглашусь на все условия, которые ты сейчас скажешь, но, пожалуйста, выполни мою просьбу.

Ни о какой гордости здесь речи уже не было. Надо покровительство — надо быть, по крайней мере, вежливой. Не возникать, не кричать... Во всяком случае, постараться это сделать.

Асмодей улыбался, глядя мне в глаза:

— Я могу быть очень добрым, сладкая моя. Я могу быть ласковым с тобой. Но, за это, я жду того, чтобы ты была послушна мне во всём. Если же нет, я буду груб и жесток. Ты же этого не хочешь, сладкая?

— Нет. Я буду... я буду послушной. Только... сделай то, что я прошу.

— Всё будет зависеть от тебя, сладкая. Будешь умницей — получишь только ласку и удовольствие. А по поводу покровительства... я дам его тебе. Ну, раз мы пришли к взаимному пониманию, — продолжил демон похоти. — То, я был бы не против, чтобы моя сладкая сделала мне приятное.

— Я плохо умею это делать, — предупредила я.

— Если у тебя не будет получаться, я скажу, как надо делать, — «утешил» Верховный демон. — Побуду, так сказать, твоим учителем. Тем более что мне всегда доставляло удовольствие развращать кого-то, столь, неопытного.

— Благодарю, но у меня уже есть один... одна учительница, — сказала я, в мыслях помянув Лилит недобрым словом.

— Тогда, будет ещё один, — просто сказал Асмодей.

То, что происходило потом... наверное, это можно назвать моим полным моральным падением. А может, это произошло ещё до этого? Не знаю. Но, я слушалась Асмодея. Я делала всё, что он мне приказывал. Я ласкала, целовала, лизала и... уж извините за откровенность, сосала. Я ублажала демона похоти, делая такое, от чего любую добропорядочную скромную девушку стошнило бы. Я полазала на четвереньках у ног Асмодея, меня сковывали цепями, одевали на меня ошейник с поводком, заставляя играть в какие-то извращённые игры. Мне причиняли боль — и физическую и душевную. Но, вместе с этим, в те моменты, когда Асмодей овладевал мной, я чувствовала, как внутри меня просыпается тёмное извращённое чувство — желание. И я уже не могла свалить это на Асмодея. Я знала, что это, что чувствую я сама. Можно было вспомнить фразу: «Если не можешь чего-то избежать, то научись получать от этого удовольствие». Я, конечно, этому не училась — это получалось как-то само собой. Хотела я этого или нет, но я наслаждалась близостью с Асмодеем. Я достигала оргазм за оргазмом в его умелых руках. А после того, как я достигала вершины блаженства, я, вновь, падала с этой самой вершины к ногам демона сексуальных извращений — выполнять его желания.

— Всё-таки, на это забавно смотреть, — произнёс, вдруг, Асмодей, когда он позволил мне перевести дух.

— На что именно? — спросила я.

— На то, как вчерашняя человеческая девчонка падает всё ниже и ниже, в пучину похоти и разврата.

— Ты так говоришь, как будто все человеческие девушки скромницы и о похоти они узнают, только познакомившись с каким-нибудь демоном, — фыркнула я.

— Я знаю, что не все человеческие девушки скромницы. В конце концов, именно я толкаю людей на путь извращения и похоти. Но ты, Милена, как раз из того вымирающего вида женщин, для которых секс — это что-то священное, которым можно заниматься, лишь, с одним. Поэтому и забавно наблюдать. Наблюдать за тем, как, такая как ты, становится похотливой шлюхой.

— Я рада, что тебе это доставляет такое удовольствие, — хмуро посмотрела я на него. — Но, меня сейчас интересует другое. Ты окажешь мне покровительство на Совете?

— Считаешь, что сделала достаточно, моя сладкая, чтобы заслужить его? — с насмешкой, спросил мужчина.

— Если тебе нужно что-то ещё, помимо того, что я уже сделала, — как можно более спокойно заговорила я. — То только скажи, Асмодей. Я всё сделаю.

— Неужели, всё? Тогда, ответь сначала на один вопрос. Ты, когда-нибудь, пила кровь Верховного демона?

— Нет, — с изумлением посмотрела я на Асмодея. — А что?

Верховный демон порезал себе ладонь своими заострёнными ногтями.

— Ты же знаешь, что кровь демонов даёт бессмертие и зависимость? — поинтересовался он. — Кровь Верховного демона даёт такой же эффект, но с одним небольшим отличием. Попробовав её, от неё становятся зависимыми не только люди. Все демоны — начиная с низших и заканчивая Высшими... попробовав кровь Верховного демона, хоть раз, они не смогут без неё. И зависимы они будут от крови именно того демона, который её им дал.

— И зачем ты мне всё это рассказываешь?

— Я хочу, чтобы ты выпила моей крови, сладкая моя, — заявил демон похоти. — Хочу, чтобы ты, впоследствии, упрашивала меня дать тебе её, ползая у моих ног.

Я, с ужасом, смотрела на него. Выпить крови Асмодея? Стать зависимой от него? Стать такой же, каким стал Рейф из-за моей крови? Нет! Это было тем, чего я хотела бы меньше всего!

— Выпей, сладкая моя, и моя поддержка на Совете тебе будет обеспечена.

«Если я этого не сделаю, то я не получу покровительства Асмодея, — думала я, смотря, как на царапинах на ладони демона начинает выступать кровь. — А получить покровительство другого Верховного демона... на это у меня очень низкие шансы. Тем более что времени у меня осталось мало. Но, с другой стороны, это будет означать, что у меня, можно сказать, появится ещё один хозяин — Асмодей. Неважно, как я буду стараться, я понимаю, что зависимость от крови Верховного демона мне не перебороть. И я, действительно, буду ползать у ног Асмодея, чтобы получить её. Остаётся решить для себя только один вопрос — стоит ли это того, чтобы достичь своей цели — независимости от Ферокса?».

Сделав для себя не слишком приятный вывод, я потянулась губами к кровоточащей ладони Асмодея.

— Умница, — похвалил меня Верховный демон, когда я начала слизывать кровь.

— Теперь всё? — с надеждой, спросила я, закончив.

Асмодей посмотрел на меня с каким-то удивлением. Было такое ощущение, что я, на его глазах, сделала что-то из ряда вон выходящее.

— В чём дело? — с тревогой, спросила я.

— Ты... ты больше не хочешь моей крови?

— Нет. Пока. Разве, зависимость от неё проявляется сразу?

— Да, сразу. Тот, кто выпил эту кровь, мгновенно, начинает хотеть ещё и ещё. Хотеть до безумия. Если только... ты мне не солгала, сладкая моя, — в голосе Асмодея была явная угроза.

Я, испугавшись, отшатнулась от него. Я стала слезать с кровати, намереваясь оказаться от, начавшего злиться демона похоти, как можно дальше. Но, мужчина схватил меня за волосы и за них притянул к себе.

— Отвечай, сладкая моя, ты же мне солгала, верно? Ты уже пила чью-то кровь, — от улыбки Асмодея и сахарной сладости его голоса в этот момент хотелось спрятаться куда-нибудь далеко-далеко, чтобы он меня никогда не нашёл.

— Я не лгала!

— Врёшь, сладкая моя. И если ты мне сейчас не скажешь правду, то, что произошло с тобой на последнем балу, покажется тебе детским утренником.

— Но, я говорю правду! — но тут я кое-что вспомнила. — А... Люцифера же можно назвать Верховным демоном?

— Ты хочешь сказать, что повелитель давал тебе свою кровь? — злость из голоса Асмодея исчезла, как будто её и не было; мой волос он отпустил. — Теперь, меня ещё больше интересует, откуда у Люцифера такое особое к тебе отношение?

— Я просто его игрушка и не более того, — ответила я.

— Видимо, очень ценная игрушка, раз он позволяет владеть тобой, лишь, Высшим и Верховным демонам, — заметил мужчина.

— Не знаю уж насколько я ценная, но... Но я, ведь, всё равно, сделала всё, что ты просил. Разве, нет? И это означает, что я получила твою поддержку на Совете?

— Получила-получила, сладкая. Ты хорошо постаралась для этого.

У меня, как будто, гора с плеч, в этот момент, упала. Теперь, у меня было покровительство трёх Верховных демонов и подчинение моих родственников. Я выполнила все условия спора, заключённого с Фероксом. Да, стоило мне это дорого, но я добилась своего. Зиграден был полностью моим. А моё психическое здоровье значение не имело. Как и мои моральные принципы, которые остались в далёком прошлом.

— Я смотрю, ты время зря не теряла, Милена. Получила, всё-таки, поддержку Асмодея.

В спальню демона похоти, как ни в чём не бывало, зашёл Аббадон.

Как только я увидела демона бездны, у меня помутнело в глазах. В сознании пронеслись картины того, что делал со мной Аббадон. Страх... Страх, уже было почти забытый, вернулся. Я была в таком состоянии, что была готова спрятаться от демона бездны за спиной демона похоти, несмотря на то, что Асмодей на том балу был не лучше. Стоило мне только представить, что Аббадон может ко мне прикоснуться... меня начинало колотить от ужаса.

«Так, Милена, спокойно. Помни о том, что нельзя демонам показывать свой страх. Всё, что угодно, только не страх! Ты не должна его бояться. Аббадон не может убить тебя. Тем более что он твой покровитель. Помни об этом».

Самовнушение помогло мне успокоиться. Помогло скрыть свой страх. По крайней мере, мне так казалось...

— Она так сильно боится тебя, Аббадон, — усмехнулся Асмодей. — И что же ты об этом думаешь?

— Я думаю, что тебе наплевать на её страх. Даже более того — он тебя веселит, — ответил Аббадон, приближаясь к кровати.

— Верно, веселит, — согласился демон похоти. — Так, что ты хочешь сделать, Аббадон? У тебя есть два варианта. Ты хочешь взять её силой или хочешь, чтобы она желала тебя и умоляла взять её?

— Милена, умоляющая взять её? Это будет, поистине, интересное зрелище! — засмеялся демон бездны, начавший раздеваться. — И я хочу его увидеть!

— Нет, я не хочу желать его! — крикнула я, выдав все свои эмоции с головой. — Асмодей, прошу, кто угодно, но только не он! Я отдамся кому угодно, в любой позе, при любых обстоятельствах! Кому угодно, но не Аббадону!

— Может, всё-таки, силой возьмёшь, а? — кажется, демон сексуальных извращений меня даже не слушал. — Это для неё будет хуже.

— Ты ошибаешься, Асмодей, — возразил Аббадон, полностью раздевшись. — Для неё будет хуже хотеть меня. Хотеть того, чтобы я овладел ей. И я очень хочу посмотреть, как Милена будет умолять меня об этом.

Аббадон был прав — для меня предпочтительнее был бы безумный страх, который я сейчас испытывала, чем желание. Хотеть секса с Аббадоном, которого я так ненавидела... это был наихудший кошмар, который я только могла представить! А я хорошо помнила, как сила Асмодея действовала на меня. И, помня это, я знала, что не смогу противостоять ей. Я буду просить Аббадона, умолять... я буду исполнять его желания.

— Ну что, Милена, начнём? — Аббадон забрал меня у Асмодея, положил на спину, а сам устроился сверху.

Страх... Это мерзкое отвратительное чувство... Я все силы отдала на то, чтобы не показать его, но... Единственное, на что я сейчас была способна — это смотреть в глаза демона бездны. Страх отнял у меня даже способность говорить. Да и чтобы я сейчас могла сказать? Какие слова остановили бы Аббадона и Асмодея? Какие слова заставили бы их передумать? Правильно, никакие.

Аббадон овладел моими губами и в этот момент Асмодей воспользовался своей способностью. Как и тогда, когда здесь был Вельзевул, мной завладела похоть. А с учётом того, что Аббадон был в поле моего зрения, что я его чувствовала... всё моё желание направилось на него. Видимо, поняв это, Аббадон прекратил целовать меня.

— И что же ты сделаешь дальше, Милена? — с любопытством, спросил он, ожидая от меня дальнейших действий.

А что я могла сделать? Если бы мои ноги были свободны... если бы на них не сидел Аббадон... если бы у меня была возможность дотронуться до себя... Я бы тогда попыталась перебороть это желание. Я бы, чего уж греха таить, попыталась удовлетворить себя сама, тем более что в это раз мои руки не были скованны цепями. Но... у меня не было такой возможности. И передо мной был Аббадон, которого моё тело страстно желало. Да и не только тело. Его хотела я сама. Я так хотела, чтобы демон бездны овладел мной! Это было похоже на безумие или одержимость! Я хотела ощущать его сильные руки на своём теле, я хотела ощущать его самого внутри себя! Мне не нужны были ласки, прелюдии!.. Я помнила, что я ненавижу его всем сердцем. Даже тогда, когда моим сознанием владела похоть, я помнила, каким является Аббадон. И именно таким я его и хотела — властным, жестоким, неумолимым, похотливым садистом! Я вспоминала бал и вспоминала его с наслаждением! Я безумно желала, чтобы Аббадон так же, как и тогда, грубо... жестоко... владел моим телом!

Чтобы по телу стекала кровь. Чтобы я, каждой клеточкой тела, чувствовала Верховного демона. Чтобы я чувствовала боль и наслаждение от его резких жёстких движений. А тем временем, объект моих безумных желаний просто сидел на моих ногах и, с любопытством, смотрел на меня. И это тоже сводило с ума. Я осознавала только то, что мне нужно сделать так, чтобы этот мужчина приступил к действиям.

Я привстала на локтях, попыталась дотянуться до его лица. У меня это не получилось. Тогда я обхватила его шею руками и попыталась сделать так, чтобы Аббадон наклонился. Это тоже не сработало. Демон не собирался облегчать мне задачу — он просто, с насмешкой, смотрел. А самым худшим было то, что я чувствовала его возбуждение. Я чувствовала, что он тоже меня хочет.

— Аббадон, пожалуйста! Ты же тоже этого хочешь! Чего ты ждёшь?!

— А ты сделаешь всё, что я захочу, Милена? — всё с той же насмешкой, спросил Верховный демон.

— Да! Я сделаю всё, что ты захочешь! Только... только трахни меня уже, наконец!

— Ух ты! Какие вульгарные грубые слова я слышу от нашей милой Милены! — засмеялся Аббадон.

Мне было на это наплевать. Неважно, какие слова звучали из моих уст — грубые, вульгарные, неприличные, пошлые... Но, мне было просто жизненно необходимо, чтобы Аббадон взял меня.

— Прошу, Аббадон, скажи, что ты от меня хочешь?! — чуть ли, не взывала я.

— Но, ты же меня ненавидишь, Милена. Разве, нет? — продолжал насмехаться демон бездны.

— Да, ненавижу! — выкрикнула я. — Я ненавижу тебя так сильно, что хочу разорвать на части! За всё то, что ты сделал... за всё то, что ты хотел сделать... за всё то, что ты сказал... я ненавижу тебя! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! — как заведённая, повторяла я. — Ненавижу! Ненавижу, но... но сейчас я тебя хочу! Слышишь?! Хочу! Мою ненависть к тебе это, нисколько, не уменьшает и ты не услышишь от меня, что ты мне нравишься или что-то вроде этого! Это похотливое желание не рождает к тебе никаких чувств во мне, кроме ещё большей ненависти и физиологического желания. Я. Просто. Тебя. Хочу, — выделяя каждое слово, сказала я.

— Хм, я думал, что моя сила подействует на сладкую сильнее, — подал голос Асмодей. — Обычно все, под моим заклинанием, клянутся в вечной любви, лишь бы их отымели.

— А так даже забавнее! — ответил ему Аббадон. — Она прекрасно осознаёт, как меня ненавидит и, всё равно, готова сделать всё.

Да уж. Странное это было ощущение — хотеть и ненавидеть одновременно. Моё тело, в одно и то же время, как будто разрывали на части похоть и ненависть. И даже не до конца было ясно — чего же, всё-таки, больше. Хотя, какое это сейчас имело значение? Правильно — никакого. Несмотря на всю ненависть, переполнявшую меня, желание мне было не перебороть.

— Ладно, Милена, считай, что я сегодня очень добрый и не потребую от тебя ничего, кроме одного, — произнёс мужчина. — Поклянись Тьмой, Милена, что через два дня, когда сила Асмодея уже не будет на тебя действовать, ты придёшь ко мне и попросишь меня взять тебя. Ну, что? Это же так просто сделать.

Я размышляла недолго. Да я, честно говоря, вообще не размышляла. Мне слишком

сильно сейчас нужен был Аббадон.

— Клянусь, я приду к тебе через два дня, Аббадон, и попрошу тебя взять меня. Пусть свидетельницей моих слов станет Тьма, — произнесла я ту единственную клятву, которую демоны никогда не нарушают.

— Это было, довольно, жестоко, Аббадон — заставляешь сладкую давать такую клятву! — раздался смех демона похоти. — Но... мне нравится. Не пригласишь к себе в гости через два дня? Хочу посмотреть на это.

— Обойдётся, — тем не менее, беззлобно ответил демон разрушения. — Это представление будет только для меня.

Затем, как я и хотела, Аббадон, наконец, овладел мной. Ни нежности, ни прелюдий... ничего из этого не было. Впрочем, так же, как и тогда, когда я была с Вельзевулом и Асмодеем. Был только секс. И больше ничего. Да, жёсткий, грубый... Аббадон брал меня точно также, как и тогда, на балу. За исключением, разве что, того, что никаких нитей он не использовал. И чувствовала я себя совершенно по-другому. Я не чувствовала ничего из того, что испытывала на балу: ни страха, ни отвращения, ни злости, ни отчаяния... Боль, конечно, была, но это была боль, от которой я получала удовольствие. Не так, как было с Рейфом, когда боль служила отвлекающим элементом, чтобы забыть всё остальное. Сейчас боль просто приносила наслаждение. Боль, желание, ощущение полной власти над собой... я ловила экстаз от всего этого! Ни о какой ненависти я уже не вспоминала. Я полностью растворилась в ощущении того, как мне сейчас хорошо. Я не думала о споре с Фероксом; я не думала, чего уж греха таить, о своём ребёнке; я не думала о том, в чём я поклялась Аббадону и о том, как я эту клятву буду выполнять.

Глава 24.

«И почему, почти всегда, после секса, мне хочется спать?» — с досадой, подумала я, проснувшись.

Я открыла глаза, села на постели, огляделась. Аббадона в спальне не было. О его присутствии здесь недавно напоминали, лишь, следы на моём теле, которые медленно-медленно заживали.

«По крайней мере, в этот раз он мне ничего не сломал» — пришла я к утешительному выводу, определив, что наиболее серьёзные повреждения на моём теле — это царапины и синяки на бёдрах.

— Никогда бы не подумал, что крылья могут быть эрогенной зоной, — весело сказал Асмодей.

— Ты это к чему и про кого? — не совсем поняла я.

— Про тебя, сладкая, про тебя. Ты так остро реагируешь, когда к твоим крылышкам прикасаются.

— С чего ты взял, что мои крылья — это эрогенная зона? — резко ответила я. — Это — чушь! Просто под твоим заклинанием всё тело становится эрогенной зоной!

Я очень не хотела, чтобы Асмодей знал о моих крыльях. Это было для меня слишком личным и интимным. Кроме того, знать, где у того или иного человека (или не человека) находится эрогенная зона... знать, где он получает больше всего удовольствия... Это, всё равно, что знать слабое место! А любая слабость для меня была нежелательна. Даже такая.

— Лжёшь, сладкая моя. А я так не люблю, когда мне лгут!

Ощувив угрозу в голосе мужчины, я поняла, что деваться мне некуда.

— Ладно, признаюсь. Мои крылья — это эрогенная зона. Доволен?

— Ещё как, — ухмыльнулся Асмодей. — Но, я недоволен тем, с каким недовольством ты мне отвечаешь, сладкая моя.

— Но, я не испытываю к тебе никакой симпатии, Асмодей. И ты это прекрасно знаешь. И ты сам, только что, сказал, что не любишь, когда тебе лгут.

— Сладкая, я не хочу, чтобы ты мне льстила, притворялась или что-то, вроде, этого. Я просто хочу, чтобы ты сдерживала свои негативные эмоции. Только и всего. Если же нет... — демон похоти махнул рукой, создавая портал в спальне. — Я покажу тебе, что тогда с тобой будет.

Он схватил меня за руку и потащил за собой в портал, не дав мне даже одеть что-нибудь.

Покинув портал, мы оказались у какого-то загона — небольшой территории, огороженной высокой металлической решёткой. И в этом загоне находились какие-то существа, отдалённо напоминающие собак, породы доберман. Огромные, размером с телёнка, с короткой чёрной шерстью, твари с горящими жёлтыми глазами. Когда одна из них зевнула, я, в шоке, увидела ряда три острых зубов — не собачьих, а каких-то... акульих, что ли. Также, мелькнул в пасти раздвоенный змеиный язык, что навеяло мысль о том, что зубы могут быть ещё и ядовиты.

— Кто это? — спросила я Асмодея.

— Одни из моих питомцев, — ответил тот. — Честно говоря, одни из любимых.

Асмодей свистнул, привлекая внимание монстров. Вся эта свора, мгновенно, обернулась, увидела хозяина, радостно заскулила, завиляла хвостами и, почти вся, столпилась возле решётки, стараясь, через прутья, лизнуть руку демона похоти, стоявшего очень близко. Я же, рефлекторно, попятилась от этой стаи, воспользовавшись тем, что Асмодей меня больше не держал. Но, не тут-то было. Я, сразу же, вновь, оказалась схвачена им. А затем, он сделал то, чего я совсем не ожидала. Он, своими ногтями, расцарапал те раны на моём плече, которые оставил Аббадон. Многочисленные царапины, снова, закровоточили.

— Что ты делаешь?! — с изумлением, воскликнула я.

Вместо ответа, Асмодей подтащил меня к решётке, от которой я успела отойти на пару шагов и сказал:

— Посмотри на их реакцию на себя, сладкая моя.

Я посмотрела. Эти существа, которые недавно преданно смотрели на своего хозяина, смотрели теперь на меня. Но, совершенно по-другому. Было такое ощущение, что они видят перед собой кусок мяса. Они смотрели на меня своими жёлтыми глазами... с их челюстей капала слюна... Они радостно повизгивали, но не так, как собаки визжат при виде кого-то, кто им нравится. Так визжат при виде жратвы. А потом, я увидела то, чего, вообще, повергло меня в состояние ужаса. Я увидела их большие возбуждённые гениталии. Я хотела отвернуться, но Асмодей крепко держал мою голову, не давая этого сделать:

— Не отворачивайся, сладкая. Смотри внимательно и запоминай.

— Что запоминать?! Чего они хотят?!

— Они хотят тебя, сладкая моя. И, опережая твой вопрос, хотят тебя во всех смыслах. Они хотят лакать твою кровь. Они хотят жрать твоё мясо. Они хотят трахнуть тебя, сладкая моя.

— Они не могут хотеть последнего! — возразила я, хотя, в этот момент была, наверное, близка к потере сознания. — Они — звери!

— О, нет, сладкая, они — не звери, — ответил Верховный демон. — Они — низшие демоны. И потребности у них несколько выше, чем у зверей. Да и мозгов у них побольше. А теперь, ещё раз посмотри на них очень внимательно и послушай меня. Если ты будешь мне грубить, окажешься в этом загоне. Конечно, ни твою драгоценную кровь, ни твоё нежное тело, они не тронут. Они будут просто, долго-долго, иметь тебя, как обыкновенную собачью суку. А я буду, с огромным удовольствием, наблюдать, как вся эта свора трахает тебя. Кстати, в этом же есть и хорошая сторона. Ты получишь, поистине, необычный и незабываемый опыт, сладкая моя.

— Т... ты не сможешь этого сделать! — заикаясь от страха, сказала я. — Ты н... не сможешь отдать меня этим тварям!

— Да? Интересно, почему? — с насмешкой, спросил Асмодей.

— Из-за... из-за приказа Люцифера! Ты же сам говорил, что со мной могут спать, лишь, Высшие и Верховные демоны!

— Верно, но эти демоны, по сути, не являются личностями.

— О чём ты?

— Видишь ли, сладкая моя, любой демон — высший или низший — является личностью. Но! Если демон принадлежит кому-то, то личностью он уже быть не может. Эти зверушки — моя собственность. Они — мои вещи. Использовать их на тебе — это, всё равно,

что использовать свои цепи или наручники. Моя собственность, в том числе и живая, от меня неотделима. Так что, приказ Люцифера тебя, в этом случае, не спасёт.

— И тебе, действительно, доставит удовольствие смотреть на такое?! — не могла я поверить в услышанное.

— Ты даже не представляешь — какое, сладкая моя.

— Знаешь, ты, на самом деле, демон сексуальных извращений!

— Сочту за комплимент, — усмехнулся Асмодей, отпустил меня и толкнул в портал, чтобы мы с ним, снова, оказались в его спальне. — Теперь сладкая будет сдерживать свой негатив?

— Да, — вынуждена была ответить я — то, что Асмодей исполнит свою угрозу, сомнений не вызывало.

— Умничка. Но, хочу сразу предупредить. Если скажешь мне что-то с явным недовольством в голосе, я не стану прощать на первый раз. То, что я сказал, я исполню тут же. Потому, что я очень хотел бы посмотреть на это. В какой-то степени, я даже мечтаю о том, чтобы ты не сдержалась, сладкая моя.

— Мечтаешь? Значит, очень может быть, что ты специально будешь пытаться вывести меня из себя? — пришла мне в голову очень неприятная мысль.

— А почему нет? — не стал скрывать своих намерений демон сексуальных извращений. — В любом случае, это будет твоя вина, если ты не сможешь удержать себя в руках.

Мне очень хотелось, в этот момент, обозвать Асмодея конченной тварью, но я сдержалась огромным усилием воли.

«А ты чего ждала от демона? — с упрёком, обратилась я мысленно к самой себе. — Доброты и ласки? Хрен тебе, а не доброта от них! А ласка, если и будет, то очень специфическая. Но ты, всё равно, должна держать себя в руках. Ты будешь слушаться их, спать с ними, исполнять их прихоти... Ты будешь делать всё, Милена, чего бы тебе этого не стоило. Ведь, по сути, будут они тобой довольны или нет, зависит то, как ты будешь жить».

Эй, сладкая, а ты, кстати, помнишь, в чём поклялась Аббадону? — вдруг, спросил Асмодей.

— В чём я поклялась Аббадону? — растерянно переспросила я. — Но... я ни в чём ему не клялась...

— Неужели, не помнишь? А, ведь, такая красивая клятва была! — с фальшивой грустью, произнёс мужчина.

— Какая ещё клятва?! — в голос закралась паника — что я натворила тогда, когда могла думать только о сексе?

— О, сладкая моя, ты поклялась самой Тьмой, что через два дня придёшь к Аббадону и попросишь его трахнуть тебя.

Я, буквально, оцепенела. Как я могла дать такую клятву? Я такого не помнила вообще, но... почему-то, я была уверена, что Асмодей не лжёт.

— Я поклялась самой Тьмой? — глухо спросила я.

— Именно. Конечно, если хочешь, то можешь эту клятву не выполнять, но... тогда ты станешь клятвоотступницей, сладкая моя. А ты, естественно, знаешь, что ждёт клятвоотступника?

Разумеется, я знала. Драйк очень упорно вдалбливал мне это в голову. Да и я сама воспользовалась страхом перед нарушением этой клятвы, чтобы подчинить Киерана.

Единственная клятва, которую эти жестокие лживые извращённые демоны никогда не нарушают. Нарушишь её — станешь изгоем в мире демонов. Относиться к тебе будут хуже, чем к самому низшему демону и никакое высокое положение тебя от этого не спасёт. А для меня — полу человека без силы — такое станет подобно смерти. Тогда я, вообще, не смогу защитить никого и ничего. Вывод напрашивается сам собой — я не могу нарушить эту клятву. Но, что тогда получается? Что тогда будет со мной, когда я, по собственной воле, отдамся Аббадону? Скажете, что мне не в первой это делать? Ведь, на балу, по сути, я тоже отдалась ему добровольно? Да, так и есть. Не отрицаю. Но... тогда, по крайней мере, была причина это сделать — мне нужно было покровительство.

— За каким чёртом я дала эту клятву? — не выдержав, вслух произнесла я.

— Ну, ты так хотела Аббадона, сладкая моя, что готова была на всё. И ты должна отдать ему должное — многого он не пожелал. Если бы я был на его месте, то так легко ты бы не отдалась.

— Скажи, Асмодей, есть ли способ обойти эту клятву? Пожалуйста... если он есть... если он есть, расскажи мне о нём. Я всё для тебя за это сделаю.

— Слишком громкие слова, сладкая моя, — укоризненно покачал головой мужчина. — Ты прекрасно должна понимать, что не сделаешь всё для меня.

— С чего ты решил, что... — начала я.

— Если, например, — перебил меня Асмодей. — Если, например, за открытие способа обойти клятву, я прикажу тебе пойти в загон с моими питомцами и отдаться им? Ты это сделаешь, сладкая моя?

— Нет! Ни за что! — мгновенно, ответила я, даже не задумываясь.

— Тогда, не говори, что всё для меня сделаешь. Ты же помнишь, что я не люблю, когда мне лгут? Но, так как это был выкрик на эмоциях, в этот раз я тебя прощаю. Но, впредь, никогда не обещай того, чего не можешь сделать.

— Кто-то уже говорил не нечто подобное, — вспомнила я слова Лекса Мейснера, сказанные им в доме у Филиппа.

— Правильно этот «кто-то» говорил. А по поводу клятвы... такого способа, чтобы не выполнять её, не существует. Но, так уж и быть, сладкая. За то, что ты, всё-таки, смогла мне доставить кое-какое удовольствие и повеселить меня, я дам тебе один совет. Внимательно вдумайся в слова клятвы. И тогда, может быть, найдёшь выход из своей ситуации.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Кто знает? Думай сама. К тому же, за тобой уже пришли.

— Что? — я обернулась и наткнулась на хмурый взгляд Ферокса. — Ферокс? А что ты здесь делаешь?

— Я пришёл за своей законной супругой, которая, довольно неплохо, судя по всему, проводит время, — ответил дракон, с плохо скрываемой злостью в голосе.

— Неужели, я слышу ревность в голосе повелителя драконов? — с насмешкой, спросил Асмодей, демонстративно положив ладони на мои ягодицы.

— Рискни ещё что-то сказать по поводу моей ревности и Преисподней может понадобиться новый демон похоти! — еле сдерживая уже не злость, а ярость, сказал Ферокс.

— Ладно-ладно, молчу, — примирительно произнёс Асмодей и убрал от меня свои руки. — Ну, что ж, сладкая моя, похоже, ты меня покидаешь. Но, я уверен, что не навсегда.

Последняя фраза была сказана с некоторой нежностью, и её можно было бы принять за какую-нибудь романтическую реплику, сказанную влюблённым. Если бы не одно «но». Если

не знать, кто говорит эту фразу.

Я подошла к Фероксу.

— Если хочешь забрать меня отсюда, то придётся тебе это сделать в таком виде, — сказала я, демонстративно один раз покрутившись перед Фероксом, показывая свою наготу. — Одежды у меня с собой нет.

Скажете, опять моя дурацкая смелость разыграла? Отнюдь, нет. Во-первых, подойдя к повелителю драконов, я хотела, сразу же, проверить свою реакцию на нём. Узнать — остался ли у меня страх перед мужчинами. Выясняла — его не было. Точнее, не так — Ферокса-то я боялась и сейчас, но боялась я его именно, как Ферокса, а не как мужчину. А во-вторых, я вспомнила слова Лилит о том, что раз у меня нет силы, то я должна пользоваться своим телом. И мне было интересно, отреагирует ли Ферокс как-то на меня? Отреагировал. Я, буквально, кожей чувствовала его желание. Осознав это, я шагнула к супругу, оказавшись к нему вплотную.

— Ну, что? Заберёшь меня? — я посмотрела на него снизу вверх, нарочно прижимаясь к нему своим телом.

В этот миг, кровь драконов проснулась во мне, требуя близости с Фероксом. Не знаю, проснулась ли она в Фероксе, и что он увидел в моих глазах, но он, ни слова не говоря, сотворил портал, буквально, швырнул меня туда и сам шагнул следом. Мы оказались в моей спальне, в Зиградене. После этого, ближайшие полчаса мы не сказали друг другу ни слова, поддавшись этому необузданному дикому желанию.

Лишь когда мы были полностью удовлетворены, я спросила у Ферокса:

— Скажи, а ты, действительно, приревновал меня к Асмодею?

— Приревновал тебя? Это было, всего лишь, чувство собственности, котёнок. Чувство, что твои вещи трогают кто-то другой. Но мне, всё же, очень интересно, что ты делала у Асмодея? Ты спала с ним?

— Да, спала, — не стала я отрицать. — Я не помню, чтобы мы давали друг другу клятву верности. И я не думаю, что ты не знаешь о том, что было на последнем балу Люцифера.

— Я слышал об этом. И ещё я слышал такую вещь, что ты добровольно на это согласилась.

— Это не совсем так. Я соглашалась, когда думала, что буду только с Аббадоном и что всё будет менее... кроваво. А то, что произошло в действительности... я не ожидала. Но, отказаться уже не могла. Однако, — я встала с постели, подошла к зеркалу и, зачем-то, посмотрела на своё отражение. — Однако чего только не сделаешь ради покровительства.

— Хочешь сказать, что, таким образом, просила покровительства у Верховных демонов? — не верящее, спросил Ферокс. — И как успехи?

— Я получила покровительство Аббадона, Асмодея и Абигора, — спокойно ответила я, до сих пор, не отрывая взгляд от зеркала.

— И из всех возможных способов ты выбрала именно этот — раздвигать для Верховных демонов ноги? — я слышала злость в голосе дракона и, также, я слышала его желание оскорбить меня.

— Да, я выбрала этот способ, — не поддавалась я на провокацию, продолжая говорить спокойно и, всё также, смотря не на Ферокса, а на своё отражение. — Ты и сам, Ферокс, должен был понимать ещё с самого начала, что это для меня единственный возможный способ. Разве, нет?

— Я не думал, что ты пойдёшь на такое, — я услышала, как Ферокс встал с кровати и

подошёл ко мне. — Посмотри на меня! — последовал приказ и, когда я замешкалась на секунду, шею пронзила боль от раскалённого ошейника, которая прошла только тогда, когда я посмотрела прямо в злые глаза повелителя драконов. — Я не думал, что девчонка, которая никогда даже сама не раздевала мужчину, пойдёт на такое. Для тебя, просто с кем-то спать — просто невозможно. А, может, я ошибался? Может, демоническая кровь твоего отца сделала, всё-таки, своё дело, превратив котёнка в развратную похотливую демонессу?

Мне не были понятны претензии Ферокса. Да, мы были супругами, но... драконы довольно спокойно относились к, так называемым, свободным отношениям. Только если, как я и сказала, не давали друг другу клятву верности. Ну, ещё чувства взаимные, любовь... В нашем случае, ни о каких чувствах (тем более, любви) речи не было. Да и на мои отношения с Люцифером он смотрел спокойно. Тогда, что его так задело? Это самое чувство собственности, которое он упомянул, когда я спросила его о ревности к Асмодею?

— Я просто добивалась своей цели — только и всего, — тем не менее, ответила я. — Я просто решила для себя, что пойду на всё.

То, что сказанное мной, получалось не сильно удачно, я не призналась. Пусть Чёрный дракон думает, что всё это — очень легко. Легко переступить через себя. Легко отказаться от всего, что составляло твою жизнь. Пусть он так думает.

— Кстати, я смогла подчинить семью Кавэлли, — продолжала я. — Так что... я выиграла наш спор. И Зиграден теперь мой. Ты же не будешь этого отрицать, Ферокс?

— Не буду, если это — правда.

— А ты сомневаешься? Если да, то можешь это, запросто, проверить. Смысла лгать у меня нет, ведь, ты можешь просто, через «оковы неволи», заставить меня говорить правду. То, что сейчас я делаю без всякого принуждения. Всё ещё не веришь?

— Ладно, я верю тебе, котёнок, — произнёс Ферокс. — Зиграден теперь твой, — на этих его словах я не смогла сдержать вздох облегчения. — Только не забудь одну немаловажную деталь. Несмотря на то, что ты получила власть над Зиграденом... Даже не думай обольщаться по поводу своей независимости, котёнок. Ты, всё равно, принадлежишь мне и где бы ты не находилась — в мире драконов или в своём Зиградене — я могу делать с тобой всё, что захочу.

«Не ты один такой, кто может делать со мной, что угодно» — подумала я про себя, но вслух, благоразумно, этого не сказала. Фероксу и так, явно, не нравился этот разговор. Злить его ещё больше не хотелось. Поэтому, я просто молча кивнула, не споря с ним.

— Ещё кое-что, касаясь моего наследника, — голос Ферокса, всё же, стал спокойнее.

— Сейчас я никак не могу тебе его родить. — поспешила напомнить я.

— Я помню. Я помню, что ты вынашиваешь своего человеческого выродка. — с презрением произнёс дракон. — Речь сейчас не об этом. Мне плевать, как ты будешь растить отпрыска своего мертвеца. Мне плевать, кем он будет себя считать — демоном или человеком. Мне плевать, на каком языке ты будешь учить его говорить — на языке демонов или на языке людей. Я, в принципе, уверен, что долго он в мире демонов не проживёт. Но, не суть. Запомни одно. Когда мой наследник родится, я никогда не хочу слышать от него человеческую речь или того, чтобы он считал себя связанным с человеческой расой. Я запрещаю тебе говорить с ним на языке людей или говорить о своём происхождении и о мире людей, в частности.

— Он, всё равно, узнает о моём происхождении. Хотя бы, по слухам.

— Неважно. Главное, что не от тебя самой. Надеюсь, ты меня хорошо поняла? Одно

слово на человеческом языке при моём наследнике и я лишу тебя возможности видеть его и, вообще, приближаться к нему.

— Ты хочешь сказать, что... лишишь меня моего ребёнка?! — потрясённо посмотрела я на дракона. — За одно слово?!

— Совершенно верно. И, вот ещё что. Скажи честно, котёнок, ты же меня ненавидишь, да? — вдруг, спросил чёрный бог-дракон.

— Да, ненавижу, — если он хотел честно, значит, так тому и быть. — Но, при чём здесь это?

— Есть большая доля вероятности, что внешне мой ребёнок будет похож только на меня. Я вот думаю — не отразится ли это на твоём отношении к нему?

— Нет! Клянусь! Неважно, кто будет являться его отцом! Он же мой ребёнок! И то, как я отношусь к тебе, на нём, ни в коем случае, не отразится!

— Ладно, я тебе поверю, котёнок. И ребёнка отнимать у тебя не собираюсь. Точнее, я тебе сказал, на каких условиях позволю тебе общаться с ним. И ещё раз повторю — одно слово на человеческом языке и тебя не будет рядом с моим наследником. Или если я замечу какой-либо негатив в его сторону...

— Этого не будет. Я никогда не буду с неприязнью относиться к своему ребёнку. И я никогда ничего не скажу ему на человеческом языке. Пожалуйста, поверь мне!

— Я всё сказал, котёнок. Будешь всё выполнять, о чём мы договорились и всё будет хорошо, — он создал портал, направился к нему, но задержался на мгновение. — И ещё... можешь спать с кем угодно, котёнок, если тебе это нужно или хочется. Ведь, клятвы верности мы друг другу, действительно, не давали, — и он ушёл.

«С кем угодно я спать теперь не смогу, — подумала я. — Люцифер постарался. Теперь главное, чтобы не постарался Асмодей с этим треклятым приказом. Если в приказе будет указано, что я доступна только для Верховных демонов... Это породит излишнее внимание к моей персоне. Ненужное и нежелательное внимание. Мне тогда в Пандемониуме, вообще, нельзя будет появляться. Как, в общем-то, и в других местах мира демонов, кроме Зиградена».

Я сделала шаг по ковру... наткнулась на зеркало, в которое так внимательно смотрела, при разговоре с Фероксом.

«До чего же ты докатилась, Милена? — с укором, поинтересовалась я у себя, разглядывая отражение. — Готова унизиться, как угодно, да? Идти на любые унижительные и аморальные поступки? Но это всё, что я могу сделать в данный момент. Только... если всё так и будет продолжаться... Что от меня останется, в конечном счёте? Ничего. Точнее, то, чего я боюсь больше всего — одна пустота».

Ещё, мне не нравилось то, насколько Ферокс был уверен в безнадёжности жизни ребёнка Кая в мире демонов. Это, на самом деле, было настолько нереально? Чтобы он жил здесь — со мной? Но, если это, действительно, так... то, что мне тогда делать? Всё, что я делала, было бессмысленным?

— Это ещё что?! — с удивлением воскликнула я в тот момент.

Бабочка... Сине-зелёная бабочка, вновь, порхала передо мной.

«Да что же это такое?! Откуда она здесь?!» — мне стало несколько... страшновато. А бабочка, полетав немного по комнате, села на зеркальную раму.

Я подошла к зеркалу, взяла его в руки. А через мгновение я уронила его на пол, разбивая. То, что я увидела в нём... Это было не моё отражение! Я увидела девушку с

белоснежно-белыми волосами...

Глава 25.

— Если тебе так нравится разбивать зеркала, то, может, тебе устроить отдельную комнату для этого? Заставишь её зеркалами, будешь их там разбивать, а они, через какое-то время, будут восстанавливаться, — это предложение поступило от Лилит, зашедшей ко мне.

Я перевела взгляд с неё на осколки зеркала. В осколках отражалась, лишь, я. Никакой беловолосой девушки. И никакой бабочки в комнате не было.

«Неужели, просто показалось? Вряд ли. Что-то здесь не то... Я же не в первый раз вижу эту бабочку. И эта девушка... Это же её образ я видела, когда разговаривала во сне с Дайоной!» — вспомнила я.

— Я подумаю над твоим предложением, Лилит, — вслух произнесла я. — И, возможно, что так и сделаю.

— Кажется, ты избавилась от своего страха перед мужчинами. И кого за это следует поблагодарить?

— Тебя?

— Конечно. Скажешь — нет?

— Ты мне ничего не сказала. А, ведь, знала всё. Тебе было известно о приказе Люцифера. Ты знала, что с теми демонами, к которым ты меня привела, у меня ничего быть не может. Ты знала, кому принадлежит замок и ты знала, что хозяин этого замка находится там. Скажи, что-то, из вышеперечисленного, является неправдой?

— Всё правда, — легко согласилась Лилит. — Я всё знала. И что? Тебе же это помогло.

— Помогло. Но... Асмодей заставил меня желать его и Вельзевула! Я их так хотела, что согласна была, абсолютно, на всё!

— Вот то, что там окажется Вельзевул я, действительно, не знала, — ответила демонесса разврата. — Но, по поводу всего остального... Ты бы хотела, чтобы никакого желания не было? Чтобы это было чистое насилие?

— Нет.

— Ну, вот. А ты, не хуже меня, понимаешь, что Асмодей с Вельзевулом, в любом случае, сделали бы то, что хотели. Так, не лучше ли было, что всё произошло по обоюдному согласию? Ты так не считаешь?

— Да, это так, — вынуждена была признать я. — Но, если бы ты не привела меня туда, то ничего бы и не было.

— Да, не было бы. Не было бы секса, не было бы покровительства Асмодея... И ты бы, до сих пор, боялась бы.

Мне нечего было возразить. Поддержку Асмодея я, действительно, получила и от страха я избавилась. Но... Лилит слишком много она от меня скрыла. Хотя, я понимала, что если бы демонесса сказала мне всё с самого начала, я бы отказалась идти в тот замок. И что было бы в таком случае? Как Лилит и сказала — ни покровительства, ни секса. Спор с Фероксом я бы проиграла. С какой стороны не посмотри, а Лилит я, на самом деле, должна быть благодарна.

— Хорошо, я признаю, что ты мне помогла. И я тебе очень благодарна.

— Так-то лучше, — улыбнулась демонесса разврата.

— Но, вот, что ещё я хочу знать, — продолжила я. — Ты не знала о Вельзевуле. А ты знала о том, что к Асмодею может зайти Аббадон?

— Теоретически — возможно, — с удивлением, посмотрела на меня Лилит. — Но, то — теория. Или ты хочешь сказать, что Аббадон тоже там был?

— Да, там был Аббадон. И я не просто спала с ним, а умоляла его сделать это. Чёртов Асмодей заставил меня хотеть его! Но, самое худшее — это то, что демон бездны заставил меня поклясться Тьмой, что я сама приду к нему через два дня и сама попрошу его переспать со мной.

— Да уж, под заклинанием Асмодея, в чём только не поклянёшься, — усмехнулась девушка.

— Хотела бы я, чтобы мне тоже было от этого смешно. Но, по поводу клятвы... Я не хочу исполнять её. Асмодей дал мне, как он выразился, совет. Только... я его не поняла.

— И что же это был за совет?

— Он сказал мне вдуматься в слова клятвы. И тогда я, возможно, смогу найти выход из своей ситуации. Но... я, совершенно, не понимаю, что он имел в виду. Клятва дана и Тьмой я поклялась. Как здесь можно что-то сделать? А стать клятвоотступницей я не могу себе позволить.

— Последнее тебе, точно, делать не следует, — задумчиво произнесла Лилит. — Но, Асмодей не мог сказать что-то просто так. Скажи-ка мне, Милена, как звучит твоя клятва? Слово в слово.

— Я могу тебе её сказать только со слов Асмодея, — вздохнула я. — Я не помню, как я её давала.

— То, что ты её не помнишь, тебя от неё не освободит, — заметила девушка. — Тогда, хотя бы, скажи, что поведал тебе демон похоти.

— Он сказал, что я поклялась, что приду к Аббадону через два дня и попрошу его взять меня. Всё.

— И это всё, в чём ты поклялась?

— Наверное, да. По крайней мере, если верить словам Асмодея.

— Тогда, Асмодей дал тебе очень ценный совет, Милена.

— Я не понимаю...

— Ты помнишь, Милена, как ты пыталась расторгнуть договор своей матери с Аббадоном? — неожиданно, спросила Верховная демонесса.

— При чём здесь, вообще, это? И откуда ты знаешь про этот договор?

— Твои «разборки» с демоном бездны по поводу этого договора — не тайна для других Верховных демонов. И я с Люцифером общалась. А при чём он сейчас... Прежде, чем Анхель предложил тебе заключить договор с ним, ты же искала другие способы разорвать договор с Аббадоном?

— Искала, — кивнула я. — Но, не нашла.

— Но, у тебя же были какие-то варианты?

— Был один, — вспомнила я. — Я говорила Аббадону, что моя мать уже была мертва, когда он выполнил свою часть договора — поспособствовал освобождению моего отца. Но, Аббадон заявил, что в договоре не было указано, что моя мать должна быть жива на тот момент.

— Верно. То, что дословно не указано в договоре, можно повернуть, как угодно. Как и то, что, наоборот, указано. Поэтому, когда заключаешь договор с демоном, существует очень

большая вероятность, что тебя обманут. Точнее, что-то не укажут, что-то недоскажут, не допишут... Когда заключаешь договор с демоном, всегда, дословно надо указать, что именно ты хочешь, в каком состоянии ты должна находиться, в каком месте... Любая неточность договора может быть использована.

— Это, конечно, всё очень интересно, Лилит. Я всегда знала, что демоны очень подлые и умные существа. Но, каким образом, это связано с клятвой, которую я дала?

— Неужели, не догадалась, Милена? Ты меня расстраиваешь. Асмодей, ведь, всё правильно тебе подсказал. Ну, ладно. Помогу я тебе в этот раз, по доброте своей. Но, помни, что больше я этого делать не стану (твоё обучение не в счёт). Вот, покажи мне в этой клятве то место, где указано, что ты будешь трахаться с Аббадоном?

— Но, я же поклялась...

— Где указано, что ты будешь трахаться с Аббадоном? — перебив меня, повторила свой вопрос Лилит.

— Я поклялась, что попрошу его взять меня...

— Ты не слышишь меня, Милена! — слегка рассерженно, сказала Лилит. — Ты клялась, что будешь спать с демоном бездны?

— Я клялась, что попрошу... — я, в шоке, уставилась на демонессу. — Подожди! Но, разве, то, что я прошу его об этом, не означает, что это будет?

— Только если ты этого захочешь, Милена. Ты поклялась, что попросишь, но ты не клялась в том, что отдашься. Так что, если успеешь от него сбежать, когда попросишь, то клятву ты не нарушишь.

Так, у меня появилась надежда на то, что я смогу обломать Аббадона, при этом не став клятвоотступницей. Только вот... Загвоздка была в том, смогу ли я сбежать от демона бездны? Данное развитие событий казалось мне весьма... призрачным. Если не хуже. О чём я, тут же, сообщила Лилит.

— Это уже не мои проблемы, — ответила Лилит. — Я подсказала тебе выход из положения, но... с остальным разбирайся сама. Теперь, хочу спросить тебя в последний раз — ты хочешь учиться у меня?

— С такими методами, как у тебя? — поинтересовалась я, имея в виду то, как она меня с Асмодеем. — Хочу.

— Тогда, решено. С завтрашнего дня я тобой займусь.

— Лилит, подожди, — остановила я Верховную демонессу, когда та собралась уходить. — Я хочу спросить тебя кое о чём. Вопрос, наверное, прозвучит странно, но... В мире демонов есть те, кто может предсказать будущее?

Мне всё не давал покоя вопрос о том, а сможет ли мой ребёнок выжить в мире демонов? Чем больше я над этим думала, тем всё более нереальным это казалось.

«В этом ребёнке будет куда больше от человека, чем во мне самой. Могу ли я, в принципе, обречь его на существование в этом жестоком мире? В мире под чёрным небом? Да, для меня он — смысл жизни. Я власть над Зиграденом получила ради него. Я получила покровительство Верховных демонов. Я не знаю, что будет со мной, если потеряю его. Где я тогда буду искать желание жить? Но... если своим эгоистичным желанием я подвергаю ребёнка опасности... Как я могу так поступить?».

Я была в смятении, не зная, что делать. Поэтому, я решила, что ответ на мой вопрос может дать тот, кто видит будущее. Кто скажет, что меня может ждать. Хотя, я и знала, что обращаться к ясновидцам очень нежелательно. Неизвестно — чем придётся заплатить за

предсказание.

— Тебе нужен ясновидец, Милена? Хочешь узнать своё будущее?

— Да.

— Это глупо. Даже зная его, вряд ли ты сможешь его изменить. А знать и не в состоянии смочь что-то сделать... В общем, это не самая твоя лучшая идея. Да и бесплатно ясновидцы не работают и берут они, отнюдь, не деньгами и золотом.

— Я понимаю. Но, мне это нужно. Так, они есть в мире демонов?

— Есть, хоть, и не много, — с явной неохотой ответила Лилит. — Ты хочешь знать, что с тобой произойдёт или у тебя есть конкретный вопрос?

— Конкретный вопрос.

— Если так, то есть одна Высшая демонесса... Она ответит тебе на один единственный вопрос. После этого, ты уже никогда не сможешь обратиться к ней вновь. За всю свою жизнь ты можешь спросить её только один раз. Так что, если хочешь обратиться к ней, хорошо подумай, что именно ты хочешь спросить, так как второго раза у тебя не будет.

— Она даст ответ на любой вопрос?

— Да.

— Даже если это будет формулировка: «Что будет, если я сделаю то-то...»?

— Да, даже если так.

— А что она берёт взамен?

— Никто не знает. Все, кто к ней обращался, молчат о своей плате.

— Сможешь отвести меня к ней?

— Ты хочешь пойти, не зная, чем заплатишь? — недоверчиво посмотрела на меня Лилит. — Ты можешь совершить большую ошибку.

— Я, всё равно, хочу встретиться с ней.

У меня уже был вопрос, который я хотела задать: «Что будет с моим ребёнком, если он останется со мной, в мире демонов?». Ответ на него меня страшил, но... я должна была его узнать.

— Хорошо, я отведу тебя к ней, если ты так этого хочешь. Отговаривать тебя у меня никакого желания нет. Отвечать за последствия, всё равно, будешь сама.

Как оказалось, Высшая демонесса, о которой говорила Лилит, проживала в самом Пандемониуме. Причём, недалеко от дворца Люцифера. Хотя, сама она проживала не во дворце и не в замке, а в очень даже не большом доме. Мне, уже почти привыкшей к роскоши и богатству, было даже как-то странно видеть такой, по местным меркам, скромный дом. Тем более, у Высшей демонессы.

— Заходи и задавай свой вопрос, — сказала мне Лилит.

— Не пойдёшь со мной?

— Нет. Зачем?

— А как... как я потом, снова, попаду в Зиграден? — перспектива остаться одной в Пандемониуме радовать не могла.

— Ах, да. Ты же не можешь делать порталы. Вот, держи, — в моих руках оказался тонкий серебряный браслет.

— Что это?

— Магическая безделушка, которая позволит тебе делать порталы самой. Только представь место, куда ты хочешь попасть и всё.

— Между мирами он тоже может переносить? — спросила я, обрадованная такой полезной вещью.

— Да, если ты в них была.

— Спасибо, Лилит.

— Было бы — за что, — отмахнулась демонесса разврата. — Это, всего лишь, игрушка. В мире демонов ею пользуются дети, чья магическая сила ещё не стабилизировалась. А мне пора. Удачи, — перед девушкой возник портал.

— Последний вопрос, — остановила я её. — Как зовут эту ясновидящую?

— Никак. У неё нет имени, — больше Лилит ничего не сказала и покинула меня.

Я зашла в дом. Меня встретила одна единственная служанка, которая проводила меня к своей хозяйке.

Ясновидящей оказалась молодая, на вид, девушка. Стройного, даже какого-то хрупкого, телосложения. Длинные чёрные волосы доставали ей почти до талии. И глаза... Глаза были закрыты тёмной повязкой. Но, последнее меня не удивило. Ясновидящие очень часто расплачиваются за свой дар зрением. Видя будущее, они лишались возможности видеть окружающий мир.

— Что ты хочешь у меня спросить, полукровка? — без всяких приветствий, произнесла демонесса.

— Откуда вы... — начала я, но меня перебили:

— Это ты уже хочешь задать свой вопрос?

— Нет! — торопливо ответила я, осознав, что чуть всё не испортила. — Вопрос у меня другой. Но, могу я, в начале, узнать, чем мне придётся заплатить за ваше предсказание?

— Нет, не можешь. Плата будет зависеть от ответа, который ты получишь.

— Тогда... — я села в кресло, напротив ясновидящей. — Я хочу, чтобы вы поклялись Тьмой, что то, что вам станет известно, никто и никогда от вас не узнает.

О моей беременности знали очень немногие, и я хотела, чтобы так и оставалось.

— У меня нет привычки рассказывать кому-либо тайны тех, кто приходит ко мне, — ответила демонесса. — Но, если ты так хочешь... Клянусь, никто и никогда от меня не узнает то, что я сегодня узнаю от тебя. Пусть свидетельницей моих слов станет Тьма. Теперь, спрашивай.

— Я хочу знать, — я положила руку на живот. — Что будет с ребёнком, которого я сейчас вынашиваю, если он останется со мной, после своего рождения?

Мне казалось, что ясновидящая смотрит на меня очень внимательно, хотя, я прекрасно понимала, что, на самом деле, она не может этого сделать. Она молчала. Она молчала минут пять, и я не осмеливалась нарушить эту тишину. Затем, она встала, подошла ко мне, коснулась пальцами моих висков.

— Сейчас ты увидишь то, что увидела я — ответ на свой вопрос, — сказала она.

И я увидела...

Я нахожусь в своей спальне, в Зиградене. Я вижу детскую кроватку. Я подхожу к ней... Надеюсь увидеть своего малыша... А в следующее мгновение я кричу! Я кричу от ужаса, боли!.. В кроватке нет ребёнка. Вместо этого, в ней всё пропитано кровью. И я знаю, что эта кровь — единственное, что осталось. Я знаю, что мой ребёнок мёртв...

Я в своём тронном зале. Я знаю, что мой малыш рядом со мной. Я оглядываюсь, зову его... и нигде не могу найти. Паника. Я ищу его... ищу... ищу... Я заглядываю в каждый зал,

каждую комнату дворца. Ничего. Наконец, последняя дверь. Я захожу. Крик. Я вижу своего ребёнка. Мой ребёнок мёртв...

Пандемониум. Дворец Люцифера. Я не помню, как здесь оказалась, но знаю, что ребёнок со мной. Он сидит на полу какой-то комнаты и играет с чем-то блестящим, искрящимся. Мой малыш... Мой сын... Он весело смеётся... Ослепительная вспышка. Я вижу кровь. Кричу. Мой ребёнок мёртв...

Мир драконов — дворец Ферокса. Мой сын спит у меня на руках. Я тоже, на минуту, закрываю глаза. Открываю. Ребёнка со мной нет. Страх. Мне страшно. Я мечусь по дворцу, ищу... Нахожу. Мой ребёнок мёртв...

Раз за разом... В любом месте... Каждый раз по-разному... Мой ребёнок умирает, умирает, умирает!.. Снова и снова! И так, до бесконечности...

Я вернулась в реальный мир, с криком. Вокруг тишина. Слепое лицо ясновидящей направлено на меня. Она, словно, смотрит. А я... я не могу унять дрожь. Мне хочется плакать. Столько раз увидеть смерть своего собственного ребёнка... От такого можно сойти с ума.

«Это — будущее моё ребёнка?! Это то, что ждёт его со мной?! — слёзы душили меня — мне так не хотелось верить в увиденное. — Он умрёт, оставшись со мной?! Моё дитя... Ребёнок Кая...».

— Скажите, — обратилась я к ясновидящей, с трудом заставив себя немного успокоиться. — Скажите, то, что вы мне показали... Это не изменить?

— Нет. Ты задала свой вопрос — ты получила ответ. С тобой твоего ребёнка ждёт, лишь, смерть. В любом мире... Где бы ты не была... Он не выживет с тобой.

— Чем... чем я должна заплатить за свой ответ?

— Ты уже заплатила, — ответила ясновидящая. — Точнее, заплатишь очень скоро. Твой ответ и был оплатой. Ты заплатишь самой себе за то, что узнала.

— Не понимаю... Но, это и не важно. — я поднялась с кресла, всё ещё не уняв дрожь. — Спасибо вам.

— Спасибо? — слепая ясновидящая улыбнулась. — Ты благодаришь меня за то, что я причина тебе боль, полукровка.

— Да. Но, благодаря вам, я теперь могу хоть что-то сделать, чтобы мой ребёнок остался жив. Пусть и в дали от меня...

— Мне не понять привязанности людей к своим детям, — произнесла демонесса. — Так что... уходи.

Я кивнула, повернулась спиной к демонессе. А потом, я услышала, как ясновидица стала напевать какую-то странную, без рифмы, песню:

— Кэтэрина, Кэтэрина — зачем ты полюбила зло? Кэтэрина, Кэтэрина — что же ты теперь плачешь? Кэтэрина, Кэтэрина — обманутая злом. Кэтэрина, Кэтэрина — погубленная злом. Кэтэрина, Кэтэрина — чистота стала грязью и окрасилась в красный. Кэтэрина, Кэтэрина — ты призвала свою смерть. Кэтэрина, Кэтэрина — несчастная глупая бабочка. Кэтэрина, Кэтэрина — что же ты теперь плачешь?

«Кэтэрина? Что-то знакомое...» — подумала я.

— Что это за песня? — спросила я.

— Не знаю, — ответила демонесса. — Она просто пришла мне в голову. Возможно, она относится к тебе. А может, к кому-то другому.

Я не стала спрашивать — ушла. Но, когда выходила, я слышала, как демонесса продолжает напевать. И ещё долго в моей голове звучали эти слова: «Кэтэрина, Кэтэрина — что же ты теперь... плачешь?»...

Глава 26.

Зиграден. Ставший не родным, но, по крайней мере, привычным. Я опустилась на кровать. Мне было больно. Но, это была совсем не та боль, которую я ощутила на балу демонов — физическая. И даже не та, которую я испытала, когда потеряла Кая. Это было хуже. Я понимала, что теперь не смогу оставить своего ребёнка. Понимала, что должна буду расстаться с ним. Ради его жизни, я должна, буквально, отказаться от него. Больно... Так больно, что хотелось выть от безысходности и бессилия!

Я ударила себя по щекам: «Нет, Милена, сейчас не время раскисать! Больно? Да. Плохо? Да. Тяжело? Да. Ну и что? Как будто, твои слёзы твоему ребёнку так сильно помогут! Ты спасти его должна (пусть и в ущерб себе), а не ныть!». Эти слова не сильно помогли, но, по крайней мере, я смогла взять себя в руки.

«Должна спасти... Сказать-то легко, но как это сделать? Отправить в мир людей с Лексом? Лекс же шатается между мирами (думаю, и сейчас где-нибудь там). А что потом? Что с ребёнком будет в мире людей? На кого я его оставляю? Там у меня остались только Лави и Николь, но не могу же я скинуть на них заботу о ребёнке. Тем более, в их состоянии, да ещё и с беременностью Лави. К тому же, они думают, что я мертва, а опровергнуть это я не могу. Но, как же, всё-таки, я узнала об их состоянии? Никак не могу вспомнить. Ладно, не об этом сейчас надо думать. А может, отдать ребёнка бабушке с дедушкой — родителям Кая? Ага, и записку прикрепить: «Это — ваш внук! Любите и воспитывайте!». Нет, это не реально. Родители Кая не поверят и экспертизой заморачиваться не станут. Оставить ребёнка у дверей приюта? Да кому, как не мне, знать, как живётся в подобных заведениях. Но, даже если опустить всё это... Мир людей... Так ли он безопасен для моего ребёнка? Конечно, он куда безопаснее, чем мир демонов. Только вот... В случае чего, моего ребёнка, запросто, найдут. Он связан со мной кровью — для тех, кто владеет магией, найти его не составит труда. И тогда... его очень просто будет использовать, как моё самое слабое место. Ни Люциферу, ни Фероксу этого не нужно — на мне «оковы неволи». Воздействовать на меня ещё как-то для них нет никакого смысла. Хотя, им тоже может что-то прийти в голову. Но, другие демоны или драконы... Шанс того, что о моём ребёнке кто-то узнает, крайне мал, однако, он есть. Так могу ли я сделать что-то, чтобы кардинально обезопасить ребёнка? Или это, в принципе, невозможно?».

— Милена-а-а, я хочу крови!

Такое у меня мог просить только Рейф. Я окинула его взглядом. Весь в багровых пятнах той же самой крови, которую он просил, гипнотизёр выглядел очень довольным своим времяпровождением.

«Хоть кого-то в этом мире всё полностью устраивает» — подумала, произнеся вслух:

— Обойдётся. Лучше скажи, откуда ты пришёл в таком виде?

— В Зиградене много интересных мест, — ответил мужчина. — Здесь, довольно, весело. И убивать есть кого. Мне очень нравится!

— Ни капли в этом не сомневаюсь.

Я ещё раз посмотрела на Рейфа. Мне так захотелось, в этот момент, окунуться в его эмоции. Рейфу было хорошо... весело! Я знала, что его безумие позволит мне забыться.

Позволит забыть обо всём. Забыть о боли, о смертях, о прошлом. Соблазн был так велик... Хотя, и было понимание того, что это, лишь, прививка от окружающей действительности. Короткая, не долгая, но... такая нужная передышка. Это было эгоистично и трусливо так поступать — да. Но, мне было так больно и плохо, что казалось, ещё чуть-чуть и я, на самом деле, сойду с ума.

Я подошла к Рейфу:

— Мне нужно твоё безумие, Рейф. Я хочу полностью утонуть в нём, раствориться. Не хочу ничего помнить, не хочу чувствовать страх, боль. Хочу, хотя бы, ненадолго забыть, что я, всего лишь, сломанная, униженная, безвольная девчонка! Пожалуйста, Рейф, помоги мне в этом! Дай мне свои эмоции и своё сумасшествие!

— Бери, если хочешь, Милена.

Я смотрела в эти бирюзовые глаза, смотрела... пока чужие эмоции не захлестнули меня с головой. Было такое ощущение, что я либо упала в глубокую чёрную пропасть, либо увязла в болоте. В отличие от прошлого раза, когда мне нужен был секс, то, что я чувствовала сейчас, с сексом связано не было. Это было чистое безумие, заставляющее забыть обо всём. Забыть про всё и чувствовать, лишь, жгучее желание смеяться, смеяться, смеяться... И желание причинить кому-либо боль, слушать крики, наслаждаться ими!.. Откуда тогда в моей руке взялся нож и как Рейф позволил оказаться на нём сверху, я так после и не вспомнила. А тогда меня это и не интересовало. И тогда, продолжая смеяться и видеть такие же безумные, как мой смех, глаза и улыбку Рейфа, я стала всаживать в него нож. Сначала не сильно, оставляя, лишь, порезы. А затем, всё глубже и глубже, сильнее и сильнее... Я всаживала этот нож в его плечи, руки!.. Кровь брызгала во все стороны, а я продолжала смеяться. Как и Рейф. Мы с ним сейчас, практически, были одним целым. У нас было одно безумие на двоих. И то, от чего получала удовольствие я, давало наслаждение и ему. Даже если ему самому это и вредило. А потом, я перешла на его грудь, живот!.. Вот, на этом моменте меня кто-то и отшвырнул от Рейфа, не дав мне использовать нож на каких-либо жизненно-важных органах.

— Если вам, госпожа, так сильно хочется кого-либо изрезать, то делайте это со мной. Мне ничего не будет, даже если вы мне голову оторвёте, — сказал Драйк (а это был именно он), забирая у меня нож.

— Да как ты смеешь мне мешать?! — злобно смотрела я на демона, всё ещё находясь под действием эмоций гипнотизёра. — Отпусти меня немедленно и дай продолжить то, на чём я остановилась!

— Если вы продолжите, то можете его убить, — ответил Драйк, спокойно удерживая, бешено вырывающуюся, меня. — Конечно, благодаря вашей крови, он более живуч, чем обыкновенный человек, но насколько — неизвестно. А проверять эти границы, извините, госпожа, но я вам не позволю.

— Почему?! Что такого, если ондохнет?! — продолжала безумствовать я.

— Вы уже забыли, госпожа, что тоже умрёте вместе с ним?

— Умру вместе с ним? С чего бы это? — я совершенно ничего не соображала и не помнила — я ощущала только злость от того, что мне помешали.

Драйк мне не ответил. Вместо этого, он швырнул меня на пол и я, не удержавшись на ногах, упала. Я не успела возмутиться, как Драйк присел рядом со мной, в его руках блеснула чёрная молния... А потом, меня ослепила вспышка жуткой боли. Такой сильной, что у меня помутнело в глазах, и я чуть не потеряла сознание! Но, прошла она быстро, и уже

через несколько секунд от неё не осталось и следа.

— Простите меня, госпожа Милена, но, зачастую, боль помогает куда лучше слов, — произнёс Драйк. — Вы же пришли в себя? Вы помните, что вам нельзя убивать Рейфа?

— Помню, — кивнула я.

Действительно, резкая сильная боль, как будто, очистила моё сознание от влияния рыжего гипнотизёра. Я снова была сама собой. Я снова всё помнила.

— Зачем вам это, вообще, понадобилось? — спросил слуга, помогая мне встать.

— Хотела, хотя бы, мгновение ничего не помнить. И... мне очень понравилось то, что я ощутила, — призналась я. — Это было, как будто, ощущение свободы. Я чувствовала себя, по-настоящему, свободной.

— Если вы намерены это повторять, госпожа, то я, настоятельно, прошу вас не делать этого больше наедине. У вашего человека, напроць, отсутствует инстинкт самосохранения. И вы, в этом состоянии, мало что можете контролировать.

— Это я уже поняла.

Но, несмотря на всю опасность произошедшего, я не могла забыть того, что я чувствовала. В какой-то степени, всего на мгновение, но я почувствовала себя счастливой. Ничего не помня и делая, лишь, то, что мне хочется. И в этот миг я поняла, что я ещё неоднократно, много раз, буду повторять это. Это ощущение свободы и безумия, своего рода, наркотик. Я это знала, и сопротивляться этому не хотела. По крайней мере, иногда.

«Только в следующий раз надо будет, как-нибудь, обезопасить себя, — подумала я, оглядывая окровавленного, но, вместе с тем, довольного Рейфа. — Драйк прав — в таком состоянии я себя не контролирую, а Рейфу, похоже, плевать».

— Рейф, скажи мне одну вещь, — решила я задать вопрос, который пришёл мне а ум в тот момент. — Я, ведь, была под твоим безумием, а это значит... у тебя есть желание всадить в меня нож?

— Не обязательно нож, — ответил гипнотизёр. — И не обязательно что-то всаживать. Раны, порезы, сломанные кости... С тобой я бы хотел проделать всё это, Милена! Чтобы ты задыхалась от боли, кричала!.. — его безумные глаза затуманились — кажется, мыслями он сейчас был очень далеко отсюда.

— Псих, — вздохнула я, но без злости, ведь, именно ненормальность Рейфа позволила мне почувствовать то, что я не чувствовала, казалось, давным-давно.

— И что же с тобой произошло в очередной раз, Милена? — это уже был Лекс. — Просто так ты использовать эмоции своего ерата не будешь. Кстати, что с твоей боязнью секса?

— С боязнью всё нормально, — ответила я. — То есть, её больше нет. А Рейфа я использовала потому, что этого хотела.

Распространяться об истинной причине я не желала. Тем более, что ни Лекс, ни Драйк о моей беременности не знали и я хотела, чтобы так и оставалось.

— Госпожа Милена, мне необходимо сообщить вам, что завтра вы должны присутствовать на Совете Преисподней, — сказал мой слуга.

— Совет Преисподней? Завтра?

Данная новость не сильно обрадовала. Я не представляла, что там будет происходить, что будет обсуждаться и как там отнесутся ко мне.

— Хм... А как мне вести себя там?

— Как хотите, госпожа.

— То есть? Как я могу вести себя, как хочу, на столь важном мероприятии? Там же должен быть какой-то этикет?

— Госпожа Милена, на Совете никакого этикета поведения нет. Вы можете быть такой, какой захотите. Конечно, грубить Верховным демонам и повелителю я вам, всё же, не советую, но... Это будет ваш первый Совет, госпожа. Как вы себя на нём поставите, так к вам и будут относиться в дальнейшем. Вы можете быть агрессивной, наглой, холодной... Но, только не вздумайте сидеть тихо, чтобы вас не трогали. Трусость заметят сразу же, и тогда... с вами никогда не будут считаться.

— Первый день в новом коллективе, да? — попыталась пошутить я, но вышло как-то не весело. — А я могу взять с собой Рейфа? — спросила я, думая о том, как было бы здорово, если бы я могла, в любой момент, уйти в бесстрашие и безумие.

— Не советую, — убил мой шанс на спасение Драйк. — Те, кто там будут присутствовать, отнюдь, не дураки. Они почувствуют, что вы используете его эмоции. Вас, после этого, не будут уважать.

— Как будто мне нужно их уважение, — пробормотала я, а в мыслях было: «А, ведь, нужно! Нужно мне их уважение, как ни крути!».

«Конечно, у меня есть один большой плюс — покровительство Верховных демонов. А что, в сущности, это даёт? Защиту и безопасность. Относительную, правда. Не от них самих. Теоретически, я могу обратиться к своим покровителям за любой помощью и по любым вопросам, как бы смешно это не звучало. И, теоретически, они обязаны мне помочь. Соответственно, угрожать мне или ещё что-то, чревато последствиями. Во всяком случае, для Высших демонов и прочих. Кроме того, никто из Верховных демонов, по идее, не имеет права меня тронуть без их позволения. И убить тоже. Меня, конечно, и мои покровители убить не могут, в связи с моим положением, но если бы я не являлась залогом договора между двумя расами, то это было бы так. Но, как ни крути, покровительство Верховных демонов — вещь полезная, несмотря на то, как я к ним отношусь и, несмотря на то, что то, ради чего я его получала, я лишусь. Всё равно, поддержку таких личностей, как Абигор, Асмодей и Аббадон можно будет, в будущем, использовать в своих целях».

Я почувствовала, что моё плечо что-то щекочет. Я посмотрела. На моём плече перебирала лапками знакомая бабочка.

— Кто-нибудь что-то видит на моём плече? — поинтересовалась я у присутствующих, задумчиво глядя на сине-зелёное насекомое.

— Нет, — ответ был у всех один.

«Значит, бабочку вижу я одна, — пришла я к неутешительному выводу. — Один факт в пользу того, что это, всё же, галлюцинация. Но, если нет? Бабочка стала появляться тогда, когда появилась Дайона. Да и видение этой беловолосой девушки — тоже. Не может же это быть просто совпадением. А о бабочке Дайона даже что-то говорила... Что она — часть меня или что-то вроде этого. Только, что это может значить? Дайона, явно, что-то знает... А может, её знания могут мне чем-то помочь? Что-то мне дать? Шанс этого мал, но это не значит, что его совсем нет. Это, конечно, с учетом того, что она, всё-таки, не плод моего воображения, вместе с бабочкой и всем остальным. Но, если не галлюцинация, то, как мне с ней связаться? Я же отказалась ей помочь. А может, если я усну, я встречу с Дайоной? Ведь, в последний раз мы виделись именно во сне».

Своему ребёнку я сейчас ничем помочь не могла. К тому же, до его рождения было ещё довольно много времени. Поэтому, оставалось разбираться с тем, что окружало меня сейчас.

Бабочка и незнакомка в зеркале сильно действовали мне на нервы. Не зная, что всё это может значить, и постоянно думая над этим, я рисковала заикнуться на этих видениях. А это совсем не то, что мне было нужно. И если была возможность разобраться с этим, я должна была ею воспользоваться.

— Кэтэрина, Кэтэрина — что же ты теперь плачешь? — пробормотала я и обратилась к Драйку. — Тебе имя Кэтэрина ни о чём не говорит?

— Нет, госпожа.

— Я так и думала, — вздохнула я.

«Значит, с Кэтэриной тоже — в пролёте. Хотя, на то, что я смогу что-то о ней узнать, я и не рассчитывала. Можно подумать, что это имя, вообще, ничего не значит, но... Ясновидящие никогда не говорят ничего просто так и, уж тем более, не поют».

— Вы все, как хотите, а я спать, — объявила я. — Я устала.

Да, спать совсем не хотелось. Но, если сон — это единственное место, где я могу встретиться с Дайоной, то надо было себя просто заставить.

«Дайона! — мысленно позвала я, забравшись под одеяло и закрыв глаза. — Если ты меня слышишь, отзовись! Приди в мой сон. Я хочу поговорить. Знаю, что разговаривала грубо в прошлый раз, но сейчас ты мне нужна!».

Я не знала, услышит ли она меня, но других вариантов у меня не было.

— Значит, ты передумала? Хочешь поговорить? — белый дракон положил свою большую голову себе на лапы, внимательно смотря на меня.

— Да, хочу. Извини за прошлый раз. Я была несколько... резка, — признала я.

— Ну, причины на то у тебя были. Будешь теперь пытаться вспомнить мою сестру?

— Если тебе это нужно. Честно говоря, меня саму, до сих пор, никакая Адалисса не заботит. Меня это мало интересует. Мне интересно другое. Та сине-зелёная бабочка, которая появилась вместе с тобой... Расскажешь мне о ней? И ещё, меня стали беспокоить видения девушки с белыми волосами.

— Ничего удивительного. Что бабочка, что девушка — две части одной сути. Но, рассказывать о них незачем. Я помогу тебе их вспомнить. Вспомнить, какое отношение они имеют к тебе самой. Но, я хочу тебя спросить. Что с тобой случилось? Это как-то связано с твоим ребёнком?

— Ты знаешь о нём?! — поражённо посмотрела я на неё.

— Да. Так, что?

— Я была у ясновидящей. И она мне сказала, что со мной моего ребёнка ждёт, лишь, смерть.

— Это должно было быть тебе ясно с самого начала и без всяких ясновидящих, — заметила Дайона. — Почти человеческому ребёнку не выжить в мире демонов, как бы ты — его мать — его не защищала.

— Возможно, где-то глубоко в душе, я это знала, но... верить не хотела. Хотела увериться. Получить подтверждение. Вот и... получила. Но, я не хочу говорить об этом.

— И не будем. Судьба твоего ребёнка меня не заботит. Меня интересует только Адалисса.

— Если я о ней забыла, то, как это случилось?

— Ферокс и Люцифер. Они провели ритуал запечатывания.

— Как? Когда?

— А ты вспомни, когда ты была с ними двумя. Тот день.

Я вспомнила:

— Но, ведь, тогда не было ничего такого. По крайней мере, ничего похожего на... какой-либо ритуал.

— Не было? — драконья морда приобрела подобие усмешки. — Во-первых, секс, сам по себе, может быть отличным ритуалом. Он — олицетворение жизни и её продолжение. И помнишь ты далеко не весь тот день. Попробай вспомнить, как ты тогда оказалась в спальне Люцифера.

— Я... не помню. Я и тогда пыталась вспомнить, но у меня не получилось.

— Адалисса... Она говорила в тот день с тобой в последний раз, — в голосе Дайоны послышалась тоска. — А я сама не слышала её голос не одну тысячу лет... Даже с тем, что ты согласилась вспомнить её добровольно, ритуал запечатывания, проведённый двумя сильнейшими существами, мы не сможем просто взять и разрушить. Это возможно, но на это уйдёт не один год и не два. Медленно, постепенно... Как вода точит камень, я буду, с твоей помощью, разрушать печать заклинания.

— А я-то надеялась, что хоть что-то в этой жизни будет легко. Последний вопрос. Имя Кэтэрина... Ты знаешь что-то о нём?

— Кэтэрина... Это имя девушки, которую ты видишь в последнее время, вместе с бабочкой. Кэтэрина... Это имя означает «чистая». Только вот... чистоты в ней не осталось.

«Кэтэрина, Кэтэрина — чистота стала грязью и окрасилась в красный».

— Расскажи мне о ней, — попросила я.

— Я уже сказала, что помогу тебе вспомнить. Рассказывать смысла нет. Ты будешь вспоминать, Милена. Не так долго, как ты будешь вспоминать Адалиссу, но не за один раз. Я буду посылать тебе сны-воспоминания. Постепенно, ты вспомнишь и Кэтэрину и бабочку. И Самаэля... К тебе вернуться все эмоции, которые ты ощущала тогда... и я не могу обещать, что они будут приятными.

— Ничего. Как-нибудь переживу, — решительно ответила я.

— Тогда, отправляйся в своё первое воспоминания. А мы с тобой встретимся в следующий раз, когда ты уснёшь. Я буду рассказывать тебе о сестре. Также, ты поймёшь, сколько не состыковок и «дыр» существует в твоей собственной памяти. Это тебе тоже поможет, в конце концов, вспомнить её.

Светит солнце. Поют птицы. В мире царит полная идиллия. И я... я счастлива. Я люблю и уверена, что любима в ответ.

Тот, кого я люблю, идеален. Он добр ко мне, заботлив, ласков... Только мой самый близкий друг, почему-то, в это не верит, как бы я не уверяла его в обратном.

— Он причинит тебе боль, Кэтэрина, — говорит он мне. — Рано или поздно, но он это сделает. Такова его натура. И ты не сможешь её изменить. Берегись его. Держись от него подальше.

— Снова ты за своё? — мне не нравится это его отношение. — Ты говоришь мне об этом каждый раз. Он тебе просто не нравится, поэтому ты так говоришь о нём! — я обиженно смотрю на того, чьего лица не могу разглядеть.

— Не буду спорить с тем, что он мне не нравится. Но, дело совсем не в этом. Кэтэрина... Я боюсь за тебя. Боюсь, что из-за него твой идеальный добрый мир будет разрушен.

Я убегаю от него, не желая слушать. Я не верю ни одному его слову. Я люблю своего друга, но... эти его слова о моём возлюбленном меня обижают. Почему он ему не верит? Почему думает, что он может причинить мне боль? Мой любимый никогда такого не сделает! Он любит меня... Я знаю.

Перед тем, как уйти гулять, я захожу к маме, предупредить об этом:

— Мам, можно я уйду ненадолго? Я вернусь вечером.

— Конечно. Только не задерживайся допоздна, — говорит она мне.

Лица своей матери я, тоже, не вижу...

Я убегаю в лес. Я ничего не боюсь. Не боюсь диких зверей, людей, демонов или ещё кого-то подобного. Мою маму боятся все, без исключения. И звери, и люди... и демоны. И меня никто не тронет. Они все знают, что мама меня в обиду не даст. Что она защитит меня от всего, чего угодно.

— Кэтэрина... — я вижу своего возлюбленного — он ждёт меня.

Его лицо... Я его не могу разглядеть.

Я подбегаю к нему. Он нежно целует меня в щёку, совсем слегка приобнимает.

Я остаюсь с ним, пока солнце, окончательно, не уходит за горизонт. Мне так хорошо с ним. Мы говорим обо всём, смеёмся... И так не хочется расставаться. Но, надо. Дома ждёт мама. А она не любит, когда я не выполняю свои обещания — не задерживаться допоздна.

Он провожает меня до дома. Мы прощаемся. Он снова целует меня в щёку и уходит. А я... бегу домой и, с нетерпением, жду завтрашнего дня. Завтрашнего дня, когда я снова увижу своего возлюбленного. Мама... когда же он мне разрешит рассказать тебе о нём? Наверное, ты сначала меня поругаешь за то, что так долго я тебе ничего о нём не говорила. Но, потом... ты порадуеться за меня. Правда?

Глава 27.

Когда твоё пробуждение в мире демонов начинается с поцелуя — это, несколько, неожиданно и странно. Особенно, с учётом того, что поцелуй тебе достаётся от женщины.

— Лилит, ты уже здесь? Я что, так долго спала? — спросила я демонессу, наклонившуюся надо мной.

— Да, долго. И мне уже стало скучно ждать, пока ты сама проснёшься. Что тебе такого приятного снилось, Милена? Ты улыбалась.

— Хоть один раз мне приснился не кошмар, — самой себе, под нос, сказала я и ответила Лилит. — Любовь снилась. Такая сильная... но, одновременно, такая невинная. И мысли не было о каком-то... физическом контакте. Просто хотелось быть рядом с ним, видеть его, чувствовать, говорить... И этого, для счастья, было достаточно.

Ещё не совсем отошедшая от сна, я чувствовала себя... замечательно. Другого слова не подобрать. Я, как будто, прожила этот сон. Прочувствовала на себе. Тёплое яркое солнце, пение птиц... Мама, которую я люблю, и которая любит меня. Лучший друг, пусть и не разделяющий моё мнение... И мой возлюбленный. Жаль только, что ничьих лиц я так и не смогла разглядеть.

«Это были воспоминания Кэтэрины? Ведь, во сне меня этим именем и называли. Но, какое она имеет отношение ко мне и к бабочке? А, может, это воспоминания сестры Дайоны. Эх, рассказала бы она мне больше, было бы куда понятнее...».

— Любовь без физического контакта? — насмешливо поинтересовалась Лилит. — Это, разве что, любовь ребёнка! Не вижу в ней никакой радости и смысла. Да и, вообще, в любви смысла не вижу. Бесплезная вещь.

Лилит не видела смысла в любви, а я не видела смысла с ней спорить. Каждый, всё равно, останется при своём. Я всё ещё помнила свою любовь к Каю. Я ощущала её в своём сердце. И бесполезной вещью я её не считала. И также я чувствовала любовь Кэтэрины к неизвестному мужчине. Нежную, тёплую, пусть и невинную или даже наивную. Мне нравились эти эмоции. Я знала, что они могут принести боль. Но, я бы многое отдала, чтобы это чувство — любовь, вновь, пришло. И также, я понимала, что это — бесполезные мечты. Да и ненужные. Только мешающие в этом мире. И я помнила, что обещала себе в самом начале, как оказалась в мире демонов: «Пусть остатки моего чувства под названием «любовь» достанутся только моему ребёнку». А потому, я постаралась тут же отвлечься от подобных мыслей:

— А где хоть кто-нибудь? Драйк, Рейф?.. — я огляделась, но в поле моего зрения был лишь Блэк, спящий на кровати.

— Ушли, каждый, по своим делам, — ответила Лилит. — Да и не нужны они нам сейчас, в нашей женской компании. А теперь, давай поговорим. Вот, скажи-ка мне, Милена, ты знаешь, как сексуально удовлетворить демона?

— Эм... — я была, мягко говоря, ошарашена вопросом демонессы. — В каком смысле — как? Секс — он везде секс. Наверное...

— Значит, не знаешь. Вообще, у демонов сексуальный аппетит гораздо выше человеческого. Сверх сила, бессмертие, неуязвимость, магия... Всё это даёт несколько

необычных... побочных эффектов. Думаю, это ты уже должна была понять.

Я задумалась. Сравнить, особо, мне было не с чем. У меня был только один мужчина-человек — Кай. И он мне казался, довольно-таки, ненасытным в сексуальном плане. Но, если сравнивать его с демонами... Им он проигрывал.

— Да, это я понимаю. Но... мне не совсем понятен твой вопрос...

— Для удовлетворения демона есть два варианта. Это либо боль и страдания партнёра в процессе, что приведёт к относительно быстрому сексу. Либо... либо долгий-долгий секс. Что из этих двух вариантов для тебя предпочтительнее?

Я совершенно перестала хоть что-то понимать. К чему был этот разговор? То, что демоны любят чужую боль, я знала. Секс тоже исключением не был. Нежности в нём не было и в помине. Мягко говоря. Два варианта? Никогда их не было. Я вспомнила секс с Люцифером, с Аббадоном, Абигором... Для меня, почти всегда, всё оборачивалось болью, страхом, истязанием... Был бы у меня выбор, я бы, с удовольствием, предпочла мы второй вариант, но... как-то меня ни разу об этом спрашивали. Все эти умозаключения я, тут же, донесла до Лилит. На что она ответила:

— А почему кто-то должен спрашивать тебя об этом? Почему ты сама не сделаешь так, чтобы, вместо боли и страха, все просто получили обоюдное удовольствие?

— Я могу получать удовольствие от этого. Как в случае с Люцифером, Асмодеем... И что?

— Да, удовольствие ты получать можешь, Милена. Но, проблема в том, что ты ненавидишь это удовольствие. Ты ненавидишь саму себя, когда тебя доводят до оргазма. Думаю, ты ненавидишь себя даже тогда, когда используешь эмоции своего человека. Ты всё ещё цепляешься за свои принципы, не позволяя себе получить истинное наслаждение. Ты ограничиваешь себя. Не можешь отпустить. Демоны это видят и чувствуют. Им это нравится. Им нравится это чувство — ненависть и плевать, к кому оно обращено. Зачастую, ты сама, своим поведением, провоцируешь их на то, что они делают с тобой. Ненависть, страх... В тебе этого слишком много.

— То есть, ты хочешь сказать, что если я перестану ненавидеть и бояться, то никакого желания мучить меня, у демона не возникнет?

— Желание — мучить — у демона, в принципе, неистребимо, — усмехнулась Лилит. — Но, если сможешь изменить ситуацию... Если сможешь заставить демона посмотреть на тебя по другому, а не как на жертву... Желание — долго не отпускать тебя от себя, пересилит желание — мучить. Ты же хочешь этого? Кстати говоря, могу тебе сказать, драконы, в этом плане, не слишком отличаются от нас — демонов.

— Но, Ферокс... — начала я.

— Твой супруг тебя жалеет. Он жалеет твоё хрупкое тело, не давая себе полной свободы.

— Ферокс жалеет меня? Чушь собачья! — буркнула я.

— Скорее всего, он не знает границ твоих физических возможностей, — продолжала Лилит, как ни в чём не бывало. — Всё-таки, ты — на половину человек. И поэтому, он боится непоправимо навредить тебе.

— Слишком неправдоподобная версия, — фыркнула я. — По такой причине Ферокс жалеть меня не станет.

— Почему же? Ты должна родить дракону ребёнка, верно? А раз так, он не хочет рисковать тем, что твой слабый получеловеческий организм не выдержит таких... нагрузок,

и ты можешь потерять возможность иметь детей.

— Вот это больше похоже на правду, — задумчиво произнесла я, понимая, что такая причина, на самом деле, звучит правдоподобно — меня повелителю драконов не жаль, а вот потерять возможность обзавестись наследником, он боится.

— Ты можешь этим воспользоваться, Милена.

— Воспользоваться?

— Да. Дай ему то, что он так сильно жаждет. Дай ему сбросить с себя контроль. Дай ему свободу. И повелитель драконов будет тебе, несказанно, благодарен. Ты даже представить себе не можешь, сколько у него уходит сил на то, чтобы не сорваться.

— Ты хочешь, чтобы я... дала ему свободу? Но, ты же сама сказала, что он не хочет рисковать. Что мой слабый получеловеческий организм не выдержит. А если это, на самом деле, так?

Лилит рассмеялась:

— Уверяю тебя, Милена, всё с тобой будет в порядке! Ферокс — перестраховщик, как сказали бы люди. Убеди его в том, что это не так. Что ты не так слаба, как кажется.

— Но, зачем мне это делать?

— Довольный и удовлетворённый мужчина — это ласковый и податливый мужчина. В таком состоянии их можно уговорить на многое. Ты должна научиться, Милена, пользоваться тем, что у тебя есть. Научиться использовать то, что у тебя есть. И не ненавидеть себя за это. Ещё, я хотела поговорить с тобой по поводу Аббадона. Ты сильно боишься его... Чересчур сильно. Твой страх перед ним видно невооружённым глазом. И я не понимаю — почему? Ведь, ты знаешь, что он не может лишить тебя жизни, даже если очень захочет. Кроме того, он является твоим покровителем.

— Наверное, потому, что знаю его гораздо дольше, чем остальных, — пожав плечами, ответила я. — Он хотел забрать мою душу; он, один раз, оторвал, с мясом, моё крыло; он хотел меня изнасиловать... Есть, от чего, бояться. Да, я знаю, что другие, отнюдь, не лучше его, но... просто к Аббадону у меня особое отношение, — как смогла, объяснила я (хотя, по сути, даже самой себе я не могла объяснить до конца, почему именно он вызывал у меня такой ужас).

— Это, конечно, правильно, что всем следует бояться и уважать Верховных демонов, — задумчиво протянула демонесса разврата. — Но, всё же, Аббадон твой покровитель. Покровитель, который тебе нужен. А Верховные демоны не так уж часто соглашаются оказать кому-то поддержку.

— Он может сделать со мной всё, что угодно, кроме моего убийства. Ему нравится мучить меня, ему нравится видеть мои страдания, ему нравится ломать меня и видеть мой страх.

— И ему нравится заниматься с тобой сексом, — закончила за меня Лилит.

— Я бы не сказала, что ему нравится именно это, — покачала я головой. — Просто Аббадон знает, как я этого не хочу. И ты же сама никогда не будешь спать с ним, Лилит. Верно? Ты... тоже его боишься?

— Нет, я его не боюсь. Дело в том, что, после секса с демоном бездны, слишком долго приходится залечивать раны. Да и, к тому же, он не позволял мне занимать активную позицию. А я этого очень не люблю. Поэтому, мы не сошлись. Но у тебя с ним, Милена, особый случай. Он не так уж сильно и ранит тебя при сексе.

— Не так уж сильно? — возмутилась я. — Помнишь меня после бала Люцифера? Ты

меня видела уже после того, как Люцифер напоил меня своей кровью и часть ран зажила. А до этого... переломы, синяки, глубокие царапины, порезы... Да, Аббадон не один развлекался со мной тогда, но, наиболее серьёзные раны, нанёс именно он.

— Ты просто не видела других женщин, Милена, после секса с ним. По сравнению с ними, тебя демон бездны, всего лишь, шлёпнул пару раз. Если уж говорить начистоту, то после близости с Аббадоном, в принципе, никто не выживал, кроме нескольких Верховных демонесс, которые имели с ним дело.

— Это должно меня утешить? Зачем ты, вообще, завела этот разговор?

— Аббадон всегда будет в твоей жизни, Милена, чтобы ты не делала. Можешь ненавидеть его всю вечность, что тебе дана, но... Страх перед ним будет тебе только мешать. Будешь тащить его (страх) с собой, как камень на шее.

— Я ничего не смогу с ним сделать. Я не смогу просто взять и перестать бояться Аббадона.

— Можно просто одно чувство превратить в другое, — предложила Верховная демонесса.

— То есть?

— Почему бы тебе твой, столь сильный страх, не превратить в желание? Думаю, мужчину лучше хотеть, чем бояться его.

Я уставилась на Лилит, как на умалишённую:

— Лилит, ты, вообще, понимаешь, о ком мы сейчас говорим? Об Аббадоне! Я не могу его хотеть! Я могу его хотеть только под заклинанием Асмодея и никак иначе!

— Почему? Если абстрагироваться от того, кем является Аббадон, то он очень привлекателен, как мужчина. Ты так не думаешь?

Я не могла объяснить словами, почему это — невозможно.

— В общем, подумай над всем тем, что я сказала, — Лилит поднялась с кровати. — К сожалению, у нас сегодня вот такой... информативный урок. Теория без практики. Через полчаса уже Совет, так что, тебе следует подготовиться.

«Совет! Вот про что я совсем умудрилась забыть с этими разговорами!».

— Лилит, а что там, вообще, будет? Что будет обсуждаться?

— Придёшь — узнаешь, — коротко ответила демонесса и покинула меня.

«Узнаю, значит, только на месте, да? И к чему всё это было сказано? Нет, я не спорю, что отношения с Фероксом надо как-то налаживать. Пусть и таким способом. Хотя, то, что Ферокс сейчас со мной делает — это он держит себя в рамках... несколько пугает. Особенно, если вспомнить его габариты. Что будет, когда он не станет сдерживать себя? А моя ненависть? Научись получать удовольствие, не ненавидя себя, да? Проще сказать, чем сделать. О страхе перед Аббадоном, вообще, молчу. Ладно, сейчас надо готовиться к Совету».

А сейчас передо мной встал, абсолютно, женский вопрос: «Что мне надеть»? Только если у обычных женщин этот вопрос был связан с тем, чтобы красиво выглядеть, то у меня это было связано с тем, как меня воспримут.

«Надеть длинное вечернее платье? — размышляла я. — Всё-таки, официальное мероприятие, как-никак. Нет, не пойдёт. Скорее, это будет выглядеть, как будто я стараюсь... закрыться, что ли. Но, одеваться так, как я одевалась на бал, я тоже не хочу».

Я позвала Драйка и донесла до него свою проблему.

— Начните с того, госпожа, как вы будете себя вести на Совете. Исходя из этого, и

подбирайте свой наряд, — подсказал Драйк.

— Если бы я ещё знала, как я буду себя вести, — мрачно произнесла я. — Я, ведь, даже не знаю, как выглядит этот Совет, как он проходит, в какую атмосферу я попаду, что мне там придётся делать и придётся ли делать вообще. Я просто иду в неизвестность.

— Вы должны сами понять, какое поведение будет для вас, госпожа, приемлемо. И это не зависит от того, что будет происходить на Совете. Выберите образ, который вы понесёте с собой до самого конца (а с учётом вашего бессмертия, «конец» у вас ещё долго не предвидится).

— А я ещё имею право что-то выбирать? — горько усмехнулась я. — Надо же! Я уж думала, что за меня решают, абсолютно, всё.

Но, жаловаться на судьбу времени не было, поэтому пришлось взять себя в руки и думать. Думать о том, какой мне стать в глазах Совета. Наглой, холодной, агрессивной? В чём я была точно уверена, так это в том, что мне нельзя становиться испуганной зажатой стеснительной мышью. Я не только этого сама себе не прощу. Мне этого никогда не простит моя же собственная демоническая семейка, несмотря на их страх перед «контролем крови». Ведь, на Совете я представляю и их тоже. Да что там — моя семья. Я представляю весь Зиграден! И выглядеть слабой я не могу себе позволить. Но, выказывать наглость или агрессию, с моей стороны — это опасно. Если я разозлю кого-нибудь, для меня это может плохо закончиться. Физически-то я защититься не смогу. Хотя...

— Драйк, — обратилась я к слуге. — Если мне оказывают покровительство Верховные демоны, то, что это будет значить на Совете? Например, они вступятся за меня, если я там подвергнусь нападению?

— Да, госпожа. Если они открыто скажут, что покровительствуют вам, то напасть на вас — это будет означать нападение на них. Вряд ли кто-то захочет подвергать себя такой опасности.

— Уже легче.

«Значит, одна проблема решена, — подумала я про себя. — Напасть на меня мало кто решится, чтобы я не сказала. Конечно, за исключением того, если я оскорблю самого Люцифера, чего я делать не собираюсь. Это даёт некоторую свободу действий. В конце концов, должна же я пользоваться тем, что получила с таким трудом. Ради этого покровительства мне пришлось многое вытерпеть».

— Значит, говорите, я могу одеваться, как хочу и вести себя, как хочу, да? — я окинула взглядом дебри шкафа, и мой взгляд упал на то, что, вполне, соответствовало моему вкусу — чёрные кожаные брюки. — Что ж, как скажете.

«Наконец-то, я одеваю не платье, — пришла в голову счастливая мысль, когда я натягивала брюки. — Не джинсы, конечно, но тоже сойдёт. Надо будет поблагодарить того, кто составлял мой гардероб».

Расстраивало только то, что кожа слишком уж тесно всё облегалась, но... этот маленький недостаток я готова была простить. Если бы я ещё кроссовки в шкафу нашла, я бы, вообще, гардеробщика расцеловала при встрече. Но, чего не было, того не было. Пришлось, из обуви, выбирать туфли на высоких каблуках (благо, я на них ходить научилась). Сверху же — чёрный топ, без лямок. Получилось и не то, чтобы очень откровенно и на скромный наряд это похоже не было.

— Я готова, — обратилась я к Драйку. — Можем идти.

Портал, сотворённый Драйком, привёл нас к самому дворцу Люцифера.

— А почему нельзя было сделать портал прямо во дворец? — спросила я у Драйка, когда мы с ним поднимались по широкой лестнице в зал, где должен был проводиться Совет.

— В сам дворец Люцифера могут делать порталы только Верховные демоны, госпожа, — ответил слуга, — Высшие же, такие, как вы, имеют право только на порталы рядом с дворцом. Я вам, кстати говоря, рассказывал об этом, госпожа, в те два месяца, проведённые вами ещё в мире людей.

— Да? Надо будет освежить свою память.

Я была недовольна сама собой. Забыть, пусть и такую незначительную, вещь... Эта «вещь», в любом случае, касалась законов Преисподней (которых, к слову, и так было очень много), а забывать их мне не следует. Ведь, если ты не обладаешь силой, то должен, по крайней мере, обладать знаниями, которые, когда-нибудь, позволят тебе выжить.

— В следующие несколько дней проштудируешь меня по поводу законов и обычаев мира демонов, — сказала я Драйку.

— Как прикажете, госпожа.

Мы поднялись по лестнице и оказались у двери, ведущей в зал.

— Вы нервничаете, госпожа?

— Я совру, если скажу, что нет, — вздохнула я. — Нервничаю и ещё как. Мне неуютно от того, что я не знаю, что меня ждёт.

— Вы должны оставить свой страх здесь — перед этими дверями, госпожа. Вы не можете «нести» его на Совет.

— Знаю. И оставлю. Но, с Рейфом это было бы куда проще сделать.

Я сделала глубокий вдох, как ныряльщик перед прыжком в глубину, открыла дверь и вошла в зал.

Как только я зашла, взгляды всех присутствующих обратились на меня. Неприятное это чувство — быть в центре внимания. Особенно, в центре внимания тех, кто тебе совсем не нравится. А здесь находились, как раз те, кого я особенно ненавидела — сам Люцифер, Аббадон, Абигор, Асмодей... Вельзевул тоже был здесь, но к нему я не испытывала такой уж неприязни. Здесь же была и Лилит, с одобрением взглянувшая на мой наряд. И Астарта — владычица мёртвых душ. Остальных присутствующих я не знала, хотя, некоторых видела на тех нескольких балах, которые я посещала. Все они сидели за длинным столом, во главе которого сидел повелитель Ада — Люцифер. Рядом с длинным столом было несколько небольших, за которыми тоже сидели демоны. Как я поняла, за столом, с Люцифером, сидели, лишь, Верховные демоны, в количестве семидесяти двух штук (я не считала, но так должно было быть). А за другими столами, скорее всего, разместились несколько Высших демонов, которых пригласили на Совет. Значит, мне тоже надо сесть с последними. Но, перед этим, надо было соблюсти все правила поведения. Поэтому, я подошла на небольшое расстояние от Люцифера и опустилась на одно колено:

— Приветствую вас, повелитель. Да падёт Тьма на ваших врагов и да будут ангелы ползать у ваших ног.

— Да услышит Тьма твои слова, — церемониально ответил Люцифер. — Садись, Милена.

Я встала и, целеустремлённо, направилась к столам, где, как я поняла, расположились Высшие демоны. Но... когда я проходила мимо Асмодея, он, неожиданно, схватил меня за руку, покачал головой и сказал:

— Не туда идёшь, сладкая моя. Твоё место здесь, — он кивнул на свободное кресло между ним и...

Как вы думаете — кем? Разумеется, Аббадоном, который, в этот момент, довольно ухмылялся. Сидеть с ними я не хотела совершенно, но отказаться я не могла. Поэтому я, молча, села. Драйк встал за моей спиной, как и полагалось слуге.

— С каких это пор Высшим демонам позволено сидеть с Верховными?! — возмутился кто-то.

Я обернулась. Возмутителем спокойствия оказался один из Высших демонов, на вид, пацан, лет шестнадцати. Но, когда имеете дело с демонами, в чём нельзя быть точно уверенным, так это в их возрасте. Этот «пацан» мог быть старше самой древней человеческой цивилизации. А так, выглядел он, вполне, обычно. Худой, не высокий, с тёмно-русыми волосами. Только глаза у него были странные — полностью чёрные. Чёрной была не только радужка глаза, а, вообще, полностью весь глаз. Ни зрачка, ни белка... Одна чернота. Как дёготь.

— И кто же это решил, что Высшим нельзя сидеть с Верховными демонами? — полюбопытствовал Асмодей, испытующе глядя на демона.

Под взглядом демона похоти, Высший демон, заметно, стушевался. Уверенным и наглым он уже не выглядел, но стоит отметить, от своего не отступил:

— Вы же сами и решили, господин Асмодей. Ни один Верховный демон никогда не позволял кому-то, ниже его в иерархии, сесть рядом.

— А я позволил. И что дальше? — пожал плечами Асмодей. — Или ты хочешь мне сказать, что я не имею на это право?

«Как же я ненавижу эту манеру Асмодеев, — подумала я про себя. — Говорить, когда он начинает злиться, так ласково-ласково. Но, к счастью, в этот раз злиться он не на меня».

Хотя, отчасти, я и была причиной того, что Асмодей сейчас, вот-вот, обрушит свой гнев на этого Высшего демона, жалости к нему я не испытывала. Как говорится, глупцов не жалко. А этот Высший демон был именно глупцом, если осмелился вступить в спор с Верховным демоном. Я была, практически, уверена, что этот дурак до конца Совета не доживёт.

— Нет, я, вовсе, не это имел в виду, господин Асмодей! — испуганно залепетал демон, видимо, тоже почувствовав опасность в фальшиво-сладком голосе демона сексуальных извращений. — Просто... меня несколько удивило изменение традиций!

— То есть, ты хочешь сказать, что я должен следовать традициям, да? — голос Асмодеев стал ещё слаще, а, обычно, нормальные зрачки, сузились в вертикальные щели.

Демон, наверное, уже сто раз пожалел, что что-то ляпнул. И выкрутиться из сложившейся ситуации он старался всеми силами:

— Я... я просто несколько удивился! Вот и всё! Я не имел в виду ничего такого, господин Асмодей!

Остальные демоны не торопились вмешиваться в эту ситуацию. Они, лишь, с интересом наблюдали за происходящим, ожидая — чем же это закончится. Я последовала их примеру. Я не стала пытаться что-то сделать, как тогда, когда я пыталась защитить низшего демона от Вельзевула. Во-первых, я прекрасно помнила, чем кончилась та моя попытка защитить. А во-вторых, как я и говорила ранее, жалости к этому демону я не испытывала. Поэтому, здесь я предпочла остаться просто зрителем.

— Значит, ты удивился? И ты решил мне своё удивление выказать возмущением? — на

месте демона я бы, от звучания голоса Асмодея, подумывала уже о способе самоубийства.

— Я был возмущён не вашим действием, господин Асмодей! А тем, что какой-то Высшей демонессе была оказана такая честь!

— Какой-то? — переспросил демон похоти. — Вообще-то, сладкая выше тебя по иерархии. В отличие от тебя, она не просто глава семьи, а правительница Зиградена (ну, ещё повелительница мира драконов, но здесь и сейчас это роли не играет). А это значит, что возмущаясь тем, что ей дозволено, а тебе — нет, ты идёшь против того, что тем, кто стоит выше тебя, позволено больше. Так?

— Нет! Я не...

— Получается, что тебя возмущает и то, что Верховным демонам позволено больше, чем тебе?

«Чего Асмодей пытается добиться? — озадаченно думала я. — Он же прекрасно знает, что Высший демон, вовсе, не это имел в виду. Он просто хотел показать, что это — неправильно, что та, кого должны презирать из-за человеческой крови и слабости, сидит с Верховными демонами».

Демон же, которого обвинили, можно сказать, в неуважении власти, вскочил со своего места, упал перед Асмодеем на колени и склонил голову:

— Что вы, господин Асмодей! Как бы я посмел даже подумать о таком?! Власть повелителя и великих Верховных демонов неоспорима!

— Да мне, как-то, всё равно, что ты думаешь о Верховных демонах, — неожиданно, поскучевшим голосом, заявил Асмодей.

Я была в шоке. Высший демон, надо полагать, тоже. Ни он, ни я теперь никак не могли понять, к чему был весь предыдущий разговор? В чём был его смысл?

— Асмодею скучно на Советах, — словно, услышав мой мысленный вопрос, сказал Аббадон — не шёпотом, но так, что слышала его одна я.

— Скучно? — с недоумением, посмотрела я на демона бездны.

— Ага. Он считает Советы, до нельзя, скучным времяпровождением. Вот и развлекается, как может, — объяснил Аббадон. — На прошлом Совете он вырвал глаза одной демонессе, заявив, что она недостаточно почтительно на него посмотрела. А в позапрошлый раз Асмодей стравил двух демонов так, что они, прямо на Совете, устроили сражение до смерти. В результате, когда в живых остался один, Асмодей добил его сам, сказав, что сражение было таким красивым, что для того, чтобы не испортить картину, надо завершить её трагическим концом — смертью обоих.

— Ничего себе — у него развлечения! — не удержалась я от высказывания. — А в этот раз он, что собирается делать? Довести Высшего демона до банального человеческого инфаркта?

Аббадон, лишь, пожал плечами. Видимо, он сам не знал, что могло прийти в голову демону похоти, чтобы избавиться от скуки. А со стороны казалось, что Асмодей загоняет демона в какой-то угол, запугивая его и играя с ним, как кот с мышью. А демон уже не знал, что ему такого сделать, чтобы Верховный демон, вообще, забыл о его существовании.

— Прошу вас, господин Асмодей, только скажите мне, что я должен сделать, чтобы угодить вам! — заискивающе глядя в глаза демона похоти, залепетал парень. — Я всё исполню!

— Что ж, тогда... — Асмодей осмотрелся вокруг, словно ища, что поручить провинившемуся, и его взгляд наткнулся на меня.

Глава 28.

Увидев, каким энтузиазмом загорелись его глаза, я поняла, что чтобы Асмодей не задумал, это будет связано со мной и мне это очень не нравилось.

— Если ты хочешь мне угодить, — начал демон похоти. — То должен вымолить прощение за свою грубость у той, на кого эта грубость была направлена. Так что, становись перед сладкой на колени и целуй её ноги.

Я бросила на Асмодея убийственный взгляд. Все присутствующие, как и он и я, знали, что для Высшего демона исполнить то, что от него требовал Асмодей, будет жутчайшим унижением. Даже несмотря на то, что я была правительницей Зиградена, я была в иерархии не настолько выше этого демона. По крайней мере, не настолько, чтобы он вставал передо мной на колени и уж, тем более, целовал ноги. Даже перед Верховными демонами и повелителем Высшие встают, лишь, на одно колено. На оба встают только низшие, простые демоны и изгнанники. Если этот демон исполнит приказ Асмодея... он меня возненавидит после такого унижения. Но, если он этого не сделает, то демон похоти, скорее всего, его убьёт. А это значит, что остаётся только смотреть, что для него важнее — жизнь или гордость? И после некоторых колебаний, он решил — жизнь важнее. Он встал, подошёл ко мне, встал на колени...

«Ну, и как мне на это реагировать? Что я должна делать? Я знаю только то, что не могу его сейчас остановить. Я не могу просто взять и сказать: «Я тебя прощаю. Не надо мне ничего целовать. Вали отсюда!». Это будет выглядеть либо, как страх, либо, как милосердие. Ни то, ни другое я не могу себе позволить».

В результате, мне оставалось только сидеть со спокойным выражением лица, равнодушно наблюдая за тем, как высший демон, стоя на коленях, покрывает мои ноги поцелуями. Отвратительное зрелище. Но я, ни жестом, ни взглядом не показала, как меня воротит от происходящего. Хотя, я не сомневалась в том, что Асмодей знает, как мне это не нравится. Было даже непонятно, над кем же он, всё-таки, издевается — над Высшим демоном или надо мной?

— Достаточно. Думаю, сладкая тебя уже простила! — со смехом, произнёс Асмодей.

Демон резко встал с пола и, не глядя на меня, быстрым шагом направился к своему месту.

— Ты закончил развлекаться, Асмодей? Мы уже можем начинать Совет? — это сказал сам повелитель Люцифер, с лёгким раздражением в голосе.

— Конечно, повелитель, — ответил Асмодей. — Прошу прощения, просто нынешняя молодёжь такая грубая. Надо же, иногда, учить её вежливости. Ах да, чуть не забыл! У меня небольшое объявление, если позволите, повелитель, — Люцифер кивнул и демон похоти продолжил. — Объявляю для тех, кто не в курсе. Милена Кавэлли, официально, находится под моим покровительством. Так что, советую тысячу раз подумать перед тем, как вам придёт в голову неуважительно с ней разговаривать или ещё что-то. У меня всё.

— Аналогично, — подал голос демон войны. — Милена Кавэлли, также, находится и под моим покровительством.

— Что ж, мне остаётся только присоединиться к этим словам, — это уже был Аббадон.

Смотря на реакцию окружающих на слова трёх Верховных демонов, я видела удивление, изумление... Неверия или сомнения не было нигде. Ну, я бы, на их месте, тоже бы не посмела ставить под сомнение слова таких личностей, как мои покровители. А я теперь, как ни странно, чувствовала себя абсолютно защищённой. По крайней мере, до тех пор, пока я на Совете и пока я нахожусь перед глазами Асмодея и других. Даже уверенность в себе появилась. Знаете, такая уверенность, которая бывает у маленькой собачки, которая лает на вас из-за спины огромного ротвейлера. Я даже позволила себе торжествующую усмешку, когда заметила удивление на лице, всегда спокойного, Люцифера. Он же знал о моём споре с Фероксом и об условиях этого спора. И, судя по его реакции сейчас, повелитель демонов не верил, что у меня получится их выполнить. Мне было, чем гордиться. Особенно, если не вспоминать, каким образом мне удалось получить покровительство. Правда, повелитель Преисподней быстро пришёл в себя и, через секунду, его лицо, вновь, мало, что выражало. Он только спросил членов Совета:

— У кого-нибудь его возражения по поводу покровительства, данного Милене Кавэлли тремя Верховными демонами?

Возражений ни у кого не оказалось. Поэтому, с этого момента, начался, непосредственно, сам Совет. А начался он с вопроса о том, что делать с обнаглевшими, светлыми эльфами. Последние пользовались защитой и поддержкой ангелов, от чего, как говорилось, остроухие становились, излишне, смелыми. А в последнее время они, вообще, развернули целую акцию против демонов, втянув в это человеческую расу. Они создавали в человеческих городах что-то вроде сект, направленных, исключительно, на борьбу с нечистой силой, то есть с жителями Преисподней. Реального вреда эти секты не приносили, но раздражали ужасно. Тем более что делалось это с благословения человеческой церкви. А сами эльфы были уверены в том, что если что, их защитят их белокрылые союзники.

— Что-то эта защита мало помогла той светлой эльфийке, которую Абигор приволок на бал, — не удержалась я от замечания.

— Та эльфийка была дурой, — ответил мне сам Абигор. — Не стоит из-за неё считать таковыми всех светлых эльфов. Они сидят по своим священным лесам и носа оттуда не показывают. И, не покидая своих «нор», они и устраивают мелкие пакости, пользуясь человеческой расой.

— А почему нельзя просто взять и перебить этих самых светлых эльфов в их же лесах? — не поняла я.

— Атаковать эльфов в их доме — это будет означать конец мирного договора, заключённого между Небесами и Адом двадцать тысяч лет назад, — соизволил просветить меня Люцифер. — Так как эльфы официально являются союзниками ангелов, мы не можем напасть на них в открытую.

— Но, каким образом эльфам удалось создать именно секту, в чужой расе, да ещё и с поддержкой церкви?

— Церковь позволила эльфам себя обожествлять, — ответил незнакомый Верховный демон. — Не бесплатно, конечно. Так что, в этих сектах люди поклоняются светлым эльфам, как богам.

— Но, это же невозможно, — не веря, произнесла я. — Во-первых, не думаю, что церковники позволят кому-то изображать из себя богов, пусть и за огромные деньги. А во-вторых, все современные люди в курсе, что эльфы — это, всего лишь, ещё одна разумная раса. Они не могут им поклоняться.

— Высоко же ты, Милена, мнения о служителях Бога и об умственных способностях людей, в частности, — ухмыльнулся Аббадон. — Уж поверь мне: несмотря на все блага цивилизации, в том числе, и науки и, несмотря на официальное знакомство с другими расами, люди, всё равно, остаются суеверными глупцами. Покажи им любой, самый простой фокус, и они назовут тебя либо дьяволом, либо ангелом. Последнее зависит от внешней «упаковки» фокусника. А «упаковка» у эльфов, что надо. Тем более что для своих целей они ищут людей не в крупных городах, а в деревнях, где, до сих пор, те же суеверия, что и двести лет назад. И ты, Милена, не знаешь, сколько именно финансирования предлагают эльфы служителям церкви. За такую сумму они могут храмы себе, хоть, из сельфира делать.

— Ну, даже если и так, — начала я. — То, всё равно, нам они чем могут мешать? Если рассуждать логически, то эльфы создают секты, верно? Секты — это зло, так как неважно — какие цели они преследуют, но они, в любом случае, промывают людям мозги. Соответственно, если секта — зло, то эльфы, можно сказать, состоят у нас на службе потому, что, как говорится: «Благими намерениями...» дорога вымощена, сами знаете — куда. Так, в чём проблема?

— Логика в твоих словах, конечно, есть, Милена, — произнёс Люцифер. — Но, есть одно «но». Пусть эльфы и промывают, как ты выразилась, людям мозги, но, вместе с этим, они дают им силу уничтожать демонов. Хотя, и самых низших, но... если это не прекратить, они слишком осмелеют.

— Повелитель хочет сказать, сладкая моя, что если мы не поставим эльфов и их религиозных фанатиков на место, то они почувствуют свою безнаказанность. Безнаказанность породит излишнюю наглость. А изрядно обнаглевшие остроухие — это лишняя геморрой на одно место, — объяснил Асмодей. — Хотя, даже на гибель миллиардов низших демонов мне, совершенно, наплевать.

— Поэтому, встаёт вопрос, что с этим делать, — подключилась к обсуждению Астарта. — Убивать людей бессмысленно. Уничтожим одну секту — эльфы создадут три новых. Убивать эльфов в их лесах? Об этом, сразу же, узнают ангелы, что повлечёт стычку с ними и, как возможность, разрыв мирного договора с Небесами.

— Я был бы не против последнего, — сказал демон войны. — Этот мирный договор, лишь, связывает нам руки.

— Он связывает руки не только нам, но и им, — возразил Люцифер. — Пока действует мирный договор, мы можем спокойно наращивать силу, чтобы, затем, просто напасть на них и уничтожить полностью.

— И сколько же ещё мы будем наращивать силу? — Абигор, явно, был недоволен таким положением вещей.

— Сколько надо, столько и будем, — холодом голоса повелителя Преисподней можно было бы заморозить раскалённую лаву. — Или ты недоволен моим приказом, Абигор?

— Нет, повелитель. И в мыслях не было, — несмотря на тон Люцифера, Абигор ответил спокойно. — Но, вы же меня знаете: для меня война — это жизнь.

— Тебе придётся потерпеть ещё немного, Абигор, — ответил Люцифер.

Потом, было долгое и бурное обсуждение дальнейших действий. Каждый высказывал своё мнение, свой способ решения проблемы. Нескольких Высших демонов, которые слишком уж ретиво защищали именно свой способ, даже убили. А я в это обсуждение не вмешивалась. У меня не было никаких идей по поводу того, что делать с эльфами, если их нельзя просто убить. Да и что, по сути, могла посоветовать восемнадцатилетняя девчонка,

только-только оторванная от человеческого мира, таким древним существам, как Верховные демоны? В принципе, можно было сказать, что на Совете я присутствовала, чисто, в качестве мебели. Не могу сказать, что такое положение дел меня не устраивало, но... И тут, мне в голову пришла одна мысль, которую я начала с вопроса:

— А как эльфы относятся к драконам? Кто они друг другу? Друзья? Враги?

— Нейтралы, — ответил Аббадон, заинтересованно взглянув на меня (вроде как, бессловесная вещь голос подала). — Они никогда не интересовались друг другом и никогда друг с другом не воевали. А что?

— А если на эльфов нападут драконы, это отразится на мирном договоре между Раем и Адом? — спросила я.

— По идее, нет, — с удивлением, взглянул на меня Абигор. — Пусть мы с драконами, официально, теперь и являемся союзниками, мы не несём ответственности за их действия. Но, с чего бы драконам нападать на светлых эльфов?

— Ну, не знаю. Может, у них настроение было плохое, а тут эльфы под горячую руку попались? — предположила я.

— Хочешь подставить драконов? — поинтересовалась Лилит.

— Почему — подставить? Вы же сами сказали, что драконы и эльфы нейтральны друг к другу.

— Так-то, да, но... Собираешься воспользоваться своим влиянием на своего муженька, сладкая моя? — спросил Асмодей. — Хотел бы я посмотреть на то, как ты уговариваешь его напасть на эльфов.

— Я? Повелитель Люцифер, а вы, разве, не... — начала я.

С самого начала, я думала, что даже если моя идея и прокатит, то разговаривать с Фероксом по поводу драконов будет Люцифер, как повелитель Преисподней.

— Идея мне нравится, — сказал Люцифер. — И, раз ты её предложила, то тебе её и реализовывать. Приказываю тебе, Милена Кавэлли, запугать светлых эльфов так, чтобы они и думать забыли о человеческой расе на ближайшую тысячу лет. Мне всё равно, как ты это сделаешь, но срок я тебе даю неделю. Через это время мне нужен будет наглядный результат. На этом, считаю, Совет можно завершить. Все свободны.

Я ещё несколько секунд не могла осознать, что произошло. Сразу пришло понимание только того, что я крупно влипла из-за своего длинного языка.

«Ну, вот, кто меня за язык-то дёрнул, а?! — подумала я про себя. — Сидела бы спокойно молча до конца Совета. А теперь-то что делать?».

Ясно было одно — без Ферокса мне не обойтись. Я знала, что не могу сама просто взять и приказать драконам атаковать эльфов. Ферокс сразу об этом узнает и мне сильно не поздоровится за то, что я втравила драконов в чужой конфликт. Значит, по любому, с муженьком это надо согласовать. А получится ли это у меня? А что, вообще, будет, если я не смогу это сделать? Не убьют точно, но...

— Госпожа Милена, думаю, нам пора. Все остальные уже покинули Совет, — произнёс Драйк, о котором я уже успела позабыть.

— Да? — я огляделась и подтвердила слова демона — действительно, мы были в зале только вдвоём.

Я поднялась с кресла и направилась к выходу. По пути, я спросила Драйка:

— Скажи, Драйк, я себе сейчас очень глубокую яму вырыла?

— Если не справитесь, то — да, госпожа. Довольно глубокую, — ответил демон.

— И что будет, если я не справлюсь?

— Вас накажут, — просто сказал Драйк.

— То, что меня накажут — это я и так поняла. Каким образом?

— Этого я не знаю. Но, раз у вас есть покровители среди Верховных демонов и они, в какой-т мере, несут за вас ответственность, то, скорее всего, вас отдадут им, а они уже будут решать, что с вами делать.

— М-да, я, действительно, вырыла себе супер-глубокую яму, — пришла я к печальному выводу, внутренне содрогаясь, представив довольные ухмылки своих, так называемых, покровителей, когда я попаду к ним в руки.

— Но, с другой стороны, — продолжил слуга. — Если вы сможете выполнить приказ Люцифера, вас станут уважать. А заслужить уважение в мире демонов — это очень сложно и это дорого стоит.

— В общем, либо пан, либо пропал, — заключила я. — Третьего варианта не дано. Только есть ли у меня, хоть какой-то, призрачный шанс выполнить это задание?

— Это, целиком и полностью, зависит от вас, госпожа Милена. Ведь, именно вы предложили этот план действий на Совете.

— Предложить-то я его предложила. Но я, во-первых, не думала, что его кто-то воспримет всерьёз, а во-вторых, я не думала, что мне придётся самой же воплощать его в жизнь. Это лишний раз доказывает, что язык мой — враг мой.

— Ну, это смотря, где и как его использовать. Не так ли, госпожа Милена Кавэлли? — произнёс голос, полный злобы и яда.

Навстречу мне шагнул тот самый Высший демон, которого Асмодей заставил целовать мои ноги. Выглядел он очень недружелюбно.

«Видимо, обиделся на меня из-за выходки Асмодея, — вздохнула я про себя. — Эх, и что же вы все злобные-то такие, а?».

— Фу, что за пошлый намёк по поводу моего языка? — поморщилась я. — Что нужно-то? Задетая гордость покоя не даёт? Так, ты не с меня за это спрашивай, а с самого Асмодея. Или слабо высказать свои претензии Верховному демону?

— Ха, хотел бы я посмотреть на то, как ты что-то высказываешь своему покровителю! — с презрением, тоже переходя на «ты», ответил демон. — Уверен, ты такого никогда не осмелишься сделать.

— Госпожа Милена... — Драйк, который держался позади меня, хотел подойти, но я отрицательно покачала головой и сказала:

— Я сама разберусь.

— Как скажете, госпожа, — не стал спорить слуга, хотя, на лице его читалось сомнение.

Я понимала, что не могу постоянно полагаться на то, что меня, обязательно, кто-нибудь спасёт. Я должна была сама разбираться со своими проблемами и своими недоброжелателями. По крайней мере, если я хочу, чтобы меня уважали. Сказать Драйку, чтобы он убрал с дороги этого демона — легко, но тогда этот демон решит, что я, сама по себе, ничего собой не представляю, и прячусь за спиной своего слуги. Поэтому, когда мы с высшим демоном остались вдвоём, я спросила:

— Так, что нужно? Я уже поняла, что к Асмодею ты не пойдёшь, а будешь разбираться с бедной незащитной полукровкой. Говори, что задумал?

Я старалась говорить спокойно и уверенно, хотя, на самом деле, ни спокойствием, ни уверенностью, в данный момент не обладала. Озлобленный Высший демон мог преспокойно

оторвать мне голову и сказать, что так и было. То, что его самого потом за это убьют, мне мало поможет. Драться с ним я, в любом случае, не смогу. А это значит, что мне, каким-то образом, надо его либо успокоить, чтобы он, сгоряча, меня не прикончил, либо увести его мысли в другую сторону.

«Если рассуждать логически, то если этот демон был на Совете, значит, он глава какой-то семьи. Соответственно, можно сыграть на его чувстве долга» — решила я, вновь, заговорив с парнем:

— Ты же понимаешь, что если ты меня убьёшь, то за это ты тоже долго не проживёшь на этом свете? Неужели ты, из-за своих эмоций, готов оставит свою семью без главы? Ты, не хуже меня, знаешь, что, в таком случае, станет с твоей семьёй. Даже если у тебя есть законный наследник на твоё место главы, так сразу его не назначат. А это значит, что твои родственники не смогут присутствовать на Совете, они потеряют престиж и репутацию, они перегрызутся друг с другом, если не убьют... Мне продолжать?

— Не надо, — буркнул парень, но уже куда спокойнее. — Не слишком ли ты много знаешь для полукровки?

— Я полна сюрпризов, — пожалала я плечами. — К тому же, в этом случае, знания не при чём. Просто я очень хорошо знаю людей.

— А при чём здесь люди? — с подозрением, посмотрел на меня демон. — Или ты хочешь сказать, что сравниваешь нас с людьми?

— А почему нет? Когда люди лишаются, например, главы своего государства, то, что происходит в большинстве случаев? Анархия, беспорядки, борьба за власть и все прочие «прелести». Люди, без приукрашивания, ведут себя в таких случаях, как стадо скотины без пастуха. Не смотри на меня так злобно! — усмехнувшись, поймала я на себе испепеляющий взгляд высшего демона. — Я, ни в коем случае, не сравниваю демонов со стадом. Скорее, я могу сравнить их со стаей волков, которые будут драться за место вожака. Конечно, у «волков», рано или поздно, всё срастётся, успокоится, вожака выберут... но не сразу же, верно? Я это знаю по своей собственной семье, но у неё была проблема покрупнее — место главы у Кавэлли, к сожалению, передаётся не по старшинству. Из-за этого они, долгое время, были без главы, в результате чего, над ними поставили Абигора, который, как я слышала, от скуки чуть не разнёс весь Зиграден. Так что, я не утверждаю, что люди и демоны одинаковы (это было бы, в корне, неверно). Но, у нас есть общие черты, согласись?

— Я не собираюсь обсуждать с тобой этот бред! — лицо демона искривилось в гримасе отвращения, показывая его отношение к людям и, скорее всего, ко мне в частности.

— Не хочешь, как хочешь. Тогда, наш разговор и наша встреча окончены, как я понимаю?

— Думаешь, я так легко тебя отпущу после того, как мне пришлось так унизиться перед тобой?! — с яростью, прошипел мужчина, вновь, перегораживая мне путь, когда я захотела его обойти.

— Знаешь, злиться на меня за то, что сделал Асмодей... Это только показывает твою трусость перед Верховными демонами. Я знаю, что я такая же. Я не буду им перечить, так как знаю, что они со мной могут сделать. Но я, также, не буду вымешивать свою злость на ком-то другом, если со мной поиграл Верховный демон.

— Посмотрим, какие речи ты будешь говорить, когда я переломаю тебе руки и ноги! — схватил меня демон. — У тебя же не такая хорошая регенерация, как у нас, демонов?

Такая или не такая — я не знала. Сравнить было не с чем. Но, я догадывалась, что моё

быстрое заживление ран не идёт ни в какое сравнение с регенерацией чистокровных демонов или драконов. Да и, в любом случае, приятного в поломанных костях мало.

«Зря я, всё-таки, Драйка отослала, — осознала я свою ошибку, не пытаюсь вырвать свою руку у демона (пользы от этого бы не было). — Но, позвать его сейчас я не могу, хотя и знаю, что он, тут же, явится мне на помощь. Если уж решила сама разбираться с этой проблемой, то так тому и быть, даже если это и означает, что меня покалечат. Я не дам ещё одного повода для насмешек этого высокомерного высшего демона, прячась от него за спиной Драйка!».

Я, с вызовом, посмотрела на своего противника, давая понять, что я его не боюсь, убежать не собираюсь и на помощь звать — тоже. Наверное, это его только ещё больше разозлило, так как мою руку, за которую он меня удерживал, он сжал с такой силой, что, казалось, ещё чуть-чуть, и он её сломает. Но, переломы — это самое большее, что мне грозило сейчас. А это я, как-нибудь, переживу.

— И что же тут такое происходит, сладкая моя?

Поодаль, как ни в чём не бывало, стоял Асмодея и улыбался.

— Ничего такого, — ответила я. — Разговариваем.

— Глупо себя ведёшь, — произнёс Верховный демон и так посмотрел на моего «собеседника», который, до сих пор, держал меня, что тот, мгновенно, отступил на несколько шагов, а Асмодей продолжил. — Справиться с ним ты, в любом случае, не сможешь, а оторванные или, в лучшем случае, сломанные конечности — это не самое приятное, что может быть, поверь мне. Я тебе не посторонний, сладкая моя. Я — твой покровитель. А ты знаешь, что бывает с теми, кто задевает тех, кому покровительствуют Верховные демоны? Вот он, похоже, знает.

После слов Асмодея, я обратила внимание на Высшего демона. У него в глазах была просто обречённость. Он уже ни на что не надеялся и сбежать не пытался. И я, и он знали, что убежать от Верховного демона — нереально. А если Драйк был прав, говоря, что нападение на меня — это будет означать нападение на моих покровителей... Нападение на себя ни один Верховный демон не потерпит, и наказание за это всем известно — смерть.

Одного мгновение и Высшего демона стало... ломать. Во всех смыслах этого слова. Тело стало искривляться, выкручиваться, хрустеть... Парня корёжило так, как будто он стал куском пластилина, из которого захотели слепить что-то совершенно новое. Выглядело это очень страшно, хотя, не было ни крови, ни ещё чего-то подобного. А демон кричал от жуткой боли и ничего не мог сделать. Только вот... мои чувства... Зрелище — да, было неприятным, но... только и всего. Не было сильного желания зажать уши от криков, убежать... Жалости тоже... не было. Похоже, я, всё-таки, менялась, причём, отнюдь, не в лучшую сторону.

— А знаешь, сладкая моя, — заговорил Асмодей, когда демон перестал кричать и, бесформенным куском, рухнул на пол. — Я, ведь, сделал то, что так хотел. Думаю, тебя порадует новость о том, что я разговаривал с повелителем Люцифером, и он согласился, слегка, отредактировать свой приказ, в отношении тебя. Хочешь того или нет, но ты теперь в центре внимания. Верховным демонам будет очень интересно пообщаться с той, кого, можно сказать, отдали, исключительно, в их пользование. А из-за того, что тебе поставили в задание (по твоей собственной инициативе или глупости) разобраться со светлыми эльфами, внимания к тебе будет только больше.

Удивлена данной новостью я не была. В принципе, я была почти уверена, что так, в

конце концов, и будет.

— Я могу идти? — спросила я своего покровителя, так как мне многое надо было обдумать.

Демон похоти кивнул, но сказал перед самым своим уходом:

— Хорошо подумай над тем, сладкая, как тебе разобраться с эльфами. Если ты не выполнишь приказ повелителя... нехорошо будет. Если не справишься, я лично попрошу Люцифера отдать тебя мне для наказания. И поверь, я найду, что с тобой сделать.

В последнем я нисколько не сомневалась.

Когда я была уже в Зиградене, я тут же, пошла в свою ванну.

Оказавшись в своём мини-бассейне, я погрузилась в воду и в свои мысли. Мне надо было решить серьёзные проблемы. И первым номером стояло: «Как припугнуть обнаглевших светлых эльфов?». Точнее, не совсем как. «Как» — было ясно. Проблема состояла в том, как уговорить на это Ферокса.

«Каким образом можно убедить Ферокса втравить драконов в чужой конфликт? Да, конечно, драконы и демоны теперь союзники, но загвоздка в том, что между светлыми эльфами и демонами официальной войны-то и нет. Формально, светлые эльфы Аду не враги и, соответственно, договор о союзе в этом случае не работает. А значит, всё зависит от желания и воли Ферокса. Что сделать, чтобы он согласился? Не представляю. Но, если я не выполню приказ Люцифера... мне будет очень плохо. А у меня и так жизнь не то, чтобы счастливая. Вторая проблема — клятва, которую я дала Аббадону. Конечно, замечательно, что в словах клятвы не было прямого указания на то, что я должна отдаться Аббадону, но... Как я, когда произнесу слова, которые должна произнести, смогу, после этого, сбежать от Верховного демона? Мне эта задача не кажется выполнимой. Ну, и третья, на сегодняшний день, проблема — приказ, который Люцифер, с лёгкой руки Асмодея, изменил. Неужели, мне теперь, из-за этого, придётся и носа не показывать из Зиградена? Хотелось бы мне так поступить, но мне же, в любом случае, надо присутствовать на Советах, в Пандемониуме».

Отмокнув до конца и так и не решив ни одной из своих проблем (хотя бы, мысленно), я выбралась из ванны.

— Госпожа Милена, простите, что я вас беспокою, — по дороге меня встретил Драйк. — Но, у вас будет ещё одно дело.

— Какое ещё дело, Драйк? — с раздражением, спросила я, показывая, что на долгий разговор я не настроена. — У меня и так этих самых дел выше крыши. Куда мне ещё одно?

— Извините, но вы и так должны были сделать это ещё давно. Больше откладывать нельзя.

— Да говори ты уже. Что я такого должна была давно сделать?

— Вы должны предстать перед жителями Зиградена, госпожа Милена, — сказал Драйк. — Вы — их новая правительница и, как правитель, вы не можете пренебрегать своим народом, кем бы они не были — демонами или драконами. Вы должны показаться своему городу и сказать что-нибудь. И сделать это вам, желательно, завтра.

— Мне им ещё и говорить что-то надо будет? Что я им скажу?

— Что хотите. Но, помните, что от первого впечатления зависит то, как к вам будут относиться в последствии, — на этом, Драйк ушёл.

«Это издевательство какое-то, — оказавшись в спальне, я легла в кровать, намереваясь немного вздремнуть. — Что я могу сказать тем, кого я, заранее, практически, ненавижу? Они, ведь, все, по сути, являются теми, кто испортил мне жизнь — демонами или

драконами. Да я и говорить на публику не умею. Из меня оратор, как из Асмодея девственник!»).

Ничего путного в голову не шло. На ум, почему-то, приходили лозунги социалистических стран, вроде: «Земли — крестьянам! Фабрики — рабочим!». Но, такого ни демонам, ни драконам не скажешь.

В конце концов, поняв, что ни к чему путному не приду, я закрыла глаза.

— Тебе понравился сон, который ты видела? — спросила меня Дайона.

— Да, понравился, — не стала я отрицать. — Он разбудил во мне те хорошие чувства и воспоминания, которые у меня были. Только я, до сих пор, не понимаю, какое я имею отношение к Кэтэринe и всему тому, что с ней происходило. И при чём тут, вообще, бабочка?

— Скоро ты всё поймёшь, Милена. Воспоминания Кэтэринe не так уж длинны. Как и её жизнь...

— А почему я не могла во сне различить ничьих лиц?

— Ничто в мире не происходит быстро. Как и возврат утраченного.

— Не понимаю, о чём ты. Кстати, у меня тут несколько проблем жизненных возникло... — начала я, но Дайона меня прервала:

— Я не могу ничем тебе помочь, Милена, в твоих жизненных проблемах. Я пока не могу воздействовать на реальный мир. Поэтому, рассказывать мне что либо, пустая трата времени.

— Значит, мы можем говорить только об Адалиссе и Кэтэринe?

— Да.

Я, конечно, никогда не рассчитывала на то, что мы с Дайоной станем подругами, но... Её последние слова звучали так холодно, что я сразу поняла, что даже если бы у неё и была возможность влиять на что-то, она ничего ради меня не сделала бы. Да и зачем ей это? Её интересовала только Адалисса. Но, всё равно, стало как-то... обидно.

— Если так, то давай погорим об Адалиссе.

— Времени сегодня у нас осталось не много, поэтому задам тебе только один вопрос. Ты помнишь, как умерла твоя мать? — спросила меня Дайона.

Я попыталась вспомнить. Я вспомнила тот день, когда отец решил выдать меня замуж, как мама плакала... А затем, как она призналась, что отдала мою душу демону. А потом... потом ничего. Как провал. Я не помню, что делала потом. Следующее воспоминание, без всякого перехода — это я стою посреди комнаты, в крови своей собственной матери...

— Я... я убила её... — дрогнувшим голосом сказала я. — Или... не я. Не помню... Я не помню, как именно умерла мама...

— Её убила не ты, а Адалисса.

— Как?

— Она пробудилась тогда в тебе первый раз. А подробности... я не знаю. Когда память вернётся к тебе, ты сможешь ответить на этот вопрос. А пока... тебе пора идти в сон о Кэтэринe...

Я просыпаюсь рано. Когда солнце едва-едва поднимается из-за горизонта. Я уже полна сил и готова, целый день, бегать и гулять. А вот мама любит понежиться в постели. Поэтому, завтрак всегда готовлю я, в ожидании, когда она встанет.

Мы живём с ней вдвоём. А вокруг только леса и поля. Я никогда не уходила далеко отсюда. Никогда не бывала в человеческих поселениях или поселениях других рас. Но, мне совсем не скучно здесь. У меня есть друг. Есть любимый. И, главное, мама. И мне этого достаточно, чтобы быть счастливой.

— Снова одно сладкое на завтрак? — в нашу небольшую кухню заходит мама и, наигранно хмуро, смотрит на сладкие пирожки на столе, с вареньем.

— Ну, ма-а-ам, это же вкусно! — я улыбаюсь, зная, что, на самом деле, мама тоже обожает сладкое, но в жизни в этом не признается. — И, вообще, не любишь сладкое — вставай раньше и готовь!

— Подерзи мне тут ещё! — она отвешивает мне шутливый подзатыльник, а, затем, ерошит мои волосы. — Ты пойдёшь сегодня к...?

Она произносит имя моего друга, но я не могу его разобрать. И я, как и прежде, не вижу её лица.

— Конечно. Прямо сейчас! — я, переполненная энергией, хватаю на перекус пирожок со стола и несусь к двери.

Но, прямо передо мной, словно, сама собой, дверь захлопывается, чуть не прищемив мне нос.

— Кэтэрина, а ты ничего не забыла? — спрашивает мама, как ни в чём не бывало.

— Ах да! — я подбегаю к ней, обнимаю, целую в щёку. — Пока, мама. Буду к обеду!

Я выбегаю из дома. На ходу жуя пирожок, я думаю, что мне делать дальше. С одной стороны, очень хочется, прямо сейчас, пойти к своему любимому. А с другой, другу я обещала, что зайду. Он ждёт меня.

«Нехорошо обманывать друзей, Кэтэрина! — внушаю я себе. — Раз обещала прийти, значит, приходи!».

В результате, я решаю, что до обеда — я у друга, а потом убегу к своему возлюбленному. Достигнув согласия со своей совестью, напевая себе под нос, иду, через лес, к знакомому дому.

По дороге, мне на плечо садится красивая сине-зелёная бабочка. Я люблюсь ею, а потом... мне становится немного грустно. Я знаю, сколько живут такие бабочки — всего-то пару дней. А у меня впереди долгая-долгая жизнь. Хотя, такое даже сложно представить. Ведь, мне самой, всего-то, пара месяцев отроду...

Глава 29.

Я открыла глаза. Ощущения счастья и теплоты были такими реальными. Мне хотелось снова вернуться в этот сон. Хотелось посмотреть на зелёный солнечный мир глазами Кэтэрины, готовить завтрак для любимой мамы, бежать в гости к другу... Её жизнь была просто идеальной, особенно, если сравнивать с моей. И я, до сих пор, не могла понять, как я связана с этой девушкой.

«Но, Дайона кое-что упомянула, — вспомнила я. — Она говорила, что воспоминания Кэтэрины не так уж и длинны. Как и её жизнь. Значит, она прожила не так уж и долго? Кэтэрина думала, что проживёт ещё долгую-долгую жизнь... Она ошибалась? Получается, с ней что-то случилось? Но, что? И что означает то, что ей было всего пара месяцев отроду? Не понимаю... Кэтэрина, ведь, взрослая на вид девушка. Если отражение в зеркале, которое я видела, верно, то выглядит она моей ровесницей. Одни сплошные загадки...».

Зашёл Драйк, который сообщил, что через полчаса я должна выйти на балкон своего дворца, поприветствовать своих подданных и сказать речь. Это означало, что спала я долго... Похоже, что все сны, связанные с Дайоной и Кэтэриной, длятся довольно много времени. Надо было учесть это на будущее, чтобы знать, что «вздремнуть» у меня теперь не получится.

Думая о речи, стало как-то страшновато. Особенно, с учётом того, что никакой новой мысли, по поводу неё, у меня не появилось. А Драйк сказал мне:

— Госпожа Милена, вспомните, что вам пришлось пережить за последние дни, и вы поймёте, что выступить перед народом — это сущий пустяк.

— В чём-то ты, конечно, прав, — вздохнула я. — Но я, всё равно, не представляю, что я могу им сказать.

Ровно через полчаса, когда меня причесали, накрасили и одели (благо, в этот раз, одели в приличное платье), я вышла на балкон. То, что я увидела... повергло меня, мягко говоря, в шок. Нет, ничего такого страшного там не было. Просто... я не ожидала настолько огромную толпу. Демоны, драконы (некоторые, в облике огромных рептилий)... Даже с высоты своего балкона, я слышала шум и гам, исходящий от них. Но, как только они увидели, что я вышла, наступила просто гробовая тишина. На меня смотрели молча, с любопытством, интересом... Обрадовало, что не было неприязни и презрения. Правда, внутренний голос, предательски, объяснил мне причину этого, сводя радость к нулю: «Разумеется, они не будут показывать тебе откровенный негатив, Милена. Ведь, от тебя зависит то, как они будут жить. И они не знают, как ты можешь отреагировать. Вдруг, ты за один косой взгляд прикажешь их прикончить?». В последнем, возможно, внутренний голос был очень даже прав. Я не испытывала никакой симпатии к собравшимся. Мне, в лучшем случае, было на них наплевать. В худшем... в худшем, я желала, чтобы все они куда-нибудь провалились и не отвлекали меня от моих проблем.

«М-да, хреновая из меня правительница, — сделала я про себя мрачный вывод. — Правитель должен любить и оберегать свой народ, а я... А у меня не получается даже смотреть на них без неприязни».

Молчание затягивалось, и я поняла, что мне уже пора что-то сказать:

— Мои подданные, — начала я, про себя подумав: «Какое-то пафосное начало. Но, как ещё было сказать? Назвать их «мой народ» у меня язык не поворачивается». — Я знаю, что вы не очень-то и рады видеть вашей правительницей полукровку, у которой мать была человеком. И, скажу откровенно, ваше мнение я полностью разделяю. Но, раз уж так вышло и я, всё-таки, стала правительницей Зиградена, хочу кое-что сказать. Я не стремилась получить трон этого города. Я никогда не горела желанием обладать властью. Я не та, кого с детства приучали к мысли, что она будет править. И я никогда ни за кого не несла ответственности, кроме самой себя. Даже сейчас, являясь вашей правительницей, если передо мной встанет выбор — ваши жизни или моя, я, без сомнения, выберу свою. Я не стану говорить, что я люблю вас потому, что это не так. Я не стану защищать вас грудью, ценой собственной жизни и так далее. Я не буду обещать вам, что с моим приходом к власти, у вас начнётся лучшая жизнь. Да и вам, я думаю, эти пафосные речи ни к чему. Я могу пообещать вам только одну вещь. Если кто-нибудь посягнёт на Зиграден и этот «кто-нибудь» не будет являться Верховным демоном, я его уничтожу. Не важно — как, неважно — чьими руками, но я это сделаю! И если от этого «кого-нибудь» что-нибудь останется, я выкину вам его останки! То же самое будет касаться того, если кто-нибудь из вас предаст меня или встанет у меня на пути! Я не буду разбираться в причинах и не буду никого жалеть! Но, вместе с этим, я клянусь, что сделаю всё возможное, чтобы принять вас, как свой народ. И я клянусь, что пока я жива (а я надеюсь, что буду жить ещё долго), Зиграден всегда будет, в одинаковой мере, принадлежать как демонам, так и драконам. Я никогда не буду отдавать предпочтение какой-то одной расе, тем более что в крови Кавэлли присутствует кровь обоих. Да будет Тьма моей свидетельницей в том, в чём я поклялась, — произнесла я на языке демонов, а, затем, продолжила уже на языке драконов. — Да будет Мать всех драконов свидетельницей того, в чём я поклялась. На этом, мне больше нечего вам сказать.

Слов у меня, действительно, не осталось. Я сказала всё, что могла, нигде не солгав. Я не ждала какой-либо реакции на свою импровизированную короткую речь. Во всяком случае, реакции положительной. Но то, что случилось после того, как я закончила говорить... меня, мягко говоря, удивило. Все присутствующие, как один, склонились в поклоне. Это было, до такой степени, неожиданным для меня, что я чуть не шарахнулась в сторону двери, с балкона, но, к счастью, вовремя опомнилась. Вместо этого, я вопросительно посмотрела на Драйка, стоявшего рядом со мной.

— Они прияли вас, госпожа Милена, — ответил слуга. — Они признали вас, как свою правительницу.

— Но, почему? — в полнейшем недоумении, спросила я (по моему мнению, после моих слов, меня должны были разорвать на сотню маленьких Милен).

— Возможно, им понравилась ваша откровенность и полное отсутствие высокомерия, обычно присущее всем Высшим и Верховным демонам. Или им приглянулось то, что вы не побоялись дать нерушимые клятвы. Ведь, это может означать только то, что вы их, точно, выполните.

— Вот, значит, как, — невесело улыбнулась я. — Демоны и драконы верят только в нерушимые клятвы. Получается, я правильно поступила? Что ж, хоть где-то, я смогла что-то сделать, — я повернулась и вышла с балкона, вглубь дворца. — Драйк, — вновь, обратилась я к своему слуге. — Даже несмотря на то, что эту неделю я буду разбираться с приказом Люцифера по поводу светлых эльфов, ты, всё равно, будешь тренировать и учить меня. Лекс — тебя это тоже касается.

— А меня? — поинтересовался Рейф. — Я тоже очень многому могу тебя научить, Милена.

— Ты уже сделал, в этом плане, всё, что мог, в те два месяца, в мире людей, Рейф, — отрезала я. — Если мне ещё будет от тебя что-то нужно, я скажу об этом. Ещё одно, Драйк. — вернулась я к демону. — Мне нужно узнать всё, что только можно, о светлых эльфах. Законы, обычаи, традиции... Всё, что возможно уяснить за одну неделю.

— Слушаюсь, госпожа. Я подготовлю для вас все необходимые материалы.

— Отлично, — кивнула я, зная, что Драйк подготовит «материала» с избытком, но мне это, как раз, и было нужно.

— Хочешь поближе узнать своих врагов? — спросил Лекс, когда Драйк ушёл выполнять мои указания.

— Да, ведь, я не обладаю никакой магией, а это значит, что моя главная сила — это знания. Никогда не знаешь, что тебе может пригодиться в жизни. А мне, когда-то, оченьгодились знания клятв и ритуалов демонов, в отношении с Киераном и законы равноценного обмена, в отношении Астарты. Кстати, по поводу Астарты... — меня, вдруг, посетила одна безумная идея. — Драйк! — позвала я и, когда через секунду мужчина предстал передо мной, я сказала. — Отложи пока дела о сборе информации о светлых эльфах. Мне нужно, чтобы ты отвёл меня во дворец демонессы Астарты. Прямо сейчас. Браслет-портал у меня-то есть, но он приводит в те места, где я уже была. А у владычицы мёртвых душ я не была ни разу.

— Слушаюсь, госпожа, — без всяких вопросов, поклонился слуга.

— Только... ты сможешь сделать портал прямо в её дворец? А не просто рядом с ним?

— Могу, если на дворце не стоит магическая защита. Но, с учётом того, что вы придёте без приглашения, госпожа, это могут счесть за оскорбление.

— С этим я, как-нибудь, разберусь, — отмахнулась я.

Я не хотела, вне дворца Астарты, столкнуться с каким-нибудь Верховным демоном. Можете считать меня параноиком, но я думаю, что уж лучше быть им, чем нарваться на неприятности. Тем более что мне нужно было реализовать свою идею, и для этого мне надо было оказаться именно у Астарты, а не у кого-то другого. Рисковать мне не хотелось. А Драйк спорить и не стал (это стало мне, в последнее время, очень в нём нравится).

Портал, который сотворил Драйк, привёл не то, что во дворец Астарты, а, напрямик, в её покои, где Верховная демонесса, в данный момент, и находилась. Надо отдать ей должное — единственной её реакцией на моё, неожиданное появление, стало удивление и вопрос:

— Какими судьбами ко мне явилась правительница Зиградена?

— Прошу меня простить, госпожа Астарта, за столь неучтивое и наглое появления, — поклонилась я. — Но, мне нужно с вами поговорить. А делать портал в самом Пандемониуме мне не хотелось по причине... ну, думаю, вы сами знаете — по какой.

— Приказ Люцифера, да? Слышала о нём. Мне, кстати, тоже очень интересно, почему повелитель так поступил. Ты, — Астарта ткнула в Драйка. — Оставь нас.

Драйк посмотрел на меня и, только после того, как я кивнула, он ушёл.

— Твой слуга хорошо выдрессирован, — заметила Верховная демонесса. — Или очень предан, раз подчинился только своей непосредственной хозяйке.

— Я не знаю — выдрессирован он или предан, — ответила я. — Он служил главам семьи Кавэлли задолго до моего появления не только в мире демонов, но и, вообще, на этом свете.

— Ладно, оставим пока твоего слугу в покое. Садись.

Я села в предложенное мне кресло. Через секунду напротив меня, появилось ещё одно, в которое села Астарта, и маленький столик, на котором была бутылка с красной жидкостью (скорее всего, с вином) и два бокала.

— Ты же не откажешься выпить со мной, Милена? — спросила женщина.

Отказываться от этого, после того, как Верховная демонесса простила мою грубость — явление прямо в её покои — было глупо. Да и не видела я в этом никакой опасности. Не отравит же меня Астарта, в самом-то деле.

— Так, зачем ты пришла ко мне? — перешла к главному вопросу Верховная демонесса, после нескольких глотков вина.

— Госпожа Астарта, вы помните, что на балу Люцифера вы пообещали мне равноценный обмен за то, что я отдала вам своего человека?

— Помню, — кивнула демонесса. — Ты определилась с тем, что ты от меня хочешь?

— Да. Точнее, я не знаю, посчитаете ли вы мою просьбу равноценным обменом. Если вы решите, что моя просьба слишком... наглая и под критерий «равноценная» не попадает, я просто уйду.

— Говори, — приказала женщина, с любопытством рассматривая меня.

— Дело в том, что через два дня я буду во дворце Верховного демона Аббадона, — начала я. — И мне нужно, чтобы вы, когда я скажу Аббадону определённые слова, забрали меня от него. Вы сможете это сделать, госпожа Астарта?

— Что за слова и почему ты хочешь, чтобы я забрала тебя от него?

— Я дала клятву Аббадону, — не стала я ничего скрывать. — Я поклялась Тьмой, что приду к нему и сама попрошу его взять меня.

— И ты хочешь, чтобы я помогла тебе нарушить клятву? — спросила Астарта, без какого-либо удивления в голосе.

— Почему же? Я не собираюсь нарушать клятву. Я её выполню. Я приду к Аббадону и попрошу его взять меня. На этом — всё. Никакого продолжения я не хочу. Ведь, в клятве не было прямого указания на то, что я, действительно, должна отдаться Аббадону. Я должна только попросить его об этом.

— Вот, значит, как. И кто же толкнул тебя на мысль о том, как обойти клятву?

— Лилит и Асмодей, — ответила я. — Так, вы поможете мне, госпожа Астарта?

— Ты понимаешь, Милена, что то, что ты просишь, никак не попадает под равноценный обмен? Ты, действительно, просишь меня оставить в дураках Верховного демона, за то, что я провела время с твоим человеком?

— Да, госпожа Астарта. Вы — мой единственный шанс. Если мне не поможете вы, то мне никто не поможет.

— То есть, ты хочешь, чтобы я вырвала у Аббадона его игрушку прямо у него из-под носа? — Астарта, неожиданно, рассмеялась. — Это будет очень забавно! Хотелось бы мне увидеть лицо Аббадона после этого!

— Значит, вы с Аббадоном не друзья? — поинтересовалась я, уже полная надежды, что Верховная демонесса мне поможет.

— Друзья? Среди демонов нет друзей, дорогая моя. Есть враги, любовники, подчиняющие и подчинённые. Другие отношения между демонами невозможны. Даже между родственниками.

— Я не удивлена, — вздохнула я, вспомнив свою семью. — Но, вы согласны помочь

мне?

— Для того чтобы оставить Аббадона с носом? Пожалуй, да, — согласилась Астарта.

— Я вам очень благодарна, госпожа Астарта! — моей радости не было предела. — Если я смогу для вас что-нибудь сделать, только скажите! Я...

— Никогда и ничего не обещаю демонам, Милена! — прервала меня Верховная демонесса. — И никогда ни в чём им не клянись (думаю, по Аббадону ты это уже поняла). Я помогаю тебе ради своего удовольствия, только и сего.

— Всё равно, я вам благодарна, — сказала я, поднимаясь с кресла и собираясь уходить. — Через два дня я очень буду надеяться на вашу помощь. А сейчас, я пойду.

— Подожди, Милена, — остановила меня женщина. — По поводу приказа Люцифера, в отношении тебя... Ты сказала, что сделала портал в мой дворец из-за него. Я так понимаю, ты не хотела столкнуться с кем-то из Верховных демонов (особенно, я думаю, с мужчинами). Но, ты кое о чём забыла, придя сюда.

— О чём я забыла? — не поняла я.

— О том, что я, в отличие от многих демонесс, замужем. И мой муж — Великий герцог Астарот — очень интересовался тобой. Ты, ведь, не откажешься сейчас с ним встретиться? — по тону Верховной демонессы было ясно, что отказа она не примет.

«Ну, что, Милена? Из огня, да в полымя, да? — подумала я про себя. — Хотела перестраховаться, чтобы не попасть в руки Верховного демона, а в результате, сама же к нему и пришла».

Мне оставалось только надеяться на то, что Астарот просто посмотрит на такую «занимательную хрень», как я и отпустит домой.

«А даже если и не отпустит, — вновь, подумала я. — Не думаю, что он будет хуже Аббадона».

Тем временем, Астарта позвала слугу и приказал отвести меня к её супругу.

— А вы, разве, со мной не пойдёте, госпожа Астарта? — заволновалась я — перспектива остаться наедине с незнакомым Верховным демоном, мягко говоря, не радовала (хотя, встреча со знакомым Верховным демоном, радовала ещё меньше, но тем не менее).

— А я-то там зачем? — спросила владычица мёртвых душ. — Это мой супруг хотел встретиться с тобой, а не я. Ко мне ты пришла сама. А я просто помогаю Астароту реализовать его желания.

— А вы не боитесь, что он... изменит вам со мной?

— Изменит?! — расхохоталась женщина. — Дорогая моя, мы, хоть, и супруги, но, всё-таки, демоны! Между нами не может быть такого понятия, как «верность», в принципе. Мы на неё, просто-напросто, не способны. Поэтому, даже если он с тобой переспит, мне на это будет всё равно. Кстати говоря, если судить по твоим мыслям, то, что я переспала с твоим человеком, тоже считается изменой. Нет?

— Нет, — покачала я головой. — Я знаю, что в Преисподней люди стоят на одном уровне с домашними животными. А секс с «домашним животным» изменой считаться не будет. Это будет просто развлечение, — объяснила я свою мысль.

На это Астарта ничего не ответила, а меня повели к её мужу. Что я о нём знала? Да ничего, кроме того, что этот Верховный демон являлся демоном демагогии (или, как говорили, ложной мудрости). Также, он был главным казначеем Ада и князем дьяволов-обвинителей или клеветников, которые доводят людей до отчаяния. К тому же, Великий герцог Астарот был одним из самых могущественных и влиятельнейших демонов

Преисподней. Как он выглядит, я не знала. Точнее, может, я его и видела на балах или на Совете, но не знала, что это именно он. А идти к нему мне, ох, как не хотелось. Я старалась не задумываться о том, что именно могло понадобиться от меня Астароту. Я отгоняла от себя желание позвать Драйка и сбежать. Ведь, если я так поступлю, Астарта может отказаться помогать мне с Аббадоном. А Аббадон был для меня страшнее, чем муж владычицы мёртвых душ. Конечно, как и говорила Лилит, страх перед демоном бездны надо превращать во что-то... другое. Но, пока, пусть будет так. Тем более, должен же он, хоть раз, не получить того, чего желает.

Слуга привёл меня в гостиную. Повсюду была мягкая мебель, пушистые ковры, большой камин... И не подумаешь, что здесь живут демоны. Наверное, каждый, кто представлял себе дом демона, представлял что-то мрачное, готическое... Да, без готики тут, конечно, не обошлось, но мрачным это место никак не выглядело.

Самого герцога Астарота я обнаружила в кресле, у камина. Это был мужчина лет тридцати — тридцати пяти. Очень высокий, что было видно даже в его сидячем положении. Но, первое, что мне бросилось в глаза и что меня удивило — это волосы Верховного демона. Они были светлые! Даже не то, что светлые — белые! Глаза у него были серые, спокойные... Когда я, вообще, его увидела, мне, почему-то, показалось, что он похож либо на Вельзевула, либо на Люцифера. Нет, не внешностью, а чем-то таким неуловимым... Спокойствием, может быть? Во всяком случае, от него не исходило такое стойкое ощущение опасности и жестокости, как от Аббадона или похоти, как от Асмодея.

— Приветствую вас, господин Астарот, — я склонилась, произнося ритуальную фразу. — Да падёт Тьма на ваших врагов и да будут ангелы ползать у ваших ног.

— Да услышит Тьма твои слова, — ответил мне герцог и указал на кресло, рядом с его. — Садись, Милена.

Я села и стала ждать, когда мужчина скажет, зачем он хотел меня видеть. Я чувствовала себя перед ним, как кролик перед удавом. Несмотря на всё его спокойствие, которое он излучал, я ни на секунду не забывала — перед кем я сижу и что со мной, при желании, он может сделать всё, что угодно.

— Ты догадываешься, зачем я хотел встретиться с тобой? — нарушил молчание Астарот.

— Догадываюсь. Из-за приказа Люцифера, по поводу того, что мне позволено спать только с Верховными демонами?

— Нет, не угадала, — удивил меня демон. — Хотя, признаю, эта тема тоже, довольно, занимательна для меня.

— Но, ваша супруга сказала... — начала я.

— Моя супруга может думать всё, что угодно, — не дал мне договорить демон. — А истина может быть, совершенно, иной.

— Но, тогда, зачем вы искали встречи со мной, господин Астарот? — на этот счёт у меня не было ни одной мысли.

— Я хотел поговорить с тобой о Самаэле.

— Об ангеле смерти? — ещё больше, удивилась я. — А при чём здесь я? — я не думала, что, кроме Аббадона, кто-то из Верховных демонов знает о моём общении с ним.

— Я хочу знать, что тебя связывает с этим изгнанником, Милена. И не вздумай мне сейчас лгать, что ты не имеешь к нему никакого отношения, — предупредил меня Верховный демон, когда я хотела сказать, что не понимаю, о чём он говорит.

Я понятия не имела, откуда Астарот мог узнать о том, что я знакома с Самаэлем. Но то, что он об этом знает, мне очень не нравилось. Тем более что было неясно — почему его, вообще, интересует эта тема. Честно говоря, меня бы больше устроило то, если бы его интересовал только приказ Люцифера и всё.

— Почему вы хотите знать об этом, господин Астарот? — спросила я.

— Мне интересно, чем ты могла его заинтересовать. Кроме того, тебе не кажется, Милена, что общение правительницы Зиградена с тем, кого изгнал сам повелитель Люцифер, может очень сильно испортить тебе репутацию?

— Я общалась с Самаэлем до того, как взошла на трон Зиградена. После этого, я его ни разу не видела, — стараясь говорить, как можно более спокойнее и безразличнее, сказала я. — Так что, в данный момент я не поддерживаю с ангелом смерти никаких контактов и за мою репутацию вы можете быть спокойны.

Почему-то, мне очень не хотелось отвечать на вопросы, касательно Самаэля. Не могу сказать, что он мне сильно нравился, особенно, если вспомнить все его поступки. Но, он был тем, кто спас меня из лаборатории и тем, кто спас меня от Аббадона (пусть и ненадолго). И разговаривать о нём с незнакомым демоном (хотя, и Верховным) у меня желания никакого не было.

— Даже несмотря на то, что ты с ним сейчас не общаешься, я хочу знать, что вас связывало, — в голосе Астарота мелькнуло недовольство — ему, явно, не понравилось, что я не хочу отвечать ему.

— Я не хочу разговаривать на эту тему, господин Астарот, — упрямо, ответила я. — Если это всё, что вы хотели, то я хотела бы уйти. Если позволите, — добавила я.

— Не позволю, — глаза герцога злобно сощурились (кажется, вывести его из себя было куда проще, чем того же Вельзевула или Люцифера). — Не позволю до тех пор, пока ты не ответишь на мои вопросы. И, предупреждаю, не ответишь мне так, я найду способ тебя разговорить. Только тебе этот способ, вряд ли, понравится.

— Хорошо, я отвечу, — не стала я дальше упираться (не хотела я узнавать способы, которыми мужчина собирался «развязывать» мне язык). — Что именно вы хотите знать?

— Всё. С самого начала.

Ну, делать было нечего — пришлось рассказывать, пусть и в общих чертах. Я рассказала всё, начиная со встречи с Самаэлем в лаборатории и заканчивая нашей последней встречей перед разрушенным домом, где погиб Кай.

— Самаэль говорил тебе, что любит тебя? — не веря, посмотрел на меня Верховный демон, после моего рассказа.

— Да.

— Не верю, — покачал головой Астарот. — За всю свою долгую жизнь, ангел смерти любил только одну женщину. Которая, впоследствии, и предала его любовь. И ты, вряд ли, имеешь к ней какое-то отношение.

— Не хотите — не верьте, — пожала я плечами. — Я рассказала всё, что знала. Я могу идти, господин Астарот?

— Иди, — кивнул демон, похоже, после моего рассказа, совсем потеряв ко мне интерес.

Я встала, поклонилась, позвала Драйка и направилась в Зиграден. Хотя, неприятный осадок, после разговора с Астаротом, конечно, остался. Было совершенно непонятно — к чему это, вообще, было? Зачем Астароту надо было знать о Самаэле? И кого он имел в виду, говоря, что Самаэль любил женщину, которая предала его?

«Распросить бы об этом самого Самаэля, — мелькнула мысль в голове. — Но, со дня смерти Кая, я его ни разу и не видела. Что, в общем-то, и неудивительно, с учётом того, что я нахожусь в мире демонов, откуда его изгнал Люцифер. Хотя, если вспомнить фанатизм Самаэля к моей скромной персоне и то, что он говорил, что никогда больше меня не оставит... Дьявол! О чём я думаю?! У меня других забот, что ли, нет?!».

Вспомнив обо всех своих насущных проблемах, я поняла, что, на самом деле, не о том думаю. И первым делом я, почему-то, вспомнила о своём отце, которого сама же и прогнала от себя, поставив ему в вину смерть Кая. Теперь я понимала, что если бы и не отец, Ферокс, всё равно, рано или поздно, нашёл и убил Кая. Днём раньше или позже. То, что отец сказал дракону его имя, большой погоды не сделало. Поэтому, мне надо было поговорить и помириться со своим отцом. В конце концов, он был единственным в этом мире, кто хорошо ко мне относился.

— Драйк, — окликнула я демона. — Альма мне как-то говорила, что я могу, с согласия Люцифера, вновь, принять своего отца в семью, и он станет тем, кем был раньше. Это так?

— Не совсем, — ответил Драйк. — Тем, кем был, ваш отец не станет, госпожа Милена. Он не станет, снова, главой семьи и правителем Зиградена — это место, по праву, принадлежит вам и оспорить это право никто не может. В отношении вашего отца, вы сможете только позволить ему участвовать в Совете семьи и пользоваться защитой Кавэлли. И, также, он сможет жить в Зиградене. На этом, всё.

— Понятно. А ты сможешь найти моего отца и привести ко мне?

— Смогу. Мне сделать это прямо сейчас?

— Да. Незачем откладывать это дело в долгий ящик.

Драйк кивнул и покинул меня — выполнять моё поручение. А я задумалась о том, что же я скажу отцу при встрече? То, что я его простила? Сказав это, я солгала бы. Несмотря на то, что я понимала, что невмешательство отца ничего не изменило бы, я, всё равно, была зла на него. И ничего не могла с этим делать.

«Ладно, сначала увижу его, а потом уже пусть будет то, что будет» — наконец, решила я.

Ждать Савариса Кавэлли — своего отца — мне пришлось недолго. Драйк привёл его ко мне уже через пятнадцать минут, после своего ухода. При виде отца, в душе, всё-таки, всколыхнулась радость от встречи с тем, кому я дорога (по крайней мере, я очень хотела в это верить). И злость на него ушла куда-то. Я поняла, что всё ему прощу, лишь бы, он оставался рядом. Рядом не потому, что ему от меня что-то нужно, а просто потому, что он — мой отец.

— С вашего позволения, госпожа, я вас покину, — поклонился Драйк и, после того, как я кивнула, удалился.

Я же тяжело вздохнула, буквально, упала в кресло и сама начала разговор:

— Знаешь, когда я попросила Драйка привести тебя сюда, я думала, что буду очень зла на тебя. Да, в общем-то, так оно и было. Пока ты не пришёл, я так злилась... Хотя, и понимала, что во всей этой истории твоей вины нет. Точнее, даже если бы ты ничего не сделал, Кай, всё равно, был бы мёртв. Как и все остальные. Но, вот ты пришёл и злость, почему-то, исчезла.

— Значит, ты больше не сердишься на меня? — осторожно, спросил демон.

— Я бы хотела злиться, — честно ответила я. — Наверное, так было бы правильнее. Но... я просто не могу. Я хочу, чтобы ты остался в Зиградене, снова вошёл в семью и...

чтобы ты был со мной. Как отец.

— Ты, правда, простила? Простила мне и своего возлюбленного и то, что я не смог ответить сразу, кого же в тебе вижу — тебя саму или Адалиссу?

— Адалиссу? — напряглась я. — Откуда ты знаешь это имя? — я растерянно смотрела на отца, ожидая ответов.

— О чём ты, Милена? — мужчина, казалось, был удивлён не меньше меня. — Адалисса — это...

— Давно не виделись, Саварис, — прервал отца холодный голос Люцифера. — Я, кстати, не помню, чтобы позволял тебе вернуться в Зиграден.

Глава 30.

— Повелитель! — отец упал на колени. — Для меня счастье — видеть вас!

«Что-то слабо верится в такое «счастье», — подумала я, вставая с кресла и, следуя примеру отца, склоняясь, правда, на одно колено.

— Повелитель, — заговорила я. — Мой отец здесь по моей просьбе. Это я приказала своему слуге найти его и привести сюда. Мой отец никогда бы не осмелился ослушаться вашего приказа!

— Встань, Милена, — сказал Люцифер и я встала, отметив про себя, что моего отца повелитель Преисподней так и оставил стоять на коленях, с опущенной головой. — И зачем же ты хотела видеть... своего отца? — с некоторой заминкой, произнёс мужчина, показывая этим своё неприятие к моему отцу.

— Я хотела бы вернуть его в семью Кавэлли, — ответила я. — Я знаю, что для этого мне нужно ваше согласие, но... Я просто хотела поговорить с ним перед этим.

— Зачем принимать в семью изгнанника, Милена? Вряд ли, от этого будет какая-то польза, — Люцифер посмотрел на моего отца таким взглядом, как будто смотрел на что-то ужасно отвратительное.

— Почему же, не будет? — возразила я. — У моего отца, в отличие от меня самой, большой опыт в управлении. А так как я только начинаю править, мне нужны чьи-то советы. Кто лучше подойдёт на эту роль, как не бывший правитель и глава?

— С этой задачей могут прекрасно справиться твои дядя и братья.

— Простите меня за мою откровенность, мой повелитель, — начала я. — Но я терпеть не могу этих своих родственников. И я не собираюсь принимать от них какие-либо советы, ни под каким видом. Неважно — правильные они будут давать советы или нет, но... У меня к ним слишком предвзятое отношение, — «Особенно, если учесть то, что один из старших братьев хотел убить, а дядя, с другим братом, хотели сделать безвольную куклу». — уточнила я про себя.

— Если ты не доверяешь своим родственникам, то я могу сделать твоим временным советником (пока ты, полностью, не будешь править сама) кого-то из Верховных демонов, — предложил Люцифер.

— Нет, благодарю, повелитель, — быстро ответила я, вздрогнув от мысли, что кто-то из моих знакомых Верховных демонов (например, Аббадон) будет постоянно рядом со мной. — Я хочу научиться всему, если и не своими силами, то, по крайней мере, с помощью тех, кому я полностью доверяю. К таким, как раз, относится Саварис Кавэлли — мой отец.

— Ты ему, действительно, доверяешь, Милена? — обычно бесстрастное и холодное лицо повелителя посетила злая усмешка. — Доверяешь тому, из-за кого погиб твой возлюбленный?

— Вы прекрасно знаете, повелитель, что в смерти Кая вины моего отца нет! — излишне резко, ответила я. — Это сделал мой муж — Ферокс и только его я виню в смерти своих близких!

— Ясно. А как ты думаешь, Милена... Как к тебе относится твой отец? — задал неожиданный вопрос Люцифер.

— Что значит «как»? — не поняла я. — Конечно, как к своей дочери.

— Ты в этом уверена? Подойди, — не дожидаясь моего ответа, приказал повелитель Преисподней.

Я подошла. Люцифер сделал шаг ко мне, приблизившись ко мне вплотную. Затем, последовало одно резкое движение, после которого платье, в котором я была, разорвалось по швам, упав на пол бесформенной тряпкой. Я чуть не отпрянула от неожиданности, но взгляд демона заставил, буквально, прирасти к полу.

— Снимай, — последовало коротко.

С учётом того, что на мне, кроме нижнего белья, больше ничего не было, я сразу поняла, что мужчина имел в виду.

— Но, ведь!.. — я бросила отчаянный взгляд на своего отца, всё также стоявшего на коленях и устремившего взгляд вниз.

— Снимай, — угроза в голосе и лёд во взгляде дали понять, что ещё раз Люцифер повторять не будет.

Я, дрожащими пальцами, расстегнула застёжку лифчика, сняла его... Затем, я сняла трусики... Я старалась не смотреть в сторону отца, не думать о нём, но... не могла. Было мерзко и отвратительно от того, что отец присутствует при этой сцене. И я боялась, что если Люцифер продолжит, он не выгонит отца, а оставит его здесь.

«Но, это же, невозможно, верно? Люцифер такого не сделает!» — мысленно постаралась уверить я себя.

Пока же я занималась самовнушением, Люцифер стал избавлять от одежды себя. Выражение его лица, при этом, так и оставалось холодным и... даже, каким-то, отстранённым.

— Повелитель! — не поднимая головы и с, еле сдерживаемой яростью в голосе, произнёс отец. — Если вы не против, я бы хотел вас покинуть.

— Против. Я хочу, чтобы ты остался, Саварис, — остановил Высшего демона повелитель Преисподней, когда тот, уже было, начал вставать с пола.

Для меня, да и для моего отца, эти слова прозвучали, как гром среди ясного неба.

— Зачем, повелитель?! — я не могла поверить в те слова, что услышала. — Прошу, пусть мой отец уйдёт! Не заставляйте его... не заставляйте его смотреть!

— Саварис, ты же хочешь вернуться в Зиграден и всегда быть рядом с дочерью? — как будто не услышав меня, обратился Люцифер к отцу.

— Да, повелитель, — еле слышно, произнёс мужчина, уставившись в пол и впиваясь ногтями в ладно так, что я видела, как они начинают кровоточить.

— Если ты хочешь, чтобы я дал своё согласие на это, то ты будешь исполнять мои приказы, — продолжил повелитель Ада. — И ты остаёшься здесь.

— Нет, пожалуйста, повелитель! Это... это слишком! — других слов я подобрать не могла.

Я была согласна и готова на многое. Секс на публике, жёсткий секс или даже жестокий секс... Я была согласна на секс не с одним мужчиной! Но... делать это на глазах у моего родного отца? Как такое возможно?!

— Нет, не надо!.. — начала я, всё ещё надеясь «достучаться» до Люцифера.

Но, в этот момент, Люцифер меня поцеловал. Жадно, страстно!.. Что никак не вязалось с его холодными, как лёд, глазами. Правда, я на этот поцелуй, всё равно, не ответила. Хотя, не думаю, что Люцифер этого ждал. А когда мои губы, наконец, оставили в покое,

повелитель, буквально, приказал мне лечь на кровать, а, затем, он обратился к моему отцу:

— А ты подними голову, Саварис, и смотри внимательно на всё то, что будет происходить.

Я не понимала мотивов Люцифера. За что он так поступал со мной и моим отцом?! Чем мы заслужили такой жестокий поступок со стороны повелителя Ада?! Зачем?! Я уже и так носила на шее рабский ошейник Люцифера! Я и так уже не могла не исполнить все его желания! Так, зачем ещё и это унижение?! Как мой отец сможет смотреть на то, как мной владеет Люцифер?!

В этот момент, я встретила глазами со своим отцом. Сколько же в его глазах было отчаяния и безнадёжности! Столько, что я выдержала этот взгляд всего несколько секунд и отвернулась. Мне было невыносимо осознавать, что в этой ситуации мы с ним, оба, абсолютно беспомощны. Мы оба были, полностью, во власти Люцифера.

«Чёртова беспомощность! Как же я ненавижу это чувство!» — подумала я прямо перед тем, как Люцифер овладел мной.

Никакой прелюдии, предварительных ласк не было и в помине (кроме того самого первого поцелуя). Мною просто сразу овладели. Причём, довольно грубо. Но, затем... В время секса, повелитель демонов повёл себя совершенно по другому. Я никогда не получала от него столько ласки и даже нежности, как в тот раз. Он изучал моё тело сантиметр за сантиметром. Он целовал меня, ласкал!.. В его прикосновениях присутствовала нежность и, вместе с тем, настойчивость. Ласки смешивались с его сильными властными движениями. Страстные и, одновременно, требовательные поцелуи заставляли отвечать этому мужчине, почти, против воли. И первый стон удовольствия вырвался у меня, довольно, быстро.

— Давай, моя хорошая, — тем временем, шептал мне Люцифер, между поцелуями. — Кричи! Покажи своему отцу, насколько тебе хорошо со мной!

Только после этих слов, я вспомнила о невольном зрителе этой сцены. Я чуть не задохнулась от ужаса. От осознания того, как я сейчас показала себя перед отцом. Мне хотелось крикнуть ему в этот момент: «Пожалуйста, не смотри на меня! Не смотри! Я отвратительна!». Но, вместо этого, я застонала, когда Люцифер, неожиданно, ласково погладил моё перьевое крыло.

— А Асмодей был прав, — произнёс он. — Твои крылья, действительно, очень чувствительны.

— Зачем, повелитель?! Ответьте мне! Это слишком жестоко даже для вас! — я, всё ещё, пыталась найти логику в действиях повелителя Преисподней, несмотря на то, в каком положении я сейчас находилась.

— А откуда ты знаешь, Милена, что для меня жестоко, а что — нет? — поинтересовался Люцифер, шепча все эти слова непередаваемо-ласковым голосом, а, затем, делая резкий толчок. — К тому же, я не думаю, что сейчас удачное время задавать вопросы. Разве, нет?

А через какое-то время, когда Люцифер поставил меня на четвереньки, изменив позу, отец не выдержал. Он вскочил на ноги, в его руке возник длинный тонкий кинжал. Его глаза полыхали от ярости и боли. Он сделал шаг в сторону Люцифера.

— Стой на месте, глупец, — сказал правитель Ада, даже не посмотрев в его сторону. — Ты, своим вмешательством, сделаешь только хуже.

Голос Люцифера, при обращении к отцу, был, по обыкновению, холодным — полная противоположность тому, каким он (повелитель) шептал мне на ухо. А Саварис Кавэлли продолжал стоять с оружием в руках и гневно смотреть на моего ненавистного любовника и

повелителя. Тогда, Люцифер продолжил:

— Даже если ты вмешешься, Саварис, ты против меня, всё равно, что воробей против ворона. Твои атаки против меня бесполезны и ты прекрасно должен это понимать. А теперь, посмотри на неё, — Люцифер, вновь, вошёл в меня, действуя, при этом, очень аккуратно и ласково, несмотря на силу, с которой он двигался во мне. — Пока, я с ней очень нежен, Саварис, — ещё одно сильное движение, лёгкий поцелуй в чешуйку чёрного драконьего крыла и я застонала, несмотря на всю мерзость ситуации. — Пока, она получает удовольствие, находясь подо мной. Но, если ты вмешаешься... За твоё вмешательство заплатит твоя дочь, а не ты. Её крики удовольствия превратятся в крики боли. А ты, всё равно, будешь вынужден смотреть на это. Так что, решай, Саварис, будешь ты исполнять мои приказы или нет. Если нет — будешь смотреть, как я истязую твою дочь самым жестоким и извращённым способом, который только можно придумать. Ну?

Взгляд Савариса хотел сказать Люциферу многое, но, вот, кинжал из его рук исчез и он тяжело, словно ломаясь, как старая кукла, опустился на колени. Он опустил глаза и произнёс каким-то глухим надтреснутым голосом:

— Я хочу попросить вас только об одном, повелитель. Пожалуйста, оставьте на сегодня Милену в покое.

— Нет, — ответил, нисколько не задумываясь, Люцифер. — Я не отпущу её до тех пор, пока не буду полностью удовлетворён. И я, вроде как, приказывал тебе смотреть, а не опускать глаза.

Последующие минут двадцать... или тридцать? Или, вообще, только десять минут? Я не берусь утверждать, сколько же, на самом деле, времени всё это длилось. Но, это самое время я бы хотела вычеркнуть из своей жизни навсегда. Я бы согласилась ещё раз пережить тот самый последний демонический бал, чем помнить глаза отца, смотрящие на меня, когда я, в очередной раз, отвечала на поцелуи Люцифера или когда я издавала стон наслаждения — пошлого, почти вынужденного, но, тем не менее, наслаждения.

«Лучше бы ты меня пытал, Люцифер! — с ненавистью думала я тогда, совершенно наплевав на то, что он слышит мои мысли. — Лучше бы ты с меня кожу живьём содрал, чем это!».

Тогда я, наверное, возненавидела Люцифера даже больше, чем Аббадона. Я прекрасно понимала, что он так нежен и ласков только для того, чтобы показать моему отцу, как мне хорошо с ним. Я понимала, что этим он хочет помучить отца. Я не понимала только одного — почему?

Наконец, Люцифер оставил меня. Я смогла, лишь, без сил рухнуть на кровать и закрыть глаза. Я не хотела видеть, каким взглядом смотрит на меня отец. Я боялась увидеть отвращение в его глазах. Я боялась увидеть, как он презирает меня за то, что я так легко поддаюсь ласкам Люцифера. Тогда я думала, что хуже этого и быть ничего не может.

— А теперь, выйди за дверь, Саварис, и жди меня там, — приказал Люцифер.

Отцу ничего не оставалось, как подчиниться. И он вышел. А я осталась наедине с Люцифером. Только тогда, когда я услышала хлопок двери, я открыла глаза и с ненавистью посмотрела на повелителя Преисподней.

— Ты же хочешь, Милена, чтобы я позволил твоему отцу остаться в Зиградене — с тобой? — спросил Люцифер, кажется, нисколько не задетый моей реакцией на него.

— Да, хочу.

— Он останется. Но, за это ты, кое-что, сделаешь.

— Чего вы хотите? — мне уже было всё равно, что он скажет — я была согласна на всё.

— Я хочу, чтобы ты не позволяла своему отцу ни обнимать тебя, ни ещё как-то к тебе прикасаться. Ты должна будешь отталкивать его от себя любыми способами. Мне неважно, какие причины ты будешь придумывать, но никаких нежных хороших родственных отношений между вами быть не должно. Слушай его советы по поводу управления Зиграденом, но в остальном относись к нему резко и негативно.

— Но... но почему, повелитель?!

Не знаю, зачем это было нужно Люциферу, но тут не надо было долго думать, чтобы понять, к чему приведёт такое моё поведение, которого от меня требовал демон. Отталкивать своего отца, негативно относиться к нему, не позволять даже обнять себя... Ни к чему, кроме отчуждения, это не приведёт! Это будет самый настоящий крах отношений между мной и моим отцом, которые только-только начали налаживаться! А ведь мой отец был единственным, кого я могла себе позволить любить. Единственный родной мне человек (точнее, демон), которому я хотела рассказывать всё и ничего от него не скрывать. Чтобы у меня был хоть кто-то, кто будет понимать меня. И вот, в одну секунду, все эти надежды и мечты рушились, благодаря Люциферу!

— Тебе не нужна эта привязанность, Милена, — ответил мне мужчина.

— Это вы так решили, повелитель? — я еле сдерживалась, чтобы не закричать.

— Да, это я так решил. Ты не должна тратить свою симпатию и время на посторонних.

— Он мне не посторонний! — я, всё-таки, сорвалась на крик. — Он мой родной отец! Ближе него у меня никого нет!

— Для демонов родственные связи мало, что значат, — равнодушно сказал Люцифер. — Тем более что ты не видела его восемнадцать лет.

— Вам показать, по чьей вине я не видела его восемнадцать лет, повелитель? — ядовито, спросила я.

— По его собственной, — отрезал демон. — И ты снова ведёшь себя слишком смело, Милена. Сколько же ещё мне придётся учить тебя послушанию?

После его последних слов, боль от одного из ошейников парализовала меня. Ни закричать, ни даже что-то пискнуть, я не могла. А Люцифер наклонился надо мной, с театральной заботой убрал прядь волос с моего лица, посмотрел на меня своими ледяными глазами и сказал:

— Мои приказы не обсуждаются, Милена. А твои отношения с Саварисом — это именно мой приказ. И ещё кое-что, — его рука коснулась «оков неволи». — Ты не расскажешь своему отцу о том, что я приказал тебе сделать.

Боль ушла, но тепло, исходящее от ошейника, дало понять, что последние слова правителя Ада — это приказ для «оков неволи» и что его не выполнить я точно не смогу. А это значит, что отец никогда не узнает, что моя внезапная смена настроения в его сторону — это не моё личное дело, а жестокий приказ Люцифера.

— Почему вы так жестоки со мной, повелитель? — мой голос предательски дрогнул от подступивших к горлу слёз. — Почему?

— Потому, что только я определяю, с кем ты можешь быть. Я отдал тебя Фероксу, я позволил Верховным демонам владеть тобой. Но, ты — моя, Милена. Запомни это раз и навсегда.

— Но, при чём при всём при этом мой отец? Он, в любом случае, не может мной владеть!

— Ты, правда, так думаешь? Поверь мне, у демонов, в отличие от людей, довольно

специфические понятия о родственных отношениях. И секс между близкими родственниками не такая уж и редкость.

— Мой отец никогда бы не сделал ничего из того, что вы имеете в виду!

— Ты очень плохо знаешь своего отца.

— Я знаю его достаточно, чтобы судить об этом, — возразила я, но уже тихим голосом, чтобы Люциферу, вновь, не пришлось в голову использовать на мне «оковы неволи» из-за моей «смелости».

— Считай, как хочешь, Милена, но моего приказа это не изменит. Я не позволю Саварису Кавэлли сблизиться с тобой.

После этих слов, мужчина вышел, оставив меня наедине со своей болью, переживаниями и порушенными надеждами.

Выйдя из спальни Милены, Люцифер жестом приказал Саварису следовать за ним в открывшийся портал, ведущий в Пандемониум.

Во дворце повелителя Преисподней эти двое разместились в одной из многочисленных комнат, оборудованной под кабинет. Сев в кресло и оставив Савариса стоять, Люцифер произнёс:

— Ты что-то хочешь мне сказать, Саварис?

— Милена — не Адалисса, — начал Саварис, избегая, при этом, смотреть на самого повелителя Ада. — Вы не можете проецировать на моей дочери те чувства, которые испытывали к ней, повелитель.

— А с чего ты взял, что я это делаю? Или ты считаешь, что я бы стал так относиться к Адалиссе?

— Если бы она позволила, то стали бы, — ответил Высший демон. — Но, Чёрная богиня не позволила бы. А вы...

— Ты ненавидишь меня, Саварис? — перебил мужчину Люцифер. — Ненавидишь меня за то, что я поимел твою дочь и твою возлюбленную, в одном лице, на твоих глазах?

— Вы и так прекрасно знаете ответ на свой вопрос, повелитель. Да, я вас ненавижу. Но, я хочу знать — почему Милена не помнит об Адалиссе?

— Потому, что Адалисса заперта глубоко внутри сознания Милены. И она будет заперта там до тех пор, пока жива твоя дочь. И Милена никогда о ней не вспомнит.

— Но, почему?

— Адалисса представляла угрозу для всех нас, и я избавился от неё. Но, говорить с тобой об этом я не намерен. Могу сказать только то, что если ты, хоть один единственный раз, при Милене упомянешь Адалиссу, я об этом, обязательно, узнаю. И тогда ты лишишься моего позволения находиться в Зиградене и, вообще, рядом со своей дочерью.

— Я понял вас, повелитель, — вынужден был сказать Саварис. — Я никогда и словом не обмолвлюсь о Чёрной богине.

— Ответь-ка мне вот на какой вопрос, Саварис. Как так получилось, что твоя дочь так поразительно похожа на Адалиссу внешне и откуда сама сущность Адалиссы оказалась в ней?

— Я не знаю, повелитель.

— Не знаешь? Очень слабо в это верится. Я мог бы выбить из тебя правду, но... так как Адалисса больше не вернётся, по большому счёту, это не имеет никакого смысла.

— Я, всё равно, не понимаю, зачем надо было вам сейчас так мучить Милену? Только

из-за того, что ваша возлюбленная ушла ко мне? Это — месть с вашей стороны?

— Можешь считать и так, Саварис. Только ты лицемеришь в том смысле, что ты испытывал тогда, когда видел, стонущую подо мной, свою дочь. Ты, на самом деле, считаешь, что я мучил её? — задал, как может показаться, странный вопрос Люцифер.

— О чём вы говорите, повелитель? — высший демон, впервые, за весь разговор, поднял глаза и посмотрел прямо на владыку Преисподней. — Вы не хуже меня знаете, что я еле сдержался, чтобы не напасть на вас.

— Но, вот, зачем именно ты хотел на меня напасть?

— Я... я не понимаю вас, повелитель!

— Всё ты прекрасно понимаешь, Саварис, — губы Люцифера скривились в усмешке, не затронув, при этом, лёд глаз. — Но, раз ты сам не хочешь признаваться, я скажу тебе, что я имею в виду. Тебя разозлило не то, что я занимался сексом с твоей дочерью. Тебя разозлило то, что я занимался сексом с твоей возлюбленной. Ты же сам хотел её, Саварис. Ты хотел, да и сейчас хочешь, свою дочь! Я чувствовал твоё возбуждение, когда владел Миленой. Ты хотел вмешаться не для того, чтобы прекратить всё это. Ты хотел занять моё место. Или скажешь, что я не прав?

Саварис промолчал. Ему нечего было сказать на это.

— Молчишь? Значит, я прав, — сделал вывод повелитель Преисподней. — И что же, интересно, подумает твоя драгоценная дочь, когда узнает, что её отец питает к ней далеко не родственные чувства? Что он, банально, хочет её трахнуть?

— Она не должна об этом знать! Прошу вас, повелитель, не говорите ей!

— Не скажу, если ты будешь выполнять мои условия. То есть, ты никогда и словом не обмолвишься об Адалиссе.

«А об остальном Милена позаботится сама, — подумал про себя Люцифер. — Она сама оттолкнёт тебя от себя, Саварис. И ты никогда не узнаешь — почему».

Глава 31.

— Милена грустит, — рядом со мной лёг салер и ткнулся в меня лбом.

— Милене бы сейчас забыть последний час своей жизни навсегда, — вздохнула я, приобнимая Блэка. — И забыть о приказе Люцифера тоже.

— Повелитель дал Милене плохой приказ? — с сочувствием, спросил демон.

— Да, очень плохой. Иногда, мне начинает казаться, что Люцифер, просто-напросто, меня за что-то ненавидит. Что он мстит мне за что-то, и я не понимаю — за что? Что я могла такого ему сделать? Ничего. Я всегда, лишь, следовала его приказам и желаниям.

— Ему, всего лишь, нравится мучить тебя. Вот и всё объяснение, — это сказал Лекс, зашедший вместе с Рейфом.

— Ты, правда, так думаешь, Лекс? — поинтересовалась я, отпуская Блэка. — А по мне, так отношение Люцифера ко мне слишком уж смахивает на что-то личное. Как будто я ему когда-то сделала пакость, о которой сама не помню.

— А тебе не кажется, Милена, что у тебя сейчас есть проблемы посерьёзней, чем отношение повелителя Преисподней к тебе? Ну, например, исполнение его же приказа по поводу светлых эльфов? — напомнил мне Мейснер.

— Да помню я об этом! Помню! — излишне резко, ответила я. — Я просто никак не могу понять, почему я должна терпеть всё это?! Почему я должна терпеть все эти унижения, издевательства, изнасилования?!.. Почему?! Ответь мне, Лекс!

— Потому, что ты слабая получеловеческая девчонка. Вот и всё, — ответил Лекс.

— И это — единственная причина?!

— Да. Ну, ещё потому, что ты очень явно показываешь своё неприятие ко всему происходящему с тобой. Это то, что нравится демонам (да и не только демонам) и то, что заставляет их измываться над тобой ещё больше. Ты же сама хочешь избавиться от этих чувств. Разве, нет, Милена?

— Да, хочу. Но... это не так-то просто сделать так сразу.

— Кстати, Милена, мне показалось или я, на самом деле, видел твоего отца? — спросил Лекс.

— Нет, тебе не показалось. Я сама велела Драйку привести его ко мне. И, как оказалось, очень зря.

— Почему?

— Потому, что как только пришёл мой отец, явился Люцифер.

— И он был недоволен присутствием Савариса здесь? — догадался киллер.

— Да, он был очень недоволен. Но, это не самое плохое. Он... — я запнулась, думая, рассказывать или нет о том, что здесь произошло.

— Милена, чтобы ты сейчас не рассказала — это не удивит, — с усмешкой, подбодрил меня Рейф. — Меня даже не удивит, если ты сейчас скажешь, что Люцифер заставил тебя переспать с родным отцом.

— Тьфу на тебя, Рейф! — с ужасом, посмотрела я на гипнотизёра. — До такого Люцифер, всё-таки, не дошёл. Люцифер сам переспал со мной и заставил моего отца смотреть на это.

— И это всё? — с явным разочарованием, произнёс Рейф.

— А тебе мало?! — разозлилась я. — А вот мне этого, вполне, хватило! Я теперь не знаю, как, вообще, смогу посмотреть в глаза моему отцу. Я показала себя с отвратительнейшей стороны! Несмотря на весь ужас ситуации, я... я получила удовольствие от секса с Люцифером. Я стонала от наслаждения в то время, как мой отец вынужден был стоять на коленях и слушать... и смотреть!

— Милена не виновата! — вмешался в разговор Блэк. — Повелитель, если захочет, сможет заставить абсолютно любую женщину получить удовольствие, независимо от ситуации или желания!

— Слабое какое-то утешение, — невесело усмехнулась я. — Это может означать, лишь, то, что я слишком слаба, чтобы противостоять Люциферу даже в таком. А самое поганое — это то, что я даже поговорить со своим отцом нормально теперь не смогу.

— Из-за чего? — несколько удивился Лекс. — Из-за того, что тебе стыдно перед ним?

— Нет, — отрицательно покачала я головой. — Хотя... и из-за этого тоже, но главная причина не в этом. Главная причина — это приказ Люцифера. Он приказал мне резко и негативно относиться к нему. Он мне приказал не позволять отцу обнимать меня. Он сказал, что между нами не должно возникнуть хороших чувств и отношений. И, разумеется, ни о каких разговорах, так сказать, по душам, и речи быть не может.

— Но, почему? — видимо, даже Лекс не видел в этом логики.

— Откуда мне знать?! — огрызнулась я. — Откуда мне знать — почему и за что?! Может, это очередной такой садистский способ поиздеваться надо мной?! Он, вроде как, позволяет моему отцу быть рядом со мной и, одновременно, не даёт подойти к нему. Это, всё равно, что положить перед, умирающим от жажды, человеком бутылку холодной воды и разрешить только смотреть на неё. Как... как Люцифер мог дать такой приказ? Он, ведь, прекрасно знает, что отец — это единственный близкий мне человек.

— Поэтому, наверное, и дал, если знал, — предположил Мейснер. — Но, даже если и так, ты, всё равно, ничего не можешь изменить, Милена. А что это значит? А это значит, что ты не должна заикливаться над тем, что тебе неподвластно. Можешь, конечно, если так сильно хочется, порыдать пару часов, но потом я бы посоветовал тебе вплотную заняться проблемой светлых эльфов. Ты же помнишь, что тебе сказали по поводу этого задания? Что если ты сможешь его выполнить, то получишь уважение демонов?

— Я помню об этом. И я займусь этим заданием. И рыдать я не хочу. Точнее, может, и хочу, но не буду. Хватит. Нарыдалась уже. Да и прав ты, Лекс. Нужно заняться тем, что мне подвластно.

На этом, разговор был закончен, и в последующие два дня я занималась тем, чем и планировала. Я штудировала книги о светлых эльфах, занималась с Драйком, размышляла о том, как можно уговорить Ферокса... Странно, но за всё это время я не видела снов ни о Дайоне, ни о Кэтэрине. И своего отца я ни разу не видела и, наверное, это было к лучшему. Я, до сих пор, не знала, как буду с ним разговаривать, как буду смотреть на него... Мне казалось, что когда мы с ним встретимся, случится катастрофа. Ведь, он узнает, что я, вовсе, не хочу устанавливать с ним какие-либо отношения. По крайней мере, так это будет выглядеть. И я ничего не смогу ему рассказать. Поэтому, я была только рада, что наша встреча откладывается на неопределённый срок. А тем временем, приближался момент исполнения клятвы, данной Аббадону...

В тот день я с самого утра была на нервах. Я, конечно, знала, что Астарта мне поможет, так как она приняла эту помощь мне, как «равноценный обмен» за Рейфа и не исполнить это обещание она не может. Но, нервозность и волнение никуда не уходили. Для меня, просто увидеть Аббадона — это уже было сродни стрессу. А стоило мне только представить, как я буду его просить... Меня передёргивало от отвращения и, чего уж греха таить, страха.

«И как только Лилит могла себе представить, что страх перед ним, я могу превратить в желание? — размышляла я. — Меня воротит только от одной мысли, что я могу оказаться в его постели! Да я даже на Асмодея или Абигора согласна в большей степени, чем на демона бездны!».

Я до такой степени ушла в свои мысли, что не заметила, как рядом со мной материализовался Рейф. Обратила я на него внимание только тогда, когда его клыки вцепились в моё запястье.

— Совсем уже обнаглел?! — возмутилась я, вырывая руку из его «пасти».

— Ты была в такой прострации, что не воспользоваться этим было бы просто неприлично, — ухмыльнулся Рейф, а, затем, взял меня за раненую им руку. — Ну, я же, всё равно, уже укусил. Тебе жалко?

Я одарила его самым мрачным взглядом, на который только была способна. Но, руку не отобрала. В конце концов, он был прав — всё равно, уже укусил. Да я и сама была виновата — это же надо было задуматься до такой степени, чтобы не заметить присутствие этого ненормального.

— Знаешь, Рейф, я давно хотела тебя спросить, — начала я, когда гипнотизёр закончил с «трапезой». — Ты официально являешься психом или ты просто по жизни такой?

— С чего это, вдруг, ты спрашиваешь о таком, да ещё и после такого продолжительного пребывания вместе? — мужчина был несколько удивлён.

— Просто стало интересно, — пожав плечами, ответила я, про себя решив, что разговор с Рейфом — это неплохой способ отвлечься от неприятной мысли — к кому в гости мне сегодня идти.

— Ну, если, действительно, интересно... Вроде, валяется у меня где-то справка о моей психической невменяемости, — совершенно спокойно, сообщил Рейф. — А самая первая такая бумажка у меня появилась ещё в детстве, когда мать отвела меня к детскому психиатру.

— Твоя мать? — у меня как-то в голове не укладывалось, что у такого, как Рейф, могла быть мать.

— Да, моя мать. Меня же не в капусте нашли. А отвела она меня к врачу из-за того, что ей показалось, что я... излишне жесток.

— Ты препарировал лягушек и отрывал насекомым лапки и головы? — предположила я.

— О, нет. Насекомых я никогда не трогал. Так же, как и котят и щенков. Мне нравилось мучить детишек помладше. Мне нравилось пугать их, издеваться над ними... Мне нравились их крики, плач... Мне было забавно смотреть, как они смешно дрыгают своими ножками, когда ты их душишь, обездвигив, при этом, их ручонки.

— Я поняла — ты псих с детства! — подвела я итог.

— Видимо, да, — не стал спорить Рейф. — А меня, после всех этих действий, стали бояться не только мелкие детишки, но и ребята постарше, взрослые... Мать сказала, что это ненормально — получать удовольствие от такого и отвела меня к психиатру, который и поставил мне диагноз — шизофрения. Причём, наследственная.

— Наследственная? — переспросила я, с изумлением. — То есть, твоя мать...

— Не мать. Отец. У него была вялотекущая форма шизофрении. У него бывали... приступы помутнения. И, в один из этих приступов, он покончил с собой. Перерезал себе вены. Матери в тот момент дома не было, но был я. В один момент отец просто молча встал из-за стола, за которым мы с ним сидели, и ушёл в ванную. Он долго оттуда не выходил, и я зашёл проверить. Отец был мёртв. Он лежал в ванной, заполненной водой и его кровью. А мать вернулась домой только часов через шесть. Находиться шесть часов рядом с трупом своего отца... непередаваемые ощущения!

— Сколько лет тебе тогда было? — спросила я, дрогнувшим голосом (всё-таки, не получалось у меня это всё выслушивать спокойно).

— Четыре года, — ответил Рейф, затем, посмотрел на меня и, неожиданно, расхохотался. — Только не говори мне, Милена, что тебе меня жаль! Это же смешно!

— Нет, мне не жаль тебя, — сказала я. — Жалость, вообще, плохое чувство для мира демонов, но... Скорее, мне жаль не тебя, а того четырёхлетнего ребёнка, который был вынужден просидеть вместе с трупом шесть часов. Тот ребёнок вызывает у меня чувство жалости, но ты, такой, какой ты есть сейчас — нет. Хотя, наверное, тот случай и отразился на твоей психике.

— Не знаю — отразился или нет. Мать считала, что — да.

— А где сейчас твоя мать?

— Мёртва. Я её убил, — заявил Рейф.

— Почему? За что? — в шоке, уставилась я на него.

— Она мне надоела. К тому же, мне надо было испробовать на ком-то способности к гипнозу, которые я в себе открыл. Поэтому, я внушил ей, что неплохо бы было прогуляться ночью, по пустырю, который облюбовали своры бродячих собак. Они и до этого нападали на людей и в этот раз не заставили себя долго ждать. Я сидел на дереве и смотрел, как собаки рвут мою мать на части. Она орала, отбивалась, пыталась звать на помощь... Но, рядом с тем пустырём никто не жил и её криков никто не услышал. Никто, кроме меня. Было так смешно смотреть на то, как она пытается спастись! — лицо Рейфа исказила безумная улыбка, от которой у меня мороз прошёл по коже.

— И ты устроил своей родной матери такую жуткую смерть только потому, что она тебе... надоела?! — я, конечно, знала, что Рейф ненормален, но чтобы до такой степени...

— Да. Потому, что она мне надоела. Она бесила меня своими нравоучениями, лекциями... Она заставляла меня принимать какие-то психотропные лекарства и ходить на эти дурацкие сеансы психотерапии. Она запирала меня дома и запрещала общаться с другими детьми (по одной простой причине, что знала, чем для детишек закончится знакомство со мной). Мать постоянно твердила, что обижать слабых — плохо. Что я не должен этого делать. В конце концов, всё это вывело меня из себя. Ты с таким осуждением смотришь на меня, Милена! — с усмешкой, сказал он. — А что, интересно, ты ожидала услышать? Душещипательную историю о мальчике, которого обижали в детстве? У которого родители были алкоголиками и постоянно избивали, в результате чего он обозлился на весь мир? Или, например, историю о ребёнке, который был изгоем в школе, и над ним издевались сверстники, и ни одна девка не позволяла ему залезть себе под юбку? Жаль тебя разочаровывать, но это всё не про меня.

— Зря я спросила тебя про всё это, — вздохнула я, отворачиваясь — единственное, о чём я сейчас сожалела, так это о том, что завела этот разговор. — Ты просто ненормальный,

Рейф.

— Да, я ненормальный, — легко согласился Рейф. — Я псих и шизофреник. Но, а что насчёт тебя, Милена?

— А что насчёт меня?

— Ты считаешь себя нормальной? — Рейф схватил меня за плечи и резко развернул к себе лицом, смотря мне в глаза. — Ты, правда, думаешь, что психиатр не поставит тебе никакой диагноз, приди ты к нему? Ты забываешься в ощущении боли. Ты бьёшь зеркала, изрезая себе руки в кровь, ненавидя своё отражение. Ты начинаешь получать удовольствие от жёсткого, местами жестокого и кровавого, секса. Ты растворяешься в моём безумии, чтобы окончательно не сойти с ума самой. А если бы у тебя не было своего безумия, ты бы не смогла так легко чувствовать моё. Ты сама, Милена, не более нормальна, чем я.

— Может быть и так, — не стала я отрицать. — Но, я не такая, как ты.

— Не такая?! — в комнате, вновь, раздался смех безумца. — Не будь слепой! Мы оба, с удовольствием, убили бы друг друга, если бы была такая возможность! Хотя, я бы это сделал более... извращённым способом. Мы оба — звери, запертые в одной клетке, которые вынуждены сосуществовать друг с другом!

— Ты сосуществуешь со мной с большей радостью, чем я с тобой, — заметила я, не желая признавать того, о чём говорил гипнотизёр (хотя, где-то глубоко внутри я понимала, что в чём-то этот псих прав — я тоже уже была, отчасти, безумна).

— Потому, что мне нравится смотреть, как ты мучаешь себя, не желая признавать своей собственной природы, — ответил Рейф. — Мне нравится самому тебя мучить своими действиями, словами... И, разумеется, мне нравится твоя кровь. Поэтому я, вполне, могу смириться с тем, что не могу разорвать тебя на части.

— И как же я ещё не плюнула на свою собственную жизнь и не прикончила тебя? — с деланным изумлением посмотрела я сама в его бирюзовые глаза.

— Потому, что тебе очень хочется жить, — ухмыльнулся Рейф, отпуская меня. — Вот и всё объяснение. Кстати, Милена, а тебе куда сегодня не надо идти? День-то к концу подходит.

Мне, действительно, уже пора было идти. По человеческому времени, до полуночи оставалось, всего, несколько часов. А если я приду после полуночи, с Аббадона станется сказать, что клятву я не исполнила, ведь, фактически, день прошёл. Так что, откладывать больше уже было нельзя. Да и этот разговор с Рейфом... Я была рада, что он закончился. После этого разговора остался очень неприятный осадок. Надеялась ли я услышать, на самом деле, историю о тяжёлом детстве, с издевательствами и родителями алкоголиками? Да, надеялась. Мне казалось, что это просто невозможно, чтобы Рейф стал таким сам по себе. Возможно, тогда я бы, отчасти, смогла его оправдать. Скажете: «Но, ведь, его оправдывает его болезнь — шизофрения Разве, нет?». Я так не думала. Рейф был слишком умным и, иногда, очень логичным человеком, пусть и маньяком-извращенцем. Он прекрасно отдавал себе отчёт во всех своих действиях. Я, вообще, сомневалась, что он, на самом деле, болен шизофренией. Ведь, этой болезнью и справкой о ней, так здорово прикрываться, совершая преступления. Тем более, если ещё и в роду были шизофреники. Но, даже если это и не так... если Рейф, на самом деле, болен... Я, всё равно, не могла его оправдать. А его слова обо мне? Он сказал, что я такая же, как он. Это бесило и злило. Бесило, большей частью, потому, что я чувствовала, что Рейф прав если и не во всём, то в части. Безумие... оно во мне есть — я знаю. Много или не много — это уже другой вопрос. Но, оно есть и этого не

изменить. Что я могла сказать в своё оправдание? Только то, что меня довели до такого состояния. Слабое оправдание, но всё же...

— Госпожа Милена, мне отвести вас к демону Аббадону? — передо мной возник Драйк, лишив меня возможности дальше размышлять о своём психическом здоровье.

— Нет, Драйк, — отказалась я. — Просто сделай мне портал в его дворец, а дальше я сама разберусь.

— Как прикажете, госпожа.

Астарту я не стала предупреждать. Я знала, что если Верховная демонесса захочет, она сразу узнает — пошла я к Аббадону или нет. Хотя я, всё равно, боялась, что она может передумать. Да, умом я понимала, что этого не будет — демоны жёстко чтят правило «равноценного обмена» и от своих слов владычица мёртвых душ не откажется, но... Мой страх говорил другое. Он говорил, что Верховная демонесса не придёт, что она не заберёт меня. И я останусь у Аббадона, который, я была уверена, придумает, что со мной сделать.

«Успокойся, Милена, — приказала я себе. — Даже если Астарта, вдруг, и не придёт, тебе, всё равно, придётся идти к Аббадону. Ты должна выполнить клятву, во чтобы то ни встало».

Драйк сделал портал, как я и приказала. Оставалось только шагнуть в него, и я окажусь у Аббадона. Всего один шаг, а казалось — пропасть. Мне было страшно. Дико страшно! И сколько бы я не обзывала сама себя последними словами — это не помогало. Аббадон... Мои страхи и ненависть во плоти. Тот, кого я, до этого дня, ненавидела больше всех (если бы не поступок Люцифера, то, до сих пор, был бы на первом месте). И тот, к кому я сейчас должна была пойти по собственной воле, надеясь лишь на то, что меня спасёт другой Верховный демон, в лице Астарты.

«От одного Верховного демона спасаемся с помощью другого, — с иронией, подумала я про себя. — Рассказать кому — не поверят!» — и я шагнула в портал.

«Мрачноватое место» — была моя первая мысль, когда я вышла из портала.

Я стояла перед дворцом Аббадона. Чувства, которые вызывал вид жилья демона бездны были, отнюдь, не радостными. Самый настоящий замок из фильмов ужасов. Чёрный, готический... Не вызывающий ни малейшего желания зайти внутрь, а скорее, наоборот.

«Хоть, желания и нет, а надо» — вздохнула я про себя, открывая дверь во дворец.

В огромном зале, видимо, замещающего холл, меня встретил слуга, который сказал, что его хозяин приказал отвести меня к нему. Я последовала за ним.

«И почему я не удивлена, что это — спальня?» — со злостью, подумала я, когда демон-слуга привёл меня к Аббадону.

М-да, спальня-то, на вид, была шикарная: большая кровать, роскошная мебель, мягкие ковры... Совсем не такого ожидаешь, когда видишь дворец Верховного демона. Но, эта обстановка радует глаз только в том случае, если вы не знаете её хозяина. А я его знала прекрасно. Я знала, что стоит Аббадону сюда кого-то привести, как вся эта шикарная мебель и всё остальное, будет испачкано кровью несчастной жертвы. Я просто не могла представить, чтобы Аббадон получал удовольствие от секса, без мучений своего партнёра. Правда, если верить Лилит, то у демонов это просто заложено в природе.

— А я уже начал думать, что ты решила не исполнять клятву, Милена, — произнёс Аббадон, довольно улыбаясь, сидящий в кресле и обнажённый по пояс.

— Ты и сам прекрасно знаешь, что я не могу стать клятвотступницей, — резко ответила я, но, сама хорошо слышала, что в этом резком ответе, пусть и не отчётливо,

слышался страх.

— Боишься меня, Милена? — от Аббадона это, разумеется, не скрылось.

— Было бы глупо отрицать очевидное, — не стала я скрывать то, что понятно было и слепому.

Аббадон встал и приблизился ко мне. Я смотрела на него снизу вверх, впиваясь ногтями в свои ладони, пытаюсь подавить желание наплевать на клятву, развернуться и убежать.

«Как его можно хотеть?! — вспомнила я в тот момент Лилит. — Этот мужчина не может вызвать ничего, кроме ужаса и ненависти! Какое уж тут сексуальное желание!».

— Обожаю этот твой взгляд! — засмеялся демон. — Взгляд испуганного затравленного зверька!

Смех и слова Верховного демона меня разозлили. Разозлили настолько, что даже чувство страха притупилось. Теперь, я смотрела я на демона бездны по-другому. И судя по тому, что его улыбка превратилась в оскал, такие перемены ему не понравились.

— Что? Взгляд, полный злости, тебе не нравится, Аббадон? — поинтересовалась я.

— Что твой страх, что твоя злость... Ни одно из этих чувств тебе не поможет и не спасёт! — как рассерженная змея, прошипел Аббадон.

— Да, не спасёт. Но, страх для тебя был бы предпочтительнее, верно?

— Не торопись, Милена. Наша встреча только началась. Я ещё успею вернуть на твоё лицо эмоции ужаса и беспомощности. А теперь, не пора ли тебе сделать то, зачем ты пришла?

«Пережить одно унижение и уйти отсюда, — попыталась я сама себя утешить. — Один раз унизиться перед этим ублюдком и всё. После этого, я уверена, Астарта меня заберёт отсюда».

— Я... я прошу тебя, Аббадон... Я прошу тебя, чтобы ты... — слова давались с трудом, и я не могла заставить себя сказать то, что должна.

— Ну же, Милена. Это же так просто — попросить, чтобы тебя трахнули, — с издёвкой, произнёс Аббадон.

— Я прошу тебя овладеть мной! — на одном дыхании, выпалила я. — Всё! Я исполнила клятву, Аббадон!

— Говоришь, исполнила клятву? С чего ты это взяла?

— А, разве, где-то в клятве говорилось, что я, на самом деле, отдамся тебе? Там сказано только то, что я попрошу об этом, — заявила я, делая шаг от мужчины.

— Сама догадалась об этом или кто сильно умный подсказал? — несколько не удивившись и не отрицая, поинтересовался Аббадон, пока не делая попыток поймать меня.

— Подсказали. А кто — не имеет значения.

— И ты думаешь, что после такого заявления можешь просто развернуться и уйти? — весело спросил Верховный демон. — Думаешь, что я тебя так просто отпущу? О нет, Милена! Хочешь ты того или нет, я тебя сегодня хорошенько трахну!

«Где же Астарта? — думала я, смотря, как Аббадон, уверенный в том, что я никуда не денусь, медленно, почти лениво, приближается. — Неужели, она меня, всё-таки, обманула?».

— Какой же ты грубиян, Аббадон! Нельзя же так с девушками! — раздался чей-то голос.

— А тебе что здесь понадобилось, Астарта?! — демон бездны совсем не был рад появлению владычицы мёртвых душ (зато, как была рада я).

— Да ничего такого, — сказала Астарта, несколько не испугавшись злобного вида

Аббадона. — Пришла Милену забрать.

— Я ослышался?! — кажется, такой свирепости в голосе демона разрушений я ещё не слышала. — Повтори-ка ещё раз — зачем ты сюда пришла?!

— Забрать Милену, — повторила Верховная демонесса. — А что? Ты имеешь что-то против?

— А по какому это праву ты решила, что можешь забрать её у меня?

— Ну, во-первых, она тебе не принадлежит. Она никому из нас не принадлежит, если уж на то пошло. Милена Кавэлли принадлежит, лишь, нашему повелителю и повелительню драконов. А во-вторых, я выполняю условия равноценного обмена. Как ты понимаешь, Аббадон, главная причина — это вторая, — закончила свой монолог Астарта.

— Мне плевать, что у вас там был за равноценный обмен, и на каких условиях! — злости в голосе Аббадона, с лёгкостью, хватило бы на то, чтобы повергнуть большую армию в состояние ужаса и бегства. — Я и сам прекрасно знаю, чьей собственностью является Милена! И, насколько мне известно, в данный момент, ни первый её хозяин, ни второй на неё не претендует! А это значит, что я могу сейчас с ней делать всё, что захочу! И ни ты, ни кто-либо другой мне в этом не мешает!

«А что, если у Астарты, действительно, ничего не получится? — закрались в мою душу сомнения. — Они оба — Верховные демоны и я, совершенно, не представляю, кто из них сильнее. А если они будут сражаться? Хотя, нет. Вот это — точно глупость полнейшая. Астарта не станет из-за меня сражаться с Аббадоном. Я не такой уж и ценный приз».

— Извини, Аббадон, но... — Верховная демонесса щёлкнула пальцами и я, как по волшебству, оказалась в её руках. — Я всегда выполняю условия своих обменов и клятв. И этот равноценный обмен, из-за тебя, исключением не станет. Мне всё равно, что ты будешь делать с ней завтра или послезавтра, но сегодня я её забираю.

Астарта шагнула в мгновенно сотворённый ею портал, потянув меня за собой. И портал захлопнулся прямо перед носом взбешённого Аббадона!

— А он сейчас сюда не заявится? — спросила я Астарту, видя, что мы находимся в её дворце и зная, что порталы можно легко отследить (по крайней мере, тем, кто владеет магией).

— Нет, не заявится. Мой дворец сейчас находится под щитом, который не позволит другим Верховным демонам прийти ко мне без приглашения. Конечно, Аббадон может сделать портал рядом с моим дворцом, а затем пройти пешком, но... Такое ему гордость не позволит — уж я-то его давно знаю.

— Хорошо, если так. В любом случае, я вам благодарна, госпожа Астарта, — я склонилась перед Верховной демонессой. — Если бы не вы, неизвестно — чем бы закончился для меня этот день.

— Я, всего лишь, исполняла условия равноценного обмена, — ответила Астарта. — Так что, больше я тебе ничего не должна, Милена.

— Полностью согласна с вами, госпожа Астарта. А теперь, я хотела бы вас покинуть.

— Ты не можешь этого сделать.

— Почему?

— А я, разве, говорила тебе, что после того, как заберу тебя от Аббадона, я позволю тебе уйти? — поинтересовалась владычица мёртвых душ.

— Нет, но... Зачем я вам ещё нужна?

— Ты нужна не мне. Ты нужна одному из своих покровителей — Абигору. Так что, я

отправлю тебя к нему.

— А Абигор-то здесь, каким образом взялся? — с изумлением, спросила я. — Да и откуда он узнал, что я буду у вас?

— Я ему об этом сказала, — как ни в чём не бывало, ответила Астарта.

— Вы? Но, зачем? Вы же сами говорили, что среди демонов друзей нет.

— Здесь дело не в дружбе. Это просто была взаимовыгодная сделка. У Абигора находится одна вещь, которая мне очень была нужна. И демон войны согласился мне её отдать взамен того, что ты сегодня окажешься у него во дворце, — объяснила свой поступок демонесса.

— С чего вы, изначально-то, решили, что он согласится на такое? — не поняла я.

— Верховным демонам известно, Милена, что после последнего приказа повелителя, в отношении тебя, ты будешь, при любой возможности, запирается в своём Зиградене. И достать тебя оттуда будет довольно проблематично даже для нас, из-за особого статуса твоего города в мире демонов. Соответственно, надо пользоваться любой возможностью, пока ты в Пандемониуме.

— Я поняла, госпожа Астарта, — обречённым голосом, произнесла я.

Я понимала, что встречи с Абигором мне точно не избежать. Если с Аббадоном мне ещё крупно повезло, то на этом моё везение заканчивалось. Отказаться я не могла, перечить Астарте — тоже. Да и если воспринимать желание демоны войны — увидеться со мной — как его приказ, то тут тоже для меня была засада. Не выполнить приказ Верховного демона... Я знала, что если я это сделаю, мне будет очень плохо. Поэтому, когда открылся портал во дворец Абигора, я, без разговоров, вошла в него.

— Зачем ты хотел меня видеть, Абигор? — был первый мой вопрос, когда я увидела демона войны.

— А у самой какие догадки? — спросил демон войны, оказавшийся, как и в прошлый раз, в помещении, напоминавшем рабочий кабинет.

— Оральных ласк захотелось? — предположила я.

— Заманчивое предложение, — усмехнулся Абигор. — Может быть, потом и займёшься этим. Но, в начале, я хочу поговорить с тобой.

— Поговорить? — несказанно удивилась я. — О чём же?

— Я хочу поговорить с тобой о твоём задании, касаясь светлых эльфов, — ответил демон войны.

Этот его ответ озадачил меня ещё больше!

— И что же ты хочешь? — с осторожностью, спросила я (а интуиция уже, всюю, кричала, что этот разговор приведёт меня к крупным неприятностям).

— Ты же понимаешь, почему именно тебе дали это задание?

— Потому, что повелитель хочет, чтобы всё выглядело так, словно демоны в этом деле не при чём, — ответила я. — Из-за этого, через меня, он хочет задействовать драконов.

— Совершенно верно. Мир демонов не участвует ни в какой войне уже двадцать тысяч лет. С тех самых пор, как мы подписали мирный договор с Небесами. И, честно говоря, этот мир мне надоел. Развязывать войны между людьми уже давно стало скучнейшим делом. Человеческая раса слишком просто и легко поддаётся на любые провокации. Им достаточно любой, самой глупой причины, чтобы они устроили бойню между собой.

— К чему ты ведёшь, Абигор?

— Мне нужна война, Милена! Мне нужны сражения! Я хочу слышать крики и мольбы о

пошаде своих поверженных врагов! Того, чего я лишён уже двадцать тысяч лет!

То, с какой злостью говорил об этом Абигор... То, каким возбуждением горели его глаза... Он выглядел, до ужаса, похожим на Рейфа, когда тот хотел крови.

— Но, ты же убиваешь постоянно своих врагов. Вспомни, хотя бы, светлую эльфийку, — напомнила я ему.

— Светлая эльфийка?! — рассмеялся Абигор. — Та идиотка?! Она была не врагом, а жертвой. Жертвой, которую забавно мучить. А это совсем не то, что мне сейчас нужно. Я хочу настоящих сражений! Настоящей бойни и войны!

— Но, при чём здесь я и моё задание? — не могла понять я.

— Ты же, наверняка, будешь участвовать в нападении на светлый лес? — вместо ответа, поинтересовался демон войны. — Или, в крайнем случае, там будет кто-то из твоих чешуйчатых друзей. Так вот, я хочу, чтобы ты сделала так, чтобы эта вещь оказалась на территории светлых эльфов.

Абигор кинул мне какую-то небольшую вещь и я, машинально, её поймала. В моих руках оказался массивный медальон на тонкой и чёрной, как уголь, цепи. Сам медальон выглядел, как пятиконечная звезда с кроваво-красным камнем посередине.

— Что это? — испуганно спросила я (чтобы это ни было, но у меня возникло ощущение, что я держу в руках гадюку).

— Ничего особенного, — сказал демон войны. — Просто знак тех, кто служит лично кому-то из Верховных демонов. Знак личного слуги.

— И зачем его надо оставить на территории светлых эльфов?

— Чтобы эльфы знали, что демоны замешаны в нападении на них. В мире людей это назвали бы уликой. Медальон можешь оставить, где угодно — в траве, на дереве... Его найдут в любом случае — от него очень сильно исходит демоническая энергия, которую эльфы не переносят. А найдя демоническую вещь в светлом лесу, эльфы, тут же, сообщат об этом своим союзникам — ангелам. А те, вряд ли, будут выяснять, кто именно принёс этот медальон. Эти белокрылые ублюдки, сразу же, обвинят во всём демонов. И тогда... мирному договору между Небесами и Адом придёт конец, — закончил свою мысль Абигор.

— Ты хочешь развязать войну! — в шоке уставилась я на него.

— Верно, — кивнул Верховный демон.

— Но, это же... это будет вопреки приказу Люцифера! Повелитель не хочет войны!

— Повелитель просто тянет время. И, по мне, так слишком долго.

— Всё равно... ты хочешь, чтобы я нарушила его приказ. Не ты, а именно я! Ты знаешь, что со мной может сделать повелитель, если узнает об этом (даже не «если», а «когда»). Да я, вообще, пожалею, что на свет родилась!

— Убить он тебя, всё равно, не убьёт. Но, если ты сделаешь, как я сказал, я подарю тебе возможность увидеться со своим погибшим возлюбленным. Как думаешь, нарушение приказа Люцифера стоит того?

— Ты можешь сделать так, чтобы я встретила с Каем?! — я не могла поверить своим ушам.

— Да, могу. Не с ним во плоти, конечно, а с его душой. Ну, так что? Встреча с любимым стоит того, чтобы, ради этого, уничтожить и так шаткое перемирие?

Я не знала, что ответить. Будь я проклята, но я не знала! Если Абигор и правда может дать мне такое счастье, как разговор с Каем... Ради этого я была согласна на многое. На пытки, истязания!.. Я была согласна сама кого-нибудь пытаться или даже убить! Всё ради того,

чтобы ещё, хоть один раз, увидеть Кая! Но, нарушить приказ Люцифера? Развязать войну между Небесами и Адом, от которой погибнут очень и очень многие? Способна ли я на такой ужасный и эгоистичный поступок? Да ещё и зная, что Люцифер, наверняка, будет очень зол?

— Почему я должна верить тебе, Абигор? — наконец, произнесла я. — Почему я должна верить, что ты, на самом деле, сделаешь то, о чём говоришь?

— Я могу дать тебе клятву Тьмой, — ответил Абигор, чем окончательно ввёл меня в состояние крайнего шока, ведь, такую клятву не мог нарушить даже он.

— Ты готов пойти так далеко только ради того, чтобы началась война?

— Я пойду ещё дальше, если потребуется, — спокойно сказал демон войны. — И ещё кое-что... Если ты не сделаешь то, что я сказал... Кажется, у тебя, в мире людей, осталось несколько, так называемых, друзей? По твоему испуганному лицу вижу, что осталось! — со смехом, произнёс Верховный демон. — Так вот, если ты этого не сделаешь, то головы твоих друзей украсят мой дворец. Будешь приходить любоваться ими. В этом я тоже готов поклясться Тьмой.

— Но, это же бред собачий! — не выдержала я. — Ты хочешь наказать меня за точное исполнение приказа повелителя?! Да меня, получается, в любом случае, ждёт наказание! Либо с твоей стороны, либо со стороны Люцифера!

— Ради того, чего хочешь, приходится чем-то жертвовать. Подумай, Милена, что для тебя дороже? Жизни твоих драгоценных друзей и встреча с любимым или хлипкий мир, который, всё равно, долго не продержится?

— А если я расскажу повелителю о твоём плане?

— Рассказывай. Но, учти, что после этого он может, напрямую, запретить тебе выполнять то, о чём я тебя прошу, и тогда жизням твоих друзей придёт конец.

— Да почему ты сам-то этого не сделаешь?! Почему ты не развяжешь эту войну своими руками?!

— Потому, что мне, как раз, повелитель запретил это делать напрямую.

— Поэтому, ты хочешь сделать это чужими руками, да? Но почему именно я-то?! Прикажи это кому-нибудь из своих слуг!

— Всем чистокровным демонам дорога в светлый лес закрыта по приказу повелителя. Да и полукровкам — тоже. Только ты сможешь там оказаться в ближайшее время.

— Но это же просто самая натуральная подстава! — не удержалась я от выражения.

— Терпеть не могу, когда кто-то использует человеческий жаргон, — недовольно произнёс Абигор.

— А это по-другому и не назвать! Подстава — она подстава и есть! Ты вынуждаешь меня к неподчинению Люциферу, зная, что он за это может со мной сделать! И ты не оставляешь мне никакого выбора!

— Почему же — не оставляю? Выбора у тебя целых два — либо сделать, либо нет.

— Ага, и, при этом, ты говоришь, что убьёшь моих друзей, если я этого не сделаю! Ну, просто «замечательный» выбор! — с сарказмом сказала я.

— И, при этом, если ты это сделаешь, то увидишься с тем, кто тебе очень дорог. Так что, всё честно. Времени на «подумать» у тебя целая неделя. Решай. А сейчас, иди-ка ко мне.

Вот, что бы вы ему ответили на это? Послали бы, развернулись и ушли? Наверное, это было бы правильно. По крайней мере, с моральной точки зрения. А с точки зрения здравого смысла? Думаю, нет. И я поступила так, как велел мне здравый смысл. Я осталась с

Абигором.

Глава 32.

Я вышла из дворца Абигора примерно через час. Как я себя чувствовала? Отвратительно. Выполнять сексуальные прихоти демона войны то ещё удовольствие. Хотя, беспокоило меня сейчас совсем не это. Беспокоил меня медальон с красным камнем, тяжёлым грузом висящий на моей шее. Я не имела ни малейшего понятия, что мне делать дальше. Подчиниться Абигору, развязать войну между ангелами и демонами и тогда встретиться с Каем? Или проигнорировать Верховного демона и тогда получить головы Николь и Лави во дворце демона войны? Неизвестным было и то, как отреагирует Люцифер, если из-за меня начнётся война. Был, конечно, ещё вариант сразу всё рассказать Люциферу. Но, в таком случае мои друзья, точно, умрут. И ещё меня мучила мысль, что я могу потерять свой единственный шанс увидеть Кая. А мне этого так хотелось! Хотелось посмотреть на него, сказать ему, как я его люблю; рассказать Каю, что у нас будет ребёнок!.. Пусть наша встреча и продлится, всего, несколько минут или даже мгновений, но... мне бы этого хватило! Правда!

«Но, война между ангелами и демонами не сможет не отразиться на мире людей, — шепнут, отвратительно правдивый, внутренний голос. — Ты, ведь, прекрасно это понимаешь, Милена. Не так ли? Или из-за своего эгоистичного желания увидеть Кая и сохранить жизнь подругам, ты готова пожертвовать, возможно, всем человечеством?».

Да, я знала, что случилось с людьми в первую войну между Раем и Адом. Читала об этом. Тогда, из-за того, что большинство битв проходило именно в человеческом мире, почти все люди были истреблены, а тогдашняя цивилизация уничтожена. Война между ангелами и демонами обернулась гибелью для всего, что люди создавали веками. Прошли тысячелетия прежде, чем человечеству удалось вернуть уровень цивилизации, который был у них до войны. И никто не даст гарантии, что и в этот раз не случится то же самое. Если не хуже. Так, готова ли я пойти на это? Ради пары мгновений и ради сохранения двух жизней?

Я в Зиградене. И в моей спальне, как обычно, трое: Лекс, Рейф и Блэк.

«Интересно, а когда это стало обычным? — усмехнулась я про себя. — Обычным то, что рядом со мной, постоянно, находятся убийцы, шизофреники и демоны?».

— Судя по твоему лицу, Аббадон, всё-таки, поймел тебя, — заметил Лекс. — Я угадал?

— Нет, не угадал. У Аббадона ничего не вышло, — ответила я, упав в кресло и устало прикрыв глаза.

— Да? Тогда, где счастливая улыбка и злорадный смех? Ну, или, хотя бы, выражение полного удовлетворения?

— Да лучше бы Аббадон трахнул меня! — вспыхнула я, резко открывая глаза, пристав в кресле и злым взглядом посмотрев на Лекса. — Лучше бы демон бездны поймел меня во всех позах, чем то, что произошло! Если бы я только знала... если бы я только знала, я бы ни о чём не просила Астарту и, с радостью, отдалась бы Аббадону!

— Даже так? — Мейснер с нескрываемым удивлением смотрел на меня. — Это что же такое могло с тобой произойти, Милена, что ты бы предпочла этому демона разрушений?

— Разговор с Абигором произошёл, — сказала я, слегка успокаиваясь после этой гневной вспышки.

— И всё? — ещё больше удивился киллер. — И этот разговор довёл тебя до такого состояния?

Я не ответила, вновь, откинувшись на спинку кресла и закрывая глаза. Мне сейчас не хотелось разговаривать. Я могла только думать о том, что делать. Правда, правильное решение, всё равно, на ум не приходило. А Лекс и Рейф (да и Блэк, в том числе) не стали ни о чём расспрашивать, видимо, почувствовав что-то.

Так, в полной тишине, прошло минут тридцать. А я так ни к чему и не пришла. Я не хотела допускать смерти Николь и Лави. Я хотела увидеть Кая. Но, при всём при этом, я не хотела злить Люцифера и не хотела войны, которая, наверняка, затронет и людей. Может, вы скажете, что из двух зол надо выбирать меньшее? Что лучше смерть двух, чем миллионов? Скорее всего, это правильно, но... как я могла так поступить? Как я могла, своим выбором, обречь единственных моих друзей на смерть от рук демона войны? А Кай? Возможно, это мой последний шанс увидеть его. Как я могу его лишиться? Если бы дело было только в наказании Люцифера, я бы и не задумывалась над всем этим. Я бы сделала свой выбор сразу. Но, дело было не только в Люцифере. Дело было в войне, которую, возможно, не многие переживут.

— Нет, я не могу! Я не могу принять решение! — выкриком, объявила я о своей беспомощности. — Я не знаю, как я должна правильно поступить!

— Если Милена не знает, как поступить, то почему не расскажет? — спросил Блэк.

— Потому, что в этом нет смысла, — ответила я. — Потому, что даже если я всё и расскажу, ни один из вас не сможет мне помочь.

— А всё-таки? — вмешался Рейф. — Мне тоже интересно.

— Ладно, чёрт с вами, — сдалась я. — В общем, Абигор предложил мне что-то, вроде, сделки.

— Ну, что? Вы можете мне помочь? — с горькой усмешкой спросила я, всё рассказав.

— Вряд ли, — ответил за всех Лекс.

— Хотя бы, скажи мне, Лекс, чтобы ты сделал, окажись ты на моём месте?

— Чтобы я сделал? Ну, начнём с того, что со мной были бы совершенно другие условия. У меня нет друзей, близких людей, родственников... Мне нечем угрожать в этом плане. Ничья жизнь мне не дорога.

— Даже моя? — не удержалась я от глупого вопроса.

— Я остаюсь с тобой, лишь, потому, что мне это интересно, — сказал Лекс. — Как только интерес исчезнет, твоя жизнь перестанет нести для меня, хоть какую-то, ценность.

— Что ж, зато честно, — произнесла я. — Но, всё же... как бы ты поступил?

— Я бы выбрал то, что нужно именно мне. Мне без разницы, сколькими бы жизнями мне пришлось бы пожертвовать ради этого.

— Тебя, Рейф, я даже спрашивать не буду, — опередила я гипнотизёра, когда тот хотел что-то сказать. — И так понятно, что ты ответишь. И я бы очень хотела думать так же, как вы. Наплевать на жизни людей, делать только то, что нужно именно мне. Но... я так не могу. Я не хочу, чтобы на мне висел груз в миллион жизней и развязанная война!

— Так, в чём проблема? — спросил Мейснер. — Если ты этого не хочешь, то и не делай. А про своих подруг просто забудь.

— Даже если бы я такое и сделала, Абигор, вряд ли, позволил бы мне забыть Николь и Лави, — ответила я. — Но, я не могу и этого. Я... я так устала! Почему меня просто не

оставят в покое?! Почему я должна делать какой-то выбор?! Почему я должна выбирать между жизнями двух моих друзей и жизнями многих, но незнакомых людей?!

— Но, ведь, война между ангелами и демонами может и не затронуть мир людей, — заметил Лекс.

— Ты сам-то в это веришь? — фыркнула я.

— Нет. Но, ты можешь это легко внушить себе самой, чтобы успокоить свою, чересчур активную, совесть.

— Спасибо за совет, — с сарказмом сказала я. — Только я ему не последую.

— Моё дело — предложить, — пожал плечами мужчина.

И снова наступила тишина.

«Надо хоть немного поспать, — подумала я. — Отдохнуть. Привести свои мысли в порядок. Хотя бы полчаса... — меня клонит в сон и мне неохота даже поменять кресло на кровать. — Дайона, если ты меня слышишь, и если ты планируешь встретиться со мной, то давай не сегодня. Сегодня... Сегодня я просто хочу увидеть светлый тёплый сон о Кэтэрине...».

Я бегу к своему возлюбленному. Как же хочется его поскорее увидеть! Быстрее, быстрее... Я бегу, забыв обо всём на свете, в радостном предвкушении предстоящей встречи. Я уже вижу место, где мы должны встретиться. Ещё чуть-чуть... Кажется, я его вижу. Но... я резко останавливаюсь, видя, что там стоит мой друг.

«Что он здесь делает?» — я удивлена.

— Не сильно ты похож на Кэтэрину, — это уже мой возлюбленный. — Что ты здесь забыл?

— Мне кажется, я говорил тебе держаться от неё подальше.

— Да? Что-то я такого не припомню...

— Зачем она тебе? Я не верю в твою любовь к ней. Ты на такие чувства, вообще, не способен! А это значит... что тебе что-то нужно от Кэтэрины.

— Мне плевать, во что ты веришь, а во что — нет. Кэтэрина, всё равно, любит меня, а не тебя. Может, тебя это и злит? Ревность покоя не даёт?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В руках моего друга сверкает лезвие. Я не могу разглядеть, что именно у него в руках и откуда это взялось, но... мне страшно. Я боюсь, что может что-то произойти. Я бегу к этим двоим, встаю между ними... Оба смотрят на меня с изумлением.

— Ну, у нас же была назначена встреча, — пожимаю я плечами, обращаясь к своему возлюбленному. — Ты что творишь?! — этот вопрос уже адресован другу, правда, руки его уже пусты. — Я знаю, что он тебе не нравится, но... это не повод драться!

— Ты не понимаешь, Кэтэрина...

— Не понимаю и понимать не хочу! — отрезаю я. — Быстро миритесь!

Двое мужчин одаривают друг друга совсем не дружелюбными взглядами. Но, под моим взором, всё же, жмут руки.

— Кэтэрина, пойдём сейчас со мной, — обращается друг ко мне. — Поговорим. Потом пойдёшь к этому... своему любимому.

Мне не нравится его предложение, но возлюбленный кивает, и я соглашаюсь.

— Я не понимаю, почему ты так плохо к нему относишься, — заявляю я после того, как мы уходим. — Он же тебе ничего плохого не сделал.

— Он может сделать плохо тебе, Кэтэрина. Ты ещё слишком наивна. Ты не знаешь, что такое зло, обман, жестокость... Ты никогда не сталкивалась с подобным, и я хочу, чтобы так и было впредь. Я хочу защитить твой добрый детский светлый мир. Сохранить его. А твой... возлюбленный... Ты его совсем не знаешь...

— Он любит меня — вот, что я знаю! А я — его! — я упряма и не желаю верить в то, что любимый может причинить мне хоть какой-то вред. — И я не хочу больше видеть ваши ссоры!

— Упрямая... Видимо, в свою мать. Но, как же я боюсь за тебя... Благодаря любви ко мне, ты стала той, кем являешься сейчас. Но, кем ты станешь благодаря ему?

— Ты... ты обижаешься на меня, да? — я прижимаюсь лбом к его груди — куда достаю.

— Нет, Кэтэрина, не обижаюсь. Я знал, что человеческая душа изменчива. Ты свободна и вольна любить, кого пожелаешь, — он ласково гладит меня по голове.

Я не вижу, но чувствую, что он улыбается. По-доброму, нежно... А мне... мне стыдно за себя. Ведь, он прав — только моя любовь к нему позволила мне иметь всё то, что у меня есть сейчас.

Я поворачиваю голову, смотрю на поляну, по которой мы идём... Сине-зелёные бабочки повсюду. Не так уж и давно я сама была одной из них. Бабочка... Это — моё прошлое. Прошлое, которое должно было продлиться, всего, несколько дней. Только... только бабочка, несмотря на свою короткую жизнь, смогла полюбить смерть. Я помню... Я так любила его... так любила, что на меня обратила внимание богиня... Теперь, у меня есть человеческая душа и тело. Но... чувства поменялись. Я люблю, но люблю другого. Почему-то, мой друг не злится на это. Он говорит, как и сегодня, что человеческая душа изменчива и что я теперь свободна. Ему не нравится только мой выбор мужчины.

Я смотрю на него. Он, всё также, нежно улыбается мне. Я смотрю... смотрю на лицо своего самого близкого друга — Самаэля...

Я — бабочка, когда-то, полюбившая саму смерть...

«Быть не может! — я резко села, очнувшись ото сна, отметив, что кто-то на кровать меня, всё же, перенёс. — Самаэль?! Друг Кэтэрины — это Самаэль?! Как такое, вообще, возможно?! Хотя, по идее, больше меня должно удивлять иное. Бабочка... Кэтэрина была бабочкой, которую превратили в человека из-за её любви к ангелу смерти? Что-то это слишком сильно смахивает на сказку...».

Но, несмотря на всю сказочность сюжета сна, я в него верила. Верила и чувствовала то, что чувствовала Кэтэрина. Её непоколебимую уверенность в своей любви, её нежность к Самаэлю... Её мир был таким светлым. И как же мне хотелось в него попасть. В мир бабочки...

«По крайней мере, теперь понятно, как Кэтэрина связана с сине-зелёной бабочкой. Она сама была ею, пока не стала человеком. Но, получается, что Кэтэрина стала девушкой, благодаря чьей-то магии. Откуда у неё тогда мать? Может, приёмная? Нет, судя по ощущениям самой Кэтэрины, та считала свою маму самой родной. А может, мама — это, как раз, та, кто и превратила её? Соответственно, дала ей новую жизнь, отсюда и такое обращение — мама?».

— Госпожа Милены, вы проснулись? — Драйк постучал и зашёл ко мне. — Вы помните, что просили меня учить вас и что времени у вас мало?

— Да, помню. Но, сначала... мне нужно к Фероксу. Мне нужно договориться с ним насчёт драконов. Ведь, если у меня этого не получится, всё остальное теряет всякий смысл, — мысли о сне я решила пока отложить, занявшись тем, что, действительно, было важно.

— Мне пойти с вами, госпожа?

— Нет, не стоит.

Я так и не придумала, как я буду договариваться с Фероксом. Но, время, отведённое мне Люцифером, уже наполовину прошло, и тянуть дальше с разговором с повелителем драконов было невозможно. Поэтому, я, одевшись так, как подобает в мире драконов (то есть, куда скромнее, чем в мире демонов — длинное платье в пол, хоть и с глубоким вырезом декольте), отправилась на встречу со своим мужем.

В самом мире драконов я, выяснив, где именно находится Ферокс, пошла к нему. Правда, слуга, который сообщил мне местоположение повелителя драконов, предупредил, что после сегодняшнего дипломатического визита тёмных эльфов, повелитель очень сильно не в духе.

«Замечательно, — мрачно подумала я, стоя перед дверью помещения, за которой должен был находиться Ферокс. — Он не в духе от визита тёмных эльфов, а я сейчас буду с ним говорить о светлых. Чувствую, разговор будет ещё сложнее, чем мог бы быть».

Тем не менее, я, оставив Драйка ждать за дверью, вошла. Ферокс сидел за столом, читая какие-то бумаги и, судя по его недовольному выражению лица, содержимое прочитанного ему не нравилось. А углядев на одном из листов герб тёмных эльфов, я поняла, что это бумаги, оставленные сегодняшней делегацией.

— Ферокс, мне нужно с тобой поговорить, — начала я. — Очень срочно.

Ферокс оторвал свой взгляд от бумаг и посмотрел на нарушителя своего спокойствия, то есть на меня. И взгляд его был далёк от дружелюбия. Настроение у него, похоже, действительно, было отвратительным и моё появление его несколько не повысило.

«М-да, я явно не вовремя. Ну, и как я сейчас буду с ним договариваться? Даже если бы он был в хорошем настроении, и то было бы сложно, а уж так... Может, мне стоит отложить разговор, хотя бы, до завтра?» — засомневалась я в своём решении сделать всё прямо сейчас.

— Так уж и срочно? — злая усмешка Ферокса была больше похожа на оскал. — Ну, говори, что хотела, Милена.

«Он меня ещё и по имени назвал... Не котёнком. Плохой признак».

— Да ты знаешь... Я тут подумала... Не так уж это и срочно... Я лучше завтра к тебе зайду, — заявила я, торопливо развернувшись, намереваясь, как можно скорее, уйти.

— Стоять! — рявкнул Ферокс так, что я замерла на месте. — Иди сюда и рассказывай.

— А может, всё-таки, не надо, а? — я, вновь, повернулась лицом к Фероксу и, вновь, увидела его полыхающий яростью взгляд. — Это, на самом деле, не так и важно... А завтра я, вполне, могу...

— Ты меня не слышала, Милена? — прервал меня мужчина. — Я, вроде, сказал тебя рассказывать. Или у тебя плохо со слухом?

— Я не могу, — выдавила я из себя.

— Это ещё почему?

— Потому... потому, что этот разговор будет бессмысленным, пока ты в таком состоянии.

— И в каком я состоянии, по твоему мнению?

— В ужасном, — честно ответила я. — Ты... ты очень зол. Пусть это и не по моей вине, но я понимаю, что ты меня сейчас слушать не будешь, чтобы я не сказала. И я не хочу стать объектом для вымещения твоего плохого настроения. Так что, пожалуйста, Ферокс, позволь мне сейчас уйти. А я, со своей просьбой, приду к тебе завтра.

— Не позволю, — отрезал Ферокс. — Подойди ко мне.

Стало совсем не по себе. Подойти к Фероксу, когда он в таком настроении — это, всё равно, что зайти в клетку к голодному тигру. И то, с тигром больше шансов договориться.

— Ферокс... Я, правда, хочу уйти, — сделала я последнюю попытку.

— Если ты, прямо сейчас, не подойдёшь, я подойду к тебе сам! — угрожающе, сказал дракон.

Потеряв последний шанс уйти, я подошла к Фероксу. Стыдно признаваться, но у меня тогда колени тряслись от ужаса. Я проклинала себя на чём свет стоит за то, что пришла к нему именно сегодня. Теперь, я стояла перед повелителем драконов, как провинившаяся школьница, которая получила двойку за поведение и теперь её отчитывает учитель. По крайней мере, такое ощущение у меня было.

— Ну, говори, что у тебя там, — буквально прожигая меня взглядом, приказал Ферокс.

— Хорошо, только...

Я замялась. Я чувствовала, что я должна что-то сделать перед тем, как начать этот разговор. Сделать что-то, чтобы Ферокс, хоть немного, остыл. Я не могла допустить, чтобы этот разговор, действительно, стал бессмысленным. А он таким станет, если настроение моего мужа не изменится. Но, что я могла для этого сделать? В голову приходило только одно.

— Ферокс, позволь мне, в начале, прикоснуться к тебе? — попросила я, думая при этом, что совершаю глупость. — Можно?

Ферокс, наконец, проявил какую-то эмоцию, кроме злости. Удивление. Но, тем не менее, он кивнул, разрешая. Хотя, взгляд его оставался хмурым и злым. Из-за этого, прикоснуться к нему было очень боязно. Я боялась. Боялась сделать что-то не так. Боялась разозлить его ещё больше. Но, как говорится: «Глаза боятся, а руки делают». Я положила свои руки ему на плечи, начиная массировать их, мысленно твердя: «Пожалуйста, успокойся. Успокойся. Не злись». Но, я чувствовала, что тело мужчины остаётся напряжённым. Тогда, я решила сесть к нему на колени. Ферокс меня не останавливал. Но я, буквально, физически ощущала его злобу, которую я, ради себя самой, должна была убрать. Я взяла его лицо в ладони, поцеловала... На поцелуй он не ответил и его губы оставались крепко сжатыми. Я стала целовать его шею, расстёгивать рубашку...

«Дожила, — подумала я про себя. — Пытаюсь соблазнить собственного мужа! Но, я не могу придумать иного выхода, чтобы он перестал беситься».

В этот момент, дверь в комнату отворилась, и зашёл один из многочисленных слуг.

— Повелитель... — хотел обратиться он к Фероксу.

— Пошёл вон! — прервала я его, зарывчав, наверное, не хуже Ферокса.

— Но... — слуга переводил взгляд с меня на мужа.

— Ты меня не слышал?! Убирайся!

Слуга, на его счастье, всё-таки, спорить не стал и закрыл дверь с другой стороны. А я сама не знала, почему я так отреагировала на его появление. Наверное, потому, что явился он очень не вовремя. Но, теперь я боялась того, как отреагирует Ферокс на то, что я, при нём, приказывала слугам его дворца.

— Надеюсь, ты не против того, что я прогнала его? — заглянув в глаза мужчины, спросила я.

— Не против. К тому же, если бы он не ушёл, я бы, скорее всего, убил его. Так что, можешь считать, что спасла ему жизнь. Хотя, признаю, такой твоей реакции я не ожидала.

— А какая ещё может быть реакция на того, кто так не вовремя приходит? — пожалала я плечами.

Ферокс, неопределённо, хмыкнул. Но, я почувствовала то, что несказанно меня обрадовало — его напряжённое до этого тело, как у хищника перед прыжком, начало расслабляться. И я, вновь, сделала попытку поцеловать мужчину. И, в этот раз, он мне ответил. Я восприняла это, как благоприятный знак и зелёный свет на дальнейшие действия. Я встала с его колен, нашарила шнуровку на спине своего платья, потянула за неё... Платье, как по волшебству, с шорохом, упало на пол, оставив меня в одном нижнем белье. Я стала медленно снимать с себя оставшееся, при этом наблюдая за реакцией Ферокса. Сначала, он смотрел на стриптиз с интересом, но, затем, в его взгляде, вновь, появилось раздражение. Я остановила процесс раздевания и вопросительно посмотрела на него, ожидая ответ на то, что я сделала не так. Дракон же, схватив меня за руку и притягивая к себе, одним рывком сорвал с меня лифчик, который я успела только расстегнуть.

— Слишком медленно! — ответил он на мой испуганный взгляд. — Ты испытываешь моё терпение!

— Больше не буду, — клятвенно заверила я.

А в следующую секунду Ферокс прижался губами к моей груди. Его горячий язык лизнул мой сосок, он слегка прикусил его зубами... От этих, на первый взгляд, простых действий, у меня потемнело в глазах и ноги подкосились, от чего я, буквально, рухнула к мужчине на колени.

— Какая чувствительная! — рассмеялся Ферокс.

— Это всё драконья кровь! — протестующе сказала я, про себя радуясь тому, что я услышала смех своего мужа.

— Ты, правда, в это веришь, Милена? Веришь в то, что всё твоё желание — это, всего на всего, кровь?

На вопрос повелителя драконов я не ответила. Да и что я могла ответить? То, что, на самом деле, я в это не верю? Что я не могу всё полностью списать на свою драконью природу? Этого я Фероксу говорить не хотела.

«И ещё он, до сих пор, обращается ко мне по имени, — нервно подумала я. — Это — плохо».

Я полностью избавила Ферокса от рубашки. Затем, мои руки потянулись к его брюкам... Мужчина перехватил мои руки, усадил меня на стол, сам встал с кресла... Смотря на него в таком положении — снизу вверх — я, с некоторым ужасом, понимала, какой же он, всё-таки, огромный. Я сейчас даже его шею руками обхватить не могла — не дотягивалась!

«Да он может, в любой момент, переломить меня, как спичку, если захочет. Или если силы не рассчитает...».

Я тогда полностью осознала слова Лилит о том, что Ферокс, во время секса, меня жалеет. Что он не даёт себе полной свободы. С такими-то габаритами... надо думать. Но, я, также, осознала, что я, отнюдь, не сахарная. Правда, не знаю, понравится ли мужу моя идея или нет, но... о ней надо сказать сейчас. Так как, в этот момент, когда Ферокс прикоснулся

к внутренней стороне моих бёдер, кровь дракона, действительно, начала просыпаться и скоро моя сообразительность и адекватность должна была помахать мне рукой.

— Ферокс, подожди, — сказала я, на что дракон посмотрел на меня так злобно, что я чуть не вскрикнула от страха.

— Ты решила надо мной поиздеваться, Милена?! — прорычал он. — Хочешь, чтобы я остановился сейчас?!

— Я не о том, чтобы ты, вообще, останавливался. Мне просто, перед этим, надо тебе кое-что сказать. Точнее, попросить... Я хочу, чтобы ты... чтобы ты не контролировал себя сегодня. Я знаю, что ты всегда сдерживаешь себя, опасаясь навредить мне физически.

— И кто же тебе сказал об этом?

— Лилит. Она сказала, что, в принципе, и демоны и драконы обладают... э... повышенным сексуальным аппетитом. И сказал, что ты жалеешь меня в этом плане. Не даёшь себе свободы. Она была не прав?

— Нет, Лилит не ошиблась, — ответил Ферокс, как-то слишком внимательно смотря на меня. — Но, тебе-то это зачем? Или тебе не хватает того, что тебе дают?

— Нет, дело не в этом, — поспешно ответила я. — Мне всего хватает, но... Я хочу, хотя бы раз, ощутить всю твою силу целиком. Хочу знать, могу ли я выдержать. А один раз меня, всё равно, не убьёт.

— Не убьёт, говоришь? Хочешь знать — выдержишь ли ты? А ты понимаешь, что если я дам себе волю один раз, то потом будет очень сложно, вновь, загнать себя в рамки контроля? Ты один раз удовлетворишь своё любопытство, а мне прикажешь терпеть? Не выйдет, Милена! — он жестоко усмехнулся. — Ты, либо, тогда соглашаешься пить мою кровь каждый раз после секса со мной, и я смогу себя никогда не сдерживать, либо ни одного раза не будет.

«Чёрт, такое ощущение, что я тебя, просто-напросто, на секс развожу!» — с раздражением подумала я.

Да, мне, действительно, хватало того, что мне давали. И, на самом деле, я не горела желанием ощутить всю силу Ферокса, когда он себя ничем не ограничивает. И любопытно мне не было, тем более. Я не хотела знать, могу ли я это выдержать. Так, почему тогда я предложила это Фероксу? А ответ был прост. Я рассчитывала на то, что, как и почти любой мужчина, после секса мой муж будет прибывать в благодушном настроении и тогда с ним будет проще разговаривать. А если мужчина себя, хоть чем-то, сдерживает, то у него, всё равно, какой-то неприятный осадок останется. А я должна была использовать любой шанс. Но... я рассчитывала провернуть это, всего, один раз. Да и пить его кровь я не хотела. Но, что тогда было делать? Сказать Фероксу, что передумала? А как он может на это среагировать? Вдруг, его сильно разозлит то, что я, вроде как, дала ему надежду на что-то и, тут же, её отняла? Жаль мне дракона, конечно, не будет, но, зато, мне очень будет жаль себя. И, в таком случае, ни о каком нападении драконов на светлых эльфов не может быть и речи. Да, был шанс, что Ферокс спокойно отнесётся к тому, что я пошла на попятный, но... Этот шанс был равновесен тому, что мой муж разозлится. Так, стоило ли мне рисковать?

— Я согласна, — наконец произнесла я.

— На что именно? — с недоверием посмотрел на меня Ферокс, явно не веря в услышанное.

— На то, чтобы пить твою кровь после... близости с тобой.

Это согласие далось мне с трудом. Я не знала, на что я подписываюсь. Я не знала, как

мой организм отнесётся к крови бога-дракона. Ведь, я её никогда не пила. Точнее, я пила кровь золотого и красного богов-драконов на ритуале смешения крови и, вроде, никаких последствий это не вызвало. Как и кровь Асмодея. Но, вдруг, кровь чёрных богов-драконов чем-то отличается?

«Ладно, Милена, поздно уже размышлять по этому поводу. Ты уже согласилась, — подумала я про себя. — Теперь уже что будет, то и будет».

Внезапно, в тот момент, когда я подумала о том, что не знаю, что со мной будет после употребления крови Ферокса, в голове появились какие-то странные картины. Я видела, как будто Ферокс заставляет меня пить кровь... И это было, вовсе, не моё представление об этом. Мне казалось, что это были мои воспоминания о чём-то... о чём-то, про что я, напроць, забыла. Но, эту сцену с Фероксом, я видела, будто, в тумане. Будто, мне что-то мешало вспомнить.

— Значит, ты согласна, — вывел меня из раздумий голос Ферокса. — Интересно, что же тебе от меня такое нужно, Милена, что ты идёшь на это?

«Чёрт, всё-таки, он догадался, — с досадой подумала я. — Догадался, что я делаю это не ради любопытства и уж, тем более, не ради него». А вслух я сказала:

— Давай поговорим об этом уже после? После того, как мы насладимся друг другом?

— Вряд ли, ты считаешь секс со мной наслаждением, Милена, — ответил дракон. — Можешь не лгать мне в этом.

— Ладно, это — не наслаждение, — легко согласилась я. — Но, ты знаешь, не хуже меня, что я тебя хочу. Что я не могу не получить удовольствие от секса с тобой.

Даже если Ферокс и думал что-то на этот счёт, мне он об этом не сказал. Он согласился на то, что разговоры мы оставим на потом. И... и тогда я узнала, что значит — не сдерживающий себя ничем бог-дракон. Это было похоже на бурю, которая подмяла меня под себя и, полностью, поглотила! То, что было до этого, не шло ни в какое сравнение! Это понимал даже, затуманенный влечением драконьей крови, разум. Я чувствовала, как огромная сила, сдерживаемая до этого силой воли своего хозяина, вырвалась на свободу! Я, на мгновение, даже успела испугаться, когда эта сила, буквально, обрушилась на меня. Но, о страхе я быстро забыла. Те ощущения, что я тогда испытала... та мощь, что я тогда почувствовала на себе... страстное желание, чтобы это не прекращалось... Если Асмодей или Люцифер ассоциировались у меня больше с жестокостью и извращёнными желаниями, то самым подходящим синонимом для Ферокса была сила. Сила во всём. В том, как он держал меня, как двигался... И моё тело выгибалось навстречу этой силе, принимая её, требуя ещё!.. По крайней мере, так было первые полчаса. Затем, тело стало настойчиво подавать мне сигналы, что, пора бы, и отдохнуть. Кровь драконов и я сама были с телом, мягко говоря, не согласны. Нам хотелось ещё и ещё! И неважно, что, при этом, мышцы гудели усталостью и что я сама, скорее всего, двигаться уже не могла. Я не замечала ничего — ни усталости, ни синяков, которые оставляли пальцы Ферокса, ни ссадин, ни подозрительного хруста каких-то костей, ни того, что мои физические ресурсы, почти, на исходе. Я чувствовала только наслаждение и слышала только шёпот Ферокса:

— Мой милый развратный котёночек.

А я уже не просто стонала — я кричала! Я кричала криком от нахлынувшего на меня экстаза, раз за разом! Я слышала рычание Ферокса, только уже далеко не от злости... я слышала своё собственное тяжёлое дыхание... свои собственные вопли... И, в этот момент, мне не было абсолютно никакого дела ни до каких-то там светлых эльфов, ни до войны

между Небесами и Адом! В тот миг всё это стало неважным. Были только я и мой бог-дракон.

Глава 33.

Тело мне отомстило за игнорирование его призывов к отдыху. Его ломило, все мышцы ныли... Было большое подозрение на то, что пару костей, в порыве страсти, Ферокс мне, всё-таки, сломал. Меня тошнило... Голова раскальвалась, а лёгкие горели, как будто я пробежала марафон. Общее изнеможение и усталость, на этом фоне, были, практически, незаметны. А вот сам Ферокс выглядел очень даже довольным и, нисколько, не уставшим. И, лёжа на его груди и видя довольство мужчины, я надеялась на то, что пошла на это не зря.

— А теперь, пей, котёнок, — к моим губам была поднесена ладонь с глубоким порезом, который стремительно затягивался.

Помня, что я обещала это делать (да и моё общее самочувствие было настолько отвратительным, что я была готова выпить всё, что угодно, лишь бы, полегчало), я стала слизывать кровь. Я чувствовала, как после этого усталость начала уходить, тошнота прошла, голова тоже... Болящие мышцы и кости успокоились. В общем, целительские способности крови моего мужа были налицо. Но, желания пить её каждый раз это не прибавило.

— И кто же тебя на это надоумил, котёнок? — спросил Ферокс, когда я исполнила своё обещание, и моё физическое состояние пришло в норму.

— На что?

— На то, как повысить мне настроение?

— Никто. Сама. Да и кто меня мог на это надоумить, если я не знала, когда я шла сюда, в каком ты настроении?

— Логично, — усмехнулся мужчина. — Но, способ мне понравился. Можешь и дальше его использовать, котёнок.

— А, всё-таки, чем они тебя так разозлили? — кивнула я на бумагу, которая лежала рядом, с гербом тёмных эльфов.

— Чем? Тем, что решили, будто мне мало в роду человеческой и демонической крови! Решили её ещё и своей разбавить! — на лице Ферокса заиграли желваки, показывая, что плохое настроение к нему собирается вернуться.

Я успокаивающе, провела рукой по его груди, поцеловала, а, затем, спросила:

— Что ты имеешь в виду? И при чём здесь я? — то, что говоря о человеческой и демонической крови, дракон говорил обо мне, я, нисколько, не сомневалась.

— Тёмные эльфы предложили мне породниться.

— В смысле? — опешила я. — Тебе что, тёмную эльфийку в жёны предлагают?

— А если бы и так, неужели, тебя бы это задело, котёнок? — с неподдельным интересом, спросил муж.

— Просто... насколько мне известно, многожёнства у драконов нет.

— Верно, нет. А если ты это знаешь, котёнок, зачем задаёшь такие глупые вопросы? Ведь, тёмным эльфам прекрасно известно, что я, с некоторых пор, женат.

— Ну-у... а как они тогда собираются породниться с тобой?

— Через моего наследника. Они хотят сразу, как только он появится, совершить помолвку и заключить брачный договор.

— Чего?! — моему возмущению не было предела.

Меня, буквально, взбесило то, что кто-то, даже не имеющий отношения ни к драконам, ни к демонам, захотел решить судьбу моего, ещё не рождённого, сына или дочери! Что кто-то захотел связать его узами брака сразу, после рождения! Я по себе знала, что такое брак по договорённости и такого я своему ребёнку не хотела. Да, я понимала, что браки моих детей, всё равно, будут заключены по расчёту, но... не в таком же возрасте!

— Ты же не согласился на этот договор, Ферокс? — помня, в каком муж был настроении, прочитав предложение эльфов, с надеждой, спросила я.

— Нет, конечно. Я не собираюсь допускать ни разбавления крови моего рода эльфийской, ни вмешательства остроухих в политику моего мира.

Я, с облегчением, вздохнула. Пусть у нас с Фероксом и были разные причины недовольства предложением тёмных эльфов, но к выводу мы пришли одному — такому браку не быть.

— А теперь, когда ты выяснила, почему я был зол, я хотел бы узнать — зачем ты ко мне пришла? — сказал дракон.

Я нервно сглотнула. Да, то, что Ферокс теперь был в нормальном состоянии, не отменяло того, что разговор предстоит сложный.

— А может, встанем, оденемся и будем разговаривать? — предложила я.

Договариваться о таких важных вещах, лёжа на столе, голыми... Мне это казалось не очень правильным. Тем более что, благодаря крови Ферокса, чувствовала я себя уже нормально и, вполне, могла и одеться сама и за стол сесть. Мужчина с этим согласился. И вот, через пять минут, мы уже сидели в приличном виде, за столом.

— Дело в том, — начала я. — Что я получила приказ от Люцифера на последнем Совете Преисподней. Мне поручено, так сказать, проучить светлых эльфов, в их лесу.

— И? Зачем ты мне это рассказываешь?

— Затем, что для того, чтобы это сделать, мне нужны драконы. В моё подчинение.

Ферокс молчал несколько секунд, а потом... громко расхохотался:

— Ты, должно быть, шутишь, котёнок?! Ты хочешь, чтобы я отдал тебе кого-то в подчинение?! Ничего смешнее я в жизни не слышал!

А вот мне было не до смеха:

— Ферокс, я же не прошу тебя отдать мне в подчинение весь мир драконов. Я прошу всего, на время, драконов тридцать-сорок. Всё. Большого мне не надо. Я что, прошу так много?

— И что же ты будешь с ними делать? — смех Ферокса резко прервался.

— Натравлю их на эльфов, — честно ответила я.

— М-да-а... Откуда, вообще, у Люцифера появилась идея использовать драконов против светлых эльфов? Это же была его идея? — уточнил он.

— Нет, моя. Сами демоны напасть на эльфов не могут, в связи с тем, что последних защищают ангелы, с которыми заключён мирный договор.

— И, поэтому, ты решила, что можешь, для этого, использовать драконов? — в голосе Ферокса зазвучали опасные нотки.

— Да, — твёрдо сказала я, хотя, внутри всё заледенело от страха. — А что? Если бы эта идея, действительно, исходила от Люцифера, ты бы сразу согласился?

— Не сразу. Но — возможно. С тобой же... Ты сама-то понимаешь, чего ты хочешь? Ты хочешь управлять армией, пусть и не большой. Ты хочешь руководить нападением на другую расу. И, при этом, у тебя нет ни малейшего опыта в военном и, уж тем более,

полководческом деле. Неопытный руководитель — это беда для всех. Ты и сама живой не вернёшься, если отправишься туда, да ещё и потащишь за собой сорок драконов. А теперь подумай, как я могу на это согласиться?

Я подумала и поняла, что, как это ни прискорбно, но истина в словах Ферокса есть. У меня действительно не было никакого опыта в управлении армией, да и, вообще, кем-нибудь. Правительницей Зиградена я была, без году, неделя. А повелительницей драконов, вообще, считалась, лишь, формально. Но, несмотря на это, я должна была выполнить приказ Люцифера.

— Если ты не доверяешь мне в плане управления, то ты можешь послать со мной кого-то из красных богов-драконов, — предложила я. — Они же прирождённые войны и лидеры. Им не составит труда управлять одним таким небольшим отрядом.

— А почему я, вообще, должен это делать? — поинтересовался Ферокс. — Посылать с тобой кого-то? Давать тебе своих подданных? Назови мне хоть одну стоящую причину, котёнок.

— А то, что меня накажут, если я не выполню приказ, тебя не волнует?

— Как я понял, ты сама предложила использовать драконов, верно? Ты сама на это подписалась. Ты даже не думала о том, как ты будешь всё это реализовывать. А за свою глупость, котёнок, надо отвечать. Так что, да — меня не волнует то, что тебя накажут.

Что можно было на это ответить? То, что, на самом деле, я на это не подписывалась? Что я не думала, что после моего предложения, мне и поручат его реализацию? Да это только подтвердит мою глупость в глазах Ферокса! А это значит, что признаваться в этом нельзя ни в коем случае.

— Ферокс... Ладно, меня тебе не жаль — это я поняла. Но, репутацию-то тебе не жаль?

— Чью?

— Свою. Пусть мне этот приказ и дали не как твоей жене, а как правительнице Зиградена... Это не отменяет того, что в случае чего, тень упадёт и на тебя. Слухи о жене, которая не смогла выполнить один единственный приказ... Неужели, ты думаешь, что это никак на тебе не отразится?

— Это что? Попытка мне угрожать?

— Ни в коем случае, — ответила я. — Я просто говорю о том, что может случиться.

— И ты считаешь, что из-за этого я должен помочь тебе?

— А почему нет? — пожалала я плечами. — К тому же, ты можешь поставить свои условия. Ведь, просто так ты, всё равно, не согласишься мне помочь.

— Не соглашусь, — кивнул Ферокс, а затем, немного подумав, продолжил. — Хорошо, я дам тебе сорок драконов, котёнок. Но, за это ты... А, хотя, не будешь ты за это ничем расплачиваться, — неожиданно передумал дракон.

— В смысле? Почему? — уж чего я не ожидала, так это такого.

— Потому, что я так решил.

— А-а... Эм... — я не смогла даже сразу прийти в себя от такого поворота. — В общем, спасибо!

— Рано благодаришь. Сначала смоги справиться с этим заданием (в чём лично у меня большие сомнения). А по поводу красного дракона... Будешь разговаривать с ним сама.

— С любимым красным драконом? — уточнила я.

— Нет. Я позволяю тебе разговор только с главой красных богов-драконов. Сможешь его уговорить помочь тебе — твоя взяла. Не сможешь — я не дам тебе драконов, чтобы ты не

повела их на верную гибель. Не забудь, кстати, сказать красному дракону, от моего имени, что соглашаться или нет — это его право. Твой статус повелительницы, в этом случае, ничего не значит.

— То есть, условие ты, всё-таки, поставил, да? — с усмешкой, спросила я.

— Если хочешь, можешь и так считать.

— Я могу идти к нему прямо сейчас?

— Да. Если красный бог-дракон, всё-таки, согласится, пусть сам придёт ко мне.

Я поняла тебя, Ферокс, — сказал я, позвала Драйка и направилась с ним к главе красных богов-драконов.

«Так, а что я, собственно, знаю об этом драконе, как о личности? — размышляла я по пути. — Да ничего. Я даже имени его не помню! Знаю только то, что ко мне он никакого почтения не испытывает. По крайней мере, когда я увидела его в первый раз, в тот день, когда Ферокс представлял меня драконам, смотрел он на меня нагло и нахально. Но, если вспомнить день, когда решалась судьба моего предка Нуара, красный дракон одобрил мои слова. Может это обстоятельство как-то повлияет на его решение помочь мне? Хотелось бы на это надеяться».

А ещё, я вспомнила, что красные драконы очень воинственны. Что они любят войну. А насколько я могла знать, драконы, как и демоны, тоже давно ни с кем не воевали. Соответственно, красный бог-дракон может также сильно хотеть войны, как и Абигор. И, если это так, то участвовать в этом деле его будет достаточно легко уговорить. Ну, это в идеале, конечно.

— Драйк, а как зовут главу красных богов-драконов? — спросила я демона, уже перед дворцом.

— Госпожа... — начал мужчина, посмотрев на меня с осуждением.

— Да, я знаю! — прервала я его. — Это непростительно — забывать имена таких важных персон, тем более, если ты повелительница. Я это знаю. Обещаю исправиться. Так что, отложим пока нотации и, просто, скажи мне его имя.

— Его имя — Ансгар Дэррактур...

— Стоп! Я, как-нибудь, потом выучу его полное имя, вместе с титулами, — пообещала я. — Ансгар — это и есть личное имя?

— Да.

— Отлично. Пока, мне этого будет достаточно.

Забивать себе голову этими длинными именами желания у меня не было. Да, конечно, мне придётся их выучить к ближайшему официальному приёму в мире драконов, но... не сейчас. Сейчас я должна была решить другую проблему.

Во дворце главы красных богов-драконов, слуга, торопливо кланяясь мне, отвёл меня к своему хозяину.

— Повелительница, — дракон встал с кресла, приветствуя меня и склоняясь в поклоне. — Это счастье — видеть вас. Хотя, ваш визит, довольно, неожиданный.

— Да я сама не ожидала, что буду сегодня здесь, — пробормотала я себе под нос и продолжила. — Мне нужно поговорить с вами, Ансгар. Это возможно сейчас?

— Для вас у меня всегда будет время, повелительница. Прошу, присаживайтесь.

Я села в кресло. Несмотря на то, что мужчина, вроде как, был очень вежлив и учтив, чувствовалась в нём фальшь. Как будто, вся его учтивость была только для вида. Что, на самом деле, нет у него ко мне никакого уважение или почтения.

— Так, что привело вас ко мне? — спросил дракон.

— Меня привёл сюда приказ Люцифера, — ответила я. — И мне надо вам сказать, что соглашаться или нет на то, что я вам предложу — это, исключительно, ваше право. Это вам сказал передать мой супруг.

— Повелитель даёт мне право выбирать — соглашаться или нет? Интересно... И при чём здесь повелитель Преисподней и что за приказ он дал? И, самое главное, кому?

— Приказ он дал мне. Приказ я от него получила, как правительница Зиградена, а заключается он в том, чтобы напасть на светлых эльфов и, основательно, их потрепать...

Кратко обрисовав главе красных драконов свою ситуацию и, объяснив, что требуется конкретно от него, я замолчала, в ожидании его ответа.

— Значит, вы хотите, чтобы я возглавил нападение на светлых эльфов. Я вас правильно понял, повелительница?

— Да, вы меня правильно поняли.

— И почему же я должен на это соглашаться?

— А вас несколько не прельщает перспектива напасть на кого-то, господин Ансгар? — в свою очередь поинтересовалась я.

— И с чего вы так решили, повелительница? — впервые за разговор, в голосе дракона послышалась неприкрытая насмешка.

— Я знаю особенности вашего рода, господин Ансгар. Вы любите воевать. Где, как не на войне, раскрываются ваши лучшие качества? Умение вести бой, тактика, сражения... Вы, в совершенстве, владеете всем этим, но в мирное время применения этому нет. Поэтому, думаю, вам, в последнее время, довольно скучно жить. Или я ошибаюсь?

— Скучно? Да что может понимать маленькая получеловеческая девчонка?! — неожиданно вспыхнул глава красных богов-драконов. — Что может понимать существо, не прожившее и двух десятилетий в том, каково это — бездействовать не одну тысячу лет?!

— Да, вы правы, господин Ансгар. Мне вас не понять, — я постаралась сделать вид, что я абсолютно спокойна, хотя, его вспышка меня, изрядно, напугала. — Но, я понимаю то, что если у вас появится шанс — изменить ситуацию... Вы, непременно, постараетесь им воспользоваться.

— Вы в этом так уверены, повелительница? — уже спокойнее, чем секунду назад, спросил Ансгар. — А вы знаете, что всей драконьей аристократии известно, что вы нужны повелителю только для того, чтобы продолжить род? Что вы, по сути, никакой реальной властью в мире драконов не обладаете?

— Мне всё это известно. Но, я не понимаю, какое это имеет отношение к данной ситуации?

— А такое, что если я вам помогу, я могу этим вызвать недовольство повелителя. И к чему может привести это недовольство — я не знаю. И есть ли мне смысл так рисковать?

— Во-первых, Ферокс сам меня к вам направил. Делая это, он, наверняка, учитывал такой вариант, что вы можете и согласиться. Во-вторых, я прошу у вас помощи не как повелительница мира драконов, а как правительница Зиградена, где я обладаю реальной властью. То есть, можете считать, что я прошу помощи в дипломатической миссии, на которую Ферокс, негласно, дал своё согласие. А в-третьих, чтобы вы не говорили, господин Ансгар, войны вам не хватает. Неужели, вы упустите возможность вернуться в неё, хотя бы, и ненадолго?

— Ваши доводы довольно убедительны, повелительница. Но, что вы будете делать, если

они на меня не подействуют?

«А, действительно, что я тогда буду делать? — задумалась я. — То, что у меня после этого не останется никаких вариантов — это точно. Ферокс ясно дал понять, что если Ансгар не согласится, я ничего не получу. А если я ничего не получу... Об этом лучше даже не задумываться».

И тут, меня посетила одна безумная идея (хотя, когда мои идеи бывали нормальными?). Я огляделась в поиске чего-то, что мне поможет в осуществлении моей сумасшедшей задумки. Ничего подходящего не нашлось. Тогда я поступила проще. Я встала, схватила вазу, стоящую рядом со мной на столике и бросила её на пол. Её осколки разлетелись по всей комнате. Как ни странно, глава красных богов-драконов ничего не предпринимал. Он продолжал сидеть в кресле, наблюдая за моими действиями. А я схватила один из осколков и, как ни в чём не бывало, вернулась в кресло.

— И что всё это значит, повелительница?

Вместо ответа, я приложила осколок, острым концом, к запястью и, не сильно, надавила. Заметив, как напрягся Ансгар, я спросила:

— Как вы думаете, господин Ансгар, что произойдёт, если я надавлю сильнее?

— Вы поранитесь, повелительница, — озвучил очевидное дракон.

— Верно, поранюсь. Кровь потечёт. И что тогда будет? Что вы сделаете, господин Ансгар? — сама я ответ знала, но хотела это услышать от него самого.

— Я овладею вами. И будет неважно — хотите вы этого или нет. Я не смогу себя контролировать, почуяв вашу кровь, — говоря это, он внимательно смотрел, как я, медленно, вожу осколком по запястью.

— А если вы мной овладеете, господин Ансгар, как вы считаете — Ферокс будет разбираться — нарочно я себя порезала или нет? Будет ли он выяснять — кто виноват? И остановит ли его то, что вы не могли себя контролировать?

— Нет, повелителя это не остановит. Сексуальная близость с супругой повелителя, без его позволения, карается смертью. Причины будут неважны. Будет важен только сам факт.

— Вот. Вы и сами всё прекрасно понимаете, господин Ансгар. А теперь, подумайте вот о чём. Мне будет совершенно наплевать, если Ферокс вас убьёт, так как мне он, в любом случае, жизнь сохранит, возможно, наказав как-то по-другому. А то, что мы переспим... Ну, в жизни всё бывает.

— И вы, вот так, запросто, пойдёте на это? Зачем?! — вопрос был задан голосом, говорившем о том, что глава красных богов-драконов, чуть ли, не в бешенстве.

— А зачем вы мне нужны, господин Ансгар, если вы отказываетесь мне помочь? Правильно — незачем. И если у меня есть возможность убрать того, кто мне не нужен, то почему бы не сделать это? Так что, господин Ансгар? Вы мне поможете надрать задницы светлым эльфам или мы, прямо сейчас, сольёмся в экстазе? — я улыбнулась ему самой благожелательной улыбкой, на которую только была способна.

— Вы меня шантажируете, повелительница?!

— Ага, — кивнула я. — Шантажирую.

— Получеловеческая девчонка осмелилась шантажировать бога-дракона?!

— Как я уже говорила, в жизни всё бывает, — философски заявила я.

А потом произошло то, чего я совсем не ожидала. Я успела только моргнуть, как Ансгар оказался прямо рядом со мной. «Как он может так быстро двигаться?!» — успела я подумать перед тем, как мужчина вырвал у меня из рук осколок и отбросил его в сторону. Оставшись

без своего единственного оружия, я вскочила на ноги, в надежде найти поблизости второй осколок.

Под ногой что-то хрустнуло. Но наклониться и поднять то, что там лежало, мне не дали. Сильные руки Ансгара легли на мои плечи, заставляя меня, вновь, сесть в кресло. Но, меня такой расклад не устроил.

— Драйк! — позвала я, помня, что слуга стоит за дверью и, когда он зашёл, я указала на Ансгара и сказала. — Убери его от меня! Немедленно!

Я, конечно, знала, что надолго у Драйка не получится задержать бога-дракона. Демону один из драконов-повелителей был не по зубам. Но, мне была нужна, хотя бы, минута или, даже, полминуты. То, что за это время Ансгар, вполне, мог убить Драйка, я как-то тогда не подумала. Хотя, положив руку на сердце... Если бы я тогда задумалась над этим... Остановило бы это меня? Не думаю. Мне нужно было время, и я его получила. Драйк оттолкнул от меня Ансгара. Пусть и не на много, но мне этого хватило, чтобы встать. И я смогла достать осколок вазы, который был у меня под ногой. А вот, что делать после... я, совершенно, не представляла. Ранить себя на самом деле я не собиралась. Секс с красным драконом меня не прельщал. Хотя, на его смерть мне, действительно, было наплевать. Только вот... Мне надо было, каким-то образом, заставить его помочь мне. Пусть и таким подлым способом, как шантаж.

В это же самое время Ансгар, рыча, отшвырнул от себя Драйка так, что того впечатало в стену и по ней пошли трещины. Благо, я знала, что от таких ранений демону ничего не будет, поэтому это меня не напугало. Напугало меня то, что когда Ансгар избавился от моего слуги, он повернулся ко мне и его пылающий яростью взгляд был очень далёк от того, чтобы назвать меня повелительницей.

Когда красный бог-дракон сделал шаг в мою сторону, я, в панике, прижала осколок к артерии на шее и крикнула:

— Не подходи! Не подходи, иначе, пожалеешь! В этот раз ты не успеешь вырвать у меня осколок!

— Вы так считаете, повелительница? — мужчина смотрел на меня своими кроваво-алыми глазами, весь напряжённый, как будто, готовящийся к прыжку, хищник.

А всего через одно мгновение я оказалась на полу, словно, меня сильно толкнули. От неожиданности, я разжала руку с осколком, уронив его на пол. Схватить его я не успела — Ансгар не сильно, но ощутимо, наступил на кисть моей правой руки, удерживая её на месте.

— Вы, правда, думаете, что я не смогу вам помешать? — дракон смотрел на меня сверху вниз, с откровенной насмешкой (хотя, в его глазах ещё пылали отблески недавней ярости).

— Ты понимаешь, Ансгар, что ведёшь себя со мной, отнюдь, не почтительно? — спросила я его, переходя на «ты» и стараясь, чтобы мой голос звучал, как можно более, злее.

— Повелитель одобрит мои действия, если я скажу, что защищал вас от вас самой, — ответил мужчина. — А теперь, позвольте, я помогу вам встать... повелительница, — с издёвкой закончил он, убирая ногу с моей руки и подавая мне свою.

Если до этого момента я только старалась выглядеть рассерженной, то последнее разозлило меня по-настоящему.

«Да как он смеет так пренебрежительно ко мне относиться?! — пронеслась в голове мысль. — Он же меня ни во что не ставит!».

Но, тем не менее, руку я ему подала, понимая, что хочу я этого или нет, дракон меня, всё равно, поднимет. Только, перед этим, я успела заметить маленький осколок, прямо

рядом со своей головой. Недолго думая, я схватила его зубами. И, тогда, когда я это сделала, Драйк напал на красного дракона. Сверкнула в воздухе чёрная молния, летя в Ансгара, направленная прямо ему в голову. Но, всего в миллиметре от дракона, молния рассыпалась на искры, словно, столкнувшись с невидимым препятствием. Но, проблема была в том, что, когда всё это происходило, Ансгар уже держал меня за руку, чуть приподняв над полом. И, всего за секунду, как молния исчезла, Ансгар мою руку отпустил. Не ожидая такого, я потеряла равновесие и ударилась об пол. Не сильно, но... от удара головой, челюсти сильно сомкнулись, и хрупкий осколок захрустел на зубах, превращаясь в крошево, изрезая рот и наполняя его кровью!

Когда я выплюнула осколок и посмотрела на Ансгара... Лучше бы я этого не делала. Я не увидела никакого разума в этих драконьих глазах! Единственное, что там было — это бешеное безумное животное желание!

«Всё, доигралась ты, Милена!» — пришла я к печальному выводу, медленно отползая от дракона.

Он же, заметив мои попытки к бегству, злобно зарычал. Я, в испуге, замерла, смотря на мужчину, как кролик на удава, боясь пошевелиться. А затем... Ансгар повернулся к Драйку, который, видимо, снова собирался напасть. Бешеный взгляд дракона, смотрящий на демона, как на соперника, сказал мне о том, что через секунду я, навсегда, лишусь своего слуги.

— Драйк, немедленно возвращайся в Зиграден! — приказала я ему.

— Но, госпожа...

— Я сказала — немедленно! — перебила я его. — Ты мне, пока ещё, живым нужен! Или ты не хочешь выполнять мои приказы?!

После этого Драйк, молча, исчез. А внимание Ансгара, вновь, переключилось на меня. Я уже видела алые чешуйки на его теле, что говорило о том, что дракон совершенно перестал себя контролировать.

— Ансгар, пожалуйста, услышь меня! — начала я при приближении дракона, правда, мало на что надеясь. — Ты сейчас не в себе! Тобой завладели инстинкты! Но, ты же сильнее инстинктов, верно?! Ты не дашь им взять над собой верх!

Но, дракон меня не слышал. Он смотрел на меня, но мои слова не воспринимал. Надежды на то, что он, вдруг, придёт в себя, не осталось. А я совершенно не представляла, что могу предпринять в данной ситуации. Сбежать мне явно не удастся. Достучаться до мужчины — тоже. Расслабиться и получать удовольствие? Но, если между мной и Ансгаром произойдёт интимная связь... Я не знаю, что тогда сделает Ферокс! Да, мой супруг спокойно относился к моим связям с Люцифером и Верховными демонами, но... это, вовсе, не означает, что он также спокойно отнесётся к моей близости с другим богом-драконом! Как сказал сам Ансгар, секс с супругой повелителя карается смертью, и я не думала, что Ферокс, в этом случае, сделает какое-то исключение. А если красного бога-дракона убьют... Нет гарантии, что мне дадут ещё одну возможность заполучить драконов и тогда я не смогу выполнить приказ Люцифера. Так что, выходит, что я должна была, любым способом, пресечь происходящее. Но, как?

Пока все эти неутешительные мысли проносились в голове, Ансгар уже оказался рядом со мной. Он схватил меня под руки и резко поднял. А в следующую секунду он, прижимая меня к себе, как какую-то драгоценность и что-то ласково рыча мне на ухо, открыл дверь в соседнее помещение, оказавшееся спальней, отнёс меня на кровать и осторожно, словно хрустальную вазу, положил на неё.

«Может, он, всё-таки, что-то соображает, раз так ведёт себя?» — зародилась у меня надежда.

Но я, сразу же, отбросила эту мысль. Дракон вёл себя так, ведомый инстинктом. Инстинктом беречь свою партнёршу. Поэтому в том, что он ко мне так бережно относился, по сути, ничего хорошего не было.

— Ансгар! — вновь попыталась я его позвать, когда дракон, буквально, стал сдирать с себя одежду, при этом, не отводя от меня взгляд. — Ансгар, если ты сейчас не остановишься, ты умрёшь! Ты же должен это понимать! Да чтоб тебя! — выразилась я, когда мужчина подмял меня под себя, задирая платье.

Я попыталась упереться руками ему в грудь, чтобы не дать ему, окончательно, на меня навалиться. Но, моё сопротивление было быстро сломлено. Запястья были схвачены и зафиксированы над головой. Хотя, в остальном, несмотря на всё это сумасшедшее желание, плескавшееся в глазах дракона, действовал он крайне осторожно и нежно. Он, с точностью хирурга, разрезал когтями моё платье, не задев, при этом, кожу. Затем, осторожно, будто боясь навредить мне, он снял нижнее бельё. При всём при этом, он, всё это время, что-то ласково рычал мне на ухо, словно успокаивая. Только меня это, ни черта, не успокаивало! В голове билась только мысль о том, что Ансгар мне нужен живым. А если он сделает то, что хочет, живым он не будет! А Ансгар, тем временем, целовал меня, ласкал... Трудно было поверить в то, что он себя не контролирует. Но, стоило взглянуть ему в глаза, сразу становилось понятно, что здравого рассудка там нет. Кстати, в одном красненький бог-дракон, всё-таки, нежен не был. В поцелуях. Он целовал меня страстно, горячо, жадно!.. Я чувствовала, с каким животным удовольствием его язык слизывает каждую каплю крови в моём рту. Я чувствовала, как он старается, при любой возможности, укунить мои губы своими заострёнными зубами, оставляя кровоточащие раны. Видимо, моя кровь, на самом деле, сводила его с ума.

— Ансгар, пожалуйста, остановись! — крикнула я, когда мои губы, наконец, оставили в покое, и когда я почувствовала, что дракон вот-вот мной овладеет. — Ферокс! — в отчаянии, позвала я, надеясь, что звук имени повелителя отрезвит главу красных богов-драконов.

А вот чего я действительно не ожидала, так это того, что тот, кого я позвала, на самом деле, придёт! Сначала, мне показалось, что Ансгар просто исчез с меня, а затем я услышала звук падающего тела, как будто, его швырнули с огромной силой. Потом, меня дёрнули за руку, заставляя сесть на кровати. Рядом со мной стоял Ферокс, собственной персоной. И, судя по всему, он был в ярости!

— Совсем рехнулась?! — зарычал он на меня. — Ты что здесь сотворила?!

— Я?! — возмутилась я. — А, хотя... действительно, я... Но, кто же знал, что всё так обернётся?!

— Дура! — выплюнул чёрный дракон.

Я чуть не ляпнула: «Вся в вас!», но, вовремя, прикусила язык. Ведь, как бы мне не хотелось это признавать, а Ферокс был прав. Дура и есть, которая не подумала о последствиях в случае, если что-то пойдёт не так. Да я, честно говоря, вообще, не думала, что что-то может пойти не так! Я не рассчитывала на то, что Ансгар осмелится прикоснуться ко мне, в результате чего я буду ранена! А, ведь, должна была просчитать все варианты!

Я услышала злобное рычание. Это Ансгар, после падения, поднялся на ноги и начал подходить к нам с Фероксом.

— Назад! — рывкнул на него Ферокс.

В ответ, красный дракон только ещё злее зарычал, продолжая приближаться. Ферокс сделал шаг ему на встречу. Оба мужчины сейчас напоминали двух взбесившихся псов, сцепившихся из-за кости. Оба, явно, готовы пойти на убийство друг друга. Отличие было только одно — один из них был в здравом уме и понимал сложившуюся ситуацию. Второй же мог только рычать и нападать, не понимая, что перед ним не соперник, а его повелитель. И чем всё это закончится, было совершенно не ясно. Я, лично, склонялась к тому, что если Ансар не придёт в себя, Ферокс, не задумываясь, его убьёт. И я вмешаться не могу. Своим вмешательством, с кровоточащими губами, я сделаю только хуже. Поэтому, мне оставалось только сидеть и ждать — чем же всё закончится.

Ансгар напал первым. Сам он, практически уже на половину, был обращён в дракона. Руки были деформированы и были похожи на когтистые лапы. Чешуя покрывала почти всё тело. Острые клыки уже выдавались вперёд, меняя лицо Ансгара так, что оно больше напоминало морду. Кроваво-красный цвет наполнил уже и белки глаз дракона. Сами же глаза не выражали ничего, кроме бешенства. А завершал всю эту картину длинный шипастый хвост, которым Ансар и попытался ударить Ферокса по ногам, рассчитывая повалить его на пол. Но, ему это не удалось — Ферокс двигался быстрее. Повелитель драконов схватил Ансгара за горло и поднял его над полом. Красный дракон рычал, хрипел, вырывался, но обрести свободу не мог. И тогда Ферокс сказал ему что-то на драконьем языке. Как ни странно, я этих слов не знала, хотя, знание драконьего языка было у меня в крови. После этих слов, красный дракон как-то сразу обмяк, словно, мгновенно, обессилев. Глаза у него помутнели и подёрнулись белой плёнкой, а процесс обращения его в дракона медленно пошёл в обратную сторону. Ферокс выпустил его и Ансар, мешком, упал на пол, не двигаясь.

— Что ты с ним сделал? — не удержалась я от вопроса.

— Ничего особенного, но в таком состоянии он пробудет до завтрашнего дня, — ответил Ферокс. — А когда он придёт в себя, он будет наказан. Нападение на меня и попытка овладеть тобой, для него даром не пройдёт. А сейчас, идём. Будем с тобой разбираться.

Я, со вздохом, шагнула в портал, сотворённый Фероксом, и оказалась в спальне. Я чувствовала, что меня тоже ждёт нелёгкий разговор и наказание за то, что я сделала. Ферокс на меня сердился — это было видно. И я, в общем-то, его понимала. Я была слишком самоуверенной, надеясь шантажом вынудить Ансгара помочь мне. Я совершенно не думала, что что-то может пойти не по плану. Да у меня и плана, как такового, не было. Я просто пыталась симпровизировать. Не вышло.

— Ферокс...

Но, не успела я договорить, как Ферокс меня поцеловал. Точнее, он меня даже не поцеловал, а укусил! Да так, что я взвыла от боли и начала вырываться! Ферокс меня быстро отпустил, правда, напоследок, укусив за нижнюю губу и сказал:

— Не забывай, котёнок, что запах твоей крови, также, влияет и на меня. Пусть и не в такой степени. А теперь, расскажи-ка мне, что произошло во дворце Ансгара?

— Я пыталась шантажировать Ансгара, — честно призналась я.

— Мне кажется или я ослышался? Повтори то, что ты сказала.

— Я пыталась шантажировать главу красных богов-драконов, — послушно повторила я.

— Интересно, чем?

— С собой. Я разбила вазу в его гостиной, схватила один из её осколков и угрожала тем, что раню себя. Тогда, он не сможет держать себя в руках, и мы с ним переспим. И тогда, ты его за это убьёшь. Вот и всё. А чтобы этого не произошло, он должен был согласиться помочь мне со светлыми эльфами.

По взгляду Ферокса, было понятно, что я — полная идиотка!

— И что же пошло не так в твоём... шантаже? — поинтересовался он.

— Ансгар повёл себя не совсем так, как я рассчитывала. И это привело к тому, что ты увидел. Я... я, правда, не думала, что всё так будет, — сделала я виноватый вид. — Я думала, что Ансгар просто согласится и всё.

— Думала она? Тебе, похоже, и думать-то нечем! Или мозги котёнка настолько малы?! Неужели, ты, действительно, считала, что глава красных богов-драконов поведётся на такое?!

— Ладно, признаю, я, действительно, дура. Но, у меня не было другого выхода! Ты сам сказал, что он сам должен согласиться помочь мне. А он начал отказываться. Что я должна была делать? Если бы отказался, ты, вряд ли, согласился бы дать мне кого-то другого в качестве предводителя и, соответственно, я лишилась бы шанса получить драконов. Понимая всё это... я решила сделать всё возможное, чтобы это не произошло.

— И ничего лучше ты придумать не могла?

— Нет, не могла. Это была экстренная ситуация и думать надо было быстро. Ну, вот и... надумала, — чувствовала я себя глупо, но мне надо было ещё кое-что узнать. — А как ты сам оказался во дворце Ансгара?

— Твой слуга — Драйк — пришёл ко мне и сказал, что если я, прямо сейчас, не заберу тебя от красного дракона, мне придётся его убить. А лишаться одного из богов драконов у меня желания нет.

— И что теперь? — спросила я. — Ты больше не позволишь мне поговорить с Ансгаром?

— Конечно, нет! — фыркнул Ферокс. — Тем более что красный дракон, в ближайшее время, будет не в состоянии кем-то управлять. Как будет не в состоянии покинуть мир драконов.

— А ближайшее время — это сколько?

— Месяц.

Не удержавшись, я выругалась. Месяц — это было, слишком, долго. Мне, на выполнение моей, так называемой, миссии, оставалось, максимум, четыре дня! Месяц в этот срок никак не вписывался. Мне было всё равно, что такого Ферокс собирается делать с Ансгаром, что тот месяц будет не в состоянии что-то сделать, но... если не будет Ансгара, то, что делать мне?

— Ферокс, мне нужно выполнить приказ Люцифера. Любой ценой. Прошу, дай мне ещё один шанс!

— Ещё один шанс? Зачем? Чтобы ты снова натворила какую-нибудь глупость? Извини, котёнок, но мне этого не нужно.

— То есть, ты не позволишь мне сделать то, что требует у меня повелитель Преисподней? — уточнила я.

— Почему же? — усмехнулся повелитель драконов. — Я позволю сыну Ансгара участвовать в этой афере.

— У Ансгара есть сын? И мне, снова, придётся уговаривать его? — с подозрением,

спросила я.

— Нет, не придётся. Он поможет тебе по моему приказу.

— И в чём подвох? — мгновенно напряглась я. — Чего ты хочешь, Ферокс?

— Чего я хочу? Я хочу, чтобы ты, котёнок, участвовала в этом нападении на светлый лес лично.

— Но, я это и так собираюсь сделать, — с недоумением, посмотрела я на дракона. — Я, в любом случае, буду участвовать во всём этом.

— И каким образом ты себе представляешь это участие?

— Ну-у... контролировать весь процесс? — предположила я.

Ферокс фыркнул:

— Процесс (как ты выразилась) нападения, без твоей помощи, проконтролирует сын Ансгара. Что же касается тебя... От тебя я требую того, чтобы ты, своими руками, убила, как можно больше, этих остроухих отродий.

— Но... зачем?

— А я думал, что ты скажешь, что и так собиралась это сделать. А ты, оказывается, думала, что можешь всё повернуть с чистыми руками? Не запачкавшись кровью?

— Не совсем, но... Тебе-то зачем требовать от меня такое? Я не понимаю...

— Мне интересно — сможешь ли ты это сделать, — заявил Ферокс. — Глава золотых драконов, почему-то, слишком в тебе уверен, и питает по поводу тебя какие-то надежды. И я хочу доказать ему, что это, всего лишь, его заблуждения.

— Я, совершенно, не в курсе, в чём уверен Килгар и какие надежды он питает по поводу меня, — ответила я, действительно, не зная, что имел в виду Ферокс. — Но, как ты хочешь доказать ему, что он не прав, заставляя меня убивать?

— Это уж позволь решать мне, котёнок.

Я не стала дальше расспрашивать Ферокса о том, о чём он мог говорить с золотым драконом. И почему у него такое странное желание — заставить меня лишиться кого-то жизни. Я просто согласилась на последнее. Хотя, и не знала, смогу ли я, на самом деле, это сделать. В моей жизни я убивала только один единственный раз. Это было убийство Филиппа, которое я совершила, практически, в состоянии аффекта. И Филиппа я ненавидела. Он, вполне, заслуживал сдохнуть. А светлые эльфы? Я их даже ни разу не видела! Кроме, разумеется, той светлой эльфийки, которую привёл Абигор. Ну, да, светлые эльфы, по своей природе, мои враги. Да и я давно должна была понять, что живя в мире демонов, мне, рано или поздно, всё равно, придётся убить. Правда, я рассчитывала на то, что мне придётся убивать только тех, кто мне не нравится (наивно, да?). Ну, или, по крайней мере, мне придётся убивать только демонов, к которым я и так не испытываю особой симпатии. К светлым эльфам я не испытывала, вообще, ничего. Ни симпатии, ни ненависти. Мне было плевать на них до тех пор, пока приказ Люцифера не связал меня с ними. Но, даже после этого я надеялась, что буду, по возможности, лишь, руководить нападением. Но, видимо, судьба решила меня испытать. Точнее, не судьба, а Ферокс, хотя, я и не поняла его мотивов.

Глава 34.

Мне оставалось решить только один вопрос. Надо было определиться, что мне делать с медальоном, который дал мне Абигор. И, после долгих раздумий, я пришла только к одному выводу. Хотела я этого или нет, но я должна была рассказать о плане Абигора Люциферу. Запретит он мне что-то или нет — это уже другой вопрос, но если он узнает, что я, в обход ему, исполнила приказ Верховного демона... Недовольства повелителя Преисподней я боялась куда больше, чем Абигора. Да, конечно, была большая опасность для Николь и Лави со стороны демона войны, но... Из двух зол выбираем меньшее, не так ли? А уж в зависимости от того, что скажет Люцифер, будут и мои дальнейшие действия. По-другому никак.

Первым делом, я послала в Пандемониум Драйка, чтобы он передал Люциферу мою просьбу об аудиенции. Дождавшись возвращения слуги и ответа, что мне позволено, прямо сейчас, предстать перед повелителем Ада, я уже сама отправилась в столицу мира демонов.

Люцифер принял меня в тронном зале. Кроме нас двоих, там больше никого не было.

— Повелитель, — я поклонилась и хотела начать традиционную фразу приветствия, но Люцифер прервал меня.

— Обойдёмся без этих формальностей, — сказал он. — Рассказывай — зачем тебе понадобилась встреча со мной? Предупреждаю: если дело касается твоего отца, можешь сразу убираться.

— Нет, моего отца это не касается. Это касается Верховного демона Абигора.

— Твоего покровителя? — в голосе демона проскользнул интерес и удивление. — И что же он сделал?

— Пока, ничего, — ответила я. — Но, может сделать. Он хочет развязать войну между ангелами и демонами.

— То, что Абигор хочет развязать войну — это ни для кого не секрет. Это естественно для него, ведь, он — само воплощение войны. Он не может существовать без неё. Вот, если бы Абигор захотел жить в мире и спокойствии... тогда — да. Тогда стоило бы беспокоиться. У тебя всё, Милена?

— Нет, не всё, повелитель. Дело в том, что Абигор хочет развязать войну именно сейчас. И развязать он её хочет посредством того, чтобы подставить демонов.

— Интересно... И каким это образом?

— С помощью этого, — я сняла с шеи медальон, который мне дал демон войны. — И меня. Он хочет, чтобы я, в то время, когда буду в светлом лесу, оставила там этот медальон. Чтобы эльфы поняли и чтобы у них были доказательства, что Преисподняя замешана в нападении на них и чтобы они сообщили об этом ангелам. Вот такой план.

— И что он тебе пообещал за это? — Люцифера не разозлило то, что я ему рассказала — голос его оставался таким же, хотя, в нём было любопытство.

— Головы моих подруг, если я этого не сделаю. Или встреча с душой Кая, если я выполню то, что требует от меня Абигор.

— И почему же ты решила рассказать об этом мне, Милена? Ты же понимаешь, что я могу запретить тебе исполнять поручение Абигора.

— Да, я это понимаю.

— И ты, также, понимаешь, что я не буду защищать твоих человеческих подруг, если Абигор захочет их убить?

— И это я также понимаю, повелитель. Но я знаю, что в данный момент вам не нужна война с Небесами. А если из-за меня произойдёт то, чего вы не желаете... Не думаю, что для меня это пройдёт бесследно. А я не хочу вызывать ваше недовольство. Ваше недовольство мне может стоить дороже, чем даже смерть моих подруг. Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься, — Люцифер помолчал, а, затем, сказал. — Отдай мне медальон.

Я отдала, а повелитель Преисподней продолжил:

— Ты забудешь обо всём том, что говорил тебе Абигор. Ничего, связанное с демонами, не должно оказаться на территории светлого леса. Ты меня поняла, Милена?

— Да, повелитель.

— Если — да, можешь идти.

«Ну, что, Милена? Ты добилась официального запрета Люцифера на выполнение приказа демона войны. И что дальше? Что ты будешь делать теперь? Оставишь Николь и Лави на растерзание Абигора? — думала я, выйдя из тронного зала. — Выходит, что так. Люцифер сам сказал, что не будет их защищать, а я сама... Да что я могу? Ничего! Я ничем не могу им помочь! Я смогу им помочь только в том случае, если соглашусь на условия Абигора, чего я теперь сделать не могу. А до этого момента мне казалось очень логичным и правильным — рассказать всё Люциферу. А теперь... я сама лишила себя права выбора. Я сама загнала себя в ловушку, явившись к повелителю Преисподней».

«А уж не этого ли ты добивалась, Милена? — образовалась у меня предательская мысль. — Может, ты сама этого хотела, чтобы не выбирать самой?». «Может и так, — ответила я самой себе. — Может, я трусливо решила, таким образом, избавиться себя от ответственности. Мол: «Повелитель дал такой приказ. Что я могу поделать?». Но, я, действительно, не могла выбрать! Я не могла выбрать, кем мне жертвовать — своими друзьями или мирной жизнью сразу нескольких миров и жизнями миллионов! Да, я сняла с себя ответственность за этот выбор! И как бы мне не хотелось встретиться с Каем, эта встреча не произойдёт».

— Госпожа Милена, вы желаете сейчас оказаться в Зиградене? — спросил Драйк, ожидавший меня у зала.

— Да. Только, Драйк... пока я не забыла прояснить этот вопрос... Почему ты не исполнил мой приказ, когда мы были у Ансгара? Я тогда тебе приказала вернуться в Зиграден, а вовсе не идти к Фероксу.

— Вы недовольны моими действиями, госпожа?

— Дело не в том — довольна я или нет. Признаю, в этот раз твои действия меня, буквально, спасли, но... На будущее, я хочу, чтобы мои приказы исполнялись в точности, без всякой самодеятельности. Надеюсь, ты меня услышал, Драйк?

— Да, госпожа. Но, могу я сделать исключение, если ваш приказ будет ставить вас в опасное положение? — спросил демон.

— Нет. Никаких исключений, — отрезала я. — Если я дала какой-то неправильный приказ, то я и буду расхлёбывать его последствия.

— Как хотите, госпожа. Но, может, всё-таки...

— Никаких «может, всё-таки»! Либо ты, беспрекословно, слушаешься меня, либо... либо такой слуга мне не нужен!

— Я вас понял, госпожа.

— Тогда, возвращаемся в Зиграден и продолжаем штудировать книги о светлых эльфах, — обрисовала я план наших дальнейших действий.

После этого, я с Драйком больше не разговаривала. А уже в Зиградене, выдав всей своей разношёрстной компании по книге, касающейся обычаев и традиций светлого леса и сказав говорить, если найдут что-то интересное, я сама углубилась в чтение.

На что-то интересное я наткнулась только в конце толстой книги, в разделе под названием «Запретная магия». Там описывались заклинания, которые, по тем или иным причинам, были запрещены. Там было одно заклинание, которое привлекло моё внимание. Называлось оно «Ритуал очищения крови». Видимо, у меня уже был рефлекс — обращать внимание на то, что связано с кровью. Сам ритуал описан не был. В книге говорилось о том, что он был запрещён, практически, сразу, как только был изобретён — около пяти тысяч лет назад. Почему — указывались какие мутные причины. То ли создатель был объявлен вне закона и поэтому всё то, что он создал, было запрещено. То ли ритуал был запрещён потому, что требовал много жертв (или жертву — я так и не поняла). В общем, причина была не ясна. Что делал этот ритуал? С этим было что-то, вообще, непонятное. Говорилось, что ритуал превращает одно существо в совершенно иное. Но, как? И в какое именно существо превращает эта магия? И, главное, из кого?

— Драйк, — позвала я слугу, который сидел здесь же, вместе с нами изучая все книги, касающиеся эльфов. — Скажи, в каких книгах есть ещё информация о ритуале очищения крови?

— Почему он вас так заинтересовал, госпожа Милена? — удивился демон.

— Сама ещё не знаю. Но, интуиция говорит, что это что-то важное. Так, что? Где я ещё могу прочесть о нём?

— В нашей библиотеке этот ритуал упоминается только в той книге, которую вы держите в руках.

— И всё? — разочарованно произнесла я. — Больше ничего про этот ритуал неизвестно?

— Я сказал только про нашу библиотеку, — заметил Драйк.

— Ладно, тогда скажи, в чьих библиотеках я могу что-то найти?

— Всё, что вас интересует, вы можете узнать у того, кто вплотную занимался светлыми эльфами. У того, кто изучал их самих и их магию досконально и много тысяч лет.

— И кто же этот знаток? — нетерпеливо спросила я.

— Верховный демон Вельзевул.

Я издала страдальческий стон. Иметь дело с Вельзевулом я не хотела. Конечно, он не сделал мне ничего такого, но... Мне, в принципе, не хотелось иметь никаких дел с Верховными демонами. Это, заранее, обещало крупные неприятности. Тем более что я понимала, что просто так ни один Верховный демон помогать тебе не будет. А что может потребовать Вельзевул за свою помощь в поиске информации о ритуале очищения крови? Да всё, что угодно. Начиная с банального секса и заканчивая чьими-нибудь пытками или убийством. Или ещё что похуже. Хотя, в те несколько раз, когда мне доводилось сталкиваться с заместителем Люцифера и его соправителем, он не показался мне таким уж злодеем. Он спокойный. Не такой холодный, как Люцифер, а именно спокойный. Властный (ну, ему по должности положено). В нём чувствуется сила. Не сила убивать или мучить, а сила управлять целым миром, отдавая приказы и, при этом, ни разу не повысив голоса. Он

не совсем такой, как Люцифер, но... к нему тоже не подобрать иного слова, кроме как «повелитель».

— Госпожа Милена, — прервал мои размышления Драйк. — Мне сообщить господину Вельзевулу о вашем желании встретиться с ним?

— Да, — немного подумав, всё-таки, сказала я.

Я не знала, к чему меня приведёт поиск информации по этому странному ритуалу. Я не совсем понимала — почему он, вообще, меня так заинтересовал. Но, ощущение его важности меня не покидало. И, в этот раз, я решила довериться своей интуиции.

Когда Драйк ушёл, Лекс спросил меня:

— С чего, вдруг, ты так вцепилась в этот ритуал очищения крови? О нём же, почти, ничего неизвестно.

— Интуиция, — просто ответила я.

— И всё? — не веря, посмотрел на меня мужчина.

— И всё. По крайней мере, пока.

— И из-за этого ты согласна иметь дело с одним из Верховных демонов?

— А почему тебя это так удивляет? — в свою очередь, спросила я.

— Я знаю тебя, Милена. Я знаю, как ты ненавидишь Верховных демонов. Иметь дело с ними... на это тебя может толкнуть только самая крайняя необходимость. А здесь я этой крайней необходимости не вижу.

— Я тоже не вижу, но... Я просто хочу знать, что это за ритуал. Тем более что из всех Верховных демонов, с которыми мне довелось столкнуться, Вельзевул, честно говоря, видится самым адекватным. Так что, я не думаю, что за книжки об эльфийской магии он потребует слишком много.

— Ну-ну, — скептически произнёс Лекс. — По-моему, ты слишком хорошего мнения о Вельзевуле.

— Даже если я и ошибаюсь, я уже твёрдо решила, что мне нужна информация об этом ритуале, — ответила я.

— Госпожа Милена, — это вернулся Драйк. — Господин Вельзевул согласен принять вас.

— Прямо сейчас? — уточнила я.

— Да, госпожа.

— Что ж... Сейчас, так сейчас.

Оставив Рейфа, Лекса и салера в Зиградене, я пошла к Вельзевулу.

Вельзевул ожидал меня в своём рабочем кабинете, за столом, заваленным бумагами, печатями, папками...

«Бюрократия везде, — сделала я заключение от увиденной картины. — И её не избежать даже Верховным демонам».

— Господин Вельзевул, — я встала на колени перед заместителем Люцифера. — Да падёт Тьма на ваших врагов и да будут ангелы ползать у ваших ног.

— Да услышит Тьма твои слова, — ответил Вельзевул. — Встань, Милена, и говори, зачем ты хотела со мной встретиться. Насколько мне известно, нужное покровительство ты уже получила.

— Я пришла к вам не за покровительством, господин Вельзевул, — я встала на ноги и продолжила. — Мне сказали, что вы очень давно изучаете светлых эльфов и их магию. Мне

бы хотелось, если вы позволите, ознакомиться с той информацией, которой вы располагаете.

— Со всей информацией или тебя интересует что-то конкретное? — спросил мужчина, не выказав удивления, но проявив явный интерес.

— Мне бы, желательно, просмотреть всё то, что касается эльфийской магии.

Уточнить, что меня интересует один единственный ритуал, я не стала. На всякий случай. Во-первых, как ни крути, ритуал был запрещённым. А какой у меня может быть интерес к запретной магии? Правильно — никакой. Нет, теоретически, он мог бы быть, но... Я не могла объяснить даже самой себе этот интерес к ритуалу очищения крови, а уж объяснять это кому-то другому... В общем, мне не сильно хотелось выставить себя душой в глазах Вельзевула. А во-вторых, я надеялась, что если я попрошу что-то достаточно абстрактное (например, всю информацию об эльфийской магии) — это будет мне стоить дешевле, чем информация о каком-то конкретном заклинании или ритуале. Просто так я, всё равно, не рассчитывала получить нужное, но обойтись меньшими потерями, можно было попытаться.

— И зачем тебе эта информация? — поинтересовался Вельзевул.

— Вы же знаете, господин Вельзевул, что я, по приказу повелителя, должна организовать нападение на светлых эльфов. Так вот, я хочу знать, чем эльфы могут ответить на нашу атаку. Ведь, они, в большинстве своём, маги и, соответственно, отвечать будут своей магией. Да, в библиотеке Зиградена есть книги об эльфийской магии, но... их недостаточно и информация о заклинаниях эльфов там довольно общая. А я хочу больше конкретики и в достаточном количестве. Я могу рассчитывать на вашу помощь, господин Вельзевул?

— Мне кажется, Милена, что ты мне что-то не договариваешь. Хотя, причина твоего интереса, которую ты мне назвала, выглядит довольно логичной.

— Господин Вельзевул, я... — я уже приготовилась оправдываться перед Верховным демоном, но он прервал меня:

— Ладно, меня это не волнует. Пока, по крайней мере. Теперь, поговорим о том, что я получу за помощь тебе.

— Всё, что не будет касаться моей власти и положения в Зиградене. А также, я не смогу согласиться на секс с монстроподобными демонами, — сказала я, вспомнив Асмодея и его «питомцев». — В остальном же... я сделаю всё, что пожелаете.

— Ты так в себе уверена, Милена? Что ж... хорошо. Я позже решу, что от тебя потребовать. А сейчас, иди за мной.

«Лучше бы он сразу сказал, что хочет от меня. Чтобы мне знать, чего ждать и к чему готовиться. А так... думай теперь, что он может захотеть».

Вельзевул, как я и ожидала, привёл меня в огромную библиотеку. Шкафы с книгами были, настолько, высокими, что приходилось задирать голову. А само помещение занимало площадь не меньше футбольного поля.

— И... какой из этих шкафов относится к моей теме? — спросила я, надеясь, что объём будет не слишком большой.

— О чём ты, Милена? Все книги в этой библиотеке об эльфийской магии.

— Что?! — я в шоке, ещё раз, оглядела библиотеку. — Все эти книги об эльфийской магии?!

— Совершенно верно, — спокойно ответил Вельзевул.

«Да мне и ста лет не хватит, чтобы всё это просмотреть! — с отчаянием думала я. — Я один только шкаф буду перебирать не меньше двух недель и это в лучшем случае!».

— Может, всё-таки, скажешь, что конкретно тебя интересует? — с лёгкой насмешкой поинтересовался демон, правильно поняв мой шокированный взгляд.

— Эм... А что из этого относится к запретной эльфийской магии? — попыталась я и от ответа уйти и надеясь существенно снизить количество книг.

Вельзевул задумался на секунду, а затем указал, поочерёдно, на десять книжных шкафов:

— В этих книгах всё, что касается запретной эльфийской магии.

«Это, всё равно, слишком много. Я никак не успею всё это прочитать. А нужное я могу, вообще, найти только в последней книге!» — я не представляла, что мне со всем этим делать.

— У тебя есть только один выход, Милена, — словно, услышав мои мысли, сказал мужчина. — Сказать мне, что именно ты ищешь.

Он был прав. Это, действительно, был единственный выход.

— Меня интересует ритуал очищения крови, — вынуждена была признаться я.

— Почему именно он? — в удивлении, приподнял бровь Вельзевул.

— Вы посчитаете это полнейшей глупостью, господин Вельзевул, но... я и сама не знаю, почему он так меня заинтересовал. Кроме названия и то, что этот ритуал относится к запретной магии, мне ничего не известно. Но, тем не менее, я хочу всё про него выяснить. Считайте это простой интуицией.

— Интуиция, зачастую, помогает гораздо больше, чем здравый смысл, — ответил Верховный демон. — Почему сразу не сказала, что тебя интересует этот ритуал, а не что-то другое?

— Потому, что не хотелось выглядеть душой в ваших глазах, — неохотно сказала я. — Ведь, кроме как интуицией, я ничем не могу объяснить свой интерес. Это... звучит-то даже как-то глупо.

— Ты была бы душой, если бы читала всё это, — окинул мужчина взглядом библиотеку. — Здесь, ни в одной из книг, нет ни слова о ритуале очищения крови.

— Как — нет?! — с изумлением воскликнула я.

— Этот ритуал относится к особой категории магии и хранится отдельно.

— Что значит — особая категория?

— Особая категория — это заклинания, которые нарушают сам закон мироздания. Нарушают законы вселенной, бытия... Называй, как хочешь. Данные заклинания находятся под запретом не только в той расе, в которой они были созданы. Они запрещены для всех, в том числе и для повелителей отдельных миров.

Я не верила своим ушам. Я заинтересовалась чем-то, что запрещено для использования даже Люциферу и Фероксу? Что это за ритуал такой?! И стоит ли мне и дальше интересоваться им? А если и да, то даст ли мне Вельзевул то, что мне необходимо? Ведь, одно дело давать книги по эльфийской магии и совсем другое — давать информацию по столь серьёзному заклинанию.

— Господин Вельзевул, теперь, когда вы знаете, что, конкретно, мне нужно, вы поможете мне? — спросила я. — Вы дадите мне прочитать всё, что у вас есть, о ритуале очищения крови?

— Да, — подумав, ответил Вельзевул. — Но, ты понимаешь, что плата за это будет несколько выше?

— Да, понимаю.

— А если информация об этом ритуале тебе ничего не даст, Милена? Что тогда?

— Даже если так и будет, то я, всё равно, сделаю то, что вы скажете.

— Я не об этом, Милена. То, что ты заплатишь мне за мою помощь — это даже не обсуждается. Я о том, что ты можешь напрасно потратить своё время. А я думаю, что это самое время очень большая ценность для тебя сейчас. Так, стоит ли так рисковать? Будет ли стоить это того?

— Я не знаю — будет ли оно того стоить. Но... и не рискнуть я тоже не могу. Так что, я готова к тому, что это может стать бесполезной тратой времени.

Да, готова-то я к этому была, но, конечно, не хотелось бы, чтобы так вышло на самом деле. Хотя, если подумать, то, что мне может дать знание этого ритуала, если он запрещён к использованию? По идее, ничего. Тогда, почему я так рискую ради этого? Сама не понимаю.

А мы с Вельзевулом вернулись в его рабочий кабинет, из которого, изначально, ушли. Там, Верховный демон достал с книжной полки одну книгу — старую, тонкую и невзрачную на вид. Если не знать о том, что в ней, и внимания на неё не обратишь. Но, даже несмотря на её внешний облик, мне показалось странным, что она вот так просто хранится на полке. Об этом я спросила Вельзевула, на что он ответил:

— А ты можешь представить себе кого-нибудь, кто осмелился бы пробраться в мой дворец и украсть что-нибудь? Книгу, к примеру?

Думала я над этим вопросом не долго. Таких самоубийц я представить не могла.

— Нет, господин Вельзевул. Я такого представить не могу, но, всё-таки...

— А на случай всяких «всё-таки», — не дал мне договорить Вельзевул. — На эту книгу наложено заклинание. Если с полки возьму её не я, а кто-то другой, то книга, сразу же, самоуничтожится.

— А-а... в моих руках она этого не сделает? — с опаской взглянула я на протянутую книгу.

— Нет. Ведь, я с полки я её уже забрал. Вот, если бы ты попыталась достать её оттуда сама, тогда — да. Через секунду в твоих руках остался бы только пепел.

Я взяла книгу из рук Верховного демона. Пролистала несколько страниц...

— А почему она написана на языке демонов? — несколько удивилась я. — Или это не эльфийская книга?

— Книга принадлежит расе светлых эльфов. А язык... Это ещё одно заклинание, наложенное на неё. Тот, кто будет читать эту книгу, будет видеть её на своём родном языке. Или, по крайней мере, на том языке, который он считает родным, — многозначительно закончил мужчина.

— Вы думаете, что я считаю язык демонов своим? — мне не сильно нравился этот вывод.

— Так думаю не я. Так думаешь ты, Милена.

Я смотрела на слова, написанные на демоническом языке, словно, на предателей. Несмотря на то, что я теперь жила в мире демонов (и, иногда, в мире драконов), я никогда не забывала о своей человеческой части. Я всегда считала себя больше человеком, чем кем-то ещё. А может, мне просто так казалось? Может, на самом деле, я уже давно перестала отождествлять себя с человеческой расой? А эта книга просто подтвердила это?

— Жалеешь об этом, Милена? — ворвался в мои размышления голос заместителя Люцифера.

— О чём? — не сразу поняла я суть вопроса.

— О том, что стала считать себя демоном?

— А какой ответ вы желаете услышать, господин Вельзевул?

— Честный. Меня не интересуют подобострастные ответы, которые мне говорят, чтобы только угодить. Мне интересно — жалеешь ли ты, на самом деле, об этом или нет.

— Нет, не жалею, — помолчав, сказала я. — Ведь, считая себя человеком, в мире демонов не выжить. По крайней мере, так я думаю. Человек не сможет жить среди демонов. Он не сможет делать то, что делают демоны. В конце концов, он не сможет спать с демонами (во всяком случае, долгое время — либо психологически сломается, либо, что более вероятно, физически). Так что — нет. Я не жалею.

— Может, ты не совсем поняла мой вопрос, Милена? — поинтересовался Вельзевул, подойдя ко мне вплотную (я чуть не отпрянула от него, но, вовремя, передумала). — То, что, следуя здравому смыслу, ты, действительно, не должна жалеть — это ясно. Но, меня интересует не здравый смысл. Меня интересуют эмоции. Мне интересно, — рука мужчины легла мне на грудь, а, затем, переместилась в область сердца. — Мне интересно, что ощущает эта часть тебя. Она, правда, не жалеет? Твоё сердце, жившее всё это время среди людей, на самом деле, легко приняло то, что твоя истинная сущность — это демон, а не человек?

— Господин Вельзевул, я не...

Я хотела сказать, что я, конечно, не жалею, но... неожиданно, не смогла такое ответить. То, что чувствовало сердце и то, что думал здравый смысл, было совершенно разным. Разум, действительно, ни о чём не жалел. Ведь, с его точки зрения, всё было правильным и логичным. А вот сердце... Сердце печалилось от того, что приходилось отказываться от внушительной части себя самой. Но, что тут можно было сделать?

— Да. вы правы, господин Вельзевул, — с грустью, улыбнулась я. — Эта часть меня, действительно, жалеет. Жалеет о том, что я вынуждена, буквально, отсекал от себя то, кем я была. Но... я, всё равно, ничего не могу изменить. Так что, я не вижу смысла долго думать над этим. И говорить на эту тему — тоже. Пожалуйста, господин Вельзевул, не мучайте меня этими вопросами.

Демон, лишь, усмехнулся и сказал:

— Я буду мучить тебя этими вопросами, если захочу, Милена. До тех пор, пока это вызывает у меня интерес, — он отошёл от меня и продолжил. — Книгу изучать будешь здесь. Я не позволю вынести её за пределы комнаты.

— Как скажете, господин Вельзевул, — покорно, ответила я.

Конечно, то, что я не могу спокойно изучить заклинание в Зиградене, мне не очень понравилось. Но, с другой стороны, понять Вельзевула тоже можно было — судя по всему, ритуал очищения крови был очень опасным и серьёзным заклинанием. Неудивительно, что Верховный демон не хотел рисковать. Я бы тоже, на его месте, не стала разрешать нести эту книгу куда-то. Я должна быть благодарна, что мне, вообще, позволили ознакомиться с этой магией.

Сев в одно из кресел в кабинете Вельзевула, я углубилась в чтение. Сам заместитель Люцифера, тем временем, занимался своими бумагами. Наблюдая за ним краем глаза, я подумала над тем, что он, на самом деле, вызывает чувство спокойствия. От него не ожидаешь безумных и нелогичных действий. От него не ожидаешь, что он будет самоутверждаться за твой счёт — ему это просто не нужно. А может я, как и говорил Лекс, слишком хорошего о нём мнения?

— Что тебя так заинтересовало, Милена? — заметил мужчина, что я за ним слежу.

— Да я тут подумала... Ведь, бюрократию в мире людей придумали демоны, верно? Тогда, почему же они сами от неё страдают? — спросила я, не сказав правды, но задав, действительно, интересующий меня вопрос.

— Бюрократия была не придумана, а создана. А создана она была для мира демонов, а не для мира людей. Создана для удобства и организации работы. Отсюда она вошла в мир людей. Но люди предали ей несколько другую форму. Она приняла отрицательное значение. Для людей бюрократия стала торможением дел и бумажной волокитой. Но это, исключительно, их дело и их проблемы, — объяснил Верховный демон.

— Значит, люди сами создали себе эту проблему?

— Именно. Не стоит сваливать все беды людей на демонов, Милена. Я не отрицаю того, что Преисподняя оказывает значительное влияние на мир людей, но... В большинстве случаев, люди сами толкают себя в бездну.

«И, ведь, не поспоришь» — подумала я про себя, вновь, вчитываясь в невзрачную на вид, книгу.

— Этого не может быть! — не удержавшись, воскликнула я через какое-то время.

— В чём дело, Милена? — прервал своё занятие Вельзевул.

— Это заклинание... оно, действительно, делает то, о чём здесь написано?

— Да, действительно. Тебя это так шокировало?

— Шокировало — это не то слово! Я даже не могу сказать — ужасно это или чудесно! Я...

— Ты лучше прочитай, чем за этот ужас или чудо тебе придётся заплатить, — прервал меня Вельзевул.

Я прочитала. Плата, действительно, была огромной. Правда, я не совсем поняла смысл слов — «лишение родного мира», как одно из условий оплаты магии. Что имелось в виду? Что это значило? Каким образом можно лишиться родного мира? И что, вообще, значит «родной мир»? Мир, в котором ты родился или тот, в котором ты живёшь?

— Ну, что? Принесло тебе пользу знание этого ритуала? — поинтересовался Вельзевул.

— Пока не знаю. Возможно, что и нет, — я встала. Подошла к демону и отдала ему книгу. — Господин Вельзевул, я могу вас просить о том, чтобы о моём сегодняшнем визите к вам, никто не знал?

— Если меня не спросит об этом повелитель Люцифер, то мне всё равно. Говорить об этом я никому не собираюсь.

— Благодарю вас, господин Вельзевул. И ещё... Когда вы определитесь с тем, что хотите от меня? — этот вопрос очень сильно меня беспокоил.

— Приходи ко мне после того, как разберёшься со светлым лесом, — ответил Верховный демон. — Тогда и поговорим по этому поводу.

Я согласна кивнула и вернулась к себе, в Зиграден.

— Ну, что? Выяснила, что хотела? — спросил Лекс по моему возвращению.

— Выяснила, — ответила я. — Только я теперь не знаю, что мне с этим знанием делать.

— Расскажешь?

— Нет, — покачала я головой. — Это слишком серьёзная и запрещённая магия, чтобы рассказывать о ней кому-то. И я не знаю, как отреагирует Вельзевул на то, что я кому-то расскажу об этом ритуале.

— Как хочешь, — не стал настаивать Лекс.

Я пошла спать, но заснуть долго не могла. Ворочаясь с боку на бок, я думала над тем, что мне делать с тем, что я узнала. А узнала я то, что ритуал очищения крови, действительно, превращает одно существо в другое. Одну расу превращает в другую. Ангела в демона, демона в ангела, эльфа в человека и наоборот. Благодаря этой магии ты мог превратиться в кого угодно! У тебя менялось всё: кровь, внешность, аура, магия... По сути, тот, кем ты был до этого, исчезал навсегда. Только вот платил за всё это не тот, кто превращался в кого-то другого, а тот, кто проводил этот ритуал. Ритуал должны проводить двое: один из той расы кем был тот, над кем проводят ритуал, а второй — из той расы, кем он хотел стать. А сама плата... Бессмертные лишаются своего бессмертия. А смертные лишаются части своей бессмертной души (почему только части, а не всей, я не знала). И оба лишаются своего родного мира. Самым непонятным для меня было именно последнее. Я никак не могла понять, о чём была речь.

Глава 35.

Я стояла на солнечной лесной поляне. Сначала, я решила, что сейчас увижу Дайону, а потом меня ждёт сон о Кэтэрине. Но... Вместо этого, я увидела высокого красивого мужчину. Высокий стройный блондин, с аристократическими тонкими чертами лица... какими-то, неуловимо, нечеловеческими. Что было и не удивительно — мужчина был эльфом. Его пронзительно-зелёные глаза смотрели на меня с удивлением:

— Ты не Элонриэль! Кто ты такая?!

Я этим вопросом была удивлена не меньше его:

— Я — Милена. И никакой Элонриэль я не знаю. А ты кто?

— Я — Лиминдэль, старший брат Элонриэль. И как ты можешь не знать мою сестру? И как ты можешь не быть ею, если я пришёл сюда по зову крови?!

Я окончательно перестала что-либо понимать.

«Видимо, это, всё-таки, простой сон, — решила я про себя. — Бредовый странный сон».

Но, несмотря на данный вывод, мне стало интересно.

— Послушай, ты... Как там тебя? Что ещё за зов крови и почему ты решил, что я должна знать твою сестру или быть ею?

— Зов крови — это заклинание, которое позволяет прийти в сон к тому, с кем ты связан кровными узами, — не слишком охотно начал объяснять эльф. — Как бы далеко твой родственник от тебя не находился, пространство его снов всегда открыто. Правда, плата за это заклинание тоже немалая, но... у меня больше не осталось других способов найти свою пропавшую сестру. Поэтому, я и спрашиваю — кто ты? Почему заклинание привело меня к тебе, а не к сестре? Ты же... — он присмотрелся ко мне, и его лицо исказила ненависть. — Ты же демон!

— Рада, что ты заметил, — с сарказмом произнесла я. — И нечего смотреть на меня с таким негодованием. Это ты в мой сон пришёл, а не я в твой. И я, как и ты, совершенно не понимаю, почему это заклинание так ошиблось.

— Оно не ошиблось. Заклинание зова крови не могло ошибиться! — гневно прожёл меня взглядом эльф. — Здесь, наверняка, дело в ваших демонических фокусах!

— Что?! — я чуть не задохнулась от возмущения.

— Не зря же, в день исчезновения сестры, рядом с нашим лесом видели демона войны! — не слушая меня, продолжал Лиминдэль.

— Демона войны? Ты имеешь в виду Абигора? — в мою голову закралась смутная догадка.

— Если у вас — в Преисподней, не появился ещё один демон войны, то — да.

«Не может быть! Неужели его пропавшая сестра — это та эльфийка, которую Абигор приволок на бал?!» — мне бы не хотелось, чтобы мои подозрения подтвердились, но, похоже, всё к этому и шло. Но, тогда оставался вопрос, почему, всё-таки, заклинание зова крови привело её брата ко мне (то, что это был не просто сон, я уже поняла). Ведь, я никакого отношения к той несчастной девушке не имела. Хотя...

— Можно я задам ужасный и омерзительный вопрос? — начала я.

— Как будто у демона они могут быть другими, — фыркнул мужчина, но, тем не менее,

разрешил. — Задавай.

— Если съесть какую-либо часть тела эльфа... Заклинание зова крови может привести в сон к тому, кто это сделал?

— Действительно, омерзительный вопрос, — поморщился Лиминдэль. — Теоретически, возможно, но... — эльф запнулся, а в его глаза пришло понимание. — Ты! Что ты сделала с моей сестрой, демоническое отродье?!

Как ни странно, эльф на меня не напал — сдержался. Видимо, он прекрасно понимал, что во сне ничего сделать мне не сможет. А вот я бы, на его месте, забыла бы обо всём на свете. Мне было бы неважно — сон это или нет. Но, на моё счастье, эльф был более благоразумен, чем я сама.

— Я ничего с ней не делала, — поспешила ответить я. — Я только видела её и то, что с ней произошло. Точнее, я видела какую-то светлую эльфийку, но не уверена до конца, что это была твоя сестра.

— Чётко представь ту эльфийку, которую ты видела, — приказным тоном потребовал Лиминдэль.

Я не знала, зачем ему это было нужно, но спорить не стала. В конце концов, если та эльфийка, действительно, его сестра, мне же ещё надо будет, как-то, сообщить ему о её смерти.

Я вспомнила внешность девушки светлого леса. Её глаза, волосы, одежду, фигуру... Всё, до мельчайших подробностей. И, когда я это сделала, воздух передо мной зарябил, приобретая очертания эльфийки. А ещё через минуту передо мной стоял полноценный фантом девушки, которую пленил Абигор.

— Это она... Моя сестра — Элонриэль, — с болью и тоской, произнёс мужчина, а затем, когда фантом исчез, заговорил со мной. — Ты задавала вопрос о том, откликнется ли зов крови, если съесть эльфийскую часть тела, не просто так, верно?

— Верно, — кивнула я. — Мною был съеден глаз Элонриэль.

На этот раз эльф сдерживаться не стал. Он ударил. Ударил меня магией. Сон это был или нет, но было очень больно. Меня, словно сильным порывом ветра, опрокинуло на спину. Все внутренности обожгло невидимым огнём, который, как будто, начал пожирать меня изнутри.

«Проснуться! Надо проснуться!» — панически подумала я, точно почувствовав, что эльф, если захочет, прямо здесь, во сне, запросто меня убьёт. Пока же я мечтала о том, чтобы проснуться в Зиградене, в обнимку с салером, подальше от брата Элонриэль, Лиминдэль подошёл ко мне. Он наклонился ко мне и его рука, с силой, сжала моё горло.

— Тварь!.. Как ты только посмела?!

— Я этого... я этого не хотела! — хрипя, попыталась я ответить ему. — Не хотела! Меня заставили это сделать! Заставили, когда я была без сознания!

— Лжешь! — не поверил мне мужчина.

— Не лгу! Ты... — я сделала титаническое усилие, чтобы смочь произнести то, что я хотела, в условиях нехватки воздуха. — Ты же эльф! А эльфы чувствуют — правду или ложь говорит их собеседник! Ты должен почувствовать, что я не лгу!

Эльф смотрел мне в глаза ещё секунд десять, затем, огонь внутри меня потух, а пальцы Лиминдэля разжались. Я судорожно начала ловить ртом воздух, пытаюсь восстановить своё дыхание.

— Моя сестра... Она мертва? — спросил Лиминдэль, дождавшись, пока я снова не

смогу нормально дышать.

— Да, мертва. Саму смерть я не видела, но... я знаю, что её убили. Мне... мне очень жаль. Я...

— Хватит! — резко оборвал меня эльф. — Я не собираюсь выслушивать слова соболезнования от демона! Я только хочу знать, как это произошло?

— Элонриэль поймал Абигор и привёл её на демонический бал. Затем... — затем, я запнулась.

Что было затем, я помнила слишком хорошо. Но, я никак не могла решиться произнести это вслух. Как можно было сказать этому эльфу, что его сестру насильовали и пытали?

— Мне не нужен твой рассказ, — тем временем, сказал Лиминдэль. — Я хочу увидеть, что произошло с моей сестрой, — его пальцы прикоснулись к моим вискам. — Вспоминай! Покажи мне! Покажи мне своими глазами, как это произошло! Позволь мне увидеть... что демоны сделали с Элонриэль!

И я вспоминала. Вспоминала всё — от начала и до конца. Начиная с того момента, когда я пришла на бал и заканчивая тем моментом, когда я потеряла сознание. Вспоминала весь свой ужас, страх, отчаяние... Вспоминала крики Элонриэль и смех демонов. Вспоминала... вспоминала... вспоминала... Картины произошедшего вставали перед глазами, как живые. Я, снова, испытывала те же эмоции, что и тогда.

— Хватит! — я оттолкнула эльфа от себя. — Я не хочу... не хочу больше это вспоминать!

— Я уже всё увидел, — как-то слишком спокойно ответил Лиминдэль. — Ты, ведь, страдал от произошедшего. Почему? Страдания врагов должны радовать, а не наоборот.

— Моя мать была человеком, и я всю свою жизнь прожила, как человек. О том, что мой отец был демоном, я узнала совсем недавно. А когда узнала... попала в мир демонов. Но, попасть в мир демонов и начать думать, как демон — это, далеко, не одно и то же.

— Значит, ты Милена Кавэлли — дочь человека и демона?

— Да, — ответила я, несколько удивившись (я не думала, что настолько знаменита, что обо мне знают даже в светлом лесу). — Я...

И тут, вокруг меня всё резко потемнело, как будто за одно мгновение наступила ночь. А затем... я проснулась.

— Госпожа, просыпайтесь! — первым делом услышала я взволнованный голос Драйка. Я открыла глаза и сказала:

— Проснулась. Что за переполох? — окинула я взглядом всех моих бодрствующих «домочадцев».

— Милена не просыпалась! — жалобно ответил салер, прижавшись ко мне. — Милена не просыпалась, сколько бы её не будили!

— Кто-то пленил вас в вашем собственном сне. Сами вы проснуться не могли, поэтому пришлось будить вас при помощи магии, — объяснил Драйк. — Если бы мы этого не сделали, вас могли убить во сне, госпожа. Я чувствовал враждебную магию, направленную на вас. Вы сами что-нибудь помните, госпожа Милена?

— Помню. Это был светлый эльф.

— Светлый эльф? Неужели, светлый лес как-то узнал о том, что вы готовите на них нападение? И решили, таким образом, его предотвратить, убив вас в мире снов?

— Нет, он, изначально, приходил не для того, чтобы меня убить, — ответила я

демону. — Да и приходил он не ко мне. Он искал свою сестру — Элонриэль.

— И какое же вы, госпожа, можете иметь отношение к его сестре?

— К сожалению, самое прямое. Драйк, тебя не было на моём первом балу, но ты, наверняка, знаешь, что там было. Знаешь о светлой эльфийке, которую пленил Абигор, и то, что её, впоследствии, убили?

— Знаю.

— Та эльфийка — это и есть Элонриэль. Это её искал её брат в моём сне. Он пришёл в мой сон по зову крови и был уверен, что этот зов приведёт его к Элонриэль, но... он пришёл ко мне и был, мягко говоря, очень удивлён этим фактом. А когда мы с ним разобрались, что зов крови среагировал на меня потому, что я съела глаз его сестры, он на меня напал. И чуть не убил. Но я, всё-таки, смогла убедить его, что глаз его сестры я съела не по своей воле.

— И что было дальше? — спросил Лекс.

— Ничего. Как только мы стали, более или менее, нормально разговаривать, вы меня разбудили. Конечно, претензий у меня к этому нет, но... — я задумалась над тем, к чему мог привести этот разговор с Лиминдэлем, и пришла к выводу, что, скорее всего, ни к чему. — Ладно, раз уж я уже, всё равно, проснулась, пора приниматься за работу.

Несмотря на то, что я, как выяснилось, была разбужена посреди ночи, спать мне совершенно не хотелось. Да и мои биологические часы были сбиты напрочь из-за того, что небо в мире демонов всегда оставалось чёрным, и никогда невозможно было понять — какое же сейчас время суток. Да и разделения суток на день и ночь здесь, в принципе, отсутствовало.

Я, вновь, принялась за чтение книг про эльфов. Но, читая их, я, то и дело, мысленно возвращалась к встрече с Лиминдэлем. Она не давала мне покоя. Я прокручивала её в голове снова и снова. В конце концов, осознав, что чтением заниматься я сегодня не смогу, я отложила книги в сторону. Я оставила всех заниматься этим делом без меня, а сама ушла в один из своих рабочих кабинетов, чтобы подумать в тишине и одиночестве.

Я думала о последних днях своей жизни. О своём ребёнке, о встрече с ясновидящей и её предсказании, об отце, о встрече с Лиминдэлем, об Элонриэль, о запретном ритуале... Думала до тех пор, пока в мою голову не пришла одна жуткая мысль. После её прихода, я, тут же, вызвала к себе Драйка:

— Светлый эльф Лиминдэль, который связан со мной посредством зова крови... Я же тоже могу с ним как-то связаться? Тем же способом?

— Можете. Вы можете так же, как и он, найти его в мире снов.

— Поможешь мне это сделать? Прямо сейчас?

— Как пожелаете, госпожа, — склонил голову Драйк.

Драйк объяснил, что я должна закрыть глаза и представить себе образ брата Элонриэль. Вот так вот легко. И никакой высокой платы за это, как упоминал Лиминдэль, за это не было. Может, демоны используют какие-то другие заклинания? Но, загвоздка была в том, что если Лиминдэль в данный момент бодрствует, то ничего не выйдет. Но, как ни странно, мне повезло. Прошло совсем немного времени, как я смогла попасть в сон Лиминдэля.

— Ты? Почему ты здесь? — с изумлением, посмотрел на меня мужчина, каким-то образом, сразу поняв, что я сама явилась в его сон, а, вовсе, не снюсь ему.

— Мы в прошлый раз не закончили наш разговор — нас грубо прервали. Кроме того, у меня появилось к тебе дело, — ответила я ему.

— Какое дело может быть ко мне у демона? То, что ты не совсем обычный демон, не отменяет того, что мы — враги.

— Я понимаю, но... Скажи, Лиминдэль, тебя сильно печалит смерть твоей сестры?

— Больше, чем ты можешь себе вообразить, Милена Кавэлли, — горько усмехнулся мужчина. — Элонриэль была единственным членом моей семьи. С её смертью я остался один. Тебе не понять каково это, бессмертному эльфу, остаться одному.

— Ты прав. Мне не понять, каково это — эльфу. Я только знаю, каково это, человеку остаться одному в мире демонов. Но, не будем об этом. Я хочу спросить тебя. Ты бы хотел, чтобы в этом мире осталась жить, хотя бы, маленькая частица твоей сестры?

— О чём ты говоришь?

— Я съела глаз твоей сестры, Лиминдэль. Пусть и не добровольно, но всё же. Теперь в моих венах течёт капля крови Элонриэль. Если бы это было не так, твоё заклинание не привело бы тебя ко мне, верно?

— Верно, но... — эльф был совершенно сбит с толку. — Под частицей моей сестры... ты имеешь в виду себя?

— Нет, не себя, — покачала я головой. — Но, перед тем как мы продолжим разговор, я хочу, чтобы ты дал клятву, что всё то, о чём мы будем говорить, останется только между нами.

— Я могу дать тебе слово, что я никому и ни о чём не расскажу.

— Слова мне недостаточно. Извини. Лиминдэль, — сказала я, заметив его недовольство. — Я знаю, что эльфы всегда держат своё слово. Но, мне нужна стопроцентная гарантия. А мир демонов меня научил, что ничего, кроме клятвы, мне этой гарантии дать не может. Больше я ничему не могу доверять. Поэтому, прошу тебя, поклянись, что об этом разговоре от тебя никто не узнает.

— Хорошо, — хоть и после небольшой паузы, ответил Лиминдэль. — Я клянусь в том, что о разговоре между мной и тобой, Милена Кавэлли, от меня никто не узнает. Да станет Мать светлого леса свидетельницей моих слов, — повторив последнюю фразу на эльфийском, он, выжидательно, посмотрел на меня.

— Я хочу, чтобы ты помог моему ребёнку обрести новую жизнь в светлом лесу, — сказала я и стала ждать реакции эльфа и она не заставила себя долго ждать.

— Какому ребёнку?! — всё хвалёное эльфийское спокойствие, как ветром, сдуло.

— Моему, — спокойно ответила я. — Видишь ли... Моё дитя — дитя человека, — я положила руку на свой живот, вздохнула и продолжила. — Я забеременела ещё тогда, когда жила в мире людей. Я... я любила того человека, но... из-за моей связи с нечеловеческими мирами... из-за моего происхождения... сейчас он мёртв. Единственное, что у меня осталось от него — это ребёнок. Ребёнок, который дал мне силы на то, чтобы жить дальше. Он — самое ценное, что у меня есть на этом свете. Но, я должна смотреть правде в глаза. Мой ребёнок не выживет в мире демонов. Рано или поздно его убьют. Я это точно знаю. Шансов никаких. Поэтому, я хочу защитить его любым способом. Пусть это и будет означать, что он будет далеко от меня.

— То есть, ты хочешь, чтобы я забрал твоего ребёнка в светлый лес?

— Да, я хочу именно этого. Ведь, благодаря мне, он унаследует кровь твоей сестры, не так ли?

— Даже если и так... Думаешь, твой ребёнок, чья мать потомок демона, сможет жить в светлом лесу?

— Сможет, — твёрдо сказала я. — Сможет, если он будет чистокровным светлым эльфом.

— Что за бред ты несёшь, Милена Кавэлли?!

— Это — не бред. Есть заклинание, причём эльфийское, которое сможет превратить моего ребёнка в эльфа. Это...

— Ритуал очищения крови, — за меня закончил Лиминдэль. — Я знаю это заклинание. Оно является запретным. Откуда оно тебе известно?

— Какая разница? Главное, что я знаю принцип его действия.

— Большая разница! Я был одним из тех, кто запретил это заклинание! Было запрещено любое упоминание о нём! Так, как информация о запретной магии попала к демонам?!

— Как попала — не знаю. Честно говоря, меня это совсем не интересовало. Да и сейчас не интересуется. Меня интересуется только то, согласишься ли ты на это, чтобы сохранить кровь своей сестры?

— Если ты знаешь, что делает это заклинание, то ты знаешь — какую плату оно требует?

— Знаю.

— Хочешь, чтобы я пожертвовал своим бессмертием ради твоего ребёнка? Хочешь, чтобы я пожертвовал своим родным домом ради него?

— Да. Хотя, последнее я не особо поняла, когда читала описание ритуала. Что значит — лишиться своего родного мира?

— Значит, ты хочешь подписаться на такое опасное мероприятие, даже до конца не осознавая — чем тебе это грозит?! — взгляд светлого эльфа красноречиво говорил, что самое меньшее, кем я являюсь — это самоубийца.

— Если хочешь, можешь мне объяснить, — пожала я плечами. — Но, даже если ты этого не сделаешь, меня это не остановит. Я, всё равно, защищу своего ребёнка.

— А чтобы защитить его, тебе обязательно надо превращать его в кого-то? Почему просто не отдать его кому-то? Людям, в конце концов? Ведь, по сути, твой ребёнок больше человек, чем кто-то ещё.

— Я думала над этим, но... ничего не выйдет, — покачала я головой. — Если я просто отдам его кому-то, я не думаю, что его оставят в покое. Его очень легко смогут найти в мире людей. Да и не только в мире людей, а, вообще, в любом другом мире. Его происхождение... его кровь... С такими данными я нигде не смогу спрятать своего ребёнка. И что тогда? Его найдут... меня начнут шантажировать его жизнью... снова. А, может быть, его просто сразу убьют. Поэтому, единственный выход — это сделать так, чтобы мой ребёнок исчез навсегда. А сделать я это могу только с помощью ритуала очищения крови. Мой ребёнок станет совершенно другим существом — по внешности, по крови, по магии... Он больше не будет моим ребёнком — ни в каком смысле. И его не найдёт ни одна магия. Поэтому, пусть я и не осознаю — чего мне это будет стоить... я пойду на это.

— Демон не должен так себя вести. Демонам, обычно, совершенно наплевать на своих детей, — словно высказав мне претензию, сказал Лиминдэль.

— А я и не совсем демон. Наверное, в этом плане я никогда не смогу стать полноценным демоном.

— Ну, если так... Я объясню тебе, чем ты заплатишь за эту магию. Лишение своего мира... Мир, который ты считаешь родным... Ты навсегда потеряешь возможность находиться в нём. Ты лишишься своего родного дома.

— Я... я не совсем понимаю...

— Скажи, Милена Кавэлли, какой мир ты считаешь своим? Я не спрашиваю о том, кем ты себя считаешь. Я хочу знать — какой мир является для тебя самым дорогим и родным?

— Мир людей, — ответила я.

— После того, как ты проведёшь ритуал очищения крови, ты больше никогда не сможешь попасть туда. Мир людей будет отторгать тебя, как враждебное ему существо. Ты станешь для него чужой. Сам воздух в мире людей станет для тебя отравой. Ты не сможешь пробыть в нём и пяти минут — твой родной мир, тут же, начнёт тебя убивать.

— Это как демоны, которые для того, чтобы жить в мире людей, заключают договор с людьми? — спросила я, вспомнив Дорея.

— Что-то вроде того. Но, в отличие от них, тебе никакой договор не поможет. К тому же, демон без договора может прожить среди людей не меньше месяца. Ты же... как я и сказал — и пяти минут не будет. После ритуала очищения крови мир людей навсегда станет для тебя недоступен.

— Ну, это не так уж и страшно. Я и так думала, что больше не увижу мир людей. Кто меня туда пустит-то?

— Ты пока ещё не понимаешь, Милена Кавэлли... Одно дело — когда тебе запрещают и совсем другое, когда у тебя просто нет такой возможности. У тебя не будет ни единого шанса, ни через тысячу лет, ни через две, побывать на своей родине, хотя бы, немного.

— Это я, как-нибудь, переживу, — решительно сказала я.

— Ты-то, может быть, и переживёшь, — с сарказмом произнёс эльф. — А я? Моя родина — это светлый лес. Эльф без своего леса, считай, калека. Мы очень сильно связаны со своим домом, в котором проводим всю свою жизнь. Без связи с ним я не смогу использовать магию. Я не смогу чувствовать и слышать своих сородичей. Можешь считать, что я стану слепо-глухо-немым. Я не смогу слышать даже голоса деревьев, находящихся в шаге от меня! Это всё — моя жизнь! А ты хочешь, чтобы я пожертвовал ею!

— Извини. Я знаю, что мой поступок... что моя просьба очень эгоистична. Что я не имею права требовать от тебя таких жертв. Но... у меня нет другого выхода. Если ты откажешься мне помочь, мой ребёнок умрёт. И часть твоей сестры вместе с ним. Да, теперь я понимаю, что ты сам не сможешь устроить жизнь моего ребёнка в светлом лесу, так как после ритуала не сможешь в нём находиться, но... Я надеюсь, что ты сможешь пристроить его в какую-нибудь эльфийскую семью. Разумеется, не упоминая того, кем была его мать.

— А ты помнишь вторую часть платы за ритуал? — поинтересовался мужчина. — О том, что я лишусь бессмертия, а ты, как существо обладающее душой, её части?

— Помню.

— И ты, конечно же, не понимаешь до конца, что значит — лишиться части души? — я промолчала, а Лиминдэль продолжил. — Лишиться части — это гораздо хуже, чем лишиться души полностью. Если души у тебя нет вообще, ты полностью меняешься. Твоя личность меняется. Ты никогда больше не становишься такой, какой была прежде. Исчезают чувства жалости, сострадания, сочувствия, доброты...

— Ты говоришь так, как будто что-то в этом понимаешь. А как ты можешь это понимать, если у тебя самого души нет? И что-то я не замечала, что у светлых эльфов что-то не то с чувством жалости, доброты... Вас, вообще, считают, чуть ли, не добрейшими созданиями вселенной!

— Здесь другая ситуация, — покачал головой Лиминдэль. — Мы, изначально, были

созданы такими. Нам не нужна душа, чтобы быть теми, кем мы являемся. Мы были сотворены, как дети света и в нас были заложены такие черты, как доброта и сочувствие. То же самое было сделано с ангелами, демонами, драконами...

— Тогда, выходит, что с ангелами получилась неувязка. Ведь, Люцифер и многие Верховные демоны, изначально, были ангелами, — заметила я. — Или это можно оправдать тем, что в семье не без урода?

— Думаю, что не стоит в это углубляться, — не захотел развивать тему Лиминдэль (да и я, в общем-то, была с ним согласна — встретились мы по другому поводу). — В любом случае, если говорить о людях, то они стали единственными созданиями, которым давался выбор между светом и тьмой. И гарантией этого выбора стала душа. Душа, к которой привязаны все светлые чувства человека. Душа — это и есть свет человеческой расы. Лишишься её — лишишься всего светлого в себе.

— Так, получается, что мне же лучше, если я отдам, всего лишь, половину своего «света»?

— Нет. Я же тебе сказал, что лишиться части — это гораздо хуже.

— Но, почему?

— Потому, что половина души обречена на безумие. Тем более, твоя, которая вынуждена существовать в теле, чья кровь, по сути, является тьмой. Часть души... Это урод, не имеющий глаз, языка, рук и ног, но который, почему-то, ещё живёт. Ты не потеряешь полностью свою личность, как в случае полной потери души. Ты будешь метаться между остатками своих светлых чувств и той частью пустоты, которая появится внутри тебя. Тебя будет кидать из крайности в крайность. У тебя не будет возможности обрести покой. У тебя даже не будет возможности окончательно и бесповоротно потерять рассудок. Ты будешь «выныривать» из черноты, смотреть на свои поступки, всё осознавать... а затем, вновь, будешь отдаваться во власть тьме. Кроме того, если ты умрёшь, ты не исчезнешь, в отличие от чистокровных бессмертных существ. Но, остатки твоей души не попадут ни в Рай, ни в Ад. Часть тебя (можно сказать, ты сама) будет навечно обречена на муки, одиночество, бестелесность и страх. Так, скажи мне, Милена Кавэлли, ты готова к такому? Ты, действительно, согласна обречь себя на такое?

— А этот ритуал не может, вместо части моей души, забрать моё бессмертие? Ведь, по сути, я обладаю и тем и другим, — спрашивая это, я не то, чтобы надеялась на это, но... слова Лиминдэля, что уж тут скрывать, меня напугали. — А, может, я лишусь и бессмертия и души?

— Нет. В уплату берётся что-то одно — наиболее ценное. А бессмертная душа гораздо дороже любого бессмертия.

Я надолго замолчала. Перспектива, которую мне описал светлый эльф, меня не радовала и не прельщала. Мне было... страшно. По-настоящему страшно. Нет, меня пугало не то, что даже после смерти покоя мне не видать. Меня пугало то, что я изменюсь, причём, не по своей воле. Меня пугало то, что я стану другой и было неизвестно — насколько.

«Но, ты же хочешь спасти своего ребёнка, Милена? — спросила я себя сама. — Ты хочешь, чтобы он жил в безопасности, не боясь, что его найдут демоны или драконы?». Да, я этого хотела. И ради этого я была готова пожертвовать всем, чем угодно.

— Я готова отдать и всю свою душу, и часть и свой родной мир. И жизнь, если потребуется, — сказала я светлому эльфу. — Я уже всё решила. Поэтому, мне нужен, лишь, твой ответ, Лиминдэль.

— Только ради сестры... только ради Элонриэль я согласен на то, что ты предлагаешь. Наследие моей сестры будет жить, пусть даже и таким образом.

Я, с самого начала, была почти уверена, что Лиминдэль согласится. Пусть он и пожертвует своим бессмертием и, как теперь выяснилось, своим светлым лесом. Как и драконы, эльфы очень трепетно относятся к своим кровным родственникам. Семья для них была самым драгоценным в их жизни. Поэтому, я и рассчитывала на то, что для того, чтобы сохранить хоть что-то от своей сестры, Лиминдэль, как и я, пойдёт на всё.

— Но, где мы с тобой сможем встретиться, Милена Кавэлли? — задал вполне резонный вопрос мужчина.

— Я буду в светлом лесу через три дня, — ответила я. — Тогда я и хочу провести ритуал. Но, тогда у меня возникает вопрос: «Можно ли провести ритуал над тем, кто ещё не рождён?».

— Нет.

Вот это было серьёзной проблемой. Я не знала — смогу ли я ещё раз попасть в светлый лес. Ведь, притащить Лиминдэля в Преисподнею или в мир драконов я никак не могла.

— А есть ли какое-нибудь эльфийское заклинание, которое может ускорить рост и развитие ребёнка? — я не надеялась на положительный ответ, но не спросить я не могла.

— Есть. Мы его обычно используем, если женщина может забеременеть, но не может выносить ребёнка.

— Ты умеешь его использовать, Лиминдэль?

— Да. Хочешь, чтобы я его использовал на тебе?

— Правильно понимаешь. Хочу. Я не знаю — удастся ли мне ещё раз когда-нибудь попасть в светлый лес. И я не хочу упускать эту возможность.

— А зачем ты, вообще, будешь в светлом лесу через три дня?

— К нашему делу это не относится, поэтому я не буду отвечать на этот вопрос, — отрезала я.

Я прекрасно понимала, что если я отвечу честно на вопрос Лиминдэля, он пойдёт к чёрту клятву, которую дал, и сообщит другим эльфам о готовящемся нападении на них. Этого я допустить никак не могла. И пусть Лиминдэль меня возненавидит после того, как всё узнает, я надеялась, что это его не остановит перед совершением ритуала очищения крови.

— Я сама найду тебя в светлом лесу, — напоследок сказала я.

Эльф только кивнул в ответ, а я проснулась.

Глава 36.

— Вы сделали то, что хотели, госпожа Милена? — первым делом, спросил Драйк.

— Да.

— Я рад. Хочу сообщить вам, что вас хочет видеть Киеран — ваш слуга.

— Киеран? — удивилась я. — Неужели, он уже сделал мне оружие? Если — да, то это он сделал очень вовремя. Позови его ко мне.

Киеран зашёл ко мне с чем-то, завёрнутым в чёрную материю.

— Я сделал то, что вы просили, госпожа Милена, — он поклонился и протянул мне, принесённую им, вещь.

Я осторожно развернула ткань и в моих руках оказалась коса. Назвать её сельскохозяйственным орудием труда ни у кого бы язык не повернулся. Сделанное полностью из чёрной стали древко переходило в такое же чёрное лезвие, украшенное кроваво-красными рунами на языке демонов. Лезвие длинное, с зазубринами, которых не увидеть на обычной косе, наводило на мысли, что этим оружием можно не только отсекал что-то, но и, вполне, легко рвать плоть. Эта коса была именно оружием и ничем другим. И когда я взяла её в руки, я ясно это почувствовала. И не только это. Под моими пальцами, внутри стального древка, как будто бился пульс. Я чувствовала тепло; чувствовала, как будто, чья-то горячая кровь бежит по невидимым венам... И ещё, я чувствовала желание косы убивать.

— Она хочет убивать, — произнесла я вслух. — И она... тёплая. Или мне кажется?

— Нет, вам не кажется, госпожа, — ответил Киеран. — Демоническое оружие, вполне, можно назвать живым существом. У него есть характер. У него есть желания. Правда, желание у него всегда одно — убивать. Это то, для чего оно было создано.

— Я слышала, что у демонического оружия всегда есть имя. Это так?

— Да, госпожа. Но, у этой косы его, пока, нет. Вы сами дадите ей имя, когда позволите ей, в первый раз, попробовать кровь ваших врагов.

— Это случится раньше, чем я бы этого хотела, — вздохнула я, помня о своей миссии в эльфийском лесу.

— Но, перед тем как вы начнёте убивать ей своих врагов, госпожа, вы должны подчинить её себе, чтобы она не убила вас саму, — предупредил мужчина. — Хотя, демоническое оружие и обладает характером, похожим на своего владельца и является его частью — это не значит, что оно сразу признает вас. А косы... Они, вообще, обладают самым непредсказуемым и необузданным нравом.

— Я это учту, Киеран. Драйк, пошли, научишь меня, как управляться с этой косой. Ведь, косами я никогда сражаться не училась.

— Скорее всего, я вам не пригожусь, госпожа Милена, — ответил Драйк.

Его слова я поняла только тогда, когда оказалась в учебном зале, где, обычно, проходили все мои физические тренировки. Стоило мне взять косу в руки, как я почувствовала, что её желание просто убить кого-то, превратилось в желание... убить меня? А в следующую секунду я еле успела отбросить её от себя прежде, чем лезвие полоснуло меня по шее!

— Что за чёрт?! — с изумлением воскликнула я.

— Как я и говорил, госпожа Милена, я вам не пригожусь, — сказал Драйк. — Пока вы не подчините своё оружие... пока вы не заставите свою косу слушаться вас... я не смогу научить вас сражаться ею.

— Похоже, что так, — одарила я самым недружелюбным взглядом косу, лежащую на полу. — И сколько времени займёт это её... укрощение?

— Всё зависит, исключительно, от вас, госпожа.

«И почему от меня зависит, лишь, то, что я не хочу, чтобы это от меня зависело?» — невесело подумала я, тем не менее, поднимая косу с пола и выпроваживая Драйка за его ненадобностью.

— Ну, и как мне сделать так, чтобы ты меня слушалась? — спросила я своё оружие, словно, надеясь на ответ.

Коса же, в ответ, как мне показалось, ехидно сверкнула лезвием и одарила меня новой волной агрессии в мою сторону. Я же, даже не зная с чего мне начать, решила начать с того, что покрепче схватила древко косы. Зря я это сделала. Видимо, почувствовав давление на себя, коса рванула из моих рук, чуть не вывихнув мне их. Я смогла не выпустить её, но, сразу после этого, лезвие косы ударило меня по руке. Я, с воплем, выпустила её из рук, зажимая рану чуть ниже плеча.

— Ах ты ж сволочь! — выругалась я, с ненавистью глядя на своё собственное оружие.

Но, как бы я к нему (к оружию) не относилась, а оно мне было, жизненно, необходимо. Поэтому я, дождавшись, пока кровь перестанет идти (благо, заживление ран у меня теперь проходило, довольно, быстро), вновь, подняла косу с пола. В этот раз я действовала более осторожно — держала косу так, чтобы она не могла меня ранить, то есть, за самый край древка, подальше от лезвия. Но... один сильный рывок, коса вырывается из моих рук, падает на пол... Я, машинально, хватаю её и, в следующую секунду, еле успеваю увернуться, чтобы не была рассечена моя грудная клетка.

В последующие полчаса картина, в лучшую сторону, не поменялась. Коса хотела только одного — отправить меня на тот свет. Я же хотела это предотвратить и заставить её меня слушаться. Я чувствовала себя, как на необъезженной лошади, которая хочет меня сбросить. Я «сбросить» себя не позволяла, но и дальше этого зайти не могла. Не могла по той простой причине, что не знала — как. Единственное, что я могла делать — это не дать себя прикончить и стараться не выпустить косу из рук. И первое, и второе получалось с переменным успехом.

— Мать вашу! — выругалась я, когда коса, в очередной раз, чуть не отсекла мне ногу. — И что же у нас с тобой общего в характере? Да ни черта общего нет!

Так прошло ещё полчаса. Я совершенно выбилась из сил, а прогресса никакого не было. Те раны, пусть и не большие, которые я получила за всё это время, тоже особой радости не доставляли. Единственное, что я сейчас ощущала — это самое натуральное бешенство. Меня бесила моя собственная беспомощность перед каким-то там демоническим оружием.

— Госпожа Милена, может, вам отдохнуть? — предложил Драйк, который зашёл ко мне в зал.

— Да, наверное, — вынуждена была согласиться я. — Всё равно, толку никакого нет, — я бросила неприязненный взгляд на косу, лежащую в углу зала. — Я сейчас в ванну... Позови Киерана туда ко мне.

— Слушаюсь.

Когда Киеран пришёл, я, в расслабленном состоянии, лежала в горячей воде.

— Вы хотели меня видеть, госпожа Милена?

— Да, хотела, — кивнула я. — Я хотела спросить тебя кое о чём. Каким образом можно быстро подчинить демоническое оружие? Что для этого надо сделать и сколько времени это займёт? Ты, ведь, должен это знать, раз ты делаешь это оружие?

— По времени у каждого демона это занимает по-разному, — ответил Киеран. — Нет какого-то определённого срока. У кого-то подчинение демонического оружия занимает месяцы, а у кого-то дни. И способы этого тоже индивидуальны. Ведь, оружие всегда носит в себе характер хозяина и, лишь, хозяин знает, как добиться подчинения.

— А если я не знаю — как? — спросила я.

— Вы знаете, госпожа. Просто вы этого ещё не поняли. А для понимания вам нужно время.

— А если у меня нет этого времени? Этот процесс понимания... его можно, как-нибудь, ускорить?

— Возможно, что и можно, но мне этот способ неизвестен. Индивидуальность каждого оружия и его хозяина, делает невозможным создать какую-то определённую схему тренировок или ещё чего-то подобного. Демоническое оружие подчиняется только своему хозяину и больше никому. Чужое оружие даже в руки взять невозможно.

— Но, ты же мою косу мне в руках принёс, — напомнила я ему.

— Я её создатель — это, во-первых. А во-вторых, ткань, в которую она была завернута, магическая и она сковывала косу. И, последнее, ваша коса меня не убила, но и подчиняться она бы мне не стала. Я не смог бы сражаться с её помощью, — объяснил демон.

— То есть, ты мне в этом деле помочь ничем не можешь.

— Я — нет. Но, есть кое-кто, кто, возможно, знает, как быстро подчинить демоническое оружие. Он — единственный демон, который способен подчинять себе чужое оружие и, с лёгкостью, им сражаться.

— Ты мне лучше скажи — кто это, а не расписывай его достоинства! — с раздражением потребовала я.

— Это ваш покровитель, госпожа Милена. Демон войны — Абигор. Если кто и сможет вам помочь подчинить свою косу в кратчайшие сроки, то только он.

— Я поняла тебя, Киеран. Можешь идти.

Я устало вздохнула, откинула голову назад, положив её на бортик ванны. Новость, которую сообщил мне Киеран, меня не обрадовала. Обращаться за помощью к Абигору у меня никакого желания не было. Особенно, после нашего с ним последнего разговора.

«Неужели, нет иного способа, чтобы за несколько дней подчинить эту гадину? — невесело думала я. — Почему мне всегда, обязательно, нужна помощь кого-то из тех, кого я на дух не переношу? Конечно, если верить словам Киерана, то, возможно, что за несколько дней у меня всё и получится, но... А если нет? Вдруг, я из тех, кому требуются месяцы? Нет, я не могу полностью довериться своей удаче. А это значит, что к Абигору обращаться, всё-таки, придётся».

Я решила, что откладывать визит к демону войны смысла нет. Я оделась, завернула косу в ткань, в которой принёс её Киеран, чтобы она не зарезала меня по дороге и отправилась к Абигору.

Абигора несколько удивило моё появление:

— Пришла ко мне добровольно? Интересно, с чего это вдруг?

— Ну, ты же, всё-таки, мой покровитель, Абигор, — ответила я. — И мне, как твоей

подопечной, нужна твоя помощь.

— И в чём же? Неужели, кто-то посмел тебя обидеть?

— Нет, меня никто не обидел. Я хотела попросить у тебя помощи в одном деле.

— Помощи? У меня? Интересно... Подойди ко мне, — приказал демон войны.

Я замешкалась на секунду, но подошла.

— Садись, — похлопал он по своему колену.

Я не стала задавать глупого вопроса — «зачем?». Я просто сделала то, что он хотел, правда, не выпуская из рук косу, всё ещё завёрнутую ткань. Кстати, Абигор, как будто, и не видел, что я держу что-то, довольно, внушительных габаритов. Или он делал вид, ожидая, пока я сама не скажу?

— Тебе не кажется, Милена, — заговорил Верховный демон. — Что если ты от меня что-то хочешь, то должна хорошо попросить об этом?

— И как же ты хочешь, чтобы я просила? — поинтересовалась я. — Ведь, ты даже ещё не знаешь, что мне нужно.

— И что же тебе нужно?

Я, недолго думая, сунула под нос Абигора косу.

— Что это? — с неподдельным интересом, спросил он.

— Моё демоническое оружие. Точнее, оно должно стать моим, но, пока, ни в какую, на это не соглашается. И, чтобы получить это согласие, мне и нужна твоя помощь.

— Слезь и дай мне своё оружие, — глаза Абигора были прикованы к косе, а обо мне он, как будто, забыл.

Я слезла с его колен и протянула ему свою косу. Демон войны, сразу же, содрал ткань, прежде чем я успела сказать ему, что это, вообще-то, опасно. Ведь, я прекрасно помнила желание косы убивать. Но, как ни странно, в руках Абигора коса, если можно так сказать, не подавала признаков жизни. Сам же Абигор, с неподдельным удивлением, её рассматривал.

— Странный образ у твоего оружия, — наконец, произнёс он. — Коса... Насколько мне известно, она была только у Самаэля.

— Да, мне это говорили. Так, ты мне поможешь?

— Зачем тебе моя помощь? Рано или поздно, ты найдёшь способ подчинить её. Или будешь убита ею, — добавил мужчина.

— На «рано или поздно» у меня нет времени. Она нужна мне будет через пару дней, в светлом лесу.

— Хочешь опробовать её в светлых эльфах?

— Именно.

— Что ж... это должно быть интересно. Хорошо, я помогу тебе. Для начала, попробуй сама взять её в руки.

Я не понимала, зачем это нужно Абигору, но я послушалась. Я взяла косу в руки. И, как только я это сделала, коса ожила. Она стала не то, что тёплой, когда я взяла её в первый раз — горячей! И её желание убить меня и её ненависть ко мне, казалось, достигла своего апогея. Я сильно испугалась, и когда лезвие чуть не отсекло мне голову, отбросила косу, как можно, дальше.

— Проблема мне понятна, — заявил Абигор и встал.

Он подошёл к лежащей на полу, косе, подобрал её... Даже не держа её сейчас в руках, я почувствовала её агрессию и злость, направленную на Абигора. «В этот раз она и его попытается ранить» — подумала я тогда.

— Тихо! — рыкнул Абигор на косу и она, как будто, испугалась.

Да, я явно это почувствовала. Коса испугалась одного слова Верховного демона. Как собачонка, которая прижала уши и хвост, испугавшись грозного окрика хозяина. «Мне бы так» — с завистью подумала я.

— Идём, — Абигор повернулся к двери.

— Куда?

— Увидишь.

По дворцу Абигора мы шли, довольно, долго. Я даже успела, слегка, устать. Я шла за Абигором, который шёл впереди, поигрывая моей косой. Нет, я, конечно, понимала, что по его телосложению, моё оружие, действительно, выглядело почти игрушечным, но не до такой же степени! Он, как будто, с простой палкой играл! Мне стало даже как-то... обидно. А коса боялась. Она боялась демона войны, как мышь кошку.

Наконец, мы остановились у одной двери. Верховный демон открыл её, подозвал меня к себе. Я зашла, заглянула в комнату, которая была за дверью, но... ничего не увидела потому, что там было темно и отсутствовали какие-либо источники света.

— Ну, и зачем мы... — начала я, но договорить не успела.

Абигор втокнул меня в помещение и, судя по звуку, бросил за мной косу. А затем, дверь захлопнулась, оставив меня в полной темноте. Наедине с косой.

— Какого чёрта, Абигор?! — я замолотила руками по двери. — Открой дверь!

— Я выпущу тебя через двенадцать часов, — ответил Абигор. — А за это время постарайся наладить свои отношения с твоим же собственным оружием.

— Ты с ума сошёл?! — закричала я. — Да эта коса меня прирежет за это время!

— Вот, поэтому ты должна очень хорошо постараться наладить с ней отношения. Либо ты это сделаешь, либо умрёшь. Кстати говоря, помещение, в котором ты оказалась, размером, всего, два на два метра. Так что, ты не сможешь отбросить своё оружие подальше. Можно даже сказать, что вы будете вынуждены находиться там, практически, в обнимку.

— Да ты меня, чуть ли, не в гроб засунул! — в моём голосе послышались истерические нотки — было очень страшно оказаться, практически, в коробке, один на один с тем, что жаждет тебя убить.

— Перестань бояться своего оружия, Милена, — сказал демон войны. — Чем сильнее ты его боишься, тем больше шансов, что оно тебя убьёт. Твоя коса чувствует страх и неуверенность. Поэтому она и творит, что ей заблагорассудится. Хозяин не должен испытывать страха. Он не может быть неуверенным. И вспомни, Милена, что эта коса была сделана именно для тебя. Она твоя и ничья больше. Поэтому, ты должна показать этой косе, кто здесь главный. Если же нет... Через двенадцать часов я заберу отсюда твой труп, — и я услышала его удаляющиеся шаги.

Стукнув ещё раз по двери, я повернулась к ней спиной. Глаза ещё не привыкли к темноте и, где именно лежит коса, я не видела. И от этого становилось ещё страшнее. Затея Абигора мне показалась полным безумием. Мне казалось, что у меня есть шанс пережить эти двенадцать часов, только если я буду убегать от косы всё это время. А если вспомнить размер этого помещения, то сделать это будет проблематично.

«Чёртов Абигор, — думала я. — Зачем я только к нему обратилась? Это не помощь, а издевательство какое-то! Или затейливый способ отправить меня на тот свет, списав всё на несчастный случай. Мол, сама же напоролась на лезвие косы».

В последнее я, конечно, не верила. Демону войны не нужна была моя смерть. В этом не

было никакого смысла. Но, я верила в то, что если, всё-таки, умру здесь, Абигора это не слишком расстроит.

Я шагнула от двери, приняв решение обследовать помещение. Я, наощупь, по стеночке, медленно стала передвигаться. Но, сделав всего несколько шагов, рука наткнулась на угол комнаты. Абигор не солгал — ширина комнаты составляла не больше двух метров. Я сделала ещё один шаг и... наткнулась ногой на металлическое древко. Попытка шарахнуться в сторону привела только к тому, что я больно стукнулась о стену. Проклянув про себя и Абигора и эту каморку, в которую он меня запихнул, я замерла на месте, не двигаясь, чтобы, ненароком, вновь не натолкнуться на косу.

«Но, так долго стоять на месте не получится. Я же не смогу на все двенадцать часов замереть столбом!».

Пока я об этом думала, коса, видимо, решила, что надо действовать. Не знаю — как, но она оказалась, впритык, с моей правой ногой, по которой она меня и полоснула. Я заорала от дикой боли. Затем, через несколько секунд, немного придя в себя, я, пинком здоровой ноги, отшвырнула косу. Почувствовав себя, более или менее, в безопасности, я зажала рану рукой, ожидая, пока она не начнёт затягиваться. Рана оказалась довольно глубокой (кровь, сначала, текла очень обильно), но заживать она у меня стала быстро. Как бы там ни было, а получать раны было неприятно. К тому же, я не была уверена в том, что не могу, банально, истечь кровью, если ран будет слишком много. А вариант избежать этого был только один — подчинить себе оружие. Второго варианта просто не существовало.

«Как там говорил Абигор? Перестать бояться собственного оружия? Проще сказать, чем сделать».

Мои глаза, к тому времени, уже привыкли к темноте, и я могла разглядеть тускло блестящее лезвие, в одном метре от меня. Это было, всё равно, что оказаться в одной комнате с гремучей змеей. Ощущения, по крайней мере, были примерно такими же. Было неизвестно — в какой момент коса может решить напасть снова. А то, что она, вполне, может двигаться самостоятельно, я уже уяснила.

«Первым делом, надо попытаться успокоиться, — подумала я про себя. — Паника и страх, действительно, делают только хуже. И не только в том плане, что мой страх чувствует коса, а в том, что я не могу здраво мыслить, поддаваясь страху».

Я вспомнила, как боролась со страхом, когда Лилит отправила меня на оргию. Да, ситуация сейчас была совершенно иной, но что мне мешало использовать тот же способ, что и тогда? Тогда, я заменила страх на, своего рода, интерес и мысль о том, что демон, который был тогда со мной, не более чем собака. Косу тоже можно было легко ассоциировать с собакой — злобной, агрессивной, не желающей слушать своего хозяина, но собакой. Только вот интерес к ней вызвать у себя было невозможно. И тогда, я решила использовать ту эмоцию, которую я испытывала, когда в первый раз пыталась подчинить себе косу — злость.

— Ты будешь слушаться меня, тварь! — вслух сказала я, через голос пытаюсь передать всю ту злость, что я испытывала. — Ты мне подчинишься! Обязательно! Абигор прав — ты была сделана для меня! Исключительно ради меня и благодаря мне ты появилась на этом свете! И только я имею право управлять тобой! Слышишь?!

Разумеется, коса на мой «жаркий» монолог никак не отреагировала. Зато я, после него, почувствовала себя гораздо увереннее. Страх и панику вытеснило здоровое раздражение от того, что что-то, появившееся для того, чтобы служить мне, этого не делает. Да ещё и, можно сказать, это «что-то» огрызается и кусается.

— Я тебя не боюсь, — твёрдо сказала я, шагнув к, лежащей на полу, косе. — Я не собираюсь бояться того, чем буду сражаться. И моя жизнь, благодаря тебе, здесь не оборвётся. Я подчиню тебя.

Договорив последнюю фразу, я взяла косу в руки. Судя по ощущениям, желания убить меня у неё, нисколько, не убавилось.

— А знаешь, я нашла нашу общую черту характера, — произнесла я. — Ты, как и я, не хочешь признавать власти над собой. Но, к сожалению, как и мне, тебе придётся смириться с этим.

Коса дёрнулась из рук, но я была к этому готова. Я вцепилась в неё мёртвой хваткой и прошипела сквозь зубы:

— Даже не думай снова меня ранить!

Но, коса только об этом и думала. Стоило мне только чуть-чуть ослабить хватку, как я чуть не лишилась головы!

«Похоже, это займёт больше времени, чем я ожидала» — с досадой подумала я. И оказалась права.

Я сидела в комнате уже несколько часов подряд. Может, меньше или больше. Когда сидишь в темноте, никогда точно не знаешь. За всё это время, я успела получить около десятка порезов и столько же раз коса вырывалась у меня из рук. Можно сказать, что у нас сложилась стойкая ничья — она продолжала резать и вырываться, а я продолжала, раз за разом, вновь брать её в руки.

Я, устало вздохнув, села и привалилась к стене. Косу я оставила лежать подальше от себя. Я выбилась из сил. Моя одежда, насквозь, промокла от пота. Руки болели от того, что моё оружие, каждый раз, чуть не выворачивало мои запястья. Желания то-то делать уже не было никакого. Хотелось просто закрыть глаза и уснуть. Но, увы. Я не могла себе этого позволить. Заснуть в маленьком помещении, наедине с магическим оружием, которое жаждет тебя убить — это не лучшая идея. Поэтому, я сидела на полу и, отрешённо, наблюдала, как затягивается последняя, нанесённая косой, рана.

Коса звякнула, словно, привлекая моё внимание.

— Что, скучно стало? — оторвалась я от созерцания раны, которая уже успела превратиться в тонкую полоску царапины. — Не нравится, что я на тебя внимания не обращаю? Ты как домашнее животное, которое требует общения с хозяином. Только, когда хозяин обращает на тебя внимание, ты не ласкаешься и не виляешь хвостом. Ты кусаешься. М-да, кажется, я совсем рехнулась — с железом разговариваю. Но, если вдруг, ты меня понимаешь, послушай, что я скажу. Ты можешь сопротивляться сколько угодно времени. Ты можешь пытаться убить меня сколько угодно раз. Но... Убить себя я, в любом случае, не позволю. А ты, если и дальше будешь упрямитесь, станешь мне не нужна. Я закрою тебя в каком-нибудь чулане и ты, навсегда, там и останешься. Нового хозяина у тебя не появится, ведь, только я могу тобой владеть. Абигор не в счёт. Ты ему не нужна — на это можешь не рассчитывать. И будешь ты пылиться весь остаток вечности, никому не нужная. А ты же хочешь совсем другого, верно? Ты хочешь убивать. Ты хочешь вгрызаться в плоть врагов, заставляя их корчиться в агонии. Так? Я могу дать тебе это, причём, совсем скоро. А для этого мне нужна, всего лишь, твоя покорность. Так что, думай (если, конечно, тебе есть, чем думать), как ты хочешь существовать: всеми забытая или убивая вместе со мной.

Я не знала, имеет ли какой-то смысл моя речь или нет. Но, после неё, я решила сделать

последнюю попытку взять косу в руки. Я поднялась с пола, подошла к демоническому оружию, взяла его в руки... И я почувствовала, что желание убить поменялось на другую эмоцию — на... задумчивость. «Неужели, она, действительно, думает?!» — изумилась я. Мне бы очень хотелось на это надеяться потому, что я для себя решила, что если она и в этот раз вырвется из рук, я плюну на это дело и, действительно, навсегда запрю где-нибудь это оружие и забуду о нём.

Прошло несколько минут. Коса вырваться не пыталась, хотя, всё ещё пребывала в состоянии задумчивости. Я осторожно взмахнула ею, как будто нападаю на невидимого врага. Эмоция косы, вновь, изменилась. В этот раз это было недовольство. Я не понимала в чём дело, пока в моей голове, будто сама собой, не сформировалась мысль: «Здесь никого нет! Здесь нет врагов и нет крови! Нет смысла нападать!».

— И чья это мысль? Моя или, всё-таки, твоя? — вслух, с интересом спросила я, обращаясь к своему демоническому оружию.

Ответом мне была, разумеется, тишина. Я не имела ни малейшего понятия о том, может ли демоническое оружие телепатически общаться со своим хозяином или ещё как-то передавать свои мысли. Но я, всё равно, больше склонялась к тому, что последняя мысль принадлежала не мне.

— Так, ты согласна на мои условия или нет? — поинтересовалась я. — Если — да, то дай мне это, как-нибудь, понять.

Я закрыла глаза и прислушалась к ощущениям, идущим от косы. Первое, что я отметила про себя, это то, что желания меня прикончить у косы, вновь, не появилось. А эмоции задумчивости и недовольства сменились интересом. А затем... затем, в моей голове, стали появляться картины — одна другой страшнее. Перед моими глазами проносились видения, где чёрное лезвие рассекало чьи-то тела, сносило головы... Я, без преувеличения, видела реки крови. Я чувствовала ликование и дикий восторг. Я чувствовала, как, снова и снова, хотелось погрузить лезвие в тёплую плоть.

Я резко открыла глаза и спросила:

— Это то, чего ты хочешь?

Волна утвердительного ответа, идущая от косы, согрела мои руки.

— Что ж, ясно. Я дам тебе это, — уверенно сказала я. — Я дам тебе это, буквально, на днях. Конечно, в том случае, если ты будешь меня слушаться. Как ты относишься к крови светлых эльфов?

Мне показалось, что ответ косы был таким: «Мне всё равно — светлые эльфы или тёмные. Эльфы, вообще, или нет. Единственное, чего я хочу — это убивать. И если с тобой я это получу, то ты — моя хозяйка».

— Получишь-получишь. Даже несмотря на то, что сама я не горю желанием совершать всё это, — последняя фраза была сказана себе самой.

Дверь скрипнула, открываясь. На пороге стоял Абигор.

— Я так понимаю, у тебя всё получилось? — с усмешкой, сказал он.

— Да, — кивнула я. — Благодарю. Хотя, способ у тебя — помочь мне... Чтобы ты делал, если бы эта коса, действительно, убила меня? Я понимаю, что никаких твоих чувств моя смерть не задела бы. Но ты, ведь, должен был бы как-то объяснять мою смерть повелителю Люциферу, у которого с повелителем драконов на меня договор.

— А ты бы не умерла в любом случае, — ответил Абигор. — Всё то время, что ты здесь находилась, я следил за ситуацией. Иначе, как ты думаешь, почему я пришёл гораздо раньше,

чем прошли двенадцать часов?

— Зачем тогда надо было пугать?

— Затем, чтобы ты считала, что подчинить своё оружие — это твой единственный шанс спасти свою жизнь. Если находишься на грани смерти, то, обычно, начинаешь лучше и быстрее соображать.

В чём-то демон войны был, конечно, прав. Когда ты находишься в смертельной опасности, то, обычно, адреналин обостряет все чувства, в том числе, и умственную деятельность.

— Как бы там ни было, но ты мне помог, Абигор. И я тебе благодарна, — сказала я. — Теперь, я могу уйти?

— Нет. Я ещё хочу проверить, насколько хорошо тебе подчиняется твоя коса. Насколько хорошо она тебя чувствует.

— И каким образом ты собираешься это проверять? — мне уже сильно не нравилась эта идея.

— Ты сразишься со мной.

— Рехнулся?! — посмотрела я на него, как на ненормального. — У меня, конечно, много чего в жизни плохого было, но это не значит, что я хочу покончить жизнь самоубийством. А я и одной минуты не проживу, если буду сражаться с тобой. Да и в чём смысл этого?

— Смысл в том, что любое демоническое оружие должно реагировать на опасность, грозящую его хозяину. Кроме того, оно должно чувствовать эмоции своего хозяина и, поверхностно, ощущать намерения противника. От всего этого зависит то, как оно будет себя вести. Да, у него всегда будет желание убивать, но... Если ты будешь сомневаться, если не будешь видеть в противнике врага... твоя коса тебя подведёт. Если же ты будешь уверена в своих действиях, твоя коса может компенсировать твоё незнание и неопытность в бою. Она сама будет направлять удары, сама управлять всеми действиями.

— То есть, ты хочешь знать, уверена ли я, держа её в руках? — спросила я.

— И это тоже. К тому же, я хочу убедиться, что ты не порежешься о своё собственное оружие, когда будешь в светлом лесу. И не нервничай ты так. Я же не собираюсь сражаться с тобой всерьёз.

— Это, конечно, утешает, но не намного, — пробормотала я себе под нос, думая о том, что даже если Абигор и не будет серьёзен, ранить он меня может запросто.

Я не представляла себе, как я буду сражаться с Абигором. Для меня это было невыносимым. Даже если бой и будет тренировочным, я знала, что мне не поздоровится.

«Ладно, будем считать, что это наше первое совместное испытание, — мысленно обратилась я к косе. — Надеюсь, мы его пройдем без больших последствий».

Коса моих мыслей не разделяла. Она, вообще, не хотела сражаться с Абигором, ввиду того, что она его боялась. А может, ей передались мои неуверенность и сомнение. Но, отказаться от этого боя мы, всё равно, не могли. Выбора у нас не было. Абигор, в одном лице, был и Верховным демоном и моим покровителем. Такому не откажешь.

Абигор привёл меня в большой пустой зал. Судя по вмятинам и трещинам на полу, потолке и стенах, этот зал использовался для тренировок. Было страшно представить такую силу, которая оставляет такие следы, всего лишь, тренируясь. Осознав последнее, желания сражаться с демоном войны стало ещё меньше. А когда в руках Абигора появился меч, с половину его роста... Навскидку, я не смогла бы эту махину даже поднять. Что уж говорить о

том, чтобы сражаться с помощью него. По сравнению с этим мечом, моя коса выглядела зубочисткой!

— Абигор, ты точно уверен в своей идее? Может, как-нибудь по-другому проверим мою связь с косой? — предложила я.

— По-другому не выйдет, Милена. Да и у тебя будет шанс ранить меня. А ты же так сильно меня ненавидишь, верно?

— Последнего отрицать не стану. Но, ты не хуже меня знаешь, что и шанса у меня никакого нет. Так что, не надо мне давать ложные стимулы.

— Как хочешь. Но я хочу, чтобы ты использовала свою ненависть ко мне в сражении.

Абигор, даже не договорив последнюю фразу, напал на меня. Лезвие его меча свистнуло в миллиметре от моей шеи, когда на его пути возникла моя коса. Я не успела ничего сообразить или отреагировать, когда коса, словно бы сама собой, загородила своим древком мою шею. Металл ударился о металл, а я еле устояла на ногах. Если бы Абигор, действительно, сражался со мной на смерть, используя всю свою силу, я бы уже рассталась с жизнью. А так, я чувствовала, что Абигор, как будто, играет со мной, поддаваясь и позволяя мне попытаться ударить его в ответ. Что я и сделала, стоило только мечу демона войны отдалиться от меня на пару сантиметров. Я напала на него, одолеваемая чувством ненависти к этому мужчине, отбросив любые сомнения. Я знала, что всего одна мысль о страхе или неуверенности не даст мне даже и думать о том, чтобы ранить Абигора. А мне этого хотелось! Ох, как сильно мне хотелось оставить хоть малейшую царапину на коже Верховного демона! Я чувствовала, что коса, как и я, перестаёт испытывать страх к демону войны. В моём демоническом оружии не осталось ни одного желания или эмоции, кроме жажды убийства. И даже несмотря на то, что таким оружием, как косой, я никогда не пользовалась и не умела этого делать, руки сами двигались в правильную сторону, видимо, ведомые самим оружием. Правда, в сражении с Абигором, меня это не спасало. Он отбивал все мои выпады с поразительной лёгкостью, словно отмахиваясь от мухи. Это, в свою очередь, злило меня ещё больше. Я нападала снова и снова... В конце концов, дошло до того, что во мне, как и в моей косе, не осталось ничего, кроме жуткого, всепоглощающего желания убить Абигора. Кроме этого, в голове не осталось никаких мыслей. А с косой мы стали, как единое целое — желанием, чувствами... Даже, можно сказать, телом. Мои движения продолжали её и наоборот. Я не чувствовала разницы между собой и ею.

— Стоп, — произнёс одно единственное слово Абигор.

И я, тут же, замерла. В один миг я вспомнила, кто передо мной стоит и, в тот же момент, тоже самое вспомнила и коса.

— А ты, ведь, действительно, меня ненавидишь, Милена! — с каким-то непонятным для меня весельем, сказал Абигор.

— Я же говорила об этом с самого начала, — ответила я. — Я этого не отрицала. Что тебя удивляет?

— Мне многие говорят, что ненавидят меня. А, на самом деле, кроме страха передо мной, в них ничего нет. Такую чистую, незапятнанную и неприукрашенную ничем, ненависть мало, кто испытывает в действительности. А вот ты... ты испытываешь!

— И тебя это так радует? — ход мыслей демона войны был мне не понятен.

— Чистая ненависть, как и слепое обожание, не может не радовать. Тем более, демона.

— Да? А вот мне не нравится, когда меня ненавидят. Так ты убедился, что я не порежусь своей косой в светлом лесу?

— Вполне. Но, я хочу убедиться ещё кое в чём.

— Да в чём ещё-то ты хочешь убедиться? — с раздражением спросила я. — По-моему, ты уже всё узнал, что хотел. Мне идти пора.

— Терпение, Милена, — в голосе демона войны послышалась угроза. — Когда я решу, что я узнал всё, что мне нужно, тогда и уйдёшь.

Начинающееся раздражение в голосе Абигора, мгновенное, привело меня в чувство. Я почувствовала, что перешла границу дозволенного.

— Прости, Абигор, — я, слегка, склонила голову, в жесте извинения. — Я... я погорячилась. Так, что ты хочешь знать?

— То, что ты меня ненавидишь, я понял. Но... видишь ли ты во мне врага?

— А, разве, это не логично, что тот, кого ты ненавидишь, твой враг? — не поняла я.

— Ты в этом так уверена? Правда считаешь меня своим врагом, Милена?

Я непонимающе смотрела на Абигора. Какого ответа он добивался? Если ты кого-то ненавидишь, то ты, априори, относишься к этому человеку (или не человеку) враждебно. Тут даже вопроса никакого не должно возникать. А Абигор протянул ко мне руку и провёл ею по волосам. Я, машинально, отпрянула. Но, недовольства по этому поводу мужчина не высказал. Он спросил:

— Как ты думаешь, почему твоя коса сейчас не оградила тебя, как в том случае, когда я напал на тебя с мечом?

— Потому, что она не чувствовала опасности? — осмелилась предположить я.

— И это тоже. Но... если бы она, на самом деле, чувствовала, что ты относишься ко мне, как к врагу, ей было бы всё равно — с мечом я к тебе подхожу или без. Она бы стала защищать тебя от меня в любом случае, несмотря на то, что она меня боится. А так... Кем же ты считаешь меня, Милена?

Я не знала, зачем Абигору это нужно, но честно задумалась над этим вопросом. Если я не считаю его врагом, то кем тогда? Да, демона войны я ненавидела. Ненавидела за то, что он делал. Ненавидела за то, что он такой, какой есть. Он был жесток. Он бы опасен. Опасен... На этом моменте я, мысленно, споткнулась. Опасен-то он опасен, но опасен ли он для меня лично? С какой стороны не посмотри, а выходило, что — нет. И дело не в том, что Абигор был моим покровителем. Дело было в том, что я была связью Люцифера с драконами. Демон войны никогда не убьёт меня, пока я нужна повелителю Преисподней. Соответственно, Верховный демон никак не мог являться моим реальным врагом. И, выходило, что по его собственным словам, и я его таковым не считаю? А кем я тогда его считаю? Не знаю. Абигор — Верховный демон. Один из могущественнейших созданий Преисподней. Хозяин положения в отношениях со мной. Но... как ни парадоксально, не враг. Ненавистный, злобный, похотливый, властный, сильный... кто? По сути, такой же демон, как и я. Если уж на то пошло, то Абигор был мне ближе, чем те же люди или драконы. Так сказать, ближайший родственник. Родственник, которому необходимо подчиняться. Не враг... Сложно признавать, но так и есть на самом-то деле.

— Ты мне не враг, — вслух сказала я. — Ты Верховный демон и мой покровитель. Но, любви к тебе это не прибавляет. Я удовлетворила твоё любопытство?

— Люблю честные ответы, — усмехнулся Абигор. — Правда, для многих такие честные ответы плохо заканчиваются.

— Я рада, что я — исключение из правил, — без всякой иронии ответила я. — Я пойду?

— Иди, — разрешил он, но когда я уже повернулась к нему спиной, остановил. — Стой.

Последний вопрос. Что ты решила по поводу моей маленькой просьбы насчёт светлого леса? Ты же уже пришла к какому-то решению?

— Да, пришла, — честно призналась я. — Но... могу я его не говорить? Ты, всё равно, узнаешь о нём, когда я вернусь из светлого леса.

— Не хочешь, чтобы я убивал твоих подруг прямо сейчас?

— Возможно. Так, я могу не отвечать на вопрос?

— Можешь. Но, помни, что, как только я узнаю — исполнила ли ты мою просьбу или нет — я исполню своё обещание. Либо я позволю тебе увидеться с твоим Каем, либо... Впрочем, ты и сама это знаешь.

«Простите меня — Николь, Лави, — думала я, выйдя из дворца Абигора. — Но... я не могу вас защитить. Как бы я этого не хотела... я ничего не могу сделать».

Я почти смирилась с мыслью, что и Лави и Николь не станут сразу же, как я вернусь из светлого леса. Я знала, что буду винить себя в их смерти, и что я буду видеть их в своих снах. Но я также знала, что своего решения я не изменю. Я не стану делать то, что хотел Абигор. Я полностью подчинюсь Люциферу. К тому же, теперь у меня была ещё одна причина не связывать эльфов в войну с демонами. Мой ребёнок. Я бы хотела, чтобы, хотя бы, до тех пор, пока он растёт, в светлом лесу было более или менее спокойно. Разумеется, не считая моего скорого визита туда.

Глава 37.

— Что ты думаешь о Кэтэрине, Милена? — вместо приветствия, спросила меня Дайона.

Её, как обычно, не интересовало, что происходит в моей жизни. Мои проблемы, переживания... Дайону волновало только то, что касалось, исключительно, её. Хотя, я пока так и не поняла, какое отношение она имеет к Кэтэрине.

На её вопрос я ответила, на секунду задумавшись:

— Наивная. Как мне показалось, совершенно не приспособленная к жизни. Но, вместе с тем, очень счастливая. Честно говоря, я завидую ей. У неё была любимая мама, возлюбленный, друг... Кстати, о друге. Её другом был Самаэль — ангел смерти. Я правильно поняла?

— Да, правильно.

— И любовь к нему помогла бабочке обрести человеческую душу и тело?

— Да.

— Но, Кэтэрина, в последствии, полюбила другого. Получается, она предала его, не так ли?

— Самаэль так не считал. И сейчас не считает, — ответила Дайона.

— Да, он говорил Кэтэрине, что человеческая душа изменчива, и он не злится на неё. Но, всё равно... А почему Самаэль с таким недоверием относился к возлюбленному Кэтэрины?

— Он знал его. И он ему не верил. Не верил в искренность его чувств. Но, несмотря на все свои подозрения, матери Кэтэрины он об этом мужчине так не сказал. И это стало его самой огромной ошибкой...

— А кем была мать Кэтэрины? Ведь, естественным образом она не родилась — её создали.

— Скоро узнаешь, Милена. А Кэтэрине ты бы не завидовала раньше времени...

Сегодня я целый день одна. Мама делами занимается. Самаэль — тоже. Даже у моего любимого нашлось что-то неотложное, что помешало ему встретиться со мной. А мне скучно. Я не знаю, чем мне себя занять. Территорию вокруг дома я уже давно изучила вдоль и поперёк. А заходить дальше определённой границы мама не разрешает. Хотя, один раз, я её, всё же, послушалась...

В тот день мне тоже нечем было себя занять. И я решила, что ничего плохого не будет, если я зайду чуть дальше разрешённой мне территории. Всего на чуть-чуть. На пару зелёных лужаек. Я никогда, до этого, не нарушала мамины запреты. Было страшно и... немного стыдно. Но, одновременно, съедало любопытство: «Что я увижу там? Что ждёт меня на этой неизведанной земле?». Мне это казалось целым приключением.

«Приключение» закончилось тем, что я встретила его — своего возлюбленного. Точнее, не встретила, а буквально налетела, отвлекшись на красивую яркую птицу. Он не злился, не ругался. Он улыбнулся мне и спросил моё имя. Да, мама предупреждала, что нельзя разговаривать с незнакомцами, но... он был первым, кого я, вообще, встретила в своей жизни, не считая маму и Самаэля. Мне было так интересно. И совсем не страшно. Я как-то

сразу подумала, что этот мужчина — хороший и ничего плохого мне не сделает.

Мы очень долго с ним разговаривали. Я расспрашивала его обо всём на свете: о том, как живут демоны, люди, ангелы, драконы... О том, насколько велик мир и есть ли место, где он заканчивается. О том, где он сам бывал, что он видел. Мужчина подробно и терпеливо отвечал на все мои вопросы. А когда солнце уже стало садиться, он сказал, что мне пора домой. Что мама будет волноваться. Я знала, что он прав, но мне так не хотелось с ним расставаться. Я ещё так о многом его не спросила. Я сказала ему об этом, а он предложил встретиться на следующий день. Я была очень счастлива услышать это.

Так всё и началось. Мы стали встречаться каждый день. Мы сильно сблизились за всё это время. Мне очень хотелось рассказать о нём маме, но... Мой новый друг сказал, что мне стоит этого пока делать. Так как тогда мне придётся сказать ей, что я нарушила её запрет и что она будет сильно ругаться. Я послушала его и решила пока отложить их знакомство. Потом... потом он начал дарить небольшие подарки, говорить комплименты... Я не знала, как мне на всё это реагировать. Для меня это было слишком необычным, непривычным. Меня стали одолевать какие-то непонятные чувства, которые я не могла объяснить даже самой себе. А затем, я поняла. Поняла, что чувствую. Он мне нравился. Я... я влюбилась в него. Когда я это осознала, я пришла в ужас. Ведь, получалось так, что я предала Самаэля. Предала свою любовь к нему, свои чувства.

Любовь к Самаэлю... Она была... естественной. Она просто была и не подвергалась сомнению. До этого момента. Я не представляла, как я скажу Самаэлю о том, что полюбила другого. Ужасное чувство стыда просто изводило меня. Самаэль, конечно, это заметил и спросил, в чём дело. Я, чуть не плача, всё ему рассказала. А он просто улыбнулся и сказал, что ожидал этого. Ведь, человеческая душа... изменчива. Но, он также, сказал, что, всё равно, всегда будет рядом со мной. Что всегда будет моим другом. И он попросил меня познакомить его с моим возлюбленным...

— Хорошо, — ответила я тогда. — Но, давай ты дашь самую страшную клятву, что не расскажешь маме о нём.

— Зачем? — Самаэль был, мягко говоря, удивлён.

— Ну-у... надо. Очень. Самаэль, пожалуйста! Ради меня!

А дело было в том, что мой любимый сказал мне это сделать. Я рассказала ему о Самаэле, и он попросил меня, что если я, когда-нибудь, расскажу ангелу смерти о нём, то я должна взять с него клятву, что мама ничего от него не узнает. Ведь, если мама узнает, она будет сильно ругаться...

— Я могу тебе просто пообещать, Кэтэрина. Ты же знаешь, я держу своё слово.

— Нет! — заупрямилась я.

Да, я знала, что Самаэль никогда не нарушал данных им слов, но... любимый просил именно клятву. И именно её я и должна была услышать.

— Если не дашь клятву, то я никогда тебя с ним не познакомлю! — привела я свой аргумент.

— Если ты так просишь... — я видела, что Самаэль, сильно сомневается в своем решении, но все-таки, он, наконец, сдался. — Клянусь, что твоя мать никогда не узнает от меня о твоём возлюбленном. Да станет Тьма свидетельницей моих слов. Всё, теперь пошли знакомиться.

Я их познакомила... Лучше бы я этого не делала. Не знаю — из-за чего, но они невзлюбили друг друга. Думаю, если бы не клятва, которую я с него взяла тогда, он бы обо

всём рассказал маме. И со временем отношения этих двоих нисколько не изменилось.

Я «выныриваю» из своих воспоминаний. Я дома и мне, до сих пор, нечего делать. Наконец, я принимаю решение пойти ловить рыбу до вечера. Рядом с нашим домом есть озеро, поэтому и идти далеко не приходится.

Вечером, когда я с небольшим уловом, возвращаюсь домой, я слышу в доме голоса мамы и Самаэля. Кажется, они о чём-то ожесточённо спорят. Я никогда не подслушивала чужие разговоры, но тут не сдерживаюсь. Я подхожу тихо к окну и смотрю в него. В доме, в кресле, скрестив руки на груди, сидит мама. Вид у неё рассерженный. Такой я видела её только один раз — когда я, ещё не умея плавать, залезла в озеро и чуть не утонула. Ох, и влетело мне тогда. А сейчас мама так смотрит на Самаэля, стоящего напротив неё...

— Ты хочешь уйти, Самаэль, и забрать её с собой? — спрашивает мама. — Ты не сможешь этого сделать!

— Это дитя было рождено для меня. Ты создала её ради меня. Я имею полное право забрать её.

— Не вижу ни одной причины позволять тебе это, Самаэль. Кэтэрина — моё любимое дитя! Она всегда будет рядом со мной! Если хочешь, можешь её навещать, приходить к ней, но... только и всего.

— Это твоё окончательное решение?

— Да, Самаэль, окончательное. Или так или... Если хоть один раз я заподозрю тебя в том, что ты, всё-таки, собираешься её забрать, ты больше никогда не увидишь Кэтэрину. Ты меня понял?

— Да, я тебя понял, Адалисса.

Самаэль разворачивается и уходит, едва не увидев меня, но я успеваю спрятаться за деревом. Когда мужчина, окончательно, скрывается за деревьями, я выхожу из своего укрытия и захожу в дом.

— Мама, здесь был Самаэль?

— Да.

— А что он хотел?

— Ничего особенного. Забудь.

Я пытаюсь разглядеть в мамином лице хоть какой-то намёк на то, что здесь происходило между ней и Самаэлем. Но... мама выглядит, как обычно. Она больше не сердится. Её серо-зелёные глаза, как всегда, смотрят на меня с любовью...

Я открыла глаза. Я, вновь, в мире демонов.

«Адалисса, значит? Мать Кэтэрины — это сестра Дайоны, которую она хочет, чтобы я вспомнила? Но, вот, что странно... Её лицо... Лицо Адалиссы...». Я подошла к зеркалу находившемуся в моей спальне, и посмотрела на своё отражение. Моё лицо — это было лицо Адалиссы из сна о Кэтэрине.

«Что за чертовщина?! Как такое может быть?! Я... это Адалисса? Или Адалисса — это я? Так, я сейчас совсем запутаюсь! Как мне кажется, Кэтэрина жила очень давно. А мне, всего, восемнадцать лет. Значит, я никак не могу быть связана с этой историей. А может, Адалисса мой предок или что-то вроде того? Тогда, это может объяснить нашу схожую внешность. Но, почему Самаэль так хотел забрать Кэтэрину у Адалиссы? Из-за того, что ему её возлюбленный не нравился?».

Вопросов было много. А вот ответов на них не было ни одного. А мне надо было

заниматься подготовкой...

Последующие дни прошли поразительно быстро. У меня не было ни одной свободной минуты. Я часами тренировалась с косой, которая теперь мне беспрекословно подчинялась. Правда, зачастую, её желание убивать настолько мне передавалось, что я начинала терять контроль над собой и сражаться всерьёз. Моими оппонентами на тренировочных сражениях были либо Лекс, либо Драйк. Обоих я, несколько раз, чуть случайно не убила... Осознав, что с помощью своей косы я могу, на самом деле, уничтожить такого демона, как Драйк или такого убийцу, как Лекс, я старалась действовать осторожнее. Но, в запале сражения, всё равно, вновь забывалась и следовала эмоциям своего оружия. Дошло до того, что Лекс и Драйк стали, всерьёз, защищать свои жизни от меня. А мои тренировки, в конце концов, свелись к тому, чтобы пытаться не идти на поводу желаний моей косы. А это было сложно. Я, в принципе, не привыкла к тому, что могу обладать силой убить кого-то. Я не знала, каково это — защищать не себя, а, наоборот, окружающих, чтобы их, ненароком, не убить. И мне приходилось этому учиться, буквально, с нуля.

В остальное время я продолжала постигать культуру и магию светлых эльфов. Больше времени, конечно, уделялось магии. Чтобы знать, чем эльфы будут атаковать и чем от этой магии можно защищаться. Обычай и культура изучались так... краем глаза, на всякий случай.

Ещё, мне подготовили что-то, вроде, доспехов... Для того, чтобы защищаясь от магии, меня не сразила простая эльфийская стрела. Выглядели они довольно прилично. Это были не громоздкие средневековые доспехи, с шлемом и весом, больше моего собственного. Это было что-то вроде лёгких лат, сделанных из сельфира — металла, который и магию поглощает и который не пробьёшь стрелой или, банальной, пулей. Металл закрывал ноги, руки, грудную клетку, оставляя свободными голову и кисти рук. И он, несколько, не был тяжёл. Было просто ощущение, что надела очень плотный свитер и штаны. Да и выглядел этот «доспех» очень изящно и как-то по-женски. Нет, он не был украшен какими-либо украшениями или ещё чем-то. Но, смотря на него, сразу было ясно, что сделан он для женщины. Прорези для крыльев в нём тоже усматривались. Меня тогда за беспокоил вопрос: «А где шлем? Вдруг, мне в голову стрелой попадут?». На что мне объяснили, что магия доспехов защитит и мою голову. На чём я и успокоилась.

Когда я уставала от тренировок, и когда уже не хотелось читать про тех, кого я, в скором времени, буду убивать, я переходила к своим непосредственным правительственным делам. Принимала у себя аристократию своего города, подписывала документы (правда, перед подписанием каждого, Драйк долго и подробно объяснял, что именно я подписываю), общалась со своими родственниками... Последнее выходило плохо. Мы друг другу не нравились. Общались они со мной, конечно, предельно почтительно, но... Неприязнь просто переполняла воздух помещения, где мы собирались. Особенно, меня, почему-то, не переваривали женщины рода Кавэлли.

«Интересно, почему я им так не нравлюсь? Из-за того, что во мне течёт кровь рода, а в них — нет? Или ещё по какой-то причине?».

Но, как бы там ни было, разбираться в этом я не собиралась. Единственная женщина, из семьи Кавэлли, с которой у меня сложились, можно сказать, дружеские отношения — это Деланей Кавэлли. Она была матерью моего отца и, по совместительству, моей родной бабушкой. Только, не хотела бы я оказаться на месте того, кто рискнёт назвать её бабушкой... Выглядела она лет на двадцать пять. Высокая, стройная. С чёрными, как

практически у всех Кавэлли, волосами и ядовито-зелёными кошачьими глазами, всегда смотрящие на мир и окружающих со снисходительностью и иронией. Мне нравилось разговаривать с ней. Да, она была циничной и прямолинейной, но это куда лучше, чем когда тебя ненавидят, но, всё равно, кланяются тебе. И Деланей не относилась ко мне, как к ребёнку, хотя, в силу своего внушительного возраста, вполне могла так делать. Вне семейных Советов, она приходила ко мне и мы с ней долго разговаривали. Она рассказывала мне о моём отце, дяде... О том, как из-за её взбалмошных детей, её вызывал на «ковёр» сам повелитель Люцифер. Она рассказывала мне о своей долгой жизни. Она объясняла мне некоторые моменты, касающиеся правления. Я спросила её, почему она так хорошо ко мне относится, на что Деланей ответила:

— Ты мне просто нравишься, Милена. А причины для этого мне никакие не нужны. А тебе?

На этом, разговор тогда и закончился.

Кстати, мой дядя Верде исполнил своё обещание. Он признал меня, как правительницу, после того, как удостоверился до конца, что Ферокс, действительно, не собирается вмешиваться в моё управление Зиграденом. Мои старшие братья тоже теперь не позволяли себе со мной ни грубости, ни снисходительности, ни непочтительности. А один раз Лэйрат явился ко мне в спальню, с предложением более близких, чем родственные, отношений. За это он чуть не был убит мною с помощью «контроля крови». Впрочем, как всегда, вмешался Драйк, сказав, что убийство родственников — это последнее дело. На что я заявила, что если ещё кто-нибудь, из моей «драгоценной» семьи, придёт в мою спальню, я это «последнее дело» совершу, не раздумывая. И сожалеть не стану. Об этом я также сказала на семейном Совете, упомянув, что данный запрет не касается Деланей. Хотя, я не думаю, что её бы остановил какой-то запрет, даже если бы он и был. А Лэйрат с того дня старался сесть от меня, как можно, дальше и, вообще, при возможности, не приближаться. И такое положение дел меня полностью устраивало.

За эти дни отец так и не появился. Я знала, что у него уже есть официальное разрешение на нахождение в Зиградене и что он вернул себе статус члена семьи Кавэлли. Но, почему-то, он совсем не спешил возвращаться в лоно семьи. Правда, для меня это было и к лучшему.

Ещё, я, наконец, научилась пользоваться эмоциями Рейфа по своему желанию и в любое время. Это оказалось довольно легко. Стоило мне только отбросить мысли о том, насколько мы с ним разные и как я его ненавижу, всё получилось. Не научилась я пока только одному — ощущать Рейфа, когда его нет рядом со мной. Поэтому, я решила, что в светлый лес он отправится вместе со мной. Я боялась, что без его безумия и без его наплевательского отношения к чужим жизням, я не смогу кого-либо убить. Рейф был только «за».

Я познакомилась с сыном Ансгара — Аденом. По внешности он был, практически, копией своего отца. Отличие было, лишь, в том, что выглядел он лет на пять младше. В их характере я тоже отличий не нашла. Правда, по поводу последнего, судить об этом мне было рано. Ведь, самого Ансгара я тоже, толком, не знала, что уж тут говорить о его сыне. Что удивило Адена, так это то, что я заявила ему, что буду лично участвовать в сражении. Он не возразил против этого, но отметил, что ожидал, что я буду находиться рядом с ним и участвовать только в командовании. На что я ответила, что мне совершенно наплевать — кто и что от меня ожидал.

Так, прошли последние дни перед отправлением в светлый эльфийский лес.

Ночью, перед самым нападением, я не сомкнула глаз. Сон никак не хотел приходиться, я ворочалась с боку на бок... Обуреваемая тяжёлыми мыслями, я никак не могла окунуться в сон и жутко завидовала Лексу и Рейфу, которые безмятежно спали, похоже, уже давно решившие, что моя кровать — их кровать. А я думала. Думала о том, что совсем скоро навсегда лишусь своего ребёнка. Что я никогда не увижу ребёнка Кая. Думала о том, что буду убивать тех, кого даже не знаю. Тех, кто не сделал мне ничего плохого. О том, что я, в этот же день, лишусь половины своей души и возможности посещать мир людей, я не думала. Наверное, потому, что это казалось слишком нереальным. Слишком неправдоподобным. Я думала о Лави и Николь. О том, что моё решение лишит их жизни. Эта мысль терзала меня: мучила... не давала покоя. Но, выхода я не видела. Я не видела возможности спасти их. Точнее, возможность для этого была только одна — послушаться Абигора и пойти против приказа Люцифера. А этого я сделать никак не могла.

В результате всех этих мыслей, утром я чувствовала себя отвратительно. Да и из-за недосыпания и из-за того, что ждало меня, я была нервной и раздражительной. Не то, что моя коса. Когда я взяла её в руки, я почувствовала её нетерпение, азарт и предвкушение.

— Потерпи ещё немного, — сказала я. — Ещё чуть-чуть и ты получишь желаемое.

«А вот, что я получу от этого дня — это большой вопрос, — подумала я. — Ясно только то, что ничего хорошего. Какой я вернусь из светлого леса? Не знаю. И думать об этом страшно».

Единственный, кто ещё, кроме косы, был рад предстоящему мероприятию и ждал его — это Рейф. Я чувствовала его радость. Чувствовала, как он ждёт.

«Эй, Милена! — прикрикнула я мысленно на себя. — Ты такими темпами забудешь о собственных чувствах, потонув в чужих! Пора заканчивать с этим до светлого леса!».

Абстрагировавшись от Рейфа и от косы, я посмотрела на Лекса. Вот уж кто не выказывал никаких эмоций по поводу предстоящего. Честно говоря, его без эмоциональные, как у змеи, глаза нервировали даже больше, чем радостно-шизоидное состояние Рейфа. Улыбались только его губы. О том, идёт ли киллер в светлый лес или нет — вопрос, вообще, не поднимался. Он делал, что хотел, и я не собиралась ни заставлять его идти со мной, ни запрещать ему идти, если он захочет. И, как я поняла, Лекс хотел посетить эльфийский лес. Что и неудивительно, если вспомнить, что он всегда любил убивать именно бессмертных и жить не мог без адреналина. А в последнее время ему, наверняка, было скучновато рядом со мной.

— Милена идёт убивать эльфов? — спросил Блэк, когда я стала одевать свою амуницию.

— Да, — ответила я. — И ты, Блэк, со мной не пойдёшь.

Блэк был одним из немногих, кто искренне меня любил и кто был мне дорог. Я не хотела рисковать его жизнью. Он был единственным, кому я запретила идти со мной в светлый лес. Хотя, это и злило салера. Но, пусть уж лучше он злится на меня, чем будет убит, следуя за мной.

— Драйк, — позвала я. — Возьми Блэка и проследи, чтобы он никуда от тебя не ушёл, пока я не вернусь. Не уследишь за ним — ответишь своей бессмертной жизнью.

— Как прикажете, госпожа.

— Милена мне не верит?! — возмущению в голосе «подростка» не было предела.

— Нет, я верю тебе, Блэк. Я верю в то, что ты меня любишь. И я также верю, что из-за

своей любви ко мне, ты можешь совершить непоправимый поступок. Поэтому я и оставляю тебя под присмотром Драйка.

— Не достойно для Высшего демона беспокоиться о низшем, — сказал кто-то с презрением.

— Я не спрашивала твоего мнения на этот счёт, Киеран, — ответила я, уже полностью одевшись. — Тебе, кстати, тоже предстоит побыть надзирателем. Оставляю на тебя свою семейку. Следи, чтобы мои родственнички не занялись самоуправством в моё отсутствие. Конечно, я сомневаюсь, что меня не будет больше одного дня, но... Мало ли, что этим Кавэлли может прийти в голову. Если кто-нибудь из членов моей «чудеснейшей» семьи выйдет за рамки дозволенных ему полномочий, можешь убить его, не раздумывая, Киеран.

— Слушаюсь, госпожа Милена. — с уважением посмотрев на меня, сказал Киеран (видимо, такие кардинальные решения, в отношении моих родственников, ему понравились).

И вот, когда последние приказы отданы, я, с Лексом и Рейфом, отправилась в мир драконов, откуда мы уже должны были направиться в светлый лес, вместе с драконами.

— Повелительница, — склонился передо мной Аден, встретивший нас у портала. — Я мои драконы готов. Ждём только вашего распоряжения.

— Отправляемся прямо сейчас, — ответила я. — Только скажи мне, для начала, мы в светлый лес своим ходом или с помощью порталов?

— В сам светлый лес мы портал провести не можем, — сказал дракон. — Но, сделаем его недалеко от территории эльфов. Так что, сама дорога до светлого леса много времени не займёт.

На том и решили. Портал вывел нас на самые окраины эльфийского леса. Там, наша небольшая армия драконов приняла свой истинный облик. Я же села на спину Адена. Куда там пристроились Лекс и Рейф, я даже не смотрела. Не до этого было.

— Повелительница, — обратился ко мне, телепатически, Аден, когда поднялся в воздух. — Что именно вы хотите сделать в светлом лесу? Убить, как можно больше, эльфов или просто напугать их?

— Планируется просто напугать, но... как получится. Всё равно, запугивания не будет, если никого не убить. А зная эльфов... Насколько мне известно, они очень смелые и отважные создания. Придётся очень постараться, чтобы в них пробудилось чувство страха.

— Мы постараемся. Будьте в этом уверены, повелительница.

— Ещё одно, Аден. Когда мы будем в светлом лесу, я оставлю командование, полностью, на тебя. Я сама буду сражаться.

— Вы, действительно, уверены в своём решении, повелительница? Это может быть опасно.

— Я знаю. Но, я уверена.

Драконы приземлились на большой лесной поляне и стали ждать, когда придут эльфы. В том, что они придут, ни у кого сомнения не было. То, что нас заметили, мы были уверены. Сложно не заметить стаю драконов, летящую прямо к тебе в гости. И мы оказались правы.

На поляну вышла делегация, состоящая из пяти эльфов. Один из них вышел вперёд и заговорил:

— Что драконам понадобилось в светлом лесу? Если вы здесь с миролюбивой целью, то вам следовало сообщить о своём визите. Мы бы вас встретили со всеми почестями. Если же вы здесь с враждебными мыслями... мы хотим знать — почему? У светлых эльфов и драконов никогда не было никаких конфликтов.

— Теперь есть, — сказала я, выходя, как и говоривший эльф, вперед. — Я — Милена Кавэлли, повелительница мира драконов. Мы здесь за тем, что нам не нравится та активность, которую вы развили в мире людей. Мир людей всегда был нейтральной территорией и использовать человеческую расу для своих целей... Это — непозволительно!

— Вы имеете в виду организации, которые мы создаём в мире людей, для борьбы с демонами? — спросил эльф. — Но, каким образом вас это беспокоит? Ведь, драконов это никак не касается.

— Ошибаетесь. Ещё как касается. Как я уже сказала, мир людей нейтрален и таким он должен оставаться и впредь. Если вы с этим согласитесь, то мы покинем вас прямо сейчас. Если же нет... Мы сделаем всё, чтобы вы поменяли своё решение.

Говоря всё это, я была уверена, что эльфы не согласятся. Они не согласятся отказаться от такого ценного ресурса, как люди. И я оказалась права.

— Дела светлого леса — это дела светлого леса, — проговорил эльф. — И мы не собираемся обсуждать их с драконами. Люди помогают нам по своей воле, и мы не будем отказываться от их помощи в борьбе со злом, коим являются демоны. А ваше мнение по этому поводу, госпожа Милена... Уж не связано ли оно с тем, кем является ваш отец и то, что вы крепко связаны с миром демонов? Не сам ли Люцифер приложил руку к вашему визиту сюда?

— Это только ваши предположения, — ответила я. — Со своей стороны могу сказать только то, что вы не правы — повелитель Люцифер с моим появлением здесь никак не связан. Так, как я понимаю, вы отказываетесь прекращать свою деятельность в мире людей?

— Да, отказываемся, — с невозмутимым спокойствием произнёс эльф. — И я не верю в ваши слова о непричастности Люцифера. В любом случае, я попросил бы вас покинуть светлый лес. В противном случае, ваше нахождение здесь, будет расценено, как агрессия.

«Пора, — решила я. — Больше ждать уже нет смысла».

Коса уже жгла руки. Она стремилась в бой. Она хотела убить. Также, как и Рейф, к желаниям которого я и потянулась. Безумное бешеное желание, буквально, искупаться в чужой крови, захлестнуло меня с головой. Я сорвалась с места и бросилась на своего собеседника с эльфийской стороны. Я успела только увидеть растерянное лицо эльфа, не ожидавшего нападения, как лезвие косы распорол его грудную клетку. Кровь, мгновенно, залила мне руки, но я уже не обращала на это внимание. Я была полностью под властью Рейфа и своего собственного оружия. А они были в восторге от происходящего.

Спутники убитого мною эльфа оправились от шока быстро и уже в следующую секунду попытались убить меня, но... Аден быстро расправился с ними, не дав им даже моих волос коснуться. Вытерев испачканный кровью меч травой, красный дракон спросил:

— Что будем делать дальше, повелительница?

— Эльфийский город же находится недалеко отсюда? — спросила я и, получив утвердительный ответ, сказала. — Направляемся туда, а там... Мы будем убивать всех, кто встретится нам на пути. Без исключения. Старый или молодой, мужчина или женщина — неважно. Времени на это... Бьём их до тех пор, пока они полностью не придут в себя и не начнут давать организованный отпор. Как только это случится — уходим. Аден, на тех эльфах, которых мы убили, могла быть какая-нибудь магия, которая могла дать понять их сородичам, что они мертвы?

— Нет, повелительница. Точнее, она была, но я её заблокировал. Никто из эльфийского города не знает, что произошло.

— Это хорошо. Но, тем не менее чем быстрее мы доберёмся до города, тем больше шансов, что к нашему визиту не успеют подготовиться. Вперёд!

Глава 38.

Всю дорогу до эльфийского города, с моего лица не сходила безумная улыбка. Настроение у меня было более чем отличное. Наверное, я слишком глубоко пустила в себя эмоции своего оружия и Рейфа. Но, в тот момент это и было тем, что мне нужно. Об убийстве я не жалела и не думала. Точнее, думала, но в другом плане. Мне хотелось ещё! Мне хотелось убивать снова и снова! И я, с нетерпением, ждала, когда мы доберёмся до города. Рейф ждал того же. Он сейчас сидел сзади меня, на Адене и, время от времени, слизывал кровь убитого эльфа с моих рук.

— Вкусно? — с искренним любопытством спросила я его.

— Твоя кровь вкуснее, Милена. Но... эта тоже неплоха.

Наконец, мы увидели шпили эльфийских башен. Мы опустились прямо перед воротами города.

— Повелительница, — начал бог-дракон. — Сейчас я уничтожу ворота, и мы войдём в город. Что вы планируете делать после?

— План я уже обрисовала, а так... В городе я оставлю командование на тебя, Аден.

— Вы уверены, что вам не нужно сопровождение, повелительница?

— Уверена. И у меня есть сопровождающие, — кивнула я на Лекса и Рейфа. — И его мне, вполне, хватит.

Ворота охватило пламенем и через минуту от них ничего не осталось. Как только это произошло, в нас полетели стрелы. Меня это не напугало. Во-первых, я знала, что металл сельфир меня защитит, а во-вторых, я была слишком поглощена чужими эмоциями. А коса, словно учуяв врагов, буквально, возликовала. Она, практически, просилась в сражение, обещая нам, поистине, дикое веселье. И я не стала ей противиться. Я вошла в эльфийский город.

Стоило мне оказаться в городе, как я подверглась нападению трёх эльфов. Конечно, эльфы ещё не понимали — в чём дело и кто, вообще, на них напал и почему. Но, когда сжигают ворота твоего дома — это, вряд ли, говорит о миролюбивых намерениях. Видимо, этот же вывод сделали и мои противники. Хотя, прожили они недолго. Одного убил Лекс, второго — Рейф. А третьего моя коса просто разрезала на две части. Я рассмеялась, когда брызги крови попали на моё лицо! Я была счастлива! Эмоции косы и Рейфа вторили мне! Правда, коса была несколько недовольна тем, что она убила не всех троих эльфов, а только одного.

Долго мы на одном месте стоять не стали. Мы пошли дальше, вглубь города. На нас нападали, мы убивали... Мы заходили в дома, вырезая там всех, кого находили. Повсюду слышались звуки сражения, крики... В некоторых местах вспыхивали пожары... Трудно было поверить в то, что всё это сделали, всего, несколько десятков драконов. До этого я даже и не думала, что они, настолько, сильны. Конечно, было ясно, что долго это не продлится. Эльфы придут в себя и дадут отпор. Ну, а пока... пока я веселилась! Я получала наслаждение, убивая! Я забыла обо всём, кроме удовольствия погружать лезвие в живую плоть снова и снова!

Вдруг, в один миг, от меня, словно, отсекли, практически, всё удовольствие и радость. Я

чувствовала только желание косы, но... это было не то. Я медленно начала понимать, где я нахожусь и что я творю. Я посмотрела на свои руки. Они были в крови. Было такое ощущение, что я их, просто-напросто, помыла кровью! «Сколько же я убила?!» — с ужасом подумала я.

— Извини, Милена, но ты сама сказала мне ещё в Зиградене, чтобы я, через какое-то время, помешал тебе использовать мои эмоции, — сказал Рейф. — Только я так и не понял — зачем? Это же так весело! Разве, нет?!

— Весело-весело, — пробормотала я.

Рейф, сам того не зная, своими словами остановил меня за шаг от истерики. Благодаря ему, я вспомнила причину, зачем я его об этом просила. Я должна была найти Лиминдэля. Именно за этим я сказала Рейфу, чтобы он, можно сказать, привёл меня в чувство, когда мы будем в эльфийском городе. Драйк же мне рассказал, как мне найти эльфа. В этом городе он был единственным, с кем я была связана кровью. Драйк дал мне кольцо, которое должно было привести меня к моему кровному «родственнику».

— Рейф, Лекс, — начала я. — С этого момента, идите куда хотите и делайте, что хотите. Когда я сделаю то, что мне необходимо, я вас сама найду.

— Что ты задумала, Милена? — спросил Лекс.

— Окончательно лишит себя всего в этой жизни, — ответила я. — До встречи.

Я завернула в первый же попавшийся переулок и уже оттуда начала свои поиски. Кольцо показывало мне путь, ведя меня по эльфийскому городу. Я постаралась выкинуть из головы все остальные мысли, кроме поиска Лиминдэля. Я понимала, что стоит мне, хоть на мгновение, задуматься о том, что я сделала в эльфийском городе... я опущу руки. Я не знаю, в каком я буду состоянии, но уж точно не в том, чтобы логически и здраво мыслить. Поэтому я, всеми силами, думала только о своей цели — Лиминдэле.

Но, когда кольцо уже дало понять, что я уже почти у цели, на моём пути встал эльф. Судя по отсутствию меча или лука в его руках — маг.

— Ты одна из тех тварей, которые напали на наш лес и город, верно? — его взгляд переместился на моё оружие. — Судя по этой косе, ты и есть их предводитель — Милена Кавэлли?

— Да, — я не видела смысла это скрывать — моя коса была слишком заметной.

— Зачем? — спросил он. — Зачем вам всё это?! Зачем вы пришли к нам?! Зачем убиваете?!

— А зачем вы, с недавнего времени, стали использовать людей в своих целях? — в свою очередь, спросила я.

— Даже если мы и стали это делать — это не стоит того, что сотворили вы! И я больше, чем уверен, Милена Кавэлли, что ты здесь из-за своей связи с демонами! Из-за того, что мы используем людей именно для борьбы с демонами!

— Думайте, что хотите, — как можно более равнодушно, ответила я. — Доказательств этому у вас, всё равно, нет. Но, как я понимаю, вы здесь не за тем, чтобы разговоры вести?

— Я остановлю тебя, Милена Кавэлли, — произнёс он. — А армия, оставленная без предводителя, ничто!

«Вообще-то, армией управляю не я, а Аден, — подумала я. — Ну, да ладно. Этому эльфу знать об этом необязательно».

Я уже осознала, что если хочу пройти дальше, мне придётся его убить. И уже без помощи Рейфа. Только потому, что этот эльф — мой враг. Потому, что если его не убью я, то

он убьёт меня, без всяких раздумий и жалости. Ведь, я убивала его сородичей и разрушала его дом. Тут и речи не будет ни о каком милосердии. А это значит, что и я не должна его жалеть, если не хочу быть убитой.

Первый магический удар эльфа по мне, металл моих доспехов легко поглотил. Я от него только, слегка, пошатнулась. Но, второго я ждать не стала — напала сама. От первого замаха косы эльф, с лёгкостью, увернулся, от второго — тоже... Но, затем, он, на одно мгновение, отвлёкся на создание огненного шара в его руках. Уроки Драйка и Лекса даром не прошли — моё тело среагировало быстрее, чем даже разум. Раньше, чем я успела что-то сообразить, коса отсекла эльфа, разом, обе руки, по локоть. Раздался ужасающий крик, который меня, практически, оглушил. Но, движениями моих рук почти управляла одна коса и она, от крика, не оглохла и не растерялась. Одно движение, которое я не успела проконтролировать, и голова эльфийского мага была отделена от тела. И теперь я стояла перед обезглавленным телом, совершенно ошеломлённая. В голову закрались страх, боль, непонимание того, как я дошла до такого! Дыхание стало становиться частым, рваным!.. Это уже были первые признаки шока и истерики. Когда я это осознала, я, изо всех сил, вцепилась ногтями в свои ладони, пытаюсь привести себя в чувство. Я старалась дышать глубоко и ровно, твердя себе: «Не смей, Милена! Ты не можешь сейчас истерить! Ты же так близка к своей цели! Лиминдэль совсем рядом! Вспомни о своём ребёнке, сожми зубы и вперёд! Линчевать себя и замаливать свои грехи будешь потом!». Я сделала последний глубокий вдох и, больше не смотря на мёртвое тело, пошла дальше.

Лиминдэля я нашла в одном из домов. Кольцо привело меня на второй этаж особняка, где находился эльф. Он стоял у окна и, видимо, смотрел на то, что происходило на улице. Когда я зашла, он резко повернулся и, с яростью, посмотрел на меня:

— Ты?!

— Я, — спокойно ответила я. — А ты ещё кого-то ждал? Я же говорила, что буду в светлом лесу.

— Да, но ты так и не сказала тогда, для чего ты здесь будешь! Как ты посмела... как ты посмела напасть на мой дом?!

— Может, не будем сейчас об этом? — предложила я. — У нас с тобой есть дела, которые мы должны сделать.

— Да как ты только можешь быть такой спокойной?! Не будем сейчас об этом?! Ты серьёзно?! Ты понимаешь, что за весь тот ужас, что ты сотворила, Милена Кавэлли, я тебя ненавижу?!

— А тебе никто и не мешает меня ненавидеть. Ненавидь. Но ты же, из-за этого, не откажешься от нашего плана?

— Не откажусь, — отвернувшись, сказал Лиминдэль. — Я сохраню кровь своей сестры любой ценой. Но, после этого, я хочу, чтобы ты, никогда в жизни, не попадалась мне больше на глаза. Потому, что если мы с тобой когда-нибудь встретимся после этого, я постараюсь сделать всё, чтобы убить тебя. Чтобы отомстить тебе за кровь тех, кого ты сегодня убила.

— Я поняла тебя, Лиминдэль. Так что, давай приступать к делу. У меня не так уж много времени.

То, с какой ненавистью посмотрел на меня Лиминдэль, ясно дало понять, что я нажила себе заклятого врага. Но, мне было плевать. Пусть он меня ненавидит. Главное, чтобы он сделал то, что мне нужно. И если бы он только знал, как тяжело мне было сейчас изображать равнодушие... Хотя, чтобы это изменило? Он бы стал меньше меня ненавидеть за то, что

убить его сородичей я была вынуждена и, на самом деле, я этого не хотела? Нет, не думаю. Какими бы не были причины и как бы я к этому не относилась — это не отменит того факта, что я многих убила.

В этот момент Лиминдэль создал портал.

— Мы будем проводить ритуал где-то в другом месте? — спросила я.

— Мы проведём его в самом светлом лесу, вне стен города, — ответил эльф и первым вошёл в портал.

Я пошла за ним и мы, действительно, оказалась в лесу. Причём, не на какой-то поляне, а, судя по всему, в самой чаще.

— Хочу сразу предупредить, — заговорил Лиминдэль. — Когда я сейчас, с помощью заклинания, буду ускорять развитие твоего ребёнка, ты потеряешь сознание. Ненадолго, но этого хватит, чтобы ребёнок успел вырасти до девятимесячного возраста. Родиться ему я тоже помогу.

— А я, обязательно, должна терять сознание даже на время родов? — новость о том, что я не буду участвовать в рождении своего ребёнка, мне не нравилась.

— По-другому не получится, — сказал мужчина. — Пусть это и магия, но магия тоже требует платы. В данном случае, потребуются все твои биологические ресурсы. В сознании твоё тело просто не выдержит такой нагрузки. Твоё сознание, в любом случае, отключится, даже если ты будешь стараться, чтобы этого не произошло. Ты придёшь в себя только тогда, когда уже всё закончится. Хотя, для тебя, может, это и к лучшему. И процесс вынашивания ребенка, и процесс его рождения, как бы там ни было, сближает мать и ребёнка. У тебя же не будет ни первого, ни второго. В какой-то степени, это помешает тебе привязаться к ребёнку.

— Считаешь, что для меня это хорошо?

— А ты думаешь по-другому? После того, как мы превратим твоего ребёнка в эльфа, он больше не будет твоим ребёнком. И ты его больше никогда не увидишь. Мало того, твой ребёнок будет тебя ненавидеть, Милена Кавэлли, когда он будет слушать истории о твоём сегодняшнем появлении здесь. Так что, я не считаю, что тебе нужно видеть его и чувствовать его больше, чем это необходимо.

— Может, ты и прав, Лиминдэль. Но, всё равно, смириться с тем, что ты не будешь помогать своему ребёнку появиться на свет... как-то тяжело.

— Тяжело? — фыркнул эльф. — Тебе тяжело? А убивать моих братьев и сестёр тебе, значит, было не тяжело?!

— А тебе было бы тяжело убивать демонов? — в свою очередь, спросила я.

— Нет, но...

— Тогда, что ты от меня хочешь? Мы враги по своей природе. Это естественно — не испытывать жалости, когда мы убиваем друг друга.

Лиминдэль на это ничего не ответил. Интересно, а что он ожидал услышать? Что я раскаиваюсь и мне жаль? Предположим, жаль мне, действительно, было, но... говорить об этом я не собиралась.

— Подойди ко мне, — сказал Лиминдэль через какое-то время.

Когда я подошла, эльф прикоснулся ко мне и я, сразу же, потеряла сознание.

Очнулась я от чьих-то криков. Точнее, крика. Кричал ребёнок. Я открыла глаза, села. Рядом со мной стоял Лиминдэль, с плачущим ребёнком на руках.

— Это... — начала я, вставая, но, тут же, падая.

Ноги меня совершенно не держали. Я была настолько лишена сил, что могла только сидеть без посторонней помощи. И у меня болело буквально всё. Как будто на меня испытали все пыточные устройства Филиппа.

— А ты как хотела? — произнёс Лиминдэль. — Ускорить рост ребёнка на такой большой срок — это не пройдёт просто так, без последствий для организма. Подожди, я помогу тебе встать, — остановил он меня от второй попытки встать самой.

Эльф, одной рукой держал ребёнка, второй рукой поднял меня. За неимением у меня возможности стоять самой, Лиминдэль помог мне прислониться спиной к дереву.

— Дай его мне, — потребовала я, когда, относительно ровно, встала.

— Нет, — отказался мужчина.

— Почему?! Почему ты отказываешь мне в том, чтобы я взяла на руки своего ребёнка?! Ты же знаешь, что я его больше не увижу!

— Именно поэтому. Незачем тебе прикасаться к нему, если ты с ним скоро расстанешься.

— Скажи мне, хотя бы, кто это — мальчик или девочка? — тихо попросила я, когда поняла, что уговаривать эльфа бесполезно.

— Мальчик. Кстати, глаза у него не твои — не демонические. У него человеческие глаза — зелёные.

— Зелёные... как у Кая, — прошептала я.

Я решила, что достаточно набралась сил, чтобы самой прямо встать, ни на что и ни на кого не опираясь. Один шаг от дерева, которое служило мне опорой, и я обнаружила, что доспехов на мне нет. На мне, вообще, ничего не было. Лишь голая кожа, которая на бёдрах и ногах была покрыта кровью. Косы я тоже нигде не увидела.

— Где моя одежда и где моя коса? — посмотрела я на Лиминдэля.

— Там, — мотнул эльф головой куда-то в сторону. — Заберёшь всё после того, как мы проведём ритуал.

Мужчина что-то ласково прошептал ребёнку на эльфийском языке и тот, сразу, перестал плакать. А я смотрела на него... смотрела... и думала о том, что на месте Лиминдэля должен был бы быть Кай. Это он должен был держать на руках нашего сына! Он, а, вовсе, не Лиминдэль!

— Я понимаю, что у тебя есть причины смотреть на меня с ненавистью, — заметил мой взгляд эльф. — Как и у меня. Но, сейчас мы должны заняться тем, зачем встретились.

Я согласно кивнула. Но, неприязнь к Лиминдэлю, появившаяся после того, как я представила на его месте Кая, никуда не делась. Я понимала, что Лиминдэль не виноват в смерти Кая, но... ничего с собой поделаться не могла.

Лиминдэль начал чертить на земле магические знаки. Он делал это, не выпуская из рук моего сына. Я же, ожидая пока эльф закончит приготовления к ритуалу, сидела на земле и внимательно за ним наблюдала. Точнее, наблюдала я не за ним, а за ребёнком. Я смотрела на него, стараясь запомнить каждую черту его лица, хотя и знала, что внешность полностью изменится после ритуала. Я видела в ребёнке черты Кая и свои. Для меня он был идеальным созданием, рождённым от нашей с Каем любви. И мне так хотелось взять его на руки, прижать к своей груди!.. Я почти ненавидела Лиминдэля за то, что он отказал мне в этом, хотя, мотивы его были понятны и оправданы.

— Готово, — объявил Лиминдэль через какое-то время. — Можем начинать.

На земле было нарисовано нечто, вроде пентаграммы, с непонятными для меня знаками. В её центр Лиминдэль положил ребёнка. А мы с эльфом сели по обе стороны от него и соединили над ним свои руки.

— Сейчас я буду говорить заклинание, — произнёс Лиминдэль. — Будет больно, но... нельзя, ни в коем случае, разъединять руки. Если мы разорвём связь, ритуал прервётся и его нельзя будет начать заново.

Мужчина начал читать заклинание. Он читал его нараспев, почти пел... И трудно было представить, что эти певучие красивые звуки могут причинить такую боль! В тот момент, когда ритуал был начат, мои руки, словно, опустили в кипяток. Если бы эльф крепко не держал мои руки, я бы, несомненно, вырвала их, тем самым всё испортив. Но, этого не случилось. А я опомнилась и сильнее вцепилась в руки Лиминдэля. Хотя, боль была просто невыносима. Мне хотелось кричать и, как минимум, перегрызть себе обе руки только для того, чтобы боль прекратилась. Но, я терпела. Терпела потому, что знала, что моего терпения зависит всё. Что если я хочу, чтобы у моего ребёнка была другая жизнь, я должна сделать всё, от меня зависящее. А Лиминдэль всё продолжал заклинание. И боль не утихала. Знаки пентаграммы светились зеленоватым светом. А ребёнок начал плакать.

Вдруг, нарисованные Лиминдэлем знаки, резко потухли. Я испугалась, решив, что что-то пошло не так. Но, эльф оставался спокоен. Только слова заклинания стал произносить тише. Затем, мне показалось, что свечение, ушедшее из знаков, перешло в ребёнка. Его окутала сияющая дымка, но, по всей видимости, неудобств она ему не причиняла. Он улыбался. Видя, как мой сын улыбается в первый раз в своей жизни, я забыла обо всём на свете. О боли, которую я сейчас испытывала; о том, что сейчас происходит, по моему же приказу, в светлом лесу... Я помнила сейчас только о неизбежности того, что с этим улыбающимся чудом я совсем скоро расстанусь навсегда, даже ни разу к нему не прикоснувшись. Возможно, сейчас я плакала в последний раз в своей жизни. Ведь, я не знала, как меня изменит то, что я лишусь половины своей души. Но, этих слёз я не стеснялась. Да и кого мне здесь было стесняться? Лиминдэля, который из-за любви к сестре помогает той, кто истреблял его народ? Или своего собственного сына, который лежал, улыбался, не зная, что в данный момент его жизнь полностью меняется? Я плакала из-за того, что знала, что мой сын никогда обо мне не узнает. Точнее, узнает, но не как о матери, а как о враге, который убивал его братьев и сестёр. Он никогда меня не увидит, но он будет ненавидеть меня.

Лиминдэль замолчал. Как только звуки заклинания прекратились, ребёнка подняло в воздух на пару сантиметров. Дымка, которая, всё это время, клубилась вокруг него, как будто, вошла внутрь тела. Его тело стало меняться, становиться тоньше... кожа и волосы начали светлеть. Зелёный цвет глаз сменился на насыщенно-синий. Уши заострились, а черты лица стали эльфийскими.

Когда превращение полностью закончилось, и Лиминдэль отпустил мои руки, я хотела что-то сказать, но... не успела. У меня появилось ощущение, словно в моё тело всадили сразу тысячи иголок! Я упала на землю, крича. Мельком, я успела взглянуть на Лиминдэля. Он скорчился на земле, практически, в той же позе. Когда мы встретились глазами, эльф прохрипел:

— Это — плата.

Я не думала, что отдача части души будет настолько болезненна. После «иголок» было короткое затишье. Я перевела дух, думая, что всё — конец. Но, затем... Вам, когда-нибудь,

отрывали, разом, все конечности? Вряд ли. Но, хотя бы, представьте, что было бы, если бы с вами такое случилось. Правда, было бы очень больно? Вот такую боль я и почувствовала тогда. Только, вся она сосредоточилась в одном месте — в области груди. Там, где, теоретически, могла находиться душа. Мне казалось, что у меня, просто-напросто, вырывают внутренности. Боль была чудовищной. Я, до этого, даже представить не могла, что такая существует.

Боль завершилась также неожиданно, как и началась. Но, встать у меня сил не было. У меня, вообще, ни на что не было сил. Внутренних изменений я, пока, никаких не ощущала, хотя, если то, что происходило, действительно, было платой, то части души я уже лишилась. Я попыталась чуть приподняться — у меня не вышло. Тогда, я повернулась на бок и оперлась на локти. Когда я это сделала, я увидела, что Лиминдэль уже стоит на ногах и держит на руках моего сына.

— Как... как ты так быстро смог встать? — спросила я его. — Из-за того, что я — слабая полукровка?

— Нет, дело не в этом. Дело в том, что у меня, всё-таки, забрали бессмертие, а не часть бессмертной души. Это гораздо легче переносится. Поэтому, я быстро восстановился. Ты тоже, совсем скоро, сможешь встать на ноги, но я этого ждать не буду — уйду сейчас. Ты можешь сейчас стать опасна. Даже для своего сына.

— О чём ты?

— Там, где у тебя была половина души, на данный момент — пустота. А пустоту надо чем-то заполнить. И эта пустота будет заполнена чёрной сущностью демона. Я не знаю, что тогда с тобой произойдёт, и как ты будешь себя вести. Рисковать я не буду. И ещё... Надеюсь, после того, как ты придёшь в себя, ты сразу уйдёшь из светлого леса, Милена Кавэлли. Уйдёшь, вместе со своими драконами. А теперь, прощай. Думаю, мы с тобой больше не увидимся. Даже по зову крови мы теперь не найдём друг друга — вся кровь моей сестры полностью перешла в твоего сына.

И эльф развернулся и ушёл, унося с собой моего сына навсегда. Если бы у меня были силы, я бы побежала за ним. Сама не знаю — зачем, но я бы это сделала. А так... мне оставалось только смотреть, как Лиминдэль исчезает в чаще светлого леса.

Как только я осталась одна, меня переполнили чувства тоски и одиночества. Они были настолько сильными, что очень хотелось, как волчице, завывать. Мой сын... сын Кая... моё единственное сокровище... Я навсегда потеряла его! Причём, потеряла по своей собственной воле! Что мне теперь оставалось делать? Вернуться в мир демонов и жить, как будто ничего не случилось?

Неожиданно, я почувствовала... почувствовала, как будто, мою грудь сковал холод. Это продолжалось недолго — всего несколько секунд, но после... после я подумала о том, что исчезновение моего сына из моей жизни — это совершенно правильно. Эта мысль была очень спокойной. Как будто это не я, только что, хотела бежать за Лиминдэлем. Я нашла в себе силы сесть, оглядеться... Я нашла место, где эльф сложил мою одежду и оставил косу (как она его только не прирезала?). Я встала, сама оделась...

«А, ведь, это эльфы виноваты в том, что мне пришлось расстаться со своим ребёнком! — вдруг, подумала я, совершенно забыв о том, что минуту назад сама же рассуждала, что всё правильно. — Если бы не эта эльфийка Элонриэль, по собственной глупости, попавшая к Абигору... если бы меня не заставляли съесть её глаз... Если бы эльфы не изобрели ритуал очищения крови... Если бы не встреча с Лиминдэлем... Если бы эльфы

не разозлили своей деятельностью Люцифера... Если бы не всё это, я могла бы быть вместе со своим сыном! Если бы только не эльфы! Ненавижу! Уничтожу их всех!».

— Что же ты наделала, Милена? — услышала я. — Зачем ты это сделала?

Это был ангел смерти — Самаэль. Тот, кого я не видела с тех самых пор, как он подтвердил смерть Кая. Хотя, смерть Кая меня сейчас никак не волновала.

— Зачем... — тем временем, продолжил Самаэль. — Зачем ты провела этот ритуал?

— Это нужно было сделать, — ответила я. — А почему тебя это так беспокоит?

— А ты забыла, что я люблю тебя? Если бы я только знал... если бы я только знал о твоих намерениях провести ритуал очищения крови, я бы остановил тебя любой ценой.

— Почему?

— Лишиться части души... Ты не понимаешь, что это такое.

— Да, не понимаю, — пожала я плечами. — А тебе настолько не нравится, что я стану другой?

— То, что ты изменишься — это ерунда. Я приму тебя любой, Милена. Но... ты подвергла себя большой опасности. Если с тобой, вдруг, что-то случится... если ты погибнешь... Твоя душа не сможет обрести покой. И даже я не смогу с этим ничего поделать.

— Но, Самаэль... Ты же сделаешь всё возможное, чтобы со мной, вдруг, ничего не случилось, да? Ты пойдёшь на всё, чтобы я не погибла. Ведь, ты меня так любишь, — я подошла к Самаэлю, взяла его лицо в ладони, заставила наклониться, поцеловала. — Ты же и сейчас мне поможешь, правда?

— Всё, что угодно, Милена. Чтобы ты не попросила... я исполню любое твоё желание, — ангел смерти смотрел на меня глазами, полными обожания (видимо, поцелуй ему пришёлся очень даже по вкусу).

А я? А что я? Я ничего не чувствовала, целуя Самаэля. Я просто знала, что ему это понравится. Знала, что его фанатичная любовь ко мне, наверняка, достигнет своего апогея, стоит мне только что-то сделать для этого. И я хотела этим воспользоваться. Хотела воспользоваться силой могущественного ангела смерти в своих целях.

— Я хочу, чтобы ты помог мне убивать, — сказала я. — Поможешь мне убивать эльфов? Я хочу... я хочу убить их всех!

— Ты хочешь истребить, полностью, всю расу? — спросил демон, но без осуждения в голосе.

— Да! А хотя... — я на мгновение задумалась. — У меня есть идея получше! Я не буду убивать их всех. Вместо этого, я уничтожу их правящую династию! А затем, буду наблюдать — будет у них анархия или нет! Буду наблюдать, как они выкручиваются из этой ситуации! Так, ты поможешь мне в этом, Самаэль?

— Я уже сказал, что исполню любое твоё желание.

— Слушай, а раз ты мне поможешь... мне обязательно носить доспехи? — мне хотелось чувствовать себя совершенно свободной, а доспехи, хоть и очень лёгкие, мне в этом мешали.

— Если хочешь, можешь снять. Пока я рядом с тобой, я никому не позволю навредить тебе.

Я сняла с себя доспехи, взяла косу в руки...

— Кстати, — вспомнила я об одном вопросе. — А как ты здесь, вообще, оказался?

— Я могу найти тебя везде, Милена. Я не могу быть рядом с тобой только в мире демонов, так как там я являюсь изгнанником. Поэтому, как только я понял, что ты

находишься в светлом лесу, я оказался здесь. Правда, немного опоздал...

— Да забудь ты уже об этом! — отмахнулась я. — Главное, что ты здесь и что с твоей помощью я сделаю то, что хочу.

Где была моя логика? Почему я обвиняла эльфов в том, что рассталась со своим сыном? Не знаю. Но, мне это казалось, вполне, правильным. Я злилась на народ светлого леса. Я его ненавидела.

«Эльфы забрали себе моего сына, и я им за это отомщу! Я убью тех, кого они почитают, почти, как богов — их правителей! Тех, кто правил ими с самого рождения расы светлых эльфов! А затем, принесу их головы Фероксу и Люциферу!».

— Самаэль, а ты можешь найти какого-то определённого эльфа? — спросила я, когда мы с демоном вышли из леса к городу.

— А кого ты хочешь найти, Милена? Если эльфийских правителей, то их найти легко. Они, ни при каких обстоятельствах, не оставляют свой дворец.

— Нет, я не о правителях. Я хочу найти эльфа, по имени Лиминдэль.

— С которым ты проводила ритуал? Зачем?

— Я убью его, — ответила я. — Я убью его и эльфийского ребёнка, который будет с ним!

— Но, Милена, этот ребёнок...

— Он больше не мой сын! — резко ответила я. — Этот ребёнок один из моих врагов! Лиминдэль превратил его в моего врага! Лучше бы... лучше бы этому ребёнку умереть, чем быть эльфом! Лучше бы его убили в мире демонов, рядом со мной!

— Я, конечно, не против смерти ребёнка того человека, по имени Кай, но... Извини, Милена, но я не могу искать тех, у кого нет души. Я ангел смерти, который провожает души. Я знаю местонахождение каждого человека на земле. Но, только потому, что у них есть душа. У эльфов же её нет, поэтому... извини, Милена.

— Ладно, неважно. Может, удастся встретить Лиминдэля случайно.

В последнее, конечно, верилось слабо. Шансы встретить этого эльфа в эльфийском городе, после ритуала, практически, равны нулю. Но, в жизни всякое бывает. Если я его, всё-таки, встречу, то сделаю то, что сказала — убью его и ребёнка.

Мы с Самаэлем зашли в эльфийский город. Сразу же, как мы там оказались, я поняла, что расстановка сил, несколько, изменилась. Криков стало меньше. Теперь, отовсюду, я слышала, лишь, звуки сражения. И я увидела несколько убитых драконов. Последнее вывело меня из себя.

— Да как эти остроухие смеют убивать моих драконов?! — вслух зарычала я. — Ну, нет, я это просто так не оставлю! Самаэль! — обратилась я к мужчине. — Мы не будем, скрытно, пробираться ко дворцу! Мы пойдём открыто и все, кто встретится мне на пути, сильно об этом пожалеют!

Я, действительно, была готова убивать. Я не чувствовала в этом действии ничего такого, о чём надо жалеть или того, в чём стоит сомневаться. Светлые эльфы были врагами, и этим всё было сказано. Кроме того, эти остроухие твари разлучили меня с моим сыном и они же убивали моих драконов! Ничего из этого я прощать им не собиралась. Я была полна решимости заставить их ответить за всё.

— Я рад, что у тебя такое же оружие, что и у меня, — произнёс Самаэль, рассматривая мою косу.

— Тот, кто сделал мне это оружие, тоже удивился этому, — ответила я. — Он не понял

— почему так.

— Потому, что мы с тобой связаны, Милена. Мы с тобой были связаны ещё задолго до того, как ты родилась в этой жизни. Ты была создана для меня.

— Мне неинтересно сейчас слушать об этом, — отвернулась я от него. — Сейчас меня интересуют, лишь, мои враги. Кстати, вот и первые из них! — улыбаясь, показала я на отряд эльфов, шедший нам навстречу.

Эти эльфы никакие разговоры разводить не стали — напали сразу же. Но, что они могли против ангела смерти? Часть отряда, мгновенно, была убита его косой. Остальных же прикончила я. Я не думала о том, как мне нападать. Я не думала об опасности, которая может мне грозить. Я просто знала, что Самаэль, как и обещал, не даст никому мне навредить, и я ему верила. А в остальном, меня вела злость, чувство мести, ненависти и чувство того, что это так естественно — убивать своих врагов, кромсая их на части. А погружая лезвие в тела эльфов, я радовалась! Но, не так безумно, как в случае моей связи с Рейфом. Это была какая-то... холодная радость. Злая. Я начинала чувствовать удовлетворение от убийства светлых эльфов.

Глава 39.

Мы с Самаэлем дошли до дворца. Мы многих встретили на своём пути, и никто этой встречи с нами не пережил. Почти всё моё тело было покрыто чужой кровью. А мне этого казалось мало! Чем больше я убивала, тем сильнее я хотела убивать ещё и ещё! Ещё и ещё! Я совершенно забыла о Лиминдэле и о ребёнке, которого он забрал с собой. Последние часы моей жизни превратились в бесконечный поток убийств и крови. Самаэль, всё это время, был рядом, защищая меня от опасностей, но, вместе с этим, он давал мне полную свободу действий, не ограничивая меня. Он стоял за моей спиной, убивая, по его мнению, наиболее опасных противников, а остальных позволял убить мне. Мне это нравилось и я, время от времени, награждала ангела смерти поцелуями.

В самом дворце, выяснив, где, предположительно, может находиться сам эльфийский король, мы с ангелом смерти направились, напрямиком, туда.

«Похоже, что все эльфы были направлены на борьбу с драконами, — сделала я вывод, идя по пустому дворцу. — Интересно, а для самого правителя, хотя бы, охрану оставили?».

На мой вопрос ответ нашёлся очень скоро — не оставили. Мы зашли в пустой тронный зал, где, кроме молодого, на вид, и красивого эльфа никого не было. Сразу стало понятно, что этот мужчина и есть король. Не потому, что на нём была корона или ещё что, а просто... по ощущению. По ощущению власти и силы, исходящими от него. Мои догадки, сразу же, подтвердил Самаэль:

— Это Темедэль — правитель светлого леса.

— Никогда бы не подумал, что ко мне — к бессмертному, когда-нибудь, придёт ангел смерти, — произнёс эльф, смотря на Самаэля. — Да ещё и так неожиданно.

— К тебе пришёл не ангел смерти, а я — Милена Кавэлли! — сказала я, возмущённая игнорированием своей персоны со стороны Темедэля.

— Если бы не ангел смерти за твоей спиной, девочка, то ты не представляла бы для меня ни малейшей угрозы! — фыркнул эльф. — Ты — рабыня Люцифера, стоишь здесь, с бесстрашием, только благодаря ангелу смерти!

Я разозлилась. Но, меня разозлило не то, что меня назвали рабыней Люцифера. В конце концов, на правду не обижаются. Да и сейчас называться рабыней повелителя Преисподней... не казалось чем-то плохим, а даже наоборот. И меня не задело то, что мне сказали, что я без Самаэля — ничто. Меня разозлило это слово — «девочка»! Это ненавистное слово будило во мне воспоминание о том, как я была унижена в подвалах Филиппа, его же хозяином! Я помнила голос Филиппа... помнила, как он разрезал мою одежду... как он называл меня этим, вроде бы, ласковым словом «девочка»... И вот сейчас меня, также, называет этот эльф. Как он только посмел?!

Я сорвалась с места и напала на владыку эльфов. Лезвие косы просвистело, всего, в миллиметре от бледной шеи Темедэля, но... эльф, с лёгкостью, увернулся. Я даже не заметила его движения. Я попыталась ударить ещё раз — результат тот же. Эльф не делал каких-либо видимых усилий, чтобы увернуться. Но, он делал это с такой безмятежностью... как вода, которая обтекает камень.

— Ты не сможешь меня даже ранить, а не то, что убить, — спокойно сказал Темедэль,

когда я собиралась, вновь, напасть на него. — Ты слишком слаба против меня, девочка. Ты... Дослушивать я его не стала — напала снова. И снова. И снова. У меня и в мыслях не было, что у меня, действительно, нет шансов против эльфийского правителя. Какой может быть шанс у маленькой неопытной полукровки? Никакой. Но, я была одержима. Одержима и опьянена. Опьянена кровью, убийствами... жаждой этих убийств и тем, как у меня легко это получалось. А Темедэль просто был тем, кого я хотела убить. Ведь, он был моим врагом, и он был тем, кто меня разозлил. Поэтому, я напала на него, раз за разом, в безуспешных попытках пронзить его тело лезвием. И это бессмысленное сражение продолжалось бы ещё очень долго, если бы не вмешался Самаэль. Он встал между мной и Темедэлем, не дав мне напасть на него в очередной раз.

— Отойди, Самаэль! — в ярости крикнула я. — Не мешай мне! Я убью его!

— Ты не сможешь, Милена, — ответил Самаэль. — По крайней мере, без моей помощи.

— Хочешь помочь ей убить меня, ангел смерти? — произнёс эльф. — Ты понимаешь, что этим нарушаешь равновесие между светом и тьмой, которое должен хранить?

— Я должен хранить равновесие между Небесами и Адом, отводя души людей в отведённое им место. До равновесия между светом и тьмой мне дела нет. Да и, разве, не светлый лес, первый, нарушил равновесие, попытавшись использовать людей в этой бесконечной войне?

— Это не так! — резко ответил Темедэль. — Люди шли за нами и светом добровольно! Мы...

— Эту высокопарную речь, можешь оставить для кого-нибудь другого, Темедэль! — прервал демон светлого эльфа. — В любом случае, твоя долгая жизнь сегодня оборвётся. Потому, что так хочет она.

— Потому, что так хочет она? Кто для тебя эта девочка, ангел смерти?

— Возлюбленная, — одним словом ответил Самаэль, а потом подошёл ко мне и дотронулся до моей косы.

Когда он дотронулся до моего оружия... в нём (в оружии) что-то изменилось. Оно не стало злее, оно не стало больше жаждать убийств. Наоборот, оно стало как-то... спокойнее. Как бывает спокойно древнее опасное существо, которое знает, что от него, всё равно, никто не уйдёт.

— Я дал твоей косе свою силу, Милена, — произнёс Самаэль. — Ненадолго, но этого хватит, чтобы ты смогла убить владыку светлых эльфов. Ведь, тебе этого так хочется...

Я кивнула и, снова, вступила в схватку с Темедэлем (если то, что было до этого, можно назвать «схваткой»). После того, как Самаэль дал моей косе свою силу, мне показалось, что движения эльфа стали какими-то вялыми, медленными. Или это я стала быстрее? Хотя, тогда я об этом и не задумывалась. Тогда, я могла думать только об одном — какое наслаждение я получу, когда Темедэль издаст последний вздох! Правда, с последним он не торопился — несмотря на то, что для меня он стал двигаться медленней, умирать он, явно, не собирался. Он сражался со мной длинным узким эльфийским клинком, отбивая им все удары моей косы. Меня это только злило и распалило ещё больше.

Наконец, то ли коса попала в нужное место, то ли я ударила с большей силой, но от одного удара, клинок эльфийского правителя треснул, а затем, словно стеклянный, разломался пополам. Я, тут же, этим воспользовалась, приложив лезвие косы к шее эльфа. Я знала, что это — конец. Что, через секунду, я, не задумываясь, его убью.

— Тебе есть, что сказать напоследок, эльф? — с издёвкой, спросила я его, смотря прямо

в его глаза.

— Будь ты проклята, Милена Кавэлли! Возлюбленная смерти... будь ты проклята! Ты — проклятье светлого леса! Проклятье света! Я проклинаю тебя!

— Ты начинаешь повторяться, — заметила я, перерезая ему горло. — А проклинать меня уже поздно — проклятая уже, — тело эльфа упало на пол, заливая его кровью, а я, задумчивым взглядом, посмотрела на косу. — Проклятье света... Звучит неплохо! Ты как думаешь? Хочешь называться Проклятьем Света?

Коса, от которой уже ушло её странное спокойствие (видимо, сила Самаэля покинула её), послала мне волну одобрения. Ей, явно, нравилось это новое имя.

— Значит, решено! С этого дня будешь называться Проклятьем Света! — объявила я, а затем наклонилась к мёртвому эльфу. — А теперь, давай-ка возьмём, причитающийся нам, трофей!

Я думала, что отделять голову от тела будет сложно, но — нет. Это оказалось очень просто. Уже через минуту я, за волосы, держала в руках голову эльфийского правителя.

— Что ты хочешь делать теперь, Милена? — спросил Самаэль. — Вернёшься в мир демонов или драконов?

— Нет. Я же говорила, что хочу уничтожить правящую династию, а не только одного короля. Или ты не хочешь мне в этом помочь, Самаэль?

— Я помогу тебе во всём, в чём угодно, Милена, — ответил ангел смерти. — Чтобы ты не попросила.

— Тогда, ты поможешь мне найти жену и сына эльфийского правителя, — решительно заявила я. — И поможешь, также, получить и их головы.

Я знала, что у эльфийского короля есть только один единственный сын — наследник. Больше детей у него не было. Соответственно, смерть наследника означала конец династии. Но, был маленький шанс, что жена эльфийского правителя могла быть беременна. А это значит, что была призрачная надежда, что династия может возродиться. И, чтобы этого не случилось, эльфийку — жену правителя — я тоже внесла в список тех, кого, обязательно, убью.

Результат дальнейших событий привёл к тому, что и сына и жену мы с Самаэлем нашли, пусть и не быстро. Их жизни прервались так же, как и у их мужа и отца. И оба, как и Темедэль, проклинали меня перед своей смертью. Меня это только забавляло. Что там можно было ещё проклясть в моей жизни?

После того, как я сделала то, что хотела, я вручила, на время, все три головы Самаэлю, а сама решила, что первым делом надо найти Рейфа и Лекса, а потом уже уходить. Тем более что мне было очень интересно — как эти двое развлекаются в моё отсутствие? А найти их можно было легко — я ощущала Рейфа и его местонахождение. Не знаю — как и почему это получилось, но... мне было плевать. Я знала, где именно сейчас Рейф и, целенаправленно, пошла туда.

Рейфа и Лекса мы нашли на одной из улиц эльфийского города. Они занимались тем, что загнали в угол какого-то эльфа-подростка и теперь, всячески, над ним издевались — и словесно и физически. У эльфёнка уже отсутствовало одно ухо и, по всей видимости, была сломана рука — она была, неестественно, вывернута. А на какие-то мелкие многочисленные раны я даже внимания заострять не стала. Но, подростку надо отдать должное — в нём было больше злости и агрессии, чем страха. Он выглядел, как оцетинившийся кот, на которого напали две собаки.

— Вижу, вы тут не скучаете, — произнесла я, подойдя к своей парочке убийц.

— Милена? — первым заметил меня Лекс. — Где ты была всё это время? И... что здесь делает ангел смерти?

— Он веселился вместе со мной, — ответила я. — А где именно... Скажем так: я многое успела сделать. Ну, думаю, моё отсутствие не помешало вам насладиться видом эльфийского города, верно?

— Эльфийский город очень весёлое место! — со смехом ответил мне Рейф, ненадолго отрываясь от созерцания своей жертвы. — Здесь так много всего, чем можно заняться! Кстати... — он, в несколько шагов, подошёл ко мне и, внимательно, посмотрел в глаза. — Ты же не связана сейчас с моими эмоциями, Милена. Так почему... почему я чувствую в тебе это прекрасное желание — убивать?

— Потому, что убивать своих врагов — это, совершенно, правильно! Ты же согласен со мной, Рейф?! — я поймала ладонями его лицо и, смеясь, чмокнула в щёку. — Ты же думаешь также?! Мы можем убивать своих врагов, сколько угодно! Убивать, убивать и убивать! И это... просто прекрасно!

— Самаэль, ты с ней что-то сделал? — услышала я вопрос Мейснера (голос киллера была довольно прохладным).

— Нет. Это она сама сделала с собой. Это было её собственное желание.

— Вот как... Что ж, если она изменилась по своей воле, то я только «за», — сказал Лекс.

— Вы — демонические отродья! — напомнил о своём существовании эльфёнок. — Вы пожалеете о том, что сделали! Наш повелитель покарает вас!

— Ну, начнём с того, что «демонических отродий» здесь всего двое — я и Самаэль, — сказала я, отвлекаясь от Рейфа. — Те, кто с тобой развлекались, люди.

— Люди?! — в шоке уставился на меня мальчишка.

— Ага, люди. Хотя и... несколько необычные. Ваш повелитель покарает нас? Хм... я так понимаю, ты имеешь в виду своего короля? Эльфийский король... Что-то знакомое... Что-то я должна про него знать... — я обвела задумчивым взглядом присутствующих, и мой взгляд наткнулся на чёрный мешок, который держал в руках Самаэль. — О, вспомнила! — я подошла к ангелу смерти, забрала у него мешок и, оттуда, за волосы, вытасила голову Темедэля. — Ты этого своего повелителя имеешь в виду, мальчик?

Лицо эльфа надо было видеть. Красивое лицо исказила гримаса ужаса. У Лекса и Рейфа реакция тоже была неплохая — удивление и шок, смешанное с неверием.

— Это... это невозможно... — словно, надтреснутым голосом, прошептал подросток. — Этого... этого не могло случиться! Повелитель не мог... не мог умереть! Только не от руки такой твари!

— Последнее — это, видимо, про меня было, да? — с насмешкой посмотрела я на эльфёнка, убирая голову, обратно, в мешок. — Думаю, я могу принять это, как комплимент. Но... честно говоря, ты мне надоел. Да и пора уже отсюда убираться. Рейф или Лекс... Кто из вас хочет прервать жизнь сего светлого отрока?

Рейф радостно оскалился, направился в сторону эльфёнка... Одновременно с Лексом. Эти двое посмотрели друг на друга, как две голодные собаки, нашедшие одну кость. Казалось, что ещё чуть-чуть, и они вцепятся друг другу в плотки. Я подумала-подумала и... встала между ними.

— Если вы сейчас не определитесь — кто его прикончит, то это сделаю я! — заявила

я. — И тогда никаких вопросов возникать не будет!

— Знаешь, Милена, а ты уже начинаешь несколько... пугать, — произнёс Лекс.

— Чем? — искренне удивилась я.

— Тем, с какой лёгкостью ты говоришь, что убьёшь кого-то.

— А что в этом сложного? — пожав плечами, ответила я.

— Да для тебя, видимо, уже ничего! — усмехнулся Рейф.

— Так, вы определились или как? — перевела я взгляд с Лекса на Рейфа. — Кто из вас убьёт эльфа?

Двое убийц переглянулись и, наконец, Мейснер сказал:

— Предлагаю сделать это тебе, Милена. Мы, всё равно, не сможем определиться.

— К тому же, очень классно смотреть, как ты убиваешь! — добавил бирюзовоглазый гипнотизёр.

— Как хотите, — ответила я и направилась к пареньку.

— Будь ты проклята... будь ты проклята, убийца моего повелителя! — сказал эльф, в упор смотря на приближающуюся меня.

— Ты не представляешь, сколько раз, за сегодня, меня уже проклинали, — криво усмехнулась я. — И не сосчитать. Если бы эти проклятья действовали... если бы все, кого я проклинала за свою жизнь, умирали... всё было бы, довольно, легко, согласишься? Кстати, а ты сам понимаешь, почему ты умрёшь сегодня?

— Потому, что, на данный момент, тьма сильнее света. Но, это ненадолго!

— Ответ неверный, пацан, — покачала я головой, останавливаясь рядом с ним и заноса над ним косу. — Ты умрёшь не потому, что тьма сильнее света, а потому, что ты сам слаб. Не тьма, не свет, а лично ты. Те, кто слаб, всегда умирают. У тебя должна быть либо сила, чтобы защищать себя, либо кто-то сильный, чтобы защищал тебя. А так как у тебя нет ни того, ни другого... я тебя убью. Такой вот несправедливый мир. Прощай, — и коса опустилась на эльфа, лезвием раскраивая ему голову. — Ну, что ж... все дела мы здесь завершили. Можно возвращаться. Самаэль, ты пойдёшь со мной? — посмотрела я на ангела смерти.

— Смотри, в какой мир ты отправишься, Милена. Ты же знаешь, что в мир демонов мне хода нет.

— Для начала, я хочу побывать в мире драконов. Надо же и Фероксу отчитаться по поводу миссии. А потом уже к Люциферу.

Самаэль согласно кивнул — в мире драконов он не был в «чёрном» списке. После этого, мы пошли собирать наше небольшое войско. Первым мы нашли Адена, который доложил, что потери у нас, пусть и небольшие, но есть. А эльфы уже начинают давать организованный отпор, а это значило, что пора было отсюда убираться.

Аден отдал приказ всем отступать. Я последний раз окинула взглядом светлый лес, думая, что где-то там сейчас находятся Лиминдэль и ребёнок, который когда-то был моим сыном. По этому поводу я чувствовала, лишь, злость и обиду за то, что я так и не встретила их и не убила. Каких-то родственных чувств к ребёнку, которого я родила, я не испытывала. У нас с ним больше не было кровной связи, а это значило, что он только мой естественный враг и больше ничего. Враг, которого следует уничтожить. Я решила, для самой себя, что когда-нибудь, обязательно, найду Лиминдэля и выясню у него, куда он дел ребёнка и тогда... тогда я поставлю точку в этой истории.

По прибытию в мир драконов, я, не переодеваясь и взяв мешок с тремя головами, пошла искать Ферокса. Всех своих мужчин я оставила в спальне, в том числе и Самаэля, о котором я собиралась предупредить своего мужа.

Я распахнула дверь в помещение, в котором находился Ферокс и вошла.

— Я вернулась, мой дорогой, и принесла сувениры из светлого леса! — объявила я.

— Какие ещё сувениры? — поднял на меня глаза дракон, читающий какие-то бумаги.

Я, улыбаясь, подошла к его столу и, вытащив одну за другой, головы, положила перед мужчиной, сказав:

— Извини, дорогой, все три сувенира отдать не могу. Третий — для повелителя Люцифера.

— Это... что?! — я, наверное, впервые видела Ферокса в таком шоке.

— Сказала же — сувениры, — ответила я. — Что, неужели, не нравятся? А, ведь, я так старалась выполнить твой указ!

— Какой ещё указ?!

— Ну, как же! О том, что я должна убить кого-нибудь. Или ты забыл?

— То есть, ты хочешь сказать, что сама убила их? — Ферокс явно не верил это.

— Ага, — кивнула я. — Это было несложно. Особенно, после того, как я им показывала самый первый сувенир. Увидев его, они почти и не сопротивлялись. Хотя, честно говоря, последнее делало это занятие, довольно, скучным. А ещё, они только и делали, что проклинали меня перед смертью! — я рассмеялась.

— Тебе кажется это смешным?

— Ещё каким! — на слова Ферокса я попыталась стать серьёзной, но у меня это не получилось — мой смех, немного безумный, вновь, вырвался из горла. — Мне всё это кажется смешным! Все эти вопли, крики, мольбы, проклятья!.. Слушать всё это было просто замечательно! А ты так не думаешь, Ферокс? — я, одним рывком, взобралась на стол, оставив между собой и мужем, лишь, две головы эльфийского народа. — Ты не думаешь, что убивать своих врагов — это весело и забавно? Что это, до ужаса, приятно, когда горячая кровь твоих врагов покрывает твоё тело? Что ты, буквально, получаешь экстаз от всего этого? — я отодвинула в сторону свои «сувениры», чтобы придвинуться к Фероксу вплотную. — Ты, разве, не считаешь, что наслаждение битвой и убийством, сродни, оргазму? Скажи мне, Ферокс? — последний вопрос я задала тихо, с придыханием, смотря мужчине в глаза.

— Ты сошла с ума, — усмешка на лице Ферокса давала понять, что этим фактом он, почему-то, не расстроен.

— Возможно, — согласилась я. — Но, ты же не будешь печалиться по этому поводу?

— Конечно, нет, котёнок. Думаю, это сделает жизнь с тобой ещё более интересной. А, скажи-ка мне, что ты сейчас хочешь?

— Ну, а ты как думаешь?

— Хм... дай-ка порассуждаем. Практически прижимаешься ко мне в, испачканной кровью, одежде... Одежда, испачканная кровью врага... Это сильно возбуждает. Ты, ведь, на это и рассчитывала, котёнок?

— Я говорила, что битва, сродни, оргазму, но... это не оргазм. А я сейчас хочу именно его! Разве, не прекрасно — заняться сексом, сразу же, после сражения, когда кровь всё ещё кипит от ощущения битвы? Или... ты хочешь меня лишиться этого удовольствия?

— Ещё чего! — Ферокс посадил меня к себе на колени. — Но... тебя не волнует, что в

паре сантиметрах от тебя, лежат две мёртвые головы?

— Плевать! — я стала быстро избавлять себя от одежды. — Меня это, нисколько, не волнует! Я хочу тебя, Ферокс! И мне надоели разговоры!

— Какой котёнок сегодня нетерпеливый! — рассмеялся дракон, но разговоры тоже прекратил.

Стол, в очередной раз, стал нашей постелью. В процессе, головы упали на пол и, судя по звукам, куда-то закатились. Но, поднимать их никто не стал — не до этого было. Я просто наслаждалась. Наслаждалась Фероксом; наслаждалась тем, как он овладевает мной; наслаждалась его силой... Наслаждалась всем тем, что ненавидела, всего, день назад. И даже тогда, когда я, после секса, пила кровь Ферокса, я этим наслаждалась!

— Знаешь, Ферокс, — начала я после. — А, ведь, у меня для тебя есть ещё одна хорошая новость.

— Да? И какая же?

— Я потеряла ребёнка от смертного человека.

— Когда?

— В светлом лесу, — ответила я, слезая со стола. — Так что, вполне возможно, что, в скором времени, твоё желание о наследнике исполнится.

— Вот как, — сказать, что Ферокс был доволен — это ничего не сказать. — Это, действительно, хорошая новость! Но, а ты? Почему ты так спокойна? Разве, не ты умоляла меня не трогать его?

Подобное я, действительно, припоминала, но... У меня не возникало никаких эмоций в связи с этим. Та сцена, когда я упрашивала Ферокса, происходила, как будто, не со мной.

— Меня это больше не заботит. Я имею в виду, что этот ребёнок, навсегда, исчез из моей жизни и так тому и быть. Кстати, я ещё хотела сказать тебе кое-что про Самаэля — ангела смерти.

— И что же? То, что он находится в моём мире, я знаю. Трудно не заметить, когда в твой мир является кто-то из Верховных демонов, пусть и изгнанный.

— Я хочу, чтобы Самаэль стал моим эррильзаром, — сказала я.

«Эррильзар» — любовник. В мире драконов так называют тех, кто делит постель с женщиной, у которой есть муж. Разумеется, с согласием последнего. Можно сказать, что эррильзар — это официальный любовник, о котором объявляется публично. Драконы не слишком-то жалуют полигамию, но если жене с мужем чего-то не хватает, то, по согласию с мужем, она и заводит себе любовника — эррильзара. Так как они дают что-то, чего не хватает с мужем, их ещё называют любовниками души. Почему о них объявляется публично? Потому, что эррильзар — это не просто мужчина, с которым ты делишь постель. Это — второй мужчина, с которым ты делишь свою жизнь. Если хотите, можете считать его вторым мужем. Кроме того, эррильзар имеет доступ на все мероприятия, доступные его женщине. И он может говорить от её имени на любых Советах или собраниях. А если кто-то захочет занять его место или просто переспать с его женщиной, то этот смельчак должен будет убить эррильзара. Проще говоря, если я сделаю Самаэля своим эррильзаром, у меня не будет права с кем-то ещё спать из мира драконов.

— И зачем тебе это? — спросил Ферокс. — Или ты хочешь сказать, что тебе чего-то не хватает со мной, котёнок? — с угрозой поинтересовался он.

— Нет, дело не в этом, — улыбаясь, ответила я (угроза дракона меня не напугала, а,

наоборот, почти привела в восторг). — Я хочу отблагодарить Самаэля за то, что он мне помог в Светлом лесу. К тому же, он меня так любит.

— Я слышал слухи о любви ангела смерти к тебе, но не верил. А ты сама как к нему относишься?

— Я его не люблю, — задумавшись на секунду, сказала я. — Я, вообще, никого не люблю и не собираюсь этого делать. Но, Самаэль... он привлекает меня своей силой. Сила смерти... Звучит чудесно! И я хочу эту силу! Я хочу эту силу рядом с собой и в своей постели! Вот, наверное, главная причина, почему я хочу сделать его своим эррильзаром. А ещё, он будет отличным «пугалом» для навязчивых поклонников твоей жены.

— Использовать Верховного демона, пусть и изгнанного, как отпугиватель от поклонников... Ты, точно, сошла с ума! — со смехом, сказал дракон.

— Но, ты же не будешь против этого? Ты же понимаешь, что предпочтение в сексе я, всё равно, буду отдавать тебе, — мурлыкнула я последнюю фразу Фероксу на ухо. — Ведь, кровь драконов и ты сам так возбуждаете!

Я не лгала и не льстила. Я не видела причин, почему меня может не возбуждать красивый, сильный мужчина. О, он ещё как меня возбуждал, и я была не намерена этого скрывать. О том, что Ферокс, когда-то, убил очень многих из моих близких, я не вспоминала. Да и какое это могло иметь значение? Никакое.

— Хорошо. Я согласен на то, чтобы Самаэль стал твоим эррильзаром, — наконец, сказал Ферокс. — Только ты его-то мнение спрашивала по этому поводу? А, вдруг, он откажется?

— Не откажется, — с уверенностью сказала я. — Самаэль сделает для меня всё, что угодно. Да и глупо отказываться от того, чего ты сам же и хочешь. А я уверена, что Самаэль хочет быть рядом со мной.

Я оделась в ту же окровавленную одежду, в которой пришла, взяла мешок с оставшейся третьей головой и поймала на себе задумчивый взгляд Ферокса.

— В чём дело? — спросила я. — Не хочешь, чтобы я уходила?

— Не могу привыкнуть к тому, что я не вижу в тебе страха и покорности, которые были до светлого леса. Хотя, я также не вижу желания перечить или посылать меня куда подальше или уйти самой.

— А зачем мне это делать? — пожала я плечами. — Посылать, перечить, бояться? Ты же не причинишь мне вреда, верно?

Ответа на свой вопрос я ждать не стала — вышла из кабинета. После этого, я зашла к своим, чтобы взять с собой косу и уже с ней отправиться в Пандемониум, к Люциферу. Ну и, разумеется, чтобы сообщить Самаэлю об его изменившемся положении.

— Самаэль, ты будешь моим эррильзаром, — без всяких вступлений, заявила я.

— Кем-кем? — не понял Рейф (драконьи обычаи и слова он не изучал).

— Говоря простым языком, любовником, — ответил ему Лекс. — Официальным.

— Ты уверена, Милена, что ты этого хочешь? — со всей серьёзностью спросил ангел смерти.

Его, по моему мнению, излишняя серьёзность, меня рассмешила.

— Хочу! Очень хочу! А если ты откажешься от этого... я очень и очень расстроюсь. Ты же не допустишь, чтобы я расстраивалась? — нарочито жалобно произнесла я.

— А ты, точно, Милена? — влез Лекс. — Или в светлом лесу нашу Кавэлли кем-то подменили?

Я задумчиво посмотрела на Лекса, решая, что мне с ним сделать. Убить? Но, этот мужчина меня привлекал, и лишать его жизни мне совершенно не хотелось.

— О чём задумалась, Милена? — подошёл ко мне сзади Рейф.

— О том, убить мне Лекса или нет, — честно ответила я, поворачиваясь к гипнотизёру. — Что думаешь?

— Как хочешь, — наклонился ко мне Рейф, слизывая с мой шеи высохшую каплю эльфийской крови. — Я-то, в отличие от него, уверен, что тебя никто не подменял. Просто безумие, которое было в тебе до этого, стало гораздо сильнее. И мне это очень нравится.

— Вот, видишь, Лекс, — отвернулась я от Рейфа, обращаясь к Мейснеру. — Рейфу я нравлюсь. А тебе, получается, нет?

— Я этого не говорил. Нравишься и очень. Но, скажу честно, это... непривычно.

— Привыкай, — безапелляционным голосом сказала я. — Так что, Самаэль? Ты мне не откажешь?

— Если это то, чего ты хочешь, то я буду счастлив, — ответил ангел смерти.

— Ну, вот и отлично! Значит, ты остаёшься здесь — в мире драконов, вместе со мной. А сейчас, мальчики, извините, но мне нужно доложить повелителю Люциферу о проделанной работе. Драйк!

— Звали, госпожа? — появился демон (всегда удивляло, как он меня слышит даже в другом мире).

— Да. Я хочу попасть в Пандемониум, к повелителю Люциферу.

— В Пандемониуме сейчас проходит Совет Преисподней, — сообщил Драйк.

— Прекрасно! Как раз, на него и явлюсь.

— Но...

— Ты хочешь мне что-то сказать, Драйк? — лезвие косы прикоснулось к шее слуги. — Я бы, на твоём месте, передумала бы.

— Считайте, госпожа, что вам послышалось, что я что-то хотел сказать, — удивление и некоторая нервозность в глазах демона промелькнула на секунду и исчезла.

— Я, почему-то, так и думала, что мне послышалось, — я убрала косу от горла Драйка, взяла мешок и вошла в портал, сотворённым демоном.

Глава 40.

В Пандемониуме, во дворце Люцифера, перед самым залом, где проводился прошлый Совет, меня остановили двое демонов.

— В чём дело? — спокойным голосом поинтересовалась я, когда двое мужчин преградили мне вход в зал.

— Сейчас проходит Совет Преисподней, госпожа, — ответил мне один из них. — Мы не можем вас туда пропустить.

— Даже если я обладаю правом присутствовать на Совете?

— Совет уже начался. Мы не пропускаем тех, кто опоздал, госпожа.

— Да? Какая жалость, — театрально вздохнула я. — Ну, раз так... — не договорив, я напала.

Хотя... от нападения там было только слово. Я сама не ожидала, что у меня получится настолько легко убить этих двоих. Два взмаха косы и, вместо двух демонов, у двери в зал две кучки серого пепла. Но, они сами были виноваты. Меня нельзя куда-то не пропускать. Тем более, к моему повелителю.

Я зашла в зал. Что там обсуждалось до моего прихода, я не знаю, но, как только я появилась, все разговоры смолкли. Видимо, моего появления никто не ждал, тем более, в таком виде — в одежде, пропитанной эльфийской кровью; с косой в одной руке и с мешком в другой.

Я, больше ни на кого не обращая внимания, подошла к сидящему Люциферу, встала перед ним на одно колено, склонила голову:

— Приветствую вас, повелитель. Да падёт Тьма на ваших врагов и да будут ангелы ползать у ваших ног. Я исполнила ваш приказ, повелитель. Светлый лес ещё долго будет стонать от боли. Ему, точно, будет не до вербовки человеческой расы. Тем более, что он остался без своего повелителя, — не поднимая головы, я открыла мешок и достала оттуда голову эльфийского короля. — Надеюсь, вы примете от меня этот дар, повелитель?

— Темедэль... Как же давно я не видел эльфийского короля... — Люцифер забрал у меня голову. — Встань, Милена. Как тебе это удалось — убить повелителя светлого леса?

Я встала и ответила:

— Я бы солгала вам, если бы сказала, что справилась своими силами, но... мне помогли. Помогли настолько, что это оказалось, довольно-таки, скучным делом.

— Кто? — задал один вопрос повелитель Преисподней.

— Изгнанник.

— Самаэль, значит?

Ко мне, со спины, подошла Лилит, которую я заметила краем глаза. Одна её рука обхватила меня за талию, вторая легла поверх ладони, держащей древко косы. Носом же она зарылась в мои волосы.

— Я так приятно пахну? — с искренним интересом спросила я.

— Ты ещё спрашиваешь? — в голосе Лилит сквозил неподдельный восторг. — Запах сражения, запах крови светлых созданий... Это не может не нравиться! Повелитель, — обратилась она к Люциферу. — Может, закончим уже на сегодня этот скучный Совет, а? Я,

лично, горю сейчас только одним желанием — уйти отсюда, забрав с собой, Милену.

— А по какому такому праву ты заберёшь себе мою сладкую? — раздался голос демона похоти. — Ты не её покровительница.

— И что? — ответила ему Лилит. — Я просто хочу её прямо сейчас, вот и всё. Прямо сейчас — с поля боя, обогрётную чужой кровью!

— Не советую тебе этого делать, Лилит, — это уже был Абигор. — Если, конечно, у тебя нет желания сразиться сегодня со мной.

— Сколько собственников-то, сразу, набежало! — недовольно фыркнула Лилит, с явной неохотой, отходя от меня (видимо, иметь дело с Абигором она, всё-таки, не хотела).

— Совет, на сегодня, окончен, — тем временем, объявил Люцифер. — Всем уйти, кроме Милены Кавэлли.

— Ну, вот, даже своим покровителям не досталась, — с ехидством заметила демонесса разврата, покидая зал.

Когда все ушли, Люцифер обратился ко мне:

— Догадываешься, зачем я тебя оставил?

— Вам тоже нравится запах сражения и крови, повелитель? — предположила я.

— Нравится, но дело не в этом.

— Тогда, может дело в том, что в светлом лесу мне помог Самаэль?

— Нет, Милена. Подойди, — приказал он и, когда я это сделала, он поднял голову эльфа, которая лежала перед ним на столе и, чуть ли не под нос, ткнул её мне. — Скажи мне, кто это, Милена?

— Эльфийский правитель — Темедэль, — ответила я, не совсем понимая, к чему клонит мой повелитель.

— Отлично, это ты знаешь. Тогда, следующий вопрос. К чему приведёт смерть эльфийского правителя?

— К тому, что в светлом лесу будут дни скорби. А потом, может быть, и анархия. Ведь, династия правителей исчезла.

— Хочешь сказать, что убила не только Темедэля?

— Да. Также, его жену и сына. Так что, эльфийская королевская династия накрылась медным тазом! — я рассмеялась, вспомнив лица членов королевской семьи перед смертью — испуганные, искажённые яростью!..

— Понятно, — задумчиво посмотрел на меня владыка Преисподней, совсем, как недавно, смотрел на меня Ферокс. — Ты сильно изменилась, Милена.

— Это хорошо или плохо? — спросила я, перестав смеяться.

— Пока не знаю. Но, вернёмся к моим вопросам. Вспомни-ка, Милена, что именно я приказывал тебе сделать в светлом лесу?

— Запугать светлых эльфов так, чтобы они и думать забыли о людях.

— Вот, видишь, Милена... Запугать, а не устраивать там катастрофу, уничтожив всю их правящую династию! — впервые в голосе Люцифера послышалась неподдельная ярость, не сдерживаемая его обычным ледяным спокойствием. — Ты вышла очень далеко за рамки моего приказа! Ты понимаешь, чего это может тебе стоить?!

— Но, повелитель... Разве, это плохо, что у светлых эльфов сейчас всё, настолько, плохо? — неуверенно спросила я, совершенно растерянная от столь резкого выговора со стороны моего повелителя.

— Плохо или хорошо — это уже другой вопрос. По сути, ты сделала, практически, тоже

самое, как если бы исполнила приказ Абигора! К тому же, ты не думаешь о том, что на эльфийского правителя у меня могут быть совершенно иные планы, нежели его смерть?!

— Нет, повелитель, я об этом не думала, — я, вновь, склонилась перед Люцифером, в знак раскаяния. — Я признаю свою вину, повелитель, и готова понести любое наказание, которое вы сочтёте нужным.

— Наказание для тебя выберет твой покровитель — Абигор. Надеюсь, это научит тебя тому, что мои приказы надо выполнять в точности, без всякого постороннего творчества.

Пока Люцифер занимался тем, что вызывал Абигора, я думала о том, что нашла вещь, которая может вывести из себя ледяного повелителя Ада. Это — неисполнение его приказа, в точности, до каждого слова. Пугало ли меня предстоящее наказание? Я бы не сказала. Я понимала, что меня не убьют, и это было главным. Скорее, мне было интересно, что же будет? Что придумает демон войны?

Когда демон войны зашёл, Люцифер сказал ему:

— Отдаю тебе твою подопечную, Абигор. Выберешь для неё наказание за нечёткое выполнение приказа своего повелителя. И забери у неё её косу, пока она будет нести наказание.

— Да, повелитель, — кивнул Абигор. — Идём, Милена.

Я пошла за Абигором, уже без своего оружия, на ходу размышляя о том, почему же, всё-таки, в качестве моего карателя Люцифером был выбран демон войны. Но, к однозначному выводу я так и не пришла. Он более жесток? Он более изобретателен в наказаниях? А, затем, в мои размышления вмешался сам Абигор:

— Ну, что, понравилось тебе в светлом лесу, Милена?

— Смотря, что ты имеешь в виду, Абигор, — ответила я. — Если о том, что я там делала, то — да, понравилось и ещё как! А если ты говоришь о самом светлом лесу, то... нет, — я поморщилась, вспомнив эльфийский город. — Как-то там всё слишком... слащаво! Слишком светло, слишком тонко, слишком... красиво! Нет, сам светлый лес мне, нисколько, не понравился.

— А что же тебе там так понравилось, что ты там делала?

— Убивать, — не долго думая, сказала я. — Вот это мне понравилось! Мне понравилось слышать предсмертные крики агонии, мольбы!.. Ты же понимаешь меня, Абигор?

— Понимаю. Но, слышать такое от тебя... — демон войны усмехнулся. — Такое ощущение, что твоим сознанием полностью завладела твоя коса.

— Это не так. Просто мы с ней сошлись во мнениях. Видимо, с самого начала, у нас было куда больше общего, чем я думала. Кстати, у неё теперь есть имя. Я назвала её Проклятьем Света.

— Очень громкое имя.

— Вообще-то, так называли меня. Меня так назвал, перед смертью, эльфийский правитель. И я решила, что это имя прекрасно подойдёт для моей косы. Ты так не считаешь? — изобразила я обиду в голосе.

— Разве, ты об этом сейчас должна думать? — поинтересовался Абигор.

— А о чём я должна думать?

Абигор резко остановился, схватил меня за горло и прижал к каменной стене дворца.

— О том, что тебя ждёт совсем скоро! — прошипел мужчина. — О том, как ты поплатишься за то, что вышла за рамки приказа Люцифера!

— Так, я думала об этом, — излишне спокойно для такого положения, сказала я.

— И?

— Мне интересно, — я облизнула сухие губы. — Мне любопытно, что ты сделаешь со мной.

— И всё? — не веря, смотрел на меня Абигор. — Ты не боишься этого?

— Не вижу смысла бояться того, чего не избежать.

— Ты, действительно, Милена? — поинтересовался демон войны, отпуская меня.

— Сомневаешься?

— Не сомневаюсь, но... Ты не боишься. Ты не дрожишь. Это... бесит!

— Неужели? — наверное, мой голос звучал, чересчур, насмешливо, так как выражение лица Абигора приобрело ещё более злое выражение.

— Ладно, посмотрим, что ты скажешь после наказания. Идём!

По прошествии ещё какого-то времени, Верховный демон, неожиданно, спросил:

— А ты же не выполнила мою просьбу в светлом лесу. Не так ли, Милена?

— Нет, не выполнила, — ответила я, думая о том, что и думать-то об этой «просьбе» забыла, веселясь с эльфами.

— Значит, теперь я могу убить твоих подруг?

Я задумалась над этим вопросом. Вспоминая сейчас Лави и Николь, они воспринимались сейчас, как, совершенно, посторонние мне люди. Я к ним ничего не чувствовала. Нет, я помнила о том, что очень не хотела, чтобы Абигор убивал их, но... не могла вспомнить и понять причину этого. Эти девушки были мне безразличны, и я знала, что это не изменится, даже если их убьют с особой жестокостью.

— Да, можешь их убить, — спокойно сказала я.

— И ты не будешь ничего предпринимать?

— А смысл? — пожала я плечами. — Да и зачем мне что-то предпринимать? Живы или мертвы эти двое — мне всё равно.

На это Абигор уже ничего говорить не стал. Видимо, сделал для себя определённые выводы.

— Кстати, а куда мы идём? — спросила я, когда Абигор сотворил портал, ведущий неизвестно — куда.

— К одному из Верховных демонов — Велиару.

— Зачем?

— Увидишь.

Увидела. Я увидела множество пыточных устройств. Ну и, разумеется, самого Велиара — князя обмана и ангела беззакония. Демона лжи и коварства. Изначально, был создан сразу, после Люцифера и с Небес пал одним из первых. На вид ему было лет тридцать — не больше. Тонкий, изящный... можно сказать, грациозный. Он выглядел, как аристократ, которых изображают в женских любовных романах. Этот образ дополняли иссиня-чёрные волосы, зелёные глаза со змеиными зрачками, чёрные кожаные перчатки и тонкая трость в руках, с набалдашником в виде змеиной головы. В общем, красивый молодой человек из высшего света. И было такое ощущение, что комната пыток рядом с ним... ну, совсем не к месту.

— Зачем пришёл, Абигор? — спросил Велиар низким приятным голосом.

— Нужно свою подопечную наказать за противоречие с приказом повелителя, — кивнул демон войны на меня.

— О, Милена Кавэлли! — с радостью воскликнул Велиар. — Давно хотел

познакомиться лично. Значит, повелитель остался недоволен проявленной инициативой? А почему же ты сам, Абигор, не накажешь свою подопечную? Зачем тебе моя помощь в этом?

— У меня не настолько развита фантазия в пытках, как у тебя Велиар. К тому же, моя подопечная ещё и передо мной провинилась, так что... Ну, так как? Поможешь?

— Мог бы и не спрашивать, — усмехнулся демон лжи. — Ты же знаешь, что пытки — моё, на любимейшее, хобби. А особенно, пытки таких хрупких юных особ!

Вот тут мне, честно говоря, стало не по себе. Как ни крути, а боли, в свою сторону, мне не хотелось. Я не была против боли во время секса или боли во время манипуляций с Рейфом, но, в данном случае... Я слышала о Велиаре, как о профессионале в пытках. Он мог пытать свою жертву сутками, неделями, месяцами, годами... Слышала, что, даже веками кто-то томился у него в многочисленных пыточных комнатах его дворца. И оказаться на месте этих несчастных мне, ох, как не хотелось. Но, всё к этому и шло. Думаю, Люцифер мог догадываться о том, что Абигор может отправить меня к Велиару. Возможно, именно поэтому он и выбрал из всех моих покровителей демона войны. Ну, да, сложно представить, чтобы, также, поступил Асмодей или Аббадон. Аббадон — собственник. Он бы сделал всё сам. А Асмодей... у него, так или иначе, наказание было бы связано с сексом. Абигор тоже собственник, но, наверное, здесь сыграло роль то, что я не выполнила то, что демон войны хотел заставить меня сделать.

В общем, мне стало как-то страшновато. Хотя, вместе с этим, интерес тоже не пропал. Интерес к тому, что может сделать со мной король пыток, лишь нарастал. Это было болезненное ненормальное любопытство, свойственное психопату, которого ведут на операцию по лоботомии.

— И сколько же, по времени, ты хочешь, чтобы я её наказывал, Абигор? — спросил Велиар, подходя ко мне ближе.

— По крайней мере, больше одного дня. Кроме того, я хочу, наконец, изучить — насколько сильна её регенерация и насколько далеко мы сможем зайти прежде, чем появится шанс нанести ей непоправимый вред.

— Ты сказал «мы»? Хочешь участвовать в этом? — поинтересовался демон, беря меня за руку куда-то ведя (я не сопротивлялась, подчиняясь).

— Разумеется, — лицо Абигора расплылось в садистской улыбке, предвкушая скорое будущее. — Ты же не будешь возражать, Велиар?

— Я не против зрителей, — ответил ему Велиар. — Но, активного участия я не позволю.

— Как скажешь, Велиар.

Меня усадили в, обычное на вид, деревянное кресло. Как только меня зафиксировали в нужном положении, мои руки и ноги оказались скованны железными наручниками, а глаза были завязаны чёрной кожаной повязкой, которая оставила меня в полной темноте. Лишённая зрения и возможности двигаться, я почувствовала себя, как жертва на алтаре. Но, сильного страха, всё равно, ещё не было. А затем... затем, неожиданно, резко, моё тело, словно, пронзили миллион иголок. Казалось, что что-то острое и тонкое вгоняют под кожу по всему телу. Я дёрнулась, закричала!.. Но, через несколько секунд, боль прекратилась также резко, как и наступила, оставив меня в напряжённом состоянии ожидания того, что будет дальше.

— Нет, это слишком скучно, — услышала я голос Велиара. — Банально и уныло. Надо придумать что-то другое.

Меня отцепили от кресла и, так и не сняв повязку с глаз, куда-то поволокли (идти нормально я не могла, поэтому ещё хорошо, что мен не потащили волоком, по полу).

Меня, вновь, посадили куда-то, сцепив мои руки за спиной цепями. Цепи неприятно холодили кожу и врезались в запястья, но меня сейчас больше волновала неизвестность.

— Страшно, Милена? — рука, одетая в кожаную перчатку, погладила меня по щеке.

— Страшно, господин Велиар, — ответила я. — Но... и интересно тоже.

— Интересно?! — Верховный демон рассмеялся. — Не часто встретишь такую реакцию на пытки!

— Почему? Ведь, насколько я знаю, вы, господин Велиар, профессионал в деле пыток и допросов. А если я не могу избежать, так сказать, общения с вами, то почему я не могу проявить интерес, чтобы извлечь из этого выгоду?

— И какую же выгоду ты хочешь извлечь из этого, Милена? — спросил демон лжи с искренним удивлением в голосе (хотя, можно ли доверять демону лжи даже тогда, когда он выражает свои эмоции?).

— Я люблю учиться, — сказала я. — Люблю учиться всему. А в таком мире, как Преисподняя, знания применения пыток могут очень сильно пригодиться. Или я не права, господин Велиар?

— Может, и права, но... разговоры пора заканчивать, — голос Велиара послышался уже за моей спиной, а через мгновение я услышала хруст ломающегося перьевого крыла. — В ближайшее время я хочу слышать, лишь, твои крики, Милена.

И я, вновь, закричала. Я не хотела терпеть боль, сжав зубы, да и невозможно это было сделать. А ещё через секунду второе крыло тоже оказалось сломано.

— Ну, что, Велиар, теперь посмотрим, через какое количество времени кости крыльев начнут срастаться? — совсем близко от меня произнёс Абигор.

— Я бы предложил сломать каждую кость в этом хрупком теле и уже тогда наблюдать за временем.

«Экспериментаторы грёбанные!» — подумала я. Но, несмотря на жуткую боль и эту последнюю мысль, мне самой стало интересно. «А, действительно, сколько времени у меня уйдёт на регенерацию костей? Как быстро они срастутся вновь?». Да и злости на Велиара или Абигора у меня не было. Ведь я, на самом деле, провинилась перед Люцифером. Мне не следовало переходить границы его приказа. А за свои ошибки я должна нести ответственность. Тем более что за вину перед повелителем Преисподней не должно быть лёгкого наказания. Так я теперь думала. Расстраивало только то, что Люцифер не стал наказывать меня лично, а отдал Абигору. Ну, это тоже можно было бы принять за часть наказания.

Но, всего через мгновение, все мысли исчезли из моей головы. К моей шее, сзади, приложили раскалённое железо, как мне показалось, с каким-то клеймом. Я завопила, ощущая, как железо прожигает кожу; ощущая, как по помещению начинает разноситься запах горелого мяса и палёных волос.

— Если на ней останется твоя печать, Велиар, повелитель, вряд ли, будет этим доволен.

— Не останется. Я заклею её шейку обычным железом, а не магическим. Её регенерации хватит на такую рану. Но, пока она у меня, я, время от времени, буду обновлять свою печать. Ведь, пока она находится здесь, она принадлежит мне. Ты же не будешь с этим спорить, Абигор?

— Не буду. Тем более что это, всего лишь, временное явление.

А мне уже не было интересно. Сознание наполнила, лишь, боль и больше ничего. Кроме неё не осталось никаких ощущений. Видимо, я оказалась куда слабее, чем думала. Но, это было только начало...

Ферокс ничего не понимал. Он держал в руках послание от светлых эльфов и перечитывал его уже не в первый раз. То, что в нём было написано, в голове не укладывалось. До этого письма, повелитель драконов считал, что его жена, напав на светлый лес, просто убила парочку этих остроухих святош и всё. Но, судя по письму, всё было совсем не так...

«Повелителю всех драконов, императору стихий и хозяину неба, Фероксу Деймарру Айрелл Нэррету! Светлый лес обращается к Вам, находясь в скорби и печали, ибо эра нашего Светлого короля закончилась. Светлый лес взывает к Вам и Вашему чувству справедливости!..»...

На десяти листах, исписанных витиеватыми эльфийскими буквами, Светлый лес гневался и жаловался на то, что Милена Кавэлли, вероломно и неожиданно напавшая на него, совершила ужаснейшее преступление. Она изничтожила эльфийскую королевскую династию, убив всех членов правящей семьи. И теперь, эльфы требовали искупления этого. Искупление, по их мнению, заключалось в казни Милены Кавэлли. Причём, желательно, самими светлыми эльфами. В противном случае, эльфы грозились объявить войну драконам.

«Значит, эти головы принадлежать членам королевской семьи Светлого леса? — дракон покосился на «сувениры» Милены, лежащие на столе. — Интересно... Как Милене, вообще, могло прийти подобное на ум?».

Разумеется, о том, чтобы казнить Милену или отдать её светлым эльфам, и речи быть не могло. Войны со Светлым лесом Ферокс не боялся. Во-первых, эльфийская раса была несколько слабее драконьей. А во-вторых, чёрный дракон сильно сомневался, что эльфы, на самом деле, объявят ему войны, если он не выполнит их требования. Над Светлым лесом сейчас навис призрак анархии — ему сейчас не до конфликтов. В таком плачевном положении, пусть и с армией, Светлый лес не рискнёт ввязываться в войну с расой, которая сильнее и в войне с которой, заведомо, известен итог — поражение.

«А моя жёнушка меня удивила. Ожидать от неё такого... нереально! Пусть и не без помощи ангела смерти, но эта получеловеческая девчонка осмелилась замахнуться на правителя Светлого леса. И, ведь, убила же его! Конечно, действие совершенно не обдуманное. Убивать правителя другой страны только потому, что захотелось... Так может поступить только демон! И то, близко не сталкивающийся с властью и политикой. Пообщаться с ней надо по этому поводу».

Ферокс связался со слугой своей жены — Драйком, чтобы тот сообщил Милене, что хочет её видеть. Но, демон ответил, что его госпожа так и не вернулась с Совета Преисподней. «Осталась с кем-то из своих покровителей? Или...». Ферокс вспомнил, что Милена говорила ему о том, что приказ Люцифера — это проучить светлых эльфов. Проучить... Но, никак не убивать кого-то из высшей эльфийской знати и уж, тем более, их короля. Вряд ли, повелителю Ада могла понравиться подобная инициатива. Слишком уж она выходила за рамки приказа. Значит, его супругу, вполне, могли и наказать.

Связующим средством для общения с Люцифером стала гладь чёрного зеркала. Самому являться в мир демонов у чёрного дракона никакого желания не было. Ему не нравился тот мир. Нет, сами демоны ему импонировали. Их безжалостность, жестокость, эгоизм... Он их

понимал. Да он бы никогда и не заключил союз с теми, кто ему не нравится. Даже ради продолжения рода (в таком случае, он бы просто похитил женщину). Дело было в небе Преисподней. Чёрное, без малейшего признака солнца или луны. Оно давило на дракона и угнетало его. Небо, в котором только тьма. Несмотря на то, что самого Ферокса, за глаза, часто называли не чёрным драконом, а драконом тьмы, такая чернота его, нисколько, не привлекала.

— Где моя жена? — спросил Ферокс, обойдя официальные приветствия, как только лицо повелителя Преисподней в зеркале стало различимо.

— Несёт наказание за излишнюю инициативность, — Люцифер тоже не последовал традициям, да и к чему они были с тем, кого знаешь не одну тысячу лет. — Она перешла за рамки данного мной приказа, за что и поплатилась. Надеюсь, у тебя нет возражений по этому поводу?

— Нет, возражений у меня нет, но... — Ферокс, на мгновение, задумался, решая — оставить всё, как есть или, всё-таки, вмешаться. — Я бы хотел, чтобы её наказание не было, чересчур, долгим.

Люцифер, явно, не ожидал от повелителя драконов таких слов. Он знал, что пока Милена беременна от человека, Фероксу она не сильно нужна. Разве что, только для постели. А желающих согреть чёрному богу-дракону постель — владыка Ада был уверен — предостаточно.

— Она нужна тебе, Ферокс или... тебе её жаль? — демон даже сам не сильно верил, что задал последний вопрос.

— Нет, мне её не жаль, — дракон презрительно фыркнул — жалость была ему, в принципе, не свойственна, и уж кто-кто, а Люцифер должен был это знать.

— Тогда, зачем?

— Она потеряла своего человеческого ребёнка в Светлом лесу. Поэтому теперь я хочу, чтобы Милена, как можно быстрее, забеременела моим наследником. Я слишком долго этого ждал, Люцифер.

Дракон назвал одну из причин. Второй причиной было то, что Милена, действительно, стала ему... интересна. Из Светлого леса к нему пришёл чистокровный демон. Так это было по ощущениям. Демон наглый, развратный и жестокий. Фероксу это понравилось. Он бы не сказал, что та Милена, которую он знал до этого, вызывала совсем уж отторжение. Та Милена тоже привлекала его, но, скорее, как жертва хищника. Беспомощная, незащищённая... А Милена, вернувшись от эльфов... она сама была хищницей. Никак не жертвой.

Милена-хищница и Милена-жертва. Какая из них для него была предпочтительнее? Ферокс и сам пока этого не знал. Конечно, управляемы были обе. «Оковы неволи» не позволят ни «жертве», ни «хищнице» ослушаться его в чём-либо. Но... «Жертва» ненавидела его, боялась. Отрицала любую возможность того, что и без драконьей крови, может желать своего мужа. Делала всё, чтобы находиться от него, как можно, дальше. Она ненавидела и демонов и драконов и свою новую жизнь. В начале, за этим было забавно наблюдать. Как Милена, перешагивая через себя, делает что-то, по её мнению, ужасное, отвратительное. Но, потом Фероксу это наскучило. Приелось. Стало раздражать. «Хищница» стала, как глоток свежего воздуха для чёрного дракона. Яркая, сумасшедшая... Абсолютно не скрывающая своих желаний и не стесняющаяся их. Она обожала Ферокса, хотела его. И он был уверен, что не будь драконьей крови, ничего бы не изменилось. Она улыбалась, смеялась... То, что «жертва», при нём, никогда не делала и, вряд ли, когда-нибудь сделает. И «хищница» не

боялась. Однако... вместе со всеми своими яркими, привлекательными для Ферокса, качествами, у «хищницы» минус, всё же, был. Её необузданность и спонтанность действий. «Жертва», конечно, тоже зачастую делала первое, что придёт в голову, но... повелитель драконов чувствовал, что «жертву» можно научить, успокоить её. «Хищница» обучению, вряд ли, поддастся. Если бы только «хищницу» и «жертву» можно было соединить в одно...

«Ты уже начинаешь думать, что будешь её чему-то учить?! — Ферокс сам несколько удивлён самому себе. — Похоже, эта девчонка плохо на тебя влияет!».

Но, на самом деле, Ферокс уже решил про себя, что просто «игрушка для спальни» его всё же, не устроит. А раз так, то он сам и должен обучить свою жену тому, какой должна быть повелительница мира драконов. И неважно — кого именно ему придётся учить — «хищницу» или «жертву». Она, всё равно, была его женой, за которую он нёс ответственность. Этого Люциферу не понять. Это было ещё одно отличие демонов от драконов. Демоны, называющие друг друга «мужем» и «женой», ничего друг для друга не значили. При случае, они могли, с лёгкостью, убить своего партнёра и через секунду забыть о нём, прожив вместе, до этого, сотни лет. Они не любили друг друга, не заботились друг о друге. Ферокс всегда считал, что он такой же. Что девчонка-полукровка будет для него просто развлечением, которое выносит его ребёнка. Теперь же... он понял, что слишком... дракон. Что ему нужно что-то большее. Но, не объяснять же это демону.

— Хорошо, я сокращу время её наказания, — тем временем, произнёс Люцифер. — Три дня тебя устроят?

— Вполне.

Люцифер помолчал какое-то время. Он чувствовал, что повелитель драконов что-то ему не договаривает. О чём-то умалчивает. Но, он не стал спрашивать дракона, а спросил о том, что его интересовало:

— Самаэль — ангел смерти и изгнанник моего мира. Он сейчас у тебя, верно?

— Да, он сейчас в моём мире. Милена попросила сделать его её эррильзаром.

— И ты согласился?

— Не вижу причин её отказывать. Тем более, иметь рядом такую силу... заманчиво.

— Я собираюсь, в скором времени, снять с Самаэля статус изгнанника и вернуть ему все привилегии и место в Совете Преисподней, — заявил повелитель Ада. — Не вижу на твоём лице удивления, Ферокс.

— Если меня что-то и удивляет, так это только то, что ты не сделал этого раньше. Ангел смерти слишком могущественная сила, чтобы ею разбрасываться. Зачем ты, вообще, его изгнал?

— Я не ожидал, что он будет настолько упрям. Я поставил ему ультиматум. Думал, что он поменяет своё решение. А он этого не сделал и ушёл.

Ферокс расхохотался:

— Ты хотел его проучить, а он, вместо этого, послал тебя и смотался?! Он мне уже нравится!

Смех дракона демону не понравился. Он решил закончить этот разговор:

— Если у тебя, всё, Ферокс, то у меня много дел.

— Подожди, последний вопрос, — смех Ферокса прервался. — Не знаешь, почему ангел смерти так, по-особенному, относится к Милене? Помогает ей, защищает... Говорит, что любит её. Для демона такое поведение, более чем странное.

— Я не могу ответить на этот вопрос. Я не знаю на него ответа. Была женщина, к

которой Самаэль тоже относился так. Её нет в живых уже не одну тысячу лет. Но, Милена никакого отношения к ней не имеет.

Люцифер помнил эту женщину. Точнее, девушку. Кэтэрина. Любимый ребёнок Адалиссы. Бабочка, полюбившая смерть. Люцифер никогда не встречался с ней — лишь, видел издалека. Адалисса не позволяла никому к ней приближаться. Чёрная богиня защищала её от любых возможных опасностей. Даже окружила то место, где жила с Кэтэриной, магическим барьером. Барьер мог кого-то пропустить внутрь только по приглашению «жителей барьера», то есть Адалиссы или же самой Кэтэрины (повелитель демонов сомневался, что последняя, вообще, знала об этом). И было странно, что так любя этого ребёнка, так защищая его... Адалисса, в один день, просто исчезла на несколько тысяч лет, оставив Кэтэрину Самаэлю. Но... после исчезновения своей матери, Кэтэрина прожила не долго. Умерла по неизвестной причине. И даже Самаэль не смог защитить её от того, воплощением чего, сам же и является. Странная история. Старая... Люцифер и забыл-то её почти. Только вопрос Ферокса разбудил в демоне воспоминания о ней.

— Значит, ты не можешь ответить на этот вопрос? — голос дракона вырвал владыку Ада из раздумий.

— Нет.

— Тогда, больше не задерживаю. Через три дня надеюсь увидеть свою жену.

— Может, в следующий раз встретимся в моём мире, Ферокс? — предложил Люцифер.

— Благодарю за приглашение, но... Небо в твоём мире отвратительное, Люцифер.

Глава 41.

«Сколько времени я здесь уже нахожусь? День? Два? Неделю?».

Я открыла глаза, уже не закрытые повязкой. Подняла голову, огляделась. Я была одна. Я сидела в красивом кресле. Прямо напротив меня находилось зеркало, в котором я могла себя разглядеть. На вид, я была красива. Были уложены волосы, накрашено лицо, ногти на руках и ногах. На мне было роскошное вечернее платье. Это было не первое платье, в которое меня наряжал Велиар. Мой временный хозяин любил меня наряжать и украшать. Как какую-то куклу. Правда, понятие об «украшениях» у демона лжи было несколько... необычным. Весь этот красивый облик, по моему мнению, портило только одно. Оковы на руках, ногах, шее... И длинные многочисленный цепи, время от времени, тянущие меня туда, куда угодно их хозяину.

— Проснулась, моя прекрасная узница? — в мою темницу зашёл улыбающийся Велиар.

Я дёрнулась. В последнее время, улыбка Верховного демона стала жутко пугать. Ведь, она означала, что Велиар придумал что-то новое. Что-то, после чего, красивое платье будет порвано, красивая причёска растрёпано, а тело искалечено. Это повторялось уже много раз. А самое отвратительное в этой ситуации было то, что все раны, которые мне наносились, заживали слишком быстро. Быстрое заживление давало повод сделать со мной что-то ещё. Что-то ещё более страшное. Но, я также осознавала, что будь на моём месте кто-то другой... я бы, не раздумывая, приняла бы участие в этих пытках. Мне было бы интересно, весело!.. Но, «кого-то другого» на моём месте не было.

— Сегодня я хочу проверить, как долго ты можешь переносить боль, — тем временем, сказал Велиар.

Я, непонимающе, посмотрела на Верховного демона, а он кинул передо мной пять кнутов. Все пять длинные, толстые... Как только они оказались на земле, они, тут же, взмыли в воздух и зависли перед моим лицом.

— Ты же хочешь получать, как можно меньше, боли, верно, Милена? Ты сможешь этого добиться, но... для этого тебе необходимо молчать. Эти кнуты будут реагировать на каждый твой крик. Ты кричишь — они сильнее бьют. Молчишь — сила удара не меняется. Ну, что, попробуем?

— Вам же не интересно моё мнение, господин Велиар. Так, зачем спрашиваете? И... где Абигор? — заметила я отсутствие своего покровителя.

— Ушёл, — ответил демон лжи. — Появились какие-то неотложные дела. А почему я спрашиваю? Должен же я соблюдать элементарные правила вежливости. Начинаем! — как мне показалось, приказал он именно кнутам.

Я постаралась расслабить мышцы, чтобы было не так больно, но это не помогло. Когда пять кнутов хлестнули по моей спине... от боли мне показалось, что у меня искры из глаз посыпались! Ткань платья разорвалась, а за ней и моя кожа. И как тут можно было смолчать? Я не смогла этого сделать. Мой крик разорвал тишину, в которой прибывала, до этого момента, темница. А когда кнуты ударили во второй раз, ещё сильнее, чем прежде, по тем же ранам... я набрала в грудь воздуха, но... Ладонь, обтянутая в кожу, закрыла мой рот, помешав закричать.

— Тшш. Ну, что же ты так быстро сдаёшься, Милена? Это совсем не интересно! А может, у тебя мало стимулов для того, чтобы терпеть? Тихо! — приказал Велиар кнутам, останавливая третий удар. — Хорошо, тогда усложним тебе задачу. Узнаешь? — он убрал руку от моего лица, повернулся, взял что-то со стола, который находился здесь же и, вновь, повернулся ко мне лицом.

В руках Верховного демона были, безобидные на вид, плоскогубцы. Знаете, такой инструмент, который используется в мире людей для каких либо работ. Велиар их тоже использовал для работы... Но, совершенно, иной. Я узнала эти плоскогубцы. Да и бурные пятна на них говорили о том, что это именно они... те, которые столько раз использовались на мне. Демон лжи и коварства использовал их для того, чтобы выдирать, с мясом, ногти. Медленно, с наслаждением... Он делал это с моими ногтями уже не один раз и не два. И каждый раз, после этого, он с любопытством отсчитывал, сколько времени мне нужно, чтобы появились новые ногти. Хотя, иногда он не просто отрывал ногти, но и заливал свежие раны какой-то кислотой, после которой раны начинало жечь. Плоть начинала шипеть, пузыриться, покрываться волдырями!.. Это задерживало регенерацию, пусть и ненадолго. А затем, после того, как ногти отрастали, Велиар следил за тем, чтобы мне сделали идеальный маникюр.

— Да, узнаю, — ответила я.

— Молодец. Значит так, я усложняю твою задачу. За каждый твой крик, кнуты не только будут бить сильнее, но и я буду вырывать тебе по одному твоему ногтю. Один крик — минус один ноготь. Закончатся ногти на руках, перейду на ноги. А потом, буду ломать твои пальцы, по одному. А затем... затем я, обязательно, придумаю что-нибудь новое.

Я сглотнула. Отказаться от «игры», предложенной Велиаром, было нельзя. Но, как же мне не хотелось в неё играть! То, что я, с удовольствием, применила бы на ком-то другом, испытывать на себе было... больно, страшно, невыносимо!.. Я бы с радостью перебила, хоть, всех эльфов светлого леса, лишь бы, вырваться из дворца Велиара. То, что раны быстро заживали, делало ситуацию только хуже. Ведь, сразу, после регенерации, пытки начинались по новой.

Тем временем, Велиар не стал ждать ответа на свою речь. Одна короткая команда кнутам и... я изо всех сил сжала зубы, чтобы не закричать. Я терпела, чтобы одна пытка не превратилась в несколько. Я не хотела, чтобы Велиар прикасался к моим ногтям, рукам... вообще, к моему телу. Поэтому я, рискуя сломать зубы, старалась не издать даже малейшего писка. Но, кнуты били, пусть и с той же силой, но по одним и тем же местам, по одним и тем же ранам, рвя кожу, мышцы... Терпеть не было сил — из горла вырвался крик.

— Ай-яй-яй, Милена. Как нехорошо, — услышала я голос Велиара.

Я почувствовала, как металлические зажимы начинают тянуть ноготь. Я почувствовала, как ноготь отделяется от пальца; как он, вместе с кожей, отрывается. Но, как же медленно это всё происходило! Я знала, что Верховный демон делает это нарочно, чтобы, ещё больше, продлить агонию боли. Знала потому, что на его месте я поступила бы также. Но, вот последнее тянущее движение и одного ногтя нет. На его месте, лишь, кровавая рана. Я, вновь, закричала, хотя и не знала — зачтётся ли этот крик, ведь, пока, кнуты меня ещё не ударили. Но, судя по тому, что ко второму ногтю плоскогубцы не потянулись, не зачёлся. Но, передышки мне больше давать не стали — удар обрушился на меня с новой силой, и я уже понимала, что эту «игру» я, полностью, проиграла. Я уже понимала, что больше сдерживать крики я не смогу, как бы я не старалась. И я сдалась. Сдалась потому, что больше не могла

терпеть боль. За что и поплатилась. Я думаю, Велиару нравилось видеть на моём лице обречённость, но, из-за этого, жалеть он меня не стал. Он медленно-медленно, с расстановкой, с удовольствием делал то, что обещал. Один крик — один ноготь. Делал это опять и опять. Опять и опять. Опять и опять. До тех самых пор, пока ногтей, действительно, не осталось — ни на руках, ни на ногах. А кнуты продолжали хлестать мою спину, с каждым разом всё сильнее, превращая её в кровавое месиво. Я ощущала, как по спине, струйками, стекала кровь; как клочьями свисает кожа. Я слышала хруст первого сломанного пальца. Ломание остальных слилось в один сплошной поток, который я уже не воспринимала так чётко. Я чувствовала, как Велиар обновляет свою печать, сжигая кожу на моей шее.

— Знаешь, Милена, у тебя очень мало терпения, — заявил Верховный демон, останавливаясь и останавливая кнуты. — Очень мало. И что же мы будем с этим делать, а?

смогла только пожать плечами. Говорить я уже не могла. Кажется, голосовые связки я, всё же, сорвала. Как я не старалась, а последние минуты я даже закричать нормально не могла — только стонала и хрипела.

— Не знаешь, значит? Жаль. Может, наказать тебя за незнание?

Я замотала головой. Кнутов и вырванных ногтей, со сломанными пальцами, мне было более чем достаточно.

— Не надо, говоришь? — Велиар приподнял моё лицо за подбородок, заглядывая мне в глаза. — А вот я считаю по-другому. Надо и даже очень. Может, стоит проверить, смогут ли регенерировать твои прекрасные глаза, если я их вырежу?

Мне это показалось плохой идеей. Я не думала, что моя регенерация хороша настолько, чтобы восстановить удалённые глаза.

— Пожалуйста, господи Велиар... не надо... — смогла прошептать я. — Это — невозможно... Мои глаза не смогу восстановиться.

— Ты так думаешь? — Велиар отпустил моё лицо. — Что ж, может ты и права. Не стоит рисковать столь прекрасными глазами. Тогда... как насчёт того, чтобы выпить это? — в руках мужчины оказалась небольшая стеклянная бутылочка с какой-то прозрачной жидкостью.

Я не хотела это пить. Чем бы это ни было, но, явно, ничем хорошим для меня. Я сжала губы и упрямо посмотрела на Велиара. Я знаю, что так, с Верховным демоном, вести себя нельзя, но... я решила, что я уже и так достаточно была наказана.

— Ты отказываешься мне подчиняться, Милена? — голос демон лжи не повысил, но сразу стало ясно, что моё поведение его разозлило. — Какая нехорошая девчонка! А ты знаешь, что я делаю с нехорошими девочками?

Я успела подумать, что моё поведение было наиглупейшей ошибкой, когда Велиар, с силой, воткнул в мою руку нечто, вроде, острого скальпеля. Потом, он его вытащил, а затем, вновь, вогнал в ту же рану. Затем, ещё раз и ещё! Я, с ужасом и хрипом, смотрела, как моя рука превращается в какую-то кашу! Я видела разорванные «скальпелем» вены, сосуды, тонкие косточки руки!..

— Хватит... — прохрипела я. — Хватит!

— Хватит? — Велиар остановился и удивлённо посмотрел на меня. — Почему, ты решила, что хватит? О, нет, я только начал, Милена.

— Я выпью... — еле ворочая языком, произнесла я. — Я выпью то, что вы хотели мне дать... Только... только прекратите...

— Неужели, выпьешь? Что же ты сразу не согласилась это сделать, глупая девчонка?

Зачем надо было меня злить? — он поднёс к моим рукам бутылочку и я, послушно, выпила то, что там было.

На вкус эта жидкость была... Да никакой она не была. Абсолютно безвкусная вода.

— Вот и умница, Милена, — демон улыбнулся и... его «скальпель» оказался во второй руке!

Я застонала от боли — на большее сил не хватило.

— Зачем?.. Я же... я же сделала то, что вы хотели!

— Да, сделала, — всё также улыбаясь, ответил Верховный демон. — Но я, разве, говорил, что остановлюсь после того, как ты это сделаешь? По-моему, нет. Об этом и речи не было.

Теперь и вторая моя рука превращалась в нечто, из крови, разрезанных вен, костей и кожи. Но, это было далеко не всё. Начала действовать жидкость, которую я выпила. Безвкусная во рту, внутри организма она превращалась, по меньшей мере, в соляную кислоту. Казалось, что меня что-то пожирает изнутри, кромсая, при этом, мои внутренности и ломая кости. «Кислота» бежала по венам, заменяя собой кровь и выжигая всё на своём пути.

— Ну, как, нравится? — поинтересовался Велиар, в очередной раз, вытаскивая лезвие из моей руки. — Вообще-то, эту жидкость, когда-то, использовали для допросов ангелов, но... так как мы с ними существуем в подобии мира последние тысячи лет, то эту «воду» я использую для своих целей. Думаю, ты уже, как следует, прочувствовала её действие, верно? — он посмотрел на меня. — О, как мне нравится это лицо, отражающее всю боль твоего тела! Такое выражение... поистине, возбуждает! — Велиар медленно облизнул свои губы, а его взгляд, на мгновение, стал совершенно безумным. — Тебе всё ещё интересно, Милена? Тебе же было интересно в самом начале, помнишь? Ты ещё хочешь учиться? Ты, всё ещё, хочешь этого?

Я разлепила, засохшие в крови, губы:

— Хочу. Но, не на себе.

— То есть, если я, когда-нибудь, предложу тебе поучиться пыткам, ты согласишься?

— А почему нет?

— Я вижу, ты неплохо проводишь время, Велиар.

Я узнала этот голос — это был герцог Астарот.

— Зачем пришёл, Астарот? — спросил демон лжи.

— Хотел поговорить с Миленой Кавэлли.

— Так, говори, — великодушно разрешил Велиар.

— Приведи мне её, для этого, в нормальное состояние, — с неудовольствием, сказал Астарот.

— А по мне так, она в очень даже нормальном состоянии, — с усмешкой, сказал Верховный демон. — Ты, кстати, присоединиться не хочешь?

— Благодарю за предложение, но не в этот раз, — отрезал демон демагогии.

— Неужели, эта сцена тебя, несколько, не понравилась, Астарот? — пальцы Велиара погладили меня по руке, прежде чем начать, заново, раздирать рану, от чего я издала, нечто, вроде писка, хотя, на самом деле, хотелось кричать в голос. — Эти страдания, муки... Как демон может остаться к такому равнодушен?

— Я не равнодушен, — ответил Астарот. — Мне сейчас не до этого. Мне нужен только разговор с Миленой Кавэлли. И, желательно, когда она не в таком... жалком виде.

— Ну, тогда тебе придётся, немного, подождать, Астарот, когда я с ней закончу.

— Не тяни слишком долго, Велиар. Ты же знаешь, как я ненавижу ждать, — и Верховный демон вышел из темницы.

— И о чём же, интересно, Астарот хочет поговорить с тобой, Милена?

О чём? Я не могла сейчас думать об этом. Единственное, о чём я могла думать, так это о том, когда же закончится эта пытка. О том, когда закончится моё наказание.

А пытка закончилась... я не знаю — сколько прошло времени перед этим. Я поняла только то, что Велиар, отнюдь, не торопился, чтобы передать меня на разговор Астароту. Развлекался он со мной, довольно, долго. А, может, это для меня время так растянулось? Но, по крайней мере, в последние мгновения боль даже как-то начала притупляться. Видимо, разум уже не мог вынести такое количество боли и просто отсёк от меня какие-то чувства. Я разуму была за это благодарна.

Когда Велиар закончил, он приказал своим слугам привести меня в порядок: одеть, накрасить... И, через какое-то время, когда раны зажили и я, вновь, посмотрела в зеркало, я увидела красивую куклу в вечернем тёмно-фиолетовом длинном платье с открытыми плечами. Ногти снова были в идеальном состоянии — похоже, что у Велиара был просто фетиш на них, так как именно за их покраской и уходом он наблюдал лично, а, иногда, и сам ими занимался. Только вот цепи с рук, ног и шеи так и не были сняты. Исходя из этого, я решила, что я зря надеялась, что после разговора с Астаротом, я покину дворец князя обмана.

Пока раны заживали и слуги занимались моим внешним видом, я успела поразмышлять над тем, что могло понадобиться от меня герцогу Астароту. Мои выводы сводились к одному — Самаэль. Ведь, если вспомнить мой первый и последний разговор с Астаротом, то его интересовала именно моя связь с ангелом смерти. А на Совете я открыто сказала, что в Светлом лесу мне помог изгнанник. Так что, скорее всего, Верховный демон будет спрашивать меня о Самаэле. И я оказалась права. Когда Астарот зашёл ко мне, первым его вопросом было:

— Тебе, действительно, Самаэль помог в Светлом лесу?

— Да, действительно. Прошу прощения, господин Астарот, что не могу поприветствовать вас, как следует, — я показательно позвенела цепями.

— Почему Самаэль это сделал?

— Я говорила вам в прошлый раз, господин Астарот, что Самаэль утверждает, что любит меня. И, в этот раз, он помог мне по этой причине. По крайней мере, он сам так сказал. Он говорил, что исполнит любое моё желание. Чтобы я не попросила.

— Ты мне, точно, не лжёшь сейчас, Милена? — Астарот говорил так, что было ясно, что если я солгала — мне не жить.

— Нет, я не лгу. Если вы мне не верите, господин Астарот, то можете сами спросить об этом у Самаэля. Он сейчас находится в мире драконов.

— И что же он там делает?

— Он остался там, чтобы быть рядом со мной. Он согласился стать моим эррильзаром, — я рассмеялась, увидев шокированное лицо Верховного демона.

— Ты... ты серьёзно?!

— Серьёзней не бывает, — без всякого страха, ответила я.

— Ты сделала Верховного демона своей... подстилкой?! — ярости главного казначея Преисподней не было предела. — Да кем ты себя возомнила?!

Суженные вертикальные зрачки Астарота говорили о том, что терпения у него осталось мало. Кроме того, по моему телу, как будто, прошли заряды тока. Это была сила Верховного демона, которую он ещё держал под контролем.

— Если вы считаете, что эррильзар — это подстилка, то вы плохо знаете обычаи мира драконов, господин Астарот, — я передёрнула плечами — ощущать на себе электрический заряд было неприятно. — Эррильзар — это второй спутник жизни. Не меньше. И никто егс ни в каких правах ущемлять не будет.

— Кроме твоего муженька, Ферокса, верно? — ехидно спросил мужчина. — Супруг, ведь, всё равно, на первом месте. Не так ли, Милена? Решила принизить положение Верховного демона?!

— Могу повторить, что Самаэль сам согласился на это. Тем более что он — изгнанник. Как можно принизить положение изгнанника? Если уж так рассуждать, то его положение в мире драконов сейчас куда выше, чем в мире демонов. И, вообще... господин Астарот, почему вас так интересует судьба изгнанника? Вы что, были друзьями?

— Тебе и самой прекрасно должно быть известно, Милена, что среди демонов нет друзей! — резко ответил мужчина.

— В чём же тогда причина?

— Расспрашиваешь Верховного демона? Наглости тебе не занимать!

— Господин Астарот, я не расспрашиваю вас, а интересуюсь, так как Самаэль неразрывно со мной связан. Хотела я этого или нет — уже не важно. Сделав его своим эррильзаром, я связала с ним свою жизнь. И этого уже не изменить. Даже вы, господин Астарот, ничего не сможете с этим сделать.

Несмотря на то, что к Верховным демонам я, на уровне инстинктов, испытывала чувства страха и трепета, мне понравилось говорить Астароту последние слова. Это было, своего рода, превосходство над ним. Я радовалась, как ребёнок, у которого получилось обыграть взрослого.

— Так, вы хотите встретиться с Самаэлем, господин Астарот? — спросила я. — Если — да, то я устрою эту встречу.

— Хочу, — через какое-то время, спокойно ответил Астарот. — Но, об этом никто не должен узнать от тебя, Милена.

— Конечно, господин Астарот. Только, я не знаю, когда именно я смогу это сделать. Я не знаю, сколько ещё времени я проведу у господина Велиара.

— Сразу, как только тебя выпустят отсюда, — и, больше ничего не говоря, демон вышел.

Я усмехнулась. Несмотря на своё незавидное нынешнее положение, у меня, всё-таки, получилось развлечься. По крайней мере, так я относилась к разговору с герцогом Астаротом. Когда у тебя есть то, что нужно Верховному демону (в данном случае, другой Верховный демон) — это... забавно? Можно и так сказать, но... ещё, из этого можно попытаться извлечь выгоду. Ещё не знаю — какую, но просто так оказывать услугу Астароту у меня в планах не было.

«И, всё-таки, почему Астарот так заинтересован в судьбе Самаэля? Если их не связывает дружба, то, что тогда?».

— А Астарот ушёл быстрее, чем я думал. О чём же вы говорили, интересно? — это был мой временный хозяин — Велиар.

— О том, что наглости мне не занимать, господин Велиар.

— Да? В чём-то он прав. Девочка ты, несколько, нагловатая.

— Ну, что вы, господин Велиар! Я очень покорная девочка! Но... господин Велиар, можно один вопрос?

— Задавай.

— Сколько ещё времени продлится моё наказание? Я, ни в коем случае, не протестую против него — я его заслужила. Но, оно же не может длиться вечно?

— Была бы моя воля — могло бы длиться и вечно, но, к счастью для тебя, ответственным за наказание твоего проступка, повелитель назначил Абигора. А это значит, что когда Абигор придёт за тобой, тогда всё и закончится. Ну, а пока... ты в моём распоряжении.

«По крайней мере, я пришла к выводу, что не люблю пытки в отношении себя, — подумала я, с обречённостью глядя на Велиара. — Боль во время секса — это одно, — я вспомнила о болезненной близости с Рейфом — эти воспоминания вызывали только положительные эмоции. — А вот пытки Велиара — это совсем другое дело. Испытывать их на себе... то ещё удовольствие. В общем, я не такая уж и законченная мазохистка. Не знаю — хорошо это или нет, при моей-то жизни?».

Абигор, наконец, пришёл за мной. К тому времени, я испытала на себе всё, что только можно. Меня, разве что, не расчленили. Как жива осталась, даже при всей регенерации, непонятно.

— Ну, что, Милена? Тебе понравилось твоё времяпровождение здесь? — с любопытством рассматривая меня (вновь, мою скромную особу нарядили, как на какой-то вечерний приём), спросил демон войны.

— Если бы пытали не меня, то, думаю, мне бы здесь понравилось, — честно сказала я. — Кстати, сколько времени я здесь?

— Три дня, — ответил Абигор. — Можно было бы и дольше, но... твой супруг начал проявлять нетерпение. Очень уж хочет тебя видеть. Так что, Люцифер отдал приказ вернуть тебя в мир драконов.

— Эх, и не мог он раньше проявить нетерпение? — вздохнула я.

— Недовольна моим гостеприимством, Милена? — улыбнувшись этой своей садисткой улыбочкой, поинтересовался Велиар.

— Гостеприимством-то я довольна, господин Велиар, только... Давайте, в следующий раз, когда я буду у вас гостить, подопытным кроликом для пыток сделаем кого-нибудь другого, а? — предложила я демону коварства.

— Посмотрим, — цепи Велиара спали с меня. — Забирай свою подопечную, Абигор.

Забрали меня в прямом смысле этого слова — на руках. Мои собственные ноги меня не держали, несмотря на то, что видимых ран, в общем-то, не было. Но, думаю, сказалось то, что, по сути, все эти три дня я провела сидя, почти не двигаясь. И этот факт меня ужасно злил. Ведь, если бы я была чистокровным демоном, вряд ли, на мне бы сказался даже месяц в заточении.

— Абигор, ты не знаешь, случайно, заклинания, которое могло бы уничтожить всю постороннюю кровь в полукровке? — спросила я демона войны, когда он оказался, вместе со мной на руках, в мире драконов.

— Тебе это зачем? — с удивлением посмотрел на меня Абигор.

— Для того чтобы на себе использовать, конечно. Человеческая кровь даёт слишком

много минусов. Регенерация-то у меня, как выяснилось, неплохая, но... я быстро утомляюсь. И мои несчастные ноги дали мне это сегодня прочувствовать.

— Даже если такое заклинание и есть, то я его не знаю, — ответил Абигор. — Специалист по заклинаниям у нас Вельзевул.

— Тогда, спрошу его при встрече, — я прислушалась к своему организму. — Всё, можешь меня отпустить. Дальше я сама пойду. Так что, можешь возвращаться в мир демонов. Только, отдай мне мою косу, которую ты у меня забрал.

Абигор отдал мне мою косу, и я отошла от него.

— Эй, Милена, — окликнул меня демон войны, когда я отошла от него на пару шагов.

— Что? — обернулась я.

— Тебе не кажется, что после пыток ты должна вести себя несколько иначе?

— С чего бы? — удивилась я. — А как я себя веду-то? По мне так, вполне, нормально.

— В том-то и дело! Где мои обожаемые слёзы, мольбы, стоны и всё прочее?! — Абигор, явно, злился.

— Если ты этого хочешь, Абигор, я это сделаю, — просто ответила я. — Я сделаю всё, что мне прикажет Верховный демон. Но... я не вижу в этом смысла, в данном случае. Я сделала для себя вывод, что пытки мне не нравятся, и я их больше не хочу испытывать на себе. И то, что о пытках я, до этого, знала чрезвычайно мало. Но, не истерить же по этому поводу. Ты так не считаешь?

— Похоже, в Светлом лесу ты, действительно, сильно стукнулась головой, Милена, — демон повернулся к порталу. — Но, судьбу твоих друзей это не изменит — я убью их, в любом случае.

— Поступай, как хочешь, — ответила я, правда, уже неизвестно — кому, так как мужчина исчез в портале.

«И, всё-таки, почему я так сильно была против смерти этих двоих? — размышляла я, медленно бредя в сторону спальни. — Никак не могу вспомнить! Но, какая-то причина, ведь, была. Так какая же?».

Я помнила Лавинию и Николь. Я помнила, как с ними разговаривала, общалась, но... на этом всё. Никаких эмоций эти воспоминания у меня не вызывали. Я ощущала, лишь, равнодушие к судьбе этих двух девушек. Хотя я, также, помнила и то, что одна из них была беременна. Я представила, как Николь и Лавинию убивает Абигор. Опять же — никакой реакции со стороны моих чувств. Единственное, что мне хотелось, когда я представляла смерть людей от рук демона войны — это улыбнуться. Я усмехнулась про себя, решив, что больше не хочу думать о том, почему эти двое меня когда-то волновали.

Глава 42.

— Я вернулась! — радостным тоном объявила я, заходя в спальню. — Надеюсь, все по мне скучали? Самаэль, по поводу тебя я не сомневаюсь. Знаю, что скучал. И по поводу тебя, Блэк, тоже! — я схватила на руки салера, который ласкался об мои ноги.

— Что за дискриминация, Милена? — притворно вздохнул Рейф. — Я тоже скучал. Особенно, по твоей крови.

— В последнем я и не сомневалась. А ты, Лекс? Не беспокоился? Вы, ведь, все наверняка, знали — где я нахожусь, и что со мной происходит?

— Знали, конечно, — ответил Лекс. — Но, какой смысл беспокоиться? Да и выглядишь ты лучше, чем ожидалось.

— У меня хорошая регенерация. Как выяснилось, — я поморщилась, сев на кровати. — Только с, затёкшими за неделю, ногами она не помогает.

— Так, тебя, действительно, пытали? — с любопытством спросил Рейф. — И как ощущения?

— Отвратительные! — со всей искренностью, сказала я. — Неприятно, больно, мучительно... Весь букет ощущений! Особенно, было неприятно, когда мне выдирали ногти и ломали пальцы.

— А по тебе не скажешь, что тебя мучили, — заключил Мейснер.

Вдруг, я услышала какое-то ворчание. Оно доносилось из-под кровати. Заглянув туда, я, сначала, увидела два светящихся глаза, смотрящих на меня. Затем, я увидела и само существо. Это был... щенок! Да, самый обыкновенный щенок, внешне напоминающий овчарку, с чёрной густой шерстью. Только глаза были такими же, как у меня. Кроваво-алые, с вертикальными зрачками, светящимися в темноте.

Это... что? — с полнейшим недоумением посмотрела я на присутствующих.

— Его зовут Ренэтус, — за всех ответил Самаэль. — Его мать была волчицей, а отец — адской гончей. Так же, как и ты, он является полукровкой, поэтому его не примут ни сородичи его матери, ни сородичи его отца. Я решил, что вы с ним поймаёте друг друга.

— Да? Что-то не похоже, что я ему сильно нравлюсь, — заметила я на ворчание щенка.

А щенок, всё ещё рыча, медленно, почти крадась, приблизился ко мне. Я протянула к нему руку. Он, несмело, понюхал её, а, затем, лизнул раздвоенным змеиным языком. Я, с восторгом, заметила в его пасти два ряда острых, пока ещё маленьких, зубов.

— Мне он нравится, — заявила я. — Я оставлю его себе.

После моих слов, Блэк недовольно зашипел, взъерошил шерсть и, сквозь стену, покинул нас.

— Кошки не очень жалуют собак, — заметил Лекс. — Даже если оба имеют демоническую природу.

— Ничего, привыкнет, — отмахнулась я и взяла, уже полностью успокоившегося щенка, на руки.

В этот момент, я заметила, что Самаэль смотрит на Ренэтуса с какой-то... неприязнью, что ли. Во всяком случае, никаких положительных эмоций в его взгляде не было и в помине.

— Самаэль, — обратилась я к нему. — Мне кажется или Ренэтус тебе не очень-то и

нравится?

— Я просто не люблю собак, — ответил ангел смерти.

— Тогда, зачем же ты сам принёс его мне? — не поняла я.

— Как я уже сказал, вы оба — полукровки и вы друг друга поймёте. В любом случае, с тобой ему будет лучше, чем с любым из своих сородичей. Но, это не означает, что он мне будет нравиться.

— Странный ты... — задумчиво протянула я. — Зачем приносить что-то, от чего ты не в восторге? Кстати, — вспомнила я. — Самаэль, с тобой очень горит желанием встретиться герцог Астарот. И я обещала ему в этом помочь.

— Зачем Астароту видеться со мной? — удивился Самаэль.

— Тебе лучше знать. Он уже второй раз спрашивал меня о тебе. Так что, не обессудь, но я своё обещание Верховному демону сдержу. Тем более что это может вылиться в выгоду для меня. И... — я резко замолчала.

У меня появилось какое-то странное ощущение... Не могу сказать, что приятное. У меня не кружилась голова, у меня ничего не болело, но... Мне психологически стало плохо. Все мои эмоции, словно, наизнанку, выворачивало.

«Что я делала всё это время?! — с ужасом начала вспоминать я все последние события. — Как я... как я могла?! Что я натворила?!».

Перед глазами, как живые, вставали картины того, что происходило в Светлом лесу. Того, что я там делала. Все издевательства, убийства, которые я совершила. Я вспоминала Темедэля, его семью, то, что я сделала с их головами... В конце концов, я вспомнила то, как я вела себя с Фероксом; как я была заинтересована в пытках; как равнодушно я отнеслась к судьбе Лави и Николь...

— Нет... нет, это была не я! — я схватилась за голову (щенок, при этом, спрыгнул на пол). — Я не могла всё это совершить! Я... не могла...

— Что с ней такое? — услышала я через волну захлестнувших меня эмоций голос Лекса.

— То, о чём её предупреждали, — ответил ему Самаэль. — Последствия запретного ритуала.

«Последствия запретного ритуала? О чём это он?» — не поняла я, а потом вспомнила... вспомнила слова Лиминдэля.

«Ты не потеряешь полностью свою личность, как в случае полной потери души. Ты будешь метаться между остатками своих светлых чувств и той частью пустоты, которая появится внутри тебя. Тебя будет кидать из крайности в крайность. У тебя не будет возможности обрести покой. У тебя даже не будет возможности окончательно и бесповоротно потерять рассудок. Ты будешь «выныривать» из черноты, смотреть на свои поступки, всё осознавать... а затем, вновь, будешь отдаваться во власть тьме».

«Это и есть то, о чём он говорил? Последствия потери половины души? Нет, я не хочу переживать это снова! Что-то делать, а потом жалеть об этом и не понимать, как я смогла такое сделать!».

— Сколько... сколько я убила? — спросила я шёпотом, сев на кровати.

Я не ждала ответа, но ангел смерти ответил:

— Много. Если хочешь, могу назвать точную цифру.

— Не надо! — я замотала головой. — Почему... почему никто из вас меня не остановил?

— Во-первых, этих двоих, — указал Самаэль на Рейфа и Лекса. — Ты слушать бы,

точно, не стала. Ты, вообще, тогда никого не могла слушать. Ты хотела только убивать. А вторых, я не видел смысла тебя останавливать. Ты хотела моей помощи, Милена, и я её тебе оказал.

— Ты не хуже меня знаешь, Самаэль, что я тогда была не в себе! Я же хотела... я хотела убить собственного сына! — вспомнила я о своём самом страшном намерении.

— Ты не была не в себе, Милена, — сказал Самаэль. — Ты просто вела себя так, как тебе диктовала истинная сущность демона.

— Истинная сущность демона? Ты шутишь? Я была безумна!

— А как ты думаешь, какие они — демоны? Я думал, что ты это уже давно поняла. Они, как раз, такие. Ни к чему и ни к кому не испытывающие жалости. Ни к кому не привязывающиеся. Получающие удовольствие от сражений и убийств. Всё это, как раз, и есть истинный демон.

— Но, я совсем не такая! — с отчаянием выкрикнула я. — Да, я могу привыкнуть ко всему этому: к сражениям, убийствам, насилию, но... я не хочу получать от этого удовольствие!

— С твоей расчленённой душой, Милена, ты станешь такой. Во всяком случае, время от времени, ты будешь такой становиться. А потом будет приходить осознание, как сейчас, — обрисовал мне всю дальнейшую жизненную перспективу ангел смерти. — Ты же знала, что так будет. Ты же сама согласилась на это, Милена, разве нет?

— Я знаю, что сама! Не надо мне об этом напоминать! — излишне, наверное, резко ответила я, но нервы сдали.

— Так, что же ты, всё-таки, сделала в светлом лесу, Милена? — не удержался от вопроса Лекс.

— Сына я там своего лишилась. И пол души за это отдала. Доволен ответом, Лекс? — мрачно посмотрела я на мужчину.

— Вполне, — не стал спрашивать дальше Лекс.

— А ты мне нравилась такой. Такой... жестокой, безумной! — разумеется, эти сомнительные комплименты поступили от Рейфа. — Ты же станешь такой снова, Милена?

— Станет, — за меня ответил Самаэль. — И будет становиться такой снова и снова, раз за разом.

Я промолчала. Конечно, меня обо всём этом предупреждали. Я знала, на что иду. Да, знала, но не понимала — каково это будет. Каково будет — вспоминать о своих зверствах; вспоминать свои собственные мысли... как будто вспоминая мысли и поступки совершенно другого человека. И ты чувствуешь, как теряешь рассудок.

— Николь, Лави! — вспомнила я. — Они... они уже... — я беспомощно посмотрела на ангела смерти, зная, что он, точно, знает ответ.

— Они живы, — ответил Самаэль. — Пока. Абигор за ними ещё не приходил, но я не думаю, что это надолго.

— А не мог Абигор потерять интерес к их убийству после моей безразличной реакции на их счёт? — с надеждой спросила я.

— Если он давал клятву, то убьёт их в любом случае, — разрушил мою последнюю надежду Мейснер, которому я рассказывала о своём разговоре с Верховным демоном. — Сама знаешь, как демоны относятся к клятвам. Кроме того, я думаю, что твоё безразличие ему не сильно понравилось. Боюсь, что своё плохое настроение он может выместить, как раз, на твоих подругах.

— Нет... Нет! Я не хочу, чтобы это случилось!

Да, я этого не хотела, но я не могла придумать — чем я могу помочь. Я, ведь, теперь даже в мир людей попасть не могла.

— Я могу помочь, Милена, — произнёс Самаэль.

— Как? Сразишься с Абигором?

— Нет, — покачал головой мужчина. — Силы с Абигором у нас, практически, равны и кто выйдет победителем в результате этого сражения — неизвестно. Я не могу так рисковать. Я должен быть рядом с тобой и оберегать тебя. Тем более что ты сделала меня своим эррильзаром.

— Тогда, как ты можешь помочь?!

— Помнишь, я тебе как-то говорил, что управляю жизнью людей перед их смертью? О том, что смерть я могу сделать, совершенно, любой? Так вот, я могу опередить Абигора и сделать смерть твоих подруг быстрой и, совершенно, безболезненной.

Я, в шоке, уставилась на Самаэля. У меня в голове не укладывалось, как он мог предложить мне такое. Чтобы я, собственноручно, отправила его убивать Лави и Николь.

— По сути, ты совершишь хороший поступок, Милена, если послушаешь, Самаэля, — сказал Лекс.

— В каком месте он хороший?!

— А ты сама посуди, Милена, — продолжил киллер. — Ты, никаким способом, не сможешь спасти своих подружек от Абигора. У тебя нет ни единого шанса сделать это. Так, что, в итоге, остаётся? А в итоге у тебя, всего, два варианта: либо отдать своих подруг на растерзание демону войны, либо позволить ангелу смерти забрать их в мир иной быстро и без боли. Какой вариант тебя больше устроит?

Как не больно было это признавать, а Лекс был прав — у меня, всего лишь, эти два варианта. И я должна выбрать один из них. Как же я ненавидела эти варианты, где из двух наихудших надо выбрать наименее наихудший. Я не хотела ни первого, ни второго. А уж мысль о том, чтобы послать Самаэля к Николь и Лави, чтобы убить их, казалась просто предательством, в отношении них. Но, если их не убьёт Самаэль, это сделает Абигор и их смерть тогда, точно, не будет быстрой.

«Вот и выбирай, Милена, — с горькой усмешкой подумала я. — Самой послать убийцу к своим подругам или позволить сделать это демону войны».

На мгновение у меня мелькнула мысль, всё-таки, заставить Самаэля сразиться с Абигором, но я, тут же, её отбросила. Я не могла заставлять его так рисковать. Он был прав — неизвестно, чем закончится сражение демона войны с ангелом смерти. Тем более что сражение таких могущественных существ, как два Верховных демона, наверняка, сильно потреплет то место, где это будет происходить. Вполне возможно, что в пылу их сражения погибнет много людей, а не только Николь и Лави. Да и ещё был большой вопрос — смогу ли я заставить Самаэля, даже если захочу. Он страстно-маниакально относится ко мне и к моей безопасности, но на других это не распространяется. Вряд ли, он будет рисковать ради моих подруг. Но, что тогда? По идее, ответ очевиден — если я не хочу мучений Лави и Николь, я должна послать к ним ангела смерти. Звучит жутко и это, всё равно, что расписаться в своей беспомощности.

«А, ведь, та личность, которой я была до недавнего времени, даже не заморачивалась бы по этому поводу, — подумала я. — Та я и делать ничего бы не стала. Она, с лёгкостью бы, отдала девушек Абигору. Ей было бы всё равно. Она бы не стала сомневаться. По сравнению

с ней, я слабая беспомощная эмоциональная полукровка!».

— Самаэль, — наконец, произнесла я. — Пожалуйста... пожалуйста, помощи Николь и Лави. Пусть их смерть будет настолько лёгкой, насколько это, вообще, возможно.

Самаэль только кивнул и исчез.

— Не стоит так грустить, Милена! Ведь, твоих подруг ждёт лучший мир! — жизнерадостным тоном заявил Рейф.

— Ренэтус, фас! — сказала я щенку, указав на Рейфа.

Я, правда, не думала, что щенок меня послушается. Я и глазом моргнуть не успела, как потомок волка и адской гончей, налетел на Рейфа маленьким рычащим ураганом. Поначалу, я испугалась за щенка, но затем... затем, я поняла, что Ренэтус не такой уж и беспомощный и безобидный. Несмотря на свои, пока ещё, небольшие размеры, напал он с поразительной яростью и быстротой. Его челюсти щёлкали то тут, то там, мало помогая определить, где именно сейчас находится Ренэтус. И Рейф тоже за ним не успевал — щенок уже успел два раза укусить его за руку.

— Эй, Милена, — обратился ко мне Лекс. — А у щенка-то язык был раздвоенный, змеиный. Вдруг, он ещё и ядовитый? Не боишься, что одна твоя псина убьёт другую?

Я выругалась сквозь зубы. Конечно, я бы с огромным удовольствием, посмотрела бы на смерть Рейфа, но...

— Ренэтус, фу! Иди ко мне!

Как ни странно, щенок, вновь, мгновенно послушался. Он оставил Рейфа и, с видимым чувством выполненного долга, подошёл ко мне и сел у моих ног.

— Бешеная псина! — высказался гипнотизёр.

— Кто из вас бешеная псина, Рейф, это ещё большой вопрос! — резко сказала я. — Ты бы лучше за своими словами следил!

— А что я такого сказал? — с искренним удивлением произнёс мужчина. — Я, всего лишь, сказал правду. Твои подруги уходят в лучший мир.

— А ты не забыл, что не только они?! Что Лави, возможно, беременна именно твоим ребёнком, Рейф?!

— А ты не забыла, что я тебе уже говорил, Милена, что мне, абсолютно всё равно, даже если это так? Кстати, а ты не боишься, что у твоего нового питомца зубы, действительно, ядовитые? Вдруг, в данный момент я умираю?

— Слишком уж бодро ты выглядишь для умирающего, Рейф, — сухо проговорила я и отвернулась от него. — Я не хочу больше слышать тебя сегодня.

Да я и не только его слышать не хотела, а, вообще, всех. Я чувствовала себя убийцей. И не из-за тех светлых эльфов, которых я убила, хотя, и из-за этого тоже. Я сама отправила ангела смерти убивать кого-то. Да не просто «кого-то», а своих единственных друзей.

— Госпожа Милена, — посреди комнаты материализовался Драйк. — Вас хочет видеть господин Вельзевул.

— Зачем? — удивилась я, а потом вспомнила. — А, вспомнила — зачем. Но... прямо сейчас? Разве, из пыточных комнат Велиара меня выпустили не по настоянию Ферокса? Это не означает, что я должна, вначале, пойти к мужу?

— Это уж вам решать, госпожа Милена, — ответил Драйк.

Думала я не долго. Решив, что Вельзевул не слишком рассердится на то, что я немного задержусь, я пошла к Фероксу. Хотя, общаться с ним сейчас я не имела ни малейшего желания. Я сейчас могла только думать о двух своих единственных подругах, которых, очень

скоро, ждёт смерть, которую я, можно сказать, сама же и послала к ним. Полностью добивал тот факт, что я, кроме того, лишая, ещё не появившуюся на свет жизнь, права родиться. Я чувствовала себя самой рас последней тварью! Ещё и это Светлый лес... Я никогда не смогу забыть того, что я делала. И того, что там, в Светлом лесу, я навсегда потеряла своего сына.

— Ферокс, ты хотел меня видеть? — зашла я к дракону.

— Да, хотел. Проходи.

Я подошла к креслу перед его столом и села:

— Зачем я тебе понадобилась?

— Тебя же пытали три дня. Разве, не так? Должен же я увидеть, как чувствует себя моя супруга.

— Для этого, не обязательно надо было вызывать меня к себе. Мог бы просто спросить у Драйка.

Ферокс встал из-за стола, подошёл ко мне. Я дёрнулась, внутренне сжалась, не зная, что от него ожидать. А дракон приподнял моё лицо за подбородок, заставляя посмотреть на него.

— Жертва, — через несколько секунд произнёс дракон, не отрывая от меня взгляда. — Я, снова, её вижу. Хищница исчезла, как будто её и не было.

— Я не совсем понимаю, о чём ты говоришь, — ответила я, хотя и догадывалась, что он имеет в виду.

— Ты была совсем другой, когда вернулась из Светлого леса, — напомнил мне Ферокс, подтверждая мои догадки. — А сейчас, вновь, ко мне вернулся пугливый котёнок, — он отпустил меня и вернулся в своё кресло.

— И что тебе не нравится? — несколько удивилась я его словам.

— Мне не нравится твой страх.

Эта фраза меня озадачила. Ему не нравился мой страх? Однако же, всеми своими действиями, своими поступками и самой своей сущностью... Он, разве, не этого хотел?

— Ты сам добивался этого всё это время. И добился, в конце концов. Страх, покорность... Или ты считал, что своими действиями ты мог вызвать привязанность и любовь? — скептически посмотрела я на него.

— Не помню, чтобы делал что-то, что могло напугать.

Я искренне, зло, рассмеялась:

— О чём ты говоришь, Ферокс?! Ты ничего такого не делал?! Ты, правда, в это веришь?!

— Назови мне причины, по которым ты меня боишься.

Я не понимала, чего он хочет добиться этим вопросом.

«Ну, скажу я ему — почему его боюсь. И что дальше? От этого, всё равно, ничего не изменится. Он станет себя вести по-другому? «Ха» три раза! Такое, разве что, во сне может произойти». Но, ответа на свой вопрос Ферокс ждал, и мне пришлось ответить:

— В первый день, когда мы познакомились, ты меня избил. В следующую нашу встречу, ты убил близких мне людей и изнасиловал меня. В день, когда меня официально признали твоей женой, ты угрожал, что можешь убить моего ребёнка. Потом, ты заковал мою шею в «оковы неволи» на пару с Люцифером и, с ним же, затем, взял меня силой. Дальше продолжать? Или достаточно?

— И из-за этого ты меня боишься?

— Знаешь, было бы очень странно не бояться тебя после всего этого, — я устало вздохнула — объяснять столь очевидные вещи мне казалось глупым и бессмысленным. — Да

и к тому же... Ты сам говорил, что я — рабыня. А рабыня, разве, не должна испытывать страх к своему хозяину?

— Ты так сильно хочешь ею быть, котёнок?

Ещё один странный вопрос. Ферокс никогда не спрашивал — хочу я чего-то или нет. И уж, тем более, никогда не спрашивал — кем я хочу быть. Вариантов не было — меня всегда ставили перед фактом.

— А у меня, что? Есть выбор? — задала я вопрос, сама не веря, что делаю это.

— Есть. Я решил пересмотреть своё отношение к тебе. Но, насколько, будет зависеть только от тебя, — огорошил меня Ферокс.

Мне захотелось попросить его повторить последние слова, так как я не поверила в то, что услышала.

«Он хочет изменить своё отношение ко мне? Зачем? Почему? Что, вообще, происходит?!».

— Ну, предположим, что я — не конченная мазохистка и настоящее положение меня, действительно, не устраивает, — осторожно сказала я. — И что я должна сделать, чтобы это поменять?

— Во-первых, твой страх передо мной. Он раздражает. Я хочу, чтобы ты уяснила то, что меня бояться не следует. Ты же сама должна понимать, что я не причиню тебе вреда.

— Да, сам ты мне вреда не причинишь, — согласно кивнула я. — Зато, запросто можешь позволить это сделать Люциферу. Или кому-то из Верховных демонов.

— Напомни-ка мне, когда Люцифер или кто-то из Верховных, причиняли тебе вред?

— Ты, реально, не понимаешь?! — у меня уже слов даже не было. — Меня насильовали с особой жестокостью, пытали... Это — не вред?!

— На большинство из того, что ты назвала, ты сама же и нарывалась. Да и... не вред это. Твоих регенеративных способностей, по крайней мере, тебе, пока, хватало.

— То есть, для демонов или драконов, причинить вред — это инвалидом, пожизненно, сделать? Всё остальное — это так... пустяки?

— Ты правильно меня поняла. То, что неприемлемо и ужасно для слабой и жалкой человеческой расы... неприемлемо, лишь, потому, что они слабы. От любых ран — умрут, от любой пытки — умрут. Поэтому, они и защищают себя законами, принципами, моралью... Всё для того, чтобы защитить свою жалкую жизнь. Всё для того, чтобы прожить свои никчёмные семьдесят-восемьдесят лет и сдохнуть в старческом маразме. Мы, совершенно, другие. Мы не боимся, не стареем... Мы — не слабы. Реши уже, наконец, кто ты. Слабый человек или же демон, для которого насилие и пытки — это обыденность.

Я вспомнила момент, когда я была у Вельзевула и когда читала книгу на языке демонов. Тогда, это дало Верховному демону понять, что человеком я себя уже не считаю. Но, видимо, принять себя, как демона и относиться ко всему, как демон... Это, всё-таки, было разными понятиями.

«Как можно не воспринимать пытки и насилие, как нечто плохое? Особенно, в отношении себя?».

— Я так понимаю, из того, что ты сказал, ты не считаешь, что у меня есть причины тебя бояться? — спросила я дракона.

— Верно, котёнок.

— У нас с тобой разные точки зрения на этот счёт, — заметила я. — Но... я

попробую... тебя не бояться. А что, во-вторых?

— Во-вторых, мне не нужна рядом женщина, которая знает, в большем объёме, только то, что касается демонов. Ты должна, в не меньшей степени, изучить всё, что касается драконов. Можешь считать это чем-то, вроде, экзамена на пригодность. И, может быть, тогда я прислушаюсь к словам золотого дракона насчёт тебя.

— Я поняла. Но, почему ты, вообще, захотел этого? Чтобы я перестала шарахаться от тебя, училась? Тебя же, до этого, всё устраивало.

— Устраивало — да. А теперь, не устраивает. Объяснять причины я не намерен. Если будешь изучать драконов, то сама поймёшь мои мотивы.

«Странно это всё, — подумала я про себя. — Как-то всё... слишком резко, что ли. Не может такого быть, чтобы Ферокс, ни с того, ни с сего, подарил мне такой шанс. Шанс, можно сказать, на новую жизнь. На жизнь без страха и, можно сказать, в другом качестве. Правда, ещё не совсем понятно — в каком, но всё же. Это — слишком нереально. Такое чудовище, в моём понимании, как Ферокс и, вдруг, такое поведение. Хочется найти в этом какой-то подвох, но... не могу его найти. Ну, что ж. Я буду дурой, если откажусь от этого».

— Хорошо, буду учиться, и избавляться от страха. Я могу идти?

— Да, можешь. И, ещё кое-что, — остановил меня его голос на пороге. — Разберись уже со своей собственной личностью. Я не горю желанием угадывать — с какой тобой я встречу в следующий раз.

— Я постараюсь.

— И ответь мне, напоследок, на один вопрос. Одна из причин твоего страха и ненависти ко мне — это то, что я убил людей, да?

— Да.

— Но... я убил, по твоему мнению, невинных людей. А что ты сама сделала в Светлом лесу? Ты убила невинных светлых эльфов. Так, скажи мне, в чём между нами разница?

— Не знаю... Наверное, уже никакой.

Глава 43.

От Ферокса я вышла, если можно так сказать, в растрёпанном настроении. Этот разговор выбил меня из колеи. Я была растеряна и, немного, напугана. Когда на тебя, неожиданно, сваливается что-то такое... хорошее, при всей твоей отвратительной жизни... В это, в начале, довольно, сложно поверить.

Я вернулась в свою спальню. Когда я вошла, Самаэль уже был там. Как только я увидела ангела смерти, внутри всё похолодело. Его возвращение означало только одно — Лавинии и Николь нет среди живых.

— Ты уже... всё сделал? — спросила я Самаэля дрогнувшим голосом.

— Да. Твои друзья умерли самой лёгкой смертью, которая только возможна. Они умерли во сне, не просыпаясь. Они ничего не почувствовали.

— Лекс, Рейф и Драйк — пошли вот отсюда, — сказала я.

Все трое, молча, вышли.

— Они, точно, ничего не почувствовали? — подошла я к Самаэлю, заглядывая ему в глаза, чтобы увидеть ложь, если она там есть.

— Точно. Я никогда не буду тебе лгать, Милена. Ни в этом, ни в чём-то ещё.

— Значит, всё хорошо? Они ушли без боли? Самаэль... а как ты думаешь... Я правильно поступила? Другого выхода, ведь, не было, да?

— Да, Милена, другого выхода не было. И ты поступила, абсолютно, правильно.

— А ребёнок... Лавиния была беременны... Он тоже не почувствовал боли, как и его мама?

— Он тоже ничего не почувствовал, — ответил Самаэль, обнимая меня. — Ты же хочешь плакать, Милена. Так, плачь. Не сдерживай себя передо мной. В моих руках ты можешь плакать сколько угодно.

И я послушалась его. Не стала себя сдерживать. Дала себе волю в его руках. Хотя, это ничем сейчас и не могло помочь. Я плакала, билась в истерике в руках ангела смерти... Можно сказать, вырывала из себя последние эмоции, связанные с теми, кто мне был когда-то дорог. Ведь, Николь и Лави, действительно, были последними из моей прошлой, человеческой жизни, к которым я что-то чувствовала. Меня терзало то, что я, сама же, почти своими же руками, лишила двух своих последних подруг жизни. У меня больше никого не осталось. Никого из тех, с кем я связывала свою жизнь. Жизнь человека. Теперь в человеческой жизни, была, лишь, пустота и больше ничего. Я полностью, своими руками, перечеркнула ту свою жизнь.

— Мне... мне надо... мне надо идти к Вельзевулу! — всхлипывая, произнесла я, попытавшись вывернуться из рук Самаэля. — Он... он хотел меня видеть! Я не могу... не могу заставлять его ждать!

— Вельзевул может и подождать, — не дал мне вырваться у него из рук ангел смерти. — Я знаю его — терпения у заместителя Люцифера хватит на всю Преисподнюю. А ты, пока полностью не успокоишься, никуда не пойдёшь.

Я и сама хорошо понимала, что в таком состоянии идти к Вельзевулу нельзя. Перед Верховным демоном я должна быть, абсолютно, спокойной и собранной. Иначе, я, снова,

буду в роли жертвы. А я этого не хотела. Поэтому, пока мои слёзы полностью не иссякли, я оставалась с Самаэлем. Наконец, придя в себя, я попросила Самаэля:

— Помоги мне снять это платье и переодеться. В это платье меня нарядил Велиар. Оно мне не нравится.

На платье-то мне, на самом деле, было плевать. Просто это была первая мысль после истерики, за которую мне удалось зацепиться, чтобы вынырнуть из этой пучины отчаяния.

Мужчина снял с меня платье Велиара. Затем, я почувствовала, как пальцы Самаэля начали ласкать моё обнажённое тело.

— Самаэль, прошу, не надо! — дёрнулась я от его прикосновений. — Прошу... не сейчас! Я понимаю, что сделав тебя своим эррильзаром (пусть и не совсем в адекватном состоянии), я дала своё согласие на близость между нами. Но... я не могу... не могу сейчас... Пожалуйста, Самаэль... пойми меня!

— Ты можешь себе представить, Милена... можешь себе представить, сколько времени я этого ждал? — Самаэль меня не отпустил, а, наоборот, прижал к себе сильнее. — Сколько времени я мечтал об этом?

— Самаэль...

— Но, я могу ещё немного подождать, — ангел смерти отпустил меня. — Спасибо... спасибо, что понял меня. Знаешь, — я повернулась к нему лицом. — Ты единственный из всех моих, так называемых, партнёров, кто интересуется моим мнением и кого интересует то, что хочу я. Честно говоря, когда мы с тобой только познакомились, ты меня пугал. Своей силой, своим отношением ко мне... Всё это рождало во мне чувство страха.

— А что ты чувствуешь теперь, Милена?

— Теперь я тебя не боюсь. Почти, — честно призналась я. — Я помню, как я говорила Фероксу о том, что я хочу твою силу. Хочу твою силу рядом с собой. Но... это говорила та моя личность, которой управляет демон. Эту же личность, которая сейчас перед тобой, твоя сила, всё ещё, пугает. Но, скорее всего, я к ней быстро привыкну. И ещё... Я не люблю тебя, Самаэль. Я даже не могу сказать, что ты мне нравишься. Я ещё просто не знаю, как к тебе относиться. Да, ты мой эррильзар, но... — я беспомощно развела руками. — Ты мне, почти что, посторонний. Хотя, я и благодарна тебе за твою помощь в Светлом лесу.

— Я надеюсь, что скоро ты изменишь своё мнение обо мне, Милена, — Самаэль наклонился и легко коснулся моих губ (я не стала его останавливать: поцелуй — это то единственное, что я сейчас могла ему дать).

А через секунду мы оба услышали чьё-то очень недовольное рычание. Это был Ренэтус, о котором я уже успела забыть. Он злобно смотрел на нас с Самаэлем, явно, не довольный происходящим.

— Кажется, Самаэль, ты ему не нравишься также, как и он тебе, — с этими словами, я отошла от мужчины, чтобы найти платье, в котором я пойду к Вельзевулу.

Но, за этот небольшой разговор я была Самаэлю благодарна. Это помогло мне успокоиться и немного отвлечься от мыслей о Лави и Николь. Хотя, я сказала ему чистую правду. Я не любила его. И он мне даже не нравился. Я не знала, смогу ли, на самом деле, когда-нибудь относиться к ангелу смерти по-другому. Но то, как он ко мне относился... меня это пугало и, одновременно, это льстило моему самолюбию. В моей нынешней жизни, где большинство, в общем-то, относилось ко мне чисто потребительски, подобное отношение казалось уже даже... несколько странным. Мне и хотелось верить в искренность мужчины и нет... Было страшно довериться.

Одевшись, я вызвала Драйка и, с помощью него, оказалась во дворце Вельзевула. Заместитель повелителя Преисподней ждал меня там же, где и в прошлый раз — в своём кабинете. Я хотела встать на колени и произнести ритуальную фразу, но Вельзевул, жестом, остановил меня:

— Обойдёмся без этого. Садись.

— Как я понимаю, господин Вельзевул, вы вызвали меня потому, что определились, что хотите за свою помощь, — произнесла я, сев.

— Для начала, я хочу, чтобы ты посмотрела в это зеркало и сказала мне, что ты в нём видишь, — Верховный демон дал мне обычное, на вид, зеркало, в позолоченной раме.

— Зачем? — с недоумением спросила я. — Да и... господин Вельзевул, если честно, я не очень люблю зеркала.

— Ослушаешься меня, Милена?

— Нет, не ослушаюсь, — вздохнула я, заглядывая в зеркало.

Но, когда я посмотрела в зеркало... я увидела совсем не то, что ожидала. Это было не моё отражение. В зеркале была... девочка? Да, пусть и в ужасном состоянии, но это была девочка, лет десяти. Худая, до анорексии; с бледным лицом и впалыми щеками; со спутанными волнистыми волосами; с, почему-то, белёсо-мутными, как у слепого человека, глазами. Её тело покрывали многочисленные длинные раны, словно, нанесённые ножом, а, затем, зашитые чёрными нитками. Одета она была в тонкое, как паутина, серое платье до колен. У неё были огромные белые крылья за спиной. Точнее, когда-то они были такими, а сейчас... Одно крыло было вырвано. На его месте были, лишь, обломки костей. Второе, всё израненное и лишённое, больше половины, перьев, кое-как пыталось укрыть свою обладательницу, словно, в попытке согреть.

От неожиданности того, что я увидела, зеркало выпало из моих рук и разбилось об пол.

— Простите, господин Вельзевул! Я не хотела... — начала я, но Вельзевул меня прервал:

— Меня не интересует разбитое стекло. Меня интересует, лишь, то, что ты увидела.

— Девочку. Слепую девочку, в ужасном состоянии. Израненную, худую... с одним оборванным крылом, — описала я всё это очень нехотя, через силу, как будто Верховный демон влезал во что-то очень личное.

— Значит, она так сейчас выглядит... Догадываешься, кем может быть эта девочка, Милена?

— Нет. Я не представляю, кто она такая, — я поёжилась, вспоминая её жуткий облик. — И мне не хочется больше говорить о ней.

— Придётся, Милена. Ведь, эта девочка — твоя собственная душа, — сказал Вельзевул.

— Что вы имеете в виду, господин Вельзевул? — предавать словам демона самый прямой смысл очень не хотелось.

— Зеркало, что я тебе дал — это зеркало души. Человек, который смотрит в него, видит свою душу. Демоны в этом зеркале не увидят ничего, так как души у нас нет.

— То есть, вы хотите сказать, что эта девочка из зеркала... это то, как выглядит моя душа?!

— Совершенно верно. Только... Ты сказала, что у этой девочки не было одного крыла?

— Да, — кивнула я. — Оно было вырвано... там были одни голые кости... — я всё никак не могла прийти в себя от того, что то несчастное создание, которое я видела — это... облик моей души.

— Крылья души всегда остаются в неизменном состоянии... Только... если обладатель души не совершил что-то запретное. Настолько запретное, что душа, буквально, начинает разваливаться на куски. Это уже не душа. Это — половина души.

— К чему вы клоните, господин Вельзевул?

— Ритуал очищения крови, о котором ты искала информацию... Ты совершила его. Верно, Милена?

Я не знала, что мне ответить. Было страшно. Страшно от всего. От того, как отвратительно и жутко выглядит сама моя сущность. От того, что теперь и Ферокс и Люцифер узнают о том, что я сделала в светлом лесу. О том, что я совершила ритуал, который находится под запретом даже у повелителей. О том, почему так поменялся мой характер и о том, что случилось с моим ребёнком. Мне, почему-то, казалось, что ни Ферокс, ни Люцифер довольны данными новостями не будут...

— Да, господин Вельзевул. Я совершила этот ритуал, — вынуждена была признаться я. — Я могу вас попросить о том, чтобы вы не говорили об этом повелителю?

— На ком ты использовала этот ритуал? — задал вопрос мужчина.

— На своём сыне.

— У тебя есть сын? — выразил удивление демон.

— Был. Я обратила его в светлого эльфа. Я была беременна, когда приходила к вам в прошлый раз. Ну, а в Светлом лесу я родила и провела ритуал.

— Я надеюсь, отцом этого ребёнка был не повелитель драконов или кто-то из Верховных демонов? Или... сам повелитель Люцифер?

— Нет-нет, господин Вельзевул! — замотала я головой. — Если бы отцом был кто-то из них, я бы не стала скрывать ребёнка или превращать его в кого-то. Нет, отцом этого ребёнка был человек, с которым я жила в мире людей до того, как попала сюда. Поэтому я, понимая, что человеческий ребёнок не выживет в этом мире, решила на ритуал очищения крови.

— Этот ребёнок... он был тебе, настолько, дорог, что ты пожертвовала половиной души и отказалась от родного мира?

— Да, господин Вельзевул.

— И какой же мир тебя теперь отвергает, Милена?

— Человеческий. Так, вы не расскажете об этом повелителю?

— Если он не спросит у меня напрямую, то не вижу смысла этого делать. Тем более что я и сам, косвенно, в этом замешан, так как дал тебе книгу с описанием этого ритуала.

— Благодарю вас, господин Вельзевул.

— Не стоит. Хотя, мне, всё равно, никогда не понять этой сильной привязанности людей к своим детям, — задумчивым тоном произнёс Вельзевул. — И как тебе теперь жить с одной половиной души, Милена?

— Не очень, — честно ответила я. — Это, всё равно, что страдать раздвоением личности. Время от времени, ты становишься совершенно иной: с иными мыслями, с иным характером, с иными вкусами, привязанностями, симпатиями, взглядами... А, затем, ты возвращаешься в своё обычное состояние и, с ужасом, вспоминаешь о том, что творила. Но, меня, ведь, предупреждали о последствиях, поэтому жаловаться мне не на что. А теперь, если вы не против, я бы хотела перейти к тому, зачем вы меня позвали. О том, что вы хотите от меня за информацию, которую вы мне предоставили.

— Демон бездны, ведь, твой покровитель, верно? — задал Вельзевул вопрос, который я совсем не ожидала услышать.

— Ну, да, — с некоторой растерянностью ответила я, смотря на мужчину. — А что? Какое отношение это имеет к тому, что вы от меня хотите?

— Самое прямое. Мне нужна твоя помощь в отношениях с Аббадоном.

Я чуть не ляпнула: «Я вам что, сваха, чтобы в отношениях помогать?», но, вовремя, прикусила язык. Думаю, за такую фразу, даже всегда спокойный Вельзевул, пришёл бы в ярость. А каким заместителем Люцифера бывает в ярости, мне, совершенно, не хотелось знать. Поэтому, вместо этого я спросила:

— Что вы имеете ввиду, господин Вельзевул? Каким образом я могу вам помочь в... отношениях с Аббадоном?

— Видишь ли, Милена. Наши с отношения с Аббадоном можно охарактеризовать, как враждебные. У нас с ним нет согласия ни по одному вопросу.

— Почему? По идее, Аббадон же должен вам подчиняться, раз вы сопровитель Люцифера и его заместитель. Разве, не так?

— Не совсем. Как ни крути, а я не повелитель и Аббадон, постоянно, старается об этом напомнить. Мы с ним не ладим... очень давно. Очень давно, даже по меркам демонов. Наверное, с тех самых пор, как мы были созданы.

— А Аббадон, случайно, сам не хотел стать заместителем и сопровителем Люцифера? — предположила я причину вражды двух Верховных демонов.

— Для тебя это не имеет значения, Милена. Значение для тебя имеет только то, что я хочу от тебя. На предстоящем Совете будет голосование по одному вопросу. И мне нужно, чтобы Аббадон принял в этом вопросе мою сторону. И ты, Милена, должна сделать всё возможное, чтобы это случилось.

— Что за вопрос? И... я не думаю, что у меня получится то, о чём вы меня просите, господин Вельзевул. Я же не обладаю никаким влиянием на демона бездны.

— А ты очень сильно постарайся обрести это влияние на него. Какие способы ты для этого будешь использовать — мне всё равно. А вопрос... Будет разделение человеческой страны — Дуалона.

— В каком смысле — разделение страны? — напряглась я: всё-таки, Дуалон был моей Родиной.

— На территории влияния, — ответил Вельзевул. — Ты же должна знать, что каждая человеческая страна находится под влиянием, хотя бы, двух Верховных демонов, благодаря которым, чаще всего, и происходят убийства, распри, войны... Конечно, люди и сами с этим прекрасно справляются, но... Под руководством, оно надёжнее.

— Да, я об этом знаю. Но, я считала, что Дуалон уже находится под чьим-то влиянием. Разве, нет?

— Да, но одному из тех, кто, можно сказать, правит Дуалоном, эта страна наскучила. И на его место надо выбрать кого-то другого. И мне нужно, чтобы Аббадон поддержал ту кандидатуру, которую предложу я.

— Это и есть ваше желание за ритуал очищения крови? — спросила я.

— Да.

— А если я с ним не справлюсь? Если я не смогу уговорить Аббадона? И вообще... Почему вы думаете, что у меня есть хоть какой-то шанс это сделать?

— Ты интересуешь его, Милена. За всё то время, что Аббадон является Верховным демоном, он никогда никому не покровительствовал. Никому, кроме тебя. Рядом с ним не выживала ни одна женщина. Опять же, ни одна, кроме тебя. Он многое тебе позволяет.

Поэтому, если у кого-то и может получиться сладить с Аббадоном, то только тебе. И лучше бы тебе сделать всё, Милена, чтобы у тебя получилось. Можешь идти.

Я встала, повернулась к выходу, но замешкалась, задав вопрос:

— Господин Вельзевул, а мне надо будет только один раз повлиять на Аббадона? Просто, сначала, вы говорили о том, что я должна наладить ваши отношения с Аббадоном. Вы имели в виду сделать это только в этот раз или, вообще, в принципе?

— А сама как считаешь, Милена? Считаешь, что моя помощь стоит только одного раза?

— Нет, что вы, господин Вельзевул, — отрицательно покачала я головой. — Я так не считаю.

— Тогда, если ты всё поняла, иди.

В этот раз я вышла от Верховного демона, больше не задав лишних вопросов.

«Похоже, меня сейчас назначили пожизненным переговорщиком между двумя Верховными демонами, — подумала я про себя. — И что же мне с этим прикажете делать? У меня ни одной мысли нет, как я буду Аббадона уговаривать. Тем более что он, в принципе, один из последних, с кем я бы хотела иметь, хоть, какое-то дело. Так, каким образом так вышло, что я, буквально, подписалась на то, что буду часто с ним общаться?! Хотя, ответ прост... Я дала обещание Верховному демону, что сделаю всё, что он скажет. Но, кто же знал, что это будет касаться демона бездны! Но, если подумать... Вельзевул спас моего сына. Только благодаря ему, я смогла осуществить задуманное. Так что, общение с Аббадоном, по сути, не такая уж и высокая цена...».

— Госпожа Милена, вы хотите сейчас отправиться в Зиграден или в мир драконов? — спросил меня Драйк, который ждал меня у входа в кабинет Вельзевула.

— В мир драконов, — ответила я, но, затем, передумала. — Хотя, нет. В начале, я хочу сходить к герцогу Астароту. И, возможно, уже с ним, я отправляюсь в мир драконов.

— Зачем? — несколько удивился демон.

— Я только что вспомнила, что я ему кое-что пообещала.

Я вспомнила о том, что обещала Астароту, что сразу, как меня освободят из камер Велиара, я устрою встречу герцога и Самаэля. Пусть я была тогда немного... не в себе, но обещания, данное Верховному демону, это не отменяет. Хотя, я и причин Астарота не знала — зачем ему нужен Самаэль. В конце концов, этого не знал даже сам ангел смерти. Но, как бы там ни было, а обещание надо выполнить.

Драйк доставил меня во дворец Астарота и Астарты. Найдя самого герцога с помощью слуг, я зашла к нему:

— Приветствую вас, господин Астарот. Да падёт Тьма на ваших врагов и да будут ангелы ползать у ваших ног, — поклонилась я Верховному демону.

— Да услышит Тьма твои слова, — ответил Астарот. — Я так понимаю, ты здесь, чтобы выполнить то, что обещала?

— Да, господин Астарот. Я отведу вас к Самаэлю. Если вы, всё ещё, этого желаете.

— Желаю. А чего желаешь ты, Милена Кавэлли, за организацию этой встречи?

— Я пока не решила, господин Астарот, — сказала я, задумавшись на мгновение.

Может быть, «бездушная Милена» ответила бы прямо сейчас — что она хочет от Верховного демона, но не я. Я не хотела так просто разбрасываться тем, что один из Верховных демонов передо мной в долгу. Я хотела хорошо подумать перед тем, как что-то просить.

— Только не затягивай с решением, — предупредил Астарот. — Я ненавижу быть у

кого-то в долгу.

— Хорошо, господин Астарот, — кивнула я. — Я постараюсь определиться, как можно быстрее.

Через минуту мы оказались в мире драконов, где я провела Астарота в один из залов, где, в свою очередь, находился Самаэль.

— Сколько же времени прошло с нашей последней встречи, Самаэль? — Астарот смотрел на ангела смерти так, словно, до сих пор, не верил, что тот перед ним стоит.

— Давно, — ответил Самаэль. — По крайней мере, не одну тысячу лет.

— С вашего позволения, господин Астарот, я вас покину, — вмешалась я в разговор двух мужчин.

— Иди, — позволил герцог, даже не взглянув на меня.

Я вышла из зала. Единственное, чего я сейчас хотела, это, банально, спать. Даже не «спать», а просто отключиться. Хотя бы, на час. И чтобы снов никаких не было.

«Но, почему-то, мне кажется, что именно сегодня ко мне явится Дайона. И заставит меня смотреть очередной сон о Кэтэрине. Хотя... это не так уж и плохо, — решила я. — Сны о Кэтэрине всегда хорошие. Это, пусть и ненадолго, отвлечёт меня от реальности».

— Что ты натворила, Милена? — были первые слова, которые произнесла Дайона.

— Ты про мою душу?

Я была уверена, что Дайона знает о моей потере половины души.

— Да. Ты совершила ужаснейшую глупость.

— А тебя это, действительно, волнует? — изобразила я удивление. — Это не касается твоей любимой Адалиссы. Значит, и интереса твоего здесь тоже нет.

— Ты сильно рисковала, Милена, применяя запретное заклинание.

— Возможно. Но, я получила то, что хотела. А теперь, может, просто пошлешь меня в сон Кэтэрины? У меня сегодня нет никакого желания общаться.

Дайона мне не ответила. Но, просьбу мою выполнила...

Сегодня один из счастливейших дней в моей, пока ещё, очень короткой жизни. Мама уходит на целый день по делам. Самаэль приходит не планирует. А что это значит? Это значит, целый день с любимым! Никто не будет нам мешать!

Я провожаю маму. Она, как всегда, предупреждает меня не заходить за границу нашего леса, не гулять допоздна. Я киваю, говорю, что всё будет хорошо. Мама целует меня в щёку и уходит.

Оставшись одна, я быстро собираюсь и выбегаю из дома. Мой любимый уже ждёт меня. Он улыбается мне, берёт за руку, и мы с ним идём к озеру, где планируем провести полдня, устроив нечто, вроде, пикника.

На озере хорошо. Мы едим приготовленную мной стряпню, и он хвалит меня. Говорит, что я очень вкусно готовлю. Приятно такое слышать. Не могу удержаться от улыбки. Но, потом, я вспоминаю кое-что, что меня беспокоит:

— Когда мы расскажем маме о нас? Ведь, получается, что я вру ей, не говоря о тебе. Мне это не нравится.

— Не беспокойся об этом, — отвечает он. — Скоро расскажем, обещаю.

И я ему верю. Верю в то, что он выполнит своё обещание. Что мама всё узнает. Правда, мне немного страшно. А вдруг, мой возлюбленный ей не понравится? «Нет, такое просто

невозможно, — успокаиваю я себя. — Как он может не понравиться? Хороший, добрый... Самый лучший!».

Любовь... Это самое приятное чувство на свете. Я живу, как Кэтэрина, всего, два месяца, но... я считаю, что мне сильно повезло в жизни. Испытать любовь... Что может быть лучше? Для меня, любовь — это разговоры, редкие прикосновения... Когда ты скучаешь по нему так, что несколько часов кажутся вечностью. А ещё, мама мне как-то читала книгу... В ней принц разбудил принцессу поцелуем. Поцелуй... Интересно, как это? Мама объясняла, что поцелуй — это когда два любящих человека касаются губ друг друга. Честно говоря, я так и не поняла, для чего это. Это приятно? Хочется спросить об этом у любимого, но... ужасно стесняюсь.

— О чём так глубоко задумалась, Кэтэрина? — спрашивает меня мужчина, отвлекая от мыслей.

Я смотрю на него и не могу оторвать взгляд. Красивый. Красивый до такой степени, что замирает сердце. Странно, но, почему-то, особенно меня привлекают его волосы. Так хочется к ним прикоснуться.

Я долго не решаюсь, но, наконец, всё-таки, произношу:

— А можно... можно твои волосы потрогать?

Он смотрит на меня с удивлением, но, через секунду, кивает.

Я осторожно касаюсь его длинных волос. Чёрный шёлк... Полная противоположность моим — снежно-белым волосам.

— Нравится? — интересуется любимый.

— Очень, — честно отвечаю я. — Такие приятные, мягкие...

Он улыбается, а затем, задаёт вопрос:

— Ты говорила, что твоей матери сегодня не будет целый день? И Самаэля тоже?

— Да, мы целый день одни, — я продолжаю гладить его волосы — не могу оторваться, а он, внимательно, смотрит на меня.

Вдруг, он перехватывает мою руку. Его губы касаются моего запястья...

— Что?.. — совершенно растерявшись, спрашиваю я.

— Глупая наивная бабочка, — произносит он и смеётся.

— Что ты делаешь... — я пытаюсь освободить руку. — Аббадон?

Глава 44.

— Что... что ты делаешь? — я растеряна и, слегка, напугана тем, что делает Аббадон.

Мужчина, не отпуская моей руки, обхватывает меня за талию, прижимает к себе. Он никогда такого не делал. Максимум, что он себе позволял — это немного приобнять. Сейчас же... он держит меня слишком близко и крепко.

— Отпусти... пожалуйста, — прошу я, но реакции не следует.

— Наивная глупая девочка, — произносит он. — Ты даже не представляешь, сколько раз, за всё это время, я хотел сделать это с тобой.

— О чём ты... говоришь?

— Сегодня я познакомлю тебя с таким понятием, как секс. Не буду обещать, что тебе понравится. Знаю только, что понравится мне.

Я не успеваю ничего ответить — приподняв моё лицо за подбородок, он впивается в мои губы. Мои глаза расширяются от растерянности и страха. Это — поцелуй? Нет, это не может быть он! Это не касание... Его губы на моих... Его язык вторгается в мой рот, обследуя его... Жарко, влажно... Эти ощущения мне не знакомы. Мне страшно. Сердце стучит так, словно, сейчас выскочит из груди. А я не могу его даже оттолкнуть.

— Тебе нравится начало? — спрашивает Аббадон, освобождая меня из плена своих губ.

— Аббадон... пожалуйста, перестань! Ты... ты меня пугаешь! — я готова заплакать.

— Пугаю? Прекрасно! — мужчина смеётся, заставляя меня сжаться в ужасе.

Я его не узнаю. Что с ним случилось? Ещё минуту назад он был таким нежным, добрым... Был тем, кого я так люблю. Но, сейчас... сейчас это — не мой Аббадон. Его, словно, подменили. Его странные действия, смех... Я в панике.

Я пытаюсь вырваться — безуспешно. Я прошу... умоляю мужчину, чтобы он отпустил меня. В ответ, лишь, смех. А в следующее мгновение, он разрывает моё платье, полностью оголяя мою небольшую грудь.

— Не надо... пожалуйста!

Я никогда ни перед кем не была... голый. Это казалось чем-то смущающим, постыдным... Аббадон же сейчас, бесцеремонно, откровенно, разглядывает мою грудь. Моё лицо заливают краской. От стыда я готова сквозь землю провалиться. Страшно... Стыдно... А Аббадон касается груди пальцами, поглаживает её...

— Адалисса хорошо поработала над твоим созданием. Такая красивая... — шепчет он мне на ухо. — Совсем невинная... Беззащитная... Возбуждающая...

Рука Аббадона сжимает один сосок, мнёт его... Я всхлипываю, чуть ли не рыдаю! Он наклоняет голову... Его губы захватывают второй сосок. Он лижет его, посасывает, кусает... Я не знаю, как мне реагировать. Я беспомощна. Мне страшно... Мне так страшно! Но вместе с тем, моё тело реагирует как-то... странно. Тело горит, почти пылает. Мне жарко. Я не могу понять — нравятся мне эти ощущения или нет. Действия Аббадона вызывают... неизведанные чувства.

Пальцы Аббадона, которые, до этого, мяти мою грудь, перемещаются на живот, гладят его... Затем, опускаются ещё ниже, ниже... Я всхлипываю от стыда и ужаса.

— Ты, ведь, даже сама себя там не ласкала, верно? — слышу я насмешливый голос

мужчины. — И даже не трогала?

Я не успеваю ответить. Аббадон вторгается туда, где у меня и в мыслях не было... потрогать, прикоснуться... Стыдно невыносимо! А пальцы демона проникают внутрь, ласкают... Я ощущаю тяжесть, влажность... Я не понимаю, что со мной происходит!

— Пожалуйста, перестань! Не надо!.. Не... трогай! За что?! — очередной всхлип превращается в стон.

Удовольствие? Я не знаю, что это! Но... то, как он касается меня там... как я сама на это реагирую... Я солгу, если скажу, что это — мучения. Но, это неправильно! Это... грязно! Недопустимо!

— Ты даже не представляешь, какое у тебя сейчас порочное лицо! — смех Аббадона режет, словно, кинжал. — Порочное, похотливое!.. Интересно, а какое лицо будет у Адалиссы, когда она узнает, что я обесчестил её любимое дитя? Как она будет корить себя за то, что не уберегла своего ребёнка от изнасилования!

«Обесчестил», «изнасилование»... Я не знаю таких слов. Не знаю, что они значат. Не знаю, но пугаюсь их. На уровне подсознания и инстинктов, я понимаю, что это что-то... отвратительное, страшное!.. Такое, что не передать словами!

— Аббадон, прошу! — я уже не верю в то, что мои мольбы помогут, но... продолжаю умолять. — Прощу, отпусти меня! Остановись! Прощу! — я дёргаюсь, пытаюсь вырваться.

— Глупая наивная бабочка! Ты попала в сети паука и тебе не вырваться!

Мужчина, неожиданно, отталкивает меня от себя. Я думаю, что сейчас упаду на землю, но... моё тело обволакивают тонкие нити... Они удерживают меня от падения, подвешивают в нескольких миллиметрах от земли. Я, действительно, чувствую себя, как бабочка, попавшая в паучью сеть.

Рывок — я пытаюсь порвать нити и обрести свободу. Бесполезно. Второй рывок — нити больно врезаются в кожу. Третий рывок — по рукам и ногам начинает течь кровь. Красная, яркая... Я никогда, до этого, даже царапины не получала. Такое количество крови... дико страшно! Мне кажется, что я могу умереть. Я слышу смех своего любимого мужчины...

Я, со страхом, оглядываюсь на него. Он раздевается. На нём нет ничего, кроме брюк. И он... пугает. Высокий, мускулистый, сильный... Он возвышается надо мной, как дуб над маленькой слабой травинкой. Одно мгновение и он тебя сломает, уничтожит!.. «Да откуда у меня такие мысли?! Я же... его так люблю!».

На Аббадоне нет теперь и брюк. То, что я вижу... вводит меня ещё больше в шоковое состояние...

— Что... что это?! — спрашиваю я, заплетаящимся от страха, языком.

— Это то, что будет у тебя внутри, моя глупая бабочка, — Аббадон усмехается непривычно зло.

Я не понимаю его. Не понимаю, но... боюсь. Я, впервые, не хочу, чтобы он подходил ко мне. Мне больно от нитей, я в ужасе от происходящего... И, вместе с тем, я не могу оторвать свой взгляд от Аббадона. А он приближается ко мне, улыбаясь. Но, улыбается он не так, как всегда. В этой улыбке нет нежности, доброты... Я вижу злость, насмешку... и что-то ещё, чему не могу найти определения.

— Не подходи! — кричу я, когда мужчине остаётся сделать, лишь, шаг, чтобы коснуться меня.

— Не подходить? Как же я могу этого не сделать? Ты же так меня любишь... Разве, нет? «Кэтэрина, Кэтэрина — зачем ты полюбила зло?».

Страх... единственное, что осталось. Страх и непонимание.

— Аббадон... Почему? Что случилось? Что... что с тобой произошло?! — я всё ещё пытаюсь найти причину этого кошмара. — Почему ты это делаешь?!

— Почему? Думаю, о моих причинах тебе будет лучше спросить у своей матери. Если, конечно, ты останешься жива. Слишком уж велик соблазн сломать твою тоненькую шейку в процессе! — и снова этот смех — жестокий, беспощадный... чужой.

Эти слова... Разве, он может их произносить? «Нет! Не может! — твержу я про себя. — Не может! Это всё сон! Просто ночной кошмар!». Но, мне так больно, что невозможно себя уверить в нереальности происходящего. Это всё — правда. Реальность.

С моих ног и тела исчезают нити. Они остаются только на руках, удерживая меня в подвешенном состоянии. Аббадон берёт меня за ноги, разводит их в стороны... Я пытаюсь сопротивляться, но мужчина слишком силён. Беспомощность... Я, впервые, ощущаю это. По щекам текут слёзы...

«Кэтэрина, Кэтэрина — что же ты теперь плачешь?».

Слёзы... Я никогда в своей жизни не плакала. Только... читала. Читала, что когда больно и страшно, из твоих глаз течёт вода. Солёная, неприятная...

Ногти Аббадона, невероятно острые, врезаются в кожу на бёдрах. Больно... Я вижу, как мужчина оставляет на моих ногах глубокие кровавые борозды...

— Ты... ты же меня любишь?! Правда, ведь?... Правда?! Ты говорил мне это!

— Никогда не верь тому, что говорит тебе демон.

«Кэтэрина, Кэтэрина — обманутая злом».

— Что... что ты хочешь сделать?! Ты... Больно! — я кричу от того, что ногти Аббадона (точнее, уже когти), буквально, рвут мою кожу.

— Что я хочу сделать? Я же сказал, что познакомлю тебя с сексом. Будет интересно, обещаю.

«Кэтэрина, Кэтэрина — погубленная злом».

Он совсем близко. Так близко, что жар его кожи обжигает. Я задыхаюсь от ужаса и плача. Близко... Он проводит языком по моей шее, кусает её... Я чувствую горячую струйку крови, которая, тут же, оказывается слизана Аббадоном.

Резкая ослепляющая вспышка боли. Меня, словно, разрывает на части! Я захлёбываюсь криком... От дикой боли не могу уже даже пошевелиться... То, что шокировало меня в мужчине, когда он разделся, сейчас внутри меня... И, снова, кровь...

«Кэтэрина, Кэтэрина — чистота стала грязью и окрасилась в красный».

Аббадон начал двигаться — резко, сильно!.. Незнакомых ощущений больше нет — лишь, боль. Крики, мольбы... Мужчину ничего не трогает. Он не останавливается, не отпускает... Нити ему уже не нужны. Я оказываюсь на земле, придавленная весом Аббадона. Он тяжёлый... Просто огромный! Я задыхаюсь от его тяжести! Но... не могу сдвинуть ни на миллиметр. Он сдавливает мои тонкие запястья... Я слышу хруст... Крик... снова. Аббадон яростно кусает мои губы, заглушая мой вопль. Рот наполняется кровью, она течёт по подбородку — нижняя губа прокушена. Аббадон смеётся, размазывает эту кровь по моему лицу, слизывает со своих пальцев... и продолжает терзать моё тело.

— Плачь! Плачь, моя глупая бабочка! Плачь так, чтобы твой крик, полный страданий, достиг ушей твоей матери!

Мужчина ставит меня на четвереньки, заставляя опереться на повреждённые руки. Я только плачу — уже не умоляю ни о чём. Лишь, хочу, чтобы этот кошмар закончился.

Аббадон дёргает меня за волосы, сильно тянет их, заставляя выгнуться. Сильный толчок в измученное тело... Боль... Стон... Безжалостные руки, оставляющие синяки, ссадины, раны... Рычание Аббадона, от которого я сжимаюсь в ужасе... Я чувствую, как он отпускает меня.

— Аббадон!

Яростный, полный злости, голос. Не мой. Голос моей мамы. Я понимаю, что она совсем рядом, но... не могу поднять голову. И сил нет, и... очень стыдно. Грязно... Отвратительно...

— Давно не виделись, Адалисса! — я не вижу, но чувствую, что мужчина улыбается. — А мы тут развлекаемся! Не хочешь...

Договорить он не успевает. На него, словно, нападает бешеный вихрь, который сносит Аббадона от меня. Я поднимаю голову, смотрю... Я вижу маму, которая держит моего учителя за горло. Несмотря на его явную силу, вырваться он не может. Мама держит его одной рукой, без видимых усилий, но... её ногти так сильно врезаются в шею Аббадона, что по её рукам течёт его тёмно-красная кровь.

Мама... Я никогда не видела её такой. На неё страшно смотреть. Кажется, что она просто являет собой воплощение ярости. Её злость можно ощутить физически. Холод... Ощущение, что неожиданно наступила зима, которую я никогда не видела. Кожа, как будто, покрывается корочкой льда.

— Тварь!.. Как ты только посмел?! Как ты сюда, вообще, проник, ублюдок?!

— Ублюдок? Я, вполне, законный сын, дорогая мамочка! Хотя, по сути, ты, всё же, мачеха, Адалисса! — Аббадон хрипло смеётся, несмотря на своё незавидное, на вид, положение. — А как я сюда проник? Твоя любимая Кэтэрина сама впустила меня.

— Что?!

— Кэтэрина меня так любила! Я не удивлюсь, если и до сих пор любит, — мужчина злобно скалится. — Эта детская наивная любовь... Самая глупая и, как ни странно, самая прекрасная... И так приятно было её предать! Как... — Аббадон, вдруг, замолкает, а потом кричит, как будто, от невыносимой боли.

— Благодарю судьбу за то, что я не могу тебя убить! — мама смотрит на мучения мужчины.

А потом раздаётся сильный грохот. Такой сильный, что закладывает уши. Мама отпускает Аббадона — тот мешком падает на землю, продолжая кричать. За один миг, становится темно, как ночью. Грохот повторяется...

— Вы — двое... Ваша встреча никогда не должна была произойти!

«Кэтэрина, Кэтэрина — что же ты теперь... плачешь?».

Я проснулась в Зиграден. Меня колотило. Я долго не могла прийти в себя. Тот ужас, который пережила Кэтэрина... я, словно, прожила всё это сама! «Кэтэрине ты бы не завидовала раньше времени...». Так вот, что Дайона имела в виду. Она знала, что ждало Кэтэрину. И знала, что её возлюбленным был никто иной, как Аббадон.

«Но, как же... как такое могло произойти? Как? Почему? Как Кэтэрина могла полюбить эту тварь?! Как её, вообще, угораздило познакомиться, именно, с ним?! И что за грохот был в самом конце сна? И как же всё пришло к такому ужасному финалу?.. А ещё... Почему Аббадон назвал Адалиссу матерью, а потом мачехой? Может, он, как и Кэтэрина, был создан Адалиссой? Нет, это уже бред какой-то получается. Но... почему Адалисса сказала, что не

может его убить? Та сила, что была в ней... То, что чувствовала Кэтэрина... Мне, почему-то, не кажется, что если бы Адалисса захотела, у неё возникли бы трудности прикончить Аббадона. Так, почему? И почему, в самом конце, Адалисса сказала, что Аббадон и Кэтэрина никогда не должны были встретиться?».

Я встала с кровати. Ноги, слегка, подкашивались. Было неприятное ощущение, что на мне те же раны, что оставил Кэтэрине Аббадон. Это чувство было настолько реальным, что я даже проверила. Разумеется, моя кожа была без единой царапины.

«Зачем всё это, вообще, понадобилось Аббадону? Насилие я понимаю, но зачем надо было изображать любовь перед Кэтэриной? Зачем надо было влюблять её в себя? В чём смысл? А, может, как в том случае, когда он изображал Винсента Ванхама, он просто развлекался? Только вот... Аббадон сказал Кэтэрине, что о причинах ей надо спрашивать у своей матери...».

— Тебе, как всегда, приснился кошмар? — голос Рейфа, как обычно, не выражал сочувствия — лишь, любопытство.

— Что-то вроде того.

— Не хочешь поделиться своими страхами? И кровью, заодно?

— Обойдётся!

Я отвернулась от этого кровососа и вспомнила, что о том, что мне надо выполнить поручение Вельзевула. Ведь, Совет Преисподней был совсем близко. А это значит... что мне нужно идти к Аббадону. «Вот после таких снов, идти к Аббадону самое-то!» — невесело подумала я. Однако, вариантов не было.

Я оделась. Но, вдруг... я почувствовала тоже, что и в Светлом лесу — холод в груди. Резкий, сильный, но короткий. Я успела только осознать, что сейчас я, вновь, стану такой, какой стала тогда — в эльфийском лесу. Больше я ничего сделать не успела. «А зачем мне что-то делать? — озадачилась я про себя. — Вроде, чувствую себя прекрасно».

Я помнила совсем недавнюю встречу с Вельзевулом. Мне надо было уговорить Аббадона поддержать Вельзевула на Совете. Вопрос — как? Я вспомнила Аббадона... Вспомнила о том, как смогла сбежать от него в нашу последнюю встречу. Признаться, сейчас я, вообще, не понимала, почему тогда так глупо поступила. Зачем я сбежала? Аббадон красивый и сексуальный мужчина. Кроме того, он Верховный демон и мой покровитель. Почему я должна была сбежать от него?

«Что за дура та Милена, которой я тогда была? — с недовольством подумала я. — Как можно было бросить Верховного демона, который хотел тебя?! Как же это глупо...».

Я вспомнила о том, как совсем недавно плакала, буквально, на руках у Самаэля. Данное поведение мне тоже показалось ненормальным. Плакать, вообще, из-за кого-то мне казалось ненормальным. А уж делать это из-за смерти двух человеческих девчонок... верх глупости!

«Хорошо, что этой истерики никто, кроме Самаэля, не видел, — подумала я. — Иначе, это бы сильно повредило моей репутации».

Я решила, что Аббадон не будет сильно расстроен, если я опущу правила поведения и сотворю портал прямо в его дворец. Не хотелось мне тратить время ещё и на то, чтобы ещё добираться до него. Поэтому, я приказала Киерану делать портал прямо в зал дворца демона бездны.

Когда я оказалась во дворце Аббадона, я, сразу же, и встретила Верховного демона.

— Кого я вижу! — Аббадон был удивлён моему появлению, но не сказать, чтобы расстроен. — И каким же ветром тебя, добровольно, занесло ко мне?

— Если моё появление вызывает у тебя недовольство, то я, тут же, уйду, — ответила я, уверенная в том, что демон разрушения прогнать меня не станет.

И я оказалась права.

— Нет, недовольства у меня твоё появление не вызывает, но... Тебе самой не кажется это странным?

— Что именно?

— Ты приходишь ко мне, по своей воле. Несмотря на то, что в последнюю нашу встречу сбежала от меня, при помощи Астарты.

— У меня поменялось настроение, — пожав плечами, ответила я. — Тогда, я хотела от тебя убежать. Сегодня — нет.

— И зачем же ты пришла сегодня?

— Я пришла, чтобы приятно провести с тобой время, — улыбнувшись, сказала я. — Ну, и ещё, в процессе, поговорить об одном деле. Но, последнее — это уже второстепенно. Ты же не откажешь своей подопечной в своём обществе, Аббадон?

— Приятно провести время? Со мной? Мне ещё на последнем Совете показалось, что ты странно себя ведёшь, после возвращения из Светлого леса. Что с тобой случилось, Милена?

— Хм... Не заметила в себе никаких особых изменений, — ответила я Верховному демону. — Я такая, какая есть. Только не говори, что это тебе не нравится. Аббадон... — я подошла к мужчине, почти умоляюще посмотрела на него. — Но, если тебе это, действительно, не нравится, я стану такой, какой захочешь. Я стану любой, по твоему желанию. Только... не прогоняй меня, — тихо закончила я.

— А если я тебя не прогоню, то, что я смогу с тобой сделать? — с неподдельным интересом, спросил Аббадон.

Всё, на что хватит твоей фантазии. Но, пожалуйста, без жестоких пыток. После того, как я побывала у господина Велиара, я поняла, что совсем уж жестокие пытки мне не нравятся.

— А не совсем жестокие?

— Не знаю, — честно сказала я. — Смотря, что ты подразумеваешь под «не совсем жестокими». Если сломаешь мне запястье или саму руку во время чего-то интересного и приятного, то я не возражаю.

— Неужели? Если ты так говоришь, то... ты, точно, не Милена. Ты просто не можешь быть ею. Без страха, без страданий... Это — не ты.

— Если я не Милена Кавэлли, то кто тогда? И те, кто считают меня Миленой, значит, ошибаются? И Люцифер, и Ферокс и Абигор? Или тебе просто не нравится, что я тебя не боюсь, Аббадон? Я могу только изобразить страх перед тобой, но в действительности... я тебя хочу. Очень сильно хочу! А если ты хочешь, чтобы я боялась тебя... то сделай что-нибудь для этого, — последняя фраза, которую я чуть ли не мурлыкнула на ухо демону бездны, мне самой сильно понравилась — она взбудоражила мою фантазию.

— Хочешь, чтобы я заставил тебя бояться? — Аббадон усмехнулся, притянул меня к себе. — Что ж... ты сама этого захотела.

Я смотрела на демона бездны и всё лучше понимала, что это тот мужчина, который мне нужен. Сильный, жестокий, похотливый... Такой, каким и должен быть демон. Верховный демон перед которым чувствуешь страстное желание покориться, исполнить любой приказ... Перед которым чувствуешь себя полностью беззащитной и беспомощной. И все эти

чувства меня возбуждали. То, что Аббадону нужен был страх... я была не против.

— Аббадон... ты же овладеешь мной, правда? — озвучила я своё желание. — Я так этого хочу! Ты же сделаешь это?

— Я сделаю то, что ты хочешь, но... перед этим, я заставлю твоё лицо исказиться гримасой страха и боли!

Меня бросили на пол. Я упала на живот и, тут же, хотела подняться, но Аббадон наступил ногой мне на спину, не дав этого сделать. Он сильно дёрнул меня за волосы, заставляя меня поднять голову и посмотреть на него, нависшего надо мной.

— Тебе ещё не страшно, Милена?

— Нет, — ответила я, смотря ему в глаза. — Мне не страшно.

— Тогда, может, мне сделать то, что я уже когда-то делал? — рука Аббадона ласково погладила моё перьевое крыло. — Может тогда, когда твоё крыло восстановится, оно станет полностью чёрным? Без этих отвратительных белых перьев?

Я поняла, о чём он говорит. О том случае, когда белое крыло было оторвано Аббадоном. Тогда было больно, страшно... Но, я не была уверена, что если тоже самое произойдёт сейчас, я испытаю те же чувства и эмоции. Точнее, больно-то будет, но вызовет ли это чувство страха?

— Я не знаю, — произнесла я. — Я не знаю — начну ли я, после этого, бояться тебя. И я не знаю — действительно ли моё крыло сможет восстановиться полностью чёрным. Хотя, последнее было бы очень даже неплохо. Эти белые перья меня раздражают.

Последнее предложение, как и все остальные, сказанные мной, были чистой правдой. Белый цвет перьев меня, действительно, раздражал. Действовал на нервы. Кроме того, белые перья слишком сильно ассоциировались с ангелами. А это злило только больше. Ничего общего с белокрылыми жителями Небес я иметь не хотела. Правда, способ избавления от этого самого «общего», предложенный Аббадоном, меня не сильно прельщал. Боль есть боль и, не связанная с сексом, она меня не привлекала. Пусть я и готова терпеть её от Верховного демона.

— Не знаешь, значит? И белые перья тебя раздражают? Ты, точно, не та Милена, которая мне нужна. Ту Милену я, может быть, даже и пожалел. Но, тебя... тебя я жалеть совсем не собираюсь, — Аббадон отпустил мои волосы и убрал ногу со спины.

Я разочарованно вздохнула, когда демон бездны отошёл от меня. А в следующую секунду меня обволокли тонкие нити. Сначала нити просто опугали моё тело, а затем они резко потянулись вверх, заставляя меня встать на ноги, а, впоследствии, зависнуть в нескольких сантиметрах от пола. При этом нити, как и тогда — на балу, где я просила покровительства Аббадона, резали кожу при малейшем движении. Поэтому, только от того, что меня, лишь, подняли, ран на моём теле уже было больше, чем достаточно. А из-за того, что нити от порезов никуда не убирались, а, наоборот, врезались только глубже, регенерация не работала. А может, регенерация не работала из-за каких-то особенностей нитей — не знаю. И боль от всего этого пришла мгновенно. Я вскрикнула, но, благоразумно, не стала дёргаться, чтобы не ранить себя ещё больше. Через минуту, когда я привыкла к этим болевым ощущениям, я сказала:

— И что дальше?

— А что ты хочешь дальше? — с любопытством спросил Аббадон, довольно оглядывая меня.

— Я хочу тебя, Аббадон. Прямо сейчас!

— Последний раз ты хотела меня, когда была под заклинанием Асмодея, — заметил мужчина. — Может и в этот раз он приложил свою руку?

— Нет. Асмодей и его заклинание здесь не при чём. Это только моё желание. И, разве, оно не естественно?

— О чём ты?

— О том, что это естественно — желать Верховного демона. Желать эту власть, силу, которой нет ни у одного Высшего демона. Желать его самого! Поэтому... Аббадон, я прошу тебя...

— Это неинтересно! — прервал меня Аббадон. — Мне неинтересно, когда ты такая, Милена! Ты не боишься меня... ты не ненавидишь меня... ты желаешь меня совершенно добровольно!

— Ты же сам говорил, что сделаешь то, что я хочу! Сделаешь после того, как заставишь меня бояться! Так, заставь! А потом овладей, как и обещал!

Не успела я договорить, как нити, опутывающие меня, с силой натянулись, буквально, вгрызаясь в моё тело. Я, вновь, закричала и, всё же, не удержалась от рефлекса — задёргалась, пытаюсь освободиться, тем самым делая только хуже. А когда я сообразила, что раны, действительно, не собираются затягиваться... я испугалась. Не за свою жизнь — нет. Я знала, что из-за таких ран я не умру (особенно, если учесть всё то, что со мной делал Велиар). Я испугалась за то, что от такой большой потери крови я стану слабой! А слабость означала то, что никаких активных действий и никакой инициативы я проявить не смогу. Я этого не хотела! Несмотря на то, что я желала Аббадона... Несмотря на то, что мне хотелось ему подчиниться... Я не хотела быть безвольной куклой в его руках, которая даже пошевелиться не может! Это меня, на самом деле, напугало!

— Аббадон... прошу, освободи меня от своих нитей! — запросила я.

— Неужели я, наконец, слышу страх в твоём голосе? — демон подошёл ко мне. — Как же я этого ждал! А, может, ты ещё покричишь для меня, а?

Я хотела что-то ответить, но... нити на горле чуть не разрезали мои голосовые связки, когда я попыталась что-то сказать, тем самым приведя горло в движение. Заметив это, Аббадон, всё-таки, убрал с моей шеи нити, позволив мне вздохнуть, более или менее, свободно. Но, тем не менее, сказать он мне ничего не позволил. Он сам схватил меня за моё, кровоточащее от ран, горло, сжал его и, глядя мне прямо в глаза, произнёс:

— Ты будешь кричать для меня, Милена. От боли, от страха... И, если мне это понравится, то, может быть, и от удовольствия.

После его слов, нити исчезли, оставив после себя, лишь, разрезы, которые, я надеялась, скоро будут должны зажить. А я, буквально, рухнула в руки Аббадона, не успев удержать равновесие и встать на ноги самой.

— Чёртова человеческая природа! — застонала я от боли, оказавшись в «нежных» объятьях демона бездны и разрушения.

— Человеческая природа? — с некоторым удивлением, переспросил Аббадон.

— Она делает меня слабее любого чистокровного демона! Человеческое тело... устаёт, болит, медленно лечится!.. Даже равновесие не может сразу восстановить! Эта слабость... бесит!

— Странно это слышать от тебя. Ты же так цеплялась за своё человеческое происхождение.

— Уже не цепляюсь. С некоторых пор.

На самом деле, теперь я уже не помнила — почему так радела за свою человеческую природу. Я, искренне, этого не понимала. Сейчас это казалось полнейшей глупостью.

Аббадон, тем временем, положил меня на кровать. Страх, который я испытывала, опутанная нитями, мгновенно, ушёл. Мне казалось, что сейчас я, наконец, получу то, чего так жаждала. Мужчина наклонился ко мне, ласково погладил по щеке, шее... А, затем, раздался хруст ломающийся кости. Запястье правой руки пронзила адская боль, которое, со всей силы, сжал Аббадон. Я закричала, дёрнула рукой, от чего сделалось только больнее.

— А ты надеялась на то, что я сейчас, сразу, овладею тобой, Милена? — злым голосом спросил мужчина. — Что я не поиграю с тобой перед этим? Я, ведь, тебе уже говорил, что ты будешь кричать для меня!

«Сволочь, — подумала я про себя, морщась от боли. — Но, какая же восхитительная сволочь! Теперь я хочу его ещё больше!».

Я уже сделала для себя вывод, что именно такие мужчины мне и нравятся — жестокие, беспощадные, неумолимые... Такие, от которых хочется либо убежать без оглядки, либо упасть к их ногам. Убегать я, точно, не хотела.

Когда Аббадон сломал второе запястье, я поняла, что участие в процессе секса, если он будет, я, вряд ли, смогу принять. Во всяком случае, активное. Тем более что у меня было стойкое ощущение, что сломанные запястья — это, лишь, начало. Хотя, следующее действие демона меня, несказанно, порадовало. Он схватил меня за волосы, притягивая мою голову к себе и поцеловал. Поцеловал так, как и должен это делать демон: хищно, грубо, страстно... Кусая губы до глубоких кровоточащих ран, при этом сжимая сломанные запястья так, что хотелось выть от боли. Я не удержалась и, как только смогла, укусила Аббадона за язык. А когда он, выругавшись, стёр собственную кровь со своих губ, я рассмеялась.

— Нарываешься, Милена? — посмотрел он на меня, потемневшими от злости, глазами.

— Нарываюсь! — облизнула я кровь со своих губ. — Ещё как нарываюсь!

Да, я сейчас играла с огнём. Я это прекрасно знала. Нельзя вести себя так вызывающе с Верховным демоном. Но, мне так понравилось это ощущение — хождение по грани! Мне нравилось злить Аббадона, несмотря на то, что я готова была ему полностью подчиниться. Демон бездны и пугал и восхищал меня, одновременно. И мне было интересно, как далеко я смогу зайти прежде, чем моя показная наглость приведёт меня к очень плохим последствиям.

Аббадон злился — я это чувствовала. И первым порывом было — приласкаться к Верховному демону, прося прощения за своё поведение. Но, я сдержалась. Это было бы неинтересно. Потом — да, я это сделаю с удовольствием, но не сейчас. Сейчас я хотела узнать свои границы. Хотела узнать, до какой степени мне позволено играть на терпении Верховного демона.

Мне сломали рёбра (два — не меньше) и обе руки в локтевых суставах. Вывернутые в неестественном положении руки причиняли нестерпимую боль, а из-за сломанных рёбер я почти не могла дышать.

— Тебе нравится, Милена? — шёпот Верховного демона заставил меня вздрогнуть. — Давай же, скажи, что тебе нравится! Ты же сама говорила, что будешь такой, какой я захочу!

Я задыхалась от боли, смотрела мужчине в глаза и понимала, что грань я свою уже нашла. Злить Аббадона сильнее мне не хотелось и, чтобы стало больнее — тоже. Если станет больнее, то это уже будет пытка, а её переносить у меня не было абсолютно никакого желания.

«Только вот, если я скажу ему, что мне не нравится и что я больше не хочу... Это только подтолкнёт Аббадона и дальше терзать меня, — подумала я. — А если я скажу, что нравится? Как бы результат не остался таким же...».

— Мне... мне нравится! — хриплым, от сдавленной грудной клетки и нехватки воздуха, голосом, еле слышно, произнесла я. — Мне... очень нравится всё, что ты делаешь!

— Неужели? — Аббадон рассмеялся, когда я взвыла от боли от того, что он дёрнул обе мои руки вверх, заводя их мне за голову. — Ох, как же мне нравятся твои вопли!

Мне стало, по настоящему, страшно. Похоже, что я, всё-таки, доигралась. Аббадон, по всей видимости, останавливаться на сломанных костях не собирался.

— Аббадон... Аббадон, пожалуйста!.. Не надо... не переходи границы! — запросила я. — Не делай... не делай больше того, что ты уже сделал!

— Страх... страх в твоём голосе, Милена, звучит лучше всякой музыки! Как же я его обожаю!

— Аббадон...

— Что? Решила, что наигралась на сегодня? — с издёвкой спросил демон. — Игры оказались, чересчур, жёсткими?

— Да, чересчур! — не стала я скрывать очевидное. — Поэтому... поэтому, не мог бы ты быть со мной мягче?

— Мягче? С тобой? — мужчина так жутко улыбнулся, что мне захотелось спрятаться. — Как же я могу так поступить, Милена? Ты же тогда перестанешь дарить мне страх и крики!

— Вовсе нет! — решила я его убедить. — Ты и так внушаешь страх, Аббадон! От осознания того, что ты можешь со мной сделать, стоит тебе, лишь, захотеть... Меня это пугает! Хотя, и возбуждает тоже. А крики... позволь мне, хотя бы сегодня, покричать для тебя от удовольствия!

— Покричать от удовольствия? А сможешь ли ты получить удовольствие, со сломанными костями?

Я попыталась пошевелить руками. Боль, как и ожидалось, была сильной. Но, вместе с этим, я чувствовала, что регенерация уже началась. Да, у меня не заживёт всё за пару минут, но... за пару часов, вполне. И получить удовольствие от секса с Аббадоном мне это, отнюдь, не мешает. Наоборот, таким образом, я притуплю боль. Боль станет частью процесса. Она станет частью удовольствия. Я была в этом уверена.

— Да, я смогу! — ответила я демону бездны.

— Что ж, ты сама этого захотела, Милена.

Секс с Аббадоном... это, всё равно, что секс со зверем. Только так я могу это описать. В ход шло всё: зубы, когти... Сравнить это можно было бы, разве что, с сексом с Рейфом. Правда, в случае с Рейфом, тот действовал, практически, на своём безумии и инстинктах. Аббадон же... Безумным он не был. Он был таким сам по себе. Он был демоном. А демоны всегда получают удовольствие от чужой боли. Я сама была такой же. Теперь. Поэтому, я стонала от удовольствия, от боли... Я царапала кожу демона ногтями, дёргала его за волосы, кусала, смеялась!.. Я была просто в восторге от того, что происходило. Сила, власть Верховного демона... Я хотела ещё и ещё! Инстинкт самосохранения был утерян. Да и о каком самосохранении может идти речь, когда ты находишься с Верховным демоном?

Когда всё закончилось, я могла только поднять голову, но никак не двигаться или, хотя бы, сесть. Но, я была удовлетворена. Я получила то, что хотела. И я ни о чём не жалела.

— Довольна, Милена? — вкрадчивым голосом спросил Аббадон.

— Ещё как! — широко улыбнувшись, ответила я. — Только вот, двигаться теперь не могу — это минус.

— И это единственное, что тебя сейчас беспокоит?

— Да.

Аббадон окинул меня очень задумчивым взглядом. Было совершенно непонятно — нравится ему моё поведение или нет. А через секунду он порезал свою руку:

— Тебе же не хочется, Милена, валяться поломанной игрушкой ещё час? Если нет, то выпей моей крови.

— С удовольствием, — не стала я отказываться от предложенного.

Вкус крови Аббадона мне понравился. Было такое ощущение, что я пью чистую силу. Эта сила была огромной! Яростной! Чёрной... На одно мгновение она захлестнула меня, как волна. И, как и волна, быстро ушла, перед этим забрав все мои раны. Но, мне не хотелось, чтобы она уходила! Мне хотелось чувствовать её ещё и ещё! Поэтому, когда демон бездны решил, что с меня достаточно, я решила по-другому. Я вцепилась в его руку зубами, не хотя отпускать! Желая наполнять свой рот кровью Аббадона снова и снова! Но... когти Аббадона погрузились в мою шею, раздирая её.

— Если ты сейчас не разожмёшь свои зубки, Милена, я тебе шею сломаю, — ласково предупредил меня Аббадон. — И эту рану ты будешь лечить своими силами... я думаю, сутки.

Ходить сутки со сломанной шеей мне не хотелось. Поэтому, мне пришлось пересилить себя и отпустить столь желанную рану.

— Не наглей, моя дорогая Милена, — произнёс он, в то время, как рана на его руке зажила до того, как он договорил фразу. — Если я позволяю тебе чуть больше, чем кому бы то ни было, это не означает, что я позволю переходить границы.

— А я, разве, перешла границы? — невинно хлопнув глазами, спросила я (хотя, наверное, с измазанными чужой кровью губами, изобразить невинность у меня не сильно получилось).

— А ты думаешь, что нет? — злобно оскалился мужчина. — Я никому не позволю — ни тебе, ни кому-нибудь другому — делать что-то, что мне не нравится!

— Ну, не злись, не злись! — нежно проговорила я, подбираясь к Аббадону, обхватывая его за шею и прижимаясь к нему. — Я больше не буду, обещаю. Ты же мне веришь? — я поцеловала его губы и лизнула шею. — Веришь?

— Такое ощущение, что маленький котёнок превращается во взрослую кошку, — с, вновь, непонятной мне интонацией, сказал Аббадон.

— Мне это можно воспринимать как комплимент? Или, наоборот? — с интересом спросила я.

— Пока ещё не решил.

Я хотела ещё что-то сказать, но тут... я, в полной мере, осознала, где я нахожусь и кого я обнимаю!

Глава 45.

Надо отдать себе должное — в руки я взяла себя быстро. Даже смогла не оттолкнуть Аббадона, а просто отпустить. Я сильно надеялась, что демон не заметил моей внезапной смены настроения. Но, сейчас находиться с тем, кого я ненавидела всей душой (точнее, её остатками) было непросто. И было ещё кое-что... Я смотрела на Аббадона и чувствовала то, что чувствовала Кэтэрина... А Кэтэрина... она его любила! Так сильно любила... Так сильно... И ощутив тоже, что и она... я была в ужасе!

«Нет... Нет! Это — не мои чувства! Я его никогда не любила! Я его только ненавидела! Но... Кэтэрина... Как же ты могла так любить эту сволочь?! Даже после того, что он с тобой сотворил?». Да, эта глупая бабочка... Её любовь не превратилась в ненависть. Она страдала, но... почему-то, Аббадона не возненавидела.

«Как же это глупо и наивно! И почему твою глупость и наивность должна ощущать я?! Да ещё и... перед Аббадоном!». Да уж... Я ненавидела Аббадона, Кэтэрина — любила... Та личность, которой я была недавно, обожала его со всей жестокостью демона, его похотью и безжалостностью. То ещё сочетание. А ощущать всё это одновременно... Что может быть хуже?

«Сконцентрируйся только на своих эмоциях, Милена! — приказала я себе. — Ты его ненавидишь? Прекрасно! Вот и ненавидь. Успокойся. И вспомни, наконец, о задании Вельзевула».

— Аббадон, ты помнишь, что, в самом начале, я говорила, что хочу поговорить с тобой об одном деле?

— Помню. И что же это за дело такое?

— Хм... как бы начать... У тебя, ведь, плохие отношения с Вельзевулом, верно?

— А при чём здесь Вельзевул? — демон посмотрел на меня очень недовольно. — И с каких это пор ты, Милена, интересуешься отношениями между Верховными демонами?

— С тех самых, как это касается меня. Видишь ли... Вельзевул меня просил поговорить с тобой по поводу ближайшего Совета.

— Ещё интереснее... Какого чёрта он просил тебя об этом? Да и... просил?

— Ну, не совсем. Скорее, приказал. А почему меня? Всё очень просто — я в долгу перед Вельзевулом и делаю всё, что он скажет.

— Ха, как будто он тебе без этого приказать не может! — с пренебрежением фыркнул Аббадон. — Высший демон, пусть и правитель независимого города, ничто рядом с Верховным!

— Я это прекрасно осознаю. Это, всего лишь, означает, что Вельзевул воспользовался ещё одним рычагом воздействия на меня, кроме того, что он легко мне может приказать, просто, по положению.

— Интересно было бы узнать, за что ты ему задолжала. Ответишь своему покровителю, Милена?

Я, в бессилии, скрипнула зубами и сжала кулаки. Не ответить на вопрос своему покровителю, да ещё и Верховному демону? Как же! Кто же мне позволит-то? Пусть Аббадон и утверждает, что позволяет мне больше, чем кому-либо, но... не до такой степени.

— Я отвечаю, если ты настаиваешь, — произнесла я, наконец. — Но, честно говоря, отвечать я не хочу.

— Эй, дорогая моя, у тебя что, раздвоение личности? — неожиданно спросил Аббадон, буквально прожигая меня взглядом.

— О чём ты говоришь?

Аббадон неожиданно быстро и резко возник прямо передо мной. Я, рефлекторно, отпрянула, но была схвачена за плечи, лишённая возможности шевелиться. А демон бездны посмотрел прямо мне в глаза и сказал:

— Ты думала, что я ничего не замечу? Не замечу того, что пришла ты сюда, буквально, обожая меня и, чуть ли, не вешаясь мне на шею? Желая, подчиняясь... Словно, дикая кошка! Отнюдь, не котёнок! Развратная демонесса, в постели Верховного демона, с таким же удовольствием, как кошка лакает сливки, пьющая его кровь! А сейчас... за какое-то мгновение, я, вновь, вижу ненависть в твоих глазах! Так, что с тобой происходит?

— С ума сошла, — ответила я и, честно говоря, была недалеко от истины. — Я, всё-таки, обладательница человеческой психики, если ты не забыл. А она... вещь, довольна, хрупкая. Вот и не выдержала. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что я могу себя ненормально вести.

— Я сильно сомневаюсь, что дело только в этом, — тем не менее, демон меня отпустил.

Но спрашивать что-то ещё по поводу моего душевного состояния он не стал. И, к моему великому облегчению, он не стал дальше расспрашивать о том, каким образом я оказалась в долгу у Вельзевула. И я решила вернуться к тому разговору, ради которого я, в общем-то, и пришла:

— Ты выслушаешь меня о том, что хочет от тебя Вельзевул?

Отказа я боялась. Аббадону, изначально, не понравилось, когда речь зашла о заместителе Люцифера. Он был очень этим недоволен. А исполнить поручение Вельзевула я была обязана. Причём, любой ценой.

— Хорошо, я тебя выслушаю. Уж слишком мне любопытно, что он хочет от меня.

— Вельзевул хочет, чтобы ты поддержал кандидатуру Верховного демона, которую он предложит на Совете. В общем-то, это всё, что он хочет, — «На этот раз» — закончила я про себя.

— Имеется в виду кандидатура на покровителя Дуалона?

— Да.

— И тебя саму совсем не волнует эта тема, Милена? — поинтересовался демон бездны.

— А при чём здесь я?

— Разве, Дуалон — не твоя родная страна? Место, где ты родилась? Твой дом? Ведь, в зависимости от того, кто будет им править, зависит судьба страны. Если, например, её покровителем станет Асмодей... Легенда о Содоме и Гоморре окажется не такой уж и легендой. Если я... Я приведу эту страну к разрушению. И так, с каждым Верховным демоном.

Честно сказать, пока Аббадон об этом не сказал, я и не задумывалась о последствиях. О том, что будет с Дуалоном. Я не думала о том, что при неправильном (по моему мнению) выборе покровителя страны — этот выбор приведёт к плачевным последствиям для людей.

— Ты, ведь, даже не спрашивала Вельзевула о том, кого именно он хочет назначить, так называемым, куратором. Дуалона. Я прав? — тем временем, продолжал Аббадон.

— Прав. Но... даже если бы и спросила и узнала ответ... Я, всё равно, не смогу ни на

что повлиять. Так, какой смысл?

— А если кандидатура будет столь ужасна, что тебе и не снилось, а мой голос будет всё решать?

— Не вижу разницы. Хоть один Верховный демон, хоть другой... Ничего хорошего ждать, всё равно, не приходится. Да и... до этого же Дуалон тоже находился под чьим-то покровительством. И ничего — существует. От людей... от них же всё зависит. Поддадутся они на соблазн демона или нет. А в жителей Дуалона... я стараюсь верить.

— Стараешься верить? Не будь наивной, Милена! — демон разрушения, с издёвкой, рассмеялся. — Людьями очень просто управлять! Не сложнее, чем стадом овец!

— Пусть так, — не стала я спорить с ним. — Пусть люди не справятся. Пусть уничтожат свою собственную страну под чьим-то влиянием. Меня это уже не касается. Мой мир — мир демонов. В крайнем случае, мир драконов. Но, никак не мир людей и Дуалон, в частности, — «Тем более что мир людей для меня теперь запретная земля» — закончила я про себя.

— Ты пытаешься убедить в этом меня или себя саму?

— Обоих, наверное, — ответила я. — Так, ты сделаешь так, как хочет Вельзевул?

— Я не собираюсь следовать интересам Вельзевула, Милена. И? Что дальше?

Я задумалась. А, действительно, что дальше? Я передала Аббадону желание Вельзевула. И что? Как мне сделать так, чтобы демон бездны согласился? И тут меня, практически, осенило. У меня был способ уговорить Аббадона. Или, по крайней мере, шанс это сделать. Способ довольно рискованный, но... другого у меня, просто-напросто, не было. Чем он был рискованным? Тем, что я впутывала в это дело ещё одного Верховного демона. А это может обернуться очень и очень плохими последствиями. Для меня, разумеется.

— Аббадон, не сочти за дерзость данный вопрос, но... Ты ничего не хотел бы получить от герцога Астарота?

— От Астарота? Станный вопрос... Если да, то что из этого?

— Что если я скажу, что могу повлиять на герцога? Что я могу сделать так, что ты получишь от него то, что хочешь?

Аббадон рассмеялся:

— Ты сейчас так шутишь? Какое влияние у тебя может быть на Астарота?

— Небольшое. Но, достаточное, если ты захочешь от него не сильно много.

Пусть Астарот и был передо мной в долгу, но я осознавала, что не могу просить у него что-то, выходящее за рамки. Наглеть перед Верховным демоном не стоит.

— Не сильно много? — глаза демона смотрели на меня прожигающе, словно, ища подвох в моих словах. — А если я не захочу «не сильно много»?

— Тогда, ничего не выйдет, — честно ответила я. — Я же предупредила, что у меня на него, лишь, небольшое влияние.

— Значит, утверждаешь, что не шутишь? Что ж... Хорошо. Попробуем. Ты, наверняка, знаешь, что Астарот является хранителем сокровищницы Ада?

— Знаю. Только, не знаю, что именно хранится в сокровищнице. Золото, платина, бриллианты?

— Хранить такую мелочь? У тебя ещё слишком человеческое мировоззрение. Всё это: золото, серебро, драгоценные камни... не представляют, совершенно, никакой ценности. Если тебе этого не хватает, обратись к Асмодею. Демон роскоши может тебе весь Зиграден утопить в драгоценностях.

— Тогда, что же может храниться в сокровищнице?

— Магические артефакты. Конечно же, все уникальные в своём роде. Большинство того, что там хранится, когда-то принадлежало древним богам.

— От древних богов что-то осталось? — с удивлением воскликнула я.

Да, о существовании этих существ, которых называли «древние боги», я знала. Они правили этой вселенной задолго до появления ангелов, демонов, драконов, эльфов и, тем более, людей. Никто, до сих пор, не знает, откуда они, вообще, появились и куда исчезли потом. Но было это очень и очень давно. Давно, даже по меркам демонов. Я и подумать не могла, что от древних богов остались какие-то артефакты.

— Да, осталось, — подтвердил свои слова Аббадон. — И осталось немало. И мне нужен один из этих артефактов. Сможешь уговорить Астарота отдать мне его — я соглашусь на кандидатуру Вельзевула.

Я, в шоке, смотрела на Аббадона. Он сам-то понимал, о чём говорил? Он мне что, предлагал с помощью Астарота ограбить сокровищницу Преисподней? Мне вот только казнокрадкой стать не хватало! И на «не сильно много» это никак не тянуло.

— А... Эм... — не могла я подобрать слова, так как усомниться в психическом здоровье Верховного демона я не имела права. — А ты... не можешь просто взять из сокровищницы то, что тебе нужно, да и всё? Ты же Верховный демон, как-никак. Выше тебя только Люцифер. Или я чего-то не понимаю?

— В том, что выше меня по иерархии только Люцифер, ты, конечно, права. Но, проблема в том, что право распоряжаться сокровищницей Ада принадлежит, исключительно, Астароту. Невозможно, без его ведома, взять что-то оттуда. Это позволено только Люциферу.

— Так, в чём проблема-то? Обратись к Люциферу или герцогу. Это, я думаю, будет куда проще, чем использовать меня, как посредника.

— Может быть и проще, но не так интересно. А ты, вообще, радоваться должна, что я даю тебе шанс исполнить поручение Вельзевула.

— За последнее, благодарю, но, всё-таки... — начала я, но махнула рукой, решив, что мне никогда до конца не понять поведения демонов и что ими движет. — И какой же именно артефакт ты хочешь, чтобы я получила у Астарота?

— Кольцо, принадлежащее богине Белиат.

О Белиат я знала совсем немного (впрочем, как и обо всех древних богах). Эта богиня была повелительницей ветров. Управляла бурями, ураганами, смерчами, штормами... Вот, в общем-то, и всё, что я знала о ней.

— И зачем тебе её кольцо? Что оно делает?

— А это уже тебя не касается, Милена. Просто принеси мне его и всё.

«Складывается такое ощущение, что я какой-то квест выполняю, — без всякой радости подумала я. — Исполни поручение одного; для этого пойдешь ко второму. А чтобы второй согласился сотрудничать с первым, надо обращаться к третьему... Блеск!».

— Я могу идти? — после короткого молчания спросила я.

— Да, — ответил Аббадон, а когда я повернулась к нему спиной, продолжил. — Подумай вот над чем, Милена. Мне совершенно не нравится то, что ты оказываешься в долгу перед Вельзевулом. Мне плевать, что именно он для тебя сделал, но я бы посоветовал тебе больше никогда ни о чём его не просить.

— Ты советуешь или приказываешь? — уточнила я.

— Считай, как тебе удобнее. Но, постарайся не ошибиться с тем, к кому тебе прийти — ко мне или к Вельзевулу.

— Хорошо, я над этим подумаю.

«Всё-таки, интересно было бы узнать, что произошло между Вельзевулом и Аббадоном, — подумала я, оказавшись в Зиградене, в одном из залов своего дворца. — То, что они друг друга терпеть не могут — это видно невооружённым глазом. По крайней мере, со стороны Аббадона. Но, зачем Аббадону понадобилось кольцо повелительницы ветров? Или он назвал первый же магический артефакт, который пришёл ему в голову? И задание он мне это дал, лишь, для того, чтобы развлечь себя? С него станется. И Кэтэрина... Я надеюсь, что скоро перестану ощущать её чувства. Любовь к Аббадону... Это, точно, не то, что мне нужно. Кстати, о Кэтэрине можно расспросить Самаэля. Но, для этого, мне нужно в мир драконов. Отправиться, что ли, прямо сейчас?»

— Госпожа Милена, — Драйк, как всегда, появился беззвучно. — Господин Абигор требует встречи с вами и вашего разрешения явиться в Зиграден.

— А ему-то что могло понадобиться? А хотя... кажется, я знаю — что. Я разрешаю ему пребывание в Зиградене.

— Мудрое решение, Милена. А вот предыдущее — вряд ли! — в зал, буквально, ворвался Абигор.

«Похоже, он был в мире людей, — догадалась я. — И уже узнал о смерти Николь и Лави».

— О каком предыдущем решении ты говоришь, Абигор? — тем не менее, ответила я.

— Ты — вон отсюда! — приказал Абигор Драйку.

Я, еле заметно, кивнула, и мы остались с демоном войны наедине.

— Ну, и? Что случилось? — спросила я.

— Решила дурочку из себя построить?! Не смей при мне этого делать!

Кожу неприятно закололо. Люстра на потолке сильно качнулась, грозясь упасть и разбиться. Все стеклянные предметы, находящиеся здесь же, пошли трещинами. Демон войны плохо контролировал свою силу.

— Ты... Как ты посмела?! Как ты посмела вмешаться?! Кто тебе позволил убить человеческих девчонок?!

Я подумала о том, что если и сейчас скажу, что не знаю, о чём он говорит, то демон войны меня, точно, убьёт. Сначала убьёт, а потом уже будет думать, а правильно ли он поступил. Но мне, к тому моменту, будет уже всё равно.

— Верно, мне никто ничего позволял. Но, ведь, и не запрещал, верно? Да и, лично я никого не убивала.

— Ну, да. Это, за тебя, сделал Самаэль, — презрительно усмехнулся Абигор. — Пс твоей просьбе, как я понимаю?!

— Да, по моей.

Люстра, всё-таки, рухнула. Хрустальные осколки брызнули во все стороны, задевая, как меня, так и самого Абигора. Подчиняясь рефлексам, я отшатнулась, закрывая лицо руками. А в следующий миг, меня схватили за шкуру, как нашкодившего щенка и, хорошенько, встряхнули.

— Посмотри на меня, Милена! — рычащий злобный голос Абигора доводил до мурашек, но, отнюдь, не приятных.

Когда я подчинилась, он продолжил:

— Клянусь тебе всеми тёмными богами и самой матерью демонов, что ты сильно пожалеешь о том, что посмела лишиться меня удовольствия убийства! Я заставлю тебя страдать, не будь я Великими Герцогом Преисподней, демоном войны — Абигором!

Он отшвырнул меня от себя и, резко развернувшись, вышел.

«Да что ты можешь мне сделать, Абигор? — с болью и, одновременно, со злостью, подумала я. — У меня никого не осталось. Ни родных, ни близких. Ни моего ребёнка... Даже Николь и Лави теперь нет... по моему же приказу... и по твоей вине, Абигор! Что смной можно сделать такого, что заставит меня страдать? Ничего».

Я не верила в то, что демон войны сможет что-то сделать, несмотря на то, что он поклялся в этом. Я не видела ни одного варианта для этого. Пытки, насилие? Мне казалось, что в моей жизни этого было так много, что меня этим уже не проймёшь.

«И, тем не менее, у меня больше не возникает желания уйти из жизни. Почему? — задумалась я. — По сути, никакого смысла-то уже и не осталось. Друзей потеряла, сына потеряла... Так, ради чего жить? Только из-за того, что «оковы неволи» меня держат? Нет уж! Даже если бы не «оковы»... Может, всё дело в последнем разговоре с Фероксом? Вроде как, есть шанс всё изменить? А зачем? Ответ прост. Назло. Назло всем. Назло всем тем, кто считает меня слабой, никчёмной... У меня нет смысла жизни? Что ж... Придётся создать его самой. Или... родить самой, раз Ферокс так хочет наследника. Я буду жить не потому, что меня к этому принуждают. А потому, что я этого хочу».

— Госпожа Милена, — вновь, появился слуга. — К вам пришли.

— Кого там ещё принесло? Кто бы это ни был, скажи ему, что меня нет. Я больше никого не хочу сегодня видеть.

— Как скажете, госпожа.

— Нет, стой. Погоди... — всё-таки, остановила я Драйка. — Кто именно хочет меня видеть?

— Один из падших. Анхель.

— Анхель?

Анхель — падший ангел. Падший, из-за которого появились марионетки и кукловоды. Тот, кто помог мне избавиться от договора с Аббадоном. И тот, о котором я, в последнее время, даже не вспоминала. Наша последняя встреча... Мне казалось, что это было очень-очень давно. В другой жизни. В человеческой...

— Пусть зайдёт, — сказала я Драйку.

— Здравствуй, Милена, — зашёл в зал Анхель.

— Для тебя она не «Милена», а «госпожа Милена»! — злость и угроза в голосе Драйка были неподдельными. — Знай своё место, падший!

В каком-то смысле, Драйк был прав. Падшие ангелы в мире демонов были не то, чтобы отверженной кастой, но... близко к этому. Уже не служители Небес, но ещё и не демоны. Ещё не тьма, но уже не свет. Находящиеся между. Всяким полукровкам такое пограничное состояние простительно, а ангелам и демонам — нет. Ты либо демон, либо ангел и никак иначе. Падший — это промежуточное состояние между демоном и светлым ангелом. Сколько оно могло длиться — я не знала. Да и никто не знал. У каждого по-разному. Но, пока этого не произошло, демоны не считают падшего своим полностью. И в иерархии они стоят, независимо от силы, на уровне обычных демонов. Соответственно, обращаться ко мне просто по имени Анхель никак не мог. Но... с другой стороны, Анхель помог мне избавиться

от договора с Аббадоном. Можно сказать, что он избавил меня от участи, хуже смерти.

— Анхель может называть меня, как хочет, — заявила я слуге. — Выйди.

— Твой слуга прав, — произнёс Анхель после того, как Драйк покинул зал. — Я не имею права называть тебя просто по имени. По крайней мере, перед кем-то.

— Да брось, Анхель! Ты спас меня и ты сам это прекрасно понимаешь.

— Понимаю. Но другим этого не объяснишь. Не стоит вредить своей репутации.

— Как скажешь, — согласилась я. — Но, раз мы сейчас одни, то проблемы нет, да?

Кстати, прости за беспорядок, — кивнула я на осколки, мерцающие по всему залу.

— Я чувствую силу кого-то из Верховных. Это был кто-то из них?

— Абигор.

— Твой покровитель? И чем же ты его так разозлила?

— А откуда ты знаешь, что он мой покровитель? — удивилась я.

— Об этом знает вся Преисподняя, — ответил Анхель. — О полукровке, которая получила покровительство трёх Верховных демонов. Так, чем ты его вывела? Мне кажется, что это не лучшая затея — вызывать гнев Верховного демона.

— Просто не сошлись в одном вопросе, — ушла я от ответа (у меня не было желания вводить падшего в курс своих дел, несмотря на то, что я была у него в долгу). — Зачем ты здесь, Анхель? Я не могу сказать, что не рада тебя видеть, но... тебя так долго не было.

— Не так уж и давно. Хотя... твоя жизнь, за это время, изменилась радикально, Милена.

— Я знаю. Так что тебе нужно?

— Я пришёл за исполнением нашего с тобой договора. Ты помнишь условия его заключения?

— Да. Я должна тебя убить. Значит, ты пришёл за своей смертью?

Анхель молча кивнул. А я... я вспомнила, как ощущала те эмоции Анхеля, которые он дал мне почувствовать тогда — перед заключением договора. Чтобы у меня не осталось сомнений в том, что он желает смерти. Тогда я ощутила его пустоту, тоску... скуку и нежелание жить. Мне было его жаль. А сейчас... сейчас я была почти такой же, как он. Пустая внутри... Ощущающая, лишь, тоску и одиночество... но ещё, каким-то чудом, желающая жить.

Я знала, что я могу его убить. Знала, что сделаю это без всякого сожаления или сомнения. Без всяких чувств. Думаю, в тот момент, моя собственная безэмоциональность по этому поводу, должна была меня напугать. Или, по крайней мере, встревожить. Но, нет. Меня это, вполне, устраивало — ничего не чувствовать.

— Хорошо, я это сделаю. Только... тот кинжал, который ты отдал мне тогда, для твоего убийства, я потеряла. Точнее, он остался в том, разрушенном Фероксом, доме. А я, после этого, туда больше не возвращалась и не пробовала искать.

— Я бы мог найти свой кинжал, но в этом теперь нет необходимости. Твоё демоническое оружие, вполне, справится. Ты же можешь его призвать?

— Наверное, могу. Но, я никогда этого не делала, — призналась я.

Я слышала, что демоническое оружие может чувствовать своего хозяина. И что оно может последовать за ним, куда угодно. Но, до настоящего времени, для меня в этом не было необходимости.

— Просто закрой глаза и представь его. Представь его во всех подробностях, во всех мельчайших деталях... Вспомни те ощущения, когда ты держишь его в руках.

Я сделала, как сказал падший. Закрывает глаза, вспомнила... Вспомнила ту жажду

убийства, которую ощущала... радость от убийств... злость... Когда же я открыла глаза, древно кось было в моих руках.

— Я слышал, что твоё оружие — это коса, но не сильно этому верил, — произнёс мужчина, разглядывая моё Проклятье Света. — Теперь же вижу, что это, действительно, так. Но... почему я ощущаю в ней силу ангела смерти? Это же невозможно... невозможно наделять чужое демоническое оружие своей силой.

— Да? Я этого не знала, — не могу сказать, что была удивлена — скорее, мне было всё равно — невозможно, так невозможно. — Самаэль помог мне в Светлом лесу — наделил мою косу своей силой. Сказал, что это временно. Но, судя по твоим словам, что-то в ней осталось.

В этот момент, по залу пронеслось чьё-то грозное рычание. Трудно было предположить, что столь внушительное заявление о своём присутствии, сделал маленький щенок адской гончей и волка.

— Ренэтус? — изумилась я. — А ты как здесь оказался? Я же тебя в мире драконов оставила.

— Это твоя адская гончая? — спросил Анхель.

— Да, — кивнула я. — Мне его Самаэль подарил.

— Говоришь, от ангела смерти подарка? — падший ангел посмотрел на щенка более внимательно (тот стоял в нескольких метрах от женщины и продолжал скалить клыки). — Если адская гончая признаёт тебя своей хозяйкой, то она может последовать за тобой, куда угодно, где бы ты не находилась. Для неё переходить из одного мира в другой — дело не трудное. Кстати говоря, когда он подрастёт, она сможет общаться с тобой телепатически. Но, подарок, всё равно, странный. Да, адская гончая будет защищать тебя от кого угодно, до последнего вздоха, но, тем не менее... Не думаю, что тебе это требуется, Милена.

— Самаэль говорил, что матерью Ренэтуса была волчицей. Он полукровка. Как и я. Поэтому, он и принёс его мне. Вроде как, товарищи по несчастью.

— Ты уверена, что причина была в этом? — Анхель, почему-то, нахмурился, всё также разглядывая Ренэтуса.

— А в чём же ещё? Да даже если и не только... мне плевать. Я знаю, что Самаэль не причинит мне вреда.

— Не причинит вреда? А ты понимаешь, Милена, что быть возлюбленной самой смерти — это, само по себе, тяжкая ноша? Смерть всегда будет рядом с тобой — тебе от неё никогда не избавиться. И она тебя никогда не разлюбит, как ни старайся.

— По-моему, тяжкая ноша — это, вообще, быть мной, — неприятно усмехнулась я. — А Самаэля я сама захотела оставить рядом с собой. Мне не на что жаловаться.

Анхель, зачем-то, подошёл к адской гончей. Он остановился от неё в одном шаге и протянул к ней руку. Я не стала его останавливать, несмотря на то, что Ренэтус продолжать злобно рычать. А рука мужчины остановилась в паре миллиметрах от головы Ренэтуса. Ощетинившийся потомок волчицы и создания Преисподней готов был наброситься в любое мгновение. А Анхель продолжал смотреть на него и тут... одёрнул руку, а его глаза расширились от изумления:

— Это ты?! Не может быть... А, хотя... какого ещё подарка можно было ожидать от ангела смерти?

— О чём ты говоришь, Анхель? — напряглась я. — С этим щенком что-то не так?

— А ангел смерти тебе ничего не сказал? Если так, то и я говорить не буду. Я не тот,

кто должен тебе об этом рассказывать. А ты скоро проснёшься, — вновь, перевёл свой взгляд на Ренэтуса падший ангел. — Если уже не проснулся. А тебе я могу сказать, лишь, одно, Милена. Постарайся, чтобы этого щенка видело, как можно меньше глаз.

— Но, почему?

— Ангел смерти ответит тебе на этот вопрос. Или он сам, — кивнул он на Ренэтуса. — Когда научится с тобой общаться телепатически. А теперь, я хочу, чтобы ты сделала то, зачем я сюда пришёл. Исполни условия нашего договора. Сейчас.

У меня было к Анхелю много вопросов по поводу Ренэтуса, его слов о нём, но... я знала, что падший мне не ответит. А ответит ли Самаэль?

Древко косы, предупреждающе, нагрелось. Она тоже знала, что мы сейчас будем убивать. Она знала и жаждала этого. А мне, как и в самом начале, было всё равно... Ни желания, ни отторжения... Совсем не вязалось с тем сильным эмоциональным удивлением, которое я испытала по поводу слов Анхеля о Ренэтусе. Как можно, одновременно, находиться в двух таких разных состояниях — равнодушия и изумления? Быть равнодушной к убийству, но удивиться странностям щенка адской гончей? Хотя, надо ли об этом задумываться? Думаю, что нет. Самокопание ни к каким положительным выводам привести не могло.

— Ты, точно, уверен, что этого хочешь? — всё-таки, спросила я Анхеля, подойдя к нему.

— Да, уверен. А ты, до сих пор, сомневаешься, можешь ли ты это сделать? Ищешь причины, чтобы не совершать мою смерть?

— Нет, ничего такого. Я не сомневаюсь и не боюсь. Я, вообще, ничего не чувствую по этому поводу. Просто... это, немного, странно.

— Что именно?

— Ты хочешь умереть, а я — нет. Это и странно. Я хочу жить, несмотря ни на что. Несмотря на то, что у меня никого не осталось. Несмотря на то, что я постоянно нахожусь на самой границе безумия. И даже несмотря на своё, практически, рабское положение. А сейчас... я даже никаких эмоций не ощущаю по отношению к, по сути, чему-то ужасному. И, тем не менее, у меня нет желания умирать.

— А, ведь, тогда, когда я давал тебя почувствовать, как я живу, перед заключением договора, ты сказала, что понимаешь меня. А теперь... ты, настолько, сильно изменилась.

— Мне пришлось измениться. И — да, тогда я тебя понимала. Понимала, как ни странно, потому, что не была такой же, как ты. Наверное, человеческое сердце просто умеет сострадать. У меня же... его не осталось. А если и осталось, то сострадать оно уже не в состоянии.

— А ты мне нравилась, Милена. Нравилась именно своей человечностью. Своей бесшабашностью, где-то наивностью... Сейчас... всё это исчезло.

— Осуждаешь?

— Нет. Остайся ты такой же, ты не выжила бы здесь. Но, тем не менее, к тебе не получается испытывать те же чувства, что тогда, когда ты была Миленой Белоу.

— Да? Сочувствую. Но, помочь ничем не могу. Точнее, могу помочь только в одном, — я занесла косу для удара. — В исполнении твоего желания.

— Прощай, Милена. Надеюсь, что я смогу вымолить прощение у Шисуны, когда встречу с ней.

— Не стоит произносить пустые красивые слова, Анхель. Я прекрасно знаю, что бессмертные создания, когда умирают, просто исчезают. Без всякой там загробной жизни.

Так что, Шисуну ты не встретишь. А вот, проклятье марионеток и кукловодов, вполне возможно, исчезнет вместе с твоей смертью.

Я сама не совсем поняла, как у меня получился такой сильный удар, что тело падшего ангела, буквально, развалилось пополам, брызнув на меня потоком крови. Видимо, моими руками управляла сама коса.

«Ну, ведь, что-то же должно дрогнуть внутри! Разве, нет?» — в полнейшей тишине смотрела я на то, что осталось от Анхеля. Но... ничего. Абсолютно. Я вспомнила слова Лекса, которые он произнёс в самом начале нашего знакомства: «Для меня, что разбить тарелку, что сломать шею — одно и то же. Осколки фарфора или изуродованный труп... я не вижу никакой разницы». Тогда, я была в ужасе от этих слов. Теперь же, я вела себя точно так же. Ничего не ощущала. Будь передо мной сейчас осколки посуды, я бы чувствовала, точь-в-точь, то же самое.

Ещё через несколько секунд останки Анхеля обратились в груды серого пепла. Только кровь на моей одежде и теле могла подтвердить, что падший ангел, на самом деле, существовал.

«Интересно, а почему кровь также не исчезает? — задумчивым взглядом окинула я свои испачканные руки. — Должна, по идее...».

Ренэтус, подошедший ко мне, нерешительно гавкнул, словно, привлекая моё внимание.

— Ну, что? Не можешь мне телепатически объяснить, что о тебе говорил Анхель? — поинтересовалась я у адской гончей, погладив её по голове. — Что же он в тебе любопытного-то увидел? — в ответ, Ренэтус, лишь, вильнул хвостом. — Впрочем, не важно. Пока, по крайней мере. Пошли отсюда.

Взяв косу, которая, судя по ощущениям, была сытой и довольной, поудобнее, я пошла из зала. Ренэтус последовал за мной. Но, уже на выходе, что-то заставило меня обернуться... Я обернулась и посмотрела на то место, где лежал пепел — всё, что осталось от Анхеля. На том месте стояла красивая девушка, в простом белом платье. «Откуда она здесь взялась?» — удивилась я. А девушка присела на корточки, взяла в ладонь горсть пепла... посмотрела на меня...

— Спасибо, что исполнила его желание, — тихим голосом, не громче шелеста листьев, произнесла она. — Он достаточно выстрадал за свою жизнь. Я его прощаю.

— Ты...

— Шисуна. И ты была права — проклятье кукловодов и марионеток исчезло вместе с ним. Больше никогда люди со сверх способностями не будут связаны друг с другом против своей воли. Эта история закончилась навсегда.

Сразу, после этих слов, девушка исчезла, как будто её и не было.

Глава 46.

«Что это сейчас было? Человеческая душа? Душа Шисуны? Невозможно! Не в мире демонов!». Но, но ответить на все эти вопросы было некому. Похоже, что эта загадка — появление Шисуны в Аду — так и останется неразгаданной.

— Госпожа Милена, — в зале появился Драйк, мельком взглянул на пепел, усмехнулся и продолжил. — К вам пришёл ваш отец.

— Отец?

Я, сразу же, забыла и об Адалиссе и о Шисуне. В мыслях остался только отец. В отличие от павшего, он вызывал во мне эмоции... И это было плохо. Хотелось побежать к нему, броситься на шею, как маленькой девочке. Но, потеплевший, всего лишь, от одних фантазий, ошейник, словно, вылил на меня ушат холодной воды. Приказ Люцифера, как стена, вырос между мной и моим отцом.

«И что я теперь могу ему сказать? Ничего. Ничего, кроме того, что приказал Люцифер».

Осознав, что разговор мне предстоял тяжёлый неприятный, можно сказать, грязный, с подачи повелителя Ада... я решила, что проведу его не здесь, а в мире драконов. В мире драконов сейчас находился Самаэль. С ангелом смерти я, всё равно, собиралась поговорить о Ренэтусе и Кэтэрине. И, кроме того, нахождение Самаэля рядом действовало на меня как-то успокаивающе. Возможно из-за того случая, когда плакала у него на руках. Я хотела, чтобы он был рядом со мной, после разговора с отцом.

— Скажи моему отцу, что я буду ждать его в мире драконов, — приказала я слуге.

— Здравствуй, отец, — с прохладцей в голосе, поприветствовала я своего отца — Савариса Кавэлли.

Встретиться с отцом я решила в рабочем кабинете Ферокса. Не слишком формально (не зал, всё-таки), но и не слишком по личному, по семейному. Выбором места, сразу же, поставила, своего рода, границу между нами. Как бы тяжело при этом не было...

— Здравствуй, Милена, — отец улыбнулся и сделал по направлению ко мне.

— Стой! — остановила я его резким окриком. — Не приближайся ко мне. Того расстояния, на котором ты от меня сейчас, вполне, достаточно для разговора.

— Но... почему, Милена? Почему ты не хочешь, чтобы я подходил к тебе?

— А ты не догадываешься? — я смогла изобразить усмешку. — Ты изгнанник, пусть и прощённый. Показать тебе — на каком месте ты сейчас в иерархии нашей чудесной семьи? Ты ниже моего ерата. Ты даже ниже моего нового питомца — Ренэтуса! И ты думаешь, что я позволю тебе подойти ко мне или даже дотронуться? Ко мне — главе Кавэлли, правительнице Зиградена и повелительнице мира драконов? Нет! Я не опущусь до такого! Я не стану позорить себя этим!

— Милена, что с тобой такое?! — демон был явно поражён моим поведением. — Я думал, что ты так сильно хочешь меня увидеть... Что ты...

— Ты ошибался. Я не хотела тебя видеть. Точнее, хотела, но... вовсе, не для нежных отношений между доченькой и папой.

— А для чего тогда?

— Ты мне нужен, как предыдущий глава. Вот и всё. Мне нужен твой опыт в управлении. Ты же согласишься быть моим наставником, отец? Потому что, если — нет, то... ты будешь для меня бесполезен, и я попрошу повелителя, снова, изгнать тебя из мира демонов. И, в этот раз, уже навсегда. Так, ты согласен помочь мне?

— Конечно. Но, всё-таки... Милена... Что с тобой произошло, что ты так резко изменила своё отношение ко мне? Я не понимаю...

— Со мной ничего не произошло. Просто я поняла истинное положение вещей. А онс таково: я — глава Кавэлли, а ты — изгнанник, которого вернули, практически, из жалости. О каких отношениях — отец-дочь — здесь может идти речь? Ты достоин, лишь, презрения, отец, но... ты можешь быть полезен и поэтому ты здесь.

— И как давно ты пришла к такому выводу?

— Недавно, — как можно более равнодушно, ответила я. — Раз ты согласен мне помогать, то может, закончим на сегодня или ты ещё что-то хотел?

Кажется, во мне погибла замечательная актриса. То, что я говорила и то, что я чувствовала... никак не совпадало. Мне было тяжело... Мне было больно!.. А я всё твердила себе две фразы, как заклинание, снова и снова: «Отец — это, всего лишь, сон! Иллюзия из прошлого!». Отец... отношения между отцом и дочерью... возможность кому-то доверять... Всё это — иллюзия и всё это должно было остаться в прошлом. Все эти мечты, надежды... Всё должно исчезнуть без всякого следа. В угоду Люциферу...

— Не помню, чтобы давал разрешение на использование своего кабинета для семейных встреч!

Хозяин кабинета — Ферокс — явно был недоволен присутствием меня и моего отца здесь. А может, что более вероятно, он был недоволен только присутствием моего отца.

— Прости, Ферокс. Мне нужно было где-то встретиться с Саварисом Кавэлли.

— И ты не нашла лучшего места?

— Не сердись, — я подошла к дракону, коснулась его руки. — Он сейчас уйдёт. И я тоже, если хочешь.

— Нет, не хочу, — он взял меня за плечи, наклонился, зарылся носом в мои волосы и проговорил мне на ухо. — Твой отец... он пахнет, как соперник, котёнок.

— Что? О чём ты? — удивлённо посмотрела я на него.

— Я знаю, что у демонов инцест в порядке вещей. И, видимо, твой отец придерживается того же, несмотря на кровь драконов в нём. Он желает тебя... и меня это выводит из себя! Если он, через секунду, не уберётся, то ты лишишься отца, котёнок.

— Господин Ферокс, вы ошибаетесь! Я...

— Заткнись! — прорычал Ферокс, собственническим жестом прижав меня к себе. — Мне плевать, с кем моя жена спит в мире демонов. Хоть с родственниками, хоть нет. Я знаю, что ей не позволят иметь дело с кем-то, ниже Верховного демона. И мне этого достаточно. Но здесь... в мире драконов право на неё имею только я и её эррильзар. Ты... изгнанный, до недавнего времени, даже из своего родного мира... чьё положение сейчас ниже шавки... Такой, как ты, даже смотреть на неё не имеет права! А ты... ты ещё смеешь хотеть её?!

Я, вообще, не понимала, о чём идёт речь. Мой отец не мог хотеть того, что имел в виду Ферокс. Никак не мог! Мой отец, конечно, демон, но он не относился ко мне иначе, чем к своей дочери. Ферокс ошибался. Или он просто, искал способ вышвырнуть моего отца, как можно, быстрее? В любом случае, правдой это быть не могло.

— Позволь мне, Ферокс, избавить тебя от общества этого демона. Я покажу ему, где

здесь выход, — предложил Самаэль.

— А ты здесь откуда?! — поразилась я.

— Позволяю, — ответил ангелу смерти Ферокс. — Покажи ему выход. Так, чтобы он навсегда запомнил, где он. А где вход — забыл.

— Ферокс, — попыталась я вмешаться. — Зачем...

— Я тебя понял, Ферокс, — произнёс Самаэль. — Я думаю, наши желания совпадают.

— Самаэль... — я была совершенно сбита с толку из-за происходящего и вопросов, ответов на которые у меня не было.

А Саварис больше перечить не стал. Он, покорно, пошёл вслед за Самаэлем.

— Самаэль, подожди!..

— Не лезь! — приказал дракон. — Пусть убирается.

— Но то, что ты сказал про моего отца — это полный бред! Если ты хотел, чтобы он ушёл, то просто бы так и сказал. Зачем надо было... — на этом я запнулась, не зная, что сказать, так как слово «выдумывать» произносить было как-то боязно.

— Ну, продолжай, котёнок, — ласково проговорил мужчина. — Зачем надо было «что»?

— Зачем... Чёрт, да ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать!

— Знаю, но хочу услышать.

— Ты... ты солгал. Если ты так не хотел, чтобы мой отец ещё когда-либо здесь появлялся, то мог придумать что-то поправдоподобнее, чем то, что он хотел меня!

— Значит, считаешь, что я солгал? Интересно, ты такая наивная или просто такая дура? Думаешь, мне заняться больше нечем, кроме того, чтобы что-то выдумывать о твоём отце? Поверь мне, котёнок, у твоего папочки к тебе далеко не родственные чувства. Вместо разговоров, он бы, с куда большим удовольствием, поймел бы тебя.

— Я не верю.

— Как хочешь. Но, ноги его в моём мире не будет. Увижу — убью тут же.

Я хотела возразить, но... в этот момент моё тело предало меня. Слишком близко я была к Фероксу, чтобы кровь драконов не взбунтовалась.

— Отпусти меня, — попросила я, когда поняла, что теряю контроль над собой.

— И не подумаю, котёнок. Мне нужен наследник. Пока ты не забеременеешь от меня, я буду овладевать тобой столько раз, сколько потребуется. И не делай вид, что тебе это не нравится.

— Это всё кровь... Это всё эта проклятая кровь, — сказала я, уже сама не сильно веря в то, что я желала выдать за действительность.

— Даже если и так... Благодаря ей, тебе со мной очень даже хорошо. И, кстати... с Люцифером или Асмодеем тебе никакая кровь не помогала. Мой дорогой котёнок, вполне, осознанно наслаждался и, думаю, получил с ними не один оргазм. Разве, не так?

— Ещё чуть-чуть и я подумаю, что ты ревнуешь.

— Не надейся, — с усмешкой сказал Ферокс. — За ревностью обращай к своему эррильзару, а не ко мне. И разговоры мне уже надоели.

И уже не сбежать. И не спрятаться. А хочу ли я этого? Нет. Не хочу. Зато, я хочу его. Я хочу его так сильно, что мне плевать, что мы снова займёмся этим в кабинете. Мне уже плевать — кровь виновата в моём желании или что-то ещё. Я уже забыла и об отце и о Самаэле. Мною сейчас двигало только одно желание — отдаться Фероксу. Так близко, горячо, страстно!.. Без остатка. А все дела... вполне, могут подождать.

— Я не знал, что вы, господин Самаэль, стали эррильзаром моей дочери, — произнёс Саварис, идя за ангелом смерти. — Зачем вам это? Пусть вас и изгнали, но вы, всё же, Верховный демон. Я бы понял, если бы вы были Высшим — тогда связь с моей дочерью дала бы вам привилегии и, практически, вернула бы вам всё, чего вы лишились в изгнании. Но... вам этого не нужно. Верховный демон — это абсолютная сила. Вам не требуется признание, уважение... Стоит вам только захотеть и у вас будет всё. Думаю, захоти вы вернуться в Преисподнюю, вам бы и препятствовать никто не стал. Так, зачем вам моя дочь?

— А ты, ведь, действительно, жаждешь её, Саварис, — проигнорировав всё, что сказал Высший демон, проговорил Самаэль.

— С чего вы взяли? Из-за слов повелителя драконов?

— Нет. Я просто знаю, чего ты хочешь. И даже знаю — кого ты хочешь. Адалисса, верно? Тебе нужна она, а не Милена.

— Откуда вы... — но Кавэлли не успел задать вопрос — он рухнул на пол и застонал от невыносимой, даже по меркам демонов, боли.

— Меня называют распорядителем смерти, — спокойно продолжал Самаэль. — Из-за того, что я обладаю абсолютной властью над человеком в конце его жизни. Но, мало кто знает, что это относится не только к смертным, но и к демонам, вплоть до Высших. Я могу сделать твою смерть любой, Саварис. Я могу сделать её настолько мучительной, что ты будешь умолять меня отправить тебя к Велиару, лишь бы избавиться от страданий. Но, твои мольбы не помогут. Я буду убивать тебя днями, неделями, месяцами... Убивать, пока это выдерживает твой разум. А у нас, у демонов, сам знаешь, психика и разум крепкие. Нужно очень постараться, чтобы их сломать. Но, рано или поздно, я смогу это сделать.

— Чего вы хотите? — прохрипел Саварис, кашляя собственной кровью.

— Ты не нужен Милене. С управлением она, прекрасно, справится и без тебя. Как и сказал повелитель драконов, вход в этот мир ты забудешь навсегда. А в Зиградене будешь вести себя настолько незаметно, чтобы твоя дочь даже о твоём собственном существовании забыла.

— Но, она просила меня о помощи...

— Ей помогут и без тебя. Желających для этого много. В конце концов, она часто общается с двумя повелителями целых миров. Таких наставников в управлении ей будет более чем достаточно.

— Ни Ферокс, ни Люцифер не станут... не станут ей помогать...

— Напрямую, конечно. Но, одно только наблюдение за ними даст Милене очень многое. Общаясь с ними, видя, как они себя ведут, как держат... Она, всё равно, непроизвольно неосознанно будет много перенимать у них, брать их манеру поведения. И, разумеется, будет выстраивать свою собственную модель управления. Она справится без тебя.

— Милена... — преодолевая боль, говорил Саварис. — Милена сказала, что если я не стану ей помогать, она попросит повелителя Преисподней, снова, изгнать меня... Я же... я тогда не смогу быть рядом с ней! Вы с Люцифером... похоже, вы делаете всё... всё, чтобы Милена оттолкнула меня.

— У нас с Люцифером разные мотивы, но цель одна. Тебе не быть рядом с Миленой. Если она решит, из-за твоего отказа, вернуть тебя в изгнание, то так тому и быть.

— Господин Самаэль!..

— Ты не её отец, Саварис! Ты не ведёшь себя, как отец! Отец, которого Милена хотела

видеть рядом; которому хотела довериться... Ты хочешь её, как женщину. Ты хочешь владеть ею. Хочешь быть внутри неё. Хочешь ощутить её тепло, — на этих словах в глазах Самаэля полыхнула ярость. — Оставшись рядом с ней ты, всё равно, рано или поздно, не сдержишься. А для Милены это станет очередным ударом. А я хочу оградить её, по возможности, от любых страданий. Ты мне в этом мешаешь. Я хочу, чтобы ты исчез из её жизни. Если и не физически (если Милена позволит тебе остаться в Зиградене), то, так сказать, морально. Я хочу, чтобы Милена никогда не узнала о твоих желаниях в отношении неё. Пусть для неё ты останешься любящим папой. И пусть Милена продолжает верить в сказку о запретной любви своей матери и демона. Я позволю остаться ей наивной в этом плане.

— Господин Самаэль... Что вам известно о матери Милены?! — несмотря на то, что голос Савариса был искажён болью, он не смог скрыть удивление и страх.

— То, что неизвестно Милене. Что не было у тебя никогда никакой любви к этой смертной женщине. Ты просто использовал её. Как, в общем-то, и я... — последнюю фразу Самаэль, словно, сказал, лишь, себе самому.

— Откуда вы...

— Не имеет значения, откуда я это знаю. Значение имеет только то, что ты умрёшь сразу же, стоит тебе, лишь, заикнуться о чём-то, что может расстроить Милену. И ещё одно. Милена же не догадывается, кто, на самом деле, нанёс смертельную рану Кайоме Макфею после того, как повелитель драконов просто оставил его умирать?

— Вы знаете...

— Разумеется. Я же ангел смерти. Я знаю всё о гибели каждого смертного: как он умер, почему, кто виновен в его смерти... Абсолютно всё. И я знаю, что возлюбленного Милены убил не Ферокс, несмотря на то, что последний уверен в обратном. Интересно, что будет с Миленой, если она узнает, что её любимого убил её родной отец? Из-за банальной мужской ревности? Из-за того, что у этого человека было то, что ты так жаждал?

— Но, разве, вы не должны меня понять, господин Самаэль?! Этот человек... Какой-то жалкий смертный!.. Он не имел никакого права прикасаться к ней! Такой, как он... Такой, как он, рядом с ней... Непозволительно! — глаза Савариса стали совсем безумными.

— Я должен тебя понять? С чего бы это? Милена выбрала его. Она любила его. Остальное не имеет значения. От тебя было бы очень просто избавиться, узнай Милена обо всём, но...

— Но... вы же не скажете ей об этом?

— Не скажу. Ради неё самой.

— Почему... зачем вы так заботитесь о ней, господин Самаэль?

— Я люблю её. В отличие от тебя.

— Я тоже...

— Ты любишь Адалиссу, а не Милену. А мне на Адалиссу наплевать.

— Если... если вы знаете об Адалиссе, то вы должны знать, что Милена забыла о ней.

— Да, знаю.

— Почему? Почему это произошло?

— Тебя это не касается, Саварис.

— Адалисса... она больше не вернётся?

Секунда — и Саварису кажется, что ему выворачивают все внутренности. Вторая — и он, словно, горит в огне Преисподней. Третья — и ему бы не позавидовали те, кто умер от самых страшных пыток инквизиции. Четвёртая — боль настолько ослепляет Высшего

демона, что он больше ничего не может сделать, кроме того, как кричать. И за всем этим спокойно наблюдал ангел смерти.

— Ещё раз упомянешь при мне Адалиссу, ты не доживёшь до следующей встречи с Миленой, чтобы сказать ей, что отказываешься ей помогать. Я не испытываю ненависти к Адалиссе. В конце концов, благодаря ей я повстречал Милену. Но... это жизнь Милены, а не её. Поэтому, ни упоминания, ни влияния Чёрной богини на её жизнь я не потерплю. Я пресеку любые возможные попытки сделать это. Ты меня понял, Саварис?

Самаэлю не понадобилось ни каких-либо жестов, ни заклинаний. Просто то, что буквально, рвало болью Савариса Кавэлли на части, исчезло в один миг. И он, наконец, смог подняться.

— Да, я вас понял, господин Самаэль.

— И то, что я тебе говорил до этого, ты тоже уяснил, надеюсь?

— Да. Я сделаю всё, чтобы Милену видела меня, как можно реже, если я останусь в Зиградене. Я не буду пытаться общаться с ней, как-то сблизиться. Я...

— Достаточно. Я рад, что ты меня понял. А теперь, убирайся из этого мира раз и навсегда.

Перед Саварисом засветилась дверь портала. Но, стоило Высшему демону сделать шаг, как по коридору дворца прокатилась силовая волна. Невидимый всплеск, который способны ощутить только истинные существа силы. Такие как Высшие и Верховные демоны.

— Что это?! Что происходит?! — ошарашенно спросил Саварис, пораженный этой неведомой энергией, от мощи которой ему захотелось вжаться в стену.

— Ферокс совсем не сдерживает свою силу, — прислушиваясь к звенящему потоку мощи, ответил Самаэль. — Он потерял над собой всякий контроль. Что и не удивительно, с учётом того, что он сейчас делает с Миленой.

— О чём вы, господин Самаэль?!

— Не строй из себя идиота, Саварис, — усмехнулся Самаэль. — Ты понял, о чём я. В данный момент Ферокс овладевает твоей дочерью. Снова и снова, раз за разом, он делает то, о чём ты можешь только мечтать. И судя по тому, что Ферокс и не думает брать свою силу под контроль, секс с Миленой, по истине, хорош.

— Вы же говорили, что любите Милену, господин Самаэль!

— Да, я её люблю.

— Тогда, как вы можете говорить так спокойно о том, что ею сейчас овладевает другой мужчина?! — Саварис с такой силой сжал кулаки, что у него побелели костяшки пальцев.

— Ферокс — её муж, а я, всего лишь, эррильзар, которым я стал по позволению Ферокса.

— Это не объясняет вашего спокойствия!

— Я знаю, что Милене хорошо с ним (не важно, в чём причина — кровь или ещё что-то). Милену наслаждается этим. И мне этого достаточно. Я не собираюсь ревновать её к тому, от кого она будет носить ребёнка. И я, также, не собираюсь беситься из-за её связи с Люцифером или ещё кем-то из Верховных демонов. Если Милене с ними хорошо.

— Значит, даёте ей полную свободу?!

— Даю свободу? Кто я такой, чтобы давать или не давать ей свободу? Это могут сделать только Люцифер или Ферокс. А ты... ты сейчас в такой ярости, как будто с повелителем драконов спит не твоя дочь, а твоя женщина! Ты... ты раздражаешь. Твоё жалкое поведение... Твои отвратительные чувства к Милене... — взгляд Самаэля потемнел, губы

скривились в гримасе отвращения. — Убирайся, пока я не передумал отставлять тебя в живых!

— Знаете, господин Самаэль, а вы думаете, что чем-то отличаетесь от меня? — дерзнул, всё-таки, спросить Саварис. — Вы, ведь, такой же, как я...

— Думаешь? Пусть так (хотя это и полный бред), но между нами есть одно существенное отличие.

— И какое же?

— В отличие от тебя, я получу её, рано или поздно. Рано или поздно, она будет со мной в постели. А тебе остаются, лишь, фантазии. Вот в чём разница, Саварис.

Глава 47.

Вкус крови дракона — это не то, что можно описать словами. Точнее, не её вкус, а то ощущение, что она даёт. Вкус-то, как раз-таки, обычный, но... Сила, магия... Ты, словно, пьёшь жидкий огонь, который течёт по твоим венам, давая тебе ощущение эйфории.

«Но, ведь, в прошлый раз, подобной реакции не было, — вспомнила я. — Не было тогда ничего такого... Исцеляюще она тогда подействовала, но никакого удовольствия её употребление не вызвало. А сегодня... Только не говорите мне, что я становлюсь зависимой от его крови! Нет, это не так... Я же и кровь Люцифера пила и Асмодея... И ни от кого из них зависимой не стала. Так почему... Что сейчас-то происходит?!».

Ситуация меня напугала. Особенно тем, что когда я, осознав, что происходит что-то не то, захотела прервать потребление «кровавого напитка», я... не смогла этого сделать. Не потому, что мне препятствовал Ферокс. Я сама не смогла себя остановить. Пока была возможность... пока я ощущала её вкус и силу... Я не могла остановиться.

— Что-то мой котёнок слишком увлёкся, — услышала я голос Ферокса. — Прекращай.

Я не знаю, смогла бы я просто взять и последовать его словам, но... в дело вмешались «оковы не воли», заставляющие меня подчиниться.

С неподдельным наслаждением, я облизнула свои губы:

— Твоя кровь такая вкусная!

— Снова сходишь с ума?

— Скорее всего.

Я не могла даже самой себе объяснить свою внезапную жажду крови дракона. Да, был, совсем недавно, похожий случай с кровью Аббадона, но тогда моей личностью правил демон. Демон просто наслаждался. Но, сейчас я была самой собой. Так, в чём же дело?

— Ферокс, ты не будешь против, если я тебя покину? Хочу в свой город.

Я помнила, что хотела поговорить с Самаэлем о Кэтэрин. И о Ренэтусе. Да и о своём отце — тоже. Но, ждать его возвращения мне не хотелось. Хотелось в Зиграден. Похорошему, мне надо было сегодня идти к Астароту, за кольцом, но... Я слишком устала. Не физически (спасибо крови Ферокса), а, наверное, психологически. В этот день я больше никого видеть не хотела. Разумеется, за исключением Блэка, Лекса и Рейфа. От этой троицы, всё равно, деваться было некуда.

Ферокс возражать не стал и я, уже через минуту, была у себя, в Зиградене.

— Милена-а, — протянул Рейф. — Я хочу крови! Вспомни, как давно ты мне давала её в последний раз!

— Отстань, — ответила я ему. — Я не в настроении.

— Тебе же это ничего не стоит! Милена-а!.. — он выпрашивал кровь, как ребёнок просит у матери конфету.

Только вот у детей, при этом, не полыхает в эмоциях такое красочное безумие. Да, именно красочное. Я не могла подобрать другого слова для описания того, что я почувствовала в эмоциях Рейфа. Это даже на жажду не было похоже. Что-то большее... Что-то более сильное, сумасшедшее!.. И мне, неожиданно, так понравились эти чувства! Захотелось самой ощутить их, искупаться в них!

Я потянулась к Рейфу, к его эмоциям... Видимо, ощутив перемену моего настроения, мужчина рывком притянул меня к себе, повалил нас обоих на кровать, прижал своим весом...

— Милена, ты теряешь над собой контроль, — услышала я голос Лекса.

— Заткнись! — вместо меня ответил Рейф, посмотрев на убийцу бешеным взглядом.

Мне не понравилось то, что гипнотизёр отвлекся от меня. Я подняла руки, схватила его за волосы, дёргая за них, заставляя смотреть на меня.

— Хотя, возможно, тебе это необходимо, — закончил Мейснер свою мысль.

Но, я его уже не слушала. Рейф, с силой, вцепился зубами в мою шею, вгрызаясь в неё, как можно глубже. Острая боль... Почти слепящие безумные эмоции... Ощущение собственной горячей крови на теле... Это сводило с ума! Чувствуя, как Рейф, буквально, трётся об меня... как сильно он возбуждён... Я хотела... хотела, чтобы он совсем перестал себя сдерживать! Уничтожить границы дозволенного... Перейти грань... И не думать ни о чём! Отдаться этому дикому безумному зверю без остатка!

— Отпусти меня! — приказала я и, услышав недовольное рычание, закончила. — На секунду.

Рейф, с видимой неохотой, разжал зубы, чуть отстранился от меня... Его безумные бирюзовые глаза смотрели яростно и зло. Его зубы и рот были перепачканы моей кровью. Выглядел он, до жути, дико и это... меня завораживало.

Я потянулась к ремню брюк Рейфа. Злость мужчины, сначала, сменилась интересом на мои действия. А затем, когда я растянула ремень и стала стаскивать с него, по моему мнению, совершенно лишнюю деталь гардероба, его губы растянулись в довольной и предвкушающей ухмылке.

Когда я избавила мужчину от одежды, Рейф сделал то же самое с моей. Хотя, в отличие от меня, он был менее аккуратен. Но, меня порванная одежда волновала мало. Я хотела, чтобы Рейф делал всё, что захочет! Чтобы у него не было ограничений! И чтобы я тоже... потеряла контроль. Потеряла контроль в мире, где сделать это, практически, невозможно. Где постоянно приходится обдумывать каждый шаг, каждое действие, каждое слово... Я хотела, хоть на мгновение, забыть обо всём этом!

Рейф, вновь, вцепился в рану на шее. И он, вновь, навалился на меня. Его руки блуждали по моему телу, гладили, ласкали... А в следующий миг, эти же руки сдавили моё тело, словно, тисками, ногти разодрали тонкую кожу... Мне бы вопить в голос и отбиваться, а я только теснее прижалась к нему, желая большего. Контроль был утерян...

Безумие, похоть и какая-то неуправляемая ярость!.. Эти ощущения полностью поглотили меня. «Больнее! Больше! Сильнее!» — бились в моей голове сумасшедшие мысли. Рейф их, как будто, слышал. Его рычание, ногти и зубы, рвущие кожи... Сумасшедший необузданный грубый секс... Всё это... заставляло меня кричать от наслаждения! Я полностью слилась с эмоциями своего рыжего гипнотизёра. Я чувствовала то же, что и он. Восторг, экстаз, почти животное похотливое желание!.. Я целовала Рейфа, пробуя на вкус свою собственную кровь. И я... я была уверена, что всё то, что происходит, совершенно правильно. Мне это нравилось. Эмоции, эмоции, эмоции... Похоть, боль, удовольствие, безумие... Похоже, я просто стала зависима от всего этого. Не от чьей-то крови, а именно от этого. Зависимость от того, что давало мне забыться...

— Милена, — через пелену всех этих чувств, пробился голос Лекса. — Твои эмоции сейчас такие яркие... Не поделишься со мной этой яркостью и своим жаром?

Я повернула голову на голос Мейснера. Оказалось, что он был совсем рядом со мной. Так близко, что я смогла бы коснуться его рукой. И Лекс сделал ещё один шаг в мою сторону, сокращая расстояние между нами до минимума. На эти его действия, Рейф, остановившись, оскалился.

— Бешеный пёс, — усмехаясь, сказал Лекс. — Не пытайся распоряжаться тем, что тебе не принадлежит. А ты, Милена... Такая жестокая, — рука киллера погладила меня по щеке. — Похоть, желание... Ты показываешь мне это, возбуждаешь, но... вместе с тем, оставляешь наблюдателем. Думаешь, правильно поступаешь?

Я его почти не слушала. Мне было плевать на всё то, что он говорил. Важным было лишь то, что я видела перед собой того, кого, действительно, не хотела оставлять в стороне. От этого мужчины веяло опасностью, а опасность для меня была синонимом желания. И противиться этому желанию я не собиралась, несмотря на то, что я ощутила напряжённость Рейфа, его агрессию, направленную на Лекса... Плевать мне на это было.

— Если не хочешь участия Лекса, то пошёл вон отсюда, — единственное, что я сказала гипнотизёру.

— Прогонишь меня из-за него? Если ты это сделаешь, то твои чувства могут угаснуть. Ведь, я являюсь их источником.

Являешься, но... мой милый Рейф, — я слизнула с его подбородка несколько капель своей крови и улыбнулась. — Ты прекрасно знаешь, что твоими эмоциями я могу пользоваться теперь и тогда, когда ты от меня далеко.

— Стерва! — со смехом произнёс Рейф.

— Неа, только учусь.

Рейф не ушёл — остался. Я в этом и не сомневалась, когда предлагала ему уйти. Он не уйдёт добровольно отсюда, где есть моя кровь и секс. Даже если это надо с кем-то делить. А я... я наслаждалась ими обоими. Не думая, не анализируя... Отдавалась полностью, лишь бы, забыть...

Эти чувства были, как огонь, в котором я горела. Как пожар, который охватывал меня с головы до ног. Пожар, который хотелось сделать только больше. Чтобы гореть, гореть, гореть!.. Гореть и уничтожить всё, что могло расстраивать, беспокоить!.. Чтобы наслаждаться...

Когда безумие отступило и когда я, вся исцарапанная и довольная, лежала между двумя своими любовниками, я, внезапно, обратила внимание на... простыни. Чёрные, шёлковые...

— На них не видно крови, — озвучила я увиденное.

— Ты о чём? — Лекс повернул ко мне голову.

— О простынях, — я села. — Чёрные. На них не видно пятен крови. Хочу заменить на белые.

— Белые простыни в мире демонов? Твои сородичи будут несколько... ошарашены твоим вкусом, — логика в словах киллера была, но...

— Всё равно, хочу белые простыни. Это же... так красиво, — я мечтательно улыбнулась. — Красная кровь на белом.

А через мгновение я ощутила, как безумие ушло совсем. И как ко мне возвращаются мои обычные опустошённость, огрызки моих эмоций... Мои страхи, вновь, занимали свои законные места.

Нет! Не хочу снова!.. Не хочу чувствовать всё это!..».

— Милена... Ты можешь просто уйти в моё безумие навсегда, — Рейф, как всегда,

чувствовал меня лучше кого бы то ни было — слова ему были не нужны.

Я посмотрела в его глаза... Предложение было заманчивым. Навсегда сойти с ума... Не болтаться посередине — между здравым рассудком и сумасшествием... Не вспоминать прошлое... Не жалеть о нём... Жить, лишь, наслаждением. Да, всё это, на самом деле, было заманчивым, но... я не могла этого сделать. Там, где чистое безумие, нет места логике и здравому смыслу, а мне они были нужны, хоть, иногда. Ведь, как ни крути, здорово, время от времени, полностью сходить с ума, но я, всё же, правительница — хочу я этого или нет. А полностью съехавший с катушек правитель... мало кому нужен. В конце концов, даже та личность, которой я теперь становилась периодически, не безумна. Она просто ведёт себя, как чистокровный демон.

— Пожалуй, я откажусь от твоего предложения, Рейф, несмотря на то, что оно мне нравится.

— Очень жаль.

А я задумалась о том, что эту, сжирающую меня, пустоту надо чем-то заполнить. Чем-то, кроме безумия Рейфа. Чем-то, что может меня отвлечь... Глазами я пробежала по комнате, надеясь, что взгляд на чём-то остановится. Он остановился. На косе. Даже не беря её в руки, я чувствовала её жажду убийства. Она жаждала... жаждала крови и смертей.

— А, ведь, я давно свою семейку не видела, — задумчиво произнесла я. — С тех пор, как из Светлого леса вернулась, оставив Киерана следить за своими родственниками. Надо бы это исправить...

Не став ничего больше объяснять, я надела на голое тело первое же попавшееся платье и вызвала Драйка:

— Вызови в зал Киерана. А затем, сообщи моей семье, что я хочу её видеть, в полном составе, там же, через пять минут. Кого не будет, пусть пеняет на себя.

— Да, госпожа.

Когда я пришла в зал, Киеран уже ждал меня там.

— Во время моего отсутствия были какие-то проблемы? — спросила я его.

— Нет, госпожа, никаких, — ответил демон. — Точнее, те проблемы, которые начинали проявляться, я устранил.

— Да? И как звали эти «проблемы»? — поинтересовалась я. — Надеюсь, не Деланей? Бабуля мне, знаешь ли, дорога.

— Ваша почтеннейшая бабушка сама устранил, какую хотите, проблему и меня заодно, — Киеран заметно вздрогнул, видимо, вспомнив о чём-то. — А проблемы, от которых я избавился — это две ваши тётки — Замира и Тефта Кавэлли.

Я помнила эти имена, но не помнила внешности их хозяек.

— И в связи с чем?

— Эти двое захотели созвать семейный Совет, на котором был бы поставлен вопрос о том, чтобы отстранить вас от власти, мотивируя это тем, что вы не справляетесь со своими обязанностями.

— Да неужели? Глупые женщины! — буркнула я. — Кто бы их в этом поддержал? Мои братья и дядя и так долго ждали, когда я достигну совершеннолетия, чтобы посадить меня на этот чёртов трон!

— В их план и не входило ваше полное свержение, госпожа Милена. Я же сказал, что вас хотели просто отстранить. Формально, вы бы, всё равно, считались повелительницей.

— То есть, они хотели сделать то же самое, что и мои дядя с братьями в самом начале?

Просчитались они. Не только из-за тебя, Киеран, но ещё и из-за того, что самый старший член семьи по мужской линии — мой дядя Верде, их бы не поддержал. Нет, он меня не любит, но... Он поклялся признать меня, если я смогу заставить Ферокса отказаться от притязаний на Зиграден. И клятву он свою исполнил. Нарушать он бы её не стал ни в коем случае. А теперь, я хочу знать, что сотворила моя любимая бабуля Деланей.

— Ничего, госпожа.

— Врёшь своей госпоже, Киеран?! — злобно оскалилась я. — Не вздумай ещё раз это сделать, иначе, отправись вслед за «проблемами», которых ты устранил! Или ты думал, что я не замечу твоей реакции на имя Деланей?!

— Простите меня, госпожа! Я не думал, что это имеет какое-то значение! — Киеран упал на колени.

— Запомни, Киеран! Всё, что я спрашиваю, имеет значение! Я понимаю, что я тебе не нравлюсь, как и ты мне. Люцифер, когда, буквально, подарил тебя мне, подложил нам обоим огромную свинью. Но, прошлого уже не вернуть и ты — мой слуга навечно! По крайней мере, если будешь мне хорошо и честно служить. Если — нет, то... коса, которую ты для меня сделал, развалит твоё тело на две ровные половинки и ни одна регенерация тебе не поможет! Надеюсь, ты меня услышал. А теперь, рассказывай. Я, кстати, не позволяла тебе ещё подниматься! — заметила я, что мужчина собирается встать с колен.

— Прошу прощения, госпожа Милена, — Киеран, вновь, опустился на пол и продолжил. — Пока вас не было, госпожа Деланей, в принципе, решила все накопившиеся проблемы.

— Какие именно? — удивилась я (какие проблемы могли накопиться в течение нескольких дней?).

— Самые обыкновенные, госпожа. Встречи, документы, запросы... Она, ни в коем случае, не выходила за рамки своих полномочий, поэтому я и не вмешивался.

— А чего ты тогда так дёрнулся при её имени?

— Она, довольно, быстро и жёстко расправлялась с теми, кто, как она считала, выказывал недовольство новой повелительницей, то есть, вами, госпожа, — пояснил Киеран. — Очень жёстко.

«М-да, даже если демон считает кого-то жёстким, значит, моя бабуля, действительно, развлекалась по полной».

— Ладно, с Деланей разобрались. А сейчас, будет семейная встреча.

— Милена, — в зал зашёл мой дядя Верде. — Рад, что ты вернулась целой и невредимой из Светлого леса. Но, ещё больше я рад, что ты вернулась целой и невредимой из камер господина Велиара.

— Я тоже очень этому рада, дядя, — ответила я. — А мне тут Киеран кое-что уже успел рассказать. Я так поняла, что пока меня не было, тут мои любимые тётки чуть дворцовый переворот не устроили?

— Переворот — это сильно сказано. Совершили глупость, да и всё. Но, ты уверена, Милена, что с проблемами, в твоё отсутствие, надо разбираться именно таким способом? Действительно ли надо было давать полномочия своему слуге — убивать нас?

— Не старайся выглядеть идиотом, дядя! — фыркнула я. — Ты и сам прекрасно знаешь, что по-другому с вами не получится. Демоны понимают только силу и жестокость, и семья Кавэлли не исключение. Или, как ты хотел, чтобы я правила? Словами, уговорами и поощрениями? Тогда, у моих тёток точно был бы повод отстранить меня за то, что я со

своими обязанностями не справляюсь!

— Ты права, конечно, но такое решение от тебя... было неожиданным.

— Какое именно? То, что я разрешила Киерану убивать своих родственников, в случае чего? — любопытствовала я.

— Да.

— А по-моему, это было самым разумным и ожидаемым решением. А теперь, может, сядешь, дядюшка? — предложила я. — А то скоро вся наша дружная семья соберётся вместе.

После моих слов, действительно, стали «подтягиваться» остальные члены семьи Кавэлли.

— Рада вас всех видеть, мои дорогие родственники, — поприветствовала я всех. — К сожалению, как я знаю, не все дожили до моего возвращения. Ну, что ж... Тут уж ничего не поделаешь. Сами виноваты. У меня есть только один вопрос по этому поводу. Есть ли здесь, среди присутствующих те, кто поддерживал моих драгоценных тётушек?

Тишина стояла полная. В том, что поддерживали двух идиоток, признаваться никто не хотел.

— Неужели никому не понравилась их идея? — обвела я взглядом присутствующих. — Как-то не сильно мне в это верится. А ты что скажешь, Деланей?

Деланей посмотрела на меня очень внимательно, а, затем, ответила:

— Нет, Милена. Твоих тётушек, действительно, никто больше не поддержал. По крайней мере, насколько мне известно.

— Что ж, ладно. Тогда, переходим к следующему вопросу, — начала я. — Деланей, я знаю, что ты тут занималась всеми делами, пока меня не было. Да?

— Да, это так, — кивнула демонесса.

— Отлично. Тогда мне от тебя нужен будет отчёт по всему тому, что здесь происходило.

— Как скажешь, Милена.

— Госпожа Милена, — заговорила одна из женщин Кавэлли, имя которой я, признаюсь, не помнила. — Я думаю, мы все бы хотели услышать о том, что было в Светлом лесу. Слухов ходит много, а что было на самом деле...

— И какие же ходят слухи? — поинтересовалась я.

— Говорят, что вы убили короля светлых эльфов и его семью.

— Это не слухи. Это, действительно, так. Собственно, из-за этого, я и провела у господина Велиара целых три дня. Повелитель Люцифер решил, что я вышла за рамки его приказа, убив Темедэля и его семейку. Ещё какие-то вопросы?

— Не верю! Как какая-то полукровка могла убить эльфийского короля?! — не удержала себя в руках одна из моих родственниц (по-моему, она мне приходилась то ли двоюродной бабушкой, то ли троюродной...).

Первой моей мыслью было послать её... к повелителю. Чтобы она у него узнавала — правда это или нет. Но, затем, мне пришла в голову другая идея.

Я взяла в руки свою косу. Как только я это сделала, меня обдало волной жажды убийства.

— Что это? — вопрос, заданный напряжённым голосом, поступил от той самой моей дальней родственницы.

Да, не все знали о том, что я обзавелась своим собственным демоническим оружием. А точнее, знал об этом только дядя, который, как-то раз, пришёл ко мне тогда, когда я тренировалась со своей косой.

— Что это? — переспросила я. — Это — Проклятье Света, моё оружие. И оно сейчас очень голодное. А мне его надо кормить. Ты! — ткнула я в свою, то ли двоюродную, то ли троюродную бабушку. — Подойди ко мне!

— Зачем?

— Я что, ещё и объяснять тебе что-то должна?! — разозлилась я. — Подойди!

В зале наступила гробовая тишина. Все ждали дальнейшего развития событий. Женщина неуверенно встала, огляделась на присутствующих, словно, ища поддержку... Но, все продолжали молчать — помогать ей никто не собирался и ввязываться в это тоже.

Даже если вы из одной семьи — это, вообще, не означает любовь и поддержку. Это, вообще, ничего не означает. Здесь тебе никто не поможет, кроме тебя самой. Вот такой он... мир демонов.

Поняв, что поддержки от семьи ей ждать не приходится, женщина, всё-таки, подошла ко мне.

— Так, ты не веришь в то, что я могла убить эльфийского короля, верно? — начала я и, когда демонесса кивнула, продолжила. — То есть, получается, что ты не веришь словам своей собственной главы. Так?

Демонесса не ответила. Это взбесило меня ещё сильнее.

«Как она смеет не отвечать на прямо заданный вопрос?! Кем она себя возомнила, чтобы не подчиняться мне?!».

— Ладно, не хочешь отвечать — не надо, — сквозь зубы произнесла я, почти не ощутив знакомого укола холода в груди. — Я, на твоём примере, покажу, как закончил свои дни Темедэль! Думаю, после этого, неверующих не останется!

Один взмах косой и голова женщины отделена от тела. Обезглавленное туловище, мешком, падает на пол, а голова укатывается под ноги Верде, который, с видимой брезгливостью, отталкивает её от себя ногой. А ещё через какое-то мгновение, тело и голова превращается в пыль.

С недовольством заметив, что кровь попала на платье, я обратилась к присутствующим:

— Надеюсь, больше ни у кого не осталось сомнений по поводу того, что и слухи, и я говорим правду? Если же, всё-таки, сомнения у кого-то есть, я готова их выслушать. Ну?

Сомнений ни у кого не нашлось.

— Отлично. Раз по поводу Светлого леса всё разрешилось, будет ещё кое-что. Я хочу, чтобы вы все принесли мне одну клятву, — объявила я. — Думаю, никто не будет возражать.

— Я давал тебе клятву верности в день твоего официального принятия власти, — ответил Верде. — Не вижу смысла давать её ещё раз.

— А кто сказал, что я говорю о клятве верности? — искренне удивилась я. — Речь, вообще, не о ней.

— А о чём же тогда?

— Я хочу, чтобы каждый из присутствующих, поклялся именем Чёрной богини, что у него нет сомнений в моём праве — править Зиграденом. Что у него нет сомнений ни в моей силе, ни в моей компетентности. Итак, я жду.

Лица демонов посетило недоумение.

— Зачем тебе это? — задал интересующий всех вопрос Элендар.

— Хочется, — коротко ответила я. — А что? Вам так сложно дать эту клятву?

Я знала, что под этой клятвой солгать никто не сможет. Если будет, хоть малейшая, неуверенность в собственных словах, магия клятвы тебя убьёт. Чёрная богиня не прощает

тех, кто клянётся её именем и лжёт при этом.

— А если я откажусь давать эту клятву? — спросила меня одна из родственниц.

— Откажись, — легко согласилась я. — И тогда, посмотрим, что будет.

Демонесса заметно нервничала. С одной стороны, она явно была во мне не уверена, а с другой... она не знала, к чему приведёт её отказ. Хотя, при ложной клятве, её ждала смерть.

— Я отказываюсь, — наконец, приняла она решение. — Я не буду давать эту клятву.

— Да? Какая жалость, — я улыбнулась — улыбка была доброжелательной и мягкой. — Тогда... иди сюда.

Глава 48.

Демонесса подошла ко мне. Я нутром чувствовала, что она меня боится. Несмотря на то, что я, по сути, демон, лишённый магии. По логике Преисподней, считай, калека. То, чем могу пользоваться, всего лишь, «контроль крови» и коса. И, тем не менее, я чувствовала страх. Наверное, его источником было убийство моей троюродной бабушки. И не зря... Как только демонесса подошла ко мне достаточно близко, я встала и спросила в последний раз:

— Всё ещё отказываешься дать клятву?

— Да.

Больше с ней разговаривать я не видела смысла. «Убей! Убей её! — словно, кричала мне коса. — Убей!». Повторять мне было не нужно. Демонесса умерла также быстро, как и её предшественница.

Смотря на то, как тело рассыпается пеплом, я не чувствовала удовлетворения. Только злость и досаду. Слишком быстро. Слишком легко. Без мучений, без страданий. Я считала, что не так должна была закончить жизнь та, кто сомневался во мне.

Я обвела взглядом своих родственников. Взгляд остановился на одном из мужчин Кавэлли.

— Ты! — ткнула я в него пальцем. — Подойди!

Замешкавшись на долю секунды, мужчина подчинился.

— Ну, что? — я дружелюбно улыбнулась. — Ты сможешь дать мне клятву или нет?

— Если не дам, то ты убьёшь меня так же, как и её?

— Совершенно верно. Конечно, я бы хотела сделать это по-другому. Помедленнее, помучительнее, но... я не хочу тратить на это время. Так что, можешь радоваться, что, в случае чего, ты умрёшь быстро.

— Тогда... меня ждёт лёгкая смерть, — мужчина усмехнулся, дав понять — каков его ответ.

— Ты решила убить нас всех? — спросил Верде, смотря на пепел уже трёх Кавэлли.

— А почему нет? — пожала я плечами. — Зачем мне те, кто сомневается на мой счёт? Кто может предать меня в любой момент? Те, кто, как мои дорогие почившие тётушки, захочет отстранить меня от власти? Мне проще убить, чем ждать чего-то подобного изо дня в день. Ты со мной не согласен, дядя?

— Мне кажется, что ты должна дать нам время! — резко сказал демон.

— Да? Прямо так и должна? Запомни, дорогой дядюшка. Я никому ничего не должна, кроме себя самой. И на что время-то? На то, чтобы вы удостоверились — достойна я или нет? Ох, насмешил! Я никому из вас ничего не буду доказывать! Я просто убью всех тех, кто считает, что я — недостойная правительница! И если из-за этого, мне придётся истребить всех Кавэлли, то... так тому и быть!

— Ты, действительно, готова сделать это?!

— Да, готова. Не вижу в этом ничего особенного или ужасного. Только вот... вы бы, хоть, сопротивлялись, что ли. А то, моей косе слишком скучно вас убивать. Она хочет сражения, а не принятия судьбы, — я, наугад, выбрала одну женщину и двоих мужчин. — Вы, трое. Может кто-либо из вас дать клятву?

Все трое переглянулись и отрицательно покачали головами.

— Отлично! — я, нисколько, не была расстроена данным фактом. — Тогда... предлагаю вам попытаться защитить свои бессмертные жизни!

Коса ликовала. Предвкушая битву не на жизнь, а на смерть, она радовалась. Для неё — это был смысл её подвоя жизни. Убивать без сопротивления ей, на самом деле, было скучно. Впрочем, как и мне. Я хотела видеть жажду жизни. Я хотела видеть желание бороться за неё. Я хотела почувствовать стремление выжить. А затем... я хотела уничтожить эту жажду, стремление, борьбу!.. Вцепиться в плетки тем, кто отчаянно хочет жить! Вот то, чего я хотела. Вместо безропотного принятия смерти, я хотела схватки.

У моих родственников не оставалось выбора. Точнее, выбор был, лишь, один. Умереть так же, как трое их предшественников, либо попытаться убить меня — свою главу. Они выбрали сражение.

Здесь мне пригодились все уроки Драйка и Лекса. И помощь косы — тоже. Сражаться с демонами оказалось сложнее, чем с эльфами. Не потому, что они были моими родственниками и это рождало во мне сомнения — вовсе нет. Просто манера сражения была, абсолютно, иной. Эльфы сражались, если можно так сказать, прямолинейно — без уловок, без хитрости. Они действовали напрямик, не скрывая ничего. Демоны же... От них можно было ожидать, чего угодно. Удар в спину? Без вопросов. Обман? Запросто. Всё, что угодно, чтобы выжить. Только вот... моя коса, как ни странно, была сильнее их оружия. Может, это была, своего рода, компенсация за полное отсутствие магической силы? Может быть, но тогда я об этом совсем не задумывалась. Я просто наслаждалась. Наслаждалась битвой, запахом крови... Наслаждалась близостью смерти! Наслаждалась недоумением и растерянностью в глазах Кавэлли за миг до того, как их жизнь обрывалась. Наслаждалась... наслаждалась тем, что я — демон. Демон, который не связан ни моральными принципами, ни совестью, ни жалостью. «Я — существо желаний и следую, лишь, им».

— Кто следующий?! — радостным возгласом спросила я, стоя посреди зала, с окровавленной косой в руке, сама в брызгах чужой и своей крови.

Добровольцев, почему-то, не нашлось. Пришлось выбирать самой. Как итог: ещё шесть членов семьи Кавэлли были мною убиты. С учётом того, что род и так не сильно многочисленный... поредел он заметно. А я была довольна. Раненая, уставшая, в крови своих родственников, но довольная.

Я бросила взгляд на оставшихся в живых Кавэлли:

— Ну, что? Продолжим?

Вперёд вышел Верде:

— Я клянусь именем Чёрной богини, что у меня нет сомнений в праве Милены Кавэлли править. Я клянусь именем Чёрной богини, что у меня нет сомнений ни в силе Милены Кавэлли, ни в её компетентности. Да будет Мать демонов свидетельницей моих слов.

Примеру Верде последовали и остальные. Сначала Деланей, затем, мои братья. А потом и другие.

«Так, значит? Демоны верят, лишь, силе. Они будут сомневаться в тебе до тех пор, пока не покажешь им, что ты способен на всё. Что ты, без раздумий, убьёшь любого. Только тогда, они тебе поверят».

— На сегодня семейный Совет закончен, — объявила я в полной тишине. — Вы меня утомили, — и, не дожидаясь ответа, я первая покинула зал.

«Всё-таки, я прекрасно провела время, — пришла я к выводу. — И возможные

перевороты пресекала и силу свою опробовала. Мне понравилось. Жаль только, что оставшиеся в живых, так быстро сдались. Я бы, с удовольствием, поиграла со своими братишками. Особенно, с Лэйратом. Помнится, он сам хотел прервать мою жизнь. Хотя, в другой раз... — я вспомнила тот случай, когда брат предлагал мне переспать и поморщилась. — Ничего такого в сексе между родственниками не вижу, но... Лэйрат мне не нравится. В нём... слишком мало силы. Нет того, что я чувствовала, находясь рядом с Фероксом, Аббадоном, Велиаром. С Лэйратом... неинтересно. Как и со всеми другими моими родственничками».

Внезапно, моё внимание привлекла чуть приоткрытая дверь, ведущая в одну из многочисленных комнат дворца. Мне показалось, что там что-то сверкнуло.

Я открыла дверь. Комната оказалась совершенно пустой. За исключением одного. Здесь повсюду были зеркала. Я, с любопытством, осмотрелась. Действительно. Ничего, кроме зеркал. И моё отражение было в каждом из них. Вся в крови, счастливая...

«Нет, это не я! — я отшатнулась от ближайшего зеркала. — Такое... разве, могла я такое совершить?!».

А затем, я, неожиданно, успокоилась: «Да, могла. Могла потому, что иначе никак. По-другому, здесь уважение не получить. И если моя демоническая бездушная часть, совершая это, наслаждалась... Это не так уж и плохо».

Смотря в зеркало, я стёрла кровь со своего лица. А затем... отражение изменилось. На меня, с укором и печалью, смотрела Кэтэрина.

— Что ты так смотришь на меня, глупая бабочка? — вслух спросила я. — А чтобы ты сделала, оказавшись на моём месте? Забилась бы куда-нибудь в угол и плакала бы? Простила бы всех своих врагов? Что ещё ты могла бы сделать, с твоей глупой наивностью?! И прекрати смотреть на меня с такой жалостью!

Эти сине-зелёные глаза, смотрящие на меня... Эта грусть, что они выражали... Всё это вывело меня из себя. Удар косой и зеркало вдребезги. И нет больше этого немого укора Кэтэрины.

— Что на тебя нашло, Милена? — спросила меня Дайона, когда я оказалась во сне. — Ты, почти в половину, сократила численность своей семьи.

— Почему тебя, вдруг, интересуется что-то, что не касается Адалиссы или Кэтэрины? — я неприятно усмехнулась. — Но, если хочешь ответа на свой вопрос... Мне просто надоело возиться со своими родственниками. Постоянно ожидать от них неподчинения, подвоха... Теперь, по крайней мере, в семье Кавэлли всё будет спокойно.

— А другого способа — успокоить их — не было?

— Нет, не было. Дайона, мы говорим о демонах, а они понимают только страх и силу. По-другому, с ними никак.

— Что ж... Как скажешь. Сегодня сон о Кэтэрине будет последним.

— Почему?

— Её жизнь заканчивается в этом сне. Но, после этого, ты многое поймёшь, Милена. И много, что вспомнишь...

Снова раздаётся грохот и я, с ужасом вижу, как небо покрывается сетью чёрных молний. Поднимается такой ветер, что деревья падают, а в ушах стоит громкий гул. Я вижу, как ветер, словно, скручивается в чёрный гигантский вихрь. И такой вихрь не один. Их

множество. Возникая повсюду, они вырывают с корнями деревья, швыряют камни!.. Чёрные молнии ударяются в землю. Трава начинает полыхать. Земля покрывается глубокими трещинами, раскалывается!.. Я слышу чей-то вой. Страшный, заунывный... Слышу чьи-то вопли, крики!.. Я зажмуриваюсь от страха.

Я чувствую, как меня кто-то, с силой, дёргает за руку, заставляя подняться с земли. Я открываю глаза, и вижу свою маму. Она держит меня, и я чувствую, как из-под её пальцев льётся тепло. Оно, словно, окутывает меня, согревает, лечит... Я ощущаю, как тело перестаёт болеть, как останавливается кровь... Ещё секунда и я чувствую себя совсем как сегодня утром.

— Самаэль! — она смотрит куда-то мне за спину. — Забирай её и убирайся отсюда!

— Что здесь происходит, Адалисса?! — я слышу взволнованный голос ангела смерти, хотя из-за шума, едва могу разобрать слова. — И... кто сделал это с ней?! Это... Аббадон?!

— Ты... ты знал о нём! — в голосе мамы безудержная ярость. — Знал и молчал!

— Я дал клятву — я не мог сказать.

— Ах, клятву он дал?! Ну, смотри теперь, к чему привела твоя клятва! Надеюсь, ты доволен результатом?!

— Да, я виноват. Но то, что сейчас происходит... это твоя злость, Адалисса?!

— Нет. Хотя, было бы гораздо лучше, если бы это было так. Это — открываются врата бездны! И всё из-за того, что ты, Самаэль, позволил этим двоим встречаться!

— Врата бездны... Я считал их, всего лишь, легендой... Но, при чём здесь Кэтэрина и Аббадон?!

— Сейчас это уже не имеет значения. Да и нет времени это объяснять. Открытие врат нужно предотвратить. И я это сделаю. Скорее всего, моё тело не выдержит такой нагрузки и мне понадобится какое-то время, чтобы, вновь, обрести физическую оболочку. Пока меня не будет, присмотришь за Кэтэриной.

Мама отпускает мою руку, поворачиваясь ко мне спиной. У меня возникает жуткое чувство, что я вижу её в последний раз. Я не понимаю почти ни слова из разговора мамы и Самаэля, но... я прихожу к выводу, что во всём, что сейчас происходит, виновата я! Виновата в том, что не рассказала ей об Аббадоне... Не рассказала о своей новой любви... О встречах... Не рассказала ничего! И вот... к чему это привело. Теперь, из-за этого, вокруг творится суший кошмар! А мама хочет сделать что-то, после чего я её не увижу!

— Мама... — я тяну к ней руки, но Самаэль перехватывает их, прижимает к себе, не даёт приблизиться.

— Где Аббадон?! — единственное, что он спрашивает, не обращая внимания на мои попытки вырваться.

— Ушёл. Но, не вздумай пытаться убить его, Самаэль!

— Почему?! Ты хочешь, чтобы я всё так и оставил?! Чтобы я забыл о том, что он сделал с Кэтэриной?!

— Да, именно этого я и хочу. Не смей лишать демона разрушения жизни! Если ты это сделаешь... последствия могут быть ужасными! В том числе, и для Кэтэрины! Для неё, наверное, в особенности... Объяснять некогда, поэтому просто запомни то, что я тебе сказала! А теперь, уходи!

Самаэль больше ни о чём не спрашивает маму. Он берёт меня на руки... Он так делает, когда хочет, вместе со мной, перенестись на небольшое расстояние. Но сегодня... я чувствую, что он перенесётся куда-то очень далеко! И я больше не увижу маму... никогда.

Меня не покидает это ощущение.

— Самаэль!.. Самаэль, пожалуйста!.. Я хочу остаться с мамой! — кричу я, но мужчина мне не отвечает.

Последнее, что я вижу, это как мама делаешь шаг прямо в один из чёрных вихрей и исчезает... Исчезает навсегда. Это был последний раз, когда я её видела.

Я нахожусь в совершенно незнакомом месте. Это — дворец Самаэля. Он ничем не похож на наш с мамой маленький домик в лесу. Мне здесь не нравится. Здесь неуютно и страшно. Высокие своды потолка, чёрные колонны, длинные коридоры... настолько огромные залы, что в них гуляет эхо. До окон мне не достать — они слишком высоко. Но то, что я вижу в них... это — чёрное небо. Ни солнца, ни облаков... Лишь, чернота.

Самаэль отводит меня в купальню, даёт всё необходимое и оставляет одну. Я осторожно смываю с себя следы крови. Я стараюсь не думать о произошедшем, но... не получается. Больно... Так больно, что хочется кричать. И я плачу... плачу навзрыд! И я не могу остановиться... Я вспоминаю смех Аббадона, его прикосновения...

«Аббадон... Он разрушил всё! Уничтожил! Моя счастливая жизнь... разбилась вдребезги! И мама... Как же я перед ней виновата! Она же осталась там... Смогу ли я, когда-нибудь, вообще, её увидеть?».

— Кэтэрина... — заходит Самаэль.

Мужчина заходит ко мне, садится рядом... Я прижимаюсь к нему, цепляюсь за него... Я плачу, совершенно забыв о том, что я мокрая от воды, без одежды... Всё это сейчас было неважным. Самаэль стал для меня единственной поддержкой. Тот, ради которого я появилась на этот свет... Тот, чью любовь я предала... И тот, который несмотря на всё это, сейчас рядом со мной. Успокаивает, шепчет что-то ласковое...

— Самаэль... Самаэль, прости! — говорю я между всхлипами. — Если бы... если бы я тебя послушала!.. Если бы я тебя послушала, ничего бы не произошло! Мама... мама, я так виновата!

— Ты ни в чём не виновата, Кэтэрина. В произошедшем нет твоей вины. Во всём виноват, лишь, Аббадон. И я. Мне нельзя было соглашаться давать клятву. Я должен был рассказать о твоём знакомстве с демоном разрушения Адалиссе. Даже если бы ты возненавидела меня после этого...

— Я бы... я никогда не смогла бы тебя возненавидеть!

— Я знаю, — с какой-то горечью говорит мужчина. — Я знаю. Ты никого не смогла бы возненавидеть. Даже Аббадона...

А я понимаю, что Самаэль прав. Я не ненавижу Аббадона. Несмотря на то, что он сделал. Не могу... Я не могу разбудить в себе это чувство — ненависть. Я чувствую боль, горечь... и всё. Я даже не могу сказать, что не испытываю больше никаких хороших чувств к Аббадону.

Больше, ни я, ни Самаэль, не проронили ни слова.

Когда я немного успокаиваюсь, я вспоминаю, в каком виде нахожусь перед Самаэлем. Я прошу оставить меня одну. Самаэль, после некоторого сомнения, уходит.

Оставшись одна, я домываюсь, одеваюсь и выхожу в коридор. Я помню, куда Самаэль мне говорил идти после того, как я закончу. Я иду по коридору, в полнейшей тишине. И тут, я улавливаю звук голосов. Один голос — голос Самаэля. А второй — незнакомый. Я подхожу ближе, хочу увидеть собеседников. Я прячусь за колонной, чуть выглядывая из-за неё.

Самаэль говорит с незнакомым светловолосым мужчиной.

— Девушка, которую ты привёл сегодня... это же Кэтэрина? — спрашивает незнакомец.

— Да, Астарот. Это она.

— Если ты привёл её сюда... Адалисса бы этого никогда не позволила. Что произошло?

Где Адалисса?

— Я не знаю. Адалисса сказала только то, что открылись врата бездны. И что она закрывает их, скорее всего, потеряв, на какое-то время, свою физическую оболочку.

— Врата бездны? Разве, они существуют?

— После того, что я увидел... думаю, что — да, существуют. Хотя... причина их открытия... совершенно неясна.

— Покажи мне то, что ты видел.

Самаэль приближается к мужчине. Последний кладёт пальцы на виски ангела смерти, закрывает глаза... А через секунду лицо незнакомца искажает злость.

— Говоришь, что не знаешь, что произошло? — светловолосый мужчина не повышает голоса, но от его звучания у меня по спине бегут мурашки страха. — А я думаю, что ты прекрасно всё знаешь, Самаэль. То, что случилось между Аббадоном и Кэтэриной... Их близость... Не знаю — как, но, похоже, именно это вызвало открытие врат бездны (если это были они). Ты так не считаешь?

— Нет никаких подтверждений тому, что именно Кэтэрина и Аббадон стали катализатором произошедшего. Адалисса не говорила этого прямо.

— Такая возможность слишком высока, Самаэль. И ты прекрасно это понимаешь. И если это так... Если это всё Кэтэрина и Аббадон... Если Адалисса потеряет своё тело... Повелитель убьёт Кэтэрину, если узнает. Аббадона подвергнет наказанию, а её убьёт. Он возложит на них вину за исчезновение Чёрной богини и будет, в общем-то, прав. Что ты тогда будешь делать?

— Я буду защищать её, до последнего.

— Даже от повелителя?

— Даже от него.

— Ты глупец, Самаэль. Неужели эта бабочка того стоит? Тем более, после того, что с ней сделал Аббадон? Не чиста, не невинна... осквернённая демоном разрушения. Тебя, от части, можно было бы понять, если бы не последнее. Невинность и чистота всегда привлекают демонов. Но этого у Кэтэрины теперь нет. Так, зачем, ради неё, идти на какие-то жертвы? Не понимаю тебя.

— Тебе и не нужно меня понимать, Астарот.

Я не хочу слушать дальше. Я тихо ухожу, чтобы меня не заметили.

Я в спальне Самаэля. Я думаю над разговором, который я услышала. Я не знаю, что такое — врата бездны, но... выходит, что я, на самом деле, виновата... виновата во всём. Вихри, молнии... слова мамы о том, что её тело исчезнет... И за это меня кто-то может убить.

«Кто такой — повелитель? — размышляю я. — Почему он захочет убить меня из-за мамы? И почему Самаэль говорит, что будет защищать меня от него? Я же... совсем этого не заслуживаю». Я, также, вспоминаю, что незнакомец говорил обо мне. Осквернённая демоном разрушения... Я не знаю, что это значит, но от этих слов, как будто, всё переворачивается внутри. Не чиста, не невинна... Не знаю — почему, но я чувствую себя... грязной. Ведь, я не чиста...

Взгляд натывается на зеркало. Я подхожу к нему, смотрю на своё отражение. Моё отражение... вот к чему я испытываю ненависть! Я жалкая... Виноватая... Отвратительная!.. Глупая... Не имеющая права на жизнь. Ведь, после всего, что я сделала... как я могу дальше существовать?

Я никогда не задумывалась о смерти. Даже полюбив когда-то само её воплощение, я не ассоциировала смерть с собой. Никогда не думала, что могу умереть... Что меня не станет... А сейчас... я сама этого хочу. Но, как это сделать? В голове ни одной мысли.

Перед моими глазами возникает ваза. Высокая, тяжёлая... Не знаю, что с подвигло меня на это, но я роняю её на пол. Ваза разбивается, оставляя после себя, лишь, осколки. Я беру один из них в руки. Он очень острый. И я вспоминаю, как как-то раз, увидела страшную для себя картину. Как маленькую птичку убивает коршун. Я помню, что у птички была ранена шея, из неё текла кровь... Если... если я сделаю, также, с собой, я, как и та птичка, умру?

Снова взгляд на зеркало. Я прикасаюсь острым сколом осколка к своей шее. Мне страшно, но я не передумаю. Не поверну назад. Я надавливаю на кожу... Я вижу капли крови... Затем, я резко делаю взмах осколком, разрезая шею...

«Кэтэрина, Кэтэрина — ты призвала свою смерть».

Я вижу, как кровь, потоком, хлещет из раны. Я слабею, падаю на пол...

«Кэтэрина, Кэтэрина — несчастная глупая бабочка».

Последнее, что я помню, это как моя сущность, словно, отделяется от тела. Я вижу себя со стороны. Я вижу свои пустые застывшие глаза... Я вижу одну единственную слезу на своей щеке...

«Кэтэрина, Кэтэрина — что же ты теперь плачешь?»...

Я резко села на кровати. Я дрожала, мне хотелось плакать. Я всё вспомнила. Всё это время, я смотрела, вовсе, не сны-воспоминания чужого мне человека. Я смотрела свои собственные воспоминания. Ведь, Кэтэрина — это я.

— Несчастная глупая бабочка, — прошептала я.

Глава 49.

Я вспомнила те несколько месяцев своей жизни, что я провела со своей матерью — Адалиссой. Воспоминания вернулись в тот самый миг, как я, во сне, издала последний вздох. Когда я умерла. Когда я покончила с собой.

Я встала. Взглядом я, сразу же, нашла зеркало.

«Надо приказать убрать его отсюда. Зеркала... Терпеть их не могу. Если так подумать, то я покончила с собой, глядя в зеркало... Похоже, что неприязнь у меня ещё оттуда».

Я приняла решение, что мне срочно надо поговорить с Самаэлем. Он, ведь, знал о том, что я — Кэтэрина. Он упоминал, что у меня была ещё одна жизнь. Значит, он должен был знать — каким образом я переродилась. Теоретически — это, вообще, было невозможно. Способности перерождения ни у кого не существовало. «Но, я же как-то вернулась к жизни. Ещё и с внешностью своей матери... Сколько же времени прошло с тех пор? Сколько прошло времени с моей смерти, как Кэтэрины и до моего рождения, как Милены?».

В голове царил полнейший сумбур. Мысли и воспоминания спутывались, смешивались... никак не хотели приходить в порядок. Мои чувства, как Кэтэрины... Мои чувства, как Милены... Столь изменившийся характер... Настолько другая жизнь... Всё это сбивало с толку.

«Стать бы сейчас неадекватной истинной демонессой, — с тоской подумала я. — Думаю, тогда эта прошлая жизнь меня бы, вообще, не волновала. А, ведь, судьба оказалась очень иронична — снова столкнула меня с Аббадоном. С тем, кто, косвенно, виновен в моей смерти. Да уж... Действительно, неудачная шутка судьбы. А может, это и неизбежно? Вновь, быть связанной с теми, с кем была связана моя прошлая жизнь? Самаэль, Аббадон... Хотя, если бы это было так, то я должна была и мать свою встретить. Однако этого не случилось. Где же она? И почему, всё-таки, я обладаю её внешностью? И что тогда произошло после того, как Аббадон меня изнасиловал? Что случилось с моей матерью? И... почему она сказала Самаэлю, чтобы он не смел убивать демона разрушения?».

Вопросов, как всегда, было много. И ни одного ответа на них. Я надеялась, что это только до тех пор, пока я не поговорю с Самаэлем. После этого, ведь, хоть что-то должно было проясниться. А по поводу Аббадона... Лучше я относиться к нему, разумеется, не стала. Скорее, наоборот. Как Кэтэрина, я тогда не смогла его возненавидеть, несмотря ни на что. Как Милена... очень даже могла. Я уже не была той глупой наивной бабочкой, которую обманул демон разрушения. Я слишком изменилась. Точнее, жизнь теперь у меня была совершенно иной. Хотя, я и вспомнила всё... Хотя, мысли и воспоминания путались... Это, нисколько, меня саму не изменило. Те черты характера, которыми я обладала в той жизни, сейчас никак не вязались с этой. Характер Кэтэрины в мире демонов... Он мог меня, лишь, погубить. Так что, воспоминания воспоминаниями, а на эту жизнь они сильно повлиять не должны были. По крайней мере, я на это надеялась.

Кроме Ренэтуса, который теперь, практически, постоянно, находился рядом со мной, в спальне, к счастью, никого не было. Мне сейчас не хотелось никому ничего объяснять. Особенно Рейфу, который прекрасно меня чувствовал.

Я не стала прибегать к помощи Драйка, воспользовавшись браслетом, который когда-то дала мне Лилит. Я оказалась в мире драконов, оставив Ренэтуса в Зиградене, помня о неприязни Самаэля к нему.

Мне, сразу же, сказали, где находится Самаэль. И вот, я у двери помещения, в котором был ангел смерти. Лишь сейчас мне стало... не по себе. Я вспомнила, как любила Самаэля с такой силой, что из-за этого меня, из бабочки, превратили в человека. Я вспомнила, как предала эту любовь, влюбившись в Аббадона. И как, после этого, Самаэль, всё равно, с нежностью, смотрел на меня. И как говорил, что защитит меня даже от Люцифера (то, что в разговоре Астарота и Самаэля говорилось о нём, я не сомневалась). А я, слабачка, покончила с собой. Сейчас я понимала свою глупость, а тогда... это показалось выходом.

«Да ты и в этой жизни не лучше, Милена, — упрекнула я себя. — Кто хотел с балкона спрыгнуть? Суицидница чёртова!».

Наконец, я, всё же, решила и открыла дверь. Самаэль был там:

— Здравствуй, Милена. Ты пришла спросить, почему я так отнёсся к твоему отцу? Почему я был солидарен с Фероксом?

— Нет, не про это. Конечно, это было бы тоже интересно узнать, но... сейчас меня интересует иное. Самаэль... я вспомнила. Я всё вспомнила. О той жизни, когда я была Кэтэриной.

Ангел смерти, явно, был шокирован этой новостью. Я, в первый раз, видела его таким. Правда, шок быстро сменился на какую-то обречённость и принятие того, что уже ничего нельзя изменить.

— Как... как ты смогла вспомнить, Кэтэрина? — был первый вопрос, который он задал — его голос, при этом, был, словно... надломленным; словно, произошло что-то, что полностью выбило почву из-под его ног.

— Я видела сны. Сны, которые мне показывали мою жизнь. Сначала, я думала, что они не имеют никакого отношения к реальности, но... сегодня... в последнем сне... я умерла. Точнее, сама прервала свою жизнь. И когда это произошло... память ко мне вернулась.

Я доверяла Самаэлю, как никому другому в этом мире. Но... было такое ощущение, что, по крайней мере, пока ему не надо знать о Дайоне. И я ограничилась тем, что сказала ему только о снах. В конце концов, результат-то от этого никак не поменялся.

— Значит, посредством снов... Я знал... догадывался, что рано или поздно, но это произойдёт, — сказал ангел смерти с горечью в голосе. — Что твоя прошлая жизнь даст о себе знать. Но, всё же, надеялся, что это случится не скоро. Кэтэрина... — он подошёл ко мне. — Ты не должна была вспоминать всю ту боль и все те страдания, что ты пережила тогда. Прости... Я не смог тогда защитить тебя.

— Это мой первый вопрос. Почему не смог? Я же была тогда чистокровным человеком, пусть и рождённым необычным способом. Ты должен был знать причину и дату моей смерти. Нет? — я, нисколько, не винила Самаэля за это, но мне хотелось узнать причину.

— Именно из-за твоего необычного способа рождения, я и не мог этого сделать. Ты была единственным человеком во всём мире, чью смерть я не мог ни предугадать, ни предотвратить. Единственный человек, который был мне дорог... и которому я не смог ничем помочь. Даже не смог защитить тебя от Аббадона. Можно сказать, сам дал немое согласие на твоё общение с ним, — мужчина ощущал себя виноватым — я это видела.

— Ты не виноват, Самаэль. Ты же предупреждал меня об Аббадоне. Ты говорил, что он может причинить мне боль. А я не верила. Думала, что он любит меня, — я грустно

улыбнулась. — Теперь я даже такого представить не могу... Но как... как я смогла родиться заново? Это же... невозможно.

— Возможно. Способ есть, но он является запретным. Я расскажу, но перед этим... Кэтэрина... дай мне коснуться тебя.

— Я, ведь, предала тебя, Самаэль, — напомнила я ему. — Даже в этой жизни. В ней я, вновь, полюбила другого.

— И что?

— Почему, после всего, ты продолжаешь меня любить? Почему защищаешь, оберегаешь? Я не понимаю. Несмотря на то, что я всё вспомнила... Что я вспомнила о том, что стала человеком, благодаря любви к тебе... понятнее от этого не стало. Я родила ребёнка от другого. И снова рожу — тоже от другого. Да и... характер у меня теперь совсем иной. И ты, всё равно, будешь со мной?

— Для меня не имеет значения ничего из того, что ты перечислила, Кэтэрина. Ты вольна любить, кого пожелаешь. И ты сама можешь быть, какой угодно. Ты, всё равно, останешься для меня единственной, кого я хочу любить и защищать. Раз уж я не смог сделать последнего тогда...

— Знаешь, мне кажется, что ты делаешь из меня какого-то идола. Идола, которому поклоняешься. Незаслуженно.

— Кэтэрина...

— Но... если ты так этого хочешь, то я не против.

«Да даже если бы я и была против, вряд ли, это что-нибудь поменяло, — подумала я. — Он не уйдёт. Он всегда будет рядом. Даже несмотря на то, как трусливо я поступила в прошлом, уйдя из жизни, оставив его. Это уже и не пугает. И знаю я его теперь гораздо лучше после того, как мои воспоминания вернулись. Я помню, как разговаривала с ним, спрашивала обо всём на свете, сама ему обо всём рассказывала... И он принимает меня любой. Какой бы я не стала... для него это неважно. Мне, действительно, этого не понять...».

— И я хочу попросить, чтобы ты больше не называл меня Кэтэриной, — продолжила я. — Жизнь Кэтэрины давно закончилась. Я Милена и ею останусь.

— Как скажешь... Милена.

Его руки заскользили по моему телу. Я не сопротивлялась. Наоборот, сама обняла его, обхватив руками за шею. Поцелуй ангела смерти был нежным, приятным... И сам он был... тёплым. От него не исходило такого жара, как, например, от Ферокса. В нём не было жестокости и садизма по отношению ко мне. Он был ласков, осторожен... Словно, обращался с бабочкой, которая может легко погибнуть, лишь, смахни пыльцу с её крыльев. Да, я чувствовала в Самаэле такую древнюю силу, которая, с лёгкостью, может стирать в пыль города, страны... А, возможно, и целые миры. Могущественный ангел смерти... Само воплощение смерти... Её распорядитель. От одного взгляда на этого мужчину должно бросать в дрожь от ужаса. Но, для меня он, наоборот, самый ласковый и нежный. С ним не было страшно. С ним я казалась себе защищённой.

Прикосновения Самаэля стали более настойчивыми, а его поцелуи более требовательными. Но, вместе с тем, он оставался, также, ласков. Это кружило голову, возбуждало... Но...

— Подожди, Самаэль, — я упёрлась руками ему в грудь.

— Снова останавливаешь меня, Милена? — в голосе мужчины послышалось

раздражение. — Даже терпение смерти не безгранично. И моё — тоже. Милена... я слишком долго этого желал. Я люблю и хочу тебя.

— Я знаю. И я не останавливаю тебя. То есть, останавливаю, но не для того, чтобы этого не произошло. Я хочу тебя, но... Сначала, я хочу услышать, как произошло моё перерождение. Расскажешь?

— Расскажу, — Самаэль отступил от меня на шаг, словно, не доверяя себе. — Хочешь знать, как у тебя появилась новая жизнь? Тогда, в Гапироне, усыпив в тебе кровь демона на несколько лет, я не в первый раз нарушил закон мироздания. Это произошло гораздо раньше. Сразу же, после твоей смерти, как Кэтэрины. Тогда, когда твоё физическое тело погибло, я должен был отвести твою душу в уготованное ей место. Но, я этого не сделал. Я сохранил твою душу. Можно сказать, погрузил её в глубокий сон. Разумеется, об этом никто не знал. Я заключил твою душу в своём дворце — в комнате, о которой никому, кроме меня, не было известно. И я ждал любую возможность вернуть тебя к жизни. Ждать пришлось долго... Обычные человеческие тела для твоей души не подходили. Слишком слабые. Иные расы — тем более. Человеческая душа, пусть и рождённая иным способом, не могла прижиться в теле чистокровного эльфа, дракона или же демона. Я пытался это сделать, но... все эти попытки заканчивались провалом. Твоя душа в таких телах не просыпалась, а через какое-то время, тела и, вообще, разрушались.

Посмотрев на него в этот миг, я увидела, что Самаэль сейчас очень далеко отсюда. В тех временах, когда он, всеми возможными способами, пытался вернуть меня к жизни. Когда он переживал неудачу за неудачей... Пытался снова и снова... Я даже не могла представить, что он чувствовал тогда.

— Прошла не одна тысяча лет прежде, чем я, наконец, нашёл выход. Тело полу демона. Не тело чистокровного демона и не человека.

— Дочь Ребекки Деланье и Савариса Кавэлли? — тут даже гадать не имело смысла.

— Верно, — кивнул Самаэль. — Точнее, в самом начале, до моего вмешательства и вмешательства твоего отца в судьбу этого ребёнка, отцом девочки должен был стать Виктор Деланье. Так должна была распорядиться судьба. Так должно было быть по закону мироздания.

— Что?! Виктор Деланье должен был быть моим настоящим отцом?! То есть... ты хочешь сказать, что я, изначально, должна была родиться обычным человеком?! Но... как?!

— Человеком должна была родиться не ты, Милена. А та душа, которая должна была занять это тело. Так сказать, истинная душа. Кроме того, если бы вмешательства не было, Милена Деланье должна была стать, лишь, старшим ребёнком Ребекки и Виктора. Не единственным. У неё был бы младший брат, так как Ребекка не потеряла бы возможность иметь детей. Но... судьба изменилась кардинально. Я уничтожил душу этого тела, чтобы освободить место для тебя. А отцом ребёнка стал Высший демон. С этого момента всё и поменялось. Невозможность твоей матери иметь детей, её сделка с Аббадоном, лаборатория Виктора Деланье, «Шисуна»... Всего этого не было в настоящей судьбе Милены Деланье. Это всё стало результатом нарушенного мной и Саварисом закона мироздания. Закона, который запрещено нарушать любому, кем бы он ни был.

— Саварис... Мой отец знал о том, что я, можно сказать, не его дочь?

— Нет. И сейчас не знает. Саварис, вообще, не знал о моём участии во всём этом. У него цель была другой. Кое-кто сказал ему, что если он свяжется с определённой женщиной, то родится ребёнок с внешностью его возлюбленной. Это было тем, что он хотел.

— Внешность возлюбленной... — я стала медленно понимать. — Ты хочешь сказать, что мой отец... Саварис любил мою мать — Адалиссу? Поэтому, я выгляжу, как она?

— Да, Саварис Кавэлли любил Адалиссу. Любил так сильно, что, как и я, согласен был пойти на многое. Магия связи человека и демона, любящего Адалиссу, сделала возможным сотворить, практически, идентичную внешность с Адалиссой. И, кроме того, преодолеть теоретическую невозможность детей от связи человека и демона.

— Саварис любил Адалиссу... Тогда выходит, что... Ребекку Деланье он не любил? Просто использовал её?

— Я не хотел, чтобы ты узнала об этом, но — да. Любви к человеческой женщине у Савариса не было.

«Вот и конец красивой сказке о запретной любви. О любви демона и человека. Всё было ложью».

В этот момент, я вспомнила о том, что Ферокс говорил о моём отце... Что он относится ко мне, не как к дочери... Теперь, сопоставив всё: использование Ребекки Деланье, внешность возлюбленной... Слова дракона приобретали страшный, для меня, правдивый окрас.

— Тот, кто сказал моему отцу о Ребекке... О возможности ребёнка с такой внешностью... Это был ты?

— Да. Саварис Кавэлли был единственным, кто мог стать твоим отцом. Хотя, сам Саварис так и не понял, что это я разговаривал с ним тогда.

— Значит, по сути, я заняла чужое место, да? — эта мысль была неприятна, но так оно и было. — Закончив свою собственную жизнь, как Кэтэрина, я разрушила жизнь Милены Деланье? Её душа была уничтожена ради меня?

— Да. Ради тебя, но не из-за тебя. И я не жалею о том, что сделал. Я жалею, лишь, с том, что тебе пришлось столько страдать из-за этой изменившейся судьбы. Это называют «оскалом фатума».

— Оскалом фатума?

— Фатум — судьба. Судьба не любит, когда её, насильно, изменяют, — стал объяснять Самаэль. — Она начинает мстить. Скалится на того, кто стал её заложником. Это можно сравнить с человеческой игрой — домино. Одно изменение судьбы влечёт за собой ещё большие изменения.

— И чем дальше... тем хуже будут эти изменения? — перед глазами у меня были костяшки домино — как одна из них падает, рушив все остальные.

— Не обязательно хуже. Но сильно отличающиеся от изначальной судьбы. Я знал об этой возможности. Я знал, что, скорее всего, тебя ждут сложные жизненные испытания из-за того, что я сделал, но... я не мог поступить иначе. Я так хотел... чтобы ты вернулась ко мне.

— Получается, что всё то, что происходило в моей жизни... это — оскал фатума? Наказание за изменение судьбы? Наказание за уничтожение чужой души?

— Да. Я понимаю, что виноват перед тобой, Милена. Я обрёл тебя на эту жизнь. Но, ты была мне так нужна...

— Я не виню тебя, Самаэль, — я сделала шаг ему навстречу, коснулась его. — Если так рассуждать, то я первая уронила костяшку домино. Лишила себя жизни и, тем самым, запустила цепную реакцию. Милена Деланье... Если бы я не дала тогда слабину... не поступила бы так глупо... То у этой девушки была бы совсем иная жизнь. А я, ведь, чуть было, не совершила то же самое... Я тебе не рассказывала, но... в тот день, когда погиб Кай

и все остальные, я хотела покончить с собой. Снова. Но, в этот раз, меня спасли. Теперь, зная обо всём, что ты рассказал... Ты многое сделал для меня, Самаэль. Ради меня ты нарушал запреты, пошёл на всё... А я, чуть было, не уничтожила все твои старания, сведя всё на нет. Хотя, я ничего и не знала, но... я больше никогда не буду пытаться лишиться себя жизни. Это я тебе обещаю.

Я замолчала на минуту, пытаюсь переварить всё то, что узнала. А, затем, задала ещё один вопрос, который меня интересовал:

— А кем была моя мать? Ты знаешь? Она превратила бабочку в человека... Дала ей душу. Значит, демоном она быть не могла. Демоны не сильны в создании чего-либо. А уж сотворить человеческую душу... Ни один демон такого бы не смог. Может, она была ангелом?

— Адалисса? Ангелом? — Самаэль усмехнулся. — Нет, ангелом она не была. Она была созданием более древним. Она была старше расы демонов, ангелом и драконов.

— Она была одной из древних богов? — я сразу вспомнила о кольце Белиат — кольцо древней богини, которое хотел Аббадон.

— Можно сказать и так. Адалисса была богиней. Созданием, которое имело силу создавать живых существ. В том числе, она могла создавать человеческие души.

Я вспомнила о том, что Аббадон называл Адалиссу матерью и мачехой:

— Аббадон... Моя мать и его создала? — я сама не верила, что задаю этот вопрос — возможность такого была слишком фантастичной.

— Нет. Адалисса была той, кто поспособствовала его становлению демоном. Он стал им из-за неё. Она соблазнила, когда-то светлого, ангела и, в результате, он стал одним из самых могущественных и жестоких Верховных демонов Преисподней. Благодаря Адалиссе, он получил такую силу.

— Ты хочешь сказать, что мама была настолько могущественна? — не веря, произнесла я. — Настолько, что сделала из ангела Верховного демона?

— Именно. И не только его. Адалисса была той, кто дал Люциферу трон Ада, и заставила пойти против своего создателя.

— Мама... Она... Она была той, кто... кто... — я даже слов подобрать не могла, а точнее, боялась произнести это вслух.

— Она была той, кто создала нынешний мир демонов, Милена, — выразил Самаэль то, что я не смогла. — В том виде, в котором он существует сейчас. Саму Преисподнюю, расстановку сил в ней... власть Люцифера и Верховных демонов... Всё это — творение Адалиссы. В большинстве случаев, даже характеры демонов — её рук дело. Их жестокость, эгоизм... Она и сама была такой.

— Но, в моих воспоминаниях она совсем другая...

— Милена... Ты видела, лишь, одну её сторону, которую Адалисса позволяла тебе видеть (и сдаётся мне, позволяла видеть только тебе). Какой она была на самом деле... думаю, это неизвестно никому.

— А что с Аббадоном? Я так понимаю, все те ангелы, что стали демонами, сделали это добровольно, не так ли? Тогда, за что он хотел мстить маме? То, что моё изнасилование было мстью ей, я поняла теперь, из слов демона разрушения. Но, в чём причина?

— Почти сразу же, после того, как Аббадон из ангела превратился в демона, Адалисса его оставила. Она прекратила какое-либо общение и связь с ним. А, ведь, насколько мне известно, будучи ангелом, Аббадон любил Адалиссу. Именно из-за этого он так легко

поддался её соблазну и так легко отказался от своей светлой сущности, приняв чёрную силу Адалиссы. Видимо, твоя мать не сильно оценила эту жертву. Он стал ей не нужен. Вот Аббадон и обозлился на Адалиссу.

— Так, всё из-за задетой мужской гордости? — я попыталась представить Аббадона ангелом и, что ещё хуже, влюблённым, но получилось плохо. — Но, зачем моя мать так поступила? Если он был ей, с самого начала, не нужен, зачем надо было всё это делать? Зачем надо было... эм... совращать ангела?

— Скорее всего, просто для развлечения, — ответил Самаэль. — Адалисса, как я уже говорил, была по характеру такой же, как её собственные творения — демоны. Ей ничего не стоило убить кого-то или воспользоваться кем-то, а потом выбросить.

— А как так получилось, что в этой жизни я, вновь, столкнулась с Аббадоном? — я заметила, что а этих моих словах, лицо Самаэля исказила сильнейшая ярость (он всё помнил... помнил, что сделал со мной Аббадон и никогда этого не забывал), но, тем не менее, я продолжила говорить. — Я не имею в виду его покровительство мне или ещё что-то. Я о том, что Верховные демоны, почти, никогда не заключают договоров с людьми. Это происходит очень редко. Почему Аббадон изменил этому, отозвавшись на призыв Ребекки Деланье? Как ему это пришло в голову? Совпадение? Или этот... оскал фатума?

— Точно не знаю. Но, скорее всего, даже после перерождения в другом теле, душа, которая уже жила когда-то, неизбежно будет связана с теми, с кем делила свою прошлую жизнь. И, похоже, это нельзя контролировать. Если бы я только мог оградить тебя от этой твари... — мужчина так сильно сжал мою руку, что на ней, вполне, могли остаться синяки. — В любом случае, это, лишь, теория, так как, кроме тебя, никто и никогда не рождался заново. Не получал вторую жизнь.

— Была у меня такая мысль... — произнесла я. — Но, в таком случае, я должна была и со своей матерью — Адалиссой — встретиться. Разве, нет? Что с ней случилось? Где она теперь?

— Никто не знает. После твоей смерти, она вернулась несколько тысяч лет спустя. А, затем, вновь, исчезла. В последний раз я видел её около двухсот лет назад. С тех пор, она ни разу не появлялась. И ни один из Верховных или Высших демонов не знает, где она. Даже сам Люцифер, хотя, думаю, он очень хотел бы это знать.

— А в тот день, когда всё произошло... Ты узнал, что это был тогда за ураган, разрушения? Я помню, что вы, с моей матерью, в разговоре упоминали Врата Бездны. Что это такое? Бездна и её врата?

— Бездна — это место, где спят древние боги, — ответил ангел смерти. — Те, кто правил этим миром до нас. Бездна — это их последнее пристанище. Как они там оказались и почему — неизвестно.

— Древние боги, значит... Но, я думала, что никому не известно, что случилось с древними богами. А, оказывается, это не так? Все знают об их сне?

— Не все. Лишь Верховным демонам известно о Бездне.

— Древние боги... Они все спят там, да?

— Да.

— Ты говорил, что мама — богиня. Древнее божество. Если это так, то почему она не в этой Бездне? А может... она, как раз, сейчас там? — посетила меня догадка.

— Нет, — отмёл мою мысль ангел смерти. — С того момента, как Бездна была создана, никто не может войти в это пространство и никто не может из него выйти. Древним богам

не очнуться ото сна и с нашего пространства к ним не попасть.

— Что же, всё-таки, такое — Бездна? Что она из себя представляет?

— По сути, это отдельное пространство. Можешь даже считать, что это — отдельный мир. Мир, в котором ничего нет, кроме силы и энергии.

— Ясно. А Врата Бездны?

— Врата Бездны — это мифическое место. Говорят, что это врата, которые могут открывать путь в Бездну или же выпустить оттуда тех, кто спит там. Говорят даже, что если Врата Бездны, когда-нибудь, будут открыты — это приведёт к концу всему, что существует сейчас.

— Конец света?

— Образно говоря, да. Но, существование этих врат находится под большим сомнением. Сразу же возникает много вопросов: «Где эти врата?», «Кто их создал и зачем?», «Есть ли от них ключ и если — да, то, как он выглядит?».

— Значит, есть большая вероятность, что их и, вообще, не существует? — я, на мгновение, задумалась. — Но, ведь, мама говорила, именно, о них... С чего она взяла, что тот катаклизм — это было открытие этих врат?

— Я не могу тебе ответить на этот вопрос, Милена. Ты всё спросила, что хотела?

— Последний вопрос. В день своей смерти, я слышала твой разговор с Астаротом. Он говорил, что открытие врат (если это, всё-таки, были они), возможно, произошло из-за моей близости с Аббадоном.

— Я отвечу тебе так же, как и ему. Нет никакого подтверждения этому.

— Но, если, всё же, предположить, что это было так... Чисто теоретически, как секс с Аббадоном мог вызвать такое?

— Никак, — отрезал Самаэль. — И хватит об этом.

— Почему, кстати, Аббадона, кроме как демоном разрушения, называют демоном бездны? Он как-то связан с этой Бездной, о которой мы говорили?

— Так его нарекла Адалисса. А почему — только ей и известно.

— А Астарот...

— Милена, — прервал меня мужчина. — Ты что-то говорила о последнем вопросе.

— Ладно, самый-самый последний. Обещаю. Что связывает тебя с Астаротом? Он был единственным демоном, которого я увидела тогда в твоём дворце. Думаю, он единственный и знал о моём нахождении у тебя. Значит, ты ему доверял? Да и в этой жизни... он тобой интересуется. Почему?

— Мы с Астаротом — братья.

— То есть?! — поражённо посмотрела я на него. — Вы же были ангелами! Вы тоже были, изначально, кем-то созданы. Какие ещё братья?!

— Не в том смысле, который ты вкладываешь в эти слова. Разумеется, мы не были рождены от одной женщины. Как ты и сказала, мы были созданы. Но, созданы мы были из одного сгустка силы.

— Не понимаю...

— Ну, как ты, вообще, представляешь себе создание кого-то или чего-то?

Я честно попыталась представить. На ум, почему-то, приходило только две сцены. Первая: девушка-волшебница творит что-то с искрами, фейерверками. И вторая, где какое-то огромное божество лепит человечков из глины, которые, впоследствии, оживают.

— Никак не представляю, — наконец, сказала я — говорить о моих глупых фантазиях

не хотелось.

— В общем, если говорить об ангелах или демонах, то мы — существа чистой силы. Мы были созданы из неё. Мы состоим из неё. Каждый ангел, изначально, был создан из такого вот сгустка, — в руках Самаэля появился небольшой светящийся шар.

На вид, маленький и безобидный, он источал такую силу, что хотелось закрыть глаза, чтобы не смотреть на него. Он не светил ярко, но, казалось, ослеплял. Сила... Могущественнее и древнее ангелов и демонов... Субстанция, из которой они были созданы.

— Обычно, один сгусток — один ангел, — тем временем, говорил ангел смерти. — Но, один сгусток оказался слишком большим для одного. И тогда, наш создатель решил разделить этот сгусток на двоих. Так, мы с Астаротом и появились — изначально связанные друг с другом сильнее, чем кто бы то ни был. Эту связь не объяснить словами. Самое близкое, наверное, сравнение — это сиамские близнецы. Настолько близкие друг другу, что не могут разделиться. Даже когда мы стали демонами, эта связь не исчезла. Мы не можем солгать друг другу, предать, убить... Для нас это просто кажется противоестественным.

— Кажется, теперь я понимаю, почему Астарот так злился, когда узнал, что я сделала тебя своим эррильзаром, — тихо произнесла я. — Осознание того, что единственный, кого ты можешь назвать родным, попал под чью-то власть или зависимость, вывело его из себя. Что и не удивительно. А среди демонов или ангелов есть ещё такие, как вы?

— Нет. Мы были первым и последним экспериментом своего создателя. Даже не знаю — удавшимся или нет.

— Но, если ты не можешь ему солгать... Он уже знает о том, кто я?

— Да. Мы говорили об этом в нашу последнюю встречу. Но, можешь не беспокоиться об этом, Милена. От него никто ничего не узнает. Ни Аббадон, ни кто-либо ещё. И тебя он не тронет, чтобы ты не сделала.

— Последнее, конечно, внушает оптимизм, но... — я вздохнула. — Почему...

Я не успела даже моргнуть, как оказалась, буквально, прижата к стене телом Самаэля. Я, с некоторым страхом, посмотрела на него... Спокойствия в мужчине не было и в помине. Желание. Сильное... всепоглощающее... неудержимое... Я видела его в каждом движении и в каждом прикосновении ангела смерти.

— Я больше не хочу ждать, Милена. На все твои, оставшиеся, вопросы, я отвечу после. А сейчас... позволь мне насладиться тобой.

А я чувствовала, что хоть он и спрашивает позволения... чтобы я не сказала, он не остановится. Но... я не собиралась отказывать. Я позволила.

Глава 50.

— Самаэль... я, немного, боюсь, — тихо произнесла я, когда мужчина ко мне прикоснулся.

— Чего?

— Ты так меня хочешь... А, вдруг, я тебя разочарую? Не оправдаю твоих ожиданий?

— Откуда у тебя такие глупости в голове?

— Ну-у... Ты любил Кэтэрину — чистую, наивную... невинную. А я сейчас... совсем другая.

— Глупая... — мужчина прижал меня к себе. — Кэтэрина, Милена... Кем бы ты ни была... Какой бы ты ни была... Ты не можешь меня разочаровать.

Даже несмотря на его слова... я робела перед ним. Словно, это должно было стать моим первым разом. Почему — не смогла бы объяснить себе и сама. Страх, волнение... и ожидание чего-то такого... неизведанного. Моя любовь к Самаэлю, как Кэтэрины... Почти забытая, щемящая... пробудилась во мне с новой силой. Я знала, что это — просто влияние момента. Что чувства схлынут. Что совсем скоро я вернусь в свой безжалостный и жестокий мир. В мир, где нет места любви. Но, сейчас... хотелось забыть обо всём этом. Думать только о нём — о моём ангеле. Ангеле смерти.

Шорох упавшего на пол платья... Мой короткий вздох, когда Самаэль подхватил меня на руки... Прохлада шёлковых простыней на постели... Ласковые прикосновения... Красивое обнажённое мужское тело, от взгляда на которое захватывало дух... Мне казалось, что я нахожусь в каком-то волшебном сне.

— Тебя, всё ещё, пугает моя сила, Милена? — спросил Самаэль, нависая надо мной. — Я тебя, всё ещё, пугаю?

Я обняла его за шею, поцеловала:

— Ты не пугаешь меня, Самаэль. А твоя сила... Благодаря ей, я получила эту жизнь. Я больше не боюсь ни тебя, ни твоей силы. Но... ты уверен, что хочешь продолжать этот разговор?

Продолжать разговор Самаэль не захотел. Вместо этого, он избавил меня от нижнего белья, стал покрывать поцелуями всё моё тело... Его пальцы коснулись моих крыльев, заставив меня, вздрогнув, застонать.

— У тебя такие чувствительные крылья... — мужчина коснулся языком запястья. — Как и запястья, — усмехнулся он, заметив мою незамедлительную реакцию.

— Что ты делаешь?

— Ищу твои чувствительные точки, — ответил он, переходя к ласкам моей шеи.

— Но... я и так могу... тебе их назвать. Ах! — лёгкий укус в шею заставил меня покрыться мурашками.

— О, нет, Милена. Искать самому, гораздо, интереснее, — Самаэль улыбнулся и мне от этой, хищнической улыбки, стало как-то не по себе.

Он исследовал меня всю. Он одарил своим вниманием и лаской каждый участок моей кожи... каждую чешуйку и каждое перо моих крыльев. От одного только этого я достигала экстаза. Непрерывно... Ласково... Нежно... Я так отвыкла от такого отношения к себе, что

подобное даже несколько пугало. Поцелуи, ласки, нежные покусывания... В начале, я принимала всё это, словно, запуганный затравленный зверёк, которого, неожиданно, стали гладить. Зверёк, который не знает, как реагировать на подобное. Но, Самаэль был терпелив. Он, словно, приучал меня к своим прикосновениям. Не торопился овладеть моим телом. Медленно, постепенно... Я не знала — чего ему это стоило — не сорваться и не потерять контроль, после стольких лет ожидания.

— Самаэль... ты себя сдерживаешь, — озвучила я свои мысли. — Не надо... не надо этого делать. Я же... не сахарная. Правда.

— Я знаю, что ты не сахарная, Милена. Но я хочу, в первую очередь, доставить тебе удовольствие. Ты слишком привыкла к тому, что твоим телом просто пользуются. Зачастую, ты не получаешь ни прелюдии, ни ласки. Я хочу это исправить.

Трудно представить, что последнее существо, от которого я получала ласку — это была женщина. Лилит. От мужчин я уже давно подобного не ждала. Но, сегодня... Самаэль подарил мне всё это. Подарил мне то, что мне было так необходимо всё это время. То, чего мне так не хватало. И пусть мне было сложно, вновь, учиться правильно реагировать на прикосновения, которые не приносят боль, не пытаются подавить, подчинить... но, я была старательной ученицей. А Самаэль был отличным учителем. Не сразу, постепенно... я перестала, подсознательно, ожидать подвоха. Тело перестало вздрагивать при каждом касании. Ушло напряжение — я расслабилась, позволив себе окунуться в мир ощущений. Сосредоточиться только на них. Ощущениях удовольствия, ласки... безопасности. Именно безопасность я чувствовала, находясь в объятьях смерти.

— Мне с тобой так хорошо, Самаэль, — тихо произнесла я. — Как не было ещё ни с кем. Но... ты не даёшь мне почувствовать главного. Как и самому себе. Пожалуйста, Самаэль... сделай то, чего так желаешь. И чего желаю я.

— Я должен предупредить тебя, Милена, что могу напугать тебя. Я могу потерять контроль над собой, над своей силой... Разумеется, я не наврежу тебе, не раню, но... ощущения могут быть не слишком приятными.

— Меня это не волнует. Я хочу тебя, Самаэль, а всё остальное... не имеет значения. Даже если я испугаюсь... потом ты меня успокоишь. Этого достаточно. Так что... возьми же то, чего ты ждал так долго.

Медленно, осторожно... словно, я была хрупкой статуэткой... не прекращая ласкать меня... Самаэль овладел мной. Сначала — не торопясь, потом всё быстрее и быстрее... Страстно... Сладко... Сильно... Жарко... Стоны, крики... Оргазм за оргазмом... Разгорячённые тела... Капли пота на коже... Сознание затуманивалось. Я и думать забыла, о чём предупреждал меня Самаэль...

Это обрушилось на меня в одно мгновение. В начале, я почувствовала леденящий холод. Затем, мне стало, невыносимо, страшно. Не потому, что что-то случилось, а просто, кроме страха, внутри ничего не осталось. Ужас... он овладел всем. Я подняла взгляд на Самаэля, но, почему-то, его лица не разглядела. Я видела, лишь, тьму. Тьму, которая мной владела. Я стала вырываться, но меня держали крепко. Я находилась во власти силы, которая ужасала, поглощала, пожирала... убивала. Моё сознание, как будто, затопила безысходность. Сила... древняя, неумолимая... Казалось, что она меня сейчас погубит. Я уже была к этому готова... Я зажмурилась, в страхе... Но, ощутила, как эта древняя монолитная сила, словно, схлынула, как вода. Я больше её не чувствовала. Я ощутила поцелуй Самаэлю на своих губах:

— Прости, Милена. Я сильно тебя напугал.

— Всё... всё хорошо, — я слабо улыбнулась ему. — Ты же предупредил меня об этом. Всё хорошо. Поэтому... давай, продолжим?

— Ты уверена?

— Конечно. Не волнуйся за меня.

Страх ушёл. Удовольствие осталось. Те чувства ужаса и безысходности больше не возвращались. И, до полного изнеможения, мы наслаждались друг другом.

— До сих пор думаешь, что можешь меня разочаровать? — поинтересовался Самаэль, когда мы лежали в постели.

— Тебе виднее. Но, ты сам меня, несколько, не разочаровал, — я поднялась, а потом села на мужчину сверху.

— Что ты задумала? — с интересом спросил он.

— Хочу найти твои чувствительные точки. Ведь, это так интересно...

— Знаешь, о чём я, вдруг, подумала? — повернулась я к Самаэлю, одеваясь.

— О чём? — он смотрел на меня, словно, любуясь.

— О том, что... что если так задуматься, то я должна быть благодарна Фероксу. В какой-то мере.

— Почему?

— Если бы я не была нужна повелителю драконов для продолжения рода... В таком случае, Люциферу не было бы никакого смысла спасать меня от договора с Аббадоном. Люцифер не признал бы мой договор с Анхелем действительным, если бы это было не нудно ему самому. Повелителю демонов было бы плевать на то, что какая девчонка (пусть и необычная полукровка) станет игрушкой Аббадона. Но, в дело вмешался Ферокс.

— Ты так думаешь, Милена? Нет, если бы Ферокса не было, а Люцифер увидел бы тебя... С такой же внешностью, как у Адалиссы... Чёрная богиня дала ему всё то, что он имеет сейчас. Этот мир, его трон... Я не знаю, как он лично относился к Адалиссе, но Люцифер не отдал бы тебя Аббадону. Он бы взял тебя себе.

— Значит, я стала бы не игрушкой Аббадона, а игрушкой владыки Ада? Можно сказать, что я и так ею стала, — я усмехнулась. — Но, всё же... без Ферокса моя судьба могла бы быть намного хуже.

— Ты пытаешься найти что-то, что позволило бы тебе лучше относиться к своему мужу? — Самаэль подошёл ко мне сзади, приобнял за плечи.

— Может быть, — я позволила своему телу расслабиться, облокотившись на мужчину. — Жить в постоянной ненависти, конечно, вполне, возможно, но... Я всегда буду ненавидеть Люцифера, Аббадона, Абигора, Асмодея... и очень многих других. Я ненавижу даже своего ерата, несмотря на то, что его безумие меня, не раз, выручало. И, несмотря на то, что я, периодически, сплю с ним, и мне это нравится. Я, всё равно, его ненавижу. В моей жизни так много ненависти, что...

— Что ты хочешь вычеркнуть кого-то из её списка? Но, почему Ферокса? Он же был тем...

— Тем, кто убил Кая и многих других, — закончила я. — Да, я помню. И никогда этого не забуду. Но, как ни крути, он будет отцом моих детей. И он дал мне шанс на то, чтобы не быть просто постельной игрушкой для него. А в убийстве... Ферокс действовал, как истинный чёрный дракон. Я не оправдываю его. Но теперь, столько времени проведя среди драконов и демонов... я его понимаю. Ведь, я поступила так же, как он. Со светлыми

эльфами, в Светлом лесу. Те, с кем я связывала свою жизнь в Дуалоне, мешали Фероксу. Вот и всё.

— Даже если ты можешь понять его, Милена, это не означает, что ты сможешь заглушить в себе свой гнев и ненависть к нему.

— Даже несмотря на то, что часть меня его обожает, а кровь драконов закипает в его присутствии так, что я теряю над собой контроль?

— Ты так сильно желаешь научиться испытывать к Фероксу нечто, вроде, симпатии?

— Я... я начинаю захлёбываться в ненависти, — призналась я. — Я тону в ней. Во мне умерли многие чувства. Кроме неё — ненависти. И её... слишком много. Она в каждой моей мысли, в каждом моём сне. Раньше, я думала, что это — правильно. Что так и должно быть. В моей жизни не должно остаться ничего, кроме ненависти и жажды мести. Но, теперь... я этого боюсь, Самаэль.

— И поэтому ты хочешь вырваться из моря этой ненависти за счёт Ферокса?

— Наверное. Осуждаешь меня за это?

— Нет, — он замолчал на какое-то время, а, затем, продолжил. — Если бы ты узнала, что Ферокс не убивал твоего возлюбленного, тебе было бы лучше с ним? Твоё отношение к повелителю драконов изменилось бы?

— Не знаю. Ведь, кроме Кая, Ферокс убил многих других. Но, почему ты задал этот вопрос? — я посмотрела на мужчину более внимательно. — Неужели... неужели Ферокс не убивал... не убивал Кая?!

— Да. Хотя, сам повелитель драконов об этом и не знает. Он нанёс Кайоме Макфею серьёзную рану, но не смертельную. И оставил его умирать. Добил Макфею другой.

— Ты... ты знал об этом?! — я вырвалась из объятий Самаэля (он и не пытался меня удержать). — Всё это время... ты знал, что Ферокс не является убийцей Кая! Почему... почему ты ничего мне об этом не сказал?! Почему говоришь только сейчас?!

— Потому, что к тебе вернулась память Кэтэрины. И потому, что мне пришлось сказать тебе о нелюбви Савариса Кавэлли к Ребекке Деланье. О любви Савариса к Адалиссе. Если бы ты ничего из этого не знала... Я хотел, чтобы ты могла верить хоть во что-то. Любовь демона и человека... Красивая легенда, которая, благодаря твоей вере в неё, была реальностью. Легенда, которой в твоей жизни теперь не существует. А поэтому и покрывать Савариса для меня уже нет никакого смысла. Это он является убийцей твоего возлюбленного.

Сложно было поверить в услышанное. Практически — невозможно. Всё это время я была уверена, что это Ферокс убил Кая. А теперь... оказывается, что это сделал тот, кому я, как я считала, могу доверять больше, чем кому бы то ни было.

— Отец... Саварис... Самаэль, скажи мне... В тот день, когда ты выпроводил Савариса из мира драконов... Ферокс был прав, да? Он не лгал. Саварис... желал меня?

— И сейчас желает, Милена. И будет желать всегда. Ты для него не дочь. Ты для него — возлюбленная Адалисса. Мне, действительно, жаль...

Гнев... Ярость... Отчаяние... Но, вместе с этим, осознание, что меня больше не будут обманывать. Не будут изображать доброго заботливого папу. Я этого больше позволю.

— А мне — нет! — заявила я, подошла к Самаэлю вновь, взяла его лицо в ладони и, глядя в глаза, сказала. — Я не жалею о том, что узнала правду. Я не жалею о том, что я теперь всё знаю. Саварис Кавэлли, Ребекка Деланье... По сути, они даже не являются моими родителями. Они, лишь, породили оболочку. Тело. Моей матерью была Адалисса. А в этой

жизни... я тебя, в большей степени, могу считать своим отцом. Хотя... ты явно будешь против такого отношения к себе, — я улыбнулась. — Самаэль... ты так много сделал для меня. Ради меня ты пошёл на такое, чего нельзя даже представить. Рискнул очень многим. И это несмотря на то, как я поступила, когда была Кэтэриной. Не знать всего этого... было бы нечестно. Не знать о моей матери, о тебе — кому я обязана жизнью... Я не жалею. И я не жалею о том, что ты мне рассказал о моём, так называемом, отце. Ты открыл мне глаза на него, только и всего. И я благодарна тебе за это. Одной привязанностью в этой жизни стало меньше. И это хорошо. Мне не нужны привязанности. Ни к кому, кроме тебя. Ты, ведь, всегда будешь со мной, правда?

— Я говорил тебе об этом не раз, Милена, — он взял меня за руку, касаясь губами запястья.

— Да, говорил. Но, мне нравится это слышать.

— Я всегда буду с тобой. Я никогда не оставлю тебя. Больше — никогда, — он поцеловал меня с той непередаваемой нежностью, на которую был способен только он.

— Если ты ещё раз так меня поцелуешь, то мы не выйдем отсюда, как минимум, час, — вынуждена была я предупредить.

— Ты удивишься, если я скажу, что этого и добиваюсь?

— Увы, но с этим придётся, всё же, подождать, — вздохнула я, отстраняясь от него. — Мне нужен твой брат — Астарот. И много, кто ещё. И дела в Зиградене никто не отменял. Эх, а как было здорово читать в детстве книжки о принцессах и королевах. Как я им завидовала... Думала, что у них сказочная жизнь — никаких забот и делают они только то, что заходят. А когда сама стала... королевой, то поняла, что ничего хорошего в этом нету ни черта.

— Делай то, что считаешь нужным. Но, по поводу привязанностей... сдаётся мне, что ты ошибаешься, Милена, — произнёс мужчина.

— В плане? — с удивлением, спросила я.

— Ты сказала, что тебе не нужны привязанности. Но, они будут. Во всяком случае, одна.

— К моему ребёнку? Но, это же естественно...

— Я говорю не о твоих детях. Привязанность матери к своим детям — это само собой разумеющееся. Не в случае демонов, конечно, но ты — исключение. Я говорю о Фероксе. Ты ищешь путь, чтобы не ненавидеть его. И сейчас ты можешь вычеркнуть одну из причин своей ненависти к нему. Кайому Макфея дракон не убивал.

— Ну и что, что не убивал? — пожалала я плечами. — Как я уже говорила, он убил многих других. Да и... даже если я перестану его ненавидеть... привязанность... невозможно!

— Это ты сейчас так говоришь, Милена. Но, Ферокс — отец твоих будущих детей. А это значит очень многое. И ты желаешь его. А те, кого он убил... Многих ты даже не знала. А те, кого знала... они не были твоими близкими друзьями, Милена. И скоро их лица сотрутся из твоей памяти. Ты забудешь их. Те, кого ты будешь помнить всегда... Кай, Николь, Лавиния... Их дракон, как раз, не убивал. А если ваши с ним отношения наладятся... чувство привязанности зародится.

— Ты заблуждаешься, Самаэль, — покачала я головой.

— Может быть и так, но... мне кажется, что — нет.

Я застегнула последнюю застёжку на платье и собралась уходить. Но, вспомнила ещё кое о чём.

— Самаэль, я знаю, что и кровь демонов и кровь драконов вызывает зависимость. Но...

если одна кровь не вызывает зависимости, это же не может делать другая. Разве, не так?

— Рассказывай, что случилось, — велел мне Самаэль.

— Я пробовала кровь Верховных демонов. Не только твою. Я пила кровь Люцифера. Асмодея... даже Аббадона. Но... ни одну из них мне не хотелось потом пробовать снова. Мне только понравилась кровь Аббадона, но, впоследствии, я не мечтала о ней. Не желала её. Кровь Ферокса я тоже пробовала. Да, магию и силу я её чувствовала. Но, опять же зависимости она не вызывала. А вот в последний раз... мне так хотелось крови Ферокса! Я, до сих пор, желаю её, стоит, лишь, вспомнить о ней! Такого же... не должно быть?

— Не должно... — Самаэль окинул меня задумчивым взглядом. — Если кровь бессмертного не вызвала у тебя зависимости с первого раза, значит, у тебя иммунитет к ней. И меняться это не должно. Разве что... что-то изменилось.

— Да нет, вроде, — с сомнением произнесла я. — Никаких изменений не было. Всё было, как обычно.

— Что-то, всё равно, должно быть. Просто так зависимость от крови дракона появиться не могла.

— Не могу вспомнить ничего такого, — даже как-то виновато, ответила я. — Но, если вдруг... Я, обязательно, тебе скажу.

Мой дворец в Зиградене встретил меня некоторыми изменениями. Изменения касались поведения слуг. Если до этого дня они прислуживали мне и исполняли мои приказы, лишь потому, что я, так сказать, повелительница по должности, то теперь... было по-иному. Сейчас они были подобострастные, заискивающие... И от них, просто-таки, воняло страхом. «Похоже, моя чистка рядов Кавэлли, семейной тайной не осталась, — пришла я к выводу. — Что ж... Тем лучше».

Я хотела, сразу же, пойти к Астароту — за кольцом, но... меня остановил Драйк, сообщивший, что мой отец хочет со мной встретиться.

— Отец, говоришь? — я зло усмехнулась. — Хорошо, я с ним пообщаюсь. Пригласи его в зал.

— Как прикажете.

Встреча с Саварисом Кавэлли меня, нисколько, не пугала и не волновала. В свете последнего, что я о нём узнала... переживать о чувствах этого демона или ещё что-то... было бы глупо. Я ощущала только обиду. Обиду за то, что тот, кому я верила, лгал мне всё это время.

«Какой же я была глупой и наивной, — думала я. — Любовь демона к человеку... Как можно было поверить в такую чушь? А его забота обо мне... Забота? Он убил Кая! Зачем? Сейчас и спрошу его об этом».

Саварис уже ждал меня:

— Милена... Прости, но я вынужден отказать тебе в том, чтобы быть твоим наставником в управлении. Причины отказа не важны и...

— Достаточно! — прервала я его. — Ты мне и так уже не нужен. Кроме того, с этого момента, я навсегда изгоняю тебя из семьи Кавэлли и из Зиградена. А у повелителя, я попрошу, чтобы он тебя, полностью, изгнал из мира демонов. Но, перед тем, как ты уйдёшь прочь, ответь на один вопрос. Почему ты убил Кая?

Страх... Страх в глазах демона был чуть ли не таким же, как был у слуг. Я почувствовала отвращение к мужчине.

— Как... как ты узнала?! — а затем, к нему пришло понимание. — Господин Самаэль! Лишь ангел смерти мог тебе рассказать!

— Не вижу смысла отрицать. Так, зачем ты убил того, кого я любила?

— Тот, кого ты любила? — лицо Савариса, мгновенно, исказила злость. — Этот смертный был не достоин тебя! Жалкий... слабый человечиска! Как я мог позволить... чтобы ты была с ним?! К тому же... он и так был ранен! Я, лишь, облегчил страдания этого человечиска!

— Облегчил страдания? Не достоин меня? А кто меня достоин, по твоему мнению? Ты сам, Саварис?

— Зачем... Почему ты называешь меня по имени?

— А ты мне не отец... Саварис, — с нажимом на последнее слово, произнесла я. — По мне, так отец не должен желать свою дочь. А если он её желает... то отцом называться не имеет права. Да, ты демон и для тебя инцест — это, в общем-то, нормально. Но я слишком долго жила среди людей. Мне такого не понять, даже проведя уже довольно достаточно времени в Преисподней. Ты, ведь, хочешь меня, верно? Саварис...

— Господин Самаэль рассказал тебе всё... Да, я хочу тебя, Милена. Так хочу...

— Меня хочешь? Или, всё-таки, Адалиссу? Хотя... мне без разницы, честно говоря. Мне уже всё равно. Сегодня ты исчезнешь, и я надеюсь, что навсегда. Прямо сейчас.

— Милена... Перед тем, как я уйду... Раз уж ты всё знаешь... Может, ты мне позволишь?

— Позволю что?

Демон приблизился ко мне на два шага:

— Позволишь прикоснуться к тебе? Только прикоснуться... Ничего больше.

Мне стало тошно. Неужели, это был тот, о ком я думала, что он единственный, кому я смогу довериться в этом мире? Тот, из-за кого я так страдала, получив от Люцифера запрет на сближение с ним? Как же легко теперь я могла исполнить приказ владыки Ада!

— Не смей подходить ко мне, тварь! — рассерженно прошипела я, заметив, что мужчина сделал ко мне ещё один шаг.

— Милена, прошу...

— Для тебя я — госпожа Милена!

Я увидела каждый сосуд, находящийся в теле демона. Я увидела все потоки крови, все её направления. «Контроль крови»... Способность, которая позволила мне приструнить своего брата — Лэйрата. Способность, позволяющая управлять кровью Кавэлли. Сейчас я была зла. Мне было мерзко от одного вида Савариса Кавэлли. Мне хотелось причинить ему боль. И я это сделала. Все кровяные потоки в теле Высшего демона, я направила в противоположные стороны. Не замедлила, не остановила... а изменила их ход. И, судя по всему, это было невыносимо больно. Саварис Кавэлли кричал, вопил... А я наблюдала за ним и не давала умереть, держа на самой грани.

Наконец, мне наскучило происходящее. Я позволила крови Савариса течь по нему так, как должно. И когда демон смог подняться на ноги, я сказала:

— А теперь, убирайся. Чтобы я тебя больше никогда в своей, долгой-долгой жизни, не видела.

— Ты... ты ненавидишь меня?

— Ненавижу? Нет. Такое ничтожество, как ты, не заслуживает такого чувства, как ненависть. Даже с учётом того, что ты убил Кая. Точнее, добил его, раненого. Убирайся!

Через минуту, ещё будешь здесь — я тебя убью. И, поверь мне, сделаю это, без всяких сожалений.

Хлопнула тяжёлая двухстворчатая дверь зала и Саварис Кавэлли, навсегда, ушёл из моей жизни.

Глава 51.

Рядом со мной кто-то глухо заворчал. Это был Ренэтус. Он злобно скалился на дверь, за которой скрылся Саварис Кавэлли.

— Хватит, Ренэтус, — я положила ладонь ему на голову. — Он уже ушёл и не вернётся. А я, ведь, так и не спросила Самаэля о тебе... А, может, этого и не нужно делать? Чтс думаешь?

Щенок адской гончей смотрел на меня своими кроваво-алыми глазами и, конечно же, ничего не ответил. Только хвостом махнул. И гавкнул, как мне показалось, что-то ободряющее.

— Пора идти к Астароту, — я встала и пошла прочь из зала. — Совет уже скоро, а договорённости с Аббадоном всё ещё нет. Ренэтус, ты со мной к Астароту не пойдёшь, — предупредила я щенка, который пошёл следом за мной. — Опасность у герцога мне не грозит, и твоё присутствие может быть воспринято, как оскорбление. Да и... мал ты ещё.

Не знаю, сколько слов из моей речи понял Ренэтус, но когда я, воспользовавшись браслетом, создала портал, он сел рядом с ним, своим видом показывая, что со мной не пойдёт — будет ждать. Только, когда я шагнула в портал, в моей голове, словно, зародилась чужая мысль: «Будь осторожна, Милена. Демоны — существа коварные. Не позволяй им обманывать себя». Я говорила сама с собой? Или это было что-то иное? Я вспомнила, что Анхель говорил мне, что Ренэтус, когда подрастёт, сможет общаться со мной телепатически. «Неужели...» — я обернулась, но было поздно — окно портала захлопнулось, оставив меня во дворце Астарота, а Ренэтуса — в Зиградене.

«Может, мне просто показалось? — с сомнением подумала я. — Вдруг, я просто сама мысленно себя подбодрила, а показалось, что кто-то другой? Конечно, в таком случае, это выглядит, как признак безумия, но я этому уже не удивлюсь. Или... это, всё же, был Ренэтус, который смог послать мне свою мысль?»

— Госпожа Милена, — передо мной возник слуга. — Господин Астарот ждёт вас. Я вас провожу к нему.

Удивляться тому, что демон знает о твоём приходе, даже когда он и не ждал тебя, смысла не было. Я спокойно пошла за слугой, в покои хранителя сокровищницы Ада. Только... уже знакомый укол холода вселил в меня уверенность, что я получу всё, что захочу. И даже больше.

— Господин Астарот. Прошу прощения, что позволила себе наглость — открыть портал в вашем дворце, — я поклонилась Верховному демону. — Да...

— Давай без этих церемониальных фраз, — махнул рукой Астарот. — Раз ты здесь, значит, ты определилась с тем, что ты хочешь от меня? В обмен на встречу с Самаэлем?

Я отлично помнила о том, что должна попросить у герцога. Кольцо древней богини. Но... теперь я задумалась о том, а надо ли оно мне? Почему бы не попросить что-нибудь другое? Что-нибудь поинтереснее? Эта мысль была очень заманчива, но, затем, я вспомнила — кому именно нужно кольцо Белиат. Осознание этого, тут же, отрезвило. У меня не было желания подводить Аббадона. Ведь, если он не получит от меня то, что хочет... он может не сделать и не дать мне того, чего от демона бездны захочу я. И я думала, отнюдь, не о

поддержке Вельзевула Аббадоном.

— Да, я определилась, господин Астарот, — вслух произнесла я. — Я хочу кольцо богини Белиат.

— Кольцо Белиат? Зачем оно тебе? — не могу сказать, что демон был так уж шокирован моей просьбой, но он был удивлён.

— Оно нужно не мне, а моему покровителю — Аббадону, — честно ответила я. — А зачем — мне не известно.

— Почему он сам не пришёл ко мне?

— Потому, что ему было интересно послать меня. Вы же мне не откажете, господин Астарот? Это же такой пустяк...

— Пустяк? Забрать из казны Ада, довольно, могущественный артефакт древних, ты считаешь пустяком, Милена?

— Смотря, для кого. Это — пустяк для вас, а не для меня, — улыбнулась я. — Вы же — всемогущий хранитель казны Преисподней.

Астарот мне казался привлекательным. Как и любой Верховный демон. Сила... Я чувствовала её, желала её. Именно в этом плане меня и тянуло к Астароту. И ни в каком ином. Как мужчина, в отличие от Аббадона... он меня не сильно заинтересовал. Хотя, если для того, чтобы сильнее почувствовать его силу, я должна что-то сделать, то... почему бы и нет? Один шаг, второй... Ближе к Верховному демону, ближе к его магии... Слиться с ним, ощутить экстаз, прочувствовать кожей его могущество...

— Даже не думай, — хмуро посмотрел на меня мужчина.

— О чём? — невинно хлопнула я ресницами.

— Облик невинности тебе не идёт, — его губы искривились в презрении. — Твои намерения видно по твоим глазам. А они у тебя... как у змеи. Ты уверена, что ты была когда-то Кэтэриной?

А я уже и забыла-то, почти, про это. Нет, про свою жизнь, как Кэтэрины, я, конечно, помнила. Но, сейчас мне это казалось чем-то очень незначительным. Прошлая жизнь, по моему мнению, никак не могла повлиять на настоящую. И мне не нравилось то, какой была Кэтэрина. Глупая, наивная!.. Отвратительно! Я не хотела быть такой. Не хотела помнить.

— Да, я и Кэтэрина — это одно и то же, — сказала я. — Но... я не хочу, чтобы меня ассоциировали с ней. А я, ведь, вам совсем не нравлюсь, да? Ни как Кэтэрина, ни как Милена.

— Не нравишься, — согласно кивнул Астарот. — Ради тебя мой брат рисковал столь многим... Думаешь, что заслуживаешь этого?

— А это уже решать только Самаэлю, — я продолжала улыбаться.

Мне понравилось то, что я не оставила Верховного демона равнодушным. Эмоции будили силу, и неважно — какими они были. Магия щекотала кожу, покалывала её... Я чувствовала себя, как после долгой засухи. Засухи, которая закончилась глотком воды. И этого глотка было мало.

— Жди здесь, — приказал мне Астарот, перед тем, как уйти в портал, за секунду, появившейся рядом с ним.

Я, разочарованно, вздохнула. Сила Верховного демона исчезала вместе с ним. Но, раз уж он приказал ждать, значит, так и надо делать. Если Аббадона у меня было желание подразнить, попробовать не подчиниться, то с герцогом, подобным образом, вести себя не хотелось.

Астарот вернулся через несколько минут и вложил мне в руку кольцо. Хотя, оно и принадлежало богине, но больше походило на мужское. Очень массивное, толстое. Простое на вид, без каких либо украшений, помимо, грубо обработанного, небольшого тёмно-синего камня.

— Это — кольцо Белиат, — сказал Астарот. — Забирай его и убирайся отсюда.

— Благодарю вас, господин Астарот, — я собралась уходить. — Скажите, я вам не нравлюсь только из-за Самаэля? Или ещё по какой-то причине?

— Дай-ка я тебе кое-что объясню, Милена. У демонов (да и у ангелов) не может быть привязанностей. Мы никого не любим, ни к кому не испытываем чувств сострадания или ещё чего-либо подобного. Мы даже к своим детям не испытываем тёплых чувств. Но... мы с Самаэлем стали исключением из этого правила. Только друг для друга. Мы были рождены братьями. Во всей этой вселенной мы, друг для друга, были единственными, кто был нам дорог. Но, затем...

— Затем, появилась Кэтэрина?

— Да. Затем, появилась эта бабочка, влюбившаяся в Самаэля. И, по непонятным мне причинам, он ответил ей взаимностью. Он продолжал тебя любить даже тогда, когда ты предала его! Когда ты покончила с собой, я думал, что, наконец-то, Самаэль освободится от этой глупой любви. Но... этот дурак вернул тебя к жизни! И ты продолжаешь его предавать и использовать! Ты считаешь, что у меня не достаточно причин, чтобы ты мне не нравилась?

— Достаточно. Прошу прощения, господин Астарот и до встречи.

«Это — ревность! — думала я после того, как покинула Астарота. — Без всяких сомнений — это она! Астарот злится, ревнуя своего брата ко мне. М-да... неожиданно. Надо быть с ним поосторожнее. А сейчас, надо отдать кольцо Аббадону».

— Я принесла тебе кольцо Белиат! — радостно провозгласила я, отдавая украшение демону бездны.

— Не ожидал, что у тебя получится, да ещё и так быстро. Значит, Астарот, действительно, был тебе должен? — произнёс Аббадон, вертя в руках полученное кольцо.

— Я же говорила тебе об этом.

В этот момент на меня, словно, вылился ушат ледяной воды. Радость от встречи с Верховным демоном исчезла в один миг. Я вспомнила о том, что именно из-за него я потеряла свою прошлую жизнь. Вспомнила о том, как любила эту тварь, а получила за это столько боли. Потеряла свою мать — свою создательницу. Потеряла всё! Единственным желанием у меня сейчас было — вцепиться в горло Аббадона и разодрать его так, чтобы он захлебнулся в своей собственной крови.

«Ну почему ты, демоническое отродье, уходишь тогда, когда нужна больше всего?! — высказала я претензию самой себе — той, кем я становлюсь. — Почему ты оставляешь меня наедине с последним, с кем я, вообще, хочу находиться в одном помещении, в одном городе, в одном мире?! Ненавижу!».

Чувство любви к Аббадону, которую я испытывала к нему когда-то, я постаралась запихнуть в самый дальний угол моего сознания. Конечно, было бы желательно, чтобы этого глупого чувства и вовсе не существовало, но... от прошлой жизни и её событий мне было никуда не деться.

— Тобой, снова, овладело безумие, Милена? — с усмешкой посмотрел на меня Верховный демон. — Такая резкая смена настроения... она слишком заметна по твоим

глазам.

— Правда? Что ж... в следующий раз постараюсь, чтобы не было заметно, — пообещала я. — Я сделала то, что ты хотел, Аббадон. Теперь, ты поддержишь кандидатуру Вельзевула на Совете?

— Да, я выполню нашу договорённость. Кандидатура Вельзевула будет поддержана мною. Хотя... будешь ли ты рада этой кандидатуре...

— Мы это уже обсуждали, — напомнила я демону. — Мой мир — мир демонов. Меня не касается и не интересует, кто будет покровителем Дуалона.

Неожиданно, я поймала себя на мысли, что меня это, действительно, не интересует. Дуалон... казался сейчас таким далёким. Жизнь в этой стране теперь больше походила на, почти забытый, сон. Даже жизнь Кэтэрины мне казалась более близкой. Да и не было уже в Дуалоне никого, кто был бы мне дорог. Только Загир. Но и то... близким другом он мне никогда не был. Если он умрёт... я, вряд ли, что-то почувствую. Мне будет всё равно. Вот такой я стала безразличной к судьбе того, кого знала когда-то. Хорошо это или плохо? Думаю, для этой жизни, в самый раз.

— Я слышал, что Самаэль согласился стать твоим эррильзаром, — произнёс Аббадон. — Это правда?

— Да, правда. Ты против?

— Мне интересно. Мне интересно, почему Самаэль на это согласился. Зачем ты ему нужна?

— Он меня любит.

— Любит? Эта ситуация напоминает мне одну давнюю историю. Историю о глупой бабочке. Самаэль эту бабочку любил, а бабочка... любила меня.

«Ты даже не представляешь, Аббадон, на сколько, на самом деле, эта история похожа на нынешнюю ситуацию. Даже действующие лица одни и те же».

— Значит, бабочка, действительно, была глупой, — откликнулась я на слова демона. — Полюбить демона... то же самое, что полюбить гремучую змею. Результат, по крайней мере, такой же. И чем же эта история похожа на сегодняшнюю? — всё же, спросила я, хотя, ответ был мне известен.

— Снова одна девчонка между мной и ангелом смерти, — Аббадона эта ситуация, явно, забавляла. Только, в этот раз, всё так быстро не закончится.

— Я могу идти? — было видно, что Аббадон хочет развить данную тему, чего бы мне совсем не хотелось.

— Иди, — позволил мужчина. — Но, сегодня мы с тобой ещё встретимся на Совете.

До самого Совета было ещё много времени, и я решила занять его, так сказать, просвещением. Просвещаться я решила в мире драконов — в библиотеке дворца правителей. Я помнила об одном из условий, что ставил мне Ферокс, и откладывать его выполнение я посчитала лишним.

«Значит, я должна знать о драконах не меньше, чем о демонах? — я открыла первую книгу. — Ну, что ж. Это самое простое условие. С ним проблем, точно, не будет. Тем более что не с чистого листа же начинаю. Какие-то знания о драконах у меня, всё же, есть».

Начала я с истории мира. С момента его создания и заканчивая сегодняшним днём. Даже прочитала легенду о сотворении этого мира двумя сёстрами-богинями, не сильно в неё веря. Изучила драконьи династии, правящие этим миром. Правда, последних было, лишь, три, ввиду бессмертия расы. И все правящие династии были из рода чёрных богов-драконов.

Узнала о том, что правителей когда-то выбирали не по старшинству, а по результатам поединка. Кандидаты на трон сражались друг с другом, до смерти соперника. Кто оставался жив, тот и побеждал.

«А мой супруг, почти, сохранил эту традицию, — усмехнулась я про себя. — С Нуаром-то он сражался. Пусть и не до смерти».

Я узнала, что когда-то в этом мире существовал ещё один род богов-драконов — белые драконы. Но, что с ними случилось и куда они исчезли... Если кто-то и знал ответы на эти вопросы, в книги этого не записал. Сохранились только изображения этих драконов. Белоснежные, изящные... Я, сразу, вспомнила Дайону. Ведь, именно в облике белого дракона она мне и являлась во снах. Значило ли это что-нибудь? Может, она была как-то связана с исчезнувшим родом?

— Вижу, котёнок зря времени не теряет, — от неожиданности раздавшегося голоса своего мужа, я чуть не выронила из рук книгу. — И что же интересного ты, для себя, узнала? — Ферокс прошёл в библиотеку и остановился в нескольких шагах от меня.

Боялась ли я его сейчас? Я бы не сказала... Скорее, я чувствовала себя неуютно рядом с ним. Железной уверенности, что со мной ничего не случится, всё равно, не было. Я чувствовала опасность. Пусть и не так остро. Возможно, мне помогло знание того, что Ферокс — не убийца Кая. Хотя, сам он об этом и не знал. И я не собиралась его в это просвещать. Да и, я думаю, чёрному дракону было бы, абсолютно, плевать на это. Ненависть... она была. Мало хотеть от неё избавиться. Я знала, что процесс этот будет долгим.

— Я не знала, что когда-то существовал ещё один род богов-драконов, — ответила я Фероксу. — Ты знаешь, что с ними случилось?

— А у самой какие версии? — поинтересовался мужчина.

Меня посетило не самое приятное чувство, что я школьница, сдающая учителю пройденную тему. Да и тон Ферокса слишком уж напоминал преподавательский. Тем не менее, я пыталась размышлять.

«Действительно, что могло случиться с целым родом? Ладно, если одна семья чёрных драконов истребила другую. Но... целый род? Война? Или какое-нибудь стихийное бедствие? Нет, последнее отбрасывается сразу. Если бы причиной была стихия, пострадали бы и другие рода. Что тогда ещё, кроме войны и стихии? Проклятье? Магия?».

Все варианты я и выложила Фероксу.

— Больше никаких версий нет? — в голосе Ферокса была насмешка, что не могло не раздражать.

От злости, стала думать дальше: «Если это не то, что я перечислила, то, что тогда? Что могло повлиять на один род, не задев остальные?».

— Слабость, — наконец, произнесла я. — Они были слабы к чему-то. Слабее, чем все остальные.

— Верно. Причиной их гибели была слабость, — может, мне показалось, но, кажется, Ферокс остался доволен моим ответом. — Они были слишком слабы для жизни в этом мире. У золотых драконов есть мудрость. У красных — сила. У чёрных — сила и жестокость. У белых же не было ничего. Единственный их дар — дар целительства. И ещё — безграничная глупая доброта ко всем. Хуже, чем у золотых. Белые драконы были слабым звеном, поэтому... от них избавились.

— Избавились? Кто?

— Мы. Их сородичи-драконы.

— Но... почему?

— Как я уже сказал, они были слабы для этого мира. А от слабости надо избавляться. Даже золотые драконы, славящиеся милосердием, согласились тогда с этим.

— Ты тоже тогда участвовал в... этом? — очень хотелось назвать это геноцидом, но я сдержалась.

— Это было очень давно, котёнок. Меня тогда на этом свете ещё не было. Но, иного решения я бы не принял.

— Но, чем мешали белые драконы? Только слабостью? Я не осуждаю — я пытаюсь понять. Ведь, как я понимаю, агрессии этот род ни к кому не проявлял, ни с кем не конфликтовал. За что же их уничтожили? Только, лишь, из-за слабости?

— Помнишь, у нас был с тобой разговор о людях, демонах и драконах? Что люди придумали законы и мораль потому, что они — слабы? — напомнил мне дракон.

— Да, я помню об этом. То есть, ты хочешь сказать, что раз белые драконы не вписывались в это утверждение: «Мы не слабы», их за это и... полностью истребили?

— Да.

«Не то, чтобы я этого совсем не могу понять, — подумала я. — Быть слабым звеном в таком мире, как мир драконов или демонов... это — смертный приговор. Слабые не выживают. Самый натуральный естественный отбор — что тут ещё скажешь. Если бы мне не покровительствовали... если бы не Ферокс... страшно представить, какая судьба ждала бы меня саму».

В этот момент, Ферокс сделал ещё один шаг в мою сторону. И, казалось бы, сейчас самое время проснуться драконьей кровью. Но... всё пошло не так. Нет, желание близости с драконом проснулось сразу, но его перекрыло другое чувство — жажда крови Ферокса. Я видела вену на шее мужчины... я, чуть ли не физически, ощущала, как кровяной поток бежит по ней... Я так хотела вцепиться в шею своего супруга! Вцепиться так, чтобы кровь залила мой рот! Наверное, теперь я могла, в полной мере, ощутить то, что ощущал Рейф. Дикое, буквально пожирающее изнутри, желание... пересохшее горло... голова, как будто, в тумане... жажда, которую может утолить только кровь Ферокса... Выбирая сейчас между желанием секса и желанием крови... я бы, без всякого сомнения, выбрала кровь.

— Ферокс... Ферокс, пожалуйста... Твоя кровь... дай мне её! — моя жажда была так сильна, что я была готова умолять.

— Кровь? Неужели котёнок стал зависим от крови? — дракон прищурил глаза.

— Я... не знаю... не знаю, но... — наверное, со стороны я сейчас выглядела, как безумная. — Помоги мне! Прощу!

На пару секунд мужчина замер, словно раздумывая. На короткий и жуткий миг мне показалось, что он сейчас откажет мне. Но Ферокс, вдруг, в одно движение, убрал расстояние между нами. Запах его кожи... его жар... в этот раз всё это будило жажду крови, полностью перебивая желание соития с драконом. Капли тёмной крови на запястье... Я, с готовностью, припала губами к руке мужчины. Глоток... ещё один... Сила повелителя драконов побежала по венам, приводя в восторг. И мне всё было мало, мало, мало!..

— Извини, котёнок, но большее количество крови может тебе навредить, — дракон, буквально, отцепил меня от своей руки.

Сказать, что я была недовольна — это ничего не сказать. Мне казалось, что у меня забрали самое ценное, что у меня было.

— Госпожа Милена, — Драйк, вошедший в библиотеку, отвлек меня. — Скоро в Пандемониуме состоится Совет. Вам надо идти.

Эти слова меня отрезвили — я пришла в себя.

— Иди, котёнок, — сказал Ферокс. — Просвещаться продолжим в следующий раз.

Я кивнула и пошла за Драйком.

«И всё же... что со мной творится? Почему я так хочу крови Ферокса? Это — ненормально!».

На Совете сегодня должен был решаться только один вопрос — покровительство Дуалона. По сути, здесь от меня, вообще, ничего не зависело. Я была сегодня, практически, в качестве зрителя. Если, конечно, как в прошлый раз, не скажу что-нибудь не к месту. А этого я делать, точно, не собиралась.

Когда все уже расселись по своим местам (похоже, место между Аббадоном и Асмодеем закрепилось за мной навечно), дверь в зал отворилась и, к моему удивлению, зашёл Самаэль.

«Почему он здесь? Он же изгнанник! Он подвергает себя опасности! Ему запрещено появляться в мире демонов! Что уж тут говорить о Совете!» — может, и глупо, но я испугалась за Самаэля.

А Самаэль, тем временем, склонился перед Люцифером:

— Да падёт Тьма на ваших врагов и да будут ангелы ползать у ваших ног.

— Да услышит Тьма твои слова, — ответил ему владыка Ада, а затем, продолжил. — Всем, собравшимся здесь, заявляю, что, с этого момента, ангел смерти — Самаэль — больше не изгнанник. Также, ему возвращается место в Совете Преисподней.

Ни возгласов, ни шума... Кажется, произошедшее никого даже не удивило. Словно, это было ожидаемо. А, может, так и есть? Вряд ли, кто-то всерьёз считал, что ангел смерти проведёт в изгнании весь остаток вечности. По крайней мере, для меня это было более, чем хорошо. Теперь, и в мире демонов, Самаэль мог быть рядом со мной.

Далее, последовало обсуждение Дуалона. Мне самой, по большому счёту, было всё равно. Повлиять я на это никак не могла, да и не хотела. Я была, почти, уверена, что покровителем моей родины станет тот, кого предложит Вельзевул. Тем более, с поддержкой Аббадона. Правда, смысл — предлагать кого-то — был мне не совсем понятен.

«В чём выгода для Вельзевула, чтобы покровителем Дуалона стал именно тот, кого он хочет? Вряд ли демоны обладают чувством благодарности. Даже в отношении второго лица Преисподней, после Люцифера. Или, что скорее всего, я чего-то не знаю. Надо будет потом поинтересоваться этим вопросом. Не просто же так Вельзевулу даже Аббадон понадобился. Без выгоды для себя, ни один Верховный демон не будет прибегать к помощи другого. Значит, причина должна быть веская».

Мои размышления прервал голос Вельзевула, который озвучил имя того, кого он хотел видеть в Дуалоне:

— Предлагаю демона войны — Абигора.

— Считаешь, что эта страна слишком долго жила в мире? — этот вопрос был задан Лилит.

— Именно, — не стал отрицать Вельзевул. — Сто лет без войн... Не слишком ли для Дуалона?

Очень хотелось спросить, какая разница для заместителя Люцифера — живёт страна в

мире или нет. Но, сейчас было не слишком подходящее время для вопросов. Тем более, что ответ я получила. От Аббадона:

— Поддерживаю Вельзевула. Люди Дуалона давно забыли, что значит не знать — будут они живы завтра или нет. Мало страданий, мало мучений. А на войне люди идут на такие поступки, от которых, в мирное время, у них волосы встают дыбом. Столько душ марает себя смертными грехами. И столько людей готовы с нами подписать договоры. Я считаю, что война — это лучшее, что мы можем подарить людям. И уж кому, как не Абигору, донести до людей наш скромный презент?

Да, война давала демоном то, что им так нравилось — боль, страдания, горе, безысходность... И душ, обречённых, после смерти, попасть в Ад, становилось огромное количество. Как ни крути, война для демонов была прекрасна и давала многое.

— Я согласен стать покровителем Дуалона, — произнёс Абигор, встал со своего места, посмотрел прямо мне в глаза (наши места были напротив) и сказал. — Я устрою в этой стране такую бойню, какую в мире людей ещё не видели. Я утоплю Дуалон в крови его жителей. Я заставлю их воевать друг с другом. Чтобы родители убивали своих детей, мужья — жён, а братья — сестёр. Самая безжалостная война — гражданская.

«Это — его месть, — догадалась я. — Он говорит всё это не собравшимся здесь, а именно мне. Это — месть за Лави и Николь. Месть за разочарование Верховного демона. Цена злости Великого герцога — целая страна в руинах. Только вот... ошибся ты, Абигор. Мне уже нет никакого дела до Дуалона. Чтобы там не происходило... меня это уже не волнует».

— Повелитель, — тем временем, обратился демон войны к Люциферу. — Если меня назначат покровителем Дуалона, я хотел бы, на какое-то время, взять в эту страну свою подопечную, если позволите. Думаю, Милене Кавэлли будет интересно посмотреть на мою работу в её родной стране, — он усмехнулся, заметив мой страх.

Только, испугалась я, вовсе, не того, о чём подумал Абигор. Я знала, что в Дуалоне меня ждёт смерть. Из-за использования запретного заклинания, воздух человеческого мира был для меня ядом. Скорее всего, моё состояние быстро заметят и спасут, но... сразу станет понятно, что я использовала серьёзную запретную магию. А это породит слишком много вопросов, отвечать на которые мне нельзя.

— Я возражаю против этого, повелитель, — спокойным тоном, сказал Вельзевул. — Милене Кавэлли нечего делать в Дуалоне. Кроме того, повелитель драконов может быть против.

«Вельзевул знает о заклинании, которое я использовала. Он знает, что ждёт меня в Дуалоне. В своём роде, он меня защищает. Не думаю, конечно, что ради меня самой. Ведь, именно он дал мне информацию о ритуале очищения крови. Соответственно, косвенно тоже в этом замешан. И ему тоже не нужно, чтобы это стало кому-то известно».

— А вот я бы посмотрел на прогулку Милены по развалинам полыхающего стонущего Дуалона, — в этом вопросе Аббадон был на стороне Абигора, ведь, Вельзевула он обещал поддержать только в кандидатуре покровителя. — Я даже могу составить ей компанию.

— А я считаю это скучным занятием, — видимо, Асмодея развалины, несколько, не привлекали. — И Вельзевул прав. Вряд ли, драконы согласятся, чтобы жена повелителя шлялась по миру людей.

Остальные демоны, по этому вопросу, решили остаться в стороне. Получалось, что двое против двух. И последнее слово было за Люцифером.

— Что ты сама на это скажешь, Милена? — спросил меня владыка Ада.

— Если мой покровитель хочет, чтобы я отправилась с ним в Дуалон, то возражений у меня нет, — ответила я, хотя, сказать мне хотелось совсем другое. — Но... повелитель, как и сказали господин Вельзевул и господин Асмодей, мой супруг и аристократия драконов могут быть против этого. Поэтому... пока у меня нет разрешения от моего мужа, я не могу поклясться, что отправлюсь в Дуалон.

— Хорошо. Значит, Абигор, если Милена так сильно нужна тебе в человеческом мире, получай разрешение повелителя драконов. Если его не будет, то мир людей для Милены Кавэлли закрыт, — вынес решение Люцифер.

«Остаётся только надеяться, что Ферокс не разрешит, — подумала я. — Он же плохо относится к людям. Он даже запретил мне говорить на человеческом языке с моими будущими детьми. Значит, он не захочет, чтобы я, как-то, касалась расы, которая так дракону отвратительна».

Когда я подумала о Фероксе, я поймала себя на странной мысли... Что я очень хочу к нему. Хочу, чтобы он был рядом. Крови сейчас так уж сильно не хотелось (хотя, и эта жажда была), а вот присутствие дракона казалось жизненно необходимым. Всё это было очень странно... А кандидатуру Абигора, тем временем, утвердили. Возражений ни у кого не оказалось. И на этом Совет завершился. Я хотела, тут же, уйти, когда ко мне подошёл Абигор:

— Сегодня тебе повезло, Милена. Но, я думаю, мне удастся уговорить твоего супруга, и ты увидишь весь ужас, который я сотворю с твоей страной.

— Дуалон давно не моя страна, — покачала я головой. — И...

В этот миг что-то произошло. Когда Абигор приблизился ко мне... я почувствовала жар. Сначала, почти незаметный, словно, дуновение горячего ветра в летний день. Тепло окутало меня, согревая. Стало приятно и уютно. Я, как будто, очутилась в доме с большой печью, а за окном воеет метель. Но, приятные ощущения длились не долго. Вокруг меня стал образовываться огненный смерч чёрного пламени. Спокойный, небольшой, но... стоило демону войны шагнуть ко мне... Огонь взвился, чуть ли, не до потолка! Дикий, необузданный, злой! Больше не было ощущения тепла и уюта. Теперь, мне казалось, что рядом со мной дикий зверь, который скалит свои зубы. Пусть и не на меня. Языки чёрного пламени лизали мою кожу, но... вреда ей никакого не причиняли. Для меня огонь оставался, совершенно, безобиден. А вот для Абигора... Я не могла видеть, что происходит вокруг меня. Я видела только стену пламени. Я могла, лишь, слышать... слышать, как злобно ругается демон войны. Судя по всему, он не мог ко мне приблизиться. Мне стало дико страшно. Я не понимала, что происходит. Я попыталась сделать, хотя бы, пару шагов, но у меня не получилось. Пламя меня не обжигало, но и не отпускало. Я оказалась, словно, в клетке из огня, откуда не было выхода. Я начала паниковать. Но, прошло какое-то время и... пламя начало стихать, гаснуть. Медленно, но, по крайней мере, я теперь могла выбраться из этой огненной ловушки.

Я увидела окружающую меня обстановку. У демона войны, в нескольких местах, была прожжена одежда. На лицах демонах читалось удивление. Похоже, никто из присутствующих, как и я, не понимал, что это, только что, было. Не были удивлены только Люцифер и Лилит. Последняя стояла рядом со мной и улыбалась.

— Что... это было? — первая нарушила я образовавшуюся тишину.

— Для Абигора, ничего хорошего, — ответила Лилит. — Так как, в мир людей ты, если

и попадёшь, то очень не скоро. Думаю, твой муженёк тебя теперь даже из мира драконов, вряд ли, выпустит.

— Почему это?

— Потому, что повелитель драконов не допустит даже малейшей возможности, чтобы с тобой или с ним что-то случилось, — сказала женщина, коснувшись меня. — Надо же... меня подпускает. Избирательный какой!

— Ты о чём, Лилит? — понимание ситуации никак не хотело приходить мне в голову.

— Идём, — вместо ответа, демонесса потянула меня за руку, выводя из зала.

Но, перед тем как дверь в зал Совета закрылась, я услышала слова повелителя Преисподней:

— Забудь о своей идее, Абигор. Ферокс, наконец, получил то, что хотел.

Глава 52.

Лилит отвела меня в мой город — Зиграден.

— Объяснишь мне, что, всё-таки, происходит? Ты и Люцифер, ведь, поняли в чём дело. Не так ли? — события, причину которых я не знала, меня нервировали — неизвестность была хуже всего возможного.

— А ты сама ещё не догадалась? А говорят, что матери всё понимают, практически, сразу.

— Какие матери? — я не понимала — куда клонит демонесса.

— Самые обыкновенные. Которые, в скором будущем, ждут ребёнка.

— Но... Я же...

— Что? Не спала со своим муженьком? Тебе же не надо рассказывать, Милена, от чего дети появляются? — с усмешкой посмотрела на меня женщина.

— Нет, не надо, — покачала я головой. — Я в курсе. И, всё же... с чего такая уверенность? Тот огонь...

— Это был огонь чёрного бога-дракона. Того, который растёт в тебе. Таким способом он защищает тебя и себя — никого не подпускает. Думаю, у тебя будет сын, так как агрессивно он относится именно к мужчинам. Вполне возможно, что пока ребёнок не родится, кроме его папаши, подойти к тебе никто не сможет.

Последнее меня даже несколько порадовало. А вот всё остальное... Да, я знала, что, рано или поздно, это случится. Но, всё равно, для меня это стало слишком неожиданным. Слишком быстро. Слишком быстро после того, как я потеряла своего первенца. Поэтому, всё это вызвало у меня довольно смешанные чувства. Радость... Наверное, она тоже была. Радость от того, что у меня, кроме Самаэля, появится ещё одно, дорогое мне, существо. Которое не станет моей слабостью. А, возможно, наоборот, станет силой.

— Лилит, а беременность может быть связана с тем, что, в последнее время я, очень сильно, хочу крови Ферокса? Ведь, до недавнего времени, ничего подобного не было.

— Возможно, — взгляд Лилит стал каким-то излишне внимательным. — Но, если это так, то это не очень хорошая новость для тебя.

— Почему? — напряглась я.

— Если ребёнку требуется магия и сила крови его отца, значит, твоё тело не справляется само. Для тебя... для твоего полу человеческого тела... маленький дракон слишком силён. Поэтому, ребёнок сам ищет поддержку извне.

— И он стремится быть рядом с отцом, верно? — вспомнила я своё недавнее желание оказаться с повелителем мира драконов.

— Да. И он может передавать тебе своё желание. Только... если он так настойчиво это делает... Это может означать, что дело совсем плохо и твоё тело на пределе. Пусть и сама ты этого не понимаешь, — взгляд Верховной демонессы стал, неподдельно, встревоженным. — Тебе нужно в мир драконов, Милена. Причём, незамедлительно.

— И надолго?

— Скорее всего, до конца беременности.

— Это невозможно, — отрезала я. — Я не могу оставить Зиграден на столь длительный

срок.

— Можешь и оставишь. Ты не о том думаешь, Милена. Городом можно управлять и на расстоянии — ничего с ним за девять месяцев не случится без твоего личного присутствия.

Я хотела возразить Верховной демонессе. Ведь, чувствовала я себя, если не считать жажды крови и самого Ферокса, просто прекрасно. Но, как только я начала говорить... перед глазами, неожиданно, всё поплыло. Мир качнулся и я почувствовала, что падаю. На какую-то долю секунды в глазах стало совсем темно, словно, я теряла сознание. А затем... мне стало так невыносимо больно, что от ощущения этой боли я не могла даже встать на ноги. Хотелось просто сжаться в позе эмбриона, и чтобы меня никто не трогал. Моё тело, как будто, охватил огонь. Жаркий, обжигающий... Совсем не такой, какой защищал меня в зале Совета. Я, словно, горела в невидимой печи. Больно... Страшно... Невыносимо... Я попыталась найти взглядом Лилит, но не вышло. Перед глазами был туман — я видела только очертания предметов.

— Лилит... — с трудом произнесла я — сил у меня, почти, не было. — Лилит... помоги мне.

Но, демонесса мне не ответила. Попытка встать окончилась неудачей. Я не смогла даже приподнять своё обессиленное тело. А в следующую секунду его, снова, скрутила боль. Беспомощность... Невозможность позвать на помощь... Я чувствовала себя в безвыходной ситуации. И, в этот же момент, материализовалось чёрное пламя. Но, опять же, оно больше меня не защищало. Оно сжигало... уничтожало... Вся комната, в которой я находилась, была охвачена всепожирающим огнём. И я находилась в самом эпицентре.

У меня возникла страшная мысль: «Неужели, я так здесь и умру? Сгорю заживо в пламени собственного ребёнка?».

Когда мне уже стало казаться, что это — конец... Что пламя поглотит меня... Я увидела кого-то рядом с собой. Сначала, я не смогла разглядеть, кто это. Туман не рассеивался. Я видела только очертания фигуры. Но, потом и я смогла понять, что это — Ферокс. Поняла я это по той причине, что смотря на эту размытую фигуру, я ощутила радость и желание прижаться к ней. Это была радость воссоединения. Воссоединения с отцом. Не моя радость, пусть и передавшаяся мне.

Я протянула к дракону руки:

— Ферокс... пожалуйста, заberi нас отсюда! Если ты этого не сделаешь... я не справлюсь! Не смогу... потеряю то, что мне так дорого!

— Тише, котёнок, тише, — дракон бережно поднял меня с пола. — Всё с тобой будет хорошо. И с тобой и с нашим сыном.

Как только я оказалась в его руках, боль ушла. Окружающие меня предметы приобрели, наконец, чёткие очертания. Чёрное бушующее пламя погасло, оставив после себя, почти полностью выгоревшее, помещение.

Я, всё равно, чувствовала себя обессиленной. Я понимала, что даже при всём желании, я не в состоянии сейчас передвигаться сама. А в слова Ферокса... я поверила. Я перестала бояться, и отчаяние покинуло меня. Я поверила, что пока этот мужчина рядом, и со мной и с ребёнком всё будет хорошо. Или это была вера моего ребёнка? Но, даже если и так, это уже не имело значения.

— Я хочу в мир драконов, — сказала я — у меня было чувство, что этот мир мне жизненно необходим.

— Госпожа Милена, что с вами?! Что здесь произошло?! Я не мог попасть к вам!

Это бы мой слуга — Драйк. Вид у него был несколько потрепанный. Сгоревшая одежда... волосы... Видимо, огонь моего сына мог ранить даже демона. Хотя, об этом я могла догадаться ещё на Совете, когда ко мне не смог приблизиться даже демон войны.

— С твоей госпожой всё в порядке, — вместо меня, ответил Ферокс. — Но, в ближайшее время, чтобы это так и оставалось, в мир демонов она не вернётся.

— Госпожа... — видимо, слуга, хотел услышать подтверждения этих слов именно от меня.

— Всё хорошо, Драйк, — произнесла я. — Кажется, я, действительно, не скоро вернусь. Так что, будешь приходить ко мне в мир драконов. И Лекса с Рейфом туда отправь. Ты же не против, Ферокс?

— Нет. Если тебе нужен твой зверинец, то так тому и быть.

Я услышала, совсем рядом, жалобный скулёж. Повернув голову, я увидела Ренэтуса. Шерсть щенка была опалена в нескольких местах, на груди был ожог. Похоже, он, всеми силами, как и Драйк, пытался прорваться ко мне через огонь, чувствуя, что я в опасности. Сейчас, раненый, он подошёл ко мне, преданно глядя в глаза. А я... я смотрела на него и чувствовала, что, в данный момент, мне нет до него никакого дела. На его раны, на его боль... Лишь Ферокс... лишь он имел сейчас для меня значение. Но, тем не менее, я сказала Драйку:

— Позаботься о нём и вылечи его раны.

— Как прикажете, госпожа.

Адская гончая, словно, почувствовала, что я сейчас уйду и оставлю её здесь. Да, Ренэтус мог путешествовать между мирами, но, похоже, ему, всё же, хотелось, чтобы я сама взяла его с собой. Он попытался подойти ещё ближе, но... Возникшее чёрное пламя заставило его отшатнуться. Это меня удивило. Ведь, Лилит говорила, что мой ребёнок агрессивно относится к мужчинам. Ренэтус же, вообще, был животным. Значит, такой реакции не должно было быть. Или значение имело только половая принадлежность?

— Ферокс, почему такая реакция на Ренэтуса? — решила я спросить того, кто, наверняка, должен знать о происходящем больше всех.

— Может быть, нашему сыну не нравятся адские гончие? Не забивай себе этим голову, котёнок.

А я уже об этом и не думала. Ренэтуса Драйк забрал, а я, окончательно, успокоилась. Тот, кто был мне нужен, рядом. И мой ребёнок — тоже.

В мире драконов Ферокс напоил меня своей кровью. А потом, не отпускал меня от себя ни на шаг. Но, я и не желала быть вдали от него. Я только хотела его. Всего. Его крови, его тела, его присутствия. Больше я не хотела никого и ничего. А когда пришли Лекс и Рейф, чёрное пламя не дало им приблизиться.

— Похоже, что в ближайшее время, Рейф, кровь тебе придётся сцеживать в баночку, — «обрадовала» я своего ерата.

— Это будут самые сложные девять месяцев в моей жизни! — пришёл к печальному для себя заключению Рейф.

Как оказалось, ко мне мог подходить Блэк. Причём, в любом облике. Наверное, маленький ревнивец, растущий во мне, не видел в нём угрозы. Хотя, я и не понимала, почему тогда он так отнёсся к Ренэтусу.

Мой эррильзар... Самаэль... подойти не смог.

— Прости, Самаэль. Я знаю, что будет сложно всё это время. Без прикосновений, без

всего... — я, виновато, посмотрела на него.

— За что ты извиняешься? — снова эта улыбка ангела смерти, которую видела только я. — Главное, чтобы с тобой всё было в порядке.

А потом, во сне, я увидела Дайону:

— Здравствуй, Кэтэрина.

— Не называй меня так.

— Почему? Ты же вспомнила свою прошлую жизнь. Разве, нет?

— Да, вспомнила. Но... прошлая жизнь — это прошлая жизнь. В этой, меня зовут Милена.

— Как скажешь, — не стала спорить Дайона. — Тебя можно поздравить, Милена?

— С чем?

— С наследником, конечно. Ведь, с этого момента, твоя жизнь изменится. А когда ребёнок родится... он может стать прекрасным рычагом воздействия и оружием в твоих руках. Я ещё не скоро смогу вернуть свою сестру. И тебе, до того момента, надо жить своими силами.

Я, лишь, усмехнулась. Использовать своего ребёнка? Может, я и буду это делать — нет смысла отрицать столь возможный вариант развития событий. Но, сейчас думать об этом не хотелось. И разговаривать с Дайоной об этом — тоже. Тем более что я прекрасно понимала, что моя собственная жизнь её не сильно волнует.

— У меня есть к тебе несколько вопросов, — произнесла я. — Если моя мать — Адалисса — была той, кто сотворил нынешний мир демонов, то... кто тогда ты? Я никогда об этом не задумывалась, но... Дайона означает «богиня», не так ли? Ты одна из древних богов?

— Можно сказать и так, — склонил голову белый дракон в знак согласия. — Мы с Адалиссой сёстры. Только, несмотря на это, полные противоположности друг друга. Её называли Чёрной богиней, меня — Белой. Если моя сестра была матерью демонов, то я была матерью для ангелов.

Её слова меня, почти, не удивили. Что-то вроде этого я и ожидала услышать.

— Получается, что ты была настоящей матерью Люцифера и Аббадона... Почему, если вы сёстры, Адалисса сделала твоих детей своими? Дала власть Люциферу, соблазнила Аббадона и остальных... И если вы с ней были, настолько, могущественны, то что произошло? Почему мою мать удалось заставить уснуть, а ты можешь являться, лишь, во сне?

— Ты задаёшь слишком много вопросов, которые тебя, вовсе, не касаются. Слишком долго отвечать на них и эти ответы тебе ничего не дадут.

— А ты имеешь какое-либо отношение к белым драконам, чей облик ты используешь?

— Относительное, — уклончиво ответила Дайона.

— Ты говорила, что Адалисса живёт во мне. Если это так... Самаэль же не мог этого не знать? Но, когда я спрашивала его о том, как он вернул меня к жизни, он и словом не обмолвился о сущности моей матери в этом теле.

— Ангелу смерти не нужна моя сестра. Ему не нужно её возвращение.

— Значит, Самаэль мне что-то недосказал... Ладно, опустим это. Что произойдёт, когда вернётся моя мать? Что ты собираешься делать потом?

— Мы отомстим всем тем, кто виноват в том, что с нами случилось. И я помогу отомстить тебе. Ты же хочешь этого? Хочешь отомстить тем, кто виноват в твоей нынешней

жизни? Люцифер, Аббадон, Асмодей... Я обещаю тебе, что все они будут в твоей власти. И уже ты будешь казнить и миловать.

Хотела ли я теперь мести? У меня не было ответа на этот вопрос. Поступки демонов в отношении меня... Они поступали так, как велела им их природа. Природа, которую заложила в них наша общая мать — Адалисса. Мстить за это? Возможно, если у меня появится шанс, я, с радостью, это сделаю. А пока... не знаю. Единственный, кого я, без всяких сомнений, хотела уничтожить — это Аббадон. За все те чувства, что я испытывала к нему... Ненависть, любовь, обожание... Столь противоречивые, что невозможно жить с ними в мире и гармонии. Единственное освобождение от них — убить их источник. А без помощи Адалиссы или Дайоны, мне этого не добиться.

— Вижу, ты, как и я, жаждешь мести, — не совсем верно поняла меня Белая богиня. — Но, сможешь ли ты, ради неё, убить того, кто связан ещё с твоей старой жизнью? Сможешь ли ты, при необходимости, убить того, кого люди называют Каином?

— Лекса? А при чём здесь он?

— Ты не ответила, Милена.

— Мне плевать, по большому счёту. Если ради достижения цели мне надо убить Мейснера, то... проблемы в этом не будет.

Я ответила, абсолютно, честно. Меня не волновала судьба Лекса. Я никогда не испытывала к нему тёплых чувств. Даже будучи Миленой Бэлоу. Да, он всё время был рядом со мной. Он мне помогал в каких-то моментах, но... Если выбирать между шансом убить Аббадона и его жизнью... мне не составит труда выбрать правильный вариант.

— Хорошо, Милена. Тогда... до встречи.

Я проснулась в мире драконов. Была ночь. Ферокс был рядом — спал. Это в первый раз, когда мы спим с ним в одной постели. Не считая того случая, когда он бы с Люцифером. Тогда же, я в первый и в последний раз, до этого дня, видела повелителя драконов спящим. Но, спал ли он тогда? И спит ли сейчас? Я не знала.

Эйфория... Та радость, которую я ощутила, когда Ферокс появился в Зиградене, прошла. Похоже, ребёнок насытился кровью и силой своего отца и, если можно так сказать, спал. Не влиял на меня сейчас своими желаниями.

«Интересно, если я захочу, когда-нибудь, убить твоего отца... Ты попытаешься меня остановить? — мысленно обратилась я к своему ребёнку. — Да. Наверное, да. Это для меня он стал когда-то, чуть ли, не воплощением ночного кошмара. А для тебя, он будет любящим папой. А вот, как к тебе отнесётся моя вторая личность? Личность демона? Надеюсь, что хорошо. Ведь, Ферокса она обожает, а ты — часть него».

Я вышла на балкон. Именно здесь я когда-то хотела оборвать свою жизнь. Посмотрела на небо... Всё-таки, это небо было таким же, как в мире людей. Конечно, не как в городе, а как где-нибудь глубоко в горах, подальше от людей и их неоновых и электрических ламп. Чистое небо, с россыпью звёзд. Небо, некогда, чужого для меня мира. Рождение ребёнка привяжет меня к нему. Я это знала. Мир драконов станет частью меня с момента, когда родится наследник Ферокса.

«С тех пор, как Ферокс узнал о моей беременности, он, чуть ли, не пылинки с меня сдувает. А что будет потом? — размышляла я. — Изменится ли его отношение после? Хм... Думаю, это, целиком и полностью, зависит от меня. Я совершила так много ошибок... Столь множество, что хватит на несколько жизней вперёд. И многие из них приводили к смертям.

Моё поведение, мои поступки, моё неповиновение... Всё это привело ко множеству ужасных последствий. Недальновидность, глупость, упрямство, вспыльчивость... Всё это дорого мне обошлось. Я, на собственном опыте, узнала, что такое пытки, насилие... И, ведь, что-то из этого я легко могла бы избежать, если бы, изначально, вела себя по другому. Но... сейчас уже нет смысла об этом рассуждать. Надо просто теперь научиться на собственных ошибках и больше их не повторять».

— Повелитель... — спальню зашёл слуга.

Один взмах косы, материализовавшейся в моих руках, и слуга-дракон мёртв.

— Ты слишком шумный, — тихо произнесла я, смотря на то, как тело дракона обращается в пыль. — Ты мог помешать сну моего супруга.

Да, я сейчас не была под влиянием личности демона. Но... чьи-то жизни теперь мало, что значили. Тем более, жизни тех, кто мог доставить дискомфорт. И теперь я была уверена, что научусь жить в гармонии со своей второй личностью. Я приручу этого демона. И я, также, приручу своего супруга. И сама тоже... приручусь.

— Очень кардинальные меры, котёнок. Тебе не кажется? — спросил Ферокс, открыв глаза.

— Если бы я знала, что ты не спишь, я бы не стала его убивать. Ты жалеешь его?

— Нет. И я думаю, что тебе прекрасно известен мой ответ, — дракон встал с постели и подошёл ко мне, обняв за талию. — А ты жалеешь, котёнок, что попала в этот мир из своего — человеческого?

— Сначала, жалела. А сейчас... не могу сказать. Мои эмоции изменились и я сама — тоже. Но... даже если бы я и жалела... ты бы, всё равно, меня не отпустил.

— Верно, котёнок. С этого дня тебе, уж точно, никогда не покинуть меня.

Раздались громкие хлопки. Я посмотрела на небо. Это были фейерверки. Я услышала музыку, шум...

— Что это? Какой-то праздник?

— В наш народ, всё-таки, просочилась новость о твоей беременности. Несмотря на то, что об этом будет объявлено завтра, празднуют уже сегодня.

Цвет одного фейерверка был сине-зелёным. Я, невольно, вспомнила бабочку, которой была когда-то.

«Интересно, как сложилась бы история, если бы бабочка, полюбившая смерть, никогда не стала бы человеком? — подумала я. — Что было бы, если бы её жизнь, как и у всех бабочек, закончилась через несколько дней?».

— Котёнок, пошли в постель? — шепнул мне на ухо чёрный дракон.

Сейчас не было эйфории и радости, которую давал мне ребёнок. Но, пойти с Фероксом хотела я сама. Да, я его не простила. Я, всё ещё, не могла с уверенностью сказать, что, когда-нибудь, смогу относиться к нему лучше, чем сейчас. Но, пусть меня проклянут все моралисты вместе взятые...

— Да, пошли, — улыбнулась я своему супругу.

Я решила, что этот мужчина будет моим. Ради своих целей, ради своих желаний... я сделаю всё возможное.

Аббадон злился. Он понимал, что из-за драконьего наследника, его любимая игрушка вернётся к нему ещё очень не скоро. Это не могло не выводить из себя. Ещё и возвращение ангела смерти... Демон бездны дураком, конечно, не был и прекрасно знал, что Самаэля,

рано или поздно, вернут из изгнания. Однако радости ему это не доставило. К тому же... Демоны никогда не дружат между собой. Друзей среди них не сыщешь. Но, и такую лютую ненависть между двумя Верховными демонами встретишь не часто. А Аббадон с Самаэлем именно ненавидели друг друга. Ненавидели с того самого момента, как появилась Кэтэрина.

«Но, неужели Милена никак не может быть связана с той глупой бабочкой? — размышлял демон. — Самаэль любит её... Он так просто предал память Кэтэрины? Не думаю. Демоны никого не любят. Но если, каким-то невообразимым чудом, и полюбили, то... после этого, полюбить кого-то ещё? Сильно в этом сомневаюсь».

Эта история не давала ему покоя. Он чувствовал, что здесь что-то не то. Кроме того, он знал, что сущность Адалиссы жила в Милене. Слишком много совпадений. Хотя, Аббадону и не было известно, почему Адалисса, в конце концов, исчезла и почему новоявленная правительница Зиградена о ней забыла. Спросить саму Милену было невозможно. Приказ повелителя — никогда не упоминать Чёрную богиню в разговорах с Миленой — демон бездны нарушить не мог.

«Похоже, что об Адалиссе придётся забыть. По крайней мере, на какое-то время. Но, если у меня появиться хоть малейший шанс... я верну её. И тогда... она ответит передо мной за всё».

— Я, ведь, изменил судьбы своего мира, не так ли? — этот вопрос Люцифер задал той самой слепой ясновидящей, которая рассказала ему об Адалиссе. — Чёрная богиня больше не вернётся и ничего не изменится?

— Судьбу сложно изменить, — покачала головой женщина. — Почти невозможно. И пока, то я вижу... то, что я предсказала... исполнится. Ещё не скоро, но это время придёт.

— Ты хочешь сказать, что Адалисса, каким-то образом, может проснуться? Ты же мне говорила, что заставить её уснуть — это единственный шанс! Чтобы Милена, навсегда, о ней забыла! А что теперь?!

— Ты всё сделал правильно, Люцифер, но... Возможность, что её разбудят, осталась.

— Кто это может сделать?

— Не знаю. Но, в твоей власти сейчас находится ключ от врат бездны. Возможно, с помощью него, что-то можно будет сделать.

— Ключ от врат? Это всего лишь, легенда! — резко ответил владыка Ада. — Мне не нужны сказки! Мне нужен выход из положения!

— Я тебе уже всё сказала. Этот ключ состоит из двух частей. Одна — свет, рождённый тьмой. Вторая — тьма, рождённая светом. Тот, кто владеет этими частями, владеет вратами бездны. Тебе остаётся, лишь, найти их. А они прямо у тебя перед носом.

Люцифер, молча, ушёл. Ясновидящая же произнесла в тишине своей комнаты:

— Всё, что ты делаешь, Люцифер... Всё это — бесполезно. Зря ты мне веришь во всё! Я говорю тебе, лишь то, что позволено. Всё равно... Демоны и ангелы станут, всего лишь, пешками в руках древних богов.

Небеса. Эдем. Обитель ангелов. Место, куда мечтают попасть праведники после своей смерти. Оно, действительно, выглядит великолепно. Райский сад... дворцы высших ангельских чинов... Любой, попавший сюда, будет в восторге от представшей красоты.

В одном из дворцов, перед зеркалом сидел шестикрылый ангел. В зеркале отражался мир драконов, а именно спальня повелителя. Ангел смотрел на Милену Кавэлли и улыбался:

— Интересно, что произойдёт, когда мы встретимся, Милена? А мы точно встретимся, я уверен. Ведь, это — наша судьба. Судьба, которую не изменить. И она приведёт к гибели одного из нас. Как думаешь — кого? Лично я, сделаю всё возможное, чтобы проигравшей стороной оказалась ты — Милена Кавэлли.

Мир драконов исчез, и теперь в зеркале было, лишь, отражение ангела. Его лицо... Если бы у Милены был брат-близнец, то выглядел бы он точно также...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тикают шестеренки,
Время надежду плавит,
Вчера — ты еще девчонка,
Завтра — ты будешь править.

Ты будешь сидеть на троне,
Вещая чужие приказы -
Послушная кукла в короне,
Одетая в бархат и стразы.

Ни кто не спросил «ты хочешь?»,
Ни кто не подумал «сможешь?».
Бессильная злость клокочет,
Беспомощность сердце гложет.

И старая жизнь в осколки
Разбита жестокой волей.
Осталась одна девчонка,
Одна — среди крови и боли.

Одна — среди тех, кто сильнее,
Одна — без любви и поддержки...
Тебе нужно стать смелее,
Нельзя быть такой как прежде.

Чтоб выжить в жестоком мире,
Судьбой, что тебе навязали,
Ты станешь чужой рабыней,
Но будешь прочнее стали.

Согнут, но сломать не смогут.
Девчонка усвоит законы -
Со слабыми быть жестокой,
А с сильными быть покорной.

Безвольною куклой не стала,
И правишь своею рукою,

И тот, кто не верил сначала,
Колени согнул пред тобою.

И пусть этой власти мало -
Оковы сжимают шею,
Но девочка зло и упрямо
Твердит: «они все пожалеют!»